

АЛЕКСАНДР ДЮМА

ТРИ

МУШКЕТЕРА

Александр Дюма

Три мушкетера

«Public Domain»

Дюма А.

Три мушкетера / А. Дюма — «Public Domain»,

Перед вами знаменитейшая история всех времен – приключенческий роман Александра Дюма-отца «Три мушкетера» об эпохе правления Людовика XIII. Это бессмертное произведение настолько полюбилось читателям всего мира, что было экранизировано более ста раз! Юный пылкий гасконец д'Артаньян и его верные друзья-мушкетеры Атос, Портос и Арамис стали символом смелости, верности и дружбы, а их девиз «Один за всех, и все за одного» – стал крылатым выражением.

Содержание

Часть первая	6
I. Три подарка д'Артаньяна-отца	6
II. Передняя де-Тревиля	14
III. Аудиенция	20
IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса	26
V. Королевские мушкетеры и гвардейцы кардинала	31
VI. Король Людовик XIII	37
VII. Домашняя жизнь мушкетеров	48
VIII. Придворная интрига	53
IX. Д'Артаньян	58
X. Мышеловка в 17-м веке	63
XI. Интрига завязывается	69
XII. Георг Вилие. Герцог Бокингем	79
XIII. Бонасиё	84
XIV. Менгский знакомец	89
XV. Приказные и военные	95
XVI. Канцлер Сегие	100
Часть вторая	106
I. Семейство Бонасиё	106
II. Любовник и муж	114
III. План путешествия	119
IV. Путешествие	124
V. Графиня Винтер	131
VI. Балет Мерзелон	137
VII. Свидание	141
VIII. Павильон	147
IX. Портос	153
X. Диссертация Арамиса	164
XI. Жена Атоса	170
XII. Возвращение	181
XIII. Охота за экипировкой	189
XIV. Миледи	194
Часть третья	198
I. Англичане и французы	198
II. Обед у прокурора	203
III. Субретка и госпожа	208
IV. Экипировка Арамиса и Портоса	214
V. Ночью все кошки черны	219
VI. План мщения	224
VII. Тайна миледи	229
VIII. Как Атос экипировался без всякого труда	233
IX. Видение	239
X. Ужасное видение	244
XI. Осада Ла-Рошели	249
XII. Анжуйское вино	256
XIII. Гостиница «Красная голубятня»	261

XIV. О пользе печных труб	266
XV. Супружеская сцена	271
XVI. Бастион Сен-Жерве	275
XVII. Совет мушкетеров	279
XVIII. Семейное дело	289
Часть четвертая	297
I. Судьба	297
II. Разговор брата с сестрой	302
III. Офицер	306
IV. Первый день плена	312
V. Второй день плена	316
VI. Третий день плена	320
VII. Четвертый день плена	325
VIII. Пятый день плена	330
IX. Сцена из классической трагедии	338
X. Побег	342
XI. Что происходило в Портсмуте 23 августа 1628 года	347
XII. Во Франции	353
XIII. Монастырь Бетюнских Кармелиток	356
XIV. Два демона	364
XV. Капля воды	368
XVI. Человек в красном плаще	376
XVII. Суд	379
XVIII. Казнь	384
Эпилог	389

Александр Дюма Три мушкетёра

Часть первая

І. Три подарка д'Артаньяна-отца

В первый понедельник апреля месяца 1625 года местечко Мёнг было в таком смятении как Рошель во время осады его гугенотами. Многие граждане, при виде женщин, бегущих к Большой улице, и ребят, кричащих у порогов дверей, спешили надеть латы и, вооружась ружьями и бердышами, направлялись к гостинице Франк-Мёнье, перед которой теснилась шумная и любопытная толпа, возраставшая ежеминутно.

В те времена подобные панические испуги были часты, и редкий день проходил без того, чтобы тот или другой город не внес в свой архив какого-нибудь происшествия в этом роде: вельможи воевали между собой, король вел войну с кардиналом, Испанцы вели войну с королем. Кроме этих войн, производимых тайно или открыто, воры, нищие, гугеноты, волки и лакеи вели войну со всеми. Граждане вооружались всегда против воров, волков, лакеев, часто против вельмож и гугенотов, иногда против короля, но никогда против Испанцев.

При таком положении дел естественно, что в упомянутый понедельник апреля месяца 1625 года граждане, услышав шум и не видя ни красного ни желтого знамени, ни ливреи герцога Ришельё, бросились в ту сторону, где находилась гостиница Франк-Мёнье.

Прибыв туда, каждый мог узнать причину этого волнения.

За четверть часа перед тем, через заставу Божанси, въехал в Мёнг молодой человек на буланой лошадке. Опишем наружность его лошадки. Представьте себе дон-Кихота, 18-ти лет от роду, не вооруженного, без кольчуги и без лат, в шерстяном камзоле, которого синий цвет принял неопределенный оттенок зеленоватого с голубым. Лицо длинное и смуглое, с выдавшимися скулами, – признак коварства; челюстные мускулы, чрезвычайно развитые, – несомненная примета Гасконца даже без берета, а на нашем молодом человеке был берет, украшенный пером; глаза большие и умные; нос кривой, но тонкий и красивый; рост слишком большой для юноши и слишком малый для взрослого человека; непривычный глаз принял бы его за путешествующего сына Фермера, если бы не длинная шпага, привешенная на кожаной перевязи, ударявшая своего владетеля по икрам, когда он шел пешком, и по щетинистой шерсти его лошади, когда он ехал.

Лошадь этого молодого человека была так замечательна, что обратила на себя общее внимание: это была беарнская лошадка, 12 или 14 лет от роду, желтой шерсти, без хвоста и с подсединами на ногах; на ходу она опускала голову ниже колен, отчего употребление подбрюшного ремня оказывалось бесполезным; но она все-таки делала по восьми миль в день.

К несчастью странный цвет шерсти ее и не красивая походка до того скрывали хорошие ее качества, что в те времена, когда все были знатоками в лошадях, появление ее в Мёнге произвело неприятное впечатление, отразившееся и на всаднике.

Это впечатление было тем тягостнее для д'Артаньяна (так звали нового дон-Кихота), что он и сам понимал это, хотя и был хорошим ездоком; но подобная лошадь делала его смешным, о чем он глубоко вздохнул, принимая этот подарок от отца. Он знал, что подобное животное стоило не менее 20 ливров; при том слова, сопровождавшие подарок, были неоценимы: «Сын мой», сказал гасконский дворянин тем чистым простонародным беарнским наречием, от которого никогда не мог отвыкнуть Генрих IV, – «сын мой, эта лошадь родилась в доме отца тво-

его, тринадцать лет тому назад, и находилась в нем в продолжение всего этого времени, – это одно должно заставить тебя полюбить её. Не продавай её никогда, дай ей умереть спокойно в старости; и если ты будешь с нею в походе, то береги её как старого слугу. При дворе, продолжал д'Артаньян-отец, – если ты когда-нибудь удостоишься быть там, – честь, на которую, впрочем, дает тебе право твое древнее дворянство, – поддерживай с достоинством свое дворянское имя, так как оно поддерживалось предками нашими в продолжение более пяти сот лет. Не переноси ничего ни от кого кроме кардинала и короля. Помни, что в настоящее время дворянин прокладывает себе дорогу только храбростью. Трусливый часто сам от себя теряет случай, который представляет ему счастье. Ты молод и должен быть храбр по двум причинам: во-первых, потому что ты Гасконец, во-вторых, потому что ты мой сын. Не бойся опасностей и ищи приключений. Я научил тебя владеть шпагой; нога твоя крепка как железо, рука как сталь, дерись при каждом случае; дерись тем больше, потому что дуэли запрещены, из чего следует, что нужна двойная храбрость для драки. Я могу дать тебе, сын мой, только 15 экю, лошадь мою и советы, которые ты выслушал. Мать прибавит к этому рецепт полученного ею от одной цыганки бальзама, заключающего в себе чудное свойство исцелять всякую рану кроме сердечных. Извлекай пользу из всего и живи счастливо и долго. Мне остается прибавить еще одно: представить тебе в пример не меня, – потому что я никогда не был при Дворе и участвовал только в войне за религию волонтером, – но де-Тревиля, бывшего некогда моим соседом: он, будучи еще ребенком, имел честь играть с королем Людовиком XIII, да хранит его Бог! Иногда их игры принимали вид сражений, и в этих сражениях король не всегда брал верх. Поражения, которые он претерпевал, пробудили в нем уважение и дружбу к де-Тревилю. В последствии де-Тревиль сражался с другими во время первого своего путешествия в Париж пять раз, со смерти покойного короля до совершеннолетия молодого, не считая войн и осад, семь раз, и со времени этого совершеннолетия доныне, может быть, сто раз, несмотря на указы, предписания и аресты, он, капитан мушкетеров, то есть начальник легиона цезарей, которым очень дорожит король и которого страшится кардинал, а как известно не много таких вещей, которых он боится. Кроме того, де-Тревиль получает десять тысяч экю в год; следовательно, живет как вельможа. Он начал так же, как и ты; явись к нему с этим письмом и подражай ему во всем, чтобы достигнуть того чего он достиг».

После чего д'Артаньян-отец надел на сына собственную шпагу, нежно поцеловал его в обе щеки и дал ему свое благословение.

Выйдя из отцовской комнаты, молодой человек пошел к матери, ожидавшей его с знаменитым рецептом, которому, судя по полученным от отца советам, предстояло довольно частое употребление. Здесь прощанья были продолжительнее и нежнее нежели с отцом, не потому чтобы д'Артаньян не любил сына, единственного потомка своего, но д'Артаньян был мужчина и считал недостойным мужчины предаваться движению сердца, между тем как г-жа д'Артаньян была женщина и притом мать.

Она плакала обильными слезами, и скажем в похвалу д'Артаньяна сына, что при всех его усилиях оставаться твердым, как следовало бы будущему мушкетеру, натура одержала верх, – он не мог удержаться от слез.

В тот же самый день молодой человек пустился в путь, снабженный тремя отцовскими подарками, которые состояли, как мы сказали уже, из пятнадцати экю, лошади и письма к де-Тревилю; разумеется, советы были даны не в счет.

С таким напутствием д'Артаньян стал морально и физически верным снимком с героя Сервантеса, с которым мы так удачно его сравнили, когда по обязанности историка должны были начертить его портрет. Дон-Кихот принимал ветряные мельницы за великанов, и баранов за войска; д'Артаньян принимал каждую улыбку за оскорбление и каждый взгляд за вызов. От этого произошло, что кулаки его были постоянно сжаты от Тарб до Мёнга, и что в том и другом местечке он по десяти раз в день клал руку на эфес шпаги; впрочем ни кулак, ни шпага ни разу

не были употреблены в дело. Не потому чтобы вид несчастной желтой лошадки не возбуждал улыбок на лицах проходящих; но как над лошадкой брэнчала длинная шпага, а над этою шпагой сверкала пара свирепых глаз, то проходящие сдерживали свою веселость, или, если веселость брала верх над благоразумием, то старались смеяться, по крайней мере, только одною стороною лица как античные маски. Итак, д'Артаньян оставался величественным, и раздражительность его не была задета до несчастного города Мёнга.

Но там, когда он слезал с лошади у ворот Франк-Мёнье и никто не вышел принять от него лошадь, д'Артаньян заметил у полуоткрытого окна нижнего этажа дворянина, большого роста и надменного вида, хотя с лицом слегка нахмуренным, разговаривающего с двумя особами, которые, казалось, слушали его с уважением. Д'Артаньян, по привычке, полагал, что предметом разговора был он и начал прислушиваться. На этот раз он ошибся только вполтину: речь шла не о нем, а о его лошади. Казалось, что дворянин вычислял своим слушателям все ее качества и, как рассказчик, внушал слушателям уважение; они смеялись ежеминутно. Но достаточно было полуулыбки, что бы пробудить раздражительность молодого человека; понятно, какое впечатление произвела на него эта шумная веселость.

Д'Артаньян гордым взглядом начал рассматривать наружность дерзкого насмешника. Это был человек лет 40 или 45, с черными, пронизательными глазами, бледный, с резко обрисованным носом и красиво подстриженными черными усами; на нем был камзол и панталоны фиолетового цвета, которые хотя были новы, но казались измятыми, как будто находились долгое время в чемодане.

Д'Артаньян сделал все эти замечания с быстротою самого сметливого наблюдателя, и, вероятно, с инстинктивным предчувствием, что этот незнакомец будет иметь большое влияние на его будущность.

Но как в то самое время, когда д'Артаньян рассматривал дворянина в фиолетовом камзоле, этот последний сделал одно из самых ученых и глубокомысленных замечаний о достоинстве его беарнской лошади, то оба слушателя его разразились смехом, и даже он сам, против обыкновения, слегка улыбнулся. При этом д'Артаньян не сомневался уже, что он был оскорблен. Убежденный в обиде, он надвинул берет на глаза и, подражая придворным манерам, которые он подметил в Гасконии у путешествующих вельмож, подошел, положив одну руку на эфес шпаги, другую на бедро. К несчастью, по мере того как он приближался, гнев все больше и больше ослеплял его, и вместо полной достоинства и надменной речи, приготовленной им для вызова, он сказал только грубую личность, сопровождая её бешеным движением.

– Эй, что вы прячетесь за ставнем, воскликнул он. – Скажите-ка мне, чему вы смеетесь, и будем смеяться вместе.

Дворянин медленно перевел глаза с лошади на всадника, как будто сразу не понял, что эти странные упреки относились к нему; когда же не оставалось в том никакого сомнения, то брови его слегка нахмурились, и, после довольно долгого молчания, он с неописанною иронией и наглостью отвечал д'Артаньяну.

– Я не с вами говорю, милостивый государь.

– Но я говорю с вами, воскликнул молодой человек, раздраженный до крайности этою смесью наглости и хорошего тона, приличия и презрения.

Незнакомец еще раз взглянул на него с легкой улыбкой, отошел от окна, медленно вышел из гостиницы и встал в двух шагах от д'Артаньяна, против его лошади.

Его спокойная осанка и насмешливый вид удвоили веселость оставшихся у окна его собеседников. Д'Артаньян, увидев его подле себя, вынул свою шпагу на один фут из ножен.

– Эта лошадь буланая, или, лучше сказать, она была такою в молодости, продолжал незнакомец, обращаясь к слушателям своим, бывшим у окна, и не замечая, по-видимому, раздражения д'Артаньяна, – этот цвет известен в ботанике, но до сих пор редко встречается между лошадьми.

– Кто не смеет смеяться над всадником, тот смеется над лошадыю, сказал неистово подражатель де-Тревиля.

– Я смеюсь не часто, возразил незнакомец, – вы можете судить о том по выражению моего лица; но я желаю удержать за собою право смеяться когда мне угодно.

– А я, сказал д'Артаньян, – не хочу, чтобы смеялись, когда мне это не нравится.

– В самом деле? продолжал незнакомец очень спокойно. – Это совершенно справедливо. И повернувшись на пятках, он намеревался возвратиться в гостиницу, через большие ворота, у которых д'Артаньян видел оседланную лошадь.

Но характер д'Артаньяна был не таков, чтоб он мог отпустить человека, дерзко осмеявшего его. Он совсем вынул шпагу из ножен и пустился вслед за ним с криком:

– Воротитесь, воротитесь же господин насмешник, а то я убью вас сзади.

– Меня убить! сказал незнакомец, поворачиваясь на пятках и смотря на молодого человека с удивлением и презрением. – Что с вами, любезный, вы с ума сошли!

Потом вполголоса, как будто говоря с самим собой, он прибавил: – это жаль! какая находка для его величества, который везде ждет храбрых для своего мушкетерского полка.

Едва успел он договорить, как д'Артаньян направил в него такой удар острием шпаги, что вероятно его шутка была бы последнею, если б он не успел быстро отскочить назад. Незнакомец, видя тогда, что дело идет не на шутку, вынул шпагу, поклонился своему противнику и важно встал в оборонительное положение. Но в то же время двое его служителей, в сопровождении хозяина гостиницы, напали на д'Артаньяна с палками, лопатами и щипцами. Это произвело быстрый и совершенный переворот в борьбе.

Между тем как д'Артаньян обернулся назад, чтоб отразить град ударов, противник его спокойно вложил свою шпагу и с обыкновенным своим бесстрашием из действующего лица стал зрителем, ворча однако ж про себя.

– Черт возьми Гасконцев! Посадите его на его оранжевую лошадь, и пусть убирается!

– Но прежде убью тебя, трус! кричал д'Артаньян, отражая, сколько мог, сыпавшиеся на него удары, и не отступая ни на шаг от трех своих неприятелей.

– Еще хвастается! бормотал дворянин. – Эти Гасконцы неисправимы. Продолжайте же, если он того непременно хочет. Когда устанет, скажет – довольно.

Но незнакомец не знал, с какого рода упрямцем имел дело: д'Артаньян был не такой человек, чтобы стал просить пощады. Бой продолжался еще несколько секунд; наконец д'Артаньян, изнуренный, выпустил из руки шпагу, переломленную на двое ударом палки. В то же время другим ударом в лоб сбило его с ног окровавленного и почти без чувств.

В эту самую минуту со всех сторон сбежались на место зрелища. Хозяин, опасаясь неприятностей, унес раненого, с помощью своих служителей, в кухню, где ему подана была помощь.

Что же касается до дворянина, то он возвратился на свое прежнее место у окна и смотрел с нетерпением на толпу, присутствие которой, казалось, было ему неприятно.

– Ну, каково здоровье этого бешеного? сказал он, оборачиваясь при шуме отворившейся двери, и обращаясь к хозяину, который пришел осведомиться о его здоровье.

– Ваше превосходительство не ранены? спросил хозяин.

– Нет, совершенно невредим, любезный хозяин. Я вас спрашиваю, в каком состоянии молодой человек?

– Ему лучше, отвечал хозяин, – он в обмороке.

– В самом деле? сказал дворянин.

– Но до обморока, он, собрав последние силы, звал вас и вызывал на бой.

– Этот забавник должен быть сам черт, сказал незнакомец.

– О нет, ваше превосходительство, он не похож на черта, сказал хозяин с презрительною гримасой: – во время обморока мы обыскали его; у него в свертке только одна рубашка, а в кошелке только 12 экю, и, несмотря на то, лишаясь чувств, он сказал, что если б это случилось

в Париже, то вам пришлось бы раскаяться сейчас же, между тем как здесь раскаетесь, но только позже.

– В таком случае, это должно быть какой-нибудь переодетый принц крови, хладнокровно сказал незнакомец.

– Я вам говорю это, сударь, для того чтобы вы были осторожны, сказал хозяин.

– Он не назвал никого по имени в гневе своем?

– О да, он ударял по карману и говорил: увидим, что скажет об этом оскорбленный покровитель мой де-Тревиля.

– Де-Тревиля? сказал незнакомец, делаясь внимательнее. – Он ударял по карману, говоря о де-Тревиле? Послушайте, хозяин, пока этот молодой человек был в обмороке, вы наверно осмотрели и карман его. Что в нем было?

– Письмо, адресованное на имя де-Тревиля, капитана мушкетеров.

– В самом деле?

– Точно так, ваше превосходительство.

Хозяин, не одаренный большою прозорливостью, не заметил какое выражение слова его придали лицу незнакомца, который отошел от окна и нахмурил брови с беспокойством.

– Черт возьми, бормотал он сквозь зубы, – неужели де-Тревиля прислал мне этого Гасконца. Он очень молод. Но удар шпаги, от кого бы он ни был, все-таки удар, а ребенка меньше опасаются нежели кого-нибудь другого; иногда достаточно самого слабого препятствия чтобы помешать важному предприятию.

И незнакомец углубился на несколько минут в размышления.

– Послушайте, хозяин, избавьте меня от этого сумасшедшего: по совести, я не могу убить его, а между тем, прибавил он с выражением холодной угрозы, – он мне мешает. Где он?

В комнате жены моей, в первом этаже, его перевязывают.

– Одежда его и мешок при нем? Он не снимал камзола?

– Напротив, все эти вещи в кухне. Но так как этот сумасшедший вас беспокоит...

– Без сомнения. Он делает в вашей гостинице скандал, а это не может нравиться порядочным людям. Ступайте наверх, сведите счет мой и предупредите моего человека.

– Как! господин уже уезжает?

– Разумеется, когда я уже приказал оседлать мою лошадь. Разве мое приказание не исполнено?

– О да, ваше превосходительство, может быть вы видели, лошадь ваша у больших ворот приготовлена к отъезду.

– Хорошо, так сделайте то, что я вам сказал.

– «Гм... подумал хозяин, неужели он боится этого мальчика».

Но повелительный взгляд незнакомца остановил его. Он низко поклонился и вышел.

– Не надо чтобы этот забавник увидел миледи, продолжал незнакомец: – она скоро должна приехать, и то она уже опоздала. Лучше поехать ей на встречу. Если б я мог узнать содержание этого письма к де-Тревилю!

И незнакомец, бормоча про себя, отправился на кухню. Между тем хозяин, не сомневаясь, что присутствие молодого человека мешало незнакомцу оставаться в гостинице, возвратился в комнату жены и нашел д'Артаньяна уже пришедшим в чувство.

Стараясь внушить ему, что может наделать ему неприятностей за ссору с вельможей, – по мнению хозяина, незнакомец был непременно вельможа, – он уговорил его, несмотря на слабость, встать и продолжать путь. Д'Артаньян, едва пришедший в чувство, без камзола, с перевязанною головой, встал и, понуждаемый хозяином, начал спускаться вниз. Но, придя в кухню, он прежде всего увидел своего противника, спокойно разговаривавшего у подножки тяжелой кареты, запряженной двумя большими нормандскими лошадьми.

Его собеседница, голова которой видна была через рамку дверец кареты, была женщина лет двадцати или двадцати двух.

Мы уже говорили о способности д'Артаньяна быстро схватывать наружность: он с первого взгляда заметил, что женщина была молода и красива. Красота ее поразила его тем более, что это была красота такого рода, который неизвестен в южных странах, где до тех пор жил д'Артаньян. Женщина эта была бледная блондинка, с длинными вьющимися волосами, падавшими на плечи, с большими голубыми, томными глазами, розовыми губами и белыми, как мрамор, руками. Она вела с незнакомцем очень оживленный разговор.

– Следовательно, кардинал приказывает мне... говорила дама.

– Возвратиться немедленно в Англию и предупредить его, если бы герцог выехал из Лондона.

– А какие же еще другие поручения? спросила прекрасная путешественница.

– Они заключаются в этой коробке, которую вы откроете не прежде как на другом берегу Ла-Манша.

– Очень хорошо. А вы что будете делать?

– Я возвращаюсь в Париж.

– И оставите без наказания этого наглого мальчика? спросила дама.

Незнакомец хотел отвечать, но в ту минуту, когда он открыл рот, д'Артаньян, слышавший их разговор, появился в дверях.

– Этот наглый мальчик наказывает других, вскричал он, – и в этот раз надеюсь, что тот, которого ему следует наказывать, не ускользнет от него.

– Не ускользнет? возразил незнакомец, нахмутив брови.

– Нет, я полагаю, что вы не осмелитесь бежать в присутствии женщины.

– Подумайте, сказала миледи, видя что дворянин заносил руку на шпагу, – подумайте, что малейшее промедление может все испортить.

– Вы правы, сказал дворянин: – поезжайте же и я еду.

И, поклонившись даме, он вскочил на лошадь; между тем как кучер кареты изо всей силы хлестал лошадей. Оба собеседника поехали в галоп, в противоположные стороны.

– А деньги? кричал хозяин, которого уважение к путешественнику превратилось в глубокое презрение, когда он увидел, что тот уезжает, не расплатившись.

– Заплати, закричал путешественник на скаку своему лакею, который, бросив к ногам хозяина две или три серебряные монеты, поехал вслед за господином.

– Трус! негодяй! ложный дворянин! кричал д'Артаньян, бросаясь за лакеем.

Но раненый был еще слишком слаб, чтобы вынести подобное потрясение. Едва он сделал десять шагов, как почувствовал звон в ушах; в глазах его потемнело, и он упал среди улицы, все еще крича:

– Трус! трус! трус!

– Он в самом деле трус, бормотал хозяин, подойдя к д'Артаньяну и пробуя этою лестью помириться с бедным мальчиком.

– Да, большой трус, сказал д'Артаньян. – Но она, как она прекрасна!

– Кто она? спросил хозяин.

– Миледи, шептал д'Артаньян, и вторично лишился чувств.

– Все равно, сказал хозяин: – я теряю двух, но мне остается этот, которого наверно удастся задержать, по крайней мере, на несколько дней. Все-таки я выиграю одиннадцать экю.

Нам известно уже, что сумма, бывшая в кошельке д'Артаньяна, состояла ровно из одиннадцати экю.

Хозяин рассчитывал на одиннадцать дней болезни, по одному экю в день; но он рассчитывал, не зная своего путешественника. На другой день д'Артаньян встал в пять часов утра, сам спустился в кухню, спросил, кроме некоторых других снадобий, список которых до нас не

дошел; вина, масла, розмарину, и по рецепту матери составил бальзам, намазал им многочисленные раны свои, сам возобновлял перевязи и не хотел никакого доктора.

Благодаря, без сомнения, силе цыганского бальзама и, может быть, недопущению доктора, д'Артаньян был к вечеру на ногах и на другой день почти здоров.

Но когда он хотел расплатиться за розмарин, масло и вино, – единственный расход его, потому что он соблюдал самую строгую диету, – и за корм своей желтой лошадки, которая, напротив, по словам содержателя гостиницы, съела втрое больше нежели можно было предполагать по росту ее, д'Артаньян нашел в кармане только измятый бархатный кошелек и в нем 11 экю, письмо же к де-Тревилю исчезло.

Молодой человек очень терпеливо начал искать письма, выворачивая по двадцати раз карманы, роясь в своем мешке и в кошельке; когда же убедился, что письма не было, то он в третий раз впал в припадок бешенства, который едва не заставил его снова прибегнуть к употреблению ароматического масла и вина, потому что когда он начал горячиться и угрожал переломать все в заведении, если не найдут его письма, то хозяин вооружился охотничьим ножом, жена его метлой, а служители теми же самыми палками, которые служили накануне.

– Мое рекомендательное письмо, кричал д'Артаньян, – мое рекомендательное письмо, или я вас всех воткну на вертел как овсянок!

К несчастью, одно обстоятельство помешало приведению в исполнение угроз молодого человека, именно то что шпага его была переломлена надвое, во время первой борьбы, о чем он совершенно забыл. Поэтому, когда д'Артаньян хотел обнажить шпагу, то оказалось, что он был вооружен одним обломком ее, в восемь или десять дюймов длиною, который был заботливо вложен в ножны хозяином гостиницы. Остальную же часть клинка он искусно свернул, чтобы сделать из нее шпиговальную иглу.

Это, вероятно, не остановило бы запальчивого молодого человека, если бы хозяин не рассудил, что требование путешественника было совершенно справедливо.

– В самом деле, сказал он, опуская нож, – где же это письмо?

– Да, где письмо? Кричал д'Артаньян. – Я вас предупреждаю, что это письмо к де-Тревилю, оно должно быть найдено; если же оно не найдется, он заставит найти его.

Эта угроза окончательно испугала хозяина. После короля и кардинала имя де-Тревиля было чаще всех повторяемо военными и даже гражданами. Правда, был еще друг кардинала, отец Иосиф, но ужас, внушаемый седым монахом, как называли его, был так велик, что о нем никогда не говорили вслух. Поэтому, бросив нож, хозяин велел положить оружие жене и с испугом и начал отыскивать потерянное письмо.

– Разве в этом письме было что-нибудь драгоценное? спросил хозяин после бесполезных поисков.

– Разумеется, сказал Гасконец, рассчитывавший этим письмом проложить себе дорогу ко двору: – в нем заключалось мое счастье.

– Испанские фонды? спросил тревожно хозяин.

– Фонды собственного казначейства его величества, отвечал д'Артаньян.

Предполагая посредством этого рекомендательного письма поступить на службу к королю, он считал справедливым свой, несколько отважный, ответ.

– Черт возьми! сказал хозяин в отчаянии.

– Но все равно, продолжал д'Артаньян с национальной самоуверенностью: – деньги ничего не значат, это письмо составляло для меня все. Я охотнее согласился бы потерять тысячу пистолей чем это письмо.

Он не больше рисковал бы, если бы сказал двадцать тысяч; но какая-то юношеская скромность удержала его.

Луч света озарил вдруг разум хозяина, который посылал себя к черту, не находя ничего.

– Письмо не потеряно, сказал он.

– А! сказал д'Артаньян.

– Нет, его у вас взяли.

– Его взяли, а кто?

– Вчерашний дворянин. Он ходил в кухню, где лежал ваш камзол, и был там один. Я держу пари что он украл письмо.

– Вы так думаете? отвечал д'Артаньян, не совсем веря этому; он знал, что письмо было важно только лично для него, и не находил причины, которая могла побудить к похищению его, никто из слуг и присутствовавших путешественников ничего не выиграл бы приобретением его.

– Так вы говорите, сказал д'Артаньян, – что вы подозреваете этого дерзкого дворянина?

– Я уверен в этом, продолжал хозяин: – когда я сказал ему, что вам покровительствует де-Тревилю, и что у вас есть даже письмо к этому знаменитому дворянину, это, казалось, очень, обеспокоило его; он спросил меня, где это письмо, и немедленно спустился в кухню, где был ваш камзол.

– В таком случае, он вор, отвечал д'Артаньян: – я пожалуюсь де-Тревилю, а де-Тревилю королю. Потом он важно вынул из кармана три эку, отдал их хозяину, провожавшему его со шляпою в руке до ворот, сел на свою желтую лошадь, и, без всяких приключений, доехал до ворот Св. Антония в Париже, где продал лошадь за три эку. Эта цена была еще довольно значительна, судя по тому как д'Артаньян надсадил свою лошадь при последнем переходе. Барышник, купивший ее за вышеупомянутые девять ливров, сказал молодому человеку, что только оригинальный цвет лошади побудил его дать эту непомерную цену.

Итак, д'Артаньян вошел в Париж пешком, с узлом под мышкой, и ходил до тех пор, пока нашел комнату, сообразную по цене с его скудными средствами. Эта комната была на чердаке, в улице Могильщиков, недалеко от Люксембурга.

Д'Артаньян немедленно отдал задаток и поселился в новой своей квартире; остаток дня он употребил на обшивку камзола и панталон позументом, споротым его матерью с почти нового камзола д'Артаньянова отца и данным ему тайком. Потом он пошел в железный ряд, чтобы заказать клинок к шпаге; оттуда отправился в Лувр, спросил там у первого встретившегося мушкетера, где находился отель де-Тревилю и, узнав что он был по соседству нанимаемой им комнаты, в улице Старой Голубятни, счел это обстоятельство хорошим предвестием.

После всего этого, довольный своим поведением в Мёнге, без упреков совести в прошедшем, доверчивый в настоящем и с надеждою на будущее, он лег и уснул богатырским сном.

Спокойным сном провинциала проспал он до девяти часов, встал и отправился к знаменитому де-Тревилю, третьему лицу в королевстве, по мнению отца его.

II. Передняя де-Тревиля

Де-Труаниль, как звали его еще в Гасконии, или де-Тревиль, как назвал он себя в Париже, действительно начал, как д'Артаньян, т. е. без гроша наличных денег, но с запасом отваги, ума и смысла, а это такой капитал, что, получив его в наследство, самый бедный гасконский дворянин имеет в надеждах больше нежели самый богатый дворянин других провинций получает от отца в действительности.

Его храбрость и счастье, в те времена, когда дуэли были в таком ходу, подняли его на ту высоту, которая называется милостью двора и которой он достиг чрезвычайно быстро.

Он был другом короля, который, как известно, очень уважал память отца своего Генриха IV. Отец де-Тревиля верно служил Генриху во время войн против лиги, но, как Беарнец, всю жизнь свою терпевший недостаток в деньгах, вознаграждал этот недостаток умом, которым был щедро наделен, то после сдачи Парижа он разрешил де-Тревилю принять герб золотого льва, с надписью на пасти *fidelis et fortis*. Это много значило для чести, но мало для благосостояния. Поэтому, когда знаменитый товарищ великого Генриха умер, единственное наследство, оставшееся сыну его, состояло из шпаги и девиза. Благодаря такому наследству и незапятнанному имени, де-Тревиль был допущен ко двору молодого принца, где он так хорошо служил своею шпагой и так верен был своему девизу, что Людовик XIII, отлично владевший шпагой, обыкновенно говорил, что если б у него был друг, который вздумал бы драться, то он дал бы ему совет взять в секунданты сперва себя, а после де-Тревиля, а может быть де-Тревиля и прежде.

Людовик XIII имел действительную привязанность к де-Тревилю, привязанность королевскую, эгоистическую; тем не менее это была всё-таки привязанность, потому что в эти несчастные времена все старались окружать себя людьми в роде де-Тревиля.

Многие могли избрать себе девизом название «сильный», составлявшее вторую часть надписи на его гербе, но немногие имели право требовать эпитета «верный», бывшего первою частью той надписи. Де-Тревиль принадлежал к последним: он был одарен редкою организацией, послушанием собаки, слепую храбростью, быстротою в соображении и исполнении; глаза служили ему только для того, чтобы видеть, не был ли король кем-нибудь недоволен, а рука, чтобы поражать того, кто ему не нравился. Де-Тревилю не доставало только случая, но он его подстерегал и намеревался крепко ухватиться за него, когда он представится. Людовик XIII сделал де-Тревиля капитаном мушкетеров, которые были для него, по преданности, или, лучше сказать, по фанатизму, тем же чем были – ординарная стража для Генриха III и шотландская гвардия для Людовика XI.

Кардинал, власть которого не уступала королевской, с своей стороны, не остался в этом отношении в долгу у короля. Когда он увидел, каким страшным и отборным войском окружил себя Людовик XIII, он захотел также иметь свою стражу. Он учредил своих собственных мушкетеров, и эти две борющиеся власти набирали в свою службу людей самых известных по искусству владеть шпагой, не только из всех провинций Франции, но и из чужих стран. И потому Ришельё и Людовик XIII часто, по вечерам, играя в шахматы, спорили о достоинстве своих слуг. Каждый превозносил наружный вид и храбрость своих и, вслух восставая против дуэли и драк, они подстрекали к ним тайно своих мушкетеров и ощущали истинную печаль или неумеренную радость при поражении или победе своих. Так, по крайней мере, говорится в записках одного современника, бывшего при некоторых из этих поражений и побед.

Де-Тревиль понял слабую сторону своего господина, и этой ловкости был обязан продолжительною и постоянною благосклонностью короля, который не славился большою верностью своим друзьям.

Он с лукавым видом щеголял своими мушкетерами перед кардиналом, которого седые усы при этом щетинились от гнева. Де-Тревиль в совершенстве понял характер войны того вре-

мени, когда, при невозможности жить на счет неприятелей, войска жили насчет своих соотечественников; солдаты его составляли легион чертей, не повиновавшихся никому кроме него.

Растрепанные, полупьяные, с боевыми знаками на лицах, королевские мушкетеры, или, лучше сказать, мушкетеры де-Тревиля, шатались по кабакам, гуляньям и на публичных играх, крича и закручивая усы, звеня шпагами, толкая при встрече стражей кардинала; иногда при этом обнажали шпаги среди улицы, с уверенностью что если их убьют, то они будут оплаканы и отомщены, если же они убьют, то не заплеснеют в тюрьме, потому что де-Тревиль всегда выручал их. Потому де-Тревиль был превозносим этими людьми, которые обожали его, и, несмотря на то, что в отношении к другим это были воры и разбойники, перед ним они дрожали, как школьники перед учителем, послушные малейшему слову его и готовые идти на смерть, чтобы смыть малейший упрек.

Де-Тревиль пользовался этим могущественным рычагом, прежде всего, для короля и друзей его, потом для себя и собственных друзей. Впрочем, ни в каких записках того времени, оставившего по себе так много записок, не видно, чтоб этот достойный дворянин был обвиняем даже врагами своими в том, что он брал плату за содействие солдат своих. Обладая редкою способностью к интригам, ставившею его наряду с сильнейшими интриганам, он был в то же время честным человеком. Кроме того, несмотря на утомительные битвы на шпагах и трудные упражнения, он был одним из самых изящных поклонников прекрасного пола, одним из тончайших щеголей своего времени; об удачах де-Тревиля говорили как двадцать лет тому назад говорили о Бассомпиере; а это значило не мало. Капитаном мушкетеров восхищались, его боялись и любили, следовательно, он был в апогее человеческого счастья.

Людовик XIV лучами своей славы затмевал все маленькие звезды своего двора, но отец его, солнце *pluribus impar*, не мешал личному сиянию каждого из своих фаворитов, достоинству каждого из своих придворных. Кроме короля и кардинала в Париже считалось тогда до двух сот лиц, к которым собирались во время их утреннего туалета. Между ними туалет де-Тревиля был одним из самых модных. Двор дома его, находившегося в улице Старой Голубятни, летом, с 6 часов утра, зимою с 8, походил на лагерь. Там постоянно прохаживались от 50 до 60 вооруженных мушкетеров, которые сменялись, наблюдая чтобы число их всегда было достаточно на случай какой-нибудь надобности. На одной из больших лестниц, на пространстве которой в наше время выстроили бы целый дом, поднимались и опускались парижские просители, искавшие какой-нибудь милости, – провинциальные дворяне, жадно стремившиеся записаться в солдаты, и лакеи, и галунах всех цветов, с разными поручениями от своих господ к Де-Тревилю. В передней, на длинных полукруглых скамьях сидели избранные, то есть те, которые были приглашены. Говор продолжался тут с утра до вечера, между тем как де-Тревиль в кабинете, смежном с передней, принимал визиты, выслушивал, жалобы, отдавал приказания и мог из своего окна, как король из луврского балкона, делать, когда вздумается, смотр своим людям.

Общество, собравшееся в день представления д'Артаньяна, могло бы внушить уважение всякому, в особенности провинциалу; но д'Артаньян был гасконец, а в то время, в особенности соотечественники его, славились тем, что они были не робки. Действительно, войдя чрез тяжелые ворота с железными засовами, каждый должен был проходить чрез толпу людей, вооруженных шпагами, которые фехтовали на дворе, вызывая друг друга, споря и играя между собою. Только офицеры, вельможи и хорошенькие женщины могли пройти свободно среди этой буйной толпы.

Сердце молодого человека сильно билось, когда он пробирался через эту шумную и беспорядочную толпу, придерживая длинную шпагу к тонким ногам и держа руку у шляпы с полуулыбкой смущенного провинциала, желающего держать себя прилично. Пройдя чрез толпу, он вздохнул свободнее; но он чувствовал, что на него оглядывались и, в первый раз в жизни, д'Артаньян, имевший довольно хорошее мнение о самом себе, нашел себя смешным. При входе на

лестницу встретилось новое затруднение; на первых ступенях четыре мушкетера забавлялись упражнением следующего рода: один из них, стоя на верхней ступеньке, с обнаженную шпагой, мешал или старался помешать трем остальным взойти на верх. Эти трое фехтовали очень проворно шпагами. Д'Артаньян сначала принял шпаги за фехтовальные рапиры; он думал, что они были тупые, но скоро, по некоторым царапинам, он убедился, что каждая из них была отпущена и заострена и, между тем, при каждой царапине не только зрители, но и действующие лица смеялись как сумасшедшие.

Занимавший в эту минуту верхнюю ступень, с удивительной ловкостью отражал своих противников. Их окружала толпа товарищей, ожидавших своей очереди занять их места. Условие было такого рода, что при каждом ударе раненый лишался своей очереди в пользу нанесшего удар. В пять минут трое были оцарапаны – один в руку, другой в подбородок, третий в ухо, защищавшим верхнюю ступень, который остался неприкосновенным, что по условию доставляло ему три лишние очереди.

Это препровождение времени удивило молодого человека, как он ни старался ничему не удивляться; в провинции своей, где люди так легко разгорячаются, он видал много дуэлей, но хвастовство этих четырех игроков превосходило все, что он слышал до сих пор даже в Гасконии. Он вообразил себя в той славной стране великанов, где Гулливер был в таком страхе; но он еще не дошел до конца: оставались сени и передняя.

В сенях не дрались, а рассказывали истории о женщинах, а в передней истории из придворной жизни. В сенях д'Артаньян покраснел, в передней задрожал. Его живому воображению, делавшему его в Гасконии опасным для молодых горничных, а иногда даже и для молодых госпож их, никогда даже и не снилось столько любовных чудес, храбрых подвигов, любезности, украшенных самыми известными именами и нескромными подробностями. Но сколько нравственность его потерпела в сенях, столько же в передней было оскорблено уважение его к кардиналу. Там, к великому удивлению, д'Артаньян услышал громкое порицание политики, заставлявшей дрожать Европу, и домашней жизни кардинала, в которую не смели проникнуть безнаказанно самые высокие и могущественные вельможи; этот великий человек, уважаемый отцом д'Артаньяна, служил посмешищем для мушкетеров де-Тревиля, издевавшихся над его кривыми ногами и сгорбленной спиной; некоторые пели песни, составленные на госпожу д'Егильон, его любовницу, и госпожу Камбаль, его племянницу, между тем как другие составили партии против пажей и гвардейцев кардинала-герцога; все это казалось д'Артаньяну чудовищным и невозможным.

Между тем, когда неожиданно среди этих глупых шуток на счет кардинала произносилось имя короля, то все насмешливые рты закрывались, все осматривались с недоверчивостью, опасаясь близкого соседства кабинета де-Тревиля; но вскоре разговор снова возвращался к кардиналу, насмешки возобновлялись и ни одно из его действий не оставалось без критики.

«Наверное, все эти люди будут в Бастилии и на виселице, подумал д'Артаньян с ужасом, и я, без всякого сомнения, с ними, потому что так как я слушал их речи, то буду принят за их сообщника. Что сказал бы отец мой, приказывавший мне уважать кардинала, если бы знал, что я нахожусь в обществе подобных вольнодумцев.

Бесполезно говорить, что д'Артаньян не смел вмешиваться в разговор; он только смотрел во все глаза, слушал обоими ушами, напрягая все свои чувства, чтобы ничего не пропустить, и, несмотря на веру в отеческие наставления, он, по своему собственному вкусу и инстинкту, больше чувствовал расположение хвалить чем порицать все происходившее около него.

Между тем, так как он был совершенно неизвестен толпе придворных де-Тревиля, видевших его в первый раз, то его спросили, чего ему надо. При этом вопросе д'Артаньян, почтиительно сказал свое имя, сделав особенное ударение на названии соотечественника, и просил камердинера доставить ему аудиенцию де-Тревилю; камердинер покровительственным тоном обещал передать просьбу его в свое время.

Д'Артаньян, придя немного в себя от первого удивления, начал, от нечего делать, изучать костюмы и физиономии.

В середине самой оживленной группы был мушкетер, большого роста, с надменным лицом и в странном костюме, обращавшем на него общее внимание. На нем не было форменного казакина, который, впрочем, в эту эпоху личной свободы не был обязательным костюмом. На нем был кафтан, небесно-голубого цвета, немного полинялый и измятый, и сверх этого кафтана великолепно вышитая золотом перевязь шпаги, блестящая, как чешуя, на солнечном свете. Длинная, малинового бархата, мантия грациозно падала на плечи, открывая только спереди блестящую перевязь, на которой висела гигантская рапира.

Этот мушкетер только смеялся с караула, жаловался на простуду и, по временам, притворно кашлял. Поэтому он завернулся в мантию и говорил свысока, покручивая усы, между тем как все любовались его вышитою перевязью, а д'Артаньян больше всех.

– Что делать, говорил мушкетер: – это в моде; я знаю, что это глупо, но в моде. Впрочем, надо же на что-нибудь употреблять свое наследство.

– Э, Портос, сказал один из присутствовавших, – не уверяй нас, что эта перевязь досталась тебе от отца; она подарена тебе тою дамой под вуалью, с которой я встретил тебя в воскресенье, у ворот Сент-Оноре.

– Нет, клянусь честью дворянина, что я купил её сам и на собственные деньги, отвечал тот, которого назвали Портосом.

– Да, сказал другой мушкетер, – так же как купил вот этот новый кошелек на те деньги, которые положила моя любовница в старый.

– Уверяю вас, говорил Портос, – и в доказательство скажу вам, что я заплатил за него 12 пистолей.

Удивление возрастало, хотя все еще продолжали сомневаться.

– Не так ли, Арамис? сказал Портос, обращаясь к другому мушкетеру.

Этот мушкетер составлял резкую противоположность с тем, который спрашивал его: это был молодой человек, не более 22 или 23 лет, с лицом простодушным и приятным, с черными глазами, розовыми и пушистыми щеками как осенний персик; его тонкие усы обрисовывали самую правильную линию над верхнею губой; он как будто боялся опустить руки, чтобы жилы их не налились кровью, и, по временам, щипал себя за уши, чтобы поддержать их нежный и прозрачный алый цвет.

Обыкновенно он говорил мало и медленно, часто кланялся, смеялся тихо, показывая прекрасные зубы, о которых он, по-видимому, очень заботился как и о всей своей особе. Он отвечал на вопрос друга утвердительным знаком головы. Этот знак, казалось, уничтожил все сомнения насчет перевязи; продолжали любоваться ею, но ничего больше не говорили, и разговор вдруг перешел к другим предметам.

– Что вы думаете о рассказе конюха Шале? спросил другой мушкетер, не обращаясь ни к кому в особенности, но ко всем вместе.

– А что он рассказывает? спросил Портос.

– Он рассказывает, что видел в Брюсселе Рошфора, кардинальского шпиона, переодетого в платье капуцина; этот проклятый Рошфор, с помощью переодеванья, поддел г. Лега как сущего глупца.

– Как совершенного глупца, сказал Портос.

– Но верно ли это?

– Мне сказал Арамис, отвечал мушкетер.

– В самом деле?

– Вы это знаете, Портос, сказал Арамис: – я вам рассказывал это вчера, не будем же больше говорить об этом.

– Вы думаете, что об этом больше не следует говорить? сказал Портос. – Не говорить об этом! Как вы скоро решились! Как! кардинал окружает дворянина шпионами, похищает его переписку посредством изменника, разбойника, мошенника и, с помощью этого шпиона, и вследствие этой переписки рубит голову Шале, под глупым предлогом, будто он хотел убить короля и женить брата его на королеве. Никто не мог разрешить этой загадки, вы, к удовольствию всех, вчера нам об этом сказали, и когда мы все еще поражены этою новостью, вы говорите сегодня: не будем больше говорить об этом!

– Будем же говорить, если вы этого желаете, сказал терпеливо Арамис.

– Этот Рошфор, сказал Портос, – провел бы со мной неприятную минуту, если б я был конюхом Шале.

– А вы провели бы не совсем приятно четверть часа с красным герцогом, сказал Арамис.

– А! красный герцог! браво! браво! красный герцог, отвечал Портос, ударяя в ладоши и делая одобрительные знаки головой, – это превосходно! Я пушу в ход это слово, любезный, будьте уверены. Как жаль, что вы не могли последовать своему призванию, друг мой, вы были бы приятнейшим аббатом.

– О, это только временное промедление, сказал Арамис, – когда-нибудь я буду аббатом; вы знаете, Портос, что я для этого продолжаю изучать богословие.

– Рано или поздно он это сделает, сказал Портос.

– Скоро? сказал Арамис.

– Он ждет только одного обстоятельства, чтобы совершенно решиться и надеть рясу, которая у него под мундиром, сказал один мушкетер.

– Чего же он ждет? спросил другой.

– Он ждет, когда королева даст Франции наследника престола.

– Не шутите этим, господа, сказал Портос: – благодаря Бога, королева еще таких лет, что это может случиться.

– Говорят, что г. Бокингем во Франции, сказал Арамис с лукавою усмешкой, которая придала оскорбительный смысл этой, по-видимому, простой фразе.

– Друг мой, Арамис, вы ошибаетесь, сказал Портос: – ваш ум увлекает вас всегда слишком далеко; худо было бы, если бы вас услышал де-Тревиль.

– Вы хотите учить меня, Портос, сказал Арамис, и в кротком взгляде его сверкнула молния.

– Любезный друг, будьте мушкетером или аббатом, но не тем и другим вместе, сказал Портос. – Помните, Атос сказал вам недавно, что вы гнетесь на все стороны. Ах, не сердитесь, пожалуйста, это бесполезно; вы знаете условие между вами, Атосом и мною. Вы бываєте у г-жи д'Егильон, и ухаживаете за ней; вы бываєте у госпожи де Боа-Траси, двоюродной сестры госпожи Шеврёз и говорят, что вы в большой милости у этой дамы. Боже мой! не признавайтесь в вашем счастье, у вас не выпытывают вашей тайны, зная вашу скромность. Но если вы обладаете этою добродетелью, для чего ж не соблюдаете вы ее в отношении к ее величеству. Пусть говорят, кто и что хочет про короля и кардинала, но особа королевы священна, и если говорить о ней, то надо говорить только хорошее.

– Вы, Портос, притязательны как Нарцисс.

– Предупреждаю вас, отвечал Арамис: – вы знаете, что я ненавижу наставлений, кроме тех, которые говорит Атос. Что же касается до вас, любезный, то перевязь ваша слишком великолепна, чтобы можно было верить вашей строгой нравственности. Я буду аббатом, если мне вздумается; покуда я мушкетер, и потому говорю что мне придет в голову, и в настоящую минуту скажу, что вы выводите меня из терпения.

– Арамис!

– Портос!

– Ей, господа, господа! закричали окружающие.

– Де-Тревиль ожидает г. д'Артаньяна, прервал слуга, отворяя дверь кабинета.

При этом объявлении, во время которого дверь кабинета оставалась отворенною, все замолчали, и среди всеобщего молчания молодой Гасконец прошел вдоль передней в кабинет капитана мушкетеров, радуясь от всего сердца, что вовремя ускользнул от последствий этой странной ссоры.

III. Аудиенция

Де-Тревилль был в самом дурном расположении духа; несмотря на это, он вежливо встретил молодого человека, который низко ему поклонился. Приветствие молодого человека, напомнившее ему своим беарнским выговором его молодость и родину, вызвало на устах его улыбку; воспоминание об этих двух предметах приятно человеку во всяком возрасте. Но, подойдя тотчас к передней, и сделав д'Артаньяну знак рукой, как будто прося позволения прежде покончить с другими, он закричал, постепенно возвышая голос:

– Атос! Портос! Арамис!

Два известные уже нам мушкетера, Портос и Арамис, отделились немедленно от группы и вошли в кабинет, дверь которого тотчас за ними затворилась.

Выражение лиц их, хотя не совсем спокойное, но полное достоинства и покорности, удивило д'Артаньяна, видевшего в этих людях полубогов, а в начальнике их Юпитера Олимпийского, вооруженного всеми своими перунами.

Когда два мушкетера вошли, дверь за ними затворилась, и говор в передней, которому это обстоятельство дало новую пищу, начался снова; де-Тревилль раза три или четыре прошелся по кабинету молча и нахмурив брови, вдруг остановился перед мушкетерами, окинув их с ног до головы раздраженным взглядом, и сказал:

– Знаете ли вы, что сказал мне король вчера вечером? знаете ли вы, господа?

– Нет, отвечали после минутного молчания оба мушкетера, – нет, мы не знаем.

– Но я надеюсь, что вы сделаете нам честь – скажете, прибавил Арамис самым вежливым тоном, учтиво кланяясь.

– Он сказал мне, что он вперед будет набирать своих мушкетеров из гвардейцев кардинала.

– Из гвардейцев кардинала! Почему так? спросил с живостью Портос.

– Потому что дурное вино для исправления требует примеси хорошего.

Оба мушкетера покраснели до ушей. Д'Артаньян не знал, что ему делать, и желал бы лучше провалиться сквозь землю.

– Да, да, продолжал де-Тревилль, все более разгораясь: – и его величество прав, потому что действительно мушкетеры играют при дворе жалкую роль. Кардинал рассказывал вчера, во время игры с королем, с видом соболезнования, который мне очень не понравился, что третьего дня эти проклятые мушкетеры, эти черти, – и он сделал на этих словах насмешливое ударение, которое мне еще больше не понравилось, – эти головорезы, прибавил он, глядя на меня своими кошачьими глазами, – запоздали в улице Феру, в кабаке, и что дозор его гвардии, – и при этом я думал, что он расхохочется, – принужден был задержать этих нарушителей порядка. Черт возьми, вы должны знать об этом! Задержать мушкетеров! Вы были оба в числе их; не защищайтесь, вас узнали и кардинал назвал вас по имени. Разумеется, я виноват, потому что я сам выбираю себе людей. Послушайте, вы, Арамис, зачем вы домогались мундира, когда к вам так шла бы ряса? А вы, Портос, на своей прекрасной шитой золотом перевязи, верно, носите соломенную шпагу? Атос! я не вижу Атоса! Где он?

– Капитан, отвечал печально Арамис, – он очень болен.

– Болен, очень болен, говорите вы? Какой болезнью?

– Подозревают, что это оспа, отвечал Портос, желавший вмешаться в разговор, – что было бы очень жаль, потому что от этого испортилось бы лицо его.

– Оспа! Какую славную историю вы рассказываете, Портос! Болен оспой в его лета! Не может быть! Наверно он ранен, быть может, убит! Ах, если б я знал?... Господа мушкетеры, я не желаю, чтобы вы посещали дурные места, чтобы вы ссорились на улицах и дрались на перекрестках. Я не хочу наконец, чтобы вы служили посмешищем для гвардии кардинала, у

которого люди храбры, ловки, не доводят себя до того чтобы их задержали; впрочем я уверен, что они не позволили бы арестовать себя. Они скорее дадут себя убить, чем отступят на один шаг. Спасаться, уходить, бежать, – это свойственно только королевским мушкетерам.

Портос и Арамис дрожали от бешенства. Они охотно задушили бы де-Тревиля, если бы не знали, что только любовь к ним заставила его говорить таким образом. Они стучали ногами по ковру, кусали себе губы до крови и сжимали изо всей силы эфесы своих шпаг. В передней слышали, что де-Тревиль позвал Атоса, Портоса и Арамиса, и по голосу де-Тревиля знали, что он в сильном гневе. Десять любопытных голов прижались ушами к двери и бледнели от бешенства, потому что они не пропустили ни одного слова из сказанного де-Тревилем и повторяли обидные слова капитана всем, бывшим в передней.

В одну минуту весь отель пришел в волнение от дверей кабинета до ворот на улицу.

– А! королевские мушкетеры позволяют задерживать себя страже кардинала, продолжал де-Тревиль, внутренне бесившийся не менее своих солдат, произнося слова отрывисто, как будто погружая их одно за другим, как удары кинжала в грудь слушателей. – А! шестеро гвардейцев кардинала арестуют шестерых мушкетеров его величества? Черт возьми! Я уже решил! Я немедленно отправляюсь в Лувр, подаю в отставку из капитанов королевских мушкетеров и буду проситься в поручики гвардии кардинала; если же он мне откажет, черт возьми, я сделаюсь аббатом.

При этих словах наружный шепот превратился во взрыв; со всех сторон слышались ругательства и проклятия.

Д'Артаньян искал места, где бы мог спрятаться и чувствовал непреодолимое желание залезть под стол.

– Правда, капитан, сказал разгорячившийся Портос, – что нас было шесть против шести, но на нас напали изменнически, и прежде нежели мы обнажили шпаги, двое из нас уже были убиты, а Атос, опасно раненый, ничего не мог сделать. Вы знаете Атоса, капитан, он два раза делал попытку встать и два раза падал. Несмотря на это, мы не сдались, нет, нас утащили силой. Дорогой мы спаслись. Что же касается до Атоса, то его сочли мертвым и преспокойно оставили на месте сражения, полагая, что не стоит уносить его. Вот вся наша история. Черт возьми, капитан! Нельзя быть победителем во всех сражениях. Великий Помпей был разбит при Фарсале, и король Франциск I, который, говорят, стоил Помпея, проиграл сражение при Павии.

– А я имею честь уверить вас, что я убил одного из них его собственною шпагой, сказал Арамис, – потому что моя сломалась при первой стычке. Убил или заколол, как вам угодно.

– Я этого не знал, сказал де-Тревиль несколько смягчившись: – кардинал, как видно, преувеличил.

– Но сделайте милость, капитан, продолжал Арамис, осмелившийся высказать просьбу, видя что де-Тревиль успокаивался, – сделайте милость, не говорите что Атос ранен: он был бы в отчаянии, если б это узнал король; а так как рана из самых опасных, потому что через плечо она прошла насквозь в грудь, то можно опасаться...

В эту самую минуту у дверей приподнялась драпировка и из нее показалось прекрасное, благородное, но чрезвычайно бледное лицо.

– Атос! вскрикнули оба мушкетера.

– Атос! повторил сам де-Тревиль.

– Вы меня требовали, капитан, сказал Атос де-Тревилю, слабым, но совершенно спокойным голосом: – товарищи мои сказали, что вы меня требовали и я поспешил явиться за вашими приказаниями; что вам угодно?

И с этими словами мушкетер в безукоризненной форме, со шпагой, как обыкновенно, вошел в кабинет твердым шагом. Тронутый до глубины души этим доказательством храбрости, де-Тревиль поспешил к нему навстречу.

– Я только что хотел сказать этим господам, прибавил он, – что я запрещаю своим мушкетерам без нужды подвергать опасности свою жизнь, потому что храбрые люди дороги королю, а королю известно, что его мушкетеры самые храбрые люди на свете. Дайте вашу руку, Атос.

И, не ожидая ответа на такое изъявление благосклонности, де-Тревиль взял его за правую руку и пожал её из всех сил, не замечая, что Атос, при всей силе его воли, обнаружил болезненное движение и побледнел еще больше, что казалось уже невозможным.

Дверь оставалась отворенною; появление Атоса, рана которого была всем известна, несмотря на желание сохранить ее в тайне, произвело сильное впечатление. Последние слова капитана были приняты с криком удовольствия, и две или три головы, увлеченные восторгом, показались из-за драпировки. Без сомнения, де-Тревиль резкими словами остановил бы это нарушение правил этикета, но он вдруг почувствовал, что рука Атоса судорожно сжималась в руке его и заметил, что он лишается чувств. В эту же самую минуту Атос, собравший все свои силы, чтобы превозмочь боль, наконец побежденный ею, упал как мертвый на паркет.

– Хирурга! кричал де-Тревиль, – моего, королевского, лучшего хирурга, – или мой храбрый Атос умрет.

На крик де-Тревиля все бросились в его кабинет и начали хлопотать около раненого. Но все их старания были бы бесполезны, если бы доктор не случился в самом доме; он прошел сквозь толпу, приблизился к бесчувственному Атосу и, так как шум и движение мешали ему, то он просил, прежде всего, чтобы мушкетер был тотчас перенесен в соседнюю комнату. Де-Тревиль отворил дверь и указал дорогу Портосу и Арамису, которые унесли товарища на руках. За этою группой следовал хирург; за ним дверь затворилась.

Тогда кабинет де-Тревиля, место обыкновенно весьма уважаемое, сделался похожим на переднюю. Каждый рассуждал вслух, говорили громко, ругались, посылали к чертям кардинала и его гвардейцев.

Минуту спустя Портос и Арамис вернулись; только хирург и де-Тревиль остались подле раненого.

Наконец возвратился и де-Тревиль. Раненый пришел в чувство; хирург объявил, что состояние мушкетера не должно беспокоить друзей его и что слабость его произошла просто от потери крови.

Потом де-Тревиль сделал знак рукой и все вышли, кроме д'Артаньяна, который не забыл о своей аудиенции и с упрямством Гасконца стоял на том же месте.

Когда все ушли и дверь затворилась, де-Тревиль остался наедине с молодым человеком.

Во время этой суматохи он совсем забыл о д'Артаньяне, и на вопрос, чего хочет упрямый проситель, д'Артаньян назвал себя по имени. Тогда де-Тревиль, вспомнив, в чем было дело, сказал ему с улыбкой.

– Извините, любезный земляк, я об вас совершенно забыл. Что делать! Капитан не что иное как отец семейства, обремененный большею ответственностью нежели отец обыкновенного семейства. Солдаты – это взрослые дети; но как я желаю, чтобы приказания короля и в особенности кардинала были исполняемы...

Д'Артаньян не мог удержаться от улыбки. Из этой улыбки де-Тревиль понял, что имеет дело не с глупцом и, приступив прямо к делу, переменял разговор.

– Я очень любил вашего отца, сказал он. – Что могу я сделать для его сына? Говорите скорее, мне время дорого.

– Капитан, сказал д'Артаньян, – уезжая из Тарба, я предполагал просить вас, в память дружбы, о которой вы не забыли, пожаловать мне мундир мушкетера; но, судя по всему, что я видел в продолжение двух часов, я понимаю, что такая милость была бы слишком велика и боюсь, что не заслуживаю ее.

– Это действительно милость, молодой человек, отвечал де-Тревиль: – но, может быть, она и не превышает ваши силы на столько, как вы думаете. Во всяком случае, я должен с сожа-

лением объявить вам, что, по постановлению его величества, в мушкетеры принимают только после предварительного испытания в нескольких сражениях, после нескольких блистательных подвигов, или после двух лет службы в другом, менее покровительствуемом полку.

Д'Артаньян поклонился молча. Он почувствовал еще более желанием надеть мундир мушкетера с тех пор как узнал, с какими трудностями его достигают.

– Но, продолжал де-Треви́ль, устремив на своего земляка такой пронизательный взгляд, как будто хотел проникнуть его до глубины души, – но, в память вашего отца, моего старого товарища, как я уже вам сказал, я хочу что-нибудь сделать для вас, молодой человек. Наши молодые Беарнцы обыкновенно не богаты, а я сомневаюсь, чтобы порядок вещей во многом изменился со времени моего отъезда из провинции; вероятно, вы не много привезли с собою денег на прожитие.

Д'Артаньян гордо выпрямился, показывая этим, что он не будет просить милостыни у кого бы то ни было.

– Это хорошо, молодой человек, это хорошо, продолжал де-Треви́ль: – я знаю эту гордость; я сам приехал в Париж с 4 экю в кармане, но готов был драться со всяким, кто сказал бы, что я не в состоянии купить Лувр.

Д'Артаньян еще больше выпрямился; продав лошадь, он при начале своей карьеры имел 4 экю больше чем де-Треви́ль.

– Так, вероятно, как я вам говорил, вам нужно поберечь ту сумму, которую вы имеете, какова бы она ни была; но вам нужно также усовершенствоваться в упражнениях, приличных дворянину. Я сегодня же напишу к директору королевской академии, а завтра он вас примет без всякой платы. Не отказывайтесь от этой маленькой милости. Самые знатные и богатые дворяне наши иногда просят о ней и не могут получить. Вы научитесь верховой езде, фехтованию и танцам; составите там хороший круг знакомства и, по временам, будете приходить ко мне рассказывать, как пойдут ваши занятия; тогда увидим, что я могу для вас сделать.

Хотя д'Артаньян был еще мало знаком с придворным обращением, но понял холодность этого приема.

– Увы, капитан, сказал он, – я вижу теперь, сколько я потерял с утратой рекомендательного письма отца моего к вам!

– В самом деле, отвечал де-Треви́ль, – я удивляюсь, что вы предприняли такое дальнейшее путешествие без этого единственного пособия для нас, Беарнцев.

– Я имел его, сказал д'Артаньян, – но у меня его вероломно похитили.

И он рассказал бывшую в Мёнге сцену, описал с малейшими подробностями наружность незнакомца, и в рассказе его было столько увлечения и истины, что это восхитило де-Треви́ля.

– Это странно, сказал он обдумывая, – вы верно говорили обо мне вслух?

– Да, капитан, я был так неблагоприятен. Что делать! такое имя, как ваше, служило мне щитом во время дороги; судите сами, часто ли я им прикрывался.

Лесть была тогда в большом употреблении и де-Треви́ль любил похвалу столько же как король или кардинал. Он не мог удержаться от улыбки удовольствия, но эта улыбка скоро исчезла и, возвращаясь к приключению в Мёнге, он продолжал:

– Скажите, не было ли у этого дворянина легкой царапины на щеке?

– Да, как будто от пули.

– Этот человек красивой наружности?

– Да.

– Высокого роста?

– Да.

– Цвет лица бледный, волосы черные!

– Да, да, это так. Каким образом вы знаете этого человека? Ах, если бы мне его когда-нибудь найти! А я найду его, клянусь вам, хотя бы в аду...

– Он ожидал одну женщину? продолжал де-Тревиль.

– По крайней мере он уехал после минутного разговора с той, которую ожидал.

– Вы не знаете, о чем они говорили?

– Он отдал ей коробку и сказал, что в ней заключаются поручения, и чтоб она открыла ее не прежде как в Лондоне.

– Эта женщина была Англичанка?

– Он называл ее миледи.

– Это он! прошептал де-Тревиль, – это он, я полагал, что он еще в Брюсселе.

– О, капитан, если вы знаете, сказал д'Артаньян, – скажите мне, кто этот человек и откуда он, тогда я готов даже возвратить вам обещание ваше поместит меня в мушкетеры, потому что прежде всего я хочу отомстить.

– Берегитесь, молодой человек, сказал де-Тревиль: – напротив, если вы увидите его на одной стороне улицы, перейдите на другую! Не ударяйтесь об эту скалу, она разобьет вас как стекло.

– Это не помешает однако, сказал д'Артаньян, – тому что если я когда-нибудь его встречу...

– Покуда, сказал де-Тревиль, не ищите его, я вам дам совет.

Де-Тревиль остановился; ему вдруг показалась подозрительною эта ненависть, высказанная громко молодым путешественником к человеку, обвиняемому им весьма неправдоподобно в том, что он украл у него письмо отца его. «Не был ли это обман?» думал он, «не подослан ли к нему этот молодой человек кардиналом? не хитрит ли он? не был ли этот предполагаемый д'Артаньян лазутчиком, которого кардинал желал ввести в дом его, чтобы овладеть его доверенностью и со временем погубить его; подобные случаи были не редки. Он посмотрел на д'Артаньяна еще пристальнее чем в первый раз. Но при виде этого лица, выразившего тонкий ум и непринужденную покорность, он несколько успокоился.

«Я знаю, что он Гасконец», подумал он; «но он может быть Гасконец столь же для меня как и для кардинала. Испытаем его».

– Друг мой, сказал он медленно, – я верю истории потерянного письма, и чтобы загладить холодность моего приема, замеченную вами в начале, я хочу открыть вам, как сыну моего старого друга, тайны нашей политики. Король и кардинал большие друзья между собою; их видимые распри служат только для обмана глупцов. Я не хочу, чтобы мой земляк, храбрый молодой человек, который должен сделать карьеру, верил всем этим притворствам и как глупец попал в сети по следам других, которые в них погибли. Не забывайте, что я предан этим двум всемогущим лицам и что все мои поступки имеют целью только службу короля и кардинала, одного из славнейших гениев Франции. Теперь, молодой человек, сообразите это и если вы, как многие из дворяне, питаете неприязненное чувство к кардиналу, вследствие ли семейных отношений, связей, или просто по инстинкту, то простимся и расстанемся навсегда. Я буду помогать вам во многом, но не оставляю вас при себе. Во всяком случае, я надеюсь, что откровенностью приобрел дружбу вашу, потому что вы первый молодой человек, с которым я говорю таким образом.

В то же время де-Тревиль думал: «Если кардинал подослал ко мне эту молодую лисицу, то, зная до какой степени я его ненавижу, он верно научил своего шпиона говорить о нем как можно больше дурного, чтобы понравиться мне; и потому, несмотря на мои похвалы кардиналу, хитрый земляк наверное ответит мне, что он ненавидит его.

Против ожидания де-Тревилья д'Артаньян отвечал очень просто:

– Капитан, я приехал в Париж с такими же намерениями. Отец приказывал мне не переносить ничего и ни от кого кроме короля, кардинала и вас, которых он считает первыми лицами Франции. Д'Артаньян прибавил имя де-Тревилья к прочим, но он думал что это не испортит дела. – Поэтому я очень уважаю кардинала, продолжал он, и его действия. Тем лучше для меня,

капитан, если вы говорите со мною откровенно, потому что тогда вы оцените сходство мнений наших; но если вы мне не доверяете, что впрочем очень естественно, то я чувствую, что я сам себе повредил; но тем хуже, если я потеряю ваше уважение, которым я дорожу больше всего на свете.

Де-Треви́ль был удивлен в высшей степени. Такая пронизательность и откровенность поразили его, но не совсем уничтожили его подозрение; чем выше других был этот молодой человек, тем он был опаснее, если он в нем ошибался. Несмотря на то, он пожал руку д'Артаньяна и сказал;

– Вы честный молодой человек, но теперь я могу сделать для вас только то, что я вам предлагал. Мой дом всегда открыт для вас. В последствии, так как вы во всякое время можете являться ко мне и, следовательно, воспользоваться всяким случаем, вероятно, вы получите то чего желаете.

– То есть, сказал д'Артаньян, – вы будете ожидать, чтоб я заслужил эту честь. Так будьте спокойны, прибавил он с фамильярностью Гасконца, – вам не долго придется ждать. И он поклонился, чтобы уйти, как будто все остальное зависело от него одного.

– Подождите же, сказал де-Треви́ль, останавливая его, – я обещал дать вам письмо к директору академии. Разве вы слишком горды чтобы принять его, молодой человек?

– Нет, капитан, сказал д'Артаньян, – я вам ручаюсь, что с этим письмом не случится того, что было с первым. Я буду его беречь, так что оно дойдет по адресу, клянусь вам, и горе тому, кто бы вздумал похитить его у меня!

Де-Треви́ль улыбнулся при этом хвастовстве и оставил своего земляка в амбразуре окна, где они разговаривали; он сел к столу и начал писать обещанное рекомендательное письмо. В это время д'Артаньян от нечего делать начал барабанить по стеклу, смотря на уходивших один за другим мушкетеров, провожая их глазами до поворота улицы.

Де-Треви́ль окончил письмо, запечатал его и подошел к молодому человеку, чтобы отдать ему; но в эту самую минуту, когда д'Артаньян протягивал руку, чтобы взять его, вдруг, к великому удивлению де-Треви́ля, отшатнулся, покраснел от гнева и бросился вон из кабинета, крича:

– А! в этот раз не уйдет от меня!

– Кто? спросил де-Треви́ль.

– Он, мой вор, отвечал д'Артаньян. – А! разбойник!

И он исчез.

– Сумасшедший! пробормотал де-Треви́ль. Может быть, прибавил он, – это ловкое средство уйти, видя, что хитрость не удалась.

IV. Плечо Атоса, перевязь Портоса и платок Арамиса

Бешеный д'Артаньян в три прыжка выскочил через переднюю на лестницу, по которой начал спускаться через четыре ступени, и вдруг на всем бегу ударился головой в плечо мушкетера, выходявшего от де-Тревиля через потаенную дверь. Мушкетер вскрикнул, или, лучше сказать, застонал.

– Извините, сказал д'Артаньян и хотел продолжать бегство, – извините, я спешу.

Едва он сошел на одну ступень, как железная рука схватила его за пояс и остановила.

– Вы спешите, сказал мушкетер, бледный, как саван: – под этим предлогом вы толкаете меня, говоря извините, и думаете что этого достаточно? Не совсем, молодой человек. Вы думаете, что если вы слышали, что де-Тревиль сегодня говорил с нами немного резко, то и вам можно обращаться с нами также? Разуверьтесь, товарищ, ведь вы не де-Тревиль.

– Уверю вас, сказал д'Артаньян, узнавший Атоса, который после осмотра раны доктором возвращался в свою комнату, – право, я это сделал без намерения и потому сказал: извините меня; кажется, этого довольно; но я вам повторяю, что я спешу, очень спешу. Пустите же меня, пожалуйста, позвольте мне идти по своему делу.

– Милостивый государь, сказал Атос, отпуская его, – вы невежливы. Видно, что вы приехали издалека.

Д'Артаньян прошел уже три или четыре ступени, но после замечания Атоса остановился.

– Черт возьми! откуда бы я не приехал, но не вам учить меня хорошим приемам.

– Может быть, сказал Атос.

– Ах, если бы мне не нужно было так спешить... сказал д'Артаньян, – если б я не бежал за кем-нибудь.

– Вы торопитесь, но чтобы найти меня, вам не нужно будет бегать; вы меня найдете, слышите ли?

– Где же, скажите?

– Подле монастыря Кармелиток.

– В котором часу?

– Около двенадцати.

– Около двенадцати; хорошо, я буду.

– Постарайтесь не заставить ждать себя, потому что четверть часа позже я вам обрежу уши на бегу.

– Хорошо, кричал д'Артаньян, – я буду там без десяти минут в двенадцать.

И он побежал как сумасшедший, надеясь еще отыскать своего незнакомца, который не мог уйти далеко своим спокойным шагом.

Но у ворот Портос разговаривал с одним гвардейцем. Между разговаривавшими было именно столько расстояния, сколько нужно чтобы пройти одному человеку.

Д'Артаньян думал, что для него довольно будет этого пространства и бросился между ними как стрела. Но он не рассчитал на порыв ветра. Только что он хотел пройти, как ветер раздул длинный плащ Портоса и д'Артаньян попал прямо под плащ. Конечно, Портос имел свои причины придержать эту существенную часть одежды, и вместо того чтобы опустить полу, которую держал, он притянул ее к себе, так что д'Артаньян завернулся в бархат кругом.

Д'Артаньян, слыша ругательства мушкетера, хотел выйти из-под плаща, опутавшего его. Он в особенности боялся, чтобы не замарать великолепной перевязи, но, открыв глаза, очутился носом между плечами Портоса, то есть прямо перед перевязью.

Увы! как большая часть вещей на свете бывают красивы только с наружной стороны, так и перевязь была золотая только спереди, а сзади из простой буйволового кожи.

Хвастливый Портос, не будучи в состоянии иметь целую золотую перевязь, имел ее по крайней мере в половину, чем и объясняется его простуда и крайняя нужда в плаще.

– Черт возьми, сказал Портос, делая все усилия, чтобы освободиться от д'Артаньяна, шевелившегося за спиной его, – вы бросаетесь на людей как бешеный.

– Извините, сказал д'Артаньян, показываясь под плечом великана, – я тороплюсь, мне нужно догнать одного господина и...

– Разве вы бежите, закрыв глаза? спросил Портос.

– Нет, отвечал оскорбленный д'Артаньян, – и, благодаря моим глазам, я вижу даже то, чего не видят другие.

Неизвестно, понял ли Портос, что он хотел этим сказать, но он рассердился и отвечал:

– Предупреждаю вас, что если вы будете обращаться таким образом с мушкетерами, то будете биты.

– Буду бит! сказал д'Артаньян, – это слово немножко жестко.

– Это слово приличное человеку, привыкшему смотреть врагам прямо в глаза.

– О! я знаю, что вы не поворачиваетесь к ним спиной.

И молодой человек, довольный своею шуткой, удалился, смеясь во все горло.

Портос пришел в бешенство и сделал движение, чтобы броситься на д'Артаньяна.

– После, после, кричал д'Артаньян, – когда снимете плащ.

– Ну, так в час, за Луксембургом.

– Очень хорошо, в час, отвечал д'Артаньян, поворачивая за угол.

Но ни в той улице, которую он пробежал, ни в той, в которую теперь поворотил, не было того, кого он искал. Как бы тихо не шел незнакомец, он ушел уже из виду; может быть, он зашел в какой-нибудь дом. Д'Артаньян спрашивал о нем у всех, кого встречал, спустился до парамы, прошел по улице Сены а Красного Креста, но не нашел никого.

Между тем эта ходьба послужила к его пользе в том отношении, что по мере того как пот обливал его лоб, сердце простывало. Тогда он начал размышлять о последних происшествиях; их было много и все несчастные: было только 11 часов утра, а он успел уже попасть в немилость де-Тревиля, которому не мог показаться вежливым поступок д'Артаньяна при уходе от него.

Кроме того, он принял два вызова на дуэли с людьми, способными убить каждый по три д'Артаньяна, притом с двумя мушкетерами, то есть с людьми, которых он столько уважал и считал выше всех других людей.

Будущее было печально. Уверенный что будет убит Атосом, молодой человек мало беспокоился о Портосе. Впрочем, как надежда никогда не оставляет человека, то и он начал надеяться что переживет эти две дуэли, разумеется с ужасными ранами, и на случай, если б остался в живых, давал себе следующий урок:

– Какой я безмозглый! Храбрый, несчастный Атос ранен именно в то плечо, о которое я ударился головой как баран. Удивительно, что он не убил меня на месте; он имел на то право, потому что вероятно я причинил ему жестокую боль.

И, против воли, молодой человек начал смеяться, оглядываясь впрочем чтобы этим смехом, без видимой для других причины не обиделся кто из проходящих.

– Что касается до Портоса, это забавно, тем не менее я несчастный ветреник. Разве бросаются так на людей, не закричав берегись? нет. И разве заглядывают им под плащи, чтобы искать того, чего там нет? Он, конечно, простил бы меня; да, он простил бы, если б я не сказал ему об этой проклятой перевязи; хотя впрочем я не прямо сказал, а только намекнул. Проклятая гасконская привычка! я кажется стал бы шутить и на виселице.

– Послушай, друг мой, д'Артаньян, продолжал он, разговаривая сам с собою, со всею любезностью, к которой считал себя обязанным в отношении к самому себе, – если ты останешься цел, что невероятно, то на будущее время следует быть вежливым. Надо, чтобы тебе удивлялись, ставили тебя в пример другим. Быть предупредительным и вежливым, не значит

быть трусом. Посмотри на Арамиса. Арамис – это олицетворенная скромность и грация. А осмелится ли кто-нибудь сказать, что он трус? Без сомнения нет, и с этих пор я хочу во всем следовать его примеру. А вот и он.

Д'Артаньян, идя и разговаривая сам с собой, дошел до дома д'Егильона, перед которым увидел Арамиса, весело разговаривавшего с тремя дворянами из королевской гвардии. Арамис тоже заметил д'Артаньяна. Но как он не забыл, что де-Тревиль утром горячился в присутствии этого молодого человека и, как свидетель выговора, сделанного мушкетерам, не был ему приятен, то он сделал вид, будто его не замечает. Д'Артаньян, напротив, желая привести в исполнение свой план примирения и учтивости, подошел к четверем молодым людям и поклонился им с самою приятною улыбкой. Арамис слегка наклонил голову, но не улыбнулся. Все четверо сейчас же прекратили разговор.

Д'Артаньян не был на столько глуп, чтобы не понять, что он лишний; но и не привык еще на столько к приемам большого света, чтобы ловко суметь выйти из ложного положения человека, вмешавшегося в разговор, до него не касающийся, и с людьми, едва ему знакомыми.

Обдумывая средство удалиться как можно ловчее, он заметил, что Арамис уронил платок. И, без сомнения, по неосторожности, наступил на него; ему показалось это хорошим случаем поправить свой неприличный поступок: он наклонился и, с самым любезным видом, выдернув платок из-под ноги мушкетера, делавшего все возможные усилия, чтобы удержать его, подавая его, сказал:

– Я думаю, милостивый государь, что вам досадно было бы потерять этот платок.

Платок был действительно с богатою вышивкой, с короной и гербом на одном из углов. Арамис покраснел до чрезвычайности и скорее выдернул, чем взял платок из рук Гасконца.

– А, скрытный Арамис, сказал один из гвардейцев: – ты и теперь еще скажешь, что ты в дурных отношениях с госпожою де Боа-Траси, когда эта прелестная дама одолжает тебе свои платки?

Арамис устремил на д'Артаньяна такой взгляд, который ясно дал ему понять, что он приобрел смертельного врага; потом, приняв снова кроткий вид, сказал:

– Вы ошибаетесь, господа, это не мой платок, и я не знаю, почему этому господину вздумалось отдать его мне, а не одному из вас; а в доказательство я вам покажу, что мой платок в кармане.

С этими словами он вынул собственный платок, также очень изящный, из тонкого батиста, хотя батист дорого стоил в то время, но без вышивки, без герба, и украшенный только вензелем своего владельца.

На этот раз д'Артаньян не сказал ни слова; он понял свою неосторожность. Но друзья Арамиса не убедились его запирательством и один из них сказал, обращаясь к молодому мушкетеру с притворною важностью:

– Если ты говоришь правду, то я должен был бы, любезный Арамис, взять его у тебя, потому что, как тебе известно, я из числа искренних друзей де Боа-Траси и не желаю чтобы хвастались вещами его жены.

– Ты не так просишь, отвечал Арамис, – и, сознавая справедливость твоего требования, я не мог исполнить его, потому что оно не так выражено как следует.

– Дело в том, отважился сказать д'Артаньян, – что я не видал, выпал ли платок из кармана г. Арамиса. Он наступил на него, вот почему я думал, что платок его.

– И вы ошиблись, любезный, сказал хладнокровно Арамис, нечувствительный к желанию д'Артаньяна поправить свою ошибку. Потом, обращаясь к гвардейцу, объявившему себя другом де Боа-Траси, он продолжал. – Впрочем, я думаю, любезный приятель Боа-Траси, что я не менее твоего нежный друг его; так что платок мог также выпасть из твоего кармана, как и из моего.

Нет, клянусь честью! сказал гвардеец его величества.

Ты будешь клясться честью, а я честным словом и очевидно, что один из нас солжет. Послушай, Монгаран, сделаем лучше так, возьмем каждый по половине.

– Платка?

– Да.

– Превосходно! сказали другие два гвардейца, – суд царя Соломона! Арамис решительно мудрец!

Молодые люди засмеялись и дело, разумеется, не имело других последствий. Минуту спустя, разговор прекратился; три гвардейца и мушкетер, пожав друг другу руки, отправились – гвардейцы в одну сторону, Арамис в другую.

– Вот минута помириться с этим любезным молодым человеком, сказал сам себе д'Артаньян, который стоял немного в стороне во время последнего разговора их; и с этим намерением подошел к Арамису, удалявшемуся, не обращая на него внимания:

– Милостивый государь, сказал он, – я надеюсь, что вы извините меня.

– Ах, сказал Арамис, позвольте – заметить вам, что вы поступили в этом случае не так, как следовало бы светскому человеку.

– Как, вы полагаете, сказал д'Артаньян.

– Я полагаю, что вы не глупы, и что хотя вы приехали из Гасконии, но знаете, что без причины не наступают на носовой платок. Черт возьми, Париж не вымощен батистом!

– Вы напрасно хотите оскорбить меня, сказал д'Артаньян, сварливая натура которого взяла верх над мирным расположением: – правда, что я из Гасконии, а Гасконцы, как вам известно, нетерпеливы, так что если Гасконец раз извинился, хотя бы в глупости, то он уже убежден, что сделал вдвое больше чем бы следовало.

– Я сказал вам это не для того, чтобы хотел ссориться с вами, отвечал Арамис: – благодаря Бога, я не забияка и, будучи мушкетером только на время, дерусь только по принуждению и всегда очень неохотно; но на этот раз дело важное, потому что вы скомпрометировали даму.

– То есть мы скомпрометировали ее, сказал д'Артаньян.

– Зачем вы были так неловки, что отдали мне этот платок?

– Зачем вы уронили его?

– Повторяю вам, что платок выпал не из моего кармана.

– Так вы два раза солгали, потому что я видел, как вы его уронили.

– А! вы начинаете говорить другим тоном, господин Гасконец, так я научу вас общежитию.

– А я отправлю вас в ваш монастырь, г. аббат. Не угодно ли вам сейчас же обнажить шпагу.

– Нет, пожалуйста, друг мой, не здесь по крайней мере. Разве вы не видите, что мы стоим против дома д'Егильона, наполненного кардинальскими тварями. Кто уверит меня, что кардинал не поручил вам доставить ему мою голову? А я дорожу своею головой, потому что она, как мне кажется, очень хорошо подходит к моим плечам. Успокойтесь же, я хочу вас убить, но без огласки, в закрытом месте, где вы не могли бы ни перед кем похвалиться своею смертью.

– Я согласен, но не надейтесь на это; возьмите свой платок, принадлежит ли он вам, или нет, может быть он вам понадобится.

– Вы Гасконец? спросил Арамис.

– Да, Гасконец, и не откладываю дуэли из осторожности.

– Осторожность – добродетель, бесполезная для мушкетеров, но необходимая для духовных, и так как я мушкетер только на время, то и хочу быть осторожным. В два часа я буду иметь честь ожидать вас в доме де-Тревиля; там я назначу вам место.

Молодые люди раскланялись, потом Арамис пошел по улице, ведущей к Люксембургу, между тем д'Артаньян, видя что время приближается, отправился по дороге к монастырю Кар-

мелиток, рассуждая: – решительно я не возвращусь оттуда; но если я буду убит, то по крайней мере буду убит мушкетером.

V. Королевские мушкетеры и гвардейцы кардинала

Д'Артаньян никого не знал в Париже, и потому он пошел на свидание с Атосом без секунданта, решившись удовольствоваться теми, которых выберет его противник. Впрочем, он решительно намеревался извиниться прилично, но без слабости, перед храбрым мушкетером, опасаясь, что эта дуэль будет иметь для него неприятные последствия, бывающие тогда, когда человек молодой и сильный дерется с ослабевшим от ран противником: если он будет побежден, то это удваивает торжество его соперника, если же останется победителем, то его обвинят в преступлении и неуместной храбрости.

Впрочем, если мы верно описали характер нашего искателя приключений, то читатель должен был уже заметить, что д'Артаньян не был человек обыкновенный. Повторяя сам себе, что смерть его неизбежна, он решился умереть не потихоньку, как бы сделал на его месте другой, менее храбрый и умеренный.

Он рассуждал о разных характерах тех лиц, с которыми ему предстояло драться, и начал понимать яснее свое положение. Он надеялся посредством приготовленных извинений приобрести дружбу Атоса, важный и строгий вид которого ему очень нравился.

Он льстил себя надеждой напугать Портоса приключением с перевязью, которое, если он не будет убит, то может всем рассказать; а рассказ этот, пущенный в ход кстати, выставил бы Портоса с смешной стороны; наконец, что касается до угрюмого Арамиса, он его не слишком боялся; думая, что если дело дойдет до него, то он отправит его на тот свет прекрасным, как он есть, или, по крайней мере, ударит его в лицо, как Цезарь приказывал делать с солдатами Помпея, повредит навсегда красоту, которой он так дорожил.

Притом д'Артаньян обладал неистощимым запасом решимости, положенным в сердце его советами отца, сущность которых заключалась в следующем:

«Не переносить ничего ни от кого кроме короля, кардинала и де-Тревиля», и потому он скорее летел, чем шел к монастырю Кармелиток; это было здание без окошек, окруженное пустыми полями и служившее обыкновенно местом для свидания людей, не любивших терять времени.

Когда д'Артаньян дошел до небольшого пустопорожнего места возле этого монастыря, Атос уже дожидался его, но не более пяти минут, и в это самое время било двенадцать часов. Следовательно, он был аккуратен, и самый строгий блюститель дуэлей не мог бы упрекнуть его.

Атос, все еще жестоко страдавший от раны, хотя снова перевязанной хирургом де-Тревиля, сидел на меже и ждал своего противника с видом спокойного достоинства, никогда его не покидавшим. При виде д'Артаньяна он встал и вежливо сделал несколько шагов ему на встречу. Тот, с своей стороны, приближался к противнику со шляпой в руке, перо которой касалось земли.

– Милостивый государь, сказал Атос, – я просил двух друзей моих быть моими секундантами, но они еще не пришли. Удивляюсь, что они опаздывают, это не в их привычках.

– У меня нет секундантов, сказал д'Артаньян, – я только что вчера приехал в Париж и никого не знаю, кроме де-Тревиля, которому отрекомендован отцом моим, имевшим честь быть из числа друзей его.

Атос задумался на минуту.

– Вы никого не знаете, кроме де-Тревиля? спросил он.

– Да, я никого не знаю, кроме его.

– Но, продолжал Атос, говоря отчасти самому себе, отчасти д'Артаньяну, – но если я вас убью, то меня назовут детоедом.

– Не совсем, отвечал д'Артаньян, с поклоном, не лишенным достоинства, – не совсем, потому что вы делаете мне честь, деретесь со мною, несмотря на рану, которая вас наверно очень беспокоит.

– Очень беспокоит, честное слово, и вы были причиной чертовской боли, надо признаться; но я в таких случаях обыкновенно действую левою рукой. Не думайте, чтоб я хотел оказать вам этим милость, я равно дерусь обеими руками; это даже будет невыгодно для вас; иметь дело с левшей очень неудобно для тех, кто не предупрежден об этом. Я жалею, что раньше не сообщил вам этого обстоятельства.

– Вы очень любезны, сказал д'Артаньян; снова кланяясь, – и я вам очень благодарен.

– Вы смущаете меня, отвечал Атос; – будем, пожалуйста, говорить о чем-нибудь другом, если это вам не противно. Ах, черт возьми, какую вы мне причинили боль! Плечо у меня горит.

– Если бы вы позволили... нерешительно сказал д'Артаньян.

– Что?

– У меня есть чудесный бальзам для ран, бальзам, полученный мной от матери, действие которого я испытал на себе.

– Ну, так что же?

– Я уверен, что от этого бальзама рана ваша менее чем в три дня зажила бы, и по прошествии трех дней, когда бы вы выздоровели, я счел бы за честь быть к вашим услугам.

Д'Артаньян сказал слова эти с простотою, делавшею честь его любезности, и не вредившею храбрости.

– Право, сказал Атос, – ваше предложение мне нравится, не потому чтоб я хотел принять его, но в нем слышится дворянин. Так говорили и поступали храбрые времен Карла Великого, примеру которых должен следовать всякий благородный человек. К несчастью, мы живем не во время великого императора. У нас теперь время кардинала, и как бы не сохраняли тайну, через три дня узнают, что мы должны драться и помешают нам. Но что же не идут эти гуляки?

– Если вы спешите, сказал д'Артаньян Атосу, с тою же простотою, как за минуту предлагал отложить дуэль на три дня, – если вы спешите, и вам угодно приступить к делу немедленно, то не стесняйтесь, пожалуйста.

– Это также мне нравится, сказал Атос, делая учтивый знак головой д'Артаньяну: – это может сказать только человек с умом и с сердцем. Я люблю людей таких как вы, и вижу, что если мы не убьем друг друга, то я всегда буду находить истинное удовольствие в вашей беседе. Дождитесь, пожалуйста, этих господ, я свободен и сверх того дело будет правильнее.

– Ах! вот кажется один из них!

В самом деле, на конце улицы Вожирар показался гигантский Портос.

– Как! сказал д'Артаньян, – ваш первый секундант г. Портос?

– Да, разве вам это не нравится?

– Нет, нисколько.

– А вот и другой.

Д'Артаньян посмотрел в ту сторону, куда указал Атос, и узнал Арамиса.

– Как, сказал он еще с большим удивлением чем в первый раз, – ваш второй секундант г. Арамис?

– Без сомнения: разве вы не знаете, что мы всегда вместе, и что нас называют между мушкетерами и гвардейцами, в городе и при дворе: Атос, Портос и Арамис, или трое неразлучных. Впрочем, так как вы приехали из Дакса или из По...

– Из Тарб, сказал д'Артаньян.

– Вам простительно не знать этих подробностей, сказал Атос.

– Вас справедливо так называли, господа, сказал д'Артаньян, – и если узнают мое приключение, то оно послужит доказательством, что ваш союз основан не на контрастах.

В это время Портос, приблизившись, поздоровался с Атосом; потом обернулся к д'Артаньяну и остановился с удивлением.

Скажем, между прочим, что он переменял перевязь и снял плащ.

– А! сказал он, – что это значит?

– Я дерусь с этим господином, сказал Атос, показывая на д'Артаньяна, и сделал ему знак приветствия рукою.

– Я тоже с ним дерусь, сказал Портос.

– Но не ранее часа, отвечал д'Артаньян.

– И я тоже дерусь с этим господином, сказал Арамис, приближаясь в свою очередь.

– Но не ранее двух часов, также спокойно сказал д'Артаньян.

– Ты за что дерешься, Атос? спросил Арамис.

– Право не знаю, он задел за мое больное плечо; а ты за что, Портос?

Атос заметил, как промелькнула легкая улыбка на губах Гасконца.

– Мы поспорили о туалете, сказал молодой человек.

– А ты, Арамис? спросил Атос.

– Я дерусь за богословие, отвечал Арамис, делая знак д'Артаньяну, чтоб он не говорил о причине дуэли.

Атос вторично заметил улыбку на губах д'Артаньяна.

– В самом деле? сказал Атос.

– Да, мы не согласны в смысле одной Фразы из св. Августина, сказал Гасконец.

– Это решительно умный человек, прошептал Атос.

– Теперь, когда вы собрались, господа, сказал д'Артаньян, – позвольте мне извиниться перед вами.

При слове «извиниться» Атос нахмурился, презрительная улыбка мелькнула на губах Портоса, и отрицательный знак головою был ответом Арамиса.

– Вы меня не понимаете, господа, сказал подняв голову д'Артаньян... В это время лучи солнца, падая на его голову, освещали тонкие и смелые черты его лица: – я прошу вашего извинения в таком случае, если не успею расквитаться со всеми вами, потому что г. Атос имеет право убить меня первый, что значительно уменьшает цену моего долга вам, г. Портос, а вам, г. Арамис, почти уничтожается. Теперь повторяю мое извинение, но только в этом – и к делу.

При этих словах, с величайшею ловкостью, д'Артаньян вынул шпагу. Кровь прилила к голове д'Артаньяна, и в эту минуту он готов был обнажить шпагу против всех мушкетеров королевства, как обнажил ее теперь против Атоса, Портоса и Арамиса.

Было четверть первого. Солнце было в зените, и место, избранное для сцены дуэли, было вполне открыто для действия лучей его.

– Очень жарко, сказал Атос, вынимая в свою очередь шпагу; – а я все-таки не могу снять камзола, потому что сейчас чувствовал, что из раны моей лила кровь, и не желаю беспокоить господина д'Артаньяна видом крови, которую не он мне пустил.

– Это правда, сказал д'Артаньян: – кем бы ни была пущена ваша кровь, уверяю вас что я всегда с сожалением увидел бы кровь такого храброго дворянина; я буду также драться в камзоле как и вы.

– Довольно, сказал Портос, – довольно любезностей, подумайте, что мы ждем очереди.

– Говорите за себя одного, Портос, когда вам вздумается говорить подобные непристойности, сказал Арамис, – что касается до меня, я нахожу, что все, что говорят, эти господа очень хорошо и вполне достойно дворянина.

– Угодно вам начать? сказал Атос, становясь на место.

– Я ожидаю ваших приказаний, сказал д'Артаньян, скрещивая шпаги.

Но едва раздался звук рапир, как отряд гвардии кардинала под предводительством Жюссака показался на углу монастыря.

– Гвардейцы кардинала! закричали вдруг Портос и Арамис. – Шпаги в ножны, господа, шпаги в ножны!

Но было уже поздно. Сражавшихся видели в положении, не допускавшем сомнений в их намерениях.

– Ей! кричал Жюссак, приближаясь к ним и подзывая своих солдат, – мушкетеры, вы деретесь! А на что же указы!

– Вы очень великодушны, господа гвардейцы, сказал Атос с злобою, потому что Жюссак был одним из нападавших третьего дня. – Если бы мы видели, что вы деретесь, уверяю вас, что мы не стали бы мешать вам. Предоставьте же нам свободу, и вы будете иметь удовольствие без всякого труда.

– Господа, сказал Жюссак, – объявляю вам с большим сожалением, что это невозможно. Долг службы прежде всего. Вложите же шпаги и следуйте за нами.

– Милостивый государь, сказал Арамис, передразнивая Жюссака, – мы с величайшим удовольствием приняли бы ваше любезное приглашение, если б это зависело от нас; но, к несчастью, это невозможно; де-Тревиль запретил нам. Идите же своею дорогой, это будет всего лучше.

Эта насмешка раздражила до крайности Жюссака.

– Если вы не повинуетесь, сказал он, – то мы нападём на вас.

– Их пятеро, сказал Атос вполголоса, – а нас только трое; мы еще раз будем побеждены и должны будем умереть на месте, потому что я объявляю, что не явлюсь к капитану побежденным.

Атос, Портос и Арамис сблизались друг к другу пока Жюссак уставлял своих солдат.

Этой минуты было достаточно для д'Артаньяна, чтобы решиться: это было одно из тех событий, которые решают участь человека; ему предстояло сделать выбор между королем и кардиналом и, сделав выбор, следовало уже навсегда держаться его. Драться – значило ослушаться закона, рисковать своею головою, сделаться врагом министра, который был могущественнее самого короля; все это предвидел молодой человек, и, скажем в похвалу его, он не колебался ни минуты. Обращаясь к Атосу и друзьям его, он сказал:

– Господа, позвольте мне заметить, что вы ошибаетесь. Вы сказали, что вас только трое, а мне кажется, что нас четверо.

– Но вы не из наших, сказал Портос.

– Это правда, отвечал д'Артаньян, – я не ваш по платью, но ваш душой. У меня сердце мушкетера, и оно меня увлекает.

– Отойдите, молодой человек, сказал Жюссак, угадывавший, без сомнения, по движениям и выражению лица д'Артаньяна его намерение: – вы можете удалиться, мы на это согласны. Спасайтесь скорее.

Д'Артаньян не двигался с места.

– Решительно вы прекрасный мальчик, сказал Атос, пожимая руку молодого человека.

– Ну, ну, решайтесь же, сказал Жюссак.

– Да, сказали Портос и Арамис, – решимся на что-нибудь.

– Этот господин очень великодушен, сказал Атос.

Но все трое думали о молодости д'Артаньяна и опасались за его неопытность.

– Нас будет только трое, в том числе один раненый, да еще дитя, сказал Атос, – а все-таки скажут, что нас было четверо.

– Да, но неужели отступить? сказал Портос.

– Это трудно, отвечал Атос.

Д'Артаньян понял их нерешимость.

– Господа, все-таки испытайте меня, сказал он: – клянусь вам честью, что я не уйду отсюда, если мы будем побеждены.

– Как вас зовут, мой друг? спросил Атос.

– Д'Артаньян.

– Итак, Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян, вперед! кричал Атос.

– Ну, что же, господа, решились ли вы на что-нибудь, спросил в третий раз Жюссак.

– Решено, господа, сказал Атос.

– На что же вы решились? спросил Жюссак.

– Мы будем иметь честь напасть на вас, отвечал Арамис, одною рукой снимая шляпу, а другою вынимая шпагу.

– А, вы сопротивляетесь! сказал Жюссак.

– А это вас удивляет?

И девятеро сражающихся бросились друг на друга, с бешенством, которое не мешало соблюдению некоторых правил.

Атос избрал себе Кагюзака, любимца кардинала; Портос – Бикара, а Арамис очутился против двух противников.

Что касается до д'Артаньяна, то он бросился на самого Жюссака.

Сердце молодого Гасконца билось сильно, не от страха, благодаря Богу, в нем не было и тени страха, но от сильного ощущения; он дрался как бешеный тигр, десять раз обходя около своего противника, переменяя двадцать раз позицию и место. Жюссак был, как говорили тогда, лаком до клинка и много упражнялся; несмотря на то ему весьма трудно было защищаться против ловкого и прыгающего врага, ежеминутно отступавшего от принятых правил, нападавшего вдруг со всех сторон и отражавшего удары, как человек, имеющий полное уважение к своей коже.

Наконец эта борьба начала выводить Жюссака из терпения. Взбешенный неудачей против врага, на которого смотрел как на ребенка, он разгорячился и начал делать ошибки. Д'Артаньян, который хотя мало имел практики, но глубоко изучил теорию, начал действовать еще проворнее. Жюссак, желая покончить разом, нанес сильный удар противнику, наклонившись до земли, но тот отразил удар тотчас же, и пока Жюссак подымался, он, проскользнув как змея, под шпагу его, проколол его насквозь.

Жюссак упал как труп.

Д'Артаньян быстро осмотрел тогда место сражения.

Арамис убил уже одного из своих противников; но другой теснил его сильно. Впрочем Арамис был еще в хорошем положении и мог еще защищаться.

Бикара и Портос оба ранили друг друга. Портос получил удар в руку, Бикара в бедро. Но как ни та ни другая рана не были опасны, то они продолжали драться еще с большим ожесточением.

Атос, раненый снова Кагюзакон, видимо бледнел, но не отступал ни на шаг; он только взял шпагу в другую руку и дрался теперь левой.

Д'Артаньян, по законам дуэли того времени, имел право помочь кому-нибудь, между тем как он высматривал, кто из его товарищей имел нужду в его помощи, он встретил взгляд Атоса. Этот взгляд был в высшей степени красноречив. Атос скорее бы умер, чем стал бы звать на помощь, но он мог смотреть и взглядом просить опоры. Д'Артаньян угадал его мысль, сделав ужасный скачек и нападая с боку на Кагюзака, закричал:

– Ко мне, господин гвардеец, или я вас убью!

Кагюзак обернулся; это было во время. Атос, которого поддерживала только чрезвычайная храбрость, упал на одно колено.

– Послушайте, кричал он д'Артаньяну, – не убивайте его, молодой человек, прошу вас, мне нужно покончить с ним одно старое дело, когда я выздоровею. Обезоружьте его только, отнимите у него шпагу.

– Так, так, хорошо!

Это восклицание вырвалось у Атоса при виде шпаги Кагюзака, отлетевшей за двадцать шагов. Д'Артаньян и Кагюзак бросились вдруг, один чтобы снова схватить шпагу, другой чтобы овладеть ею; но д'Артаньян был ловчее, он успел опередить и наступил на нее ногой.

Кагюзак побежал к тому из гвардейцев, которого убил Арамис, взял его шпагу и хотел возвратиться к д'Артаньяну; но по дороге он встретил Атоса, который во время минутного отдыха, доставленного ему д'Артаньяном, перевел дух, и опасаясь, чтобы д'Артаньян не убил его противника, хотел начать бой.

Д'Артаньян понял, что помешать Атосу значило оскорбить его. Действительно, спустя несколько секунд, Кагюзак упал, пораженный шпагой в горло.

В ту же минуту Арамис, упирая шпагу в грудь опрокинутого противника, заставлял его просить о пощаде.

Оставались Портос и Бикара. Портос делал разные хвостовские выходки, спрашивая Бикара, который час, и поздравлял его с ротой, полученной его братом в Наваррском полку; но, насмехаясь, он ничего не выигрывал. Бикара был из тех железных людей, которые падают только мертвые.

Между тем пора было кончить: караул мог придти и забрать всех сражавшихся, раненых и не раненых, королевских или кардинальских. Атос, Арамис и д'Артаньян окружили Бикара и убеждали его сдаться. Хотя один против всех, и раненный в бедро, Бикара не отступал; но Жюссак, приподнявшись на локоть, кричал ему, чтоб он сдался. Бикара был Гасконец как и д'Артаньян; он притворился, что не слышит, и продолжал смеяться, потом, уловя время, чтоб указать концом шпаги место на земле, он сказал:

– Здесь умрет Бикара.

– Но их четверо против тебя; перестань, я тебе приказываю.

– А! если ты приказываешь, это другое дело, сказал Бикара: – так как ты мой бригадир, то я должен повиноваться.

И, сделав скачок назад, он сломал шпагу о колено, чтобы не отдать её, бросил обломки через стену монастыря и, скрестив руки, начал насвистывать кардинальскую песню.

Храбрость всегда уважается, даже в неприятеле. Мушкетеры сделали Бикару приветствие шпагами и вложили их в ножны. Д'Артаньян сделал то же, потом с помощью Бикара, который один оставался на ногах, отнес на паперть монастыря Жюссака, Кагюзака и того из противников Арамиса, который был только ранен. Четвертый, как мы уже сказали, был убит. Потом они позвонили в колокол и, унеся 4 шпаги из пяти, направились, упоенные радостью к дому де-Тревиля.

Они шли, взявшись за руки, во всю ширину улицы и забирая всех встречавшихся мушкетеров, так что наконец это превратилось в торжественное шествие.

Д'Артаньян был в восторге; он шел между Атосом и Портосом, нежно обнимая их.

– Если я еще не мушкетер, сказал он новым друзьям своим, входя в ворота дома де-Тревиля, – по крайней мере я уже принят учеником, не так ли?

VI. Король Людовик XIII

Происшествие это наделало много шума: де-Тревиль громко бранил своих мушкетеров, а потихоньку поздравлял их, но так как нужно было, не теряя времени, предупредить короля, то де-Тревиль поспешил в Лувр. Но было уже поздно. Кардинал был у короля, и де-Тревилю сказали, что король занимается, и не может принять его в эту минуту. Вечером де-Тревиль пришел к королю во время игры. Король выигрывал и был в отличном расположении духа, потому что его величество был очень скуп, поэтому как только увидел де-Тревиля, он сказал.

– Подите сюда, г. капитан, подите, я вас побраню; знаете ли, что кардинал жаловался мне на ваших мушкетеров, и с таким волнением, что он оттого сегодня вечером заболел. Но ваши мушкетеры – это черти, их надо перевешать.

– Нет, государь, отвечал де-Тревиль, заметивший с первого взгляда какой оборот приняло дело: – нет, напротив, они хорошие люди, тихи как ягнята, ручаюсь, что у них только одно желание, чтобы шпаги их вынимались из ножен только для службы вашего величества. Но что же делать, гвардейцы кардинала беспрестанно ищут ссоры с ними и, для чести своего полка, бедняжки принуждены защищаться.

– Послушайте, де-Тревиль, сказал король, – послушайте, можно подумать, что он говорит о каких-нибудь монахах. Право, любезный капитан, мне хочется отнять у вас должность и отдать ее госпоже де-Шемро, которой я обещал аббатство. Но не думайте, чтобы я поверил вам на слово. Меня называют Людовиком справедливым, и я сейчас докажу это.

– Вполне полагаясь на вашу справедливость, государь, я буду терпеливо и спокойно ожидать приказаний вашего величества.

– Я не долго заставлю вас ждать, сказал король.

Действительно, счастье переменилось, король начинал проигрывать и потому ему очень хотелось найти предлог оставить игру.

Спустя несколько минут король встал и, положив в карман лежавшие перед ним деньги, которых большая часть была им выиграна, сказал:

– Ла-Виевиль, займите мое место, мне нужно поговорить с де-Тревилем о важном деле. Да так как передо мной лежало 80 луидоров, то положите и вы эту сумму, чтобы проигравшие не могли жаловаться. Справедливость прежде всего.

Потом он пошел с де-Тревилем к амбразуре окна.

– Итак, продолжал он, – вы говорите, что гвардейцы кардинала сами искали ссоры с мушкетерами.

– Да, государь, как обыкновенно.

– А расскажите, как это случилось, потому что вы знаете, капитан, что судья должен выслушивать обе стороны.

– Очень просто и естественно: трое из моих лучших солдат, имена которых известны вашему величеству, и преданность которых не раз была вами оценена, потому что они выше всего на свете ставят службу своему королю, это я могу сказать утвердительно; так трое из моих солдат, говорю я, Атос, Портос и Арамис с одним молодым Гасконцем, которого я рекомендовал им, в то самое утро сговорились отправиться на прогулку, кажется в Сен-Жермен. Они собрались, как было условлено, у монастыря Кармелиток, но гг. Жюссак, Кагюзак, Бикара и еще двое гвардейцев, придя туда такой большой компанией, вероятно, не без дурного намерения, противного указам, все расстроили.

– А! я догадываюсь, сказал король: – они, вероятно, сами пришли туда драться.

– Я не обвиняю их, государь, но предоставляю вашему величеству судить, зачем бы могли пятеро вооруженных людей отправиться в такое уединенное место как окрестности монастыря Кармелиток.

– Да, вы правы, де-Треви́ль, вы правы.

– Но когда они увидели моих мушкетеров, то переменили свое намерение; общая вражда двух полков заставила их забыть свои личные распри, потому что вашему величеству известно, что королевские мушкетеры, преданные одному королю, естественные враги гвардейцев, служащих кардиналу.

– Да, де-Треви́ль, да, сказал король печально, уверяю вас, что очень жаль видеть две партии во Франции, две главы в королевстве; но всему этому будет конец, де-Треви́ль, непременно будет. Так вы говорите, что гвардейцы искали ссоры с мушкетерами.

– Я говорю, что, вероятно, дело было так, но я за это не ручаюсь, государь. Вам известно как трудно иногда узнать правду, и надо обладать тем удивительным инстинктом, за который Людовику XIII дали прозвание справедливого.

– Да, вы правы, де-Треви́ль, но ваши мушкетеры были не одни, с ними был какой-то юноша.

– Да, государь, и один раненый, так что трое королевских мушкетеров, из которых один был раненый, и еще один мальчик, не только не уступили пятерым из самых страшных гвардейцев кардинала, но еще положили их четверых на месте.

– Но ведь это победа! сказал радостно король, – это полная победа!

– Да, государь, такая же полная как у моста Се.

– Четверо, в числе которых один раненый, другой мальчик, говорите вы?

– Его едва можно назвать молодым человеком; между тем он так превосходно вел себя в этом случае, что я осмелюсь рекомендовать его вашему величеству.

– Как его зовут?

– Д'Артаньян. Это сын одного моего старого друга; сын человека, участвовавшего в партизанской войне с покойным королем, родителем вашим.

– Вы говорите, что этот молодой человек хорошо вел себя? Расскажите мне это, де-Треви́ль, вы знаете, что я люблю рассказы о войнах и сражениях.

И король гордо закрутил усы.

– Государь, сказал де-Треви́ль, – д'Артаньян, как я уже сказал, почти мальчик, и так как он не имеет чести быть мушкетером, то он был в гражданском платье гвардейца г. кардинала, видя его молодость и зная, что он не принадлежит к числу мушкетеров, предлагали ему удалиться прежде чем они нападут.

– Из этого ясно видно, де-Треви́ль, сказал король, – что они первые напали.

– Совершенно справедливо, государь; в этом нет никакого сомнения. Итак, они предлагали ему удалиться; но он отвечал, что он мушкетер в душе и предан вашему величеству, и поэтому останется с мушкетерами.

– Храбрый молодой человек, сказал король.

– Действительно он остался с ними, и ваше величество приобрели в нем редкого бойца, потому что страшный удар, нанесенный Жюссаку и столько разгневавший кардинала, был его делом.

– Так это он ранил Жюссака? сказал король, – он, ребенок! Это невозможно, де-Треви́ль.

– Это именно так было, как я имел честь донести вашему величеству.

– Жюссак, один из первых бойцов королевства?

– Значит, государь, он нашел достойного себе соперника.

– Я хочу видеть этого молодого человека, де-Треви́ль, я хочу его видеть, и если можно что-нибудь сделать для него, то займемся этим.

– Когда угодно вашему величеству принять его?

– Завтра, в 12 часов, де-Треви́ль.

– Прикажете привести его одного?

– Нет, приведите всех четверых. Я хочу поблагодарить всех их; преданные люди редки, де-Треви́ль, и надо награждать преданность.

– В 12 часов, государь, мы будем в Лувре.

– Ах да, по маленькой лестнице, де-Треви́ль по маленькой. Не нужно чтобы знал кардинал.

– Слушаю, государь.

– Вы понимаете, де-Треви́ль, указ всё-таки указ; ведь драться запрещено.

– Но эта встреча, государь, совершенно не подходит под обыкновенные условия дуэли, это была просто драка, потому что гвардейцев кардинала было пятеро против моих трех мушкетеров и д'Артаньяна.

– Это справедливо, сказал король, – но все равно, де-Треви́ль, приходите по маленькой лестнице.

Треви́ль улыбнулся. Но для него было довольно уже и того, что он восстановил этого короля ребенка против его руководителя. Он почтительно поклонился королю и с обычной любезностью простился с ним.

В тот же вечер три мушкетера были уведомлены об ожидающей их чести. Они давно знали короля, и потому это известие не привело их в восторг, но д'Артаньян, с своим гасконским воображением, видел уже в том свое будущее счастье и провел ночь в золотых мечтах. В 8 часов утра он был уже у Атоса.

Д'Артаньян застал мушкетера совершенно одетым, чтобы идти со двора.

Так как свидание у короля было назначено в 12 часов, то они уговорились с Портосом и Арамисом идти поиграть в мяч в одном игорном доме, находящемся не далеко от конюшен Люксембурга. Атос пригласил с собой д'Артаньяна, который, несмотря на то что он не знал этой игры и никогда в нее не играл, принял предложение, не зная, что делать от десяти до двенадцати часов.

Другие два мушкетера были уже там и играли вдвоем. Атос, очень ловкий во всех телесных упражнениях, стал с д'Артаньяном на другой стороне; и игра началась. Но при первом движении, Атос, несмотря на то что играл левою рукой, почувствовал, что рана его была еще слишком свежа, чтобы позволить ему подобное упражнение. Итак д'Артаньян остался один, и как он объявил, что по неловкости своей не может правильно вести партию, то они продолжали только бросать мяч, не считая выигрыша. Но один раз мяч, пущенный геркулесовскою рукой Портоса, пролетел так близко от лица д'Артаньяна, что он подумал что если б мяч попал в него, то его аудиенция была бы наверно потеряна, потому что по всей вероятности, ему невозможно было бы представиться королю. А так как он воображал, что от этого представления зависела вся его будущность, то вежливо поклонился Портосу и Арамису, объявив что он примет партию тогда, когда выучится играть не хуже их и, отойдя в сторону, сел на галерею.

К несчастью д'Артаньяна, между зрителями был один из гвардейцев кардинала, который, разгоряченный случившимся накануне поражением своих товарищей, дал себе слово отомстить за них при первом случае. Он нашел, что случай этот представился и, обращаясь к соседу, сказал:

– Не удивительно, что этот молодой человек испугался мяча; вероятно, это ученик мушкетеров.

Д'Артаньян оглянулся, как будто его ужалила змея, и посмотрел пристально на гвардейца, высказавшего это дерзкое предположение.

– Да, сказал тот, закручивая ус, – смотрите на меня, дитя мое, сколько вам угодно, я высказал то, что думаю.

– И как то что вы сказали, слишком ясно и не требует объяснения, то я попрошу вас последовать за мной, тихо сказал д'Артаньян.

– Когда? спросил гвардеец тем же насмешливым тоном.

- Не угодно ли вам сейчас же.
- Вы, без сомнения, знаете кто я?
- Я вас совсем не знаю, да нисколько об этом и не беспокоюсь.
- И напрасно: если бы вы знали мое имя, может быть, так не торопились бы.
- Как вас зовут?
- Бернажу, к вашим услугам.
- Ну так, г. Бернажу, спокойно сказал д'Артаньян, – я буду ждать вас у ворот.
- Идите, я приду вслед за вами.
- Не слишком торопитесь, чтобы не заметили, что мы уходим вместе; вы понимаете, что

для нашего занятия не нужно много народа.

– Хорошо, отвечал гвардеец, удивленный, что имя его не произвело впечатления на молодого человека.

Действительно, имя Бернажу было всем известно, кроме, может быть, одного д'Артаньяна, потому что он чаще всех принимал участие в ежедневных драках, которых никакие указы короля и кардинала не могли прекратить.

Портос и Арамис так были заняты игрой, а Атос смотрел на них с таким вниманием, что они и не заметили, когда их молодой товарищ вышел.

Как было условлено, д'Артаньян остановился у ворот, куда, минуту спустя, пришел и гвардеец.

Так как д'Артаньяну некогда было терять времени, потому что представление к королю было назначено в 12 часов, то он осмотрелся кругом и, видя что на улице никого нет, сказал своему противнику:

– Хотя вас зовут Бернажу, но все-таки вы счастливы, что имеете дело только с учеником мушкетеров; впрочем, будьте покойны, я употреблю всевозможное старание. За дело!

– Но, сказал гвардеец, – мне кажется что это место неудобно, гораздо лучше было бы за аббатством Сен-Жермен или в Пре-о-Клерке.

– Это справедливо, отвечал д'Артаньян, – но к несчастью у меня нет времени, я должен быть на свидании ровно в 12 часов. За дело, милостивый государь, за дело!

Бернажу был не такой человек, чтобы заставить два раза повторять себе подобное приглашение. В ту же минуту шпага заблестела в руке его и он бросился на противника, которого надеялся напугать, рассчитывая на его молодость.

Но д'Артаньян накануне взял хороший урок и, поощряемый недавно победой и гордый предстоящею милостью, он решил не отступать ни на шаг; обе шпаги были в деле до самого эфеса, но как д'Артаньян твердо держался на месте, то противник его должен был отступить. Д'Артаньян, воспользовавшись этим движением Бернажу, бросился на него и ранил его в плечо, потом отступил в свою очередь и поднял шпагу, но Бернажу кричал ему, что это ничего не значит и, наступая на него с ослеплением, наткнулся прямо на его шпагу. Однако как он не упал и не признавал себя побежденным, а только отступил к дому Тремуля, где служил один из его родственников, то д'Артаньян, не зная как тяжела была последняя рана его противника, наступал на него с живостью и вероятно покончил бы с ним третьим ударом, но в это время шум на улице стал слышен в игорном доме и двое друзей гвардейца, заметившие, как он обменялся словами с д'Артаньяном, и вслед затем вышел, бросились со шпагами в руках и напали на победителя.

Атос, Портос и Арамис вышли в свою очередь и освободили своего молодого товарища от двух теснивших его гвардейцев.

В эту минуту Бернажу упал, и как гвардейцев было только двое против четырех, то они принялись кричать: «сюда Тремуль!» На этот крик выбежали все бывшие в доме, бросились на четверых товарищей, которые также начали кричать: «сюда, мушкетеры!».

На этот крик толпа всегда сбегалась охотно; все знали, что мушкетеры враги кардинала и любили их за ненависть к нему. Поэтому гвардейцы других рот, кроме принадлежавших Красному Герцогу, как назвал его Арамис, обыкновенно в ссорах этого рода принимали сторону королевских мушкетеров. Из числа проходивших мимо трех гвардейцев роты Дезессара, двое тотчас подали помощь четверым товарищам, между тем как третий побежал в отель де-Тревиля с криком: «сюда, мушкетеры, сюда!».

В отеле де-Тревиля было, по обыкновению, множество мушкетеров, которые и побежали на помощь к товарищам; произошло ужасное смятение, но преимущество было на стороне мушкетеров; гвардейцы кардинала и люди из дома Тремуля отступили в дом и заперли ворота в то самое время, когда неприятели их готовы были вторгнуться туда вслед за ними. Что же касается до раненого, то он был немедленно перенесен в отель, в очень дурном положении.

Раздражение мушкетеров и их сообщников достигло высшей степени, так что уже начинали рассуждать о том, не поджечь ли дом, чтобы наказать людей Тремуля за дерзкую вылазку их против королевских мушкетеров. Предложение это было принято с восторгом, но к счастью пробило 11 часов. Д'Артаньян и товарищи его вспомнили о представлении королю, и не желая, чтобы такое прекрасное предприятие исполнилось без них, они успокоили толпу, удовлетворялись тем, что бросили в ворота несколько камней, но они устояли; затем все утомились; притом же главные зачинщики предприятия отделились уже от толпы и пошли в дом де-Тревиля, знавшего уже об этом происшествии и ожидавшего их.

– Скорее в Лувр, сказал он, – в Лувр, не теряя ни минуты, и постараемся увидеть короля прежде нежели кардинал успеет уведомить его о случившемся; мы расскажем ему об этом, как о последствии вчерашнего и оба дела сойдут с рук вместе.

Де-Тревиля, в сопровождении четверых молодых людей, отправился в Лувр; но к удивлению капитана мушкетеров ему сказали, что король уехал на охоту в Сен-Жерменский лес.

Де-Тревиля заставил повторить себе эту новость два раза и сопровождавшие его видели, как с каждым разом омрачалось его лицо.

– Его величество имел еще вчера намерение отправиться на эту охоту? спросил он.

– Нет, ваше превосходительство, отвечал камердинер, – сегодня утром главный егермейстер уведомил его, что в эту ночь нарочно для него загнали оленя. Сперва он отвечал что не поедет, но потом не мог устоять против удовольствия быть на этой охоте и после обеда отправился.

– А виделся король с кардиналом? спросил де-Тревиля.

– По всей вероятности, отвечал камердинер, – потому что я видел сегодня утром карету кардинала и мне сказали что он едет в Сен-Жермен.

– Нас предупредили, сказал де-Тревиля. – Господа, я увижу короля сегодня вечером; что же касается до вас, то я не советую вам идти к нему.

Совет был очень благоразумен, и притом дан был человеком, который слишком хорошо знал короля, и потому молодые люди не противоречили ему. Де-Тревиля предложил им возвратиться по домам и ожидать его уведомления.

Возвратившись в свой отель, де-Тревиля подумал, что прежде чем жаловаться королю, нужно хорошенько узнать в чем было дело. Он послал к Тремулю слугу с письмом, в котором просил его выслать от себя раненого гвардейца кардинала и сделать выговор своим людям за дерзкую вылазку их против мушкетеров. Но ла-Тремуль, извещенный обо всем своим конюхом родственником Бернажу, отвечал, что ни де-Тревилю, ни мушкетерам его не на что было жаловаться, и что, напротив, он имеет право жаловаться, потому что мушкетеры напали на его людей и намеревались поджечь его дом. Но как этот спор мог затянуться и каждый из них упорно держался бы своего мнения, то де-Тревиля придумал способ покончить его скорее: он решился сам отправиться к ла-Тремулю.

Придя к нему, он велел доложить о себе.

Двое вельмож вежливо поклонились друг другу, потому что хотя между ними не было дружбы, по крайней мере было взаимное уважение. Оба были люди честные и добрые, и как ла-Тремуть протестант и, редко видевший короля, не принадлежал ни к какой партии, то в общественных отношениях он был без всяких предубеждений. Несмотря на то, на этот раз прием его был хотя вежливый, но холоднее обыкновенного.

– Милостивый государь, сказал де-Тревиль, – каждый из нас считает себя в праве жаловаться на другого, и я пришел сам, чтобы вместе разъяснить это дело.

Очень охотно, отвечал ла-Тремуть, – но предупреждаю вас, что я имею подробные сведения, и что всему виной ваши мушкетеры.

Вы так справедливы и благоразумны, сказал де-Тревиль, – что наверное примете предложение, которое я намерен вам сделать.

– Говорите, я слушаю.

– В каком положении Бернажу, родственник вашего конюха?

– Очень в дурном, кроме раны в руку, которая не опасна, он ранен еще в лёгкое насквозь, так что доктор не обещает ничего хорошего.

– Но раненый в памяти?

– Совершенно.

– Он говорит?

– Хотя с трудом, но говорит.

– Пойдемте же к нему и будем просить его именем Бога, перед которым он, быть может, скоро предстанет, сказать всю правду; я выбираю его судьей в его собственном деле, и поверю тому, что он скажет.

Ла-Тремуть на минуту задумался, но как нельзя было сделать предложения справедливее этого, то он и принял его.

Они вошли в ту комнату, в которой лежал раненый. При виде двух вельмож, пришедших навестить его, больной попробовал приподняться на постели, но был слишком слаб, и, истощенный этим усилием, упал почти без чувств.

Ла-Тремуть подошел к нему и дал ему понюхать спирту, возвратившего ему сознание. Тогда де-Тревиль, не желая, чтобы его могли обвинить во влиянии на ответы большого, просил ла-Тремутья, чтобы он сам делал вопросы.

Случилось так, как предвидел де-Тревиль. Бернажу, будучи между жизнью и смертью, не думал скрывать правды и рассказал двум вельможам в точности всё, как было.

Этого только и желал де-Тревильон, пожелал Бернажу скорого выздоровления, простился с ла-Тремутьем, возвратился домой и послал тотчас сказать четверым друзьям, что ждет их к обеду.

У де-Тревиля собиралось очень хорошее общество, состоявшее впрочем все из врагов кардинала. Поэтому понятно, что разговор во время всего обеда был о двух поражениях, нанесенных гвардейцам кардинала.

Все поздравления обращались к д'Артаньяну, бывшему герою этих двух дней; и Атос, Портос и Арамис вполне признавали за ним эту честь, не только как добрые товарищи, но и как люди, которым нередко приходилось слышать подобные поздравления.

В шесть часов де-Тревиль объявил, что пора идти в Лувр; но как час представления, назначенный его величеством, уже прошел, то вместо того чтобы идти по маленькой лестнице, он с четырьмя молодыми людьми расположился в передней. Король еще не возвращался с охоты.

Молодые люди ждали, вмешавшись в толпу придворных; но не прошло получаса, как вдруг двери отворились и доложили о приезде его величества.

При этом докладе д'Артаньян почувствовал дрожь во всем теле.

Предстоящая минута должна была, по всей вероятности, решить его участь. Глаза его с мучительным ожиданием устремились на дверь, в которую должен был войти король.

Людовик XIII вошел впереди всех; он был в охотничьем платье, весь в пыли, в больших сапогах и с хлыстом в руке. С первого взгляда д'Артаньян заметил, что король был мрачен. Хотя это расположение духа его величества было для всех очевидно, но это не помешало придворным встретить его, став на проходе: в королевских передних лучше быть на виду во время дурного расположения духа, чем быть совсем не замеченным. Поэтому три мушкетера выступили вперед, д'Артаньян, напротив, остался за ними; хотя король знал лично Атоса, Портоса и Арамиса, но прошел мимо их, не обратив на них внимания и не сказав ни слова, как будто никогда их не видал. Проходя мимо де-Тревиля, он взглянул на него; но де-Тревиль выдержал этот взгляд с такою твердостью, что король первый отвернулся. Когда его величество прошел в свою комнату, Атос сказал улыбаясь:

– Худо дело, сегодня мы наверное не получим ордена.

– Подождите здесь десять минут, сказал де-Тревиль, – и если я через десять минут не выйду, то ступайте ко мне домой, потому что бесполезно будет ждать дольше.

Молодые люди ждали десять минут, четверть часа, двадцать минут; и как де-Тревиль не возвращался, то они ушли в большом беспокойстве.

Де-Тревиль смело вошел в кабинет короля: его величество был в очень дурном расположении духа; он сидел в кресле и постукивал концом хлыста по сапогу, что не мешало де-Тревилю очень спокойно спросить его о здоровье.

– Плохо, милостивый государь, плохо, отвечал король, – я скучаю.

Это действительно была одна из худших болезней Людовика XIII, в этих случаях он часто подзывал кого-нибудь из придворных и, подведя его к окну, говорил: «будем скучать вместе».

– Как! ваше величество скучаете! сказал де-Тревиль. – Разве вы без удовольствия провели время на охоте?

– Хорошо удовольствие. Нынче все переродилось, и я уж не знаю, дичь ли перестала летать, или собаки потеряли чутьё. Мы преследуем оленя с десятью охотничьими рогами, бегаем за ним шесть часов, и когда он почти пойман, когда Сен-Симон подносил уже рог во рту, чтобы протрубить победу, вдруг вся свора меняет направление и бросается на годовалого оленя. Увидите, что я должен буду отказаться от охоты за зверьями, как отказался от птичьей охоты. Ах, я несчастный король, де-Тревиль, у меня оставался один кречет и он умер третьего дня.

– Действительно, государь, я понимаю ваше отчаяние, это большое несчастье; но у вас, кажется, остается еще достаточное количество соколов и ястребов.

– И ни одного человека чтобы учить их; соколышков больше нет, и я один только знаю охотничье искусство. После меня все будет кончено, будут охотиться с ловушками и западнями. Если б еще у меня было время, чтобы научить других! но, увы, кардинал не дает мне ни минуты покоя, толкует мне об Испании, Австрии, Англии! Ах, да! кстати о кардинале; я не доволен вами, де-Тревиль.

Де-Тревиль ожидал этого нападения. Он хорошо знал короля и понимал, что все эти жалобы служили только предисловием в роде возбуждения, чтобы придать храбрости, и что целью всего этого была именно последняя фраза.

– Чем же я имел несчастье неугодить вашему величеству? сказал де-Тревиль, притворяясь глубоко удивленным.

– Разве вы исполняете как следует обязанность вашу, милостивый государь? продолжал король, не отвечая прямо на вопрос де-Тревиля; – какой же вы капитан мушкетеров, когда они убивают человека, волнуют целый квартал и хотят поджечь Париж, а вы не говорите об этом ни слова? Впрочем, продолжал король, вероятно, я поспешил обвинять вас, без сомнения возмутители уже в тюрьме и вы пришли доложить мне, что суд над ними кончен.

- Государь, спокойно отвечал де-Треви́ль, – напротив, я пришел просить у вас суда.
- Против кого? спросил король.
- Против клеветников, сказал де-Треви́ль.
- А! вот новость! сказал король. – Не скажете ли вы, что ваши проклятые три мушкетера и ваш беарнский мальчишка не бросились, как бешеные, на бедного Бернажу и не отделали его так, что он, быть может, теперь умирает. Не скажете ли вы, что они потом не осаждали отель герцога ла-Тремуля и не хотели сжечь его, что впрочем не было бы большим несчастьем в военное время, потому что это гнездо гугенотов, по в мирное время это дает дурной пример. Скажите, было это все, или нет?
- Кто сочинил вам эту прекрасную повесть, государь? спокойно спросил де-Треви́ль.
- Кто сочинил мне эту повесть? кто же если не тот, который бодрствует, когда я сплю, работает, когда я забавляюсь, который ведет дела внутри и вне королевства, во Франции и в Европе!
- Ваше величество, без сомнения, говорите о Боге, скачал де-Треви́ль, – потому что только один Бог на столько выше вашего величества.
- Нет, милостивый государь, я говорю об опоре государства, моем единственном слуге, единственном друге, о кардинале.
- Кардинал не папа, государь.
- Что вы хотите этим сказать?
- Что только папа не ошибается, кардиналы же могут ошибаться.
- Вы хотите сказать, что он меня обманывает, что он изменяет мне. Значит, вы его обвиняете. Признайтесь откровенно, вы обвиняете его?
- Нет, государь; но говоря, что он сам ошибается, я говорю, что ему неверно донесли; что он поспешил обвинить мушкетеров вашего величества, к которым он несправедлив, и что он получил сведения из дурных источников.
- Обвинение было от ла-Тремуля, от самого герцога. Что вы на это скажете?
- Я мог бы отвечать, государь, что это дело до такой степени до него касается, что он не может быть в беспристрастном свидетеле; но напротив того, государь, я знаю Герцога как честного дворянина и поверю ему, только с одним условием.
- С каким?
- Что ваше величество призовете его и спросите сами, без свидетелей, и что я увижусь с вашим величеством тотчас после ухода герцога.
- Хорошо! сказал король, и вы согласитесь с тем, что скажет ла-Тремуль?
- Да, государь.
- Вы признаете его решение?
- Без сомнения.
- И вы подчинитесь удовлетворению, которого он потребует?
- Непременно.
- Ла-Шене! закричал король, ла-Шене!
- Доверенный камердинер Людовика XIII, стоявший всегда у дверей, вошел.
- Ла-Шене, сказал король, – пошли сейчас же за ла-Тремулем, мне нужно поговорить с ним сегодня вечером.
- Ваше величество, даете мне слово ни с кем не видеться прежде меня по уходе ла-Тремуля?
- Честное слово, ни с кем.
- Итак до завтра, государь.
- До завтра.
- В котором часу угодно будет вашему величеству?
- Когда хотите.

– Но если я приду слишком рано, то боюсь разбудить ваше величество.

– Меня разбудить! Разве я сплю? Я не сплю больше, милостивый государь; я только дремлю иногда. Приходите когда вам угодно, – в семь часов; но берегитесь, если ваши мушкетеры виновны.

– Если мои мушкетеры виноваты, государь, виновные будут преданы в руки вашего величества, и с ними будет поступлено по вашему приказанию. Угодно вашему величеству еще приказать что-нибудь, я готов к вашим услугам.

– Нет, нет; и будьте уверены, что не даром называют меня справедливым. До завтра.

– Да сохранит Бог до тех пор ваше величество!

Хотя король спал мало, но де-Тревилю еще меньше; он с вечера предупредил трех мушкетеров и их товарища, чтобы они были у него в половине седьмого утром. Он повел их с собой, не говоря им ничего положительно, ничего не обещая и не скрывая от них, что их судьба, так же как и его самого, зависела от случая.

Дойдя до маленькой лестницы, он велел им подождать. Если бы король все еще был раздражен против них, то они могли уйти, не представляясь ему; если же король согласился бы принять их, то стоило только их позвать.

В собственной передней короля де-Тревилю встретил Шене, который сказал ему, что накануне вечером ла-Тремюля не было дома, что он возвратился слишком поздно, чтобы явиться в Лувр, и что он только что пришел и был еще у короля.

Это обстоятельство очень понравилось де-Тревилю; он был теперь уверен, что никакое постороннее внушение не могло проскользнуть между показаниями ла-Тремюля и его.

Действительно, не прошло десяти минут, как дверь королевского кабинета отворилась, вышел герцог ла-Тремюль, и, обращаясь к де-Тревилю сказал:

– Г. де-Тревилю, его величество призвали меня, чтобы узнать о вчерашнем приключении около моего дома. И сказал ему правду, т.-е. что виноваты были мои люди и что я готов перед вами извиниться. Поэтому прошу вас принять мои извинения и считать меня всегда одним из друзей ваших.

– Герцог, сказал де-Тревилю, – я был так уверен в вашей справедливости, что не желал другого защитника перед его величеством кроме вас. Я вижу, что не ошибся и благодарю вас за то, что есть еще во Франции человек, о котором можно сказать не ошибаясь то, что я сказал о вас.

– Это хорошо, сказал король, слушавший у дверей все эти любезности. – Только скажите ему, де-Тревилю, так как он считает себя вашим другом, что я также желал бы быть его другом, но что он пренебрегает мной, что уже прошло три года, как я его не видал и вижу его только тогда, когда посылаю за ним. Скажите ему все это от меня, потому что король не может сказать этого сам.

– Благодарю, государь, благодарю, сказал герцог, – но поверьте, ваше величество, что не те больше всех вам преданы, которых вы чаще видите; я не говорю о г. де-Тревиле.

– А, герцог, вы слышали, что я сказал, тем лучше, сказал король, подойдя к двери. А! это вы Тревилю, где же ваши мушкетеры; я сказал вам третьего дня, чтобы вы привели их ко мне, от чего же вы этого не исполнили?

– Они внизу, государь, и с вашего позволения, Шене позовет их сюда.

– Да, да, пусть они придут сейчас же; скоро восемь часов, а в девять я жду посетителя. Прощайте, герцог, а главное приходите. Войдите, де-Тревилю.

– Герцог поклонился и вышел. Когда он, отворил дверь, три мушкетера и д'Артаньян поднимались по лестнице.

– Подите, мои храбрецы, сказал король, мне нужно побранить вас.

Мушкетеры подошли, поклонились; д'Артаньян шел за ними.

– Как это, продолжал король, вы четверо в два дня уничтожили семерых гвардейцев кардинала. Это уж слишком, господа. Если так пойдет, то кардинал принужден будет каждые три недели возобновлять свою роту, и я должен буду поступать по всей строгости указов. Я не говорю, если б случайно одного, но семерых в два дня; повторяю вам, это уже слишком.

– Поэтому, государь, они печальны и с раскаянием пришли просить ваше величество о прощении.

– Печальны и с раскаянием! Гм! сказал король, – я не очень доверяю лицемерной наружности, в особенности тут есть один гасконец. Подите-ка сюда.

Д'Артаньян, понимая, что эта любезность относилась к нему, подошел с отчаянием.

– Вы говорите, что это молодой человек? это дитя де-Тревиля, просто дитя! И это он нанес такой жестокий удар Жюссаку?

– И два прекрасные удары Бернажу.

– В самом деле?

– Не считая того, сказал Атос, что если б он не освободил меня от Бикара, я наверное не имел бы чести явиться сегодня к вашему величеству.

– Но ведь этот Беарнец настоящий демон, де-Тревиля! сказал он. При его ремесле камзолы беспрестанно рвутся и шпаги ломаются. А гасконцы ведь всегда бедны, не правда ли?

– Государь, я должен сказать, что в их горах еще не нашли золотых рудников, хотя природа должна бы была сделать это для них, в награду за усердие, с которым они поддерживали притязания короля, отца вашего.

– Т.-е. хотите сказать, что гасконцы сделали меня королем, не так ли Тревиля? потому что я сын отца моего. Да, я согласен. Ла-Шене, посмотрите, не найдется ли в моих карманах сорока пистолей; если найдете, принесите их мне. А между тем, молодой человек, расскажите все как было по совести.

Д'Артаньян рассказал со всеми подробностями все случившееся накануне: как он не мог спать от радости, что увидит его величество и потому пришел к друзьям своим тремя часами раньше аудиенции; как они пошли вместе в игорный дом, как Бернажу осмелял его за то, что он боялся, чтобы мяч не попал ему в лицо, и как наконец Бернажу чуть не заплатил за эту насмешку жизнью, а ла-Тремуль своим домом, хотя ни в чем тут не был виноват.

– Это хорошо, сказал король, герцог рассказывал мне точно также. Бедный кардинал! семь человек в два дня и из самых любимых; но этого довольно, господа, слышите! довольно, вы отомстили за улицу Феру и слишком, вы должны быть довольны.

– Если ваше величество довольны, сказал де-Тревиля, то и мы также.

– Да, я доволен, сказал король, и принимая из рук Шене горсть золота, положил в руку д'Артаньяна. Вот доказательство, что я доволен, сказал он.

Тогда гордость нынешнего времени еще не была в моде. Дворянин брал деньги из рук короля, нисколько не оскорбляясь этим. Поэтому д'Артаньян без церемоний положил в карман сорок пистолей и поблагодарил его величество.

– Теперь уже половина девятого, сказал король, посмотрев на часы, ступайте, я вам сказал, что ожидаю посетителя в девять часов. Благодарю вас за преданность. Ведь я могу на вас рассчитывать, господа, не правда ли?

– Государь, сказали в один голос все четыре товарища, мы позволим изрубить себя в куски за ваше величество.

– Хорошо, хорошо, но оставайтесь целы, это лучше, и вы будете мне полезнее. Де-Тревиля, прибавил король вполголоса, между тем как они уходили, так как у вас в мушкетерском полку нет вакансии, и как мы решили, что нужно быть сперва учеником, чтобы поступить в этот полк, то поместите этого молодого человека и роту гвардейцев Дезессара, вашего зятя. Ах! де-Тревиля, я воображаю, какую гримасу сделает кардинал: он взбесится, но мне все равно, я прав.

И король сделал рукой знак де-Тревилю, который вышел и догнал мушкетеров, разделивших с д'Артаньяном сорок пистолей.

А кардинал, как сказал его величество, был действительно взбешен, до того взбешен что восемь дней не являлся для игры с королем, что впрочем не мешало королю при встрече спрашивать его с самою любезною миной и ласковым голосом:

– Ну что, кардинал, как поживают ваши бедные Бернажу и Жюссак?

VII. Домашняя жизнь мушкетеров

По выходе из Лувра, д'Артаньян советовался с своими друзьями, как ему употребить свою часть из сорока пистолей; Атос советовал ему заказать хороший обед в Помм-де-Пен, Портос – нанять слугу, а Арамис – найти приличную любовницу.

Обед был заказан в тот же день и слуга служил у стола. Обед был заказан Атосом, слуга найден Портосом. Это был Пикардиец, которого славный мушкетер нашел для этого случая в тот же день, на мосту ла-Турнель, в то время, как он плевал в воду, и любовался происходившими от того на ней кругами. Портос утверждал, что это занятие служило доказательством рассудительного и наблюдательного ума и взял его без всякой другой рекомендации. Величественный вид Портоса прельстил Планше, так звали пикардийца, который полагал, что нанят для этого дворянина; он немного разочаровался, когда узнал, что это место занято уже собранием его, по имени Мускетонем, и когда Портос объявил ему, что его хозяйство, хотя и большое, не позволяло ему иметь двух слуг, и что ему придется служить д'Артаньяну. Впрочем, когда он прислуживал за обедом, данным его господином, и видел, как он вынул горсть золота для расплаты, то полагал уже, что будет счастлив, и благодарил небо за то, что попал к такому Крезу; он оставался при этом мнении до окончания пиршества, остатками которого вознаграждал себя за долгое воздержание. Но мечты Планше разлетелись вечером, когда он делал барину постель. Квартира состояла только из передней и спальни, в которой была одна кровать. Планше лег в передней на одеяле, снятом с постели д'Артаньяна, который с тех пор обходился уже без одеяла, Атос также имел слугу, которого звали Гримо и которого он приучил служить себе совершенно особенным образом. Этот достойный господин был очень молчалив. Разумеется, мы говорим об Атосе. В продолжение пяти или шестилетней самой искренней дружбы с ним Портос и Арамис часто видели, что он улыбался, но никогда не слышали, чтоб он смеялся громко. Слова его были кратки и выразительны, без всяких прикрас. Разговор его заключал в себе только дело, без всяких эпизодов.

Хотя Атосу было не больше тридцати лет, и хотя он был красив собой и умен, но у него никогда не было любовницы. Он никогда не говорил о женщинах. Впрочем, он не мешал другим говорить о них при себе, хотя заметно было, что ему был очень неприятен подобный разговор, в который он вмешивался только для того, чтобы сказать какое-нибудь язвительное слово или мизантропический взгляд. Его скромность, дикость и неразговорчивость делали его почти стариком. Чтобы не изменять своим привычкам, он приучил Гримо повиноваться его простому жесту или одному движению губ. Он говорил с ним только в особенных случаях.

Гримо, боявшийся своего господина как огня, имел большую привязанность к нему и уважение к его уму. Иногда ему казалось, что он понял желание своего господина и он бросился для исполнения его приказания, но делал совершенно противное. Тогда Атос пожимал плечами и, не сердясь, колотил Гримо. В эти дни он говорил немного.

Портос был характера совершенно противоположного; он говорил не только много, но и громко, впрочем, ему было все равно, слушают его или нет; ему доставляло удовольствие говорить; он говорил обо всем, кроме наук, ссылаясь в этом случае на вкоренившуюся в нем с детства ненависть к ученым. С виду он не был так важен как Атос, и сознание превосходства Атоса в этом отношении, в начале их дружбы, часто делало его несправедливым к этому дворянину, которого он старался превзойти великолепием своего туалета, но в простом мундире мушкетера, только уменьем закидывать назад голову и выставлять ногу, Атос всегда занимал первое место, которое ему следовало, и ставил напыщенного Портоса на втором плане.

Портос утешался тем, что в передней де-Тревиля и в караульнях Лувра постоянно рассказывал о своих любовных успехах. Атос же никогда об этом не говорил.

Есть старая поговорка: каков господин, таков и слуга. Перейдем же от слуги Атоса к слуге Портоса, от Гримо к Мускетону.

Мускетон был Нормандец: его барин переименовал его простое имя Бонифаса на Мускетона, которое казалось ему гораздо звучнее. Он поступил к Портосу с тем условием, чтобы только иметь квартиру и платье от господина, но чтоб это было великолепно, и требовал только два часа в день для промышленности, которая должна была удовлетворять остальным его нуждам. Портос согласился; это ему очень нравилось; он отдавал переделывать на камзолы для Мускетона свои старые кафтаны и запасные плащи и благодаря очень искусному портному, который выворачивая его платья, переделывал их заново, и жена которого была подозреваема в желании заставить Портоса отступить от аристократических привычек, Мускетон был всегда хорошо одет.

Что касается до Арамиса, то характер его мы уже достаточно описали и притом будем иметь случай следить за дальнейшим его развитием. Слугу его звали Базен.

Так как господин его надеялся со временем поступить в монахи, то он был одет всегда в черное, как прилично слуге духовного лица. Он был Берриец, 35 или 40 лет, скромный, спокойный, жирный, в свободное время занимался чтением благочестивых книг, и готовил обед аккуратно на двоих, из немногих блюд, но превосходный. Впрочем он был нем, слеп, глух и чрезвычайно верен.

Теперь, когда мы знаем хотя поверхностно господ и слуг, перейдем к описанию жилищ каждого из них.

Атос жил в улице Феру, в двух шагах от Люксембурга; его квартира состояла из двух маленьких комнат, очень порядочно мебелированных на счет хозяйки дома, которая была еще молода и очень красива, но безуспешно строила ему глазки. На стенах этого скромного жилища кое-где видны еще были остатки прежнего великолепия; например, шпага дамаской стали, принадлежавшая, судя по форме ее, временам Франциска II-го; одна рукоятка ее, покрытая драгоценными камнями, стояла не меньше двухсот пистолей; но Атос никогда не соглашался заложить ее, или продать даже в самые несчастные минуты. Эта шпага сильно привлекала внимание Портоса. Он отдал бы за нее десять лет жизни.

Однажды отравляясь на свидание с какой-то герцогиней, он хотел занять ее у Атоса. Атос, не говоря ни слова, выбрал все из своих карманов, собрал все свои драгоценности, кошельки, аксельбанты и золотые цепочки и предложил все это Портосу; но шпага, сказал он, была припечатана к месту и могла быть снята с своего места только в том случае, если бы хозяин ее переменил квартиру. Кроме шпаги был еще один портрет вельможи времен Генриха III в самом изящном костюме, с орденом Св. Духа. Атос имел некоторое фамильное сходство с этим портретом, из чего видно было, что этот вельможа, кавалер орденов, был его предком.

Наконец ящик с великолепной позолотой и с таким же гербом, какой был на шпаге и портрете стоял на камине, составляя резкую противоположность с остальным убранством. Ключ от этого ящика Атос всегда носил с собой. Однажды он открывал этот ящик при Портосе; и Портос мог удостовериться, что в нем были только письма и бумаги; письма, вероятно любовные, а бумаги фамильные.

Портос занимал очень большую и, как надо было полагать по наружности, великолепную квартиру в улице Старой Голубятни. Каждый раз, когда он проходил с кем-нибудь из друзей мимо своих окон, он поднимал голову и говорил: вот мое жилище! Но его никогда не заставляли дома; он никого не принимал к себе и никто не знал, какие богатства заключала в себе эта по видимому великолепная квартира.

Арамис жил в маленькой квартире, состоявшей из будуара, столовой и спальни, в нижнем этаже; спальня его выходила окнами в маленький сад, свежий, зеленый, тенистый и не проницаемый для глаз соседей.

О квартире д'Артаньяна и о слуге его Планше мы уже говорили прежде. Д'Артаньян, любопытный от природы, как все люди, способные к интригам, употреблял все старания, чтоб узнать, кто таковы были на самом деле Атос, Портос и Арамис; под этими военными именами каждый из них скрывал дворянское имя, в особенности Атос, в котором издали можно было узнать аристократа. Он обратился к Портосу, чтобы получить сведения об Атосе и Арамисе и к Арамису, чтобы узнать о Портосе.

К несчастью, Портос ничего не знал о жизни своего молчаливого товарища, кроме того, что всем было известно. Говорили, что он был очень несчастлив в любви и что ужасная измена отравила навсегда жизнь его. Но никто не знал, в чем состояла эта измена.

Что касается до Портоса, то в жизни его не было ничего таинственного, кроме настоящего имени его, которое известно было только де-Тревилю, так же как и имена его двух товарищей. Тщеславный и нескромный, он любил говорить о себе. Но наблюдатель был бы в большом заблуждении, если б верил всему, что он рассказывал о себе хорошего.

Арамис, по-видимому не имевший никаких тайн, был в самом деле человек самый таинственный. Он мало отвечал на расспросы о других и избегал ответов, когда речь шла о нем самом. Однажды д'Артаньян, долго разговаривая с ним о Портосе, и узнав от него, что носился слух о приятных отношениях этого мушкетера с одной княгиней, вздумал узнать что-нибудь о любовных похождениях своего собеседника.

– А вы, любезный товарищ, сказал он, – что же вы рассказываете только о чужих баронессах, княгинях и графинях.

– Извините, сказал Арамис, – я говорил об этом только потому, что Портос сам о том рассказывает; он говорил во всеуслышание обо всех этих вещах при мне. Но поверьте мне, любезный д'Артаньян, если б я знал об этом из другого источника, или если б он сказал мне это по секрету, то я сохранил бы его тайну как самый скромный исповедник.

– Я в этом не сомневаюсь, отвечал д'Артаньян, – но мне кажется, что вы сами коротко знакомы с гербами; доказательством служит вышитый платок, которому я обязан честью быть знакомым с вами.

На этот раз Арамис не рассердился, но с самым скромным видом отвечал дружески:

– Не забывайте, любезный друг, что я хочу служить Церкви и избегаю всех светских приключений. Платок, который вы у меня видели, не был вверен мне, но один из друзей моих забыл его у меня. Я должен был взять его, чтобы не скомпрометировать ни его, ни даму, которую он любил. Я же не имею и не хочу иметь любовницы, следуя в этом примеру рассудительного Атоса.

– Черт возьми, но ведь вы не аббат, потому что вы мушкетер.

– Мушкетер только на время, любезный друг, как говорит кардинал, мушкетер против желания; но, поверьте мне, по душе, я принадлежу к духовному званию. Атос и Портос втолкнули меня в мушкетеры, чтобы чем-нибудь занять меня; в то время когда мне следовало быть посвященным в духовный сан, встретилось маленькое затруднение... Но это вас несколько не занимает, я отнимаю у вас драгоценное время.

– Несколько, это меня очень занимает, сказал д'Артаньян, – и мне теперь решительно нечего делать.

– Но мне нужно прочесть служебник, потом сочинить стихи для г-жи д'Егильон, потом нужно сходить в улицу С. Оноре, купить румян для г-жи де-Лиеврёз, следовательно, если вы не заняты, то вы видите, любезный друг, что я очень занят.

И Арамис дружески протянул руку своему молодому товарищу и простился с ним.

Д'Артаньян, не смотря на все старания свои, не мог ничего более узнать о трех новых друзьях. Он решился верить в настоящее время всему, что говорили о их прошедшем, надеясь в будущем узнать что-нибудь вернее и подробнее.

Покуда он смотрел на Атоса как на Ахиллеса, на Портоса как на Аякса и на Арамиса как на Иосифа.

Жизнь четверых молодых людей шла весело. Атос играл и всегда несчастливо. Впрочем он никогда не занимал ни гроша у друзей своих, хотя его кошелек был всегда к их услугам; и когда случалось ему играть на слово, он всегда будил своего кредитора в шесть часов утра, чтобы заплатить ему долг, сделанный накануне.

С Портосом случались припадки восторга: в подобные дни, если он выигрывал, то делался надменным и щедрым, если же проигрывал, то пропадал совершенно на несколько дней, по прошествии которых являлся снова с бледным и вытянутым лицом, но с деньгами в кармане.

Арамис не играл никогда. Он был самый дурной мушкетер и самый неприятный гость на пиру. Он всегда был занят делом. Иногда посреди обеда, когда все, увлеченные вином, и в жару разговора, располагали оставаться еще часа три за столом, Арамис смотрел на часы, вставал с приятно улыбкой и прощался с обществом, чтобы идти посоветоваться как говорил он, с одним богословом, с которым у него назначено свидание. Иногда он возвращался домой писать какое-нибудь сочинение, и просил друзей не отвлекать его.

Между тем Атос улыбался тою прекрасною меланхолическою улыбкой, которая так шла к его благородному лицу, а Портос пил, уверяя, что Арамис никогда не был бы больше как приходским сельским священником.

Планше, слуга д'Артаньяна, в счастливые время вел себя очень хорошо; он получал 30 су в день и в продолжение месяца всегда возвращался домой веселый как зяблик, и был вежлив с своим господином. Но когда счастливые дни в улице Могильщиков миновались, то есть, когда сорок пистолей короля Людовика XIII были почти истрачены, Планше начал жаловаться.

Атос находил эти жалобы отвратительными, Портос непристойными, а Арамис смешными. И потому Атос советовал д'Артаньяну отпустить негодея, Портос хотел, чтобы его прежде поколотили, а Арамис говорил, что господин не должен слушать, когда слуга говорит о нем что-нибудь дурное.

– Хорошо вам говорить, сказал д'Артаньян, потому что вы, Атос, живете с Гримо как с немым; вы запрещаете ему говорить и потому не услышите от него худого слова; вы, Портос, ведете роскошную жизнь и Мускетон смотрит на вас как на божество; наконец вы, Арамис, всегда заняты изучением богословия и внушаете глубокое уважение слуге вашему Базену, человеку кроткому и набожному; но я, не имея прочного места и без средств к жизни, не мушкетер и даже не гвардеец, чем могу я внушить Планше расположение, страх или уважение?

– Дело важное, отвечали три друга; это относится к хозяйству; слуги как женщины; надобно поставить их сначала в такое положение, в котором они должны быть. Подумайте об этом.

Д'Артаньян подумал и решился предварительно наказать Планше, что и было исполнено им так же добросовестно как он поступал во всем; потом, поколотив его как следует, он запретил ему оставлять службу без его позволения, потому что, прибавил он, будущность моя наверное переменится: я ожидаю вскоре лучших обстоятельств. Итак, твое счастье обеспечено, если ты остаешься при мне, а я слишком добрый господин, чтобы лишить тебя хорошей будущности, уволив тебя теперь по твоей просьбе.

Такой образ действий заслужил уважение мушкетеров к распорядительности д'Артаньяна. Планше удовольствовался и не говорил больше об увольнении.

Четверо молодых людей жили дружно. Д'Артаньян, не имевший никаких привычек, потому что приехал из провинции и попал в мир для него совершенно новый, подражал во всем своим друзьям.

Они вставали зимой около 8 часов, летом в шесть и отправлялись за приказаниями и как будто за делом к де-Тревилю. Хотя д'Артаньян не был мушкетером, но исполнял службу с

удивительную точностью; он был всегда для компании с тем из трех друзей своих, который был на очереди в карауле. Его все знали в отеле мушкетеров и все считали хорошим товарищем. Де-Треви́ль, оценивший его с первого взгляда, и истинно к нему расположенный, не переставал хвалить его королю.

Три мушкетера, с своей стороны, также очень полюбили своего молодого товарища. Дружба, соединявшая всех четырех, потребность видеться три или четыре раза в день, то для дуэли, то по делам, или для удовольствия заставляла их беспрестанно бегать друг за другом как тени. Если встречали кого-нибудь из них по дороге от Люксембурга до площади Св. Сюльпиция, или от улицы Старой Голубятни до Люксембурга, то наверное они искали один другого.

Между тем обещания де-Треви́ль шли своим чередом. Однажды король приказал Дезессару принять д'Артаньяна младшим в его роту гвардейцев. Д'Артаньян, вздыхая, надел мундир; он отдал бы десять лет жизни, чтобы променять его на мушкетерский. Но де-Треви́ль обещал ему эту милость после двухлетнего испытания, которое могло быть сокращено, если бы д'Артаньяну представился случай оказать какую-нибудь услугу королю, или отличиться каким-нибудь блестящим делом. Д'Артаньян удалился с этим обещанием и на другой же день начал службу.

Тогда Атос, Портос и Арамис в свою очередь, ходили на караул вместе с д'Артаньяном, когда он был дежурным, так что рота Дезессара увеличилась четырьмя человеками, вместо одного, в тот день, когда поступил в нее д'Артаньян.

VIII. Придворная интрига

Между тем сорок пистолей короля Людовика XIII, как и все на свете, имели свой конец, и когда они пришли к концу, четыре товарища попали в затруднительное положение. Сперва Атос поддерживал несколько времени всю компанию на собственные деньги. Потом Портос, как обыкновенно бывало в таких случаях, исчез на несколько времени, и после того в продолжение еще двух недель снабжал их во всех нуждах; наконец настала очередь Арамиса, который принес жертву очень любезно и добыл несколько пистолей посредством продажи своих богословских книг, как говорил он.

Тогда, по обыкновению прибегнули к де-Тревиллю, который дал несколько вперед в счет жалованья; по этого не надолго стало троим мушкетерам, наделавшим уже много долгов, и гвардейцу, который их еще не имел.

Наконец, когда они видели, что ничего уже больше не оставалось, то последними усилиями собрали восемь или десять пистолей, на которые Портос пошел играть. К несчастью он проиграл все и еще кроме того двадцать пять пистолей на слово.

Тогда затруднительное положение обратилось в самое печальное; голодные, в сопровождении слуг своих, они бегали по набережным и казармам, отыскивая, где можно пообедать у кого-нибудь из посторонних друзей, потому что, по мнению Арамиса, следовало в хорошие времена угощать обедом всех, кого попало, чтобы в несчастных случаях можно было самим где-нибудь попользоваться обедом.

Атос был приглашен на обеды четыре раза и каждый раз приводил с собою друзей своих со слугами их. Портос получил шесть таких приглашений, Арамис восемь – и каждый раз они отправлялись все вместе. Арамис, как из этого видно, мало говорил, но много делал. Что касается до д'Артаньяна, то, не будучи еще ни с кем знаком в столице, он нашел только один завтрак, состоявший из шоколада у одного священника из своей провинции и один обед у гвардейского корнета. Он привел всю ватагу к священнику, у которого они съели двухмесячный запас и к корнету, угостившему их на славу; но Планше говорил, что все-таки ели только раз в день, хотя и много ели.

Д'Артаньян был очень огорчен тем, что в замен великолепных угощений, предложенных ему Атосом, Портосом и Арамисом, он мог предложить товарищам только полтора обеда, потому что завтрак у священника можно было считать только в половину обеда. Он считал себя в тягость компании, забывая, по своей ребяческой доброте, что он кормил всех в продолжение целого месяца, и ум его начал деятельно работать. Он думал, что союз четырех людей молодых, храбрых, предприимчивых и деятельных, должен был иметь другую цель, кроме веселых прогулок, уроков фехтования и колкостей, более или менее умных.

Действительно, четверо таких людей, преданные друг другу, готовые жертвовать один для другого не только кошельком, но и жизнью, храбрые, должны были неизбежно какими бы то ни было средствами достигнуть предположенной ими цели. Одно только удивляло д'Артаньяна, каким образом друзья его об этом до сих пор не подумали.

Он думал об этом серьезно, ломал себе голову, как бы дать направление соединенной силе их, посредством которой, по его мнению, можно было бы как рычагом Архимеда, перевернуть весь свет, как вдруг раздался тихий стук в дверь. Д'Артаньян разбудил Планше и велел ему отпереть.

Из того, что мы сказали, что д'Артаньян разбудил Планше, не следует заключать, что это было ночью или рано утром. Нет! только что пробило четыре часа. Планше, два часа тому назад, приходил просить у барина обеда, на что тот отвечал ему поговоркой: кто спит, тот обедает. И Планше обедал во сне.

Вошел человек, наружности самой обыкновенной, что-то вроде мещанина. Планше, вместо десерта, хотел послушать их разговор, но мещанин объявил д'Артаньяну, что хочет сказать ему нечто важное и секретное и потому желает остаться с ним наедине.

Д'Артаньян выслал Планше и предложил посетителю сесть.

Последовала минута молчания, во время которой они оба смотрели друг на друга, как будто для того, чтобы сделать предварительное знакомство, после чего д'Артаньян поклонился в знак того, что он слушает.

– Я слышал о г. д'Артаньяне, как о человеке храбром, сказал мещанин, и эта репутация, которой он по справедливости пользуется, побудила меня доверить ему тайну.

– Говорите, милостивый государь, сказал д'Артаньян, который по инстинкту угадывал, что дело будет для него выгодное.

Гость, после непродолжительного молчания, продолжал:

– Жена моя служит прачкой у королевы, она не глупа и не дурна. Ее выдали за меня назад тому скоро три года; хотя имущество ее было невелико, но г. ла-Порт, хранитель гардероба королевы, ей крестный отец и покровительствует ей.

– Что же дальше? сказал д'Артаньян.

– А то, что жену мою похитили вчера утром, когда она выходила из своей рабочей комнаты, продолжал мещанин.

– Кто же похитил жену вашу?

– Наверно не знаю, но подозреваю...

– Кого же вы подозреваете?

– Одного человека, который давно ее преследовал.

– Черт возьми!

– Но если вам угодно знать, я вам скажу, продолжал мещанин, что я уверен, что это сделано больше по политическим расчетам, чем по любви.

– Больше по политическому расчету, чем по любви, сказал д'Артаньян, задумавшись, кого же вы подозреваете?

– Не знаю, сказать ли вам, что я подозреваю...

– Я вам замечу, милостивый государь, что я вас решительно ни о чем не спрашиваю. Вы сами пришли ко мне. Вы сказали, что хотите доверить мне тайну. Делайте, как вам угодно, если вы сомневаетесь, то еще можно уйти.

– Нет, мне кажется, что вы честный молодой человек, и я в вас не сомневаюсь. Я думаю, что жену мою арестовали не по ее любовным делам, но по делам другой дамы, поважнее ее.

– А! уж не за любовь ли г-жи де Боа-Траси, сказал д'Артаньян, который хотел показать перед мещанином, что ему известны придворные дела.

– Выше, выше, милостивый государь.

– Г-жи д'Егильон?

– Еще выше.

– Г-жи де-Шеврёз?

– Выше еще, гораздо выше.

Д'Артаньян остановился.

– Да, отвечал с испугу мещанин так тихо, что едва можно было слышать.

– А с кем?

– С кем же может быть, если не с герцогом...

– С герцогом...

– Да, милостивый государь! отвечал мещанин еще тише.

– Но как вы все это узнали?

– Как я узнал?

– Да, как вы узнали. Говорите все, иначе... вы понимаете.

- Я узнал от жены моей, от самой жены моей.
- А она от кого узнала об этом?
- От г. де-ла-Порта; я вам сказал, что она его крестница, а он в большой доверенности у королевы. Ла-Порт определил ее к ее величеству для того, чтобы наша бедная королева, покинутая королем, окруженная шпионами кардинала и изменниками, имела по крайней мере человека, которому она могла бы верить.
- А! вот теперь дело объясняется, сказал д'Артаньян.
- Жена моя поступила к ней только 4 дня тому назад; одно из условий состояло в том, чтобы она могла ходить ко мне два раза в неделю, потому что, как я уже имел честь сказать вам, жена меня очень любит; так она пришла ко мне и сказала по секрету, что королева теперь в большом страхе.
- В самом деле?
- Да. Кардинал, как кажется, преследует ее и притесняет больше чем когда-нибудь. Он не может простить ей истории с сарабандой. Вы знаете эту историю?
- Конечно, отвечал д'Артаньян, который ничего не знал, но не хотел показать этого.
- Так что теперь это уже не ненависть, а мщение.
- В самом деле?
- И королева думает...
- Ну, что же думает королева?
- Она думает, что герцогу Бокингеу писали от ее имени.
- От имени королевы?
- Да, чтобы заставить его приехать в Париж, и когда он приедет, то поймать его в какую-нибудь западню.
- Черт возьми; но, любезный, как же замешана в этом деле ваша жена?
- Ее преданность королеве известна, и хотят или удалить ее от королевы, или напугать, чтобы узнать тайны ее величества, или соблазнить ее, чтобы сделать из нее шпиона.
- Это очень вероятно, отвечал д'Артаньян: – но знаете ли вы того, кто похитил ее?
- Я вам сказал, что, кажется, я его знаю.
- Как его зовут?
- Этого я не знаю. Я знаю только одно, что это человек преданный кардиналу.
- Но вы его видели?
- Да, жена показывала мне его один раз.
- Нет ли какой приметы, по которой можно бы узнать его?
- О, конечно! это господин с важным видом, у него волосы черные, смуглый цвет лица, пронзительный взгляд, белые зубы и рубец на виске.
- Рубец на виске! сказал д'Артаньян и при этом белые зубы, пронзительный взгляд, смуглый цвет лица, черные волосы и важный вид, это тот человек, которого я видел в Мёнге.
- Вы говорите, что видели его?
- Да, да, но это ничего не значит. Или ошибаюсь, это напротив много значит; если это тот самый, то я одним разом отмщу ему за всё, но где найти этого человека?
- Не знаю.
- Мы не имеем никаких сведений о его квартире?
- Никаких, однажды, когда я провожал жену в Лувр, он выходил оттуда, и она показала мне его.
- Черт возьми! шептал д'Артаньян, – все это очень неопределенно; от кого вы узнали о похищении жены вашей?
- От де-ла-Порта.
- Рассказывал он вам какие-нибудь подробности?
- Он сам их не знал.

- И вы ниоткуда больше ничего не узнали?
- О, да, я получил...
- Что?
- Но и не знаю, не будет ли это с моей стороны величайшею неосторожностью?
- Вы опять за старое; но на этот раз я замечу вам, что теперь уже поздно отступать.
- Я и не отступаю, черт возьми, сказал мещанин, ругаясь, чтобы придать себе бодрости. –

Впрочем клянусь именем Бонасиё.

- Вас зовут Бонасиё? сказал д'Артаньян;
- Да.
- Вы Бонасиё, извините, что я прервал вас, но мне показалось, что это имя мне знакомо.
- Это очень может быть. Я хозяин этого дома.
- А! сказал д'Артаньян, привстав до половины и кланяясь ему, – так вы хозяин дома?
- Да. И так как вы живете у меня уже три месяца, и как вы, конечно, по рассеянности,

по причине ваших занятий, забыли заплатить мне за квартиру и я не надоедал вам ни разу, то я полагал, что вы оцените мою деликатность.

– Как же, любезный Бонасиё, отвечал д'Артаньян, – поверьте, что я весьма благодарен вам за такую любезность и если могу быть чем-нибудь вам полезен...

- Я совершенно верю вам, и только хотел вам сказать, что имею полное доверие к вам.
- Так оканчивайте же, что вы начали мне рассказывать!

Мещанин вынул из кармана бумагу и подал ее д'Артаньяну.

- Письмо! сказал д'Артаньян.
- Которое я получил сегодня утром.

Д'Артаньян развернул его, и как уже темнело, то он подошел к окну. Мещанин последовал за ним.

«Не ищите жены вашей, читал д'Артаньян, она будет возвращена вам, когда в ней не будет больше надобности. Если вы сделаете какую-нибудь попытку найти её, вы пропали».

- Это довольно решительно, сказал д'Артаньян; – но это не больше как угроза.
- Да, но эта угроза пугает меня; я совсем не умею владеть шпагой и боюсь Бастилии.
- Гм! сказал д'Артаньян, – я тоже не хотел бы быть в Бастилии. Если бы дело заключалось только в том, чтобы подраться на шпагах, это бы еще ничего.

- Но я много рассчитывал на вас в этом случае.
- В самом деле?

– Видя, что вас часто посещают мушкетеры, такой прекрасной наружности, и зная, что это мушкетеры де-Тревиля, следовательно враги кардинала, я думал, что вы и друзья ваши, для пользы нашей бедной королевы, будете рады сделать неприятность кардиналу.

- Без сомнения.
- Притом же я думал, что так как вы должны мне за три месяца за квартиру...
- Да, да, вы уже говорили мне об этом, и я нахожу, что эта причина очень достаточная.
- Кроме того предполагая, во все время, пока вам угодно будет делать мне честь жить у меня, никогда не напоминать вам о квартирных деньгах...

- Очень хорошо.
- И прибавьте к этому, что я рассчитывал предложить вам пятьдесят пистолей, если бы, сверх ожидания, вы находились в затруднительном положении в настоящее время.

- Прекрасно, так вы богаты, любезный Бонасиё?
- Живу без нужды; я нажил тысячи две или три экю дохода от торговли в лавочке и в особенности от того, что взял несколько фондов последнего путешествия известного мореплавателя Жана Моке; так что, вы понимаете... Ах! вскричал мещанин.

- Что? спросил д'Артаньян.
- Что я там вижу!

– Где?

– На улице, против ваших окошек, в амбразуре ворот стоит человек, в плаще.

– Это он! сказали д'Артаньян и мещанин: они оба узнали этого человека.

– А, в этот раз он не уйдет от меня! сказал д'Артаньян, бросаясь за шпагой.

Вынув шпагу из ножен, он бросился вон из комнаты.

На лестнице он встретил Атоса и Портоса, шедших к нему.

Они посторонились, д'Артаньян проскочил между ними как стрела.

– Куда ты так бежишь? закричали оба мушкетера вдруг.

– Незнакомец из Мёнга, отвечал д'Артаньян и исчез.

Д'Артаньян неоднократно уже рассказывал друзьям своим о приключении с незнакомцем и о появлении прекрасной путешественницы, которой этот человек, казалось, доверил важное поручение.

Атос полагал, что д'Артаньян потерял свое письмо во время драки. Он утверждал, что дворянин не может быть способен на такую низость, чтобы украсть письмо, а по описанию д'Артаньяна, незнакомец был никто иной как дворянин.

Портос видел во всем этом только любовное свидание, назначенное дамой кавалеру или наоборот, и полагал, что этому свиданию помешало присутствие д'Артаньяна и его желтой лошади.

Арамис сказал, что это дело таинственное и лучше не углубляться в него.

Итак они поняли из нескольких слов д'Артаньяна в чем дело, и полагая, что, догонит он этого человека или нет, во всяком случае он придет домой, они продолжали свою дорогу.

Когда они вошли в комнату д'Артаньяна, она была пуста; хозяин дома, опасаясь за последствия встречи молодого человека с незнакомцем, из предосторожности, счел благоразумным удалиться.

IX. Д'Артаньян

Как предвидели Атос и Портос, д'Артаньян через полчаса возвратился. Он не нашел и в этот раз своего незнакомца, исчезнувшего как будто волшебством. Д'Артаньян обежал со шпагой в руке все окрестные улицы, но не нашел того, кого искал; тогда ему пришло в голову попробовать то, с чего бы, может быть, следовало начать, – постучаться в ворота, подле которых стоял незнакомец; но он напрасно ударил десять или двенадцать раз молотком, никто не отвечал, и соседи, привлеченные шумом за воротами или к окошкам, уверяли его, что этот дом уже полгода как не обитаем и что все двери его заколочены.

Между тем как д'Артаньян бежал по улицам и стучался в ворота, Арамис присоединился к своим товарищам, так что когда д'Артаньян возвратился домой, то он нашел у себя всех трех друзей.

– Ну что? сказали вместе все три мушкетера, увидев д'Артаньяна, вспотевшего от усталости и с выражением досады на лице.

– Да что? сказал он, бросая шпагу на постель: – это не человек, а дьявол; он исчез как привидение.

– Вы верите в привидения? спросил Атос Портоса.

– Я верю только тому, что вижу; но как я никогда не видал привидений, то и не верю в существование их.

– Библия приказывает нам верить в них, сказал Арамис, – тень Самуила являлась Саулу и мне было бы жаль, если б вы не верили этому, Портос.

– Во всяком случае, человек он или черт, тело или тень, мечта или действительность, этот человек рожден на мое мученье, потому что его бегство лишило нас прекрасного дела, господина, такого дела, от которого можно бы выиграть сто пистолей, а может быть и больше.

– И как это? сказали Портос и Арамис вместе.

Атос, верный своей системе молчания, удовольствовался вопросительным взглядом на д'Артаньяна.

– Планше, сказал д'Артаньян своему слуге, высунувшему в эту минуту голову в отворенную дверь, чтобы подслушать что-нибудь из разговора их, – поди к хозяину дома, Бонасиё, и скажи ему, чтобы он прислал нам полдюжины бутылок вина Божанси, я предпочитаю это вино другим винам.

– А! так вы пользуетесь открытым кредитом хозяина? спросил Портос.

– Да, с сегодняшнего дня, отвечал д'Артаньян, – и будьте уверены, что если его вино не хорошо, мы заставим его послать за другим.

– Должно пользоваться, но не употреблять во зло, сказал в виде наставленья Арамис.

– Я всегда говорил, что д'Артаньян умнее всех нас, сказал Атос, и высказав это мнение, на которое д'Артаньян отвечал поклоном, снова впал в обычное молчание.

– Но скажите, в чем же дело? спросил Портос.

– Да, сказал Арамис, – расскажите же, любезный друг, если только в этом деле не замешана честь какой-нибудь женщины; в противном случае лучше сохраните свою тайну.

– Будьте спокойны, отвечал д'Артаньян, ничья честь не пострадает от того, что я вам скажу.

И он рассказал своим друзьям от слова до слова все, что было между ним и его хозяином, прибавив, что человек, похитивший жену достойного владельца дома, был тот самый незнакомец, с которым он встретился в гостинице Франк-Мённе.

– Ваше дело не дурно, сказал Атос и, попробовав вина с видом знатока, кивнул головой в знак одобрения; – и с вашего хозяина можно будет получить пятьдесят или шестьдесят писто-

лей. Только теперь следует подумать, стоят ли пятьдесят или шестьдесят пистолей того, чтобы рисковать четырьмя головами.

– Но не забывайте, сказал д'Артаньян, – что в этом деле замешана женщина, похищенная женщина, которой без сомнения угрожают, может быть, мучат ее, и все это за то, что она верна своей госпоже.

– Берегитесь д'Артаньян, сказал Арамис: – мне кажется, что вы принимаете слишком горячее участие в жене Бонасиё. Женщина создана для нашей гибели и от нее произошли все наши бедствия.

При этом изречении Арамиса, Атос нахмурил брови и укусил губы.

– Я беспокоюсь совсем не о жене Бонасиё, сказал д'Артаньян, – но о королеве, которая покинута королем, преследуема кардиналом и видит, как падают одна за другою головы ее друзей.

– Зачем же она любит тех, кого мы ненавидим больше всего на свете: испанцев и англичан?

– Испания ее отечество, сказал д'Артаньян, – и потому очень естественно, что она любит испанцев, детей своей родины. Что же касается до второго упрека вашего, то я слышал, что она любит не англичан, а одного англичанина.

– Право, сказал Атос: – надо сознаться, что этот Англичанин стоит того, чтобы его любили. Я никогда не видал другого такого молодца как он.

– Не считая того, что никто не одевается так, как он, сказал Портос. – Я был в Лувре в тот день, когда он рассыпал свой жемчуг, поднял две жемчужины и продал их по десяти пистолей за каждую. А ты знаешь его, Арамис?

– Также как вы, я был в числе тех, которые арестовали его в Амиенском саду, куда меня провел де-Пютанж, конюх королевы. Я был в это время в семинарии, и приключение это показалось мне жестоким для короля.

– Это не помешало бы мне, сказал д'Артаньян, – если б я знал, где находится герцог Бокингем, взять его за руку и привести к королеве, хотя бы только для того, чтобы взбесить кардинала, потому что наш настоящий, единственный и вечный враг – это кардинал, и если б мы могли найти средство сделать ему какую-нибудь чувствительную неприятность, признаюсь, я охотно рискнул бы головой.

– И лавочник сказал вам, д'Артаньян, что королева думает, будто Бокингема заставили приехать посредством ложного приглашения? спросил Атос.

– Она этого опасается.

– Подождите же, сказал Арамис.

– Чего? спросил Портос.

– Продолжайте, я стараюсь припомнить обстоятельства.

– И теперь я убежден, сказал д'Артаньян. – что похищение этой женщины, преданной королеве, имеет связь с происшествиями, о которых мы говорим, а может быть, и с присутствием Бокингема в Париже.

– Сколько соображения у этого гасконца, сказал Портос с восхищением.

– Я очень люблю его слушать, выговор его забавляет меня, сказал Атос.

– Господа, выслушайте меня, сказал Арамис.

– Мы слушаем, сказали все трое.

– Вчера я был у одного ученого доктора богословия, с которым я иногда советуясь в и. моих занятиях.

Атос улыбнулся.

– Он живет в отдаленном квартале, продолжал Арамис, – того требуют его привычки и занятия. В то время, когда я выходил от него... – Арамис остановился.

– Ну что же, спросили слушатели: – в то время, когда вы выходили от него?

Арамис как будто сделал усилие над самим собою, как человек, приготовившийся лгать и остановленный непредвиденным препятствием; но глаза трех товарищей были устремлены на него, они наострили уши, не было возможности отступить.

– У этого доктора есть племянница, сказал Арамис.

– А! у него есть племянница! прервал Портос.

– Женщина достойная уважения, сказал Арамис.

Трое друзей засмеялись.

– А! если вы смеетесь и не верите, так и не узнаете ничего, сказал Арамис.

– Мы верим как магометане, и немые как катафалки, сказал Атос.

– Я продолжаю, сказал Арамис. – Эта племянница иногда приходит навестить дядю; вчера случилось, что она была там в одно время со мною и я должен был предложить свои услуги, чтобы проводить ее до кареты.

– А! у племянницы доктора есть своя карета! прервал Портос, который был очень невоздержан на словах; – прекрасное знакомство, друг мой.

– Портос, сказал Арамис, – я уже не раз замечал вам, что вы очень нескромны и что это вредит вам в мнении женщин.

– Господа, дело серьезное, сказал д'Артаньян, предвидевший сущность приключения, – постараемся же не шутить. Продолжайте, Арамис.

– Вдруг человек большого роста, смуглый, по-видимому, дворянин – в роде вашего незнакомца, д'Артаньян.

– Может быть, он самый, сказал д'Артаньян.

– Может быть, сказал Арамис... он подошел ко мне с 5 или 6 человеками, которые шли в десяти шагах за ним, и самым вежливым тоном сказал мне: «Г. Герцог и вы, мадам, продолжал он, обращаясь к даме, которую я вел под руку...

– К племяннице доктора?

– Замолчите же, Портос, вы несносны, сказал Атос.

– «Не угодно ли вам сесть в эту карету без всякого сопротивления и без шума».

– Он принял вас за Бокингема, сказал д'Артаньян.

– Я то же думаю, отвечал Арамис.

– Но даму? спросил Портос.

– Он принял её за королеву, отвечал д'Артаньян.

– Совершенно справедливо, отвечал Арамис.

– Этот гасконец дьявол! сказал Атос; – ничто не ускользнет от него.

– Дело в том, сказал Портос, – что Арамис ростом и фигурой похож на прекрасного герцога; но мне кажется, что одежда мушкетера...

– Я был в огромном плаще, сказал Арамис.

– Черт возьми, в июле месяце! Сказал Портос; – разве доктор боится, чтобы тебя не узнали?

– Понятно еще, что шпион мог ошибиться в росте, но лице сказал Атос.

– На мне была большая шляпа, сказал Арамис.

– Боже мой! сколько предосторожностей, чтобы заниматься богословием, сказал Портос.

– Господа, сказал д'Артаньян, – не будем же тратить времени на шутки, разойдемся в разные стороны и пойдем искать жену лавочника; в этом ключ к интриге.

– Женщина такого низкого звания! неужели вы так думаете, д'Артаньян! сказал Портос с презрительной миной.

– Она крестница ла-Порта, доверенного слуги королевы. Разве я вам не говорил этого, господа? И притом, может быть, со стороны ее величества это расчет искать опоры в столь низком звании. Высокие головы видны издалека, а у кардинала хорошее зрение.

– Если так, сказал Портос, – уговоритесь прежде с лавочником в цене и не берите с него дешево.

– Это бесполезно, сказал д'Артаньян, – я думаю, что если б он даже ничего не заплатил нам, то нам хорошо заплатят с другой стороны.

В эту минуту раздался на лестнице шум ускоренных шагов, дверь отворилась с треском и несчастный лавочник бросился в комнату, где происходило совещание.

– Ах, господа! сказал он, – ради Бога, спасите меня. Там идут четверо, чтобы арестовать меня. Спасите! спасите!

Портос и Арамис встали.

– Подождите, сказал д'Артаньян, делая им знак, чтобы они вложили полуобнаженные шпаги: – здесь нужно действовать не храбростью, а благоразумием.

– Однако, сказал Портос, мы не допустим...

– Предоставьте все д'Артаньяну, сказал Атос, – повторяю, он умнее всех нас и я с своей стороны объявляю, что я ему повинуюсь. Делай, как знаешь, д'Артаньян.

В то время четыре гвардейца показались у дверей передней; но при виде четырех мушкетеров со шпагами, они не решались идти далее.

– Войдите, господа, сказал д'Артаньян, – вы здесь у меня, и мы все верные слуги короля и кардинала.

– В таком случае, господа, вы не будете препятствовать нам исполнить полученные нами приказания, спросил тот, который был по-видимому начальником отряда.

– Напротив, господа, мы поможем вам в случае нужды.

– Что это он говорит? прошептал Портос.

– Ты глуп! молчи! сказал Атос.

– Но вы обещали мне... сказал потихоньку лавочник.

– Мы можем спасти вас только в таком случае, если сами останемся свободны, отвечал также тихо д'Артаньян – если же мы будем защищать вас, то нас арестуют вместе с вами.

– Но мне всё-таки кажется...

– Войдите, господа, сказал вслух д'Артаньян: – я не имею никакой причины защищать этого господина. Я видел его сегодня в первый раз и по какому еще случаю, он сам скажет вам; он приходил требовать с меня денег за квартиру. Не правда ли, Бонасиё? Отвечайте.

– Совершенная правда, сказал лавочник; но этот господин не сказал вам...

– Ни слова обо мне и о друзьях моих, в особенности о королеве, или вы погубите всех нас и не спасете себя. Ступайте, господа, уводите этого человека.

И д'Артаньян толкнул изумленного лавочника в руки гвардейцев, говоря ему:

– Вы бездельник, любезный друг, пришли за деньгами ко мне, мушкетеру! в тюрьму его! ведите его господа, и держите его под замком, как можно дольше, чтобы мне выиграть побольше времени для уплаты.

Солдаты рассыпались в благодарности и увели свою добычу.

Когда они спускались с лестницы, д'Артаньян ударил по плечу начальника их.

– Не выпьем ли мы за здоровье друг друга? сказал он, наливая два стакана вина Божанси, полученного им от щедрого Бонасиё.

– Очень благодарен за честь, сказал начальник, и принимаю с признательностью.

– Ну, так за ваше здоровье... Как вас зовут?

– Боаренар.

– Г. Боаренар!

– За ваше, дворянин, позвольте спросить как ваше имя?

– Д'Артаньян.

– За ваше здоровье!

– И кроме того, сказал д'Артаньян, как будто в восторге, выпьем за здоровье короля и кардинала.

Начальник отряда может быть не доверял бы искренности д'Артаньяна, если бы вино было не так хорошо; но оно было не дурно и потому он не сомневался.

– Но что за низость вы наделали? сказал Портос, когда начальник отряда догнал своих товарищей и четыре друга снова остались одни. Как можно, чтобы четыре мушкетера допустили арестовать в своем присутствии несчастного, который просит их о помощи. – И дворянину пить с полицейским!

– Портос, сказал Арамис, – Атос сказал уже тебе, что ты глуп, и я разделяю его мнение. Д'Артаньян, ты великий человек и когда будешь на месте де-Тревиля, я прошу твоего покровительства, чтобы получить аббатство.

– Ничего не понимаю, сказал Портос, вы одобряете поступок д'Артаньяна.

– Разумеется, сказал Атос, я не только одобряю поступок д'Артаньяна, но и поздравляю его с этим.

– Теперь, господа, сказал д'Артаньян, не беспокоясь объяснять свое поведение Портосу, все за одного, один за всех, таков наш девиз, не правда ли?

– Однако, сказал Портос.

– Протягивай руку и клянись, сказали Атос и Арамис вместе.

Побежденный примером, ворча про себя, Портос протянул руку и четыре друга повторили в один голос клятву, предложенную д'Артаньяном:

«Все за одного, один за всех»!

– Хорошо, теперь ступайте все по домам, сказал д'Артаньян таким тоном, как будто всю жизнь свою привык приказывать, и будьте внимательны, потому что с этой минуты мы будем в борьбе с кардиналом.

Х. Мышеловка в 17-м веке

Изобретение мышеловки относится к древним временам; как только первые образовавшиеся общества изобрели полицию, в тоже время полиция изобрела мышеловки.

Так как читатели наши, может быть, незнакомы с наречием Иерусалимской улицы, и как в продолжение 15 лет с тех пор как мы начали писать, еще в первый раз случилось нам употребить это слово в таком смысле, то объясним, что такое мышеловка.

Когда в каком-нибудь доме арестуют лицо, подозреваемое в каком-нибудь преступлений, то это арестование содержат в тайне, в первой комнате помещают в засаде 4 или 5 человек, отворяют дверь всем, кто стучится, за ними опять затворяют и их арестуют; таким образом через два или три дня захватывают почти всех, кто часто бывает в доме.

Это называется мышеловка.

Итак, комнату Бонасиё обратили в мышеловку и всякого, кто приходил туда, люди кардинала арестовали и допрашивали. Само собою разумеется, что так как первый этаж, где жил д'Артаньян, имел особый выход, то приходившие к нему не подвергались следствию.

Впрочем к д'Артаньяну никто не приходил, кроме трех мушкетеров. Они пустились в розыски, каждый отдельно, но ничего не открыли. Атос даже спрашивал де-Тревиля, и это очень удивило его капитана, потому что Атос обыкновенно был крайне молчалив. Но де-Тревиля ничего не знал, кроме того, что когда он в последний раз видел кардинала, короля и королеву, то кардинал имел вид очень озабоченный, король был беспокоен, а по красным глазам королевы видно было, что она или худо спала, или плакала. Но это последнее обстоятельство мало его поразило, потому что королева, со времени своего замужества, часто не спала и плакала.

Де-Тревиля советовал Атосу, во всяком случае, верно служить королю и особенно королеве, и передать такую же просьбу его товарищам.

Что касается до д'Артаньяна, то он не выходил из дому. Он обратил свою комнату в обсерваторию. Из окон он видел всех, кто приходил и попадался в засаду; притом, сняв доски в полу, он через простой потолок, отделявший его от комнаты внизу, где происходили допросы, слышал все происходившее между инквизиторами и обвиненными.

Допросы, предшествуемые подробным обыском арестуемых лиц, происходили почти всегда следующим образом:

– Не давала ли вам госпожа Бонасиё какой-нибудь вещи для передачи мужу ее, или кому-нибудь другому?

– Не давал ли вам г. Бонасиё какой-нибудь вещи для передачи его жене, или кому-нибудь другому?

– Не доверяли ли Бонасиё, или жена его, вам чего-нибудь на словах?

– Если бы они знали что-нибудь, то не спрашивали бы таким образом, сказал сам себе д'Артаньян. Что же они хотят узнать? Не находится ли герцог Бокингем в Париже и не имел ли он или не должен ли иметь свидание с королевой?

Д'Артаньян остановился на этой мысли, которая, судя по всему слышанному им, была очень вероятна.

Между тем мышеловка продолжала действовать и бдительность д'Артаньяна также.

На другой день после арестования несчастного Бонасиё, вечером, когда Атос ушел от д'Артаньяна, чтобы отправиться к де-Тревилю, в девять часов, когда Планше принимался готовить постель, раздался стук в дверь с улицы; тотчас дверь отворилась и опять затворилась: кто-то попался в мышеловку.

Д'Артаньян бросился к тому месту, где пол был разобран, лег и начал прислушиваться.

Раздались крики, потом стоны, которые старались заглушить. Допроса не было.

– Черт возьми, подумал д'Артаньян, это кажется женщина: ее обыскивают, она противится, против нее употребляют силу, – какая низость!

И д'Артаньян, при всем своем благоразумии, едва не вмешался в сцену, происходившую внизу.

– Но я вам говорю, что я хозяйка дома, господа; я вам говорю, что я г-жа Бонасиё; я вам говорю, что я служу королеве, кричала несчастная женщина.

– Г-жа Бонасиё, бормотал д'Артаньян; неужели я буду так счастлив, что найду то, чего все ищут?

– Вас-то именно мы и ожидали, сказали допрошители.

Голос более и более заглушался; послышалось как будто происходила борьба. Жертва противилась на столько, на сколько женщина может противиться четверем мужчинам.

– Простите, господа, прост... бормотал голос, потом слышны были только непонятные звуки.

– Они завязывают ей рот, они хотят тащить ее, сказал д'Артаньян, вскакивая. Шпагу, а, вот она! Планше!

– Что прикажете?

– Беги за Атосом, Портосом и Арамисом. Один из трех вероятно дома, а может быть, все. Пусть они возьмут шпаги и бегут сюда. Ах, я вспомнил. Атос у де-Тревилья.

– Но куда же вы идете?

– Я спущусь через окно, сказал д'Артаньян, чтобы поспеть скорее; положи доски, вымети пол, ступай через дверь и беги, куда я тебе сказал.

– О, вы убьетесь, сказал Планше.

– Молчи, дурак, отвечал д'Артаньян. И ухватившись за раму окна, он спустился вниз: к счастью первый этаж был не высок и он упал без ушиба.

Потом тотчас начал стучать в дверь; ворча про себя:

– Дам поймать себя в мышеловку и горё кошкам, которые нападут на такую мышь.

Едва раздался стук молотка, как шум прекратился, приблизились шаги, дверь отворилась и д'Артаньян, со шпагою в руке, бросился в комнату Бонасиё. Дверь, вероятно, от действия пружины, затворилась за ним сама собой.

Тогда обитатели несчастного дома Бонасиё и ближайшие соседи слышали страшный крик, топанье ногами, звуки ударяющихся шпаг и продолжительный треск ломающейся мебели. Минуту спустя, те, которые будучи привлечены шумом, подошли к окошкам, чтобы узнать причину его, видели как дверь опять отворилась и четыре человека, в черной одежде, не вышли, а вылетели в нее как испуганное воронье, оставив на земле и на углах столов перья из своих крыльев, т. е. клочки своей одежды.

Д'Артаньяну, впрочем, не трудно было остаться победителем, потому что только один из полицейских был вооружен, но и он защищался только для виду. Правда, что трое остальных напали на молодого человека со стульями, табуретами и горшками, но две или три царапины, сделанные шпагой гасконца, испугали их. Десяти минут достаточно было для их поражения и поле битвы осталось за д'Артаньяном.

Соседи, открывшие свои окна, с хладнокровием, свойственным жителям Парижа в эти времена постоянных волнений и драк, опять закрыли их, увидели, что четверо черных людей убежали; они уже по инстинкту знали, что на время все было кончено.

Впрочем, было уже поздно, а тогда, как и теперь, в Люксембургском квартале рано ложились спать.

Оставшись один с госпожою Бонасиё, д'Артаньян обратился к ней: несчастная женщина лежала в креслах, почти без чувств. Д'Артаньян осмотрел ее с ног до головы.

Это была очаровательная женщина, двадцати пяти или двадцати шести лет, брюнетка, с голубыми глазами, с носом, слегка вздернутым, с чудными зубами и с прекрасным цветом тела,

белым и розовым. Впрочем этим и ограничивались признаки, по которым можно было бы принять ее за знатную даму. Руки были белы, но не изящны; ноги также были не аристократические. По счастью, д'Артаньян не дошел еще до того, чтобы заниматься такими подробностями.

Между тем как он рассматривал г-жу Бонасиё и дошел до ног, как мы сказали, он заметил на полу тонкий батистовый платок; по обыкновению, поднял его и на углу его заметил вышитые буквы, точно такие же, как видел на платке, за который едва не подрался с Арамисом.

С того времени д'Артаньяну не нравились платки с гербами; поэтому, не говоря ни слова, он положил поднятый им платок в карман г-жи Бонасиё.

В эту минуту г-жа Бонасиё пришла в чувство. Она открыла глаза, осмотрелась со страхом кругом и увидела, что комната была пуста и что она была одна со своим избавителем. Она тотчас с улыбкой протянула ему руки. А улыбка г-жи Бонасиё была очаровательна.

– Ах, это вы меня спасли, сказала она, позвольте мне поблагодарить вас.

– Мадам, отвечал д'Артаньян, я сделал то, что всякий дворянин сделал бы на моем месте, и вам не за что благодарить меня.

– Нет, милостивый государь, вы оказали мне услугу и я докажу вам, что я не неблагодарная. Но чего хотели от меня эти люди, которых я сначала приняла за воров, и отчего г-на Бонасиё нет здесь?

– Мадам, эти люди гораздо опаснее воров, потому что это агенты кардинала, а что касается до г-на Бонасиё, то его здесь нет потому, что вчера за ним пришли и увели его в Бастилию.

– Мой муж в Бастилии! вскричала г-жа Бонасиё, о Боже! что же он сделал? несчастный, он воплощенная невинность!

И что-то в роде улыбки показалось на испуганном лице молодой женщины.

– Что он сделал? сказал д'Артаньян. Я думаю, что единственное преступление его состоит в том, что он имеет вместе счастье и несчастье быть вашим мужем.

– Разве вы знаете...

– Я знаю, что вас похитили.

– Кто? вы знаете? о, если вы знаете это, скажите мне.

– Человек сорока или сорока пяти лет, с черными волосами, смуглый, с рубцом на левом виске.

– Это верно, но как его зовут?

– Как его зовут? этого я не знаю.

– А муж мой знал, что мена похитили?

– Он был предупрежден об этом письмом, которое писал ему сам похититель.

– Не подозревает ли он, спросила с смущением г-жа Бонасиё, какой-нибудь причины этого похищения?

– Кажется, он приписывает причину политической.

– Прежде я сомневалась в этом, а теперь думаю тоже самое. Так любезный мой г-н Бонасиё не подозревал меня ни минуты...

– О, напротив, он гордился вашим умом и особенно вашей любовью.

Едва заметная улыбка вторично промелькнула на розовых губах прекрасной молодой женщины.

– Но, продолжал д'Артаньян, как вы убежали?

– Я воспользовалась минутой, когда меня оставили одну, и так как знала уже с нынешнего утра, чему следует приписать мое похищение, то с помощью простыни спустилась из окна и думая, что муж мой здесь, прибежала сюда.

– Чтобы отдаться под его защиту?

– О, нет, я знала, что он, бедняжка, не в состоянии защитить меня; но как он мог быть нам полезен в другом случае, то я хотела предупредить его.

– О чем?

– О, это не мой секрет и потому я не могу вам этого сказать.

– Впрочем, сказал д'Артаньян, извините, что я, солдат, напомню вам о благоразумии; я думаю, мы здесь не в таком месте, чтобы сообщать друг другу тайны. Люди, которых я прогнал, воротятся с подкреплением, и если они застанут нас здесь, то мы пропали. Правда, что я послал предупредить троих моих друзей, но неизвестно еще, найдут ли их дома.

– Да. Вы правы, сказала испуганная г-жа Бонасиё, – Убежим, спасемся.

С этими словами она взяла д'Артаньяна под руку и быстро увела его.

– Но куда мы побежим? спросил д'Артаньян, – где мы спасемся?

– Уйдем прежде всего из этого дома, а потом увидим.

Молодая женщина и молодой человек, не позаботившись затворить дверь, быстро пошли по улице Могильщиков, и остановились только на площади Св. Сюльпиция.

– А теперь, что мы будем делать, спросил д'Артаньян, – и куда прикажете мне проводить вас?

– Признаюсь, я в большом затруднении отвечать вам на это, сказала г-жа Бонасиё: – мое намерение было предупредить г. ла-Порта через моего мужа, что он должен сообщить нам подробно, что происходило в Лувре в последние три дня и не опасно ли мне там показаться.

– Но я могу предупредить ла-Порта, сказал д'Артаньян.

– Без сомнения, только одно несчастье: что Бонасиё знают в Лувре и его пропустили бы, а вас не знают и не пустят туда.

– Полноте, сказал д'Артаньян, – у вас верно есть при какой-нибудь калитке Лувра преданный сторож, который по условному паролю...

Г-жа Бонасиё внимательно посмотрела на молодого человека.

– А если я вам сообщу этот пароль, сказала она, – забудете ли вы его тотчас как скажете?

– Честное слово дворянина! сказал д'Артаньян таким тоном, что в истине обещания его нельзя было сомневаться.

– Хорошо, я вам верю; вы кажется честный молодой человек, и притом, может быть, счастье ваше зависит от вашей преданности.

– Я сделал бы и без обещания, по совести, все что могу, чтобы услужить королю или королеве, сказал д'Артаньян; располагайте мною как другом.

– Но куда же вы меня поместите на это время?

– Нет ли у вас кого из знакомых, куда ла-Порт мог бы придти за вами.

– Нет, я не хочу никому вверяться.

– Постойте, сказал д'Артаньян; мы у дверей квартиры Атоса. Да, точно.

– Кто это Атос?

– Один из моих друзей.

– Но если он дома и меня увидит?

– Его нет дома; я проведу вас в его комнату и унесу с собою ключ.

– А если он воротится?

– Он не воротится; впрочем ему скажут, что я привел даму, и что эта дама у него.

– Но это может компрометировать меня.

– Что вам за дело! никто вас не будет знать; впрочем мы в таком положении, что можно пренебречь некоторыми приличиями.

– Ну, пойдете же к вашему другу. Где он живет?

– В улице Феру, за два шага отсюда.

– Идем.

И оба отправились. Как предвидел д'Артаньян, Атоса действительно не было дома; он взял ключ, который ему всегда давали, как домашнему другу, взошел на лестницу и ввел г-жу Бонасиё в маленькую комнату, описанную нами прежде.

– Вы здесь как дома, сказал он; дождитесь, закройте дверь изнутри и отоприте только тогда, когда услышите три удара в дверь таким образом, слушайте. И он ударил три раза: два раза скоро один после другого и довольно крепко, а третий раз немного спустя и легче.

– Хорошо, сказала г-жа Бонасиё, – теперь моя очередь дать вам инструкцию.

– Я слушаю.

– Идите к калитке Лувра со стороны улицы Лестницы и спросите Жермена.

– Хорошо. Потом?

– Он спросит вас что вам угодно; тогда вы скажете ему два слова: Тур и Брюссель; после того он исполнит все ваши приказания.

– А что я ему прикажу?

– Позвать ла-Порта, камердинера королевы.

– А когда ла-Порт придет?

– Вы пришлете его ко мне.

– Хорошо; но где и как я вас увижу?

– А вы хотите непременно меня опять видеть?

– Разумеется.

– Хорошо, предоставьте это мне и будьте спокойны.

– Я полагаюсь на ваше слово.

– Вы не ошибетесь.

Д'Артаньян поклонился г-же Бонасиё, бросив ей самый нежный взгляд, какой только мог, и между тем как спускался с лестницы, он слышал как дверь за ним заперли на два поворота. В два прыжка он очутился у Лувра; пробило десять часов, когда он входил в калитку Лувра. Все рассказанные нами происшествия произошли в течение получаса.

Все случилось так, как говорила г-жа Бонасиё. Но условленному паролю, Жермен повиновался; через десять минут пришел ла-Порт; д'Артаньян в двух словах рассказал ему в чем дело и сообщил, где была г-жа Бонасиё. Ла-Порт два раза переспросил в подробности адрес и отправился бегом.

Но сделавши не более десяти шагов, он воротился назад.

– Молодой человек, сказал он д'Артаньяну, – я вам дам совет.

– Какой?

– Может быть вас, будут допрашивать о том, что было теперь сейчас.

– Вы думаете?

– Да. Нет ли у вас друга, у которого часы отстают?

– Ну?

– Идите к нему, чтоб он мог засвидетельствовать, что в половине десятого вы были у него.

Юридически это называется алиби (отсутствие, доказанное присутствием в другом месте).

Д'Артаньян нашел совет благоразумным; он со всех ног побежал к де-Тревилю; но не входя в общую залу, он просил позволения пройти в его кабинет. Так как он был одним из частых посетителей дома, то его просьбу исполнили без затруднения и пошли доложить де-Тревилю, что его молодой земляк, имея сообщить ему что-то важное, просит особенной аудиенции. Спустя пять минут, де-Тревиль спрашивал д'Артаньяна, что он может для него сделать и чему обязан его посещением в такое позднее время.

– Извините, сказал д'Артаньян, воспользовавшийся тем временем, когда оставался один, чтобы переставить часы на полчаса назад: – я полагал, что так как еще только 25 минут десятого, то еще не поздно явиться к вам.

– 25 минут десятого! вскричал де-Тревиль, смотря на часы, – это не может быть!

– Посмотрите, сказал д'Артаньян.

– Справедливо, отвечал де-Тревиль, – я думал, что уже позже. Но, что же вам угодно?

Тогда д'Артаньян рассказал де-Тревилю длинную историю о королеве. Говорил, что он очень опасается за ее величество, что он слышал о намерениях кардинала в отношении к Бокингему, – и все это с таким спокойствием и важностью, что де-Тревиль совершенно поверил ему, тем более что он и сам, как мы говорили, заметил что-то особенное между кардиналом, королем и королевою.

В десять часов д'Артаньян ушел от де-Тревиля, который благодарил его за сообщенные ему сведения, советовал ему всегда верно служить королю и королеве, и, простившись с ним, пошел опять в залу. Но сходя с лестницы, д'Артаньян вспомнил, что оставил свою трость: он быстро опять поднялся по лестнице, вошел в кабинет, передвинул опять стрелку на часах как следовало, чтобы на другой день не заметили, что они врут, и уверенный, что имеет свидетеля в доказательство своей невинности, спустился с лестницы и вышел на улицу.

XI. Интрига завязывается

Сделав визит де-Тревилю, д'Артаньян в задумчивости отправился домой самой дальней дорогой.

О чем же задумался д'Артаньян, до того, что свернул с прямой дороги и шел, смотря на небо, то вздыхая, то улыбаясь.

Он думал о г-же Бонасиё. Для новичка из мушкетеров эта молодая женщина была почти идеалом любви. Хорошенькая, таинственная, посвященная почти во все интриги двора, отражалось на приятных чертах лица ее столько очаровательной важности; она слыла притом не совсем нечувствительною, а это составляет неодолимое привлечение для новичков в любви, притом д'Артаньян освободил ее из рук злодеев, хотевших обыскать ее и оскорбить, и эта важная услуга произвела между ними чувство признательности, которое так легко переходит в другое, более нежное, чувство.

Мечты летят быстро на крыльях воображения. Д'Артаньяну уже представлялось, что к нему подходит посланник от молодой женщины с билетом, приглашающим на свидание, с золотую цепью, или с бриллиантом. Мы говорили уже, что молодые люди не стыдились принимать подарки от короля; прибавим, что в то время, не отличавшееся строгою нравственностью, они не больше стыдились и в отношении к своим любовницам, которые всегда оставляли им какие-нибудь драгоценные и прочные воспоминания, как будто старались укрепить непостоянство чувств их прочностью своих подарков.

Тогда не краснея выходили в люди через женщин. Те из женщин, у которых ничего не было, кроме красоты, награждали своею красотой, и от того, вероятно, произошла поговорка, что самая прекрасная девушка в свете может дать только то, что у нее есть. Те же, которые были богаты, давали кроме того и денег, и можно назвать многих героев того времени, которые не получили бы шпор и не выиграли бы потом сражение без набитого кошелька, привязанного любовницами к луке седла их.

У д'Артаньяна не было ничего; нерешимость провинциала, невинность и застенчивость – все исчезло от не совсем нравственных советов, даваемых тремя мушкетерами своему другу. Д'Артаньян, по странному обычаю того времени, считал себя в Париже ни больше, ни меньше как в походе, напр. во Фландрии; гам война с Испанцами, здесь с женщинами. Везде неприятели, и везде следовало брать с них контрибуции.

Но надо сказать, что в то время д'Артаньян был еще под влиянием чувства более благородного и бескорыстного. Хозяин сказал ему, что он был богат, и молодой человек угадывал, что у такого простака, как Бонасиё, кошелек верно был в руках у жены. Но это не имело никакого влияния на чувство, родившееся в нем при виде г-жи Бонасиё, и интерес почти не участвовал в начале любви, бывшей последствием этого чувства. Мы говорим почти, потому что мысль, что молодая, прекрасная, грациозная и умная женщина в то же время богата, ничего не отнимает у любви, напротив еще укрепляет ее.

В довольстве бывает много аристократических забот и прихотей, которые возвышают красоту. Тонкий и белый чулок, шелковое платье, кружевной вуаль, красивый башмак, свежая лента на голове, не делают некрасивую женщину хорошенькой, но хорошенькую женщину делают прекрасней, не считая рук, которые, особенно у женщин, должны быть праздными, чтобы не потерять красоты.

Притом д'Артаньян, как известно читателю, от которого мы не скрыли состояние его, не был миллионером: он надеялся им быть в последствии; но время, назначенное им самим для этой счастливой перемены, было еще далеко. А между тем какое отчаяние видеть, что любимая женщина желает иметь тысячи безделушек, составляющих ее благополучие, и быть не в состоянии дать ей эти безделушки! Когда женщина богата, а любезный ее беден, то по крайней

мере она сама покупает то, чего он не может ей предложить; и хотя обыкновенно она доставляет себе это удовольствие на деньги мужа, но редко он пользуется за это признательностью.

Притом д'Артаньян, расположенный сделаться самым нежным любовником, был пока самым преданным другом. Среди любовных мечтаний о жене хозяина, он не забывал своих друзей. С хорошенькою г-жей Бонасиё можно было с удовольствием прогуляться в равнине Сен-Дени и на ярмарке в Сен-Жермене, в компании Атоса, Портоса и Арамиса, перед которыми д'Артаньяну хотелось бы похвалиться такою победой. Потом, после большой прогулки, приходит голод, – д'Артаньян заметил это с некоторого времени, – тогда можно бы составить один из этих очаровательных обедов, при которых с одной стороны пожимаешь руку друга, с другой ногу любовницы. Наконец, в крайних случаях, д'Артаньян все-таки мог бы помочь своим друзьям.

А Бонасиё, которого д'Артаньян, отказавшись от него, отдал в руки полицейских и которому обещал спасти ого? Надо признаться, что д'Артаньян вовсе не думал об этом, или если и думал, то уверял себя, что ему хорошо, где бы он ни был. Любовь есть страсть самая эгоистическая.

Впрочем если д'Артаньян забыл о своем хозяине. или притворился, что забыл, под тем предлогом, что не знал, куда его увели, то мы все-таки не забыли о нем и знаем, где он. Но пока последуем примеру влюбленного гасконца. Что касается до достойного лавочника, мы поговорим о нем после.

Д'Артаньян, мечтая о будущей любви своей, разговаривая с ночью, улыбаясь звездам, шел по улице Шерш-Миди или Шасс-Миди, как называли ее тогда. Так как он был недалеко от квартиры Арамиса, то ему пришло в голову сделать визит другу, чтоб объяснить ему причины, побудившие его послать Планше с приглашением придти немедленно в мышеловку. Если Арамис был дома в то время, когда пришел к нему Планше, то он, вероятно, побежал в улицу Могильщиков, и не найдя там никого, кроме, может быть, других двух товарищей своих, ни тот, ни другие не знали, что бы это значило. Это беспокойство надо было объяснить, думал д'Артаньян.

Притом он думал также, что это был случай поговорить о хорошенькой малютке, г-же Бонасиё, которою были наполнены уже все мысли его, если не сердце. От первой любви нельзя требовать скромности. Она сопровождается таким восторгом, что его необходимо изливать наружу, иначе он задушит.

Было уже темно, и Париж начинал пустеть; било одиннадцать на всех часах Сен-Жерменского предместья; вечер был теплый. Д'Артаньян шел по переулку, бывшему тогда в том месте, где ныне проходит улица д'Асса, вдыхая ароматические испарения, приносимые ветром из улицы Вожирар из садов, освеженных вечернею росой. Издалека доносились сквозь закрытые ставни кабаков песни запоздалых пьяниц. Дойдя до конца переулка, д'Артаньян повернул налево. Дом, в котором жил Арамис, находился между улицами Кассет и Сервандони.

Д'Артаньян перешел улицу Кассет и приближался уже к дому своего друга, видневшемуся из-за густой зелени сикоморов и каприфолий, как вдруг заметил какую-то тень, выходящую из улицы Сервандони. Незвестный закутан был в плащ, и д'Артаньян думал сначала, что это мужчина, но по маленькому росту и по нетвердости походки он скоро заметил, что это была женщина. Она как будто отыскивала какой-то дом, смотрела вверх, останавливалась, ворочалась назад, потом опять шла вперед. Это заинтересовало д'Артаньяна.

– «Не предложить ли ей мои услуги» подумал он. «Видно по всему, что она молода; может быть хорошенькая. О, да. Но женщина в такое позднее время выходит на улицу только в таком случае, если она идет к любовнику. Черт возьми, если я помешаю свиданию, то это дурное начало знакомства.

Между тем молодая женщина приближалась, считая дома и окна, что, впрочем, было не трудно, потому что в этой части улицы было только три дома и только два окна на улицу: одно из павильона, параллельного тому, в котором жил Арамис, другое из самой квартиры Арамиса.

– «Забавно было бы» подумал д'Артаньян, вспомнив о племяннице богослова, «если бы эта запоздалая голубка отыскивала именно дом нашего друга. А в самом деле похоже на то. А, любезный Арамис, на этот раз я узнаю в чем дело».

И д'Артаньян, прижавшись, спрятался в самой темной части улицы, за камнем, в глубине ниши.

Молодая женщина продолжала идти вперед; кроме легкости походки, по которой можно было узнать женщину, она слегка кашлянула, и в этом кашле слышался самый свежий голосок. Д'Артаньян счел этот кашель за сигнал.

Между тем, или она слышала какой-нибудь знак, отвечавший на ее кашель и уничтоживший ее сомнение, или без всякой посторонней помощи узнала место, которого искала, только она с решительностью подошла к ставню Арамиса и сделала три ровные удара пальцем.

– Она в самом деле стучит в ставень к Арамису, пробормотал д'Артаньян. – А, господин лицемер, вот как вы занимаетесь богословием!

Едва только послышалось три удара, как окно отперли изнутри и сквозь ставни показался свет.

– А, говорил д'Артаньян, – не в дверь, а в окно; значит визит был условлен. Теперь ставень отворится и дама влезет в окно; хорошо!

Но, к великому удивлению его, ставень не открывался. Даже свет, показавшийся на минуту, опять исчез.

Д'Артаньян подумал, что верно этим не кончится, и продолжал смотреть во все глаза и слушать обоими ушами.

Он был прав: через несколько секунд два резкие удара раздались изнутри.

Молодая женщина с улицы отвечала одним ударом, и ставень открылся.

Можно судить, с какой жадностью д'Артаньян смотрел и прислушивался.

К несчастью, свечу перенесли в другую комнату. Но глаза его привыкли уже к темноте. Притом, глаза Гасконцев, как говорят, имеют свойство видеть ночью как кошачьи.

Д'Артаньян видел, что молодая женщина вынула из своего кармана что-то белое, в роде платка, и быстро развернула его. Потом показала своему собеседнику угол этого платка.

Это запомнило д'Артаньяну платок, найденный им у ног г-жи Бонасиё, и тот, который он поднял из-под ног Арамиса.

Что же значил этот платок?

С того места где стоял, д'Артаньян не мог видеть лица Арамиса. Молодой человек не сомневался, что разговаривавший с дамой изнутри был именно его друг; любопытство взяло верх над благоразумием, и, воспользовавшись вниманием, в которое погрузились оба действовавшие лица, при рассматривании платка, он вышел из засады, и с быстротою молнии, ступая как можно легче, подошел к углу стены, откуда мог совершенно ясно видеть внутренность комнаты Арамиса.

Взглянув туда, д'Артаньян едва не вскрикнул от удивления: с ночною посетительницей разговаривал не Арамис, а женщина. Но д'Артаньян мог различить только форму одежды ее, черты же лица рассмотреть было невозможно.

В ту же минуту женщина в комнате вынула из своего кармана другой платок, и переменяла его на тот, который ей показали. Женщины обменялись несколькими словами, потом ставень закрылся; женщина, бывшая снаружи, обернулась и прошла в четырех шагах от д'Артаньяна, опуская вуаль; но предосторожность эта была взята уже поздно, – д'Артаньян узнал г-жу Бонасиё.

Г-жа Бонасиё! Подозрение, что это она, пришло ему уже тогда, когда он увидел, что она вынимает платок из кармана; но вероятно ли было предполагать, что г-жа Бонасиё, которая посылала за ла-Портом, чтобы он отвел ее в Лувр, ходила по парижским улицам одна, в половине двенадцатого вечера, рискуя быть снова похищенной.

Поэтому надо было полагать, что дело было важное, а какое бывает важное дело у женщины в 25 лет? Разумеется, любовь.

Но для себя ли, или для кого другого она подвергалась таким опасностям? Этот вопрос задал себе молодой человек, которому ревность грызла уже сердце как настоящему любовнику.

Впрочем было очень простое средство узнать, куда шла г-жа Бонасиё: стоило только пойти за ней. Это средство было так просто, что д'Артаньян воспользовался им инстинктивно.

Но, при виде молодого человека, отделившегося от стены, как статуя от ниши, и при шуме шагов его, г-жа Бонасиё вскрикнула и побежала.

Д'Артаньян побежал за ней. Ему не трудно было догнать женщину, закутанную в плаще, связывавшем ее движения. Несчастливая задыхалась не от усталости, а от страха, и когда д'Артаньян, догнав ее, положил ей руку на плечо, она упала на одно колено, крича глухим голосом:

– Убейте меня, если хотите, но вы ничего не узнаете.

Д'Артаньян поднял ее, взяв рукою за талию; но как по тяжести ее он заметил, что она готова была лишиться чувств, то начал успокаивать ее выражениями преданности. Эти выражения ничего не значили для г-жи Бонасиё, потому что можно говорить подобные вещи, имея в то же время самые дурные намерения; но ее успокоил голос. Молодой женщине показался этот голос знакомым: она открыла глаза, взглянула на того, кто причинил ей столько страха, и, узнав д'Артаньяна, вскрикнула от радости.

– А, это вы! сказала она, – слава Богу!

– Да, это я, сказал д'Артаньян, – Бог послал меня, чтобы охранять вас.

– Вы в этом намерении и бежали за мною? спросила с кокетливой улыбкой молодая женщина которой насмешливый характер возвратился, когда страх исчез, и когда она узнала друга в том, которого приняла за врага.

– Нет, сказал д'Артаньян, – признаюсь вам, нет; случай привел меня к вам, я видел, что женщина стучит в окно одного из моих друзей...

– Одного из ваших друзей? прервала г-жа Бонасиё.

– Без сомнения; Арамис лучший друг мой.

– Арамис! Что это такое?

– Что вы спрашиваете? Неужели вы будете уверять меня, что вы не знаете Арамиса?

– В первый раз слышу это имя.

– Так вы в первый раз приходите к этому дому?

– Да.

– И вы не знали, что в нем живет молодой человек?

– Нет.

– Мушкетер?

– Вовсе не знала.

– Так вы не к нему приходили?

– Нисколько. Впрочем, вы видели, я разговаривала с женщиной.

– Это правда: но эта женщина в дружбе с Арамисом.

– Не знаю.

– Потому что она живет у него.

– Это до меня не касается.

– Но кто она?

– О, это не моя тайна.

– Любезная г-жа Бонасиё, вы прекрасны, но в то же время вы самая таинственная женщина...

- Разве я от этого хуже?
- Нет; напротив вы очаровательны.
- Ну, так дайте же мне руку.
- Очень охотно. Потом?
- Потом проводите меня.
- Куда?
- Туда, куда я иду.
- А куда вы идете?
- Увидите, потому что вы проводите меня до дверей.
- Надо будет подождать вас?
- Это будет бесполезно.
- Так вы возвратитесь одна?
- Может быть да, может быть нет.
- Но особа, которая будет провожать вас после, мужчина, или женщина?
- Ничего еще не знаю.
- Я узнаю.
- Каким образом?
- Я подожду, пока вы выйдете.
- В таком случае прощайте!
- Как так?
- Мне вас не нужно.
- Но вы просили...
- Помощи дворянина, а не надзора шпиона.
- Это слово немного жестоко.
- Как же называют тех, которые следят за людьми против воли их.
- Нескромными.
- Это слово слишком мягко.
- Ну, хорошо; я вижу, что надо делать все, что вы прикажете.
- Жаль, что вы об этом не догадались прежде.
- За то я и раскаиваюсь.
- А вы действительно раскаиваетесь?
- Я вас не знаю. Но я знаю, что обещаю делать все что вам будет угодно, если вы позволите

мне проводит вас туда, куда вы идете.

- И потом вы меня оставите?
- Да.
- И не будете подсматривать, когда я выйду.
- Нет.
- Честное слово?
- Слово дворянина!
- В таком случае давайте руку и пойдете.

Д'Артаньян подал руку г-же Бонасиё, которая взяла ее, вместе и смеясь и дрожа, они пошли вместе до конца улицы ла-Гарп. Дойдя туда, молодая, женщина, казалось, была в нерешимости, как это было и в улице Вожирар. Но, по некоторым признакам, она узнала дверь, которую искала, и, подойдя к ней, сказала:

– Вот сюда мне нужно. Очень благодарна вам за компанию вашу, избавившую меня от всех опасностей, которым я могла бы подвергнуться, если бы была одна. Но теперь пора вам сдержать слово: я пришла, куда мне было нужно.

- А вам нечего будет бояться на обратном пути?
- Мне надо будет бояться только воров.
- А разве этого мало?
- Что они у меня возьмут? у меня ничего нет с собой.
- Вы забываете прекрасный платок с вышитым гербом.
- Какой?
- Тот, который я нашел у ваших ног и положил к вам в карман.
- Молчите, пожалуйста, отвечала молодая женщина, – вы меня погубите.
- Вот видите ли, есть еще опасность, потому что одно слово заставляет вас дрожать, и вы сами признаетесь, что если услышат это слово, то вы пропали. – О, сударыня, сказал д'Артаньян, взяв ее за руку и страстно смотря на нее: – будьте великодушнее, вверьтесь мне. Неужели вы не прочли в моих глазах, что сердце мое полно преданности и симпатии к вам.
- Да, отвечала г-жа Бонасиё, – и потому если бы вы спросили меня о моих тайнах, я вам сказала бы их, но тайны других – это другое дело.
- Хорошо, сказал д'Артаньян, – я их открою; так как эти тайны могут иметь влияние на вашу жизнь, то я должен участвовать в них.
- Берегитесь, отвечала молодая женщина, так серьезно, что д'Артаньян невольно вздрогнул. – Не мешайтесь в то, что касается до меня, не старайтесь помогать мне в том что я делаю; я прошу вас об этом во имя участия, которое вы во мне принимаете, во имя заслуги, которую вы мне оказали и которой я не забуду во всю жизнь. Верьте мне. Не обращайтесь на меня никакого внимания; я больше не существую для вас, как будто бы вы меня никогда не видали.
- Должен ли и Арамис также поступать как я? спросил огорченный д'Артаньян.
- Вот уже два или три раза, как вы произнесли это имя, и между тем я вам сказала, что не знаю его.
- Вы не знаете человека, в окно к которому вы стучали? Вы считаете меня уж слишком доверчивым.
- Признайтесь, что вы выдумали эту историю и это лицо для того, чтобы заставить меня что-нибудь сказать.
- Я ничего не выдумал, я говорю одну истину.
- И вы говорите, что в этом доме живет один из ваших друзей?
- Я сказал и повторяю в третий раз, что это тот дом, в котором живет мой друг и что этот друг Арамис.
- Все это объяснится после, пробормотала молодая женщина, а теперь молчите.
- Если бы вы могли видеть в моем сердце, сказал д'Артаньян, – вы прочли бы там столько любопытства, что вы сжалились бы надо мной, и столько любви, что вы сейчас же удовлетворили бы моему любопытству. Нечего бояться тех, кто вас любит.
- Вы очень скоро заговорили о любви, милостивый государь, сказала молодая женщина, погрозив ему пальцем.
- Это потому, что любовь скоро пришла ко мне и в первый раз, а мне нет еще двадцати лет.
- Молодая женщина взглянула на него украдкой.
- Послушайте, я попал на след, сказал д'Артаньян. – Назад тому три месяца, я едва не вышел на дуэль с Арамисом за платок, похожий на тот, который вы показывали женщине, бывшей у окна; точно с такими же метками, это я знаю наверное.
- Милостивый государь, сказала молодая женщина, – клянусь вам, вы утомляете меня вашими вопросами.
- Но вы, вы так благоразумны, подумайте, что если вас задержат с этим платком и отнимут его у вас, не подвергаетесь ли вы опасности?
- Отчего, разве на нем не мои начальные буквы: К. Б., Констанция Бонасиё.

– Или Камилла де-Буа Траси.

– Молчите, еще раз прошу вас, молчите. Если вас не останавливают опасности, которым я подвергаюсь, подумайте о тех, которым вы можете подвергнуться.

– Я?

– Да, вы. Если вы будете продолжать знакомство со мной, то можете попасть в тюрьму, а может быть, лишитесь жизни.

– В таком случае я вас никогда не оставлю.

– Именем неба умоляю вас, уйдите, сказала молодая женщина, сложа руки; вот бьет полночь; это час, в который меня ожидают.

– Сударыня, отвечал молодой человек, кланяясь, – я не могу ни в чем отказать, когда меня просят таким образом; будьте спокойны, я ухожу.

– Вы не будете следовать за мной и подстерегать меня?

– Я сейчас же иду домой.

– О, я знала, что вы благородный молодой человек, сказала г-жа Бонасиё, протягивая ему руку и хватаясь другою за молоток маленькой двери, едва заметной в стене.

Д'Артаньян взял протянутую ему руку и горячо поцеловал ее.

– Ах, лучше бы было мне никогда не видеть вас, сказал д'Артаньян, с наивной грубостью, которая часто больше нравится женщинам, нежели жеманная вежливость, потому что она высказывает всю глубину мысли и доказывает, что чувство взяло верх над рассудком.

– А я, отвечала г-жа Бонасиё почти ласковым голосом, пожимая руку д'Артаньяна, не выпускавшего ее руки, – я не сказала бы этого: что потеряно сегодня, то может быть найдено после. Кто знает? может быть, когда я буду свободна, то и удовлетворю вашему любопытству.

– И любви моей? спросил д'Артаньян с восторгом.

– О, в этом отношении я не хочу ничего обещать; это будет зависеть от чувств, которые вы мне внушите.

– А теперь...

– Теперь я чувствую к вам только признательность.

– О, вы слишком прекрасны, сказал д'Артаньян печально, – и употребляете во зло мою любовь.

– Нет, я только пользуюсь вашим великодушием. Но, поверьте, что некоторые услуги не забываются.

– О, вы делаете меня счастливейшим из людей! Не забывайте этого вечера, не забудьте этого обещания!

– Будьте спокойны, в свое время и в своем месте я вспомню все. Ну, идите же, идите, умоляю вас. Меня ждали ровно в полночь, и я уже опоздала.

– Разве пятью минутами.

– Да, но в некоторых обстоятельствах пять минут все равно, что пять веков.

– Да, для влюбленных.

– А кто же вам сказал, что я не имею дела с влюбленным.

– А, так это мужчина вас ожидает, Сказал д'Артаньян, – мужчина!

– Ну, вот, опять начинается рассуждение, отвечала г-жа Бонасиё с полуулыбкой, смешанной с некоторым признаком нетерпения.

– Нет, нет, я ухожу; я вам верю и хочу, чтобы преданность моя была полная, хотя бы она походила на глупость. Прощайте, прощайте!

И потом, как будто чувствовал себя не в силах спокойно оставить руку, которую держал, он удалился бегом, между тем как г-жа Бонасиё сделала, как и в ставню, три ровные медленные удара; добежав до угла улицы, д'Артаньян обернулся: дверь отворилась и опять заперлась, хорошенькая лавочница исчезла.

Д'Артаньян продолжал свой путь, он дал слово не подсматривать за г-жей Бонасиё, и если бы ее жизнь зависела от того места, куда она пошла, или от того лица, кто должен был провожать ее, д'Артаньян возвратился бы домой, потому что он это обещал ей. Пять минут спустя он был в улице Могильщиков.

– Бедный Атос, рассуждал он, – он не узнает, что это значит. Или он уснул, ожидая меня, или возвратился домой и там узнал, что приходила женщина. Женщина у Атоса! Впрочем, продолжал д'Артаньян, – и у Арамиса тоже была женщина. Все это очень странно, и мне очень хотелось бы знать, чем все это кончится.

– Худо, худо кончится, отвечал голос, по которому молодой человек узнал Планше; в это время рассуждая вслух сам с собою, как обыкновенно бывает с людьми очень занятыми, он вошел в аллею, оканчивавшуюся лестницей, которая вела в его комнату.

– Как, худо? что ты хочешь этим сказать, глупец? спросил д'Артаньян, – Что же такое случилось?

– Много несчастий.

– Какие?

– Во-первых, Атос арестован.

– Арестован! Атос! арестован! за что?

– Его нашли у вас и приняли за вас.

– А кто его арестовал?

– Полиция; ее привели черные люди, которых вы прогнали.

– Отчего он не назвал себя? отчего он не сказал, что он не участвовал в этом деле?

– Он с намерением не сказал кто он; напротив, он подошел ко мне и сказал: «Твоему господину теперь свобода нужнее, чем мне, потому что он знает все, а я ничего не знаю. Подумают, что он арестован, и это даст ему время, а через три дня я скажу, кто я, и меня должны будут отпустить».

– Bravo, Атос! благородная душа, сказал про себя д'Артаньян, я его знаю! А что делали полицейские?

– Четверо увели его, не знаю куда, в Бастилию или Форт-л'Евек; двое остались с черными людьми, которые все перерыли и взяли все бумаги. Наконец остальные двое, во время этого обыска, караулили у дверей; потом, когда все кончилось, они отправились, оставя пустой дом и не заперли дверей.

– А Портос и Арамис?

– Я их не нашел, они не приходили.

– Но они могут еще придти, потому что ты велел сказать им, что я их ожидал?

– Да.

– Хорошо, не уходи же отсюда; если они придут, предупреди их обо всем, что со мной случилось, и скажи, чтобы они ждали меня в кабаке Помм-де-Пен; здесь опасно, может быть, будут наблюдать. Я бегу к де-Тревилю рассказать ему все это и потом приду туда.

– Слушаю, сказал Планше.

– Ты останешься, не струсил? сказал д'Артаньян, возвращаясь.

– Будьте покойны, отвечал Планше, вы меня еще не знаете; я храбр, когда решусь на это; главное только решиться; притом – я из Пикардии.

– Ну, так решено, сказал д'Артаньян, ты скорее дашь убить себя, чем оставишь свой пост.

– Да, сударь; я сделаю все, чтобы доказать вам мою преданность.

– Хорошо, сказал сам себе д'Артаньян, кажется, что я подействовал на этого молодца; при случае я опять употреблю этот способ.

И хотя немного утомленный уже бегом этого дня, д'Артаньян со всех ног пустился по улице Голубятни.

Де-Тревиля не было дома; его рота была на дежурстве в Лувре, и он был с ней.

Надо было как-нибудь пробраться к де-Тревилю, потому что очень важно было предупредить его обо всем, что случилось. Д'Артаньян решился попробовать пройти в Лувр. Его костюм гвардейца роты Дезессара должен был служить ему паспортом.

Он пошел через улицу Маленьких Августинов и вышел на набережную, чтобы пройти к новому мосту. Сначала он хотел переехать на пароме, но, дойдя до берега, машинально опустил руку в карман и заметил, что у него нечем было заплатить за перевоз.

Дойдя до улицы Генего, он заметил выходявших из улицы Дофина двух лиц, походка которых поразила его.

Один из этих людей был мужчина, другой женщина.

Женщина походила на г-жу Бонасиё, мужчина же, как две капли воды, похож был на Арамиса.

Притом на женщине был черный плащ, который д'Артаньян видел у ставни – в улице Вожирар и у дверей – в улице ла-Гарп.

Мужчина же был в мушкетерском мундире. Женщина была с опущенным капюшоном, а мужчина закрывал лицо платком; эти предосторожности показывали, что они оба не хотели быть узнаваемыми.

Они пошли на мост; д'Артаньяну предстояла та же дорога, потому что он шел в Лувр; он пошел за ними.

Сделав не больше двадцати шагов, он убедился, что женщина была г-жа Бонасиё, а мужчина Арамис.

В ту же минуту он почувствовал ревность, волновавшую его сердце.

Ему вдвойне изменили: и друг и та, которую он любил уже как любовницу. Г-жа Бонасиё клялась ему, что не знала Арамиса, и через четверть часа, после этой клятвы, он встречает ее под руку с Арамисом.

Д'Артаньян не думал о том, что еще только три часа, как он познакомился с хорошенькою лавочницей, что она ему ничем не обязана, кроме небольшой признательности за освобождение ее от черных людей, хотевших увести ее, и что она ему ничего не обещала. Он считал себя оскорбленным любовником; кровь бросилась ему в голову, и он решился все узнать.

Молодая женщина и молодой человек заметили, что их преследуют и удвоили шаги. Д'Артаньян обогнал их бегом, потом повернулся к ним в ту минуту, когда они были пред Гамаритянской, освещенной фонарем, свет от которого падал на всю эту часть моста.

Д'Артаньян остановился перед ними; они также остановились.

– Что вам угодно, милостивый государь? спросил мушкетер, отступая на один шаг.

По иностранному произношению его, д'Артаньян узнал, что он ошибся в одном из своих предположений.

– Это не Арамис, сказал он.

– Нет, я не Арамис; я вижу, что вы приняли меня за другого и потому прощаю вас.

– Вы меня прощаете! сказал д'Артаньян.

– Да, отвечал незнакомец. Пропустите же меня, так как не я вам нужен.

– Это правда, я не с вами имею дело, а с этою госпожой.

– С этою госпожой! вы ее не знаете, сказал иностранец.

– Вы ошибаетесь, я знаю её.

– Ах, сказала г-жа Бонасиё, с упреком; вы дали мне слово дворянина, – я думала, что могу верить этому.

– А вы, сказал смущенный д'Артаньян, вы мне обещали.

– Дайте вашу руку, сударыня, сказал иностранец, и пойдемте.

Между тем д'Артаньян, изумленный всем, случившимся с ним, стоял, сложа руки, перед мушкетером и г-жею Бонасиё.

Мушкетер сделал два шага вперед и отвел рукою д'Артаньяна в сторону.

Д'Артаньян отскочил назад и обнажил шпагу.

В то же время, с быстротою молнии, незнакомец также вынул шпагу.

– Ради Бога, милорд! вскричала г-жа Бонасиё, бросаясь между сражающимися и хватаясь за шпаги.

– Милорд! сказал д'Артаньян, озаренный внезапною мыслью; – извините, милорд, вы...

– Милорд герцог Бокингем, сказала вполголоса г-жа Бонасиё; вы всех нас погубите.

– Милорд, мадам, прошу вашего извинения; но я люблю ее, милорд, и я ревнив; вы знаете, что значит любить, милорд; извините меня и научите, как могу я пожертвовать жизнью за вас.

– Вы храбры молодой человек, сказал Бокингем, протягивая д'Артаньяну руку, которую он пожал почтительно; – вы предлагаете мне свои услуги и я принимаю их; идите за нами до Лувра за двадцать шагов сзади, и если кто-нибудь будет нас преследовать, убейте его.

Д'Артаньян взял под руку свою обнаженную шпагу, пропустил г-жу Бонасиё и герцога на двадцать шагов вперед и пошел за ними, готовый буквально исполнить инструкцию благородного, изящного министра Карла I.

Но, к несчастью, молодому воину не представилось случая доказать герцогу свою преданность и молодая женщина и прекрасный мушкетер спокойно вошли в Лувр чрез калитку лестницы.

Что касается до д'Артаньяна, он тотчас отправился в кабак Помм-де-Пен, где нашел ожидавших его Портоса и Арамиса.

Но не объяснил им причины беспокойства, причиненного им его приглашением, он сказал им только, что один окончил дело, для которого считал нужною их помощь.

Теперь оставим трех друзей наших, возвращающихся по домам, и последуем по извилинам Лувра за Бокингемом и его путеводительницею.

ХII. Георг Вилие. Герцог Бокингем

Г-жа Бонасиё и Герцог вошли в Лувр без затруднений; все знали, что г-жа Бонасиё служит у королевы; герцог был в мундире мушкетерской роты де-Тревиля, которая, как мы уже сказали, была в карауле в этот вечер. Притом Жермень был на стороне королевы; и если бы что-нибудь случилось, то г-жу Бонасиё обвинили бы только в том, что она привела в Лувр своего любовника; правда, что она принимала на себя преступление; репутация ее была бы потеряна, но что значит репутация какой-нибудь ничтожной лавочки?

Войдя на двор, герцог и молодая женщина шли возле степы на протяжении около двадцати шагов; пройдя это расстояние, г-жа Бонасиё толкнула маленькую потаенную дверь, которая днем оставалась отпертою, но на ночь обыкновенно запиралась; дверь отворилась; оба вошли и очутились в темноте; но г-жа Бонасиё знала все закоулки этой части Лувра, назначенной для свиты. Она затворила за собою дверь, взяла герцога за руку, сделала несколько шагов ощупью, взялась за перила у лестницы, оступала ногой ступеньку и начала подниматься по лестнице. Дойдя до второго этажа, они повернули на право по длинному коридору, спустились опять вниз на один этаж, сделали еще несколько шагов, и тогда г-жа Бонасиё вложила ключ в замок, отворила дверь, ввела герцога в комнату, освещенную одною ночной лампой и сказала ему:

– Подождите здесь, милорд – герцог, сейчас придут. – Потом она вышла в ту же дверь и заперла ее на ключ, так что герцог очутился буквально пленным.

Впрочем, оставшись совершенно один, герцог Бокингем не чувствовал несколько страха; отличительною чертой его характера была любовь к приключениям и к романтизму.

Храбрый, смелый, предприимчивый, он уже не в первый раз рисковал жизнью в подобных похождениях; он узнал, что мнимое уведомление Анны Австрийской, по которому он приехал в Париж, было западнее и вместо того, чтобы возвратиться в Англию, он, пользуясь случаем, который это ему доставил, объявил королеве, что не уедет, не повидавшись с ней.

Королева сначала положительно отказала, но потом начала опасаться, чтобы герцог в отчаянии не сделал какой-нибудь глупости. Она уже решилась принять его, с тем, чтобы упротить его немедленно уехать, как вдруг в тот самый вечер как г-же Бонасиё поручено было отыскать герцога и привести его в Лувр, бедную лавочницу похитили. В продолжение двух дней об ней ничего не знали и все оставалось нерешенным. Но как только она освободилась и вступила снова в сношения с ла-Портом, то дела пошли своим чередом, и она исполнила опасное предприятие, которое, если б она не была арестована, было бы приведено в исполнение тремя днями раньше.

Оставшись один, Бокингем подошел к зеркалу. Одежда мушкетера была ему как нельзя больше к лицу. Ему было тогда тридцать пять лет, и он по справедливости считался самым красивейшим дворянином и самым изящным кавалером Франции и Англии.

Любимец двух королей, миллионер, могущественный в королевстве, которое он приводил в волнение и успокаивал по одному капризу, Георг Вилие, герцог Бокингем вел жизнь, наполненную такими баснословными событиями, которые не забываются в продолжение столетий, возбуждая удивление потомства.

Уверенный в себе и своем могуществе, не сомневаясь, что законы, управляющие другими, не могли касаться до него, он всегда шел прямо к предназначенной цели, хотя бы она была так высока и обольстительна, что другому показалась бы безумием даже мысль о ней. Таким образом он успел видеться с прекрасною гордой Анною Австрийской и силою обольщения достиг любви ее.

Георг Вилие встал перед зеркалом, поправил свои прекрасные волнистые светло-русые волосы, примятые тяжестью шляпы, закрутил усы и с радостью в сердце, счастливый и гордый приближением давно желанной им минуты, он улыбнулся сам себе с гордостью и надеждой.

В эту минуту дверь, скрытая обоями, отворилась и вошла женщина. Бокингем увидел ее в зеркале и вскрикнул: это была королева. Анне Австрийской было тогда 26 или 27 лет, то есть, она была в полном блеске красоты.

Ее походка была походка королевы или богини; глаза с изумрудным оттенком были прекрасны и выражали кротость и величие.

Рот у нее был маленький, губы алые, и хотя нижняя губа, как у всех принцев Австрийского дома, была немного длиннее верхней, но улыбка ее была грациозна в минуты удовольствия, и выражала глубочайшее презрение в минуты гнева.

Кожа ее была нежная и бархатная, руки удивительной красоты; все поэты того времени называли их несравненными.

Наконец, волосы ее, бывшие в молодости светло-русыми, а потом сделавшиеся каштановыми, были обыкновенно завиты с большим количеством пудры, и восхитительно окружали лицо ее, которому самый строгий критик мог бы пожелать только немного поменьше румянца и самый взыскательный ваятель немного побольше тонкости в очертании носа.

Бокингем был на минуту ослеплен. Никогда Анна Австрийская не казалась ему такою прекрасной на балах, праздниках, каруселях, как в эту минуту в простом белом атласном платье в сопровождении доньи Естепании, единственной из испанских горничных ее, не изгнанной ревностью короля и преследованиями Ришельё.

Анна Австрийская сделала два шага вперед; Бокингем бросился к ногам ее, и прежде чем королева успела удержать его, поцеловал ее платье.

– Герцог, вы уже знаете, что не я к вам писала.

– О, да, ваше величество, сказал герцог; я знаю, что безумие было бы думать, что снег оживится, что мрамор согреется, но что делать! когда любят, легко верят любви; впрочем, я не всё потерял в этом путешествии, потому что вижу вас.

– Да, отвечала Анна; но вы знаете, как и зачем я с вами вижусь; не обращая внимания на все мои страдания, вы упорно остаетесь в городе, где рискуете своею жизнью и моею честью; я вижусь с вами для того, чтобы сказать вам, что все разделяет нас – глубина моря, вражда королевств, святость клятв. Бороться против таких препятствий, милорд, было бы святотатством. Я вижусь с вами наконец, для того, чтобы сказать вам, что нам не следует больше видеться.

– Говорите, говорите, королева, – сказал Бокингем; приятность вашего голоса смягчает суровость слов ваших. Вы говорите о святотатстве! но разлука двух сердец, созданных Богом одно для другого, не есть ли святотатство?

– Милорд, сказала королева, вы забываете, что я никогда не говорила вам, чтобы я вас любила.

– Но вы также никогда не говорил мне, чтобы вы не любили меня, и подобные слова со стороны вашего величества были бы слишком большою неблагодарностью, потому что скажите, где можно найти любовь, подобную моей, любовь, которую не могут уничтожить ни время, ни разлука, ни отчаяние; любовь, которая довольствуется потерянною лентой, брошенным взглядом, нечаянно сказанным словом. Три года тому назад я увидел вас в первый раз и три года люблю вас такою любовью. Хотите ли расскажу вам, как вы были одеты, когда я видел вас в первый раз? Хотите ли, я напому вам все подробности вашего туалета? Как будто теперь вижу, вы сидели на подиуме, по испанскому обычаю, на вас было платье зеленого атласа, шитое золотом и серебром, с закрытым воротничком и с длинными рукавами, прикрепленными на прекрасных, восхитительных руках ваших большими бриллиантами; на голове у вас был маленький чепчик под цвет платья и на чепчике перо цапли. Я закрываю глаза и вижу

вас такую, как вы были тогда; открываю их и вижу вас, как вы теперь, то есть, еще во сто раз прекраснее.

– Какое сумасшествие! сказала Анна Австрийская, не имевшая твердости рассердиться на герцога за то, что он так хорошо сохранил в сердце портрет ее; – какое сумасшествие питать бесполезную страсть такими воспоминаниями.

– Чем же хотите вы чтобы я жил? у меня только и есть что воспоминания! В них мое счастье, мое сокровище, моя надежда! каждый раз, когда я вас вижу, на сердце моем остается одною драгоценностью больше. Воспоминание о настоящей минуте будет четвертою из этих драгоценностей; в три года я видел вас только четыре раза; первый раз я вас сейчас описал, второй у г-жи Шеврёз, третий в садах Амиенских.

– Герцог, сказала, краснея, королева, не напоминайте об этом вечере.

– О, напротив, будем говорить о нем, это счастливый и блестящий вечер жизни моей. Помните ли вы, какая была прекрасная ночь? Как воздух был чист и полой благоуханий, небо было голубое и усеянное звездами. Ах, в этот раз я мог быть с вами хотя минуту наедине; в этот раз вы готовы были доверить мне все одиночество жизни вашей и печали вашего сердца. Вы опирались на мою руку, вот на эту. Я чувствовал, наклоня голову в вашу сторону, как прекрасные волосы ваши касались лица моего и при каждом прикосновении я дрожал с ног до головы. О королева, королева! вы не знаете, сколько небесного блаженства, сколько райских радостей заключает в себе подобная минута. Я отдал бы богатства свои, славу, все остальные дни жизни моей за подобную минуту, и за подобную ночь! потому что в эту ночь, клянусь вам, вы любили меня!

– Милорд, очень может быть, что влияние местности, прелесть этого вечера, обворожительность вашего взгляда, что тысячи обстоятельств, соединяющихся иногда, чтобы привести женщин к падению, столпились вокруг меня в этот роковой вечер; но вы видели, милорд, королева пришла на помощь к ослабевшей женщине; при первом слове, которое вы осмелились сказать мне, при первой дерзости, на которую следовало отвечать, я позвала...

– О, да, это правда, и другая любовь не вынесла бы этого испытания, но моя любовь сделалась оттого еще пламеннее, беспредельнее. Вы думали уйти от меня, возвратившись в Париж; вы думали, что я не осмелюсь оставить сокровище, доверенное мне моим государем. Ах! что значат для меня все сокровища на свете, все короли земные! Через неделю я возвратился. В этот раз вам нечего было сказать, я рисковал милостью короля, даже жизнью, чтобы видеть вас на одну секунду; я не коснулся даже руки вашей, и вы простили меня, видя мою преданность и раскаяние.

– Да... но клевета воспользовалась всеми этими безумствами, в которых я нисколько не была виновата, вы это знаете, милорд. Король, подстрекаемый кардиналом, наделал страшного шума. Г-жа де-Верне была изгнана, Пютанж сослан, г-жа де-Шеврёз попала в немилость, и когда вы хотели возвратиться во Францию посланником, вы помните, милорд, сам король воспротивился этому.

– Да... Франция заплатит войною за отказ своего короля. Я не могу больше видеть вас, по крайней мере я хочу, чтобы вы каждый день слышали обо мне. Как вы думаете, какую цель имела экспедиция Ре и предположенный союз с протестантами ла-Рошели? Удовольствие видеть вас! я не надеюсь, с оружием в руках, проникнуть в Париж, но эта война может кончиться миром, для переговоров нужен будет посредник, этим посредником буду я. Тогда мне не осмелятся отказать, я снова буду в Париже, увижу вас и хотя на минуту буду счастлив. Тысячи людей заплатят жизнью за мое счастье; но что мне до них, лишь бы я вас снова увидел. Все это, может быть, безумно; но скажите, есть ли на свете женщина, имеющая более влюбленного поклонника? есть ли королева, обладающая более ревностным слугою?

– Милорд! вы в оправдание себя приводите то, что служит к обвинению вашему, все эти доказательства любви почти преступление.

– Потому что вы меня не любите; если бы вы любили меня, то смотрели бы на все это иначе; о, если б вы любили меня! я сошел бы с ума от такого счастья! Г-жа де-Шеврёз, о которой вы сейчас говорили, не была так жестока как вы. Голланд любил ее, и она отвечала его любви.

– Г-жа де-Шеврёз не была королевой, проговорила Анна Австрийская, – против воли побежденная выражением такой глубокой любви.

– Так вы любили бы меня, если б не были королевой, скажите, вы любили бы меня? Так я могу думать, что только достоинство вашего звания заставляет вас быть жестокой ко мне? Так я могу думать, что если б вы были г-жа де-Шеврёз, то бедный Бокингем мог бы надеяться? Благодарю вас за эти слова, моя прекрасная королева, – сто раз благодарю.

– Ах, милорд, вы не дослышали, вы не так поняли, я не то хотела сказать...

– Замолчите, сказал герцог; не будьте жестоки, не выводите меня из заблуждения, которое делает меня счастливым. Вы сами сказали, что мне поставили западню; может быть, я лишусь жизни, потому что, странно, у меня с некоторого времени есть предчувствие, что я скоро умру.

Герцог улыбнулся грустной и вместе прекрасной улыбкой.

– О, Боже мой! сказала Анна Австрийская с ужасом, который обнаружил, что она принимала в герцоге больше участия, нежели сколько хотела выказать.

– Я говорю об этом не для того, чтобы напугать вас, нет; смешно даже, что я говорю об этом, потому что, поверьте мне, подобные сны не занимают меня. Но это слово, сказанное вами, надежда, которую вы мне почти подали, вознаградили бы меня за всё, даже за жизнь.

– Герцог, у меня также есть предчувствие, я тоже вижу сны, сказала Анна Австрийская. – Я видела вас во сне, окровавленного, раненого.

– В левый бок, ножом, не так ли? спросил Бокингем.

– Да, милорд, именно так, в левый бок ножом. Кто мог вам сказать, что я видела этот сон? я доверила его только одному Богу, во время молитвы.

– Больше я ничего не желаю; вы меня любите.

– Я вас люблю? я?

– Да, вы. Разве Бог послал бы нам одинаковые сны, если бы вы не любили меня? Разве мы имели бы одни и те же предчувствия, если бы наши существования не сливались в сердце. Вы любите меня, королева, и будете оплакивать меня!

– О, Боже мой, сказала Анна Австрийская. Это выше сил моих. Послушайте, герцог, ради Бога, уйдите, уезжайте; не знаю, люблю ли я вас, или нет, знаю только то, что не буду клятвопреступницей. Сжальтесь же надо мной, уйдите. О! если вас убьют во Франции, если бы я могла предположить, что любовь ваша ко мне будет причиной смерти вашей, я никогда бы не утешилась, я сошла бы с ума. Уезжайте же, уезжайте, умоляю вас.

– О, как вы прекрасны! о, как я люблю вас! сказал Бокингем.

– Уезжайте, умоляю вас, для того, чтобы возвратиться после, как посланник, как министр; приезжайте, окруженные стражей, которая будет охранять вас, тогда я не буду больше опасаться за вашу жизнь и буду рада видеть вас.

– О! можно ли верить тому, что вы говорите?

– Да.

– Дайте мне залог вашего благоволения, вещь, принадлежащую вам, которая напоминала бы мне, что это был не сон. Что-нибудь, что вы носили и что я мог бы носить, кольцо, ожерелье, цепочку.

– И вы уедете, когда я исполню желание ваше?

– Да.

– Сию же минуту.

– Да.

– Вы уедете в Англию?

– Да, клянусь вам.

– Так подождите же.

Анна Австрийская пошла в свою комнату и сейчас же возвратилась; она держала в руке маленький ящичек розового дерева с ее вензелем, выделанным из золота.

– Возьмите, милорд герцог, сказала она, сохраните это в воспоминание обо мне.

Бокингем взял ящичек и вторично встал на колени.

– Вы дали мне слово уехать, сказала королева.

– Да, и я сдержу слово. Дайте мне руку и я уеду.

Анна Австрийская протянула ему руку, закрыв глаза и опираясь другою рукой на Естefанию, потому что она чувствовала, что силы ее слабеют.

Бокингем страстно прильнул губами к этой прекрасной руке, потом сказал:

– Если я буду жив, то увижу вас не больше как через шесть месяцев, хотя бы мне пришлось для этого перевернуть весь свет.

И, верный данному обещанию, он вышел.

В коридоре он встретил ожидавшую его г-жу Бонасиё, которая с теми же предосторожностями и также счастливо вывела его из Лувра.

ХІІІ. Бонасиё

В повествуемой нами истории есть одно действующее лицо, о котором, не смотря на неприятное положение его, другие очень мало беспокоились, это г-н Бонасиё, почтенный мученик политических и любовных интриг, которые так перепутывались между собою в то время, славное рыцарскими и любовными похождениями.

К счастью, если читатель помнит, мы обещали не терять его из виду.

Люди, арестовавшие его, отвели его прямо в Бастилию, где, дрожа от страха, он должен был пройти мимо взвода солдат, заряжавших ружья.

Потом ввели его в почти подземную галерею, где он принужден был перенести грубейшие обиды и жестокое обращение от своих проводников. Полицейские видели, что имели дело не с дворянином и обходились с ним как с настоящим мошенником.

Обыкновенно заключенных допрашивали в отдельных комнатах, но с Бонасиё много не церемонились.

Через полчаса явился чиновник и велел отвести его в общую комнату допросов; это положило конец его мучениям, но не прекратило его беспокойства.

Двое стражей схватили лавочника, провели его через двор, потом ввели в коридор, где стояли трое часовых, отворили дверь и втокнули в низенькую комнату, вся мебель которой состояла из стола, стула и комиссара. Комиссар сидел у стола и писал. Стражи подвели пленного к столу и по знаку комиссара, удалились. Комиссар, сидевший до сих пор наклонив голову над бумагами, поднял ее, чтобы взглянуть, с кем имеет дело.

Комиссар этот был человек с угрюмым лицом, острым носом, с желтыми выдающимися скулами, с глазами маленькими, но пронизательными и живыми, с физиономией, напоминающей вместе и куницу и лисицу. Голова его, поддерживаемая длинною и подвижною шеей, выдавалась из широкой черной одежды, качаясь, как голова черепахи, высунувшаяся из щита. Он начал с того, что спросил Бонасиё о его имени, фамилии, летах звании и месте жительства.

Обвиняемый отвечал, что его зовут Иаков Михаил Бонасиё, что ему пятьдесят один год от роду, что он торговал прежде в лавочке и живет в улице Могильщиков № 11.

Комиссар, вместо того, чтобы продолжать допрос, сказал ему длинную речь об опасности, которой подвергается мелкий гражданин, вмешиваясь в политические дела.

После такого вступления он начал говорить о могуществе и действиях кардинала, этого несравненного министра, превзошедшего всех прежних министров и служащего образцом для будущих, прибавив, что могуществу его никто не сопротивляется безнаказанно.

После этой второй части своей речи, устремив ястребиный взгляд на Бонасиё, он предложил ему подумать о трудности его положения.

Лавочник уже все обдумал: он посылал к черту ту минуту, когда ла-Порт вздумал женить его на своей крестнице, а еще больше ту, когда эта крестница была принята к королеве для присмотра за бельем.

Основанием характера Бонасиё был глубокий эгоизм с примесью скряжничества и чрезвычайной трусости. Любовь его к молодой жене была чувством второстепенным и не могла выдержать борьбы с врожденными чувствами, которые мы поименовали.

Бонасиё действительно задумался над тем, что ему сказали.

– Но, г. комиссар, сказал он хладнокровно, – поверьте, что я знаю и уважаю больше всякого другого заслуги несравненного кардинала, под управлением которого мы имеем честь находиться.

– В самом деле? спросил комиссар с сомнением; – но если б это было действительно так, за что же вы были бы в Бастилии?

– За что я в Бастилии? сказал Бонасиё, – вот чего я не могу сказать вам, потому что сам не знаю, но наверно уже не за умышленное.

– Между тем должно быть вы сделали преступление, потому что вас обвиняют в государственной измене.

– В государственной измене! вскричал ужаснувшийся Бонасиё, – в государственной измене! Как можно допустить, чтобы бедный лавочник, ненавидящий Гугенотов и гнушающийся Испанцами, был обвинен в государственной измене? Подумайте сами, ведь это дело существенно невозможное.

– Г. Бонасиё, спросил комиссар, глядя на обвиненного так, как будто его маленькие глаза имели способность читать в глубине души, – вы женаты?

– Да, отвечал дрожа лавочник, чувствуя, что это обстоятельство запутывает дело, – то есть, у меня была жена.

– Как! у вас была жена! Что же вы с ней сделали, если ее нет больше у вас?

– У меня ее похитили.

– А! у вас ее похитили! сказал комиссар.

При этом и Бонасиё почувствовал, что дело все больше запутывалось.

– Ее похитили! сказал комиссар, – А знаете ли вы, кто ее похитил?

– Я думаю, что знаю.

– Кто он такой?

– Не забудьте, что я не утверждаю, г. комиссар, я только подозреваю.

– Кого же вы подозреваете? отвечайте откровенно.

Бонасиё был в величайшем затруднении, следовало ли ему скрывать или говорить все как было. Если ничего не сказать, то могли бы подумать, что он знает слишком много, чтобы во всем признаться, если же сказать все то, видна будет его откровенность. Он решился сказать все.

– Я подозреваю, сказал он, – человека большого роста, смуглого, с важным лицом, похожего на вельможу, он несколько раз следил за нами, как мне казалось, когда я ждал жену У калитки Лувра, чтобы проводить ее домой.

Комиссар обнаружил какое-то беспокойство.

– А как его зовут? сказал он.

– О! что касается до имени его, то я его не знаю; но ручаюсь вам, что если я когда-нибудь встречу его, то узнаю тотчас же, даже среди тысячи человек.

Лоб комиссара нахмурился.

– Вы говорите, что узнали бы его среди тысячи, продолжал он.

– То есть, сказал Бонасиё, заметив, что проговорился, – то есть...

– Вы сказали, что узнали бы его, сказал комиссар: – это хорошо, довольно на сегодня, прежде чем мы пойдем дальше, надо уведомить кое-кого, что вы знаете похитителя жены вашей.

– Но я не сказал вам, что знаю его, отвечал Бонасиё в отчаянии: – я сказал напротив...

– Уведите пленника, сказал комиссар двум часовым.

– Куда же вести его? спросил часовой.

– В тюрьму.

– В которую?

– Боже мой! все равно, в которую-нибудь, лишь бы она крепко запиралась, сказал комиссар, с равнодушием, проникнувшим ужасом бедного Бонасиё.

– Увы! сказал он сам себе: – несчастье пало на мою голову; жена моя сделала какое-нибудь ужасное преступление, меня считают ее сообщником и накажут вместе с нею; она верно проговорила, призналась в том, что мне все сказала, женщина так слаба! В тюрьму! все равно,

в какую-нибудь! каково! ночь пройдет скоро, а завтра будут колесовать, повесят! Ох, Боже мой! Боже мой! сжался надо мною!

Не обращая ни малейшего внимания на вопли Бонасиё, к которым впрочем они привыкли, стражи взяли пленника под руки и повели, между тем как комиссар писал наскоро письмо, которого ожидал секретарь.

Бонасиё не смыкал глаз, не оттого чтобы его тюрьма была слишком неприятна, но потому что тяжелые мысли беспокоили его. Он всю ночь просидел на скамье, дрожа при малейшем шуме, и когда первые лучи солнца проникли в его комнату, ему показалось, что заря приняла мрачные оттенки.

Вдруг он услышал шум отодвигавшейся задвижки дверей и сделал ужасный скачок. Он думал, что идут за ним, чтобы вести его на эшафот, и потому, когда он увидел, что вместо палача вошли знакомые ему комиссар и секретарь, то готов был броситься им на шею.

– Ваше дело очень запуталось со вчерашнего вечера, сказал ему комиссар, – и я советую вам сказать всю правду, потому что только раскаяние ваше может смягчить гнев кардинала.

– Но я готов сказать всё что знаю, отвечал Бонасиё. Допрашивайте, пожалуйста.

– Где ваша жена?

– Я уже сказал вам, что ее похитили.

– Но по вашей милости она вчера в пять часов вечера убежала.

– Жена моя убежала! сказал Бонасиё. – О, несчастная! клянусь вам, что если она убежала, то я в этом не виноват.

– Что вы делали у д'Артаньяна, вашего соседа, с которым вы имели вчера совещание?

– Ах да, г. комиссар, это правда, признаюсь, я сделал глупость. Я был у д'Артапьяна.

– Какую цель имело это посещение?

– Я просил его помочь мне отыскать жену мою. Я думал, что имею право требовать её. Кажется, я ошибался, и прошу вас извинить меня в этом.

– А что отвечал вам д'Артаньян?

– Д'Артаньян обещал помочь мне; но я скоро убедился, что он обманывал меня.

– Вы обманываете правосудие. Д'Артаньян сделал с вами условие, и по этому условию он обратил в бегство полицейских, которые задержали вашу жену и освободил ее от преследования.

– Д'Артаньян похитил жену мою! Ах, что вы говорите!

– К счастью, д'Артаньян в наших руках и вы будете с ним на очной ставке.

– А! право, я ничего лучшего не желаю, сказал Бонасиё, я очень рад увидеть знакомое лицо.

– Приведите д'Артаньяна, сказал комиссар сторожам.

Сторожа привели Атоса.

– Г. д'Артаньян, сказал комиссар, обращаясь к Атосу, расскажите, что было между вами и этим господином.

– Но это не д'Артаньян, сказал Бонасиё.

– Как! это не д'Артаньян? сказал комиссар.

– Совсем не он, отвечал Бонасиё.

– Как же зовут этого господина? спросил комиссар.

– Не могу вам сказать, потому что я его не знаю.

– Как, вы его не знаете?

– Нет.

– Вы никогда не видали его?

– Видел, но не знаю его имени.

– Имя ваше? спросил комиссар.

– Атос, отвечал мушкетер.

– Но это не есть имя человека, это название горы, сказал бедный комиссар, начинавший терять соображение.

– Это мое имя, сказал спокойно Атос.

– Но вы сказали, что вас зовут д'Артаньяном.

– Я?

– Да, вы.

– То есть мне сказали: вы господин д'Артаньян? Я отвечал: вы так полагаете? Стражи сказали, что они в том уверены. Я не хотел противоречить им. Впрочем, я мог ошибаться.

– Милостивый государь, вы смеетесь над правосудием.

– Нисколько, сказал спокойно Атос.

– Вы д'Артаньян?

– Видите, вы еще раз говорите мне то же самое.

– Но, сказал в свою очередь Бонасиё, – я говорю вам, г. комиссар, что тут не может быть никакого сомнения. Г. д'Артаньян жилец мой, следовательно я должен знать его, тем более, что он не платит мне за квартиру, Д'Артаньян молодой человек, девятнадцати или двадцати лет, не больше, а этому господину не меньше тридцати лет. Д'Артаньян служит в гвардии Дезессара, а этот господин из роты мушкетеров де-Тревиля; посмотрите на мундир.

– Это правда, проговорил комиссар, – это правда.

В эту минуту дверь быстро открылась и вошедший в сопровождении часового почтальон подал комиссару письмо.

– О, несчастная! вскричал комиссар.

– Как! что вы говорите? о ком? Надеюсь, не о жене моей?

– Напротив, о ней. Ваше дело идет славно, нечего сказать.

– Ах! сказал раздраженный лавочник, – скажите пожалуйста, каким образом мое дело может принять худший оборот от того, что делает жена моя в то время, когда я нахожусь в тюрьме!

– Потому что то, что она делает, есть следствие плана, составленного вами обоими, адского плана!

– Клянусь вам, г. комиссар, что вы в величайшем заблуждении, что я решительно ничего не знаю о том, что должна была делать и что сделала жена моя, и если она наделала глупостей, то я отказываюсь от нее, не одобряю ее, проклиная ее!

– Если вы не имеете больше надобности во мне, сказал Атос комиссару, – то отошлите меня куда-нибудь; ваш Бонасиё очень скучен.

– Отведите пленных в тюрьму, сказал комиссар, указывая одним жестом на Атоса и Бонасиё, и пусть их стерегут как можно крепче.

– Но если ваше дело касается до д'Артаньяна, то я не вижу, как могу я заметить вам его, сказал Атос с обычным спокойствием.

– Делайте что я приказываю, сказал комиссар, – и под величайшею тайной; – слышите!

Атос последовал за стражей, пожав плечами, а Бонасиё с воплями, способными растрогать сердце тигра.

Лавочника привели в ту же тюрьму, где он провел ночь, и оставили его там на весь день. Бонасиё во весь этот день плакал, как настоящий лавочник; он сам сказал, что не был военным. Впрочем около девяти часов, в ту минуту, когда он решался лечь в постель, он услышал шаги в коридоре. Шаги приблизились к его темнице, дверь открылась, стражи вошли.

– Идите за мной, сказал полицейский чиновник, который пришел со стражей.

– Идти за вами! сказал Бонасиё: – идти за вами в эту пору! куда же это, Боже мой?

– Куда нам велено отвести вас.

– Но это не ответ.

– Единственный, который мы можем дать вам.

– Ах, Боже мой, Боже мой, шептал бедный лавочник, – теперь-то я пропал!

И он машинально, без сопротивления, последовал за пришедшей за ним стражей.

Он прошел через тот же самый коридор, по которому вели его прежде, прошел первый двор, потом через другой корпус дома, наконец у наружных ворот увидел карету, окруженную четырьмя верховыми. Его посадили в эту карету, полицейский чиновник сел с ним, дверцу заперли на ключ и оба очутились в подвижной темнице.

Карета двинулась медленно, как погребальная колесница; сквозь решетку пленный видел только дома и мостовую; но Бонасиё, как настоящий парижанин, узнавал каждую улицу по заборам, вывескам и фонарям. Подъезжая к улице Св. Павла, где обыкновенно казнили осужденных, он чуть не лишился чувств и перекрестился два раза. Он думал, что карета должна тут остановиться. Но она проехала мимо.

Далее им еще раз овладел страх, когда проезжали мимо кладбища Св. Иоанна, где погребали государственных преступников. Одно обстоятельство немного его успокоило, именно то, что прежде нежели хоронили их, обыкновенно отрубали им головы, а его голова была еще на плечах. Но когда он заметил, что карета поехала по направлению к Гревской площади, когда увидел острые крыши ратуши, когда карета въехала под свод, он думал, что все уже для него кончено, хотел исповедаться полицейскому чиновнику и на отказ его поднял такой жалобный крик, что чиновник объявил ему, что заткнет ему рот, если он не перестанет оглушать его.

Эта угроза немного успокоила Бонасиё: если бы хотели казнить его на Гревской площади, то не стоило бы затыкать ему рот, потому что почти уже доехали до места. Действительно, карета проехала роковую площадь, не останавливаясь. Оставалось опасаться только Трагуарского креста, и в самом деле карета поехала по направлению к этому месту. Тут уже не оставалось никакого сомнения; у Трагуарского креста наказывали второстепенных преступников. Бонасиё льстит себе, считая себя достойным Св. Павла или Гревской площади; у Трагуарского креста должны были окончиться путешествие его и участь! Он не мог еще видеть этого несчастного креста, но как будто чувствовал уже, что приближался к нему. Когда он был в двадцати шагах от него, то услышал шум и карета остановилась. Это было выше сил бедного Бонасиё, подавленного уже столькими испытанными им ощущениями. Он издал слабый стон, который можно было принять за последний вздох умирающего, и лишился чувств.

XIV. Менгский знакомец

Страх Бонасиё был напрасен: причиной стечения народа было не ожидание зрелища казни, а желание полюбоваться на человека, уже прежде повешенного.

Карета, остановившаяся на минуту, двинулась дальше, проехала сквозь толпу, продолжая путь в улицу С. Оноре; потом повернула в улицу Добрых Детей и остановилась у небольших ворот одного дома.

Ворота отворились, и двое стражей приняли на руки Бонасиё, поддерживаемого полицейским чиновником; втокнули его на крыльцо, заставили подняться по лестнице и посадили в передней.

Все эти движения они делал машинально.

Он шел как во сне, видел все предметы как в тумане, уши его слышали звуки, не понимая их; в эту минуту могли бы казнить его, и он не сделал бы ни одного движения для своей защиты и не испустил бы звука для просьбы о пощаде.

Таким образом он оставался на скамье, опершись спиной в стену, свесив руки вниз, на том же месте, куда его посадили стражи.

Между тем осмотревшись кругом, он не заметил ничего страшного; ничто не доказывало, чтоб он подвергался действительной опасности; скамейка была довольно мягкая, стены были покрыты прекрасною кордуанскою кожей; большие занавесы красного дома висели на окнах, поддерживаемые золотыми ручками; мало-помалу он начал понимать, что страх его был преувеличен, и наконец начал поворачивать голову вправо и влево, вверх и вниз.

Так как этому движению никто не противился, то он сделался смелее, рискнул переставить сперва одну ногу, потом другую, наконец с помощью обеих рук приподнялся со скамейки и встал на ноги. В это время офицер, приятной наружности, продолжая разговаривать с особой, находившеюся в соседней комнате, приподнял портьеру и, обращаясь к пленнику, спросил:

– Вы Бонасиё?

– Да, милостивый государь, к вашим услугам, проговорил, дрожа всем телом, лавочник.

– Войдите, сказал офицер.

И посторонился настолько, чтобы лавочник мог пройти. Бонасиё повиновался без возражений и вошел в комнату, где, казалось, его ожидали.

Это был большой кабинет, стены которого были украшены разными оружиями; воздух в нем был спертый и удушливый, и в камине разведен был огонь, несмотря на то что это было еще в конце сентября. Квадратный стол, покрытый книгами и бумагами, сверх которых был развернут огромный план ла-Рошели, занимал средину комнаты.

Перед камином стоял человек среднего роста, высокомерного и гордого вида, с пронзительными глазами, широким лбом, худощавый лицом, казавшимся еще продолговатее от эспаньолки и усов. Хотя ему было не больше тридцати шести или семи лет от роду, но волосы, усы и эспаньолка были с проседью; за исключением шпаги, все в нем показывало военного, и большие сапоги его, слегка покрытые пылью, доказывали, что в этот день он ездил верхом.

Это был Арман-Жан Дюплесси, кардинал Ришельё, не такой как его обыкновенно изображают, разбитый как старик, страдающий как мученик, с расслабленным телом, глухим голосом, погруженный в большое кресло, как в преждевременную могилу, существующий только силою своего гения и поддерживающий борьбу с Европой только неутомимым трудом мысли; но такой, каким он действительно был в то время, то есть ловкий и любезный кавалер, уже слабый телом, но поддерживаемый моральною силою, делавшею его одним из самых необыкновенных людей, когда-либо существовавших; готовящийся, наконец, после поддержки герцога Невера в Мантуе, после взятия Нима, Кастры и Иозеса, к изгнанию Англичан с острова Ре и к осаде ла-Рошели.

С первого взгляда ничто в нем не обозначало кардинала, и тем, кто не знал его в лицо, невозможно было угадать, перед кем они находились.

Бедный лавочник стоял у дверей, между тем как глаза описанной нами особы устремились на него и, казалось, хотели проникнуть глубину его мысли.

– Это и есть Бонасиё? спросил он после минутного молчания.

– Точно так, отвечал офицер.

– Хорошо, дайте мне вот эти бумаги и оставьте нас.

Офицер взял со стола указанные бумаги, подал их и, поклонившись до земли, вышел.

Бонасиё узнал, что бумаги эти были допросы его в Бастилии. По временам стоявший у камина кардинал отводил глаза от бумаги и устремлял на бедного лавочника такие пронизательные взгляды, как будто хотел проникнуть в глубину души его. После десятиминутного чтения и десяти секунд наблюдения, кардинал все понял.

«Эта голова никогда не участвовала в заговоре, сказал он про себя, – но все равно, все таки посмотрим».

– Вы обвинены в государственной измене, сказал протяжно кардинал.

– Это мне уже говорили, сказал Бонасиё, – но клянусь вам, что я об этом ничего не знал.

Кардинал скрыл улыбку.

– Вы были в заговоре с женой вашей, с г-жей де-Шеврёз и с герцогом Бокингом.

– Действительно, я слышал от нее все эти имена.

– По какому случаю?

– Она говорила, что кардинал Ришельё привлек герцога Бокинга в Париж, чтобы погубить его и королеву.

– Она это говорила? спросил кардинал с гневом.

– Да; но я сказал ей, что глупо говорить подобные вещи, и что кардинал неспособен...

– Молчите, вы глупы, сказал кардинал.

– То же самое говорила мне и жена.

– Знаете ли вы, кто похитил жену вашу?

– Нет.

– Но вы имеете подозрения?

– Да; но эти подозрения, кажется, не понравились г. комиссару, и я не подозреваю уже никого.

– Ваша жена убежала; знаете ли вы об этом?

– Нет, я узнал об этом только в тюрьме от г. комиссара, человека очень любезного.

Кардинал вторично скрыл улыбку.

– Так вы не знаете, что случилось с женой вашей после бегства?

– Решительно не знаю; но она должна была возвратиться в Лувр.

– В час пополудни ее еще там не было.

– Ах, Боже мой! но что же с нею случилось?

– Будьте спокойны, об этом узнают; от кардинала ничто не скроется; он все знает.

– В таком случае, разве вы думаете, что кардинал согласится сказать мне, что сделалось с моею женой.

– Может быть, но надобно прежде, чтобы вы признались во всем что вам известно об отношениях жены вашей к г-же де-Шеврёз.

– Но я ничего не знаю и никогда не видал ее.

– Когда вы ходили за женой в Лувр, возвращалась ли она всегда прямо домой?

– Почти никогда, она имела дела с продавцами полотна, к которым я провожал ее.

– Сколько же было продавцов полотна?

– Двое.

– Где они живут?

- Один в улице Вожирар, другой в улице Ля-Гарп.
- Заходили вы к ним с нею вместе?
- Никогда: я дожидался ее у ворот.
- Под каким же предлогом она заходила одна?
- Она ничего мне не говорила; приказывала мне ждать ее, и я ждал.
- Вы снисходительный муж, любезный мой г. Бонасиё, сказал кардинал.
- «Он называет меня своим любезным господином, подумал лавочник. – Дела идут хорошо».
- Можете ли вы указать те ворота?
- Да.
- Вы знаете номера?
- Да.
- Назовите их.
- № 25 в улице Вожирар и № 75 в улице Ля-Гарп.
- Хорошо, сказал кардинал.
- При этих словах он взял серебряный колокольчик и позвонил; офицер вошел.
- Позовите ко мне Рошфора, сказал он вполголоса; – чтоб он явился сейчас же, если он дома.
- Граф здесь, сказал офицер, – и настоятельно просит позволения говорить с вашей эминенцией.
- Пусть же он войдет, сказал с живостью Ришельё.
- Офицер бросился из комнаты с быстротою, с какою обыкновенно исполнялись все приказания кардинала.
- «С вашей эминенцией!» бормотал Бонасиё, озираясь дико кругом.
- Не прошло пяти секунд после ухода офицера, как дверь отворилась и вошло новое лицо.
- Это он! сказал Бонасиё.
- Кто он? спросил кардинал.
- Тот, который похитил жену мою.
- Кардинал позвонил снова. Офицер явился.
- Отдайте этого человека в руки двоих стражей; пусть он ждет, когда я снова позову его.
- Нет, нет, это не он! сказал Бонасиё, – нет, я ошибся; это был другой, совсем непохожий на этого. Этот господин – честный человек.
- Уведите этого глупца! сказал кардинал.
- Офицер взял Бонасиё под руку и отвел его в переднюю, где были двое стражей.
- Рошфор с нетерпением следил глазами за Бонасиё до тех пор, пока он вышел, и как только затворилась за ним дверь, он быстро подошел к кардиналу и сказал:
- Они виделись.
- Кто?
- Она и он.
- Королева и герцог? сказал Ришельё.
- Да.
- Где же?
- В Лувре.
- Вы уверены?
- Совершенно уверен.
- Кто вам сказал?
- Г-жа де-Ляннуа, которая, как вам известно, совершенно предана вам.
- Зачем же она не сказала раньше?

- Королева случайно или по недоверчивости приказала г-же де-Сюржи спать в своей комнате и удержала ее у себя на целый день.
- Хорошо, мы побеждены. Постараемся поправить дело.
- Я всею душой готов помогать вам, будьте спокойны.
- Как это случилось?
- В половине первого королева была с своими придворными дамами.
- Где?
- В своей спальне.
- Ну?...
- Ей принесли платок от дамы, заведывающей ее бельем.
- Потом?
- Королева тотчас обнаружила сильное волнение, и несмотря на румяна, покрывавшие лицо ее, побледнела.
- Потом? Потом?
- Несмотря на то, она встала и сказала своим дамам взволнованным голосом: «подождите меня, через десять минут я приду». Она отворила дверь алькова и вышла.
- Отчего г-жа де-Ляннуа не пришла в ту же минуту предупредить вас?
- Еще ничего не было известно наверное, притом же королева сказала: «подождите меня,» – и она не смела послушаться королевы.
- Сколько времени королевы не было в комнате?
- Три четверти часа.
- Ни одна из дам не сопровождала ее?
- Только донеа Естепана.
- Потом она возвратилась?
- Да, для того только чтобы взять ящичек розового дерева с ее вензелем, и тотчас же вышла.
- А когда она возвратилась, принесла ли она этот ящик назад?
- Нет.
- Знает ли г-жа де-Ляннуа что было в этом ящике?
- Да: бриллиантовые эксельбантные наконечники, подаренные королеве его величеством.
- И она пришла без ящика?
- Да.
- Полагает ли г-жа де-Ляннуа, что она отдала их Бокингему?
- Она в том уверена.
- Почему?
- На другой день г-жа де-Ляннуа, имеющая обязанность наблюдать за туалетом королевы, искала этого ящичка, показала вид, что беспокоится и, не находя его, наконец спросила о нем королеву.
- И королева?...
- Королева очень покраснела и отвечала, что накануне изломала один из наконечников и послала к ювелиру починить.
- Надобно пойти узнать правда ли это?
- Я уже ходил.
- Ну, что же сказал ювелир?
- Он ничего не слышал об этом.
- Хорошо! Хорошо, Рошфор! не все еще потеряно, и может быть... может быть, все к лучшему.
- Дело в том, что я не сомневаюсь, чтобы гений ваш...

– Не придумал, как поправить глупость своего агента, не так ли?
– Если бы вы позволили мне окончить фразу, я сказал бы то же самое.
– Знаете ли вы, где скрывались герцогиня де-Шеврёз и герцог Бокингем?
– Нет, люди мои не могли сказать ничего положительного об этом.
– А я знаю.
– Вы?
– Да, или по крайней мере я так думаю. Они были один в улице Вожирар № 25, другой в улице Ля-Гарп № 75.

– Угодно ли вам, чтоб я арестовал их обоих?
– Теперь уже поздно: они наверно уехали.
– Все равно, можно справиться.
– Возьмите десять человек из моих гвардейцев и обыщите оба дома.
– Иду.

И Рошфор бросился вон из комнаты.

Оставшись один, кардинал подумал с минуту и позвонил в третий раз.

– Тот же офицер явился.
– Приведите пленника, сказал кардинал.

Снова привели Бонасиё; по знаку кардинала офицер удалился.

– Вы меня обманули, строго сказал кардинал.
– Я! я обманул вашу эминенцию! сказал Бонасиё.
– Ваша жена ходила не к продавцам полотна в улицы Вожирар и Ля-Гарп.
– Боже праведный, к кому же она ходила?
– Она ходила к герцогине де-Шеврёз и герцогу Бокингему.

– Да, сказал Бонасиё, припоминая, – вы правы. Я несколько раз говорил жене, что это удивительно, что продавцы полотна живут в таких домах, где нет и вывесок, и жена каждый раз смеялась. Ах! сказал Бонасиё, бросаясь к ногам кардинала, – вы действительно кардинал, великий кардинал, гениальный человек, которого все уважают.

Как ни ничтожно было торжество, одержанное над таким простым человеком, каков был Бонасиё, кардинал все-таки наслаждался им минуту; потом сейчас же, как будто в уме его промелькнула новая мысль, на губах его появилась улыбка и, протягивая руку лавочнику, он сказал:

– Встаньте, друг мой, вы честный мальчик.

– Кардинал дотронулся до моей руки! Я дотронулся до руки великого человека! вскричал Бонасиё. – Великий человек назвал меня своим другом!

– Да, друг мой, да! сказал кардинал отеческим тоном, который он иногда принимал, но которым он обманывал только тех, кто не знал его. – Так как вас подозревали напрасно, следовательно вам нужно удовлетворение, то возьмите этот кошелек, с сотнею пистолей, и извините меня.

– Мне извинить вас! сказал Бонасиё, не решаясь взять кошелек, вероятно опасаясь, что этот предлагаемый подарок только шутка. – Но вы могли арестовать меня, вы можете подвергнуть меня пытке, повесить меня, вы властелин, я не смел бы сказать ни слова. Вас извинить! Помилуйте, что вы говорите!

– Ах, любезный мой Бонасиё, я вижу вы великодушны, и благодарю вас за это. Итак, вы возьмете этот кошелек и уйдете не совсем недовольным.

– Я уйду в восторге.

– Прощайте же, или, лучше сказать, до свидания, потому что я надеюсь, что мы увидимся.

– Когда вам будет угодно; я всегда готов к вашим услугам.

– Будьте спокойны, мы будем часто видеться, потому что я нахожу чрезвычайное удовольствие в вашей беседе.

– О! ваша эминенция!

– До свидания, г. Бонасиё, до свидания.

Кардинал сделал ему знак рукой, на который Бонасиё отвечал поклоном до земли и вышел, пятясь назад. Когда он проходил чрез переднюю, то кардинал слышал, как он с восторгом кричал: да здравствует его эминенция! да здравствует великий кардинал! Кардинал выслушал с улыбкой восторженное излияние чувств Бонасиё, потом, когда крики его постепенно исчезли вдали, он сказал:

– Это хорошо, теперь этот человек готов умереть за меня. Кардинал начал с величайшим вниманием рассматривать карту ла-Рошели, разложенную, как мы уже сказали, на его письменном столе, чертя карандашом линию, где должна была пройти знаменитая плотина, которую полтора года спустя заперта была гавань осажденного города.

Когда он был вполне погружен в эти стратегические соображения, дверь снова отворилась и вошел Рошфор.

– Ну, что? спросил кардинал, вставая с места с живостью, доказывавшею степень важности, которую он придавал поручению, возложенному на графа.

– Действительно, отвечал он, – молодая женщина двадцати шести или двадцати восьми лет и мужчина тридцати пяти или сорока лет жили, – один четыре дня, другая пять в тех домах, о которых вы говорили; но женщина уехала сегодня ночью, а мужчина утром.

– Это они! сказал кардинал, смотря на часы. – И теперь, продолжал он, – уже поздно догонять их: герцогиня уже в Туре, а герцог в Булони. Надо настигнуть их в Лондоне.

– Какие будут ваши приказания?

– Ни слова о том, что произошло; надо, чтобы королева была совершенно спокойна; чтоб она не знала, что нам известна ее тайна, пусть она думает, что мы преследуем какой-нибудь заговор. Пошлите ко мне канцлера Сегие.

– А что вы сделали с этим человеком?

– С каким? спросил кардинал.

– С Бонасиё?

– Всё что было возможно. Я сделал из него шпиона жены его.

Граф Рошфор поклонился, как человек, глубоко сознающий превосходство своего господина, и вышел.

Оставшись один, кардинал снова сел, написал письмо, запечатал его своею собственною печатью и позвонил.

Офицер вошел в четвертый раз.

Позовите ко мне Витре, сказал он, – и скажите, чтоб он приготовился в дорогу.

Минуту спустя, человек, которого он требовал, стоял перед ним, в сапогах со шпорами.

– Витре, сказал кардинал, – вы поедете немедленно в Лондон. Не останавливайтесь в дороге ни на минуту. Вы отдадите это письмо миледи. Вот вам предписание о выдаче двухсот пистолей, подите к моему казначею и велите выдать их вам. Вы получите столько же, если возвратитесь назад через шесть дней и хорошо исполните мое поручение.

Курьер, не говоря ни слова, поклонился, взял письмо и предписание о двухстах пистолей и вышел.

Вот в чем состояло письмо:

«Миледи.

Будьте на первом бале, где будет герцог Бокингем. У него на камзоле будет двенадцать бриллиантовых наконечников, подойдите к нему и отрежьте два из них. Когда эти наконечники будут в ваших руках, уведомьте меня».

XV. Приказные и военные

На другой день после этих происшествий Атос не являлся, д'Артаньян и Портос уведомили об этом де-Тревиля. Что касается до Арамиса, то он взял отпуск на пять дней и был в Руане, как говорили, по семейным делам.

Де-Тревиль был отцом своих солдат. Самый незначительный и неизвестный из них, лишь только надевал мундир его роты, мог быть уверен в его помощи и опоре, как бы его родной брат.

Он сейчас же отправился к главному уголовному судье. Позвали офицера, начальствовавшего над постом Красного Креста и после продолжительных расспросов узнали, что Атос был на время помещен в Фор л'Евек.

Атос прошел чрез все те испытания, которые перенес Бонасиё.

Мы говорили об очной ставке обоих пленников. Атос, чтобы дать время д'Артаньяну, до сих пор ничего не говорил и теперь только объявил, что его звали Атосом, а не д'Артаньяном.

Он прибавил, что не знал ни господина, ни госпожи Бонасиё, что никогда не говорил ни с тем, ни с другим; что он пришел около десяти часов вечера навестить друга своего д'Артаньяна, а до этого часа был у де-Тревиля, где и обедал; двадцать свидетелей, говорил он, – могли подтвердить истину, и назвал многих известных дворян, между прочими герцога де-ла-Тремуля.

Второй комиссар был озадачен не меньше первого простым и бойким объяснением мушкетера; ему, как гражданскому чиновнику, очень хотелось бы обвинить военного; но имена де-Тревиля и герцога де-ла-Тремуля заставили его задуматься.

Атос был также отправлен к кардиналу; но, к несчастью, кардинал был в Лувре у короля. Это было именно в то время, когда де-Тревиль, побывав у главного уголовного судьи и у губернатора Фор л'Евека и не найдя Атоса, пришел к его величеству.

Как капитан мушкетеров, де-Тревиль мог во всякое время свободно являться к королю.

Известно, что король был сильно предубежден против королевы, и что кардинал, не доверявший в своих интригах гораздо больше женщинам чем мужчинам, искусно поддерживал эти предубеждения. Одной из главнейших причин этого предубеждения была дружба королевы с г-жею де-Шеврёз. Эти две женщины беспокоили его больше чем войны с Испанией, распри с Англией и расстройство финансов. Он был убежден, что г-жа де-Шеврёз служила королеве не только в политических, но и в любовных ее интригах, что его всего больше мучило.

При первых словах кардинала о том, что г-жа де-Шеврёз, изгнавшая в Тур, приезжала тайно в Париж, где пробыла пять дней, и полиция не знала об этом, король пришел в ужасный гнев.

Капризный и неверный король хотел, чтобы его называли Людовиком Справедливым и Целомудренным. Потомству не легко понять этот характер, объясняемый в истории только фактами, а не рассуждениями.

Но когда кардинал прибавил, что не только г-жа де-Шеврёз была в Париже, но что притом королева снова вступила в сношения с нею посредством переписки, которую тогда называли кабалистикой когда он доказывал, что он, кардинал, начинал распутывать самые тайные пути этой интриги, и в ту самую минуту, когда можно было арестовать на месте преступления, гири очевидных доказательств лазутчика, поддерживавшего сношения королевы с изгнанницей, какой-то мушкетер осмелился насильственно помешать ходу правосудия, бросившись со шпагою в руке на честных людей, на которых возложена была законом обязанность беспристрастно исследовать дело, чтобы доложить о нем королю. Людовик XIII не мог более удержаться; он хотел уже идти к королеве, бледный, в сильном негодовании, которое иногда доводило этого принца до самой холодной жестокости.

И между тем кардинал не сказал еще ни слова о герцоге Бокингеме.

В это время вошел де-Треви́ль, хладнокровный, вежливый, в мундире безукоризненной чистоты.

Предугадывая по присутствию кардинала и по расстроенному лицу короля все что между ними происходило, де-Треви́ль почувствовал себя сильным как Самсон перед Филистимлянами.

Людовик XIII уже дотронулся до ручки дверей, но услышав, что вошел де-Треви́ль, он обернулся.

– Вы пришли кстати, сказал король, который не умел притворяться, когда страсти его достигали известной степени: – я узнал прекрасные вещи о ваших мушкетерах.

– А я имею сообщить вашему величеству прекрасные вещи о гражданских чинах, сказал хладнокровно де-Треви́ль.

– Что вам угодно? сказал король высокомерно.

– Имею честь сообщить вашему величеству, продолжал де-Треви́ль тем же тоном, что приказные и полицейские люди очень почтенные, но, как кажется, очень раздраженные против мундира, позволили себе арестовать в доме, вывесить на улицу и отправить в Фор л'Евек, все по предписанию, которое не хотели мне показать, одного из моих, или лучше сказать ваших, государь, мушкетеров, безукоризненного поведения, почти знаменитой репутации, известного вашему величеству с хорошей стороны, г-на Атоса.

– Атоса, сказал машинально король; да, действительно, это имя мне известно.

– Припомните, ваше величество, сказал де-Треви́ль, что Атос, это тот самый мушкетер, который в известной вам неприятной дуэли имел несчастье тяжело ранить Кагюзака; кстати, продолжал он, обращаясь к кардиналу, кажется, Кагюзак совершенно выздоровел.

– Благодарю, сказал кардинал, сжимая губы от гнева.

– Атос пришел навестить одного из своих друзей, продолжал де-Треви́ль, молодого беарнца, служащего в гвардии вашего величества в роте Дезессара; но только что он успел войти к другу своему и, не застав его дома, взял в ожидании его книгу, как толпа полицейских служителей и солдат осадили дом, проломив несколько дверей...

Кардинал сделал королю знак, которым хотел сказать: это по тому делу, о котором я вам говорил.

– Я знаю это всё, сказал король, потому что всё это было сделано по моему приказанию.

– Следовательно, сказал де-Треви́ль, по приказанию вашего величества схватили и одного из моих мушкетеров, совершенно невинного, и, среди наглой черни, в сопровождении двух гвардейцев, как злодеи, водили этого благородного молодого человека, проливавшего десять раз кровь свою за ваше величество и готового всегда проливать её.

– Как! сказал тронутый король, – разве так было дело?

– Г. де-Треви́ль не говорил, сказал кардинал с величайшим спокойствием, – что этот невинный мушкетер, этот благородный молодой человек за час перед тем, напал со шпагой на четверых комиссаров, которым дано было мною предписание исследовать чрезвычайно важное дело.

– Я сомневаюсь, чтобы вы могли доказать это, сказал де-Треви́ль с своею гасконской откровенностью и военною резкостью, – потому что за час перед тем, Атос, который, как доложу вашему величеству, человек самой знатной фамилии, отобедал у меня, и потом разговаривал с герцогом де-ла-Тремилем и графом де-Шалю, бывшими также в то время у меня.

Король посмотрел на кардинала.

– Протокол служит доказательством, отвечал кардинал на немой вопрос короля, – а избытые мушкетером люди составили протокол, который имею честь представить вашему величеству.

– Стоит ли протокол приказного честного слова военного? отвечал гордо де-Треви́ль.

– Замолчите, Треви́ль, сказал король.

– Если г. кардинал имеет подозрение против одного из моих мушкетеров, сказал де-Тре-виль, то справедливость кардинала так известна, что я сам прошу произвести следствие.

– В том доме, где произошла эта сцена, продолжал хладнокровно кардинал, – живет, кажется, один беарнец, друг мушкетера.

– Вы подразумеваете д'Артаньяна.

– Я говорю о молодом человеке, которому вы покровительствуете, г. де-Тре-виль.

– Да, это справедливо.

– Не подозреваете ли вы, что этот молодой человек давал дурные советы...

– Атосу, человеку вдвое старше его? сказал Де-Тре-виль, – нет; притом же д'Артаньян провел вечер у меня.

– А! сказал кардинал, кажется, все были вечером у вас?

– Вы сомневаетесь в моих словах? сказал Де-Тре-виль, краснея от гнева.

– Нет, сохрани Бог! сказал кардинал, но только скажите, в котором часу он был у вас?

– О! это я могу сказать вам наверное, потому что когда он пришел ко мне, я посмотрел на часы, было половина десятого, хотя я думал, что уже было позже.

– А в котором часу он вышел из вашего отеля?

– В половине одиннадцатого, часом позже этого происшествия.

– Наконец, отвечал кардинал, и минуты не сомневавшийся в правдивости де-Тре-виля, и чувствуя, что терял верх в споре, – Атос был взят в этом доме в улице Могильщиков?

– Разве запрещается другу навестить друга? мушкетеру моей роты быть в братских отношениях с гвардейцем роты Дезессара?

– Да, когда дом, где живет друг его, находится в подозрении.

– Этот дом в подозрении, Тре-виль, сказал король, – может быть, вы этого не знали?

– Действительно, государь, я этого не знал. Во всяком случае он может быть в подозрении весь, кроме той части, в которой живет д'Артаньян, потому что я могу сказать утвердительно, если верить его словам, что это самый преданнейший слуга вашего величества и самый глубо-чайший почитатель кардинала.

– Не этот ли д'Артаньян однажды ранил Жюссака при несчастной встрече у монастыря Кармелиток? спросил король, взглянув на кардинала, покрасневшего с досады.

– И на другой день Бернажу. Да, да, государь, это он: у вашего вѣлчества хорошая память.

– Ну, чем же мы решим? сказал король.

– Это касается больше вашего величества чем меня, сказал кардинал. – Я утверждаю, что арестованный виноват.

– А я отвергаю это, сказал де-Тре-виль. – Но у его величества есть судьи, пусть они решат.

– Это правда, сказал король, – передадим дело судьям, и пусть они рассудят.

– Только очень жаль, сказал де-Тре-виль, – что в наши несчастные времена самая честная жизнь, самая неоспариваемая добродетель не охраняет человека от позора и гонения. Я вам ручаюсь, что армия не будет довольна, если ее будут подвергать таким притеснениям из-за какого-нибудь полицейского дела.

Это было сказано неосторожно; но де-Тре-виль сказал это с намерением. Ему хотелось взрыва, потому что при взрыве бывает огонь, а огонь освещает.

– Из-за какого-нибудь полицейского дела! вскричал король, повторяя слова де-Тре-виля; – имеете ли вы об этих делах понятие? Знайте своих мушкетеров и не бесите меня. По-вашему, если по несчастию арестуют одного мушкетера, то вся Франция в опасности. Сколько шума из-за одного мушкетера! Я велю арестовать десятерых из них, черт возьми! сотню! всю роту! и не хочу слышать ни слова.

– Если только мушкетеры находятся в подозрении у вашего величества, то они уже виноваты, и я готов отдать вам мою шпагу, потому что после обвинения солдат моих, я не сомне-

ваюсь, что кардинал обвинит и меня; так лучше же я сдамся пленным вместе с Атосом, уже арестованным, и д'Артаньяном, которого конечно арестуют.

– Перестанете ли вы, гасконская голова? сказал король.

– Государь, сказал де-Тревиль, нисколько не понижая голоса, – прикажите возвратить мне моего мушкетера, или пусть его судят.

– Его будут судить, сказал кардинал.

– Тем лучше; в таком случае я попрошу позволения его величества защищать его в суде. Король боялся взрыва.

– Если кардинал, сказал он, – не имеет личных побуждений...

Кардинал предупредил короля.

– Извините, сказал он. – Если ваше величество видите во мне предубежденного судью, то я отказываюсь.

– Послушайте, сказал король, – клянетесь ли вы мне именем моего отца, что Атос был у вас во время происшествия и не участвовал в нем?

– Клянусь вашим славным отцом, вами самим, которого я люблю и уважаю больше всего на свете.

– Подумайте, государь, сказал кардинал: – если мы отпустим пленного, нельзя будет узнать правды.

– Атос всегда будет готов к ответу, когда приказным угодно будет допрашивать его, сказал де-Тревиль. – Он не убежит, кардинал, будьте спокойны, я отвечаю за него.

– В самом деле он не убежит, сказал король; – его всегда найдут, как говорит де-Тревиль. Притом же, сказал он, понижая голос, и с умоляющим видом смотря на кардинала, – мы этим дадим им повод быть беспечными: это политика.

Такая политика Людовика XIII заставила Ришельё улыбнуться.

– Приказывайте, государь, сказал он, – вы имеете право миловать.

– Право помилования прилагается только к виновным, сказал де-Тревиль, настаивавший на своем, – а мой мушкетер невинен. Вы, государь, окажете не милость, а правосудие.

– Он в Фор л'Евек? сказал король.

– Да, государь, и в секретной тюрьме, как последний из преступников.

– Черт возьми! сказал король, – что же делать?

– Подпишите приказ об его освобождении, вот и все тут, сказал кардинал; я думаю так же, как и ваше величество, что поручительства г. де-Тревиля совершенно достаточно.

Де-Тревиль почтительно поклонился, с радостью, не без примеси страха; он предпочел бы упрямое сопротивление кардинала этой внезапной уступчивости.

Король подписал указ об освобождении Атоса, и де-Тревиль немедленно унес его.

Когда он выходил, кардинал дружески улыбнулся ему и сказал королю:

– У ваших мушкетеров между начальниками и солдатами существует прекрасная гармония, государь; это хорошо для службы и заставляет уважать их всех.

«Он непременно сделает мне какую-нибудь неприятность, сказал про себя де-Тревиль; – его никогда не переспоришь. Но надо поспешить: король может сейчас же переменить мнение; и притом все-таки труднее посадить снова человека в Бастилию или в Фор л'Евек, чем удержать пленника, который уже там сидит.

Де-Тревиль торжественно вошел в Фор л'Евек и освободил мушкетера, которого не покидало его спокойное равнодушие.

Потом при первом свидании с д'Артаньяном он сказал ему: вы прекрасно ускользнули, это вам награда за удар шпаги Жюссаку. Правда, остается еще за Бернажу, но не слишком полагайтесь на это.

Де-Тревиль был прав, не доверяя кардиналу и думая, что не все еще кончено, потому что как только капитан мушкетеров затворил за собою дверь, кардинал сказал королю:

– Теперь, когда мы вдвоем, то поговорим серьезно, если угодно вашему величеству, государь. Бокингем был в Париже пять дней и уехал только сегодня утром.

XVI. Канцлер Сегие

Невозможно представить себе, какое впечатление произвели эти слова на Людовика XIII. Он то краснел, то бледнел, и кардинал тотчас заметил, что снова приобрел верх над ним.

– Бокингем в Париже! сказал король. – Что же он здесь делает?

– Без сомнения, составляет заговор с врагами вашими, гугенотами и Испанцами.

– Нет, нет! Он составляет заговор против чести моей с г-жей де-Шеврёз, г-жей де-Лонгвиль и Конде!

– О, государь, какая мысль! Королева слишком благоразумна, и главное, слишком любит ваше величество.

– Женщина слаба, г. кардинал, сказал король; – а что касается до любви ее ко мне, то я знаю уже эту любовь.

– Все-таки я утверждаю, сказал кардинал, – что герцог Бокингем приезжал в Париж по причине чисто политической.

– А я уверен, что он приезжал совсем по другой причине, г. кардинал; и если королева виновна, то горе ей!

– Впрочем, сказал кардинал, – как ни неприятно мне подумать о подобной измене, но ваше величество наводите меня на эту мысль: г-жа де-Ляннуа, которую, по приказанию вашего величества, я допрашивал несколько раз, сказала мне сегодня утром, что в предпрошедшую ночь ее величество легла спать очень поздно, что сегодня утром она много плакала, и что она весь день писала.

– Ну, так, сказал король: – это, без сомнения, к нему. Кардинал, я хочу иметь бумаги королевы.

– Но как взять их, государь? Мне кажется, что ни я, ни ваше величество не может взять на себя подобного поручения.

– Как поступили с женой маршала д'Анкр? вскричал король в сильном гневе: – обыскали ее шкафы, наконец обыскали ее самое.

– Жена маршала д'Анкр была, государь, не больше как Флорентинская искательница приключений, между тем как августейшая супруга вашего величества, Анна Австрийская, королева Франции, т. е. одна из величайших принцесс на свете.

– Тем больше ее вина, герцог! Чем больше она забыла свое высокое положение, тем ниже упала. Впрочем я давно уже решил покончить со всеми этими интригами, политическими и любовными. У нее есть какой-то ла-Порт.

– Которого, признаюсь, я считаю главным действующим лицом во всем этом, сказал кардинал.

– Так вы думаете также, что она меня обманывает? спросил король.

– Я думаю и повторяю вашему величеству, что королева составляет заговор против власти своего короля, но не против чести его.

– А я говорю вам, что против того и другого, я говорю вам, что королева не любит меня, что она любит другого, что она любит этого низкого Бокингема! Отчего вы не арестовали его, когда он был в Париже?

– Арестовать герцога! арестовать первого министра короля Карла I! Подумали ли вы, государь? Сколько было бы шуму! И если бы подозрения вашего величества насколько-нибудь оправдались, в чем я все-таки сомневаюсь, какой был бы скандал!

– Но так как он вел себя как бродяга и вор, то надо было...

Людовик XIII не договорил, испугавшись сам того что хотел сказать, между тем как Ришельё, вытянув шею, бесполезно ожидал слова, которого король не сказал.

– Надо было?...

– Ничего, сказал король, – ничего. Но в то время, пока он был в Париже, вы не теряли его из виду?

– Нет, государь.

– Где он жил?

– В улице ла-Гарп, № 75.

– Где это?

– Возле Люксембурга.

– И вы уверены, что он не видался с королевой?

– Я полагаю, что королева слишком уважает свои обязанности, государь.

– Но у них была переписка: это к нему королева писала целый день. Герцог, я хочу иметь эти письма.

– Но, государь...

– Герцог, я хочу их иметь, чего бы это ни стоило.

– Позвольте заметить вашему величеству...

– Разве вы тоже изменяете мне, г. кардинал, что вы всегда противитесь моей воле? Разве вы тоже в союзе с Испанцами и Англичанами, с г-жей де-Шеврёз и с королевой?

– Государь, отвечал со вздохом кардинал. – Кажется, я не подал повода к подобному подозрению.

– Вы слышали, кардинал, я хочу иметь эти письма?

– Есть одно только средство.

– Какое?

– Поручить это канцлеру Сегие. Это совершенно относится к обязанностям его звания.

– Послать за ним сейчас же!

– Он должен быть у меня, государь; я посылал за ним, и уходя в Лувр приказал просить его подождать, если он придет.

– Пошлите за ним сейчас же!

– Приказание вашего величества будет исполнено, но...

– Но что?

– Но королева, может быть, не захочет повиноваться.

– Моему приказанию?

– Да, если она не будет знать, что это приказание короля.

– Хорошо! Чтоб она не сомневалась, я сам предупрежу ее.

– Ваше величество не забудете, что я сделал все что мог, чтобы предупредить разрыв.

– Да, герцог, я знаю, что вы очень снисходительны к королеве, может быть даже слишком снисходительны, и мы об этом поговорим после.

– Когда угодно будет вашему величеству; но я всегда буду счастлив тем, государь, что приношу себя в жертву доброму согласию, которое всегда желаю видеть между вами и королевой Франции.

– Хорошо, кардинал, хорошо, пошлите же за канцлером, а я пойду к королеве.

И Людовик XIII пошел в коридор, соединявший его кабинет с комнатами Анны Австрийской.

У королевы были в это время придворные дамы ее: г-жа де-Гито, г-жа де-Сабле, г-жа де-Мопбазои и г-жа де-Гемене. В одном углу сидела испанская горничная ее, донна Естefана, последовавшая за ней из Мадрида. Г-жа де-Гемене читала; все слушали ее со вниманием, кроме королевы, которая нарочно устроила это чтение, чтобы, притворяясь слушающею, можно было мечтать на свободе.

Мысли ее, украшенные последним отблеском любви, все-таки были печальны. Анна Австрийская, лишившаяся доверенности своего мужа, преследуемая ненавистью кардинала, не могшего простить ей, что она отвергла нежные чувства его, имея перед глазами пример коро-

левы матери, которую ненависть эта мучила во всю жизнь ее, хотя Мария Медичи, если верить запискам того времени, сначала питала к кардиналу то чувство, в котором Анна Австрийская всегда ему отказывала. Анна Австрийская видела как падали один за другим самые преданные слуги ее, самые искренние советники, самые дорогие любимцы. Она как будто обладала пагубным свойством приносить несчастье всему, к чему прикасалась; Дружба ее была роковым знаком, вызывавшим преследование. Г-жи де-Шеврёз и де-Верне были изгнаны, наконец ла-Порт не скрывал от своей госпожи, что он с часу на час ожидал что его арестуют.

В то время когда королева была погружена в самые мрачные мысли, дверь отворилась и вошел король.

Чтение тотчас прекратилось, все дамы встали, и наступило глубокое молчание.

Король не сделал никакого приветствия и, становясь перед королевой, сказал ей нетвердым голосом:

– К вам придет канцлер и сообщит вам то, что я ему поручил.

Несчастливая королева, которой беспрестанно угрожали разводом, изгнанием и даже судом, побледнела под румянами и не могла удержаться, чтобы не спросить:

– Зачем же он придет, государь? Что такое скажет мне канцлер, чего ваше величество не можете сказать мне сами.

Король, не отвечая, повернулся на пятках, и почти в ту же минуту капитан гвардии Гито объявил о приходе канцлера.

Когда канцлер вошел, король вышел уже чрез другую дверь.

Канцлер вошел, полу-улыбаясь, полу-краснея. Так как мы, вероятно, не раз еще встретим его в продолжении этой истории, то не худо познакомить с ним читателей.

Этот канцлер был большой забавник. Де-Рош ла-Масль игумен Нотр-Дамской церкви, бывший некогда камердинером кардинала, рекомендовал Сегие кардиналу, как человека вполне ему преданного. Кардинал поверил ему и не жалел об этом.

Сделавшись канцлером, он ревностно служил кардиналу в ненависти его к королеве матери и мщении против Анны Австрийской, поощрял судей в деле Шале; наконец, обладая полною доверенностью кардинала, так хорошо им заслуженной, он достиг того, что на него возложили странное поручение, для исполнения которого он явился теперь к королеве.

Королева стояла еще, когда он вышел, но как только она его заметила, села опять на кресло, сделав знак своим дамам, чтобы они сели на свои подушки и табуреты, и гордо спросила его:

– Что вам угодно, зачем вы явились сюда?

– Чтобы сделать, по приказанию короля и совсем уважением, которым я обязан вашему величеству, подробный обыск в ваших бумагах.

– Как! обыск в моих бумагах? но это низко!

– Извините меня, я в этом случае только орудие короля. Разве его величество не был здесь сейчас и не просил вас приготовиться к этому обыску?

– Обыскивайте; кажется, меня считают преступницей; Естефана, дайте ключи от моих столов.

Канцлер для соблюдения Формы осмотрел столы, но он знал, что не в столе королева спрятала важное письмо, написанное ею в тот день.

Перерывая по двадцати раз все ящики столов, канцлер, при всей его нерешительности, должен был наконец покончить дело, т. е. обыскать саму королеву. Он подошел к Анне Австрийской и с большим смущением сказал ей:

– Теперь мне остается сделать самое главное разыскание.

– Какое? спросила королева, не понимавшая, или не хотевшая понять, в чем было дело.

– Его величество уверен, что вы сегодня писали письмо; ему известно, что оно не было отослано. Письма этого нет ни в котором столе, между тем оно должно быть где-нибудь.

– Неужели вы осмелитесь поднять руку на вашу королеву? сказала Анна Австрийская, выпрямляясь во весь рост и устремив на канцлера угрожающий взгляд.

– Я верный подданный короля, государыня, и сделаю все, что его величество прикажет.

– Да, это правда, сказала Анна Австрийская, шпионы кардинала донесли ему верно. Я писала сегодня письмо и это письмо не отправлено. Оно здесь! И королева показала рукой на свой корсаж.

– Дайте же мне это письмо, сказал канцлер.

– Я отдам его только королю, сказала Анна.

– Если бы король хотел, чтобы оно отдано было ему, то он сам спросил бы его у вас. Но, повторяю вам, что он поручил мне просить его у вас, и если вы не отдадите его мне...

– Ну?

– То он поручил мне взять его.

– Как, что вы хотите сказать?

– Что мне разрешено отыскать подозрительную бумагу, если бы пришлось даже обеспокоить особу вашего величества.

– Какой ужас, вскричала королева.

– Так не угодно ли вам, государыня, отдать его добровольно.

– Но это низкое насилие!

– Приказание короля, извините меня.

– Я этого не позволю, нет, нет; лучше смерть! вскричала гордая королева, и кровь ее вскипела.

Канцлер низко поклонился, потом с явным намерением не отступить ни на шаг в исполнении возложенного на него поручения, он подошел к Анне Австрийской, в глазах которой показались слезы.

Королева, как мы сказали, была прекрасна. Поручение было опасное; но король до такой степени ревновал королеву к Бокингеу, что не думал уже ревновать к кому-нибудь другому.

Сегие решился на все и протянул руку к тому месту, где, по признанию королевы, находилось письмо.

Анна Австрийская, бледная как мертвец, отступила на один шаг назад и, опираясь левою рукой на стоявший за ней стол, чтобы не упасть; она вынула правою рукой письмо из-за корсажа и протянула его канцлеру.

– Возьмите, вот письмо, сказала она дрожащим голосом, возьмите его и освободите меня от вашего ненавистного присутствия.

Канцлер, дрожавший от волнения, взял письмо, поклонился до земли и вышел.

Едва только дверь за ним затворилась, как королева, почти без чувств, упала на руки своих дам.

Канцлер отнес письмо королю, не прочитав ни одного слова. Король взял его дрожащею рукой, и искал адреса; но его не было; он побледнел, медленно открыл его, потом, увидя из первых слов, что оно было писано к Испанскому королю, быстро прочитал.

В нем был целый план атаки на кардинала. Королева просила брата своего и императора Австрийского, недовольных политикой Ришельё, главною мыслию которого было унижение Австрийского дома, объявить войну Франции и условием мира поставить удаление кардинала; но о любви во всем письме не было ни слова.

Обрадованный король спросил, ушел ли кардинал из Лувра. Ему сказали, что он в рабочем кабинете ожидает приказания его величества.

Король тотчас пошел к нему.

– Герцог, сказал он, вы правы, я ошибся; вся эта интрига политическая и в письме нет ни слова о любви, а зато есть много о вас. Вот оно.

Кардинал взял письмо и прочитал его с величайшим вниманием; окончив, он еще раз прочитал его.

– Вот, ваше величество, сказал он, вы видите, до чего дошли мои враги: вам угрожают двумя войнами, если вы меня не удалите. На вашем месте, государь, я уступил бы таким настойчивым требованиям, и я с своей стороны с истинным удовольствием удалился бы от дел.

– Что вы там говорите, герцог?

– Я говорю, государь, что я теряю здоровье в этой постоянной борьбе и в вечной работе. Я говорю, что, по всей вероятности, я не перенесу трудов осады ла-Рошели, и что лучше бы было, если бы вы назначили туда или Конде, или Бассомпиера, или кого-нибудь из военных, а не меня: я принадлежу церкви и меня отвлекают беспрестанно от моего призвания и заставляют заниматься такими делами, к которым я вовсе не способен. Вы были бы без меня счастливее во внутренних делах, государь, и без сомнения приобрели бы больше славы во внешних.

– Понимаю, герцог, будьте спокойны, сказал король; те, кто назван в этом письме, будут наказаны, как они заслуживают того, и сама королева также.

– Что вы говорите, государь? Сохрани Бог, если из-за меня королева будет иметь хотя малейшую неприятность! она всегда считала меня своим врагом, государь, хотя ваше величество можете засвидетельствовать, что я всегда горячо принимал ее сторону, даже против вас. Вот если б она изменила вашему величеству в отношении чести, это другое дело, тогда я первый сказал бы: «Не жалеете, государь, не жалеете виновную!» К счастью, этого нет и ваше величество получили новое доказательство этого.

– Это справедливо, кардинал, сказал король, вы были правы как всегда; но королева все-таки заслуживает полного гнева моего.

– Вы сами, государь, подверглись ее гневу, и если бы она серьезно побранила ваше величество, я не удивился бы: ваше величество строго с ней поступили.

– Так я всегда буду поступать с моими врагами и с вашими, герцог, как бы они высоко ни стояли и какой бы опасности я не подвергался, действуя с ними строго.

– Королева мой враг, но не ваш, государь; напротив она преданная, покорная и безукоризненная супруга; позвольте же мне, государь, заступиться за нее перед вашим величеством.

– Ну, пусть она первая сделает шаг к примирению.

– Напротив, государь, вы дайте пример; Вы первые были не правы, потому что подозревали королеву.

– Мне первому начать! сказал король, – никогда!

– Государь, умоляю вас.

– Да и как же я начну первый?

– Сделайте то, что наверное было бы ей приятно.

– Что?

– Дайте бал; вы знаете, как королева любит танцы; я отвечаю вам, что гнев ее пройдет, если вы покажете такое внимание.

– Кардинал, вы знаете, как я не люблю все светские удовольствия.

– Тем больше королева будет вам за это признательна, потому что ей известно нерасположение ваше к этому удовольствию; притом это будет для нее случай надеть те прекрасные бриллианты, которые вы подарили ей когда-то в день ее ангела, и которых она еще ни разу не надевала.

– Увидим, кардинал, увидим, сказал король, который на радости, что королева оказалась виновною в преступлении, мало его занимавшем, и невиновною в том, которого он очень боялся, совершенно готов был помириться с ней. – Увидим, но, право, вы слишком снисходительны.

– Государь, сказал кардинал, предоставьте строгость министрам, снисхождение есть добродетель королей, окажите его и вы увидите, что не будете жалеть об этом.

Затем кардинал, услышав, что било одиннадцать часов, низко поклонился, прося у короля позволения уйти и умоляя его помириться с королевой.

Анна Австрийская, ожидавшая, по случаю отнятого у нее письма, каких-нибудь упреков, была очень удивлена, когда увидела на другой день, что король делает попытки к примирению с ней. Первая мысль ее была не соглашаться; гордость женщины и достоинство королевы были так глубоко оскорблены в ней, что она не могла так скоро этого забыть; но убежденная советами своих придворных дам, она показала наконец вид, что начинает забывать обиду. Король воспользовался первым признаком согласия на примирение, чтобы сказать ей, что в скором времени он предполагает дать праздник.

Праздник был такою редкостью для Анны Австрийской, что при объявлении об этом, как предсказывал кардинал, последние следы гнева исчезли, если не из сердца ее, то по крайней мере с лица. Она спросила, когда будет этот праздник; но король отвечал, что ему надо условиться об этом с кардиналом.

В самом деле, король каждый день спрашивал кардинала, когда будет назначен праздник, и каждый день кардинал под каким-нибудь предлогом откладывал назначение дня. Так прошло десять дней.

На восьмой день после описанной нами сцены кардинал получил из Лондона письмо, заключавшее в себе только следующие слова:

«Они у меня; но я не могу выехать из Лондона, потому что у меня нет денег; пришлите мне пятьсот пистолей и через четыре дня по получении их я буду в Париже».

В тот день, когда кардинал получил письмо, король обратился к нему с обыкновенным вопросом о празднике.

Ришельё начал считать по пальцам и говорить про себя:

– Она говорит, что приедет через четыре или пять дней по получении денег; надо четыре или пять дней, пока деньги дойдут, потом четыре или пять дней ей на дорогу, итого десять дней; да если принять в расчет противные ветры, несчастные случаи, женскую слабость, то всего наберется двенадцать дней.

– Ну, герцог, спросил король, сосчитали?

– Да, государь, сегодня у нас 20 сентября; городские старшины дают праздник 3 октября. Это будет чудесно, потому что не будет и вида, что вы ищите примирения с королевой.

Потом кардинал прибавил:

«Кстати, государь, не забудьте сказать ее величеству накануне этого дня, что вы желаете видеть, как идут к ней бриллиантовые наконечники, которые вы ей подарили».

Часть вторая

I. Семейство Бонасиё

Это уже во второй раз кардинал говорил с королем о бриллиантовых наконечниках. Людовик XIII был поражен этой настойчивостью и думал, что тут скрывается какая-нибудь тайна.

Уже несколько раз король чувствовал себя униженным тем, что полиция кардинала, хотя не достигшая совершенства новейшей полиции, была превосходна и знала лучше, чем он сам, все что делалось в его семействе. А потому ему хотелось узнать что-нибудь из разговора с Анной Австрийской и, возвратясь к кардиналу, сообщить ему тайну, что должно было возвысить короля в глазах его министра.

Он пошел к королеве и, по обыкновению, начал разговор угрозами окружавшим его. Анна Австрийская опустила голову, дала ему высказать все, не отвечая и ожидая, пока он кончит; но не того хотел Людовик XIII, убежденный, что кардинал имел заднюю мысль и готовил ему ужасный сюрприз, как он умел это делать. Людовик XIII хотел иметь с ней разговор, который объяснил бы ему сколько-нибудь это дело. Продолжая настойчиво разговор, он достиг своей цели.

Анна Австрийская, утомлена пустыми нападками, сказала: государь, вы говорите мне не все что у вас на сердце. Что же я сделала? какое преступление? Не может быть, чтобы ваше величество подняли этот шум из-за письма, написанного моему брату.

Король, пораженный в свою очередь этими словами, не знал, что отвечать, и ему пришло на мысль сказать теперь о том, о чем он не должен бы был говорить раньше как накануне праздника. Он сказал ей с величием:

– Скоро будет бал в ратуше; я слышал, что, желая сделать честь нашим почтенным старшинам, вы явитесь там в парадном платье, и главное, с бриллиантовыми наконечниками, которые я подарил вам в именины.

Вот мой ответ.

Ответ был ужасен. Анна Австрийская думала, что Людовик XIII знал все и что только по настоянию кардинала скрывал это семь или восемь дней, хотя скрытность была в его характере. Она очень побледнела, оперлась на столик чудно красивою рукой, походившей в эту минуту на восковую, испуганными глазами смотрела на короля и не говорила ни слова.

– Понимаете? сказал король, наслаждавшийся ее полным недоумением, которого причины он не понимал.

– Да, государь, понимаю, прошептала королева.

– Вы будете на этом бале?

– Да.

– С наконечниками?

– Да.

Бледность королевы увеличилась, если только это было возможно; король заметил это и наслаждался ею с той холодной жестокостью, которая была самой дурной чертой его характера.

– Итак, это решено, сказал король. – Вот все, что хотел вам сказать.

– А в какой день будет этот бал? спросила Анна Австрийская.

И Людовик XIII бессознательно чувствовал, что не должен отвечать на этот вопрос, потому что королева произнесла его почти умирающим голосом.

– Очень скоро, сказал он, но я не помню хорошенько которого числа, я спрошу у кардинала.

– Так это кардинал уведомил вас об этом празднике? вскричала королева.

– Да, отвечал удивленный король. – Но к чему вы об этом спрашиваете?

– Это он советовал вам предложить мне быть с наконечниками?

– То есть...

– Это он, государь, это он!

– Хорошо, не все ли равно, – он, или я? Разве в этом приглашении есть что-нибудь преступное?

– Нет, государь.

– Так вы будете?

– Да, государь.

– Хорошо, сказал король, уходя; – хорошо, я буду надеяться.

Королева сделала реверанс, не столько из вежливости, сколько потому, что колена подгибались под ней.

Король ушел очень довольный.

– Я погибла, шептала королева, – я погибла, потому что кардинал знает все и подстрекает короля, который еще ничего не знает, но скоро также узнает все. Я погибла! Боже мой! – Она встала на колени на подушку и молилась, поддерживая голову дрожащими руками.

Действительно ее положение было ужасно. Бокингем уехал в Лондон, г-жа де-Шеврёз была в Туре. Окруженная надзором сильнее, чем когда-нибудь, королева чувствовала, что одна из ее женщин изменяла ей, но не знала, которая.

Ла-Порт не мог оставить Лувра; у нее не было ни одной души, которой бы она могла довериться.

Итак, видя угрожавшее несчастье и чувствуя себя всеми оставленною, она начала рыдать.

– Не могу ли я чем помочь вашему величеству, сказал вдруг голос, полный приятности и участия.

Королева быстро обернулась, потому что по выражению голоса нельзя было не узнать в нем голоса друга.

И точно, в одной из дверей комнаты королевы показалась хорошенькая г-жа Бонасиё: она убирала в кабинете платье и белье в то время, когда вошел король; ей нельзя было выйти, и потому она слышала все.

Королева пронзительно вскрикнула, увидев, что к ней так неожиданно вошли, потому что будучи встревожена, она не вдруг узнала женщину, данную ла-Портом.

– Не бойтесь ничего, государыня, сказала Бонасиё, выражая жестами и слезами участие в тоске королевы; я предана вашему величеству телом и душой, и как ни велико расстояние между нами, как ни мало я здесь значу, я, кажется, нашла средство выручить ваше величество из беды.

– Вы! о, небо! вскричала королева. – Посмотрите-ка на меня хорошенько; все изменяют мне. Могу ли я вам довериться?

– О, государыня, вскричала женщина, падая на колени, клянусь вам, что я готова умереть за ваше величество.

Это восклицание было сделано из глубины души и потому в справедливости его нельзя было сомневаться.

– Да, продолжала Бонасиё, – здесь есть изменники, но клянусь вам именем Пресвятой Богородицы, что никто не предан вашему величеству так, как я, Эти наконечники, которые король желает на вас видеть, отданы вами герцогу Бокингеми, не так ли? Они были уложены в шкатулке розового дерева, если я не ошибаюсь? Не так ли это было?

– О, Боже мой, Боже мой, шептала королева, и зубы ее скрежетали от ужаса.

– Да, продолжала Бонасиё, – эти наконечники нужно достать.

– Без сомнения нужно, сказала королева; – но что сделать, чтобы достигнуть этого?

- Нужно послать кого-нибудь к герцогу.
- Но кого?... кого?... кому я могу довериться?
- Доверьте мне, государыня; сделайте мне эту честь, королева, и я найду, кого послать.
- Но нужно будет писать?
- Это необходимо. Два слова руки вашего величества и ваша печать.
- По в этих двух словах будет мое осуждение, развод, изгнание?
- Да, если они попадут в бесчестные руки.

Но я ручаюсь вам, что эти два слова будут доставлены по адресу.

– О, Боже мой! так я должна вручить вам мою жизнь, честь и доброе имя!

– Да, должны, государыня, и я спасу все это!

– Но, по крайней мере, скажите мне, как?

– Мой муж выпущен два или три дня тому назад и мне еще некогда было с ним пови-
даться. Он достойный и честный человек и не имеет ни к кому ни любви, ни ненависти. Он
сделает все, что я захочу: он поедет по моему приказанию, не зная, что он везет и отдаст письмо
вашего величества, не зная даже, что оно ваше, по адресу, который вы дадите.

Королева взяла госпожу Бонасиё за обе руки с страстным восторгом, смотрела на нее,
как будто желая проникнуть в глубину ее души и, не увидев ничего, кроме искренности, в ее
прекрасных глазах, нежно обняла ее и сказала:

– Сделай это и ты спасешь мне жизнь, спасешь мне честь.

– О, не увеличивайте услуги, которую я буду иметь счастье вам оказать; мне нечего спа-
сать и вашему величеству, потому что вы жертва вероломных заговоров.

– Это правда, дитя мое, сказала королева.

– Пожалуйте же мне письмо, государыня, время не терпит.

Королева побежала к столику, на котором были чернила, бумага и перья, написала две
строчки, запечатала письмо своею печатью и отдала его г-же Бонасиё.

– Да, сказала королева, мы забыли о самой необходимой вещи.

– О какой?

– О деньгах.

Бонасиё покраснела.

– Да, это правда, сказала она, и я должна признаться вашему величеству, что у моего
мужа...

– Что у твоего мужа их нет, хочешь ты сказать?

– Нет, у него есть деньги, но он очень скуп. Это его недостаток. Впрочем, не беспокойтесь,
ваше величество, мы найдем средство...

– Дело в том, что и у меня их нет, сказала королева (кто читал записки госпожи Мотте-
виль, тот не удивится этому ответу); но подожди.

Анна Австрийская побежала к своей шкатулке с драгоценностями.

– Постой, сказала она, вот перстень, как уверяют, высокой цены; он достался мне от брата
моего, короля испанского; он мой и я могу им располагать. Возьми этот перстень, обрати его
в деньги и пусть твой муж едет.

– Через час все будет исполнено.

– Ты видишь адрес, прибавила королева так тихо, что едва можно было расслышать:
милорду герцогу Бокингему, в Лондоне.

– Письмо будет доставлено ему лично.

– Великодушное дитя! сказала Анна Австрийская.

Бонасиё поцеловала руки королевы, спрятала письмо за пазуху и исчезла с легкостью
птицы.

Через десять минут она была уже дома. Как она сказала королеве, она не успела еще
видеться с мужем после его освобождения и потому она не знала о перемене, которая в нем

произошла в отношении к кардиналу. Эту перемену утвердили в нем два или три визита графа Рошфора, сделавшегося лучшим его другом. Граф уверил его без большого труда, что в похищении его жены не было ничего преступного и что это была только политическая предосторожность.

Она нашла Бонасиё одного: бедняжка с большим трудом приводил в порядок все в доме, где он нашел мебель почти изломанную и шкафы почти пустые, так как правосудие не из числа тех трех вещей, которые, по словам Соломона, не оставляют после себя следов. Служанка его убежала тотчас по арестовании своего хозяина. На бедную девушку напал такой страх, что она ушла пешком из Парижа в Бургон, свою родину.

Как только достойный торговец возвратился домой, то уведомил жену о счастливом своем возвращении; она поздравила его и отвечала, что первую свободную от занятий минуту она посвятит свиданию с ним.

Пять дней он дожидался этой свободной минуты; в других обстоятельствах это показалось бы Бонасиё очень долго; но свидание с кардиналом и дружба Рошфора дали ему множество предметов для размышлений, и известно, что ничто не сокращает так времени как размышления.

Тем более, что размышления Бонасиё представляли ему все в розовом свете. Рошфор называл его другом, любезным Бонасиё, и беспрестанно твердил ему, что кардинал его очень уважает. Торговец видел себя уже на пути почестей и счастья.

Жена Бонасиё также рассуждала; но, надо сказать, вовсе не о честолубии; невольно мысли ее беспрестанно обращались к прекрасному молодому человеку, очень молодцеватому и, казалось, очень влюбленному. Вышедши 18-ти лет замуж за Бонасиё, она жила постоянно в кругу друзей своего мужа, мало способных возбуждать какое-нибудь чувство в женщине, которой сердце было более возвышенно чем обыкновенно бывает в этом звании, и потому она оставалась нечувствительною к пошлым любезностям. Но особенно в это время звание дворянина имело большое влияние на сословие мещан, а д'Артаньян был дворянин; кроме того он носил гвардейский мундир, который, после мушкетерского, больше всех нравился дамам. Он был, как мы сказали, красив, молод, смел, он говорил о любви, как человек, который любит и жаждет любви; а этого слишком достаточно, чтобы вскружить голову женщине 23-х лет, какою была в это время Бонасиё.

Хотя супруги не виделись восемь дней и в эту неделю с каждым из них случились важные происшествия, но они встретились с каким-то предубеждением; впрочем Бонасиё обнаружил истинную радость и встретил жену с открытыми объятиями.

Она подставила ему лоб.

– Поговорим немножко, сказала она.

– Как? спросил удивленный Бонасиё.

– Да, мне нужно поговорить с вами о весьма важном деле.

– Да и мне нужно сделать вам несколько довольно серьезных вопросов. Объясните мне пожалуйста сколько-нибудь историю вашего похищения.

– Теперь совсем не о том речь, сказала Бонасиё.

– А о чем же? о моем заключении?

– Я узнала о нем в тот же день; но как вы не были виноваты ни в чем, даже ни в какой интриге, и как ни вы, ни кто другой не знали, за что вы были арестованы, то я не придавала этому происшествию больше важности чем оно заслуживало.

– Вы об этом очень легко говорите, возразил Бонасиё, оскорбленный недостатком участия к себе жены; знаете ли, что я на сутки был заключен в Бастилию?

– Сутки прошли скоро, и потому не будем говорить о вашем заключении, а обратимся к тому, что привело меня сюда.

– Как? что привело вас ко мне! Разве это не желание увидиться с мужем, с которым вы были разлучены восемь дней? спросил торговец, задетый за живое.

– Во-первых, оно, а потом другое дело.

– Говорите!

– Дело величайшей важности, от которого, может быть, зависит наше будущее счастье.

– Наше счастье очень переменялось с тех пор, как я вас видел, и я не удивляюсь, если через несколько месяцев многие будут нам завидовать.

– Да, особенно если вы последуете наставлениям, которые я вам дам.

– Мне?

– Да, вам. Нужно сделать доброе и святое дело и в то же время выиграть много денег.

Бонасиё знала, что, говоря мужу о деньгах, она задевала его слабую струну.

Но человек, хотя бы это был торговец, поговорив десять минут с кардиналом Ришельё, делался совсем другим человеком.

– Выиграть много денег? сказал Бонасиё с легкой улыбкой.

– Да, много.

– А сколько, около?

– Может быть, тысячу пистолей.

– По этому делу, о котором вы хотите со мной говорить, очень важно?

– Да.

– Что же нужно сделать?

– Вы поедете тотчас; я дам вам бумагу, которую вы ни под каким предлогом не выпустите из рук и отдадите по адресу в собственные руки.

– А куда я поеду?

– В Лондон.

– Я, в Лондон! Да вы шутите; мне нечего делать в Лондоне.

– Но другим нужно чтобы вы туда ехали.

– Кто эти другие? Я предупреждаю вас, что я ничего больше не буду делать наобум и что я хочу знать, не только чем, но и для кого я рискую.

– Знатная особа посылает вас и знатная особа вас ожидает; вознаграждение превзойдет ваши желания; вот все что я могу вам обещать.

– Опять интрига! все интриги! Благодарю, теперь я им не верю, и кардинал вразумил меня насчет их.

– Кардинал! вскричала Бонасиё. – Вы видели кардинала?

– Он позвал меня, отвечал гордо торговец.

– И вы были так неблагоразумны, что пошли по его приглашению.

– Я должен сказать вам, что не от меня зависело пойти или не пойти, потому что меня вели два солдата. Правду сказать, что как я тогда не знал кардинала, то был бы очень рад, если бы мог отделаться от этого визита.

– Что же, он бранил вас, делал вам угрозы?

– Он протянул мне руку и назвал меня своим другом, – своим другом, слышите ли, сударыня? Я друг великого кардинала!

– Великого кардинала!

– Не откажете ли вы ему в этом прозвании?

– Я не отказываю ему ни в чем, но скажу вам, что благосклонность министра непрочна, и что нужно быть безумным, чтобы привязаться к министру. Есть власти выше его, которые не зависят от каприза человека или от исхода какого-нибудь происшествия; к этим-то властям нужно привязываться.

– Очень жаль, что я не знаю другой власти кроме власти великого человека, которому я имею честь служить.

– Вы служите кардиналу?

– Да, сударыня, и как слуга его, я не позволю, чтобы вы увлекли меня в заговор против безопасности государства, и чтобы вы служили интригам женщины, у которой не французское, а испанское сердце. К счастью, бдительный взор великого кардинала наблюдает за всем и проникает в глубину сердец.

Бонасиё повторил слово в слово фразу, сказанную графом Рошфором; но бедная женщина, рассчитывавшая на своего мужа и в этой надежде отвечавшая за него королеве, пришла от этих слов в ужас как при виде опасности, в которую она попала, так и бессилия своего. Впрочем, зная слабость и особенно жадность своего мужа, она не отчаивалась добиться того что ей было нужно.

– А! вы кардиналист! вскричала она; вы служите партии тех, кто обижает вашу жену и оскорбляет вашу королеву.

– Частные интересы ничего не значат пред общественными. Я за тех, кто спасает государство, сказал с важностью Бонасиё.

Это было другое выражение графа Рошфора, которое он запомнил, и воспользовался случаем вставить в разговор.

– А знаете ли вы, что такое государство, о котором говорите? сказала Бонасиё, подымая плечи. Довольствуйтесь лучше званием мещанина без всякой хитрости и обратитесь в ту сторону, которая представляет вам больше выгод.

– А что вы скажете об этом, госпожа проповедница? сказал Бонасиё, ударяя по мешку, туго набитому серебром.

– Откуда эти деньги?

– Вы не угадываете?

– От кардинала?

– От него и от друга моего, графа Рошфора.

– От графа Рошфора, который меня похитил?

– Может быть.

– И вы принимаете деньги от этого человека!

– Ведь вы сказали мне, что это похищение чисто политическое?

– Да, но оно имело целью заставить меня изменить моей госпоже, вынудить из меня муками признания, которые могли подвергнуть опасности честь, а может быть, и жизнь августейшей госпожи моей.

– Ваша августейшая госпожа, возразил Бонасиё, изменница-испанка, и то что сделал кардинал хорошо сделано.

– Я знала, что вы трус, скряга и глупец; но не знала, что вы низкий человек!

Бонасиё, никогда не выдавший свою жену рассерженною, и уступая супружескому гневу, сказал: что вы говорите?

– Я говорю, что вы подлец! продолжала Бонасиё, замечая, что она снова приобретала влияние на мужа. – А, вы занимаетесь политикой и притом кардинальской! А, вы продаете себя душой и телом за деньги демону!

– Нет, кардиналу.

– Кардинал и сатана это все равно.

– Молчите, молчите, нас могут услышать.

– Да, вы правы, и мне стыдно будет за вашу низость.

– Но чего же вы от меня хотите?

– Я сказала вам чтобы вы ехали тотчас же, чтобы вы исполнили добросовестно поручение, которого я вас устаиваю, и с этим условием, я забываю все, прощаю вас, и еще больше, возвращаю вам мою дружбу (при этих словах она протянула ему руку).

Бонасиё был трус и скряга, но он любил жену; поэтому он тронулся. Мужчина пятидесяти лет не может долго сердиться на женщину двадцати трех лет. Жена это заметила, что он колеблется и сказала:

– Что же, вы решились?

– Но подумайте немножко, любезный друг, о том чего вы от меня требуете. Лондон далеко от Парижа, очень далеко, может быть поручение, которое вы мне делаете, не безопасно.

– Это ничего не значит, если вы избежите опасностей.

– Постойте, постойте, я решительно отказываюсь, я боюсь интриг. Я видел Бастилию. Бруу! Это ужасно, Бастилию! На меня нападает страх при одной мысли о ней. Мне угрожали пытками. Знаете ли вы, что такое пытки? Деревянные клинья, которые вбивают между колен, пока не треснут кости! Нет, я решительно не еду, наконец, почему вы сами не едете туда? Право, я, кажется, ошибался до сих пор насчет вас; я думал, что вы мужчина, и притом из самых отчаянных.

– А вы баба, жалкая, глупая и низкая баба! А, вы боитесь; хорошо, если вы не поедете сейчас же, я велю арестовать вас по приказанию королевы и посадить вас в Бастилию, которой вы так боитесь.

Бонасиё впал в глубокую задумчивость; он взвесил мысленно силу гнева обеих сторон, кардинала и королевы, – гнев кардинала оказался значительно тяжелее.

– Велите арестовать меня именем королевы, сказал он, – а я объявлю, что я из партии кардинала.

Вдруг г-жа Бонасиё заметила, что она зашла слишком далеко и испугалась. Она с ужасом посмотрела на это глупое лицо с непоколебимым убеждением, как лицо испуганного глупца.

– Хорошо, пусть будет так, сказала она. – Может быть вы и правы: мужчины больше понимают в политике чем женщины, а особенно вы, так как вы говорили с кардиналом. Впрочем это жестоко, что мой муж, на любовь которого я, кажется, могла рассчитывать, обращается со мной так нелюбезно и не хочет исполнить моей прихоти.

– Это потому, что ваши прихоти могут завести очень далеко, возразил торжествующий Бонасиё, и я им не доверяю.

– Хорошо, я откажусь от них, сказала жена его, вздыхая; – не будем больше говорить о них.

– Если бы, по крайней мере, вы сказали мне, что я буду делать в Лондоне, сказал Бонасиё, вспомнив, хотя немножко поздно, что Рошфор советовал ему стараться узнать секреты жены.

– Бесполезно знать вам об этом, сказала она, отступая с безотчетною недоверчивостью от предмета разговора; – дело шло о безделье, которых обыкновенно желают женщины, о покупке, при которой можно было много выиграть.

Но чем больше она остерегалась, тем больше он думал, что тайна, которой она не хотела ему открыть, важна. И потому он решился сейчас же сбежать к графу Рошфору и сказать, что королева ищет человека, чтобы послать в Лондон.

– Извините, если я вас оставлю, любезная госпожа Бонасиё, сказал он; – не зная, что вы придете, я назначил свидание одному из моих друзей; я приду чрез минуту, и если вы хотите подождать меня полминуты, я только что покончу с этим другом, возвращусь и, как теперь уже довольно поздно, то провожу вас в Лувр.

– Благодарю, отвечала Бонасиё; – вы не так храбры, чтобы могли быть мне сколько-нибудь полезным; я возвращусь в Лувр очень хорошо и одна.

– Как вам угодно. Скоро вы опять ко мне придете?

– Без сомнения: я надеюсь, что на будущей неделе у меня будет свободное время от службы, и я воспользуюсь им, чтобы побывать у вас и привести в порядок наши дела, которые, кажется, немножко расстроены.

– Хорошо, я буду ждать. Вы не сердитесь на меня?

– Я? Нисколько!

– Так до свидания.

– До свидания.

Бонасиё поцеловал руку своей жены и быстро удалился.

Когда муж ее ушел, г-жа Бонасиё, оставшись одна, подумала: только и не доставало этому дураку, чтобы сделаться кардиналистом! А я отвечала за него королеве, обещала несчастной госпоже моей – О, Боже мой, Боже мой! она примет меня за одну из тех жалких женщин, которыми наполнен дворец, чтобы присматривать за ней! А! Бонасиё, я никогда не любила вас очень, а теперь хуже: я вас ненавижу, и даю слово, что за это вы мне заплатите.

В эту минуту удар в потолок заставил ее поднять голову, и чей го голос сказал ей:

– Любезная госпожа Бонасиё, отворите мне дверь в коридор, я сойду к вам.

II. Любовник и муж

– А! госпожа Бонасиё, позвольте мне сказать вам, что у вас несносный муж, сказал д'Артаньян, входя в дверь, которую она ему отворила.

– Так вы слышали наш разговор? живо спросила Бонасиё, смотря с беспокойством на д'Артаньяна.

– Весь.

– Как же это, Боже мой?

– Известным мне способом, которым я слышал уже и прежде разговор ваш с сбирами кардинала.

– Что же вы поняли из того, что мы говорили?

– Многое: во-первых, что ваш муж, к счастью, прост и глуп; потом, что вы находитесь в затруднении, чему я очень рад, потому что это дает мне случай предложить себя к вашим услугам, а кто знает, может быть, я готов броситься в огонь для вас; наконец, королеве нужно, чтобы храбрый, умный и преданный человек сделал поездку в Лондон. Я имею по крайней мере два из этих качеств, и вот я к услугам.

Бонасиё не отвечала; но сердце ее билось радостно, и в глазах ее блистала тайная надежда.

– А чем вы меня обеспечите, спросила она, – если я соглашусь доверить вам это поручение?

– Любовью моей к вам; говорите, приказывайте, что нужно делать?

– Боже мой, Боже мой, шептала она, – должна ли я вам доверить такую тайну? Вы чуть не дитя!

– А! я вижу, что вам нужно чтобы кто-нибудь поручился за меня.

– Признаюсь, это много успокоило бы меня.

– Вы знаете Атоса?

– Нет.

– Портоса?

– Нет.

– Арамиса?

– Нет. Кто эти господа?

– Королевские мушкетеры. Знаете ли вы капитана их, де-Тревилья?

– О! этого я знаю, но не лично, а потому, что много раз слышала у королевы, что о нем говорили как о храбром и честном дворянине.

– Вы не боитесь, что он изменит вам для кардинала; не так ли?

– О, верно, нет.

– Хорошо, откройте ему вашу тайну и спросите его, можно ли мне доверить ее, как бы важна, драгоценна и ужасна она ни была?

– Но это не моя тайна, и я не могу так открыть ее.

– Вы хотели доверить ее Бонасиё, с отчаянием сказал д'Артаньян.

– Как доверяют письмо дуплу дерева, крылу голубя или ошейнику собаки.

– А впрочем, вы видите, что я вас люблю.

– Вы говорите, что любите.

– Я честный человек!

– Я верю.

– Я храбр.

– О, в этом я уверена!

– Если так, то испытайте меня.

Бонасиё посмотрела на молодого человека, все еще не решаясь. Но в его глазах было столько огня, в голосе такая уверенность, что она не могла противостоять увлечению довериться ему. Впрочем, она была в таких обстоятельствах, когда нужно бывает рисковать всем и на все. Королева погибла бы также от чрезмерной осторожности, как и от слишком большого доверия. Притом надо признаться, что невольное чувство расположения к этому молодому покровителю придало ей решимость высказаться.

– Послушайте, сказала она: – я соглашаюсь с вашими убеждениями и уступаю уверениям вашим. Но клянусь вам Богом, что если вы мне измените, и враги мои простят меня, то я убью себя и обвиню вас в моей смерти.

– А я, клянусь вам Богом, сказал д'Артаньян, – что если я буду схвачен во время исполнения приказаний, которые вы мне дадите, то я умру, прежде чем сделаю или скажу что-нибудь могущее вредить чьей-нибудь чести.

Тогда она доверила ему ужасную тайну, часть которой он узнал случайно прежде перед Самаритянской церковью.

Это было их взаимное объяснение в любви. Д'Артаньян сиял радостью и гордостью. Тайна, которою он обладал, женщина, которую он любил, доверенность и любовь – делали его исполином.

– Я еду сейчас же, сказал он.

– Как, вы едете! сказала Бонасиё, – а ваш полк, а капитан?

– Клянусь, вы заставили меня забыть обо всем этом, любезная Констанция; да, вы правы, мне нужен отпуск.

– Еще препятствие, шептала Бонасиё.

– О, не беспокойтесь, я его одолею, сказал после минутного молчания д'Артаньян.

– Как это?

– Я пойду сегодня вечером к де-Тревиллю и поручу ему выпросить для меня эту милость у зятя его Дезессара.

– Теперь о другом деле.

– О каком? спросил д'Артаньян, – видя что Бонасиё затруднялась высказаться.

– Может быть, у вас нет денег?

– «Может быть» лишнее, сказал д'Артаньян, улыбаясь.

– Так возьмите этот мешок, сказала Бонасиё, – открывая шкаф, и вынимая оттуда мешок, который полчаса назад так любезно ласкал ее муж.

– Мешок кардинала! сказал с хохотом д'Артаньян, который, подняв половицы пола, не проронил ни слова из разговора торговца с его женой.

– Да, мешок кардинала, отвечала Бонасиё: – Видите, что он имеет почтенную наружность.

– Право, вдвое веселее спасти королеву за деньги кардинала.

– Вы любезный и милый молодой человек, сказала Бонасиё; – поверьте, что королева не останется неблагодарна.

– О! я уже чрезмерно вознагражден. Я вас люблю, и вы позвольте мне сказать вам это. Чуть больше счастья, чем я мог надеяться.

– Тише! сказала Бонасиё дрожа.

– Что?

– На улице говорят.

– Это голос...

– Моего мужа. Да, я узнала его!

Д'Артаньян побежал к двери и запер ее на задвижку.

– Он не войдет, пока я не уеду, сказал он, а когда я уеду, вы отворите ему.

– Но я должна бы тоже уйти. А как же оправдать пропажу денег, если я останусь!

– Вы правы, нужно уйти.

- Как уйти? Он увидит, когда мы выйдем.
- В таком случае нужно пойти ко мне.
- Вы говорите это таким голосом, что мне делается страшно.

Бонасиё сказала эти слова со слезами на глазах.

Д'Артаньян видел эти слезы и смущенный, растроганный бросился к ее ногам и сказал:

- У меня вы будете безопасны, как в храме, даю вам в том слово дворянина.
- Пойдем, сказала она, – я доверяюсь вам, мой друг.

Д'Артаньян осторожно отодвинул задвижку, и оба, легкие как тени, скользнули чрез внутреннюю дверь в коридор и вошли без шума по лестнице, в комнату д'Артаньяна.

Войдя к себе, молодой человек запер для верности дверь; они подошли оба к окну и через щелку ставни увидели Бонасиё, разговаривавшего с человеком в плаще.

Увидев человека в плаще, д'Артаньян вскочил и обнажив до половины шпагу, кинулся к двери.

Это был Менгский знакомец.

- Куда вы, сказала Бонасиё, – вы погубите нас!
- Я поклялся убить этого человека, сказал д'Артаньян.
- Ваша жизнь теперь не принадлежит вам. Именем королевы запрещаю вам подвергаться опасности кроме опасности путешествия.
- А своим именем вы ничего не приказываете?
- Своим именем я прошу вас об этом, сказала Бонасиё с сильным волнением. Но послушаем; кажется, говорят обо мне.

Д'Артаньян приблизился к окну и приставил ухо.

Бонасиё отворил дверь и увидев, что в комнате пусто, возвратился к человеку в плаще.

- Она ушла, сказал он, – она верно возвратилась в Лувр.
- Вы уверены, отвечал незнакомец, – что она не подозревала с каким намерением вы ушли?
- Уверен, отвечал Бонасиё с самодовольством; это женщина очень посредственного ума.
- Гвардейский кадет дома?
- Не думаю; как видите, ставня закрыта и в щели не видно света.
- Все равно, надо бы в этом увериться.
- Как же?
- Постучать в дверь.
- Хорошо, постучите.
- Я спрошу у его слуги.

Бонасиё вошел в свою квартиру, прошел через ту дверь, через которую только что прошли наши беглецы, дошел до дверей д'Артаньяна и постучался.

Никто не ответил. Планше на этот вечер был отпущен к Портосу. Д'Артаньян не издал никакого знака.

В ту минуту когда Бонасиё постучал пальцем в дверь, у обоих молодых людей забились сердца.

- Там никого нет, сказал Бонасиё.
- Все-таки войдем к вам; мы будем там безопаснее чем на пороге.
- Ах, Боже мой, прошептала Бонасиё, мы ничего не услышим.
- Напротив, сказал д'Артаньян, – мы услышим еще лучше.

Д'Артаньян поднял три или четыре доски, которые делали из его комнаты Дионисиево ухо, разостлал ковер на полу, встал на колени и сделал знак Бонасиё склониться к отверстию как он.

- Вы уверены, что никого нет? сказал незнакомец.
- Я отвечаю за это, сказал Бонасиё.

- И вы думаете, что ваша жена...
- Возвратилась в Лувр.
- Не говоривши ни с кем кроме вас?
- Я уверен в этом.
- Это важный вопрос, понимаете?
- Да; следовательно, новость, которую я вам сообщил, имеет значение...
- Очень большое, любезный Бонасиё, я не скрываю от вас этого.
- Так кардинал будет доволен мной.
- В этом я не сомневаюсь.
- Великий кардинал!
- Вы хорошо помните, что в разговоре с вами ваша жена не произнесла ни одного собственного имени?
- Кажется, что нет.
- Она не назвала ни г-жу де-Шеврёз, ни господина Бокингема, ни госпожу Верне?
- Нет, она говорила только, что хотела послать меня в Лондон в интересах одной знатной особы.
- Изменник! прошептала Бонасиё.
- Молчите, сказал д'Артаньян, взяв ее за руку.
- Вы сделали очень глупо, продолжал человек в плаще, что не притворились, будто берете на себя поручение; письмо было бы у вас! Государство, безопасности которого угрожают, было бы спасено, а вы...
- А я?
- А вам кардинал дал бы дворянскую грамоту.
- Он сказал вам это?
- Да, я знаю, что он хотел сделать вам этот сюрприз.
- Успокойтесь, сказал Бонасиё, – жена моя обожает меня, и время еще не ушло.
- Глупец! прошептала Бонасиё.
- Молчите, сказал д'Артаньян, сжимая крепче ее руку.
- Как, время еще не ушло? спросил человек в плаще.
- Я пойду в Лувр, спрошу госпожу Бонасиё, скажу ей, что передумал и принимаю поручение, возьму письмо и побегу к кардиналу.
- Хорошо, спешите; я возвращусь скоро, чтобы узнать об успехе вашего дела.
- Незнакомец вышел.
- Бесчестный! сказала Бонасиё, относя это прозвание к своему мужу.
- Молчите, повторил д'Артаньян, сжимая еще крепче ее руку.
- Ужасный крик прервал разговор д'Артаньяна и г-жи Бонасиё. Муж ее, заметив похищение мешка, кричал: воры! воры!
- О, Боже мой! сказала Бонасиё, – он созовет весь квартал.
- Бонасиё долго кричал; но как подобные случаи бывали нередко, и репутация дома торговца была с некоторого времени не очень хорошая, то никто не пришел на крик. Видя это, он вышел на улицу, продолжая кричать и слышно было по голосу, что он ушел по направлению к улице Бак.
- Так как он ушел, то теперь пора и вам идти, сказала Бонасиё; будьте смелы и главное благоразумны и помните, что вы принадлежите королеве.
- Ей и вам! сказал д'Артаньян. Будьте покойны, прекрасная Констанция, я буду достоин ее признательности; но буду ли я по возвращении достоин вашей любви?
- Яркий румянец на щеках был на это ответом.
- Через несколько минут д'Артаньян вышел, закутанный в большой плащ, из-под которого виднелись ножны длинной шпаги.

Бонасиё следила за ним глазами так долго, как обыкновенно следит женщина за любимым мужчиной; но как только он исчез на углу улицы, она упала на колени и сказала:

– О, Боже, спаси королеву, спаси меня!

III. План путешествия

Д'Артаньян пошел сейчас же к де-Тревилю; полагая, что кардинал через несколько минут будет извещен обо всем через проклятого незнакомца, по-видимому, его агента, д'Артаньян основательно думал, что не должен терять ни минуты.

Сердце молодого человека было переполнено радостью. Случай, представлявший ему приобретение славы и денег, с самого начала порадовал его сближением с обожаемой им женщиной, так что этот случай представлял ему большее счастья, чем он желал.

Де-Тревиль был в зале с своею обыкновенною свитой дворян. Д'Артаньян, который был в доме коротко знаком, прошел прямо в кабинет и велел сказать ему, что ожидает его по важному делу. Он пробыл там не больше пяти минут, как де-Тревиль вошел. При виде радости на лице молодого человека достойный капитан сейчас же догадался, что действительно у него была какая-нибудь новость.

Во все время дороги д'Артаньян думал, довериться ли де-Тревилю, или только просить у него открытый лист по секретному делу. Но де-Тревиль был всегда так хорош с ним, так предан королю и королеве и так искренно ненавидел кардинала, что он решился сказать ему все.

– Вы меня звали, молодой друг мой, сказал де-Тревиль.

– Да, капитан, и надеюсь, вы извините меня, что я вас потревожил, когда узнаете о каком важном деле мне нужно поговорить с вами.

– Говорите.

– Дело идет ни больше ни меньше, как о чести, а может быть, и о жизни королевы, сказал д'Артаньян, понижая голос.

– Что вы говорите? спросил де-Тревиль, осмотревшись кругом и обратив вопросительный взгляд на д'Артаньяна.

– Я говорю, что случай открыл мне тайну.

– Которую вы сохраните, молодой человек, я надеюсь, хотя бы это стоило жизни.

– Но я должен открыть ее вам, капитан, потому что вы одни можете оказать мне помощь в исполнении поручения, данного мне от ее величества.

– Это ваша тайна?

– Нет, капитан, это тайна королевы.

– Уполномочены ли вы от ее величества доверить ее мне?

– Нет, капитан, мне предписано напротив строжайше хранить эту тайну.

– Зачем же вы хотите изменить ей в отношении ко мне?

– Потому что без вас я не могу ничего сделать и потому что я боюсь, чтобы вы не отказали мне в той милости, о которой я хочу просить, если не будете знать, с какою целью я прошу.

– Сохраните вашу тайну, молодой человек, и говорите, чего вы хотите.

– Я желал бы, чтобы вы попросили для меня у господина Дезессара отпуск на пятнадцать дней.

– Когда?

– В эту же ночь.

– Вы уезжаете?

– Я еду по поручению.

– Можете ли вы сказать мне – куда?

– В Лондон.

– Имеет ли кто-нибудь интерес в том, чтобы вы не достигли своей цели?

– Я думаю, кардинал дал бы все на свете, чтобы помешать мне успеть в этом деле.

– И вы едете одни?

– Один.

– В таком случае вы не доедете в Бонди, поверьте слову де-Тревиля.

– Отчего же?

– Вас убьют.

– Я умру, исполняя свой долг.

– Но поручение ваше не будет исполнено.

– Это правда, сказал д'Артаньян.

– Поверьте мне, продолжал де-Тревиль, – что в предприятиях такого рода нужно быть четверым, чтобы приехать одному.

– Да, вы правы, капитан, сказал д'Артаньян; – но вы знаете Атоса, Портоса и Арамиса и знаете, могу ли я ими располагать.

– Не доверяя им тайны, которой я не хотел знать.

– Мы поклялись однажды навсегда в слепой доверенности и беспредельной преданности друг другу; впрочем вы можете сказать им, что вполне доверяете мне, и они не будут недоверчивее вас.

– Я могу послать каждому из них отпуск на пятнадцать дней, вот и все; Атосу, страдающему постоянно от раны, к Форжеским водам, а Портосу и Арамису для сопровождения ах друга, которого они не хотят оставить в таком болезненном положении, Выдача отпуска будет служить доказательством, что я позволил им ехать.

– Благодарю, капитан, за вашу беспредельную доброту.

– Найдите их сейчас же и чтобы все было сделано в эту же ночь. Да напишите прежде просьбу к господину Дезессару. Может быть, по следам вашим дел шпион и посещение ваше, известное в таком случае кардиналу, примет законный вид.

Д'Артаньян написал просьбу, и де-Тревиль, взяв ее из рук его, дал слово, что раньше двух часов утра четыре отпуска будут доставлены в квартиру путешественников.

– Сделайте одолжение, пошлите мой отпуск к Атосу, сказал д'Артаньян. Я боюсь иметь неприятную встречу у себя дома.

– Будьте покойны, прощайте, счастливого пути.

– Да, кстати, сказал де-Тревиль.

Д'Артаньян воротился.

– Есть ли у вас деньги?

Д'Артаньян постучал по кошельку, бывшему у него в кармане.

– Довольно? спросил де-Тревиль.

– Триста пистолей.

– Хорошо, с этим можно уехать на край света. Ступайте.

Д'Артаньян поклонился, де-Тревиль протянул руку, которую он пожал с уважением и признательностью. С самого приезда в Париж он не мог нахвалиться этим превосходным человеком, считая его всегда достойным уважения, честным и великим.

Оттуда он пошел прямо к Арамису, которого не видал с того знаменитого вечера, когда преследовал г-жу Бонасиё. Всякий раз, когда он его видал, он замечал на лице его выражение глубокой печали.

И в этот вечер Арамис сидел мрачный и задумчивый; д'Артаньян начал допрашивать его о причине этой глубокой задумчивости; Арамис сказал, что причина эта – комментарий на 18-ю главу Св. Августина, который он должен был написать по латыни к будущей неделе, и что это очень озабочивало его.

Друзья поболтали еще несколько минут, как пришел слуга де-Тревиля с запечатанным пакетом.

– Что это такое? спросил Арамис.

– Отпуск, которого вы просили, отвечал слуга.

– Я не просил отпуска.

– Молчи и бери, сказал д'Артаньян. – Вот вам пол-пистоля за ваши труды, мой друг; скажите г. де-Тревилью, что Арамис искренно благодарит его. Ступайте.

Слуга поклонился чуть не до полу и вышел.

– Что это значит? спросил Арамис.

– Возьми что тебе нужно для двухнедельного путешествия и иди за мной.

– Но мне нельзя оставить Париж теперь, не зная...

Арамис остановился.

– Что с ней случилось, не правда ли? продолжал за него д'Артаньян.

– С кем? спросил Арамис.

– С женщиной с вышитым платком, которая была здесь.

– Кто тебе сказал, что здесь была женщина? спросил Арамис, побледневший, как смерть.

– Я видел ее.

– А ты знаешь, кто она?

– По крайней мере догадываюсь.

– Послушай, сказал Арамис: – так как ты много знаешь, то не знаешь ли, что случилось с этой женщиной?

– Я думаю, что она возвратилась в Тур.

– В Тур? да, это так; ты ее знаешь. Но как же она уехала в Тур, ничего не сказавши мне?

– Она боялась, чтоб ее не арестовали.

– Почему же она не писала ко мне?

– Потому что боялась подвергнуть тебя опасности.

– Д'Артаньян, ты возвращаешь мне жизнь. Я думал, что она презирает меня и изменила мне. Я был так счастлив, когда увиделся с ней! Я и не воображал, что для меня она рискует своей свободой, а иначе зачем же ей было приезжать в Париж?

– За тем же, зачем мы сегодня едем в Англию.

– А зачем это? спросил Арамис.

– Ты это узнаешь после, Арамис, а теперь позволь мне остаться скромным, как девушка.

Арамис улыбнулся, вспомнив сказку, которую он рассказывал однажды вечером своим друзьям.

– Ну, если она уехала из Парижа и ты в этом уверен, д'Артаньян, то меня ничто здесь не удерживает; я готов следовать за тобой. Ты говоришь, что мы отправляемся?

– Теперь к Атосу и если ты хочешь идти со мной, то прошу поторопиться, потому мы и то уж много времени потеряли. Да скажи Базену...

– Базен едет с нами? спросил Арамис.

– Может быть. Во всяком случае не худо, если бы он проводил нас теперь к Атосу.

Арамис позвал Базена и приказал ему идти вместе с ними к Атосу. Потом Арамис взял плащ, шпагу и три пистолета и открыл несколько ящиков, думая найти там какие-нибудь завалявшиеся пистолы. Но когда убедился, что поиски его напрасны, то пошел за д'Артаньяном, думая о том, как это гвардейский юнкер знал, также как и он, кто была женщина, которую он у себя принимал и знал лучше его, что с ней после случилось.

Выходя, Арамис положил руку на плечо д'Артаньяна, пристально посмотрел на него и сказал:

– Ты ни с кем не говорил об этой женщине?

– Решительно ни с кем.

– Даже с Атосом и Портосом?

– Ни слова.

– Это хорошо.

Успокоившись на счет этого важного дела, Арамис продолжал путь вместе с д'Артаньяном и скоро они пришли к Атосу.

Они нашли его с отпуском в одной руке и с письмом де-Тревиля в другой.

– Не можете ли вы объяснить мне, что значит отпуск и письмо, которые я получил? спросил удивленный Атос.

«Любезный Атос! Зная, что здоровье ваше расстроено, я согласен, чтобы вы отдохнули две недели. Поезжайте на воды Форжеские, или другие, по вашему усмотрению, и выздоравливайте скорее.

Преданный вам Тревиль».

– Отпуск и письмо значат, что ты должен следовать за мной, Атос.

– К Форжеским водам?

– Туда, или куда-нибудь.

– По службе короля?

– Короля, или королевы, мы служим их Величествам.

В эту минуту вошел Портос.

– Черт знает, что за странности, сказал он, – давно ли это в роте мушкетеров дают отпуск тем, кто его не просит?

– С тех пор, сказал д'Артаньян, как у них есть друзья, которые за них просят.

– А, сказал Портос, – тут, кажется, есть что-то новое.

– Да, мы едем, сказал Арамис.

– Куда? спросил Портос.

– Право, я об этом не знаю, сказал Атос, – спроси у д'Артаньяна.

– В Лондон, господа, сказал д'Артаньян.

– В Лондон? спросил Портос. – А что мы будем делать в Лондоне?

– Этого я не могу сказать вам, господа, вы должны довериться мне.

– Но чтобы ехать в Лондон, нужны деньги, прибавил Портос, а у меня их нет.

– И у меня нет, сказал Арамис.

– И у меня нет, сказал Атос.

– У меня есть, сказал д'Артаньян, вынимал из кармана свое богатство и кладя его на стол. – В этом кошельке триста пистолей: возьмем каждый по 75 – этого довольно, чтобы съездить в Лондон и обратно. Впрочем, успокойтесь, мы не все приедем в Лондон.

– Отчего?

– Потому что, по всей вероятности, некоторые из нас останутся на дороге.

– Разве мы идем на войну?

– И на самую опасную, предупреждаю вас.

– Вот что! а так как мы рискуем быть убитыми, сказал Портос, – то я по крайней мере желал бы знать, за что.

– Ты от этого ничего не выиграешь! сказал Атос.

– Впрочем, сказал Арамис, – я мнения Портоса.

– Дает ли вам отчет король в своих приказаниях? Нет, он вам просто говорит: господа, в Гасковии или во Фландрии война, идите туда сражаться, – и вы идете. За что? Об этом вы даже и не беспокоитесь?

– Д'Артаньян прав, сказал Атос: – мы все трое получили отпуск от Тревиля и триста пистолей Бог знает откуда. Пойдем на смерть туда, куда велят. Стоит ли жизнь того, чтобы делать столько вопросов? Д'Артаньян, я готов следовать за тобой.

– И я тоже, сказал Портос.

– И я, сказал Арамис, – тем больше, что мне не жаль оставить Париж, мне нужно развлечение.

– Не беспокойтесь, господа, развлечения будет довольно, сказал д'Артаньян.

– А когда мы едем? спросил Атос.

– Сейчас же, отвечал д'Артаньян; нельзя терять ни минуты.

– Эй, Гримо, Планше, Мускетон, Базен! закричали молодые люди своим слугам: – вычистите нам сапоги и приведите из гостиницы лошадей!

Действительно, каждый мушкетер оставлял свою лошадь и лошадь своего слуги в гостинице, как в казарме.

Планше, Гримо, Мускетон и Базен побежали туда.

– Теперь составим план компании, сказал Портос: – куда мы поедем прежде всего?

– В Кале, сказал д'Артаньян: – это кратчайшая дорога в Лондон.

– Хорошо, сказал Портос, – вот мое мнение.

– Говори!

– Если мы поедем вчетвером, это покажется подозрительно; д'Артаньян даст каждому из нас наставление; я поеду вперед по Булонской дороге, через два часа выедет Атос по Амьенской дороге; Арамис поедет после нас по Нойонской дороге; что касается до д'Артаньяна, он поедет по какой хочет в платье Планше, а Планше поедет с нами вместо д'Артаньяна в гвардейском мундире.

– Господа, сказал Атос: – по моему мнению, не следует вмешивать в это дело лакеев: бывают случаи, что и дворяне изменяют тайне, а лакеи почти всегда продают ее.

– План Портоса мне кажется не выполнимым, сказал д'Артаньян, – потому что я сам не знаю, какие наставления дать вам. Мне поручено доставить письмо, вот и все. У меня нет и я не могу снять трех копий с этого письма, потому что оно запечатано; поэтому нужно, по моему мнению, ехать вместе. Письмо вот в этом кармане. Если меня убьют, один из вас возьмет его и поедет дальше; если его убьют, возьмет третий и так дальше; только бы один доехал, вот все, что нужно.

– Bravo, д'Артаньян! я согласен с твоим мнением, сказал Атос. Но надо быть основательным; я еду на воды, а вы меня провожаете; вместо Форжеских вод, я буду пользоваться морскими – это в моей воле. Если нас задержат, я покажу письмо Тревиля, а вы свои отпуски; если на нас нападут, мы будем защищаться; если нас будут судить, мы будем стоять горой, что не имели другого намерения, кроме того, чтобы покупаться несколько раз в море; легко управиться с каждым из четверых отдельно, но все вместе мы постоим за себя. Вооружим наших лакеев пистолетами и мушкетами; если против нас вышлют армию, примем сражение, и тот, кто останется жив, как сказал д'Артаньян, доставит письмо.

– Хорошо сказано, вскричал Арамис, – ты не часто говоришь, Атос, но когда говоришь, то напоминаешь Иоанна Златоустого. Я принимаю план Атоса, а ты, Портос?

– И я тоже, сказал Портос, если он нравится д'Артаньяну. Так как письмо у д'Артаньяна, то без сомнения он начальник экспедиции; пусть он решит, и мы исполним.

– Хорошо, сказал д'Артаньян, – я решаю, что мы принимаем план Атоса и через полчаса едем.

– Решено! закричали хором три мушкетера. И каждый, протянув руку к кошельку, взял семьдесят пять пистолей и начал приготавливаться к отъезду в назначенный час.

IV. Путешествие

В два часа утра наши четыре смельчака выехали из Парижа через Сен-Денисскую заставу. Было темно и они, неволею покоряясь влиянию ночи, молчали и везде ожидали засады.

На рассвете языки их развязались, а с появлением солнца возвратилась веселость; как накануне сражения, сердце билось, глаза выражали удовольствие; они чувствовали, что жизнь, которую предстояло, может быть, потерять, вещь вовсе не дурная.

Впрочем, вид поезда был самый воинственный: вороные лошади мушкетеров, их воинственная осанка, военная привычка ехать правильно, открывали невольно самое строгое инкогнито.

За ними ехали слуги, вооруженные с головы до ног.

Все шло хорошо до Шантильи, куда они приехали около восьми часов утра. Нужно было позавтракать. Они спешили пред гостиницей, над которой была вывеска, изображавшая св. Мартина, отдававшего половину своей одежды бедному. Слугам приказали не расседлывать лошадей и быть готовыми вскоре отправиться дальше.

Они вошли в общую залу и сели за стол.

Один дворянин, приехавший по Даммартинской дороге, сидел за этим же столом и завтракал. Он начал разговор о дожде и хорошей погоде, путешественники отвечали ему, он пил за их здоровье, они ответили ему тем же.

Но в ту минуту как Мускетон доложил, что лошади готовы, и они начали вставать из-за стола, незнакомец предложил Портосу выпить за здоровье кардинала. Портос отвечал, что с большим удовольствием, если незнакомец в свою очередь выпьет за здоровье короля. Незнакомец отвечал, что он не знает другого короля, кроме кардинала. Портос назвал его пьяницей; незнакомец обнажил шпагу.

– Ты сделал глупость, сказал Атос, – но делать нечего, теперь отступить нельзя, убей этого человека и догоняй нас, как можно скорее.

Все трое сели на лошадей и поехали полной рысью, между тем как Портос обещал заколоть своего противника по всем правилам фехтовального искусства.

– Почему этот человек привязался к Портосу, а не к кому-нибудь другому? спросил Арамис.

– Потому что Портос говорил громче всех, тот и принял его за начальника, сказал д'Артаньян.

– Я всегда говорил, что этот гасконский кадет, – колодезь мудрости, прошептал Атос.

И путешественники продолжали путь.

В Бове они остановились часа на два, как для того, чтобы дать отдых лошадям, так и для того, чтобы подождать Портоса. Но как Портос не приезжал и не прислал никакого известия, то поехали дальше. Проехав одну милю за Бове, в одном месте, где дорога шла между двумя откосами, они встретили восемь или десять человек, которые, пользуясь случаем, что мостовая была испорчена, делали вид, будто чинят ее, а сами копали ямы и делали грязные колеи.

Арамис боялся замарать сапоги в этом искусственном болоте и начал сильно бранить работников. Атос хотел удержать его, но уже было поздно. Работники начали смеяться над путешественниками и своим нахальством вывели из терпения даже хладнокровного Атоса, который наскочил на одного из них.

Тогда все они отошли к канаве и взяли оттуда по ружью; от этого вышло, что наши путешественники должны были проехать буквально под выстрелами. Арамису пуля пролетела через плечо, а Мускетону попала в мясистые части под крестцом. Впрочем, только Мускетон упал с лошади и то не потому, что был тяжело ранен, а потому, что не видал своей раны и предполагал ее опасней, чем она была.

– Это засада, сказал д'Артаньян, – не стрелять и ехать дальше.

Арамис, не смотря на рану, схватился за гриву лошади и скакал на других. Лошадь Мускетона догнала их и скакала вместе с ними без седока.

– Это у нас будет запасная лошадь, сказал Атос.

– Вместо нее я желал бы иметь лучше шляпу, сказал д'Артаньян, мою шляпу снесло пулей. Счастье, право, что письмо было не там.

– А ведь они убьют бедного Портоса, когда он поедет мимо них, сказал Арамис.

– Если бы Портос был на ногах, он теперь уж догнал бы нас, сказал Атос – Я думаю, что пьяница протрезвился.

Они скакали ещё часа два, хотя лошади так устали, что можно было опасаться, что они скоро откажутся скакать.

Путешественники ехали проселочною дорогою, надеясь, что там будет меньше беспокойства, но в Кревкёре Арамис объявил, что не может ехать дальше и действительно, нужно было много мужества, которое скрывалось под изящною его наружностью и вежливыми манерами, чтобы доехать до этого места. Как только остановились, он побледнел и нужно было поддержать его, чтоб он не упал с лошади. Его сняли с лошади у дверей трактира и оставили ему Базена, который, впрочем, в случае стычки мог скорее им помешать, чем принести пользу; а сами поехали в надежде переночевать в Амиене.

– Черт возьми, сказал Атос во время пути, из нас осталось только двое господ и двое слуг; а уж не буду так глуп, и ручаюсь, что меня не заставят ни разинуть рот, ни обнажить шпагу до Кале. Клянусь в том...

– Не клянись, сказал д'Артаньян, – поедем галопом, если только наши лошади согласятся.

Путешественники дали шпоры своим лошадям, которые уступая сильному понуждению, еще нашли силы. Приехали в Амиен в полночь и остановились в гостинице Золотой Лилии.

Содержатель гостиницы, казалось, честнейший человек в свете, принял путешественников со свечой в одной руке и с бумажным колпаком в другой. Он хотел поместить каждого из путешественников в особую превосходную комнату; по несчастию эти комнаты были на разных концах гостиницы. Д'Артаньян и Атос отказались, хозяин отвечал, что у него не было других комнат, достойных их превосходительств; но путешественники объявили, что они будут спать в одной комнате на тюфяках, положенных на полу. Хозяин не хотел было, но как они настаивали, то он должен был сделать согласно их желанию.

Только что они сделали себе постели и заперли дверь, как со двора постучался кто-то в спальню; они окликнули, и, узнав по голосу своих лакеев, отворили окно.

Точно, это были Планше и Гримо.

– Гримо одного довольно караулить лошадей, сказал Планше; а я, если господам угодно, лягу поперек их двери, тогда они могут быть уверены, что никто к ним не войдет.

– А на чем же ты ляжешь? спросил д'Артаньян.

– Вот моя постель, отвечал Планше, указывая на пук соломы.

– Хорошо, ты говоришь дело, сказал д'Артаньян; наружность хозяина не нравится мне, он слишком вежлив.

– Мне тоже, сказал Атос.

Планше влез в окно и лег поперек двери между тем как Гримо заперся в конюшне, ручаясь, что в пять часов утра он и четыре лошади будут готовы.

Ночь прошла довольно спокойно; около двух часов пробовали отворить двери, но как Планше проснулся и закричал: «кто там?», то отвечали, что ошиблись и ушли.

В четыре часа утра услышали большой шум в конюшнях, Гримо хотел разбудить конюхов, но конюхи прибили его. Когда путешественники отворили окно, то увидели, что несчастный лежал без чувств, с головой, разбитой вилами.

Планше вышел на двор и хотел оседлать лошадей, но лошади были разбиты ногами. Лошадь Мускетона скакала накануне без седока пять или шесть часов, могла бы продолжать путь, но по непонятной ошибке, ветеринарный врач, которого пригласили, кажется, для того, чтобы пустить кровь лошади хозяина, пустил ее лошади Мускетона.

Это сильно обеспокоило путешественников. Все эти происшествия могли быть делом случая, но они могли быть также плодом заговора. Атос и д'Артаньян вышли из дому, между тем как Планше пошел узнать, нельзя ли поблизости купить четырех лошадей.

У дверей стояли две оседланные свежие и сильные лошади. Это было очень кстати. Он спросил, где были хозяева этих лошадей; ему сказали, что они ночевали в гостинице и пошли расплатиться с хозяином.

Атос сошел вниз, чтобы заплатить хозяину, между тем д'Артаньян и Планше стояли у дверей, ведущих на улицу; трактирщик был в своей удаленной и низенькой комнатке и просил Атоса войти туда.

Атос вошел без опасения и подал ему два пистоля; хозяин сидел один перед своей конторкой, один из ящиков которой был полуоткрыт. Он взял деньги Атоса, повертел их в руках и вдруг закричал, что монета фальшивая и объявил, что он велит задержать его и его товарища, как делателей фальшивой монеты.

– Мошенник! сказал Атос, подходя к нему, я отрежу тебе уши.

В ту же минуту четыре человека, вооруженные с головы до ног, вышли из боковой двери и бросились на Атоса.

– Меня схватили, закричал Атос изо всей силы, – беги д'Артаньян, скорее! и выстрелил из двух пистолетов.

Д'Артаньян и Планше не ждали повторения. Они отвязали лошадей, стоявших у дверей, вскочили на них, дали им шпоры и поскакали во весь дух.

– Знаешь ли, что сделалось с Атосом? спросил д'Артаньян Планше во время пути.

– Ах, барин, сказал Планше, я видел, что от двух его выстрелов двое из них упали к его ногам, а потом видно было через стеклянную дверь, что он боролся с остальными.

– Храбрый Атос! прошептал д'Артаньян. Грустно подумать, что с ним нужно расстаться. Впрочем, может быть, в двух шагах нас ожидает то же самое. Вперед, Планше, вперед, ты славный малый!

– Я говорил вам, барин, что пикардийца узнают на деле; впрочем, здесь моя родина и это ободряет меня.

Продолжая скакать без отдыха, они прибыли в Сент-Омер. Здесь они дали издохнуть лошадям и, закусив, стоя на улице, отправились дальше.

За сто шагов до Кале, лошадь д'Артаньяна упала, и не было возможности поднять ее на ноги; кровь шла у нее из носу и глаз; оставалась лошадь Планше, но она остановилась и никак не хотела идти дальше.

К счастью, это было в ста шагах от города; они оставили лошадей на большой дороге и побежали к пристани. Планше показал своему господину дворянина, ехавшего с своим слугой не более как в пятидесяти шагах перед ними.

Они живо догнали его; казалось, он был очень занят. Сапоги его были в пыли и он спрашивал, может ли он сейчас же отправиться в Англию.

– Ничего нет легче, отвечал шкипер судна, готового к отплытию; – но сегодня утром пришло приказание не пропускать никого без особенного позволения кардинала.

– У меня оно есть, сказал дворянин, вынимая из кармана бумагу; вот оно!

– Прикажите прописать его у губернатора порта, сказал шкипер, и поедемте со мной.

– А где мне найти губернатора?

– На его даче.

– А где его дача?

- В четверти мили от города; видите, при подошве холма, черепичную крышу?
- Очень хорошо! сказал дворянин.

И он отправился со своим лакеем по дороге к даче губернатора.

Д'Артаньян и Планше следовали за ним в пятистах шагах.

За городом д'Артаньян прибавил шагу и догнал дворянина при опушке леса.

- Господин, сказал д'Артаньян, вы кажется очень спешите.

– Как нельзя больше.

– Очень жаль, сказал д'Артаньян, потому что я тоже очень спешу и хотел просить вас оказать мне маленькую услугу.

– Какую?

– Позвольте мне проехать первому.

– Невозможно, сказал дворянин, я сделал шестьдесят миль в сорок восемь часов и завтра в полдень должен быть в Лондоне.

– Мне очень прискорбно; но как я приехал первый, то я и войду первым.

– Мне очень прискорбно; но я приехал вторым, а войду первым.

– Я еду по службе короля! сказал дворянин.

– А я по своим делам! сказал д'Артаньян.

– Вы, кажется, ищете ссоры?

– А вы что думали?

– Чего же вам нужно?

– Хотите знать?

– Конечно.

– Хорошо, мне нужно позволение на выезд, которое у вас есть; у меня нет его, а оно мне нужно.

– Вы, кажется, шутите?

– Я никогда не шучу.

– Пустите меня!

– Не пущу.

– Милый молодой человек, я разможжу вам голову. Любен, подай пистолеты!

– Планше, сказал д'Артаньян, справляйся с лакеем, а я справлюсь с господином.

Планше, ободренный первой удачей, кинулся на Любена, и, как он был очень силен, то повалил его спиной на землю, и стал ему коленом на грудь.

– Делайте свое дело, барин, сказал Планше, – а я свое сделал.

Видя это, дворянин обнажил шпагу и бросился на д'Артаньяна; но он имел дело с хорошим противником. В три секунды д'Артаньян нанес ему три удара шпагой, приговаривая при каждом:

– Это за Атоса, это за Портоса, это за Арамиса.

При третьем ударе дворянин упал без чувств. Д'Артаньян думал, что он умер, или по крайней мере лишился чувств и подошел к нему, чтобы взять приказание кардинала; но в то время, как он протянул руку за ним, раненый, не выпуская из рук шпаги, нанес ему удар острием в грудь, говоря:

– Вот и тебе!

– А вот это за меня! последний и лучший! закричал взбешенный д'Артаньян, прикалывая его к земле четвертым ударом.

В этот раз дворянин закрыл глаза и лишился чувств.

Д'Артаньян видел, в который карман было положено позволение на выезд и взял его оттуда. Оно было написано на имя графа Варда.

Потом, бросив последний взгляд на красивого молодого человека, лет двадцати пяти, которого он оставил лежащим на земле, может быть, мертвым, он вздохнул о странностях

судьбы, заставляющей людей уничтожать друг друга для выгоды других, совершенно им чуждых людей, не знающих даже о их существовании.

Но он скоро был отвлечен от этих мыслей Любеном, кричавшим во все горло и просившим помощи.

Планше положил ему руку на горло и сжал его изо всех сил.

– Барин, сказал он. – пока я буду его держать так, он не будет кричать, в этом я уверен; но как только я его отпущу, он закричит снова. Я узнаю в нем Нормандца, а это преупрямый народ.

И точно, как ни было стиснуто горло Любена, он все-таки старался издавать звуки.

– Постой, сказал д'Артаньян; и взяв свой платок, засунул ему в рот.

– Теперь, сказал Планше, привяжем его к дереву.

Это было сделано как следует; потом они притащили туда же графа Варда, и как уже начинало темнеть, а привязанный и раненый были в лесу, то очевидно, что они должны были остаться там до утра.

– Теперь, сказал д'Артаньян, к губернатору!

– Но вы, кажется, ранены? спросил Планше.

– Это ничего, займемся прежде важнейшим, после подумаем о моей ране, которая впрочем, кажется, не очень опасна.

И они отправились большими шагами на дачу почтенного чиновника. Доложили о приходе графа Варда, д'Артаньян вошел.

– У вас есть позволение, подписанное кардиналом? спросил губернатор.

– Да, отвечал д'Артаньян, вот – оно.

– А, оно в порядке, и вас хорошо рекомендуют, сказал губернатор.

– Очень просто, сказал д'Артаньян, – я один из вернейших его слуг.

– Кажется, кардинал хочет помешать кому-то проехать в Англию?

– Да, какому-то д'Артаньяну, беарнскому дворянину, который выехал из Парижа с троими друзьями, в намерении проехать в Лондон.

– Вы знаете его лично? спросил губернатор.

– Кого?

– Этого д'Артаньяна.

– Как нельзя лучше.

– Опишите мне его наружность.

Д'Артаньян описал ему подробно наружность графа Варда.

– С ним есть кто-нибудь?

– Да, слуга, по имени Любен.

– За ними будут следить, и если удастся захватить их, кардинал может быть покоен, их доставят в Париж под надежным конвоем.

– Если вы это сделаете, господин губернатор, сказал д'Артаньян, то окажете кардиналу большую услугу.

– Вы увидите его, граф, по возвращении.

– Без всякого сомнения.

– Скажите ему, пожалуйста, что я верный слуга его.

– Непременно.

Обрадованный этим обещанием, губернатор прописал паспорт и отдал его д'Артаньяну.

Д'Артаньян, не теряя времени на бесполезную вежливость, откланялся, поблагодарил и вышел.

Как только вышел, он побежали вместе с Планше и, сделав большой круг, они избежали леса и вошли в город другими воротами.

Судно все еще было готово к отплытию и шкипер дожидался на пристани.

– Ну что? сказал он, увидев д'Артаньяна.
– Вот подписанный паспорт, сказал тот.
– А другой господин?
– Он не поедет сегодня, сказал д'Артаньян, – но не беспокойтесь, я заплачу за обоих.
– В таком случае поедем, сказал шкипер.
– Поедем, повторил д'Артаньян. Он вскочил с Планше в лодку и через пять минут они были на судне.

Когда они отплыли на полмили в море д'Артаньян увидел свет и услышал выстрел. Этот пушечный выстрел означал, что гавань заперта.

Пора было заняться раной; по счастью рана была действительно не очень опасна; острие шпаги встретило ребро и скользнуло по кости; кроме того рубашка прильнула сейчас же к ране, так что из нее вытекло только несколько капель крови.

Д'Артаньян был совершенно утомлен; ему постлали матрас на палубе, он бросился на него и заснул.

На рассвете другого дня он был в трех или четырех милях от берегов Англии: ветер был слаб и потому судно шло тихо.

В десять часов судно бросило якорь в Луврской гавани.

В половине одиннадцатого д'Артаньян вышел на берег Англии и сказал:

– Наконец я приехал!

Но это было еще не все: нужно было добраться до Лондона. В Англии почты были хорошо устроены.

Д'Артаньян и Планше взяли билеты, почтальон скакал впереди, и через четыре часа они прибыли к заставе столицы.

Д'Артаньян не знал Лондона и ни слова не говорил по-английски; но он написал на бумажке имя Бокингема, и поэтому каждый мог указать ему дворец герцога.

Герцог был на охоте в Виндзоре с королем.

Д'Артаньян спросил доверенного слугу герцога, сопровождавшего его во всех путешествиях и говорившего отлично по-французски и сказал ему, что приехал из Парижа по весьма важному делу, и что ему нужно сейчас же видеть герцога.

Уверенность, с которою говорил д'Артаньян убедила Патриция (это было имя министра у Министра).

Он велел оседлать двух лошадей и взялся проводить молодого гвардейца. Что касается до Планше, то его сняли с лошади совсем окоченевшего: бедняга совсем ослабел, тогда как д'Артаньян казался тверд как железо.

Они приехали в замок; король и Бокингом охотились за птицами в болотах за две или три мили от замка.

В двадцать минут они прискакали в назначенное место. Патриций тотчас узнал голос своего господина, призывавшего своего сокола.

– Как доложить герцогу? спросил Патриций.

– Молодой человек, который поссорился с ним на новом мосту против намаритинской церкви.

– Странная рекомендация!

– Вы увидите, что она не хуже всякой другой.

Патриций поскакал галопом, догнал герцога и доложил ему о посланном точно так, как ему было сказано.

Бокингом сейчас же догадался, что это д'Артаньян, и опасаясь, не случилось ли во Франции чего-нибудь особенного, он спросил только где посланный и, узнав издали гвардейский мундир, поскакал галопом прямо к д'Артаньяну.

Патриций из скромности остался в стороне.

– Не случилось ли с королевой несчастья? спросил Бокингем, – выражая всю свою любовь этими словами.

– Не думаю, впрочем, она находится в большой опасности, от которой только ваша светлость можете ее спасти.

– Я? сказал Бокингем; – как? я так счастлив, что могу быть ей чем-нибудь полезен! говорите, говорите!

– Возьмите это письмо, сказал д'Артаньян.

– Это письмо? а от кого?

– От ее величества, как я думаю.

– От ее величества! сказал Бокингем, побледнев так сильно, что д'Артаньян думал, не дурно ли ему.

Герцог сломал печать.

– Что это за дыра? сказал он, показывая д'Артаньяну то место, где письмо было проколото насквозь.

– Ах, я этого и не видал; это от шпаги графа Варда, которою он проколол мне грудь.

– Вы ранены? спросил Бокингем.

– О, нет, и сказал д'Артаньян, это только царапинка.

– О, Боже! что я прочел? Патриций останься здесь, или нет, догони короля, где бы он ни был, и скажи его величеству, что я покорнейше прошу его извинить меня, но что по весьма важному делу мне нужно быть в Лондоне, поедemте со мной, д'Артаньян!

И они отправились галопом по дороге к столице.

V. Графиня Винтер

Дорогою герцог расспрашивал д'Артаньяна обо всем, что он знал. Соображая то, что он слышал от этого молодого человека, с собственными воспоминаниями, он мог составить себе довольно верное понятие об опасности положения королевы, о чем можно было впрочем догадаться и на письма, как оно ни было кратко и неясно. Но всего больше он удивлялся тому, что кардинал, для которого очень важно было, чтоб этот молодой человек не попал в Англию, не мог задержать его на дороге. Заметив это удивление, д'Артаньян рассказал ему, какие предосторожности были приняты и как, благодаря преданности троих друзей своих, которых он оставил в разных местах по дороге окровавленными, он доехал, отделавшись ударом шпаги, прорававшим письмо королевы, за который он отплатил графу Варду такую ужасною монетою.

Слушая этот рассказ, полный простоты, герцог смотрел по временам на молодого человека, как будто удивляясь и не понимая, как столько благоразумия, храбрости и преданности соединилось в нем, тогда как по лицу ему нельзя было дать и двадцати лет.

Лошади летели как ветер, и в несколько минут они были у Лондонской заставы. Д'Артаньян думал, что, приехав в город, герцог замедлит ход своей лошади, но было не так: он продолжал путь во весь опор, не беспокоясь нимало о том, что мог опрокинуть по дороге людей, и действительно, в Сити были два или три таких случая; но Бокингом даже не оглядывался на тех, кого он опрокидывал. Д'Артаньян следовал за ним посреди криков, очень похожих на проклятия.

Въехавши на двор своего дома, Бокингом соскочил с лошади и, не беспокоясь, о том, куда она пойдет, бросил повод ей на шею и побежал к крыльцу.

Д'Артаньян сделал то же самое, беспокоясь впрочем немножко за этих благородных животных, которых достоинство он успел узнать; но он скоро утешился, увидев трех или четырех лакеев, выбежавших из кухонь и конюшен и взявших тотчас лошадей.

Герцог шел так скоро, что д'Артаньян едва поспевал за ним. Он прошел несколько таких изящных зал, о коих самые знатные вельможи Франции и понятия не имели, и прошел наконец в спальню, которая была образцом вкуса и богатства. В алькове этой комнаты была дверь, закрытая обоями; герцог отпер ее золотым ключиком, который висел у него на шее на золотой цепочке. Из скромности д'Артаньян остановился за дверью, но как только Бокингом переступил через порог и заметил, что молодой человек колеблется, то воротился и сказал ему:

– Войдите, и если вы имеете счастье бывать у ее величества, расскажите ей о том, что вы здесь увидите.

Ободренный этим приглашением, д'Артаньян вошел за герцогом, который запер за собой дверь. Это была комнатка, обитая персидскою шелковою материей с золотым шитьем, и освещенная множеством свечей. Над возвышением, в роде жертвенника, под балдахином из голубого бархата с белыми и красными перьями помещен был портрет Анны Австрийской во весь рост. Сходство было так совершенно, что д'Артаньян вскрикнул от удивления: можно было подумать, что королева сейчас заговорит.

На жертвеннике под портретом стояла шкатулка с бриллиантовыми наконечниками.

Герцог подошел к жертвеннику, преклонил колена, открыл шкатулку и, вынимая из нее большой бант из голубой ленты, усеянной бриллиантами, сказал:

– Вот эти драгоценные наконечники, с которыми я поклялся умереть. Королева дала мне их; она же берет их обратно; да будет во всем ее воля.

Потом он начал целовать один за другим эти наконечники, с которыми должен был расстаться.

Вдруг он ужасно вскрикнул.

– Что такое? спросил с беспокойством д'Артаньян, – что с вами случилось, милорд?

– То, что все пропало, отвечал Бокингем, побледнев как мертвец; – двух наконечников недостает: их только десять.

– Вы потеряли их, милорд, или думаете, что их украли у вас?

– У меня их украли, отвечал герцог, – и это дело кардинала. Посмотрите, ленты, к которым они были прикреплены, отрезаны ножницами.

– Если б я мог знать, милорд, кого вы подозреваете в этой краже... Может быть, они еще у него в руках.

– Пстойте, постойте, сказал герцог. – Только один раз я надевал эти наконечники на балу у короля, неделю назад, в Виндзоре. Графиня Винтер, с которой я был в ссоре, подходила ко мне на этом балу. Это примирение было мщение ревнивой женщины. С того дня я не видал их. Эта женщина – агент кардинала.

– Они есть во всем свете, сказал д'Артаньян.

– О, да, да, сказал Бокингем, сжимая зубы от гнева; – это страшный враг. Впрочем, когда будет этот бал?

– В будущий понедельник.

– В будущий понедельник! Еще пять дней, этого нам совершенно достаточно. Патриций! закричал герцог, отворив дверь, – Патриций!

– Позвать моего ювелира и секретаря.

Слуга вышел с быстротой и молчанием, доказывавшими, что он привык повиноваться без возражений.

Но хотя приказано было прежде позвать ювелира, секретарь пришел первый, потому что жил в замке. Когда он вошел, Бокингем сидел за столом в своей спальне и писал приказания.

– Г-н Гжаксон! сказал он, – вы отправитесь сейчас же к лорду-канцлеру и скажите, что я поручаю ему исполнить эти приказания. Я желаю, чтоб они были обнародованы тотчас.

– А если лорд-канцлер спросит меня о причинах, заставивших вашу светлость принять такую необыкновенную меру, то что прикажете отвечать?

– Что мне так угодно, и что я никому не даю отчета в своих действиях.

– Можно ли будет передать этот ответ его величеству, сказал улыбаясь секретарь, – если, может быть, его величество полюбопытствует спросить, почему ни один корабль не может выйти из гаваней Великобритании?

– Это правда, отвечал Бокингем; – в таком случае пусть он скажет королю, что я решился на войну, и что эта мера первый шаг к вражде с Францией.

Секретарь поклонился и вышел.

– Вот с этой стороны мы спокойны, сказал Бокингем, обращаясь к д'Артаньяну – Если наконечники еще не отправлены во Францию, то они не будут там прежде вас.

– Как это?

– Я наложил эмбарго на все суда, находящиеся в настоящее время в гаванях его величества, и без особенного дозволения ни одно из них не может сняться с якоря.

Д'Артаньян с удивлением смотрел на этого человека, употреблявшего для своих любовных дел неограниченную власть, которою он был облечен по доверию короля. Бокингем угадал по выражению лица его, о чем он думал, и улыбнулся.

– Да, сказал он, – Анна Австрийская настоящая моя царица; по одному ее слову я готов изменить своему отечеству и королю. Она требовала, чтоб я не посылал Рошельским протестантам пособия, которое я им обещал, и я сделал это. Я не сдержал обещания, но это ничего, зато я послушался ее приказания, и не правда ли, что я щедро вознагражден за это, потому что за это послушание я получил ее портрет!

Д'Артаньян удивлялся, на каких тонких и невидимых нитях висят иногда судьбы народов и жизнь людей.

Он был в самой глубокой задумчивости, когда вошел ювелир. Это был Ирландец, один из искуснейших мастеров, который сам признавался, что он наживал от герцога сто тысяч ливров в год.

– Господин Орельи, сказал герцог, уводя его в комнатку, – посмотрите на эти бриллиантовые наконечники и скажите, чего стоит каждый из них.

Ювелир бросил беглый взгляд на изящную отделку их, рассчитал ценность каждого бриллианта и, без всякого колебания, сказал:

– Тысячу пятьсот пистолей за штуку, милорд.

– А сколько времени нужно, чтобы сделать два таких наконечника. Видите, тут двух недостает.

– Неделю, милорд.

– Я заплачу по три тысячи пистолей, чтоб они были готовы послезавтра.

– Будут, милорд.

– Вы драгоценный человек, господин Орельи; но это еще не все: эти наконечники никому нельзя доверить; их надо сделать здесь во дворце.

– Это невозможно, милорд, никто кроме меня не может сделать так, чтобы не заметно было разницы между новыми и старыми.

А если так, любезный мой господин Орельи, то вы мой пленник; и если бы вы захотели сейчас выйти отсюда, то не могли бы, и потому решайтесь. Позовите мне ваших подмастерьев, которые будут вам нужны, и инструменты, какие нужно принести сюда.

Ювелир знал герцога, перед которым всякое возражение было бы бесполезно, и потому сейчас же решился.

– Вы позволите мне предупредить об этом жену, милорд? сказал он.

– О, вам будет позволено даже видеться с ней, любезный господин Орельи. Ваш плен будет приятен вам, будьте покойны, и как всякое беспокойство требует вознаграждения, то вот вам, сверх платы за работу, расписка в тысячу пистолей за то, чтобы вы забыли о скуке, которую я вам причиняю.

Д'Артаньян не мог опомниться от удивления, видя как свободно этот министр располагал людьми и миллионами.

Ювелир написал своей жене письмо со вложением расписки в тысячу пистолей и просил взамен ее прислать ему лучшего из своих подмастерьев, собрание бриллиантов, цену и названия которых он ей назначил, и необходимые для того инструменты по приложенному списку.

Бокингем отвел его в назначенную для него комнату, которая в полчаса превратилась в мастерскую.

Потом он поставил у всех дверей часовых, которым было приказано не впускать туда решительно никого, кроме Патриция. Само собою разумеется, что ювелиру Орельи и его подмастерью было решительно запрещено выходить под каким бы то ни было предлогом.

Устроив это дело, герцог обратился к д'Артаньяну и сказал:

– Теперь, молодой друг мой, вся Англия наша, чего же вы хотите? чего бы вы желали?

– Постель, сказал д'Артаньян, – потому что, признаюсь вам, в настоящую минуту она для меня всего нужнее.

Бокингем дал д'Артаньяну комнату, соседнюю со своею. Он хотел иметь молодого человека под рукою не потому, что не доверял ему, а для того, чтоб ему было с кем говорить беспрестанно о королеве.

Через час было опубликовано в Лондоне приказание не выпускать из гаваней ни одного судна во Францию, даже и почтовых пакетботов.

По общему мнению, это было объявлением войны между двумя королевствами.

В назначенный день, в одиннадцать часов, два наконечника были готовы; они были до такой степени похожи на старые, что Бокингом не мог отличить их, и самые опытные знатоки могли бы в этом ошибиться.

Он велел сейчас же позвать д'Артаньяна.

– Посмотрите, сказал он, – вот наконечники, за которыми вы приехали; будьте свидетелем, что я сделал все, что во власти человека.

– Будьте покойны, милорд, я расскажу о всем что вижу, но ваша светлость отдадите мне их без шкатулки?

– Шкатулка затруднила бы вас. Впрочем она мне тем дороже, что только она и останется. Скажите, что я ее оставил у себя.

– Я исполню ваше поручение слово в слово, милорд.

– Теперь, сказал Бокингом, – пристально смотря на молодого человека, – скажите когда и чем могу я с вами расквитаться?

Д'Артаньян покраснел до глаз. Он видел, что герцог хочет подарить ему что-нибудь и мысль, что кровь его и его товарищей будет куплена английским золотом, возбудила в нем странное отвращение.

– Объяснимся, милорд, отвечал д'Артаньян – и взвесим прежде хорошенько наши поступки, чтобы не вышло недоразумения. Я нахожусь в службе короля и королевы Франции, состою в гвардейской роте Дезессара, особенно преданного их величествам, также как и зять его де-Тревиль. И потому все это и сделал для королевы, а не для вашей светлости. Кроме того, может быть, я не сделал бы ничего, если бы не хотел угодить одной особе, которая точно так – моя царица как королева – ваша.

– Да, сказал герцог улыбаясь, – я, кажется, даже знаю эту особу, это...

– Милорд, я не сказал ее имени, живо прервал молодой человек.

– Вы правы, сказал герцог, – так этой особе я должен быть благодарен за ваше самоотвержение.

– Точно так, милорд, потому что в эту самую минуту ходит слух о войне, и, признаюсь, я вижу в вашей светлости англичанина, следовательно, врага, которого мне гораздо приятней было бы встретить на поле битвы, чем в Виндзорском замке, или в луврских коридорах. Впрочем, это не помешает мне исполнить в точности мое поручение, хотя бы это стоило жизни. Но повторяю вашей светлости, что вам так же мало нужно благодарить меня за то, что я сделал для себя при этом втором свидании, как и за то, что сделал для вас при первом.

– О таких людях, как вы, у нас говорят; «горд как Шотландец».

– А у нас: «горд как Гасконец». Гасконцы – это Французские Шотландцы.

Д'Артаньян поклонился герцогу и хотел уйти.

– Что это, вы уходите, но куда и как?

– Да, это правда, я и забыл.

– Черт возьми, Французы ни о чем не заботятся!

– Я и забыл, что Англия остров, на котором вы король.

– Подите в гавань, спросите бриг Сунд, отдайте это письмо капитану, он отвезет вас в маленькую гавань, где верно вас не ожидают и где обыкновенно пристают только рыбацьи лодки.

– Как называется эта пристань?

– Сен-Балери: но погодите; приехавши туда, вы войдете в дрянной трактир без названия и без вывески, настоящий притон матросов; вы наверно его найдете, потому что там только один и есть.

– Потом?

– Вы спросите хозяина и скажите ему Forword.

– Что это значит?

– Это пароль. Он даст вам оседланную лошадь и укажет дорогу, по которой вам нужно ехать; вы найдете на дороге четыре запасные лошади для перемены. Если хотите, оставьте в тех местах, где вы их найдете, ваш адрес в Париже, и они будут туда доставлены; вы знаете двух из них и, кажется, оценили их как любитель. Это те, на которых мы приехали с вами, помните? ручаюсь, что и другие две не хуже этих. – Эти четыре лошади снаряжены по-походному. Как вы ни горды, надеюсь, что вы не откажетесь принять одну из них и предложить остальные три вашим товарищам: они пригодятся вам во время войны. Цель оправдывает средства, как говорите вы, Французы.

– Да, милорд, я принимаю, и с Божией помощью мы сделаем хорошее употребление из ваших подарков.

– Теперь вашу руку, молодой человек; может быть мы встретимся на поле битвы, но, покуда, надеюсь, расстанемся друзьями.

– Да, милорд, в надежде скоро сделаться врагами.

– Не беспокойтесь, это скоро будет.

– Надеюсь на ваше слово, милорд.

Д'Артаньян поклонился герцогу и быстро пошел к гавани.

Против Лондонской башни он нашел назначенное судно, отдал письмо капитану, который предъявил его губернатору гавани и тотчас возвратился.

Пятьдесят судов были готовы к отплытию.

Пробираясь между ними, д'Артаньян увидел на одном из них ту женщину из Мёнга, которую неизвестный дворянин называл миледи, и которая так понравилась д'Артаньяну; но тотчас попутный ветер несли корабль так быстро, что через минуту ничего не стало видно.

На другой день в девять часов утра он прибыл в Сен-Валери.

Д'Артаньян в ту же минуту отправился к назначенному трактиру и узнал его по крикам, которые слышались оттуда; там говорили о войне между Англией и Францией, как о решенном деле, и веселые матросы пировали.

Д'Артаньян прошел через толпу, подошел к хозяину и сказал Forword. В ту же минуту хозяин позвал его с собою на двор, привел его в конюшню, где стояла оседланная лошадь и спросил, не нужно ли ему еще что-нибудь.

– Мне нужно знать дорогу, сказал д'Артаньян.

– Поезжайте в Бланжи, а оттуда в Невшатель; войдите там в гостиницу Золотой Короны, скажите хозяину пароль, и вы получите такую же оседланную лошадь.

– Сколько я вам должен? спросил д'Артаньян.

– Все щедро заплачено, сказал хозяин, – поезжайте с Богом!

– Аминь, отвечал молодой человек и поскакал.

Через четыре часа он был в Невшателе.

Он исполнил в точности данные ему наставления; в Невшателе, также как в Сен-Валери он нашел приготовленную для него оседланную лошадь; он хотел переложить пистолеты из прежнего седла в новое, но нашел в сумках седла такие же пистолеты.

– Ваш адрес в Париже?

– В гвардейских казармах, в роте Дезессара.

– Хорошо, отвечал хозяин.

– Куда ехать? спросил д'Артаньян.

– В Руан; но город останется у вас вправо. Вы остановитесь в деревеньке Экию, там только один трактир – Щит Франции. Не судите о нем по наружности; в его конюшнях найдется лошадь не хуже этой.

– Пароль тот же?

– Тот же самый.

– Прощайте, хозяин!

– Счастливейший путь! Не нужно ли вам чего-нибудь?

Д'Артаньян сделал знак головой, что ему ничего не нужно, и поскакал во весь опор.

В Экюи повторилась та же сцена: он нашел такого же предупредительного хозяина и свежую оседланную лошадь; он дал свой адрес и поскакал в Понтуаэ. Там он переменил в последний раз лошадь, и в девять часов он въехал галопом на двор дома де-Тревиля.

Он сделал около шестидесяти миль в двенадцать часов.

Де-Тревиль принял его так, как будто виделся с ним в то же утро, только пожал ему руку немного крепче обыкновенного и объявил ему, что рота Дезессара в карауле в Лувре, и что он может отправиться туда.

VI. Балет Мерзелон

На другой день во всем Париже только и говорили о бале, который городские старшины давали королю и королеве, и на котором их величества обещали танцевать знаменитый балет Мерлезон, любимый балет короля.

Целую неделю в Ратуше делались приготовления к этому торжественному вечеру. Устроены были возвышения для приглашенных дам; заготовлено двести белых восковых свечей, что было в то время неслыханною роскошью; наконец пригласили двадцать лучших скрипачей и предложили им плату вдвое больше обыкновенной за то, чтоб они играли всю ночь.

В десять часов утра де-ла-Кост, прапорщик королевской гвардии, в сопровождении двух полицейских и нескольких лейб-гвардейских стрелков пришел к городскому секретарю Клементу и спросил у него ключ от дверей всех комнат и конторок Ратуши. Ключи эти сейчас же были вручены ему; к каждому из них был привязан билетик с надписью, откуда он. С этой минуты де-ла-Кост должен был охранять все двери и входы.

В одиннадцать часов пришел капитан гвардии Дюалье и привел с собою пятьдесят стрелков, которые расставлены были при всех дверях Ратуши.

В три часа пришли две роты гвардии: Французская и Швейцарская. Французская состояла из половины роты Дюалье и половины роты Дезессара.

В шесть часов вечера начали съезжаться приглашенные; они входили в большую залу и садились на приготовленных для них подмостках.

В девять часов приехала хозяйка бала. Так как она была на этом бале, после королевы, самая значительная особа, то старшины встретили ее и проводили в ложу напротив ложи королевы.

В десять часов приготовили сладкие закуски для короля в маленькой зале со стороны церкви Св. Иоанна против серебряного городского буфета, который охраняли четыре стрелка.

В полночь раздались громкие крики и многочисленные приветствия: король ехал из Лувра в Ратушу по улицам, освещенным разноцветными фонарями.

Старшины города в своих плащах и шесть сержантов с восковыми свечами встретили короля, на лестнице и купеческий голова приветствовал его; в ответ на это приветствие король извинился, что поздно приехал, оправдываясь тем, что кардинал задержал его разговором о государственных делах до одиннадцати часов.

Его величество, в парадном платье, был сопровождал братом своим, графом Соассонским, великим приором, герцогом де-Лонгвиль, герцогом д'Эльбёф, графом д'Аркур, графом де-ла-Рош-Гюйон, господином де-Лианкур, господином де-Барада, графом де-Крамайль и кавалером де-Сувре.

Все заметили, что король был печален и озадачен.

Один кабинет был приготовлен для короля, другой для его брата. В каждом из них были маскарадные костюмы. Точно такие же приготовления были сделаны для королевы и для хозяйки бала. Кавалеры и дамы свиты их величеств должны были одеваться по-двое в приготовленных для того комнатах.

Входя в кабинет, король приказал доложить ему, когда придет кардинал.

Через полчаса по прибытии короля снова слышались восклицания: они давали знать о приезде королевы. Старшины с сержантами тем же порядком встретили свою знаменитую гостью, как и короля.

Королева вошла в залу: заметили, что она была так же печальна как король, и кроме того утомлена. Как только она вошла, отдернулся занавес одной маленькой ложи и показалось бледное лицо кардинала, одетого испанским кавалером.

Глаза его устремились на королеву, и на губах его показалась улыбка ужасной радости: на королеве не было бриллиантовых наконечников.

Королева принимала несколько времени приветствия городских старшин и дам.

Вдруг у одной из дверей залы явились король вместе с кардиналом. Кардинал что-то говорил ему очень тихо, а король был очень бледен.

Король прошел сквозь толпу и, без маски, с едва завязанными лентами камзола, подошел к королеве, и сказал ей изменившимся голосом:

– Отчего же, скажите, вы не надели на себя бриллиантовых наконечников, зная, что мне приятно было бы видеть их на вас?

Королева оглянулась кругом и увидела позади себя кардинала с дьявольскою улыбкой на лице.

– Государь, отвечала она также изменившимся голосом, – я боялась, чтобы с ними не случилось чего-нибудь в этой толпе.

– И худо сделали, я подарил вам их для того, чтобы вы наряжались в них. Я вам говорю, что вы худо сделали.

Голос короля дрожал от гнева; все это заметили, но никто не понимал, что бы такое могло случиться.

– Государь, сказала королева, – я могу послать за ними в Лувр и тем исполнить желание вашего величества.

– Так и сделайте это, и притом как можно скорее, потому что через час начнется балет.

Королева поклонилась в знак покорности и пошла в свой кабинет в сопровождении придворных дам.

Король ушел в свой кабинет.

В зале произошло на несколько минут смятение и замешательство.

Все заметили, что между королем и королевою что-то случилось; но они оба говорили так тихо, что, как толпа, из уважения, отодвинулась от них на несколько шагов, то никто не мог слышать их разговора. Музыка громко играла, но ее не слышали.

Король вышел первый из своего кабинета; он был в изящнейшем охотничьем костюме, брат его и кавалеры были также в костюмах охотников. Король любил всего больше этот наряд, и в нем он казался действительно первым дворянином королевства.

Кардинал подал королю ящичек.

Король открыл его и увидел два бриллиантовые наконечника.

Что это значит? спросил он кардинала.

– Ничего, отвечал он: – только если королева наденет наконечники, в чем я сомневаюсь, то сосчитайте их, государь, и если их будет только десять, то спросите у ее величества, кто мог похитить у нее эти два.

Король посмотрел вопросительно на кардинала; но не успел ничего сказать, как раздались общие крики удивления. Если король казался первым дворянином своего королевства, то королева была, без сомнения, красивейшая женщина Франции.

Охотничий туалет был ей к лицу как нельзя больше: на ней была поярковая шляпа с белыми перьями, бархатный перламутрового цвета сюртук с бриллиантовыми застежками и атласная голубая юбка, вся шитая серебром. На левом плече ее блистали наконечники, прикрепленные бантом того же цвета как перья и юбка.

Король задрожал от радости, а кардинал от гнева; впрочем, они были так далеко от королевы, что не могли сосчитать ее наконечников: видно было, что они на ней, но дело в том, было ли их десять, или двенадцать?

В эту минуту музыка дала сигнал к балету.

Король подошел к хозяйке бала, а его высочество, брат его – к королеве. Встали на места, и балет начался.

Король танцевал против королевы и проходя мимо ее, он всякий раз пожирал глазами эти наконечники, которых он не мог сосчитать.

Холодный пот покрыл лоб кардинала.

Балет продолжался час; – он состоял из шестнадцати фигур.

Балет кончился среди рукоплесканий всей залы, каждый отвел свою даму на место; но король воспользовался правом оставить свою даму и быстро приблизился к королеве.

– Благодарю вас, сказал он, – за внимание, которое вы оказали моим желанием, но у вас, кажется, не достает двух наконечников и вот, я принес их вам.

При этих словах, он подал королеве два наконечника, переданные ему кардиналом.

Королева притворилась удивленной и спросила:

– Как, государь, вы дарите мне еще два? у меня их будет тогда уже четырнадцать!

Когда король сосчитал наконечники на плече ее величества, их оказалось точно двенадцать.

Король позвал кардинала и спросил его строгим голосом:

– Что же это значит, господин кардинал?

– Это значит, государь, что я желал бы подарить эти два наконечника ее величеству, но, не смея предложить ей сам, употребил это средство.

С улыбкой, доказывавшей, что эта находчивая учтивость не ввела ее в обман, Анна Австрийская отвечала ему:

– Я тем более благодарна вам за них, что, я уверена, эти два наконечника, стоят вам столько же, сколько другие двенадцать стоили его величеству.

Потом поклонившись королю и кардиналу, королева пошла в комнату, где она одевалась, с тем чтобы переодеться.

Знатные лица, с которыми мы познакомились в этой главе, отвлекли на время наше внимание от того, кому Анна Австрийская была обязана неслыханною победой над кардиналом. Он, неизвестный и никем не замеченный, стоял в толпе у одной из дверей и смотрел оттуда на эту сцену, понятную только для четверых: короля, королевы, кардинала и его.

Королева ушла в свою комнату и д'Артаньян собирался уйти, как вдруг почувствовал, что кто-то слегка дотронулся до его плеча. Он обернулся и увидел молодую женщину с лицом, закрытым маской из черного бархата. Несмотря на эту предосторожность, принятую впрочем скорее для других чем для него, он в ту же минуту узнал свою обыкновенную руководительницу, легкую и умную госпожу Бонасиё.

Накануне они едва виделись у швейцара Жермена, куда д'Артаньян вызвал ее. Поспешность, с которою ей хотелось сообщить королеве приятную новость о счастливом возвращении ее посланного, была причиной, что любовники едва обменялись несколькими словами. Д'Артаньян пошел за Бонасиё, движимый чувствами любви и любопытства. Пока они шли и по мере того как коридоры пустели, д'Артаньяну хотелось остановить ее, схватить и полюбоваться ею хоть минуту. Но, быстрая как птица, она ускользнула из рук его, а когда он хотел говорить, она клала себе на рот палец с повелительным и полным прелести жестом, напоминавшим ему, что он находится под влиянием сильной власти, которой он должен был слепо повиноваться и не позволявшей ему ни малейшей жалобы. Наконец, после нескольких переходов, Бонасиё отворила дверь и ввела молодого человека в совершенно темный кабинет. Там она сделала ему снова знак молчания и, отворив вторую дверь, скрытую за обоями, причем он увидел яркий свет, она исчезла.

Д'Артаньян остался неподвижен, спрашивая себя, где он; но вскоре теплый и благоуханный воздух, доходивший до него, самый почтительный и изящный разговор двух или трех женщин и повторенное несколько раз слово величество ясно показали ему, что он находится в кабинете, смежном с комнатой королевы.

Молодой человек стоял в ней и ждал.

Королева была весела и счастлива, что, казалось, удивляло окружающих ее, привыкших видеть ее почти всегда озабоченною. Королева объясняла свою веселость прелестью праздника, удовольствием, которое доставил ей балет, и так как нельзя противоречить королеве, все равно смеется ли она, или плачет, то все восхваляли любезность городских старшин Парижа.

Хотя д'Артаньян совсем не знал королеву, но скоро отличил ее голос, сперва по несколько иностранному ее выговору, потом по чувству господства, невольно отражающемуся в словах королевы. Он слышал, что она подходила к отворенной двери и отходила назад и даже два или три раза видел ее тень.

Наконец вдруг рука, достойная обожания по своей форме и белизне, протянулась из-за дверей; д'Артаньян понял, что это была его награда; он бросился на колени, взял эту руку и почтительно приложил ее к губам; тогда рука эта исчезла, оставив в руке его перстень; дверь тотчас затворилась и д'Артаньян снова остался в совершенной темноте.

Д'Артаньян надел перстень на палец и снова ждал: ясно было, что еще не все кончилось. За наградой его самоотвержения должна бы следовать награда за любовь. Хотя балет кончился, но бал еще только начинался; ужин был назначен в три часа, а часы на церкви Св. Иоанна пробили несколько времени назад три четверти третьего.

Поэтому шум голосов в соседней комнате мало-помалу утихал и удалялся; потом дверь кабинета отворилась и Бонасиё вошла.

– Наконец, это вы! сказал д'Артаньян.

– Тише! сказала она, прикладывая руку к его губам, – тише! идите отсюда той же дорогой, которой пришли.

– А когда же я увижу вас?

– Возвратясь домой, вы найдете записку, из которой все узнаете. Идите, идите!

При этих словах она отворила дверь в коридор и вывела д'Артаньяна из кабинета.

Д'Артаньян слушался как дитя, без сопротивления и без возражения; что доказывало, что он действительно был влюблен.

VII. Свидание

Д'Артаньян пошел домой чуть не бегом и хотя было больше трех часов утра и ему надо было проходить самыми опасными кварталами Парижа, но он не имел ни одной неприятной встречи. Известно, что судьба покровительствует пьяным и влюбленным.

Он нашел у себя наружную дверь полуотворенною, вошел на лестницу и сделал несколько легких ударов в дверь, условленных между ним и слугою.

Планше, которого он отпустил из ратуши часа за два, приказав себя ждать, отпер ему дверь.

– Приносил кто-нибудь ко мне письмо? живо спросил д'Артаньян.

– Никто не приносил, отвечал Планше, – но здесь есть письмо, которое само пришло.

– Что ты говоришь, дурак?

Я говорю, что когда я пришел домой, ключ от вашей комнаты был у меня в кармане, и я ни разу не вынимал его, а между тем нашел в вашей спальне на столе письмо.

– А где это письмо?

– Я оставил его там, где оно было, барин. Не естественное дело, чтобы письма приходили сами. Если бы еще окно было отворено, или по крайней мере не плотно притворено, я бы ни слова не сказал, а то нет, все было плотно заперто. Берегитесь, барин, тут наверно кроется какое-нибудь колдовство.

В это время молодой человек бросился в спальню и вскрыв письмо от госпожи Бонасиё, прочел следующее:

«Вас хотят благодарить и передать вам благодарность других. Приходите в десять часов вечера в Сен-Клу против павильона на углу дома д'Эстре.
К. Б».

Читая это письмо, д'Артаньян чувствовал, что сердце его сжималось судорожно, то мучительно, то приятно, как обыкновенно бывает у влюбленных.

Это была первая записка, полученная им и первое назначенное ему свидание. Сердце его, переполненное радостью, замирало при входе в земной рай, называемый любовью.

Планше, увидав, что господин его то краснеет, то бледнеет, сказал:

– Ну, что, барин, не угадал ли я, что это было дело дурное?

– Ты ошибаешься, Планше, отвечал д'Артаньян, – и в доказательство этого вот тебе эю, выпей за мое здоровье.

– Благодарю вас, барин, за эю и обещаю вам исполнить в точности ваше приказание; но все-таки письма, входящие в запертые дома...

– Падают с неба, мой друг, падают с неба.

– Так вы довольны, барин?

– Любезный Планше, я счастливейший человек в свете!

– А могу ли воспользоваться вашим счастьем и идти спать?

– Да, можешь.

– Да благословит вас небо, барин, но все-таки это письмо...

И Планше ушел, кивая головой, с видом сожаления о том, что не мог поколебать спокойствия д'Артаньяна.

Оставшись один, д'Артаньян перечитывал несколько раз письмо, целовал по сто раз каждую строчку, написанную рукой его прекрасной любовницы. Наконец он лег, заснул и видел золотые сны.

В семь часов утра он встал и позвал Планше, который явился по второму зову и следы вчерашнего беспокойства еще заметны были на его лице.

– Планше, сказал д'Артаньян, – я уйду, может быть, на весь день и потому ты свободен до семи часов вечера, а в семь часов будь готов и приготовь двух лошадей.

– Так и есть, сказал Планше, мы, кажется, опять поедем таскаться по всему свету?

– Ты возьмешь свое ружье и пистолеты.

– А что, не говорил ли я? Вот видите, я был в этом уверен; проклятое письмо!

– Успокойся же, глупец, мы поедем не больше как на прогулку.

– Да, на такую же приятную как тогда, под дождем пуль и между засадами!

– Впрочем, если вы боитесь, господин Планше, я поеду без вас; я лучше люблю путешествовать один, чем иметь товарища труса.

– Вы обижаете меня, барин; вы, кажется, видели меня на деле.

– Да, но ты, кажется, издержал в один раз всю свою храбрость.

– Вы увидите, что при случае у меня еще найдется храбрость, только прошу вас не слишком расточать ее, если хотите, чтобы ее достало надолго.

– Надеешься ли ты, что тебе достанется на сегодняшний вечер?

– Надеюсь.

– Хорошо, я на тебя полагаюсь.

– В назначенный час я буду готов; но у вас в гвардейской конюшне, кажется, только одна лошадь.

– Может быть, теперь только одна; но к вечеру будет четыре.

– Разве мы ездили за ремонтом?

– Без сомнения, отвечал д'Артаньян – и вышел, повторив ему свое приказание.

Бонасиё стоял у дверей. Д'Артаньяну хотелось пройти мимо его, не вступая в разговор; но торговец поклонился ему так приятно и благосклонно, что жилец его не только должен был ответить ему тем же, но и вступить в разговор.

Впрочем, как же не иметь снисхождения к мужу, жена которого назначила вам свидание в тот же вечер? Д'Артаньян подошел к нему с таким ласковым видом, как только мог.

Разговор естественно клонился к содержанию несчастного в тюрьме. Бонасиё не знал, что д'Артаньян слышал разговор его с неизвестным человеком из Мёнга и рассказал своему жильцу о преследованиях этого чудовища (Лаффема), которого во все время рассказа называл палачом кардинала, и распространялся о Бастилии, о железных запорах, о калитках, об отдушниках, решетках и орудиях пытки.

Д'Артаньян слушал его с приметным схищением и, когда он кончил, сказал ему;

– А знаете ли вы, кто похитил госпожу Бонасиё? я спрашиваю об этом потому, что никогда не забуду, что этому несчастному случаю я обязан приобретением приятного знакомства с вами.

– Нет, сказал Бонасиё; – они были так осторожны, что не сказали мне этого, да и жена моя в свою очередь клялась всем на свете, что не знала. Но скажите, что вы делали в эти дни, продолжал он с полным добродушием; я давно не видал ни вас, ни друзей ваших и верно не на Парижских улицах вы так запылили свои сапоги и платье, что Планше с трудом отчистил их.

– Вы правы, любезный господин Бонасиё, я сделал с друзьями своими маленькое путешествие.

– Далеко отсюда?

– О, нет, не более сорока миль: мы проводили Атоса к Форжеским водам, где и остались мои товарищи.

– А вы возвратились? так ли я говорю? продолжал Бонасиё с лукавым видом. – Любовницы не дают продолжительного отпуска таким прекрасным юношам как вы, и вас с нетерпением ожидают в Париже, не правда ли?

– Да, правда, смеясь, отвечал молодой человек, – я признаюсь вам в этом тем охотнее, что, как я вижу, от вас ничего нельзя скрыть, любезный господин Бонасиё. Да, повторяю вам, меня ожидали довольно нетерпеливо.

Легкое облачко показалось на лице Бонасиё, но такое легкое, что д'Артаньян не заметил его.

– И вас вознаградят за скорое возвращение? продолжал торговец, с изменением голоса, которого д'Артаньян тоже не заметил.

– Полноте притворяться святошей, сказал д'Артаньян смеясь.

– Нет, я заговорил об этом только для того, чтоб узнать, поздно ли вы возвратитесь домой.

– К чему этот вопрос, любезный хозяин? спросил д'Артаньян, – разве вы хотите ждать меня?

– Нет; но со времени моего арестования и покражи, случившейся у меня, я пугаюсь всякий раз, когда слышу, что отпирают дверь, особенно ночью. Баба, скажете вы; но что же делать! ведь я не военный.

– Ну. так не пугайтесь, если я возвращусь в час, в два, или в три часа утра; да если я и совсем не возвращусь, тоже не пугайтесь.

В этот раз Бонасиё так побледнел, что д'Артаньян не мог не заметить этого и не спросить, что с ним сделалось.

– Ничего, ничего, отвечал Бонасиё. – С тех пор как меня постигли несчастья, со мной иногда вдруг делается дурнота; вот и теперь я чувствую озноб. Не обращайтесь на это внимания и не заботьтесь ни о чем кроме вашего счастья.

– В таком случае мне есть о чем заботиться, потому что я счастлив.

– Погодите, еще не совсем; ведь вы сказали вечером.

– Так что же? и вечер придет! может быть, и вы ожидаете его с таким же нетерпением как я. Может быть сегодня вечером госпожа Бонасиё посетит жилище своего супруга.

– Госпоже Бонасиё некогда сегодня вечером, с важностью отвечал муж; – служба удерживает ее в Лувре.

– Тем хуже для вас, любезный хозяин; тем хуже, когда я счастлив, то мне хотелось бы, чтобы все были счастливы, но это, кажется, невозможно.

И молодой человек удалился, помирал со смеху от этой шутки, понятной, по его мнению, только ему.

– Желаю веселиться! отвечал Бонасиё могильным голосом.

Но д'Артаньян был уже так далеко, что не мог слышать этого; да если бы и слышал, то при расположении духа, в каком он был, вероятно, он и не заметил бы этого.

Он отправился в дом де-Тревиля; накануне он виделся с де-Тревилем так не долго, что не успел хорошенько поговорить.

Он застал де-Тревиля в большой радости. Король и королева были очень благосклонны к нему на бале. Зато кардинал был несносен.

В час утра он уехал под предлогом нездоровья, тогда как их величества возвратились в Лувр в шесть часов утра.

– Теперь, сказал де-Тревиля, понижая голос и внимательно осматривая все углы комнаты, чтоб увериться, что никого нет, – теперь поговорим о вас, молодой друг мой; я вижу, что счастливое возвращение ваше доставило королю радость, королеве торжество, а кардиналу унижение. Теперь вам нужно держаться крепко.

– Чего же мне бояться, отвечал д'Артаньян, – если я буду иметь счастье пользоваться благосклонностью их величеств?

– Поверьте мне, – всего. Кардинал не такой и неловок, чтобы забыл мистификацию, не рассчитавшись с мистификатором. А этот мистификатор, как мне хорошо известно, гасконец.

– Вы думаете, что кардиналу все известно, так же как вам, и что он знает, что в Лондон ездил я?

– Ах, черт возьми, вы были в Лондоне. Не оттуда ли вы привезли бриллиант, блестящий у вас на руке? Берегитесь, любезный д'Артаньян, не хорошо принимать подарки от неприятелей; на этот случай, кажется, есть латинский стих... постойте...

– Без сомнения есть, отвечал д'Артаньян, не знавший даже первоначальных правил латинского языка и приводивший в отчаяние учителя своим незнанием.

– Наверное есть, сказал де-Тревиль, имевший понятие о литературе, – и господин Бенсерад когда-то приводил мне его... ах, вот он:

Timeo Danaos et dona ferentes

Это значит: не доверяйся неприятелю, когда он делает тебе подарок.

– Этот бриллиант не от неприятеля, сказал д'Артаньян, – а от королевы.

– От королевы? Ого! и точно это царский подарок, – он стоит тысячу пистолей. Через кого королева доставила вам этот подарок?

– Она сама отдала мне его.

– Где?

– В кабинете, смежном с комнатою, где она переодевалась.

– Как?

– Она дала мне поцеловать свою ручку.

– Вы поцеловали ручку королевы? спросил де-Тревиль, пристально смотря на него.

– Её величество удостоила меня этой милости.

– И в присутствии свидетелей? Неблагодарная! тысячу раз неблагодарная!

– Нет, капитан, успокойтесь, никто этого не видал.

Он рассказал де-Тревилю, как все это случилось.

– О женщины, женщины! сказал старый воин, – я узнаю вас по романическому воображению вашему; все, что имеет вид таинственности, пленяет вас! Итак, вы видели руку и больше ничего, так что если вы встретите королеву, то не узнаете ее и если она встретит вас, не узнает кто вы.

– Нет, но по этому бриллианту...

– Послушайте, хотите ли я дам вам совет добрый и дружеский?

– Вы сделаете мне этим честь, капитан.

– Хорошо! ступайте к первому ювелиру, какого увидите, и продайте ему этот бриллиант за такую цену, какую он вам предложит; какой бы он жид ни был, все-таки даст вам восемьсот пистолей. Нельзя узнать, откуда вы получите пистолы, молодой человек, но этот перстень может открыть тайну того, кто его носит.

– Продать этот перстень, доставшийся мне от моей государыни! Никогда! сказал д'Артаньян.

– Поверните же, по крайней мере, камнем внутрь, простачек: ведь всякий знает, что гасконский кадет не найдет такой драгоценности в шкатулке своей матери.

– Так вы думаете, что я должен ожидать чего-нибудь неприятного? спросил д'Артаньян.

– Я вам скажу, молодой человек, что тот, кто спит на mine, фитиль которой уже зажжен, может считать себя вне опасности в сравнении с вами.

– Черт возьми! что же мне делать? Сказал д'Артаньян: его уже начинала беспокоить уверенность, с которою говорил с ним де-Тревиль.

– Быть осторожным всегда и во всем. У кардинала отличная память и длинные руки; поверьте мне, он сыграет с вами славную штуку.

– Какую же?

– Почему же я знаю? Известно, что он хитер как демон; самое меньшее, чего вы можете себе ожидать, это то что вас схватят.

– Как, кто смеет схватить человека, состоящего в службе его величества?

– Однако же с Атосом не очень церемонились. Во всяком случае, молодой человек, вспомните, что я тридцать лет при дворе и потому слушайте и верьте: не будьте беззаботны в надежде на свою неприкосновенность, иначе вы погибли. Я вам скажу совсем напротив: считайте всех за врагов. Если с вами захотят завести ссору, избегайте ее, хотя бы вас дразнил десятилетний мальчик; если на вас нападут днем или ночью, отступайте без стыда; когда вы пойдете через мост, пробуйте каждую доску, не провалится ли она; когда пойдете мимо строящегося дома, посматривайте вверх, чтобы на вас не упал камень; если вы поздно возвращаетесь домой, берите с собой вооруженного слугу, в котором вы уверены. Не доверяйтесь никому: Ни другу, ни брату, ни любовнице, а особенно любовнице.

Д'Артаньян покраснел.

– Отчего я должен больше всего быть недоверчивым к своей любовнице?

– Потому что любовница это любимое и самое действительное оружие кардинала: женщина продаст вас за десять пистолей. Вспомните Далиле, если вы читали Св. Писание.

Д'Артаньян вспомнил о свидании, назначенном ему в тот же вечер госпожою Бонасиё; но должно сказать к чести нашего героя, что дурное мнение де-Тревиля о женщинах вообще не внушало ему ни малейшего подозрения к хорошенькой хозяйке его.

– Да, кстати, сказал де-Тревиля, – а куда же девались три ваши товарища?

– Я хотел спросить вас, не получили ли вы каких-нибудь сведений о них.

– Никаких.

– Я оставил их по дороге в Шантильи.

Портоса, вызванного на дуэль; в Кревкёре Арамиса с пулей в плече; в Амиене Атоса, обвиненного в делании фальшивой монеты.

– Вот что! сказал де-Тревиля, как это вы ускользнули?

– Чудом, капитан, надо сознаться: я отделался ударом шпаги в грудь и за то приколол к земле графа де-Варда как бабочку к обоям. Это было недалеко от Кале.

– Этого не доставало! графа де-Варда, человека преданного кардиналу, брата Рошфора. Пойдите, мне пришла счастливая мысль.

– Скажите, капитан.

– На вашем месте я поступил бы вот как: между тем как меня кардинал велел бы разыскивать в Париже, я бы потихоньку поехал по Пикардийской дороге и стал бы собирать сведения о своих спутниках. Черт возьми, разве они не заслуживают некоторого внимания с вашей стороны?

– Добрый совет, капитан, я завтра же поеду.

– Завтра! а отчего же не сегодня?

– Сегодня у меня есть в Париже очень важное дело.

– Ах, молодой человек, какая-нибудь любовница! Берегитесь, повторяю вам, – женщина погубила всех нас и еще раз погубит. Поверьте мне и поезжайте сегодня вечером.

– Невозможно, капитан.

– Разве вы дали слово?

– Да.

– Это другое дело; но обещайте мне, что если вас в эту ночь не убьют, то завтра вы едете.

– Извольте.

– Не нужно ли вам денег?

– У меня есть пятьдесят пистолей; этого, кажется довольно.

– А вашим товарищам?

Я думаю, у них есть. Мы выехали из Парижа, имея каждый по семидесяти пяти пистолей.

- Мы увидимся до вашего отъезда?
- Я думаю нет, капитан, если не случится чего-нибудь особенного.
- Так счастливый путь!
- Благодарю, капитан.

Д'Артаньян откланялся, тронутый совершенно отеческою заботливостью де-Тревиля о его мушкетерах.

Он зашел к Атосу, Портосу и Арамису и никого из них не застал дома. Лакеев их тоже не было, и дома ничего не слыхали ни о господах, ни о слугах.

Он справился бы о них у их любовниц, но он не знал любовниц Портоса и Арамиса, а у Атоса ее не было.

Проходя мимо гвардейских казарм, он заглянул в конюшни: из четырех лошадей три уже были дома.

Удивленный Планше уже вычистил двух из них.

– А, барин, сказал Планше, заметив д'Артаньяна, – как я рад, что вас вижу!

– А от чего ты рад? спросил молодой человек.

– Имеете ли вы доверие к хозяину нашему, Бонасиё?

– Я? нисколько.

– И хорошо делаете, барин.

– К чему этот вопрос?

– А к тому, что пока вы с ним разговаривали, я смотрел на вас и заметил, что он два или три раза переменялся в лице.

– Вот что!

– Вы этого не заметили, потому что были заняты полученным вами письмом, а я напротив, озадаченный странным способом появления этого письма, внимательно следил за выражением лица Бонасиё.

– И как ты его находишь?

– Изменническим.

– Право?

– Да, кроме того, как только вы его оставили и исчезли в конце улицы, Бонасиё взял шляпу, запер дверь и побежал в противную сторону.

– Ты прав, Планше; все это кажется мне очень подозрительным, и, не беспокойся, мы не заплатим ему за квартиру, пока все это не объяснится положительно.

– Вы шутите, барин, но увидите, что я говорю правду.

– Что же делать, Планше, чему быть, тому не миновать.

– Так вы не отказываетесь от вечерней прогулки?

– И не думал, Планше; чем больше я сержусь на Бонасиё, тем сильнее мне хочется идти на свидание, назначенное мне этим письмом, которое так тревожит тебя.

– Так вы окончательно решились...

– Непременно, мой друг; так что в девять часов ты будь здесь готов, я приду за тобой.

Планше, видя, что нет никакой надежды убедить своего господина отказаться от его предложения, тяжело вздохнул и принялся чистить третью лошадь.

Д'Артаньян, как человек весьма основательный, вместо того чтобы идти домой, пошел обедать к тому гасконцу священнику, который угощал его с товарищами шоколадом, когда у них не было денег.

VIII. Павильон

В девять часов д'Артаньян был в казармах, он нашел Планше готовым; четвертая лошадь была доставлена.

Планше вооружился ружьем и пистолетом. Д'Артаньян надел шпагу и заткнул за пояс два пистолета; потом они оба сели на лошадей и выехали без шума. Ночь была темная и никто не видал, как они выехали. Планше ехал за своим господином в десяти шагах.

Д'Артаньян проехал по набережной, выехал из города в ворота Конференции и поехал по дороге в Сен-Клу, которая тогда была гораздо красивее чем теперь.

Пока они ехали городом, Планше сохранял почтительное расстояние от своего господина; но как только дорога начинала делаться пустынной и более темною, он приближался понемногу; так что когда они въехали в Булонский лес, он ехал уже рядом с господином. Не будем скрывать, что колебание деревьев и отражение лунного света на их мрачных вершинах причиняли ему какое-то беспокойство. Д'Артаньян заметил, что с ним делается что-то необыкновенное.

– Что с вами, господин Планше?

– Не правда ли, барин, что леса похожи на церкви?

– Чем же, Планше?

– Тем, что нет возможности громко говорить в лесу, так же как и в церкви.

– Отчего же у тебя нет смелости громко говорить, Планше, чего ты боишься?

– Боюсь, что услышат.

– Боишься, что услышат! наш разговор не безнравственный любезный Планше; против него ничего нельзя сказать.

– Ах, барин, сказал Планше; – возвращаясь к своей постоянной мысли, сколько суровости в бровях Бонасиё и как отвратительно движение его губ!

– Черт просит тебя думать об этом Бонасиё!

– Барин, мы думаем о чем можем, а не о чем хотим.

– Потому что ты трус, Планше.

– Не смешивайте благоразумия с трусостью, барин; благоразумие – добродетель.

– Так ты добродетелен, Планше, да?

– Барин, посмотрите, кажется там блестит дуло ружья? Не нагнуться ли нам?

– В самом деле, пробормотал д'Артаньян, вспомнив наставления де-Тревиля; эта скотина в самом деле напугает меня; и он пустил лошадь рысью.

Планше пустился за ним как тень, тоже рысью.

– Барин, мы всю ночь проведем так? спросил он.

– Нет, Планше, ты уже приехал.

– Как, я приехал? а вы барин?

– Я пойду немножко подальше.

– Вы меня оставите здесь одного?

– А ты боишься?

– Нет, я хотел только сказать, что ночь будет очень холодная; что от холода можно получить ревматизм и что человек с ревматизмом плохой слуга, особенно такому деятельному барину как вы.

– Хорошо, если тебе холодно, зайди в трактир, видишь, вон там, и жди меня у ворот завтра в шесть часов утра.

– Барин, я с благодарностью пропил экую, который мне дали утром, так что не осталось ни одного су, чтобы согреться.

– Вот тебе полпистоля. До завтра.

Д'Артаньян сошел с лошади, отдал узду Планше и быстро пошел, закутавшись в плащ.

– Боже мой, какая стужа! сказал Планше, когда потерял из виду своего господина, и желая поскорее согреться, он постучал в дверь домика, украшенного всеми принадлежностями деревенского кабака.

Между тем д'Артаньян продолжал путь по проселочной дороге и приблизился к Сен-Клу; но вместо того чтобы выйти по большой улице, он обогнул замок, вышел в переулочек и вскоре очутился против назначенного павильона. С одной стороны переулочка была высокая стена, на углу которой был павильон, а с другой плетень, защищавший от прохожих садик, в глубине которого стояла бедная хижина.

Он пришел на место свидания, и как не было назначено сигнала, которым бы он мог дать знать о себе, то он ждал.

Не слышно было ни малейшего шума как будто за сто миль от Парижа. Д'Артаньян, осмотревшись, прислонился к плетню. Позади плетня, сада и хижины, густой туман покрывал огромное пространство, в котором спал Париж, где блестело несколько светлых точек, мрачных звезд этого ада.

Но для д'Артаньяна все принимало счастливый вид, всякая мысль улыбалась ему и даже темнота казалась ему прозрачною. Час свидания наступил.

И точно, спустя несколько секунд часы на башне Сен-Клу медленно пробили десять.

Было что-то мрачное в этих звуках, раздававшихся среди ночи.

Но каждый удар гармонически отзывался в сердце молодого человека.

Глаза его устремились на павильон, находившийся на углу стены; все окна его были закрыты ставнями, кроме одного в первом этаже.

В этом окне виден был слабый свет, серебривший колеблющиеся листья двух или трех лип, сгруппировавшихся вне парка. Очевидно, что за этим окном, так приятно освещенным, хорошенькая Бонасиё ожидала его.

Питаясь этою приятною мыслию, д'Артаньян терпеливо ждал полчаса, устремив взоры на это прекрасное маленькое жилище; д'Артаньян видел часть потолка его, с золотыми украшениями, доказывавшими, что и все остальное должно быть там роскошно отделано.

На башне Сен-Клу пробило половину одиннадцатого. Д'Артаньян не понимал от чего в эту минуту дрожь пробежала по его жилам: может быть холод его пробирал, а он хотел объяснить это нравственным чувством.

Потом ему пришла мысль, не ошибся ли он, может быть, не в одиннадцать ли часов назначено свидание.

Он подошел к окну, вынул из кармана письмо и прочел его еще раз: оказалось, что не ошибся, что свидание назначено в десять.

Он пошел на прежнее место; тишина и уединение начинали его беспокоить. Пробило одиннадцать.

Д'Артаньян начал серьезно бояться, не случилось ли чего-нибудь с госпожой Бонасиё.

Он ударил в ладони три раза – это обыкновенный сигнал влюбленных; но ему не ответил никто, даже и эхо.

Тогда он с каким-то отчаянием думал, что она, ожидая его, заснула.

Он подошел к стене и пробовал влезть по ней, но она была недавно выштукатурена, и потому он только понапрасну изломал ногти.

В это время он взглянул на деревья и как ветви одного из них выходили на дорогу, то он надеялся, что с этого дерева он может посмотреть в павильон.

Влезть на это дерево было легко. Впрочем д'Артаньяну было только 20 лет, и потому он не забыл еще свои школьные похождения.

В минуту он был на дереве и смотрел сквозь стекла во внутренность павильона. Он увидел такие страшные вещи, которые заставили его задрожать с головы до ног; этот скромный

свет лампы освещал сцену страшного беспорядка. Одно стекло было разбито, дверь в соседнюю комнату, полусломанная, едва держалась на петлях; стол, на котором по-видимому, был накрыт великолепный ужин, валялся на полу; на паркете лежали разбитые бутылки и раздавленные плоды. Все показывало, что в этой комнате происходила сильная и отчаянная борьба. Д'Артаньяну показалось даже, что посреди всего этого лежали клочки одежды, а на скатерти и занавесках были кровавые пятна.

Он поспешно слез с дерева, с страшным биением сердца, и хотел посмотреть, нет ли еще каких-нибудь следов насилия.

Слабое мерцание света посреди тихой ночи помогло д'Артаньяну заметить тогда то, чего он прежде не замечал, потому что не имел причины обратить на это внимания; а именно, что земля была изрыта ногами людей и лошадей. Кроме того колеса кареты, приехавшей, по-видимому, из Парижа, сделали глубокую колею на мягкой земле; эта колея не шла дальше павильона, а оттуда поворачивалась к Парижу.

Наконец д'Артаньян, продолжая свои исследования, нашел подле стены разорванную женскую перчатку. Впрочем, эта перчатка была совершенно чистая, кроме той части, которою она касалась грязи. Это была одна из тех раздушенных перчаток, которые любовники любят снимать с хорошенькой ручки.

Во время этих исследований лоб его покрывался все более и более холодным потом, ужасная тоска сжимала его сердце, дыхание прерывалось; впрочем, чтоб успокоить себя, он старался думать, что павильон не имел ничего общего с госпожой Бонасиё, потому что она назначила ему свидание не в павильоне, а против павильона, и что служба, или, может быть, ревность мужа могли удержать ее в Париже.

Но все эти рассуждения уничтожались совершенно чувством глубокой печали, которое в известных случаях овладевает нами совершенно и говорит нам громко и ясно, что нас ожидает большое несчастье.

Когда д'Артаньян почти обезумел: он побежал на большую дорогу тем же путем, каким пришел сюда, пошел на пристань и стал расспрашивать перевозчика.

Перевозчик с семи часов вечера перевез даму, закутанную в черный плащ: она, казалось, очень заботилась о том, чтоб ее не узнали, но именно поэтому-то он обратил на нее особенное внимание и заметил, что она была молода и красива.

В то время, так же как и теперь, множество молодых хорошеньких женщин ездили к Сен-Клу, и все заботились о том, чтоб их не узнали; но д'Артаньян нисколько не сомневался, что эта дама была Бонасиё.

Д'Артаньян воспользовался светом лампы, горевшей в хижине перевозчика и прочел еще раз записку, чтоб увериться, что свидание действительно назначено в Сен-Клу, а не в другом месте и против павильона д'Эстре, а не в другой улице.

Все доказывало д'Артаньяну, что предчувствия не обманывали его и что случилось большое несчастье.

Бегом направился он опять к замку; ему казалось, что в его отсутствие там случилось что-нибудь новое, и что он найдет там объяснение своих недоумений.

Переулочек был так же пуст, и тот же слабый и приятный свет виднелся в окне. Дверь в сад была заперта, но он перескочил через забор, и не обращая внимания на лай цепной собаки, подошел к хижине.

Когда он постучался, никто не отвечал. Мертвое молчание царствовало в хижине, так же как и в павильоне; но как эта хижина была для него последним средством узнать что-нибудь, то он постучался еще раз.

Вскоре внутри хижины послышался легкий и робкий шум человека, который, казалось, боялся, чтоб его не услышали.

Тогда д'Артаньян перестал стучаться и просил отворить дверь таким тревожным и испуганным голосом, который мог успокоить самого робкого. Наконец старый полусгнивший ставень немножко отворился и тотчас же затворился, когда слабый свет тусклой лампы, горевшей в углу, осветил перевязь, эфес шпаги и ложе пистолетов д'Артаньяна. Впрочем, как ни быстро было это движение, д'Артаньян успел заметить голову старика.

– Ради Бога! сказал он, – послушайте меня. Кого я ждал, тот не пришел, и я умираю от беспокойства. Скажите, не случилось ли здесь в окрестностях какого-нибудь несчастья?

Окно медленно отворилось и то же лицо явилось снова, только оно было еще бледнее чем в первый раз.

Д'Артаньян откровенно рассказал свою историю, не называя только никого по имени; он рассказал, как одна молоденькая женщина назначила ему свидание против павильона, и как, не могши дождаться ее, он влез на липу и при свете лампы увидел беспорядок в комнате.

Старик слушал его внимательно, кивая головою в знак согласия, потом, когда д'Артаньян кончил, он покачал головою с таким видом, который не предвещал ничего хорошего.

– Что вы на это скажете? спросил д'Артаньян, – ради Бога, объясните мне.

– О, господин, сказал старик, – не спрашивайте меня ни о чем, потому что если я расскажу вам, что видел, поверьте мне, за это не скажут спасибо.

– Так вы видели что-нибудь? В таком случае умоляю вас, сказал д'Артаньян, бросая ему пистоль, – скажите, что вы видели и даю вам слово дворянина, что ни одно слово ваше не сорвется с моего языка.

Старик видел столько искренности и печали на лице д'Артаньяна, что сделал ему знак молчания и сказал вполголоса:

– Около девяти часов вечера я услышал на улице шум и хотел посмотреть, что там делается; подходя к калитке, я услышал, что кто-то хочет войти в нее. Так как я беден и не боюсь быть обокраденным, то отворил калитку и увидел в нескольких шагах от нее троих мужчин. В стороне стояла запряженная карета и верховые лошади. Эти верховые лошади принадлежали очевидно мужчинам, одетым по-военному.

– А, добрые господа, сказал я, – что вам угодно?

– У тебя верно есть лестница, сказал тот, который, кажется, был начальником.

– Есть та, с помощью которой я собираю плоды.

– Дай ее нам и ступай домой, вот тебе экую за то, что мы тебя потревожили. Но помни только, что ты погиб, если расскажешь хоть одно слово из того, что ты видишь и из того, что услышишь (я уверен, что, не смотря ни на какие угрозы, ты будешь смотреть и слушать).

С этими словами он бросил экую, который я поднял, и он взял мою лестницу.

И точно, когда я запер за собой калитку, я притворился, будто пошел домой, но вышел тотчас же через заднюю дверь и пробрался в тени к кусту бузины, из-за которого я мог все видеть, будучи незамеченным.

Три человека подвели без всякого шума карету и вывели из нее человека, толстого, маленького роста, с проседью, бедно одетого в черное платье; он осторожно влез на лестницу, сурово посмотрел во внутренность комнаты, осторожно опустился и проворчал тихонько.

– Это она!

Тот, который говорил со мной, подошел тогда к двери павильона, отпер ее ключом, который был у него, и запер за собою дверь, в тоже время другие двое влезли на лестницу. Старичок остался у дверей кареты; кучер держал лошадей каретных, а лакей верховых.

Вдруг в павильоне раздался громкий крик: женщина подбежала к окну и отворила его, как будто желая из него броситься. Но как только заметила людей, отскочила назад, а они бросились за ней в комнату.

После этого я ничего не видал, но слышал, как с шумом ломали мебель. Женщина кричала и звала на помощь. Но скоро эти крики затихли; трое мужчин подошли к окну, неся на

руках женщину; двое спустились с ней по лестнице и перенесли ее в карету, куда старичок сел тотчас после нее. Тот, который остался в павильоне, затворил окно, вышел сейчас же из дверей и посмотрел в карету, чтоб увериться, что женщина там. Двое товарищей ожидали его уже на лошадях, он вскочил на седло, лакей сел подле кучера, карета поскакала галопом в сопровождении трех всадников и тем все кончилось.

После этого я больше ничего не видал и не слышал.

Д'Артаньян, пораженный этою ужасною новостью, был неподвижен и нем, между тем как потоки гнева и ревности клокотали в его сердце.

– Не отчаивайтесь же, ведь ее не убили, это главное, сказал старик, на которого немое отчаяние произвело большее впечатление, чем могли бы сделать крики и слезы.

– Не знаете ли вы хоть приблизительно, кто предводитель этой адской экспедиции?

– Я не знаю его.

– Но как вы говорили с ним, то могли видеть его.

– А, так вы хотите, чтоб я описал его?

– Да.

– Высокий, худошавый, смуглый, с черными усами и глазами и с благородною наружностью.

– Так и есть, сказал д'Артаньян, – опять он; везде он! Это, кажется, мой демон. А другой?

– Который?

– Маленький.

– О, он не господин, за это я отвечаю: между прочим при нем не было шпаги и другие обращались с ним неуважительно.

– Какой-нибудь лакей, проворчал д'Артаньян. – Ах, бедная женщина! бедная женщина! что с ней сделали?

– Вы обещали хранить тайну, сказал старик.

– И снова обещаю, будьте спокойны, я дворянин; для дворянина нет ничего дороже его слова, а это слово вам дано.

Д'Артаньян, с горестью в душе, пошел опять к перевозу. То ему не хотелось верить, что это была Бонасиё, и он надеялся увидеться с ней на другой день в Лувре; то он боялся, что она имела интригу с другим и что этот ревнивец подкараулил и похитил ее. Он не знал, что делать и предавался отчаянию.

– О, если бы друзья были со мной! вскричал он; – я по крайней мере имел бы надежду найти ее; но кто знает, что с ними случилось.

Была почти полночь; надобно было найти Планше. Д'Артаньян велел отворять себе по дороге все кабаки, в которых видел свет; но ни в одном из них не нашел Планше.

Подходя к шестому, д'Артаньян вспомнил, что поиски его напрасны. Он назначил своему слуге свидание в шесть часов и потому, где бы он ни был, он был прав.

Кроме того, ему пришло на мысль, что оставаясь вблизи того места, где случилось это происшествие, ему удастся, может быть, получить некоторые объяснения этого таинственного дела. У шестого кабака, как мы сказали, д'Артаньян остановился, вошел, спросил бутылку вина лучшего качества, и сел в самом темном углу, решившись ждать утра в таком положении; но и тут надежда обманула его; хотя он слушал с полным вниманием разговор работников, лакеев и извозчиков, составлявших общество, в котором он находился, но кроме острот, шуток и брани не слышал ничего такого, что могло бы навести его на след несчастной похищенной женщины.

Выпив свое вино, он принужден был, от нечего делать, и чтобы не возбудить подозрения, выбрать себе, по возможности, удобное положение, чтобы как-нибудь заснуть. Д'Артаньяну было двадцать лет; а в этом возрасте сон имел такие неоспоримые права, даже и над людьми, преданными отчаянию.

В шесть часов утра д'Артаньян проснулся в таком дурном расположении духа, какое всегда бывает после дурно проведенной ночи. Собраться было ему не долго; он осмотрел свои вещи, чтоб узнать, не обокрали ли его во сне, но нашел на руке перстень, кошелек в кармане и пистолеты за поясом. Тогда он встал, заплатил за вино и вышел, в надежде, не будет ли он утром счастливее в отыскании своего слуги, чем ночью. И точно, первое, что он увидел во влажном и сероватом тумане, был верный Планше, который держал двух лошадей и ждал его у дверей маленького кабака, мимо которого д'Артаньян прошел, не подозревая, что слуга его там.

IX. Портос

Вместо того, чтоб отправиться прямо домой, д'Артаньян сошел с лошади у дверей дома де-Тревиля и быстро взошел на лестницу. В этот раз он решился со всею откровенностью рассказать обо всем, с ним случившемся. Де-Тревиль мог быть очень полезен ему в этом случае; и как он почти ежедневно виделся с королевой, то без сомнения мог получить от нее какие-нибудь сведения о бедной женщине, страдавшей за свою преданность к ее особе.

Де-Тревиль выслушал рассказ молодого человека очень серьезно; во всем этом происшествии он видел не любовную интригу, а происки партии кардинала.

– Ого! тут сильно отзывается кардиналом, сказал он, когда д'Артаньян окончил рассказ.

– Но что теперь делать?

– Больше ничего, как оставить Париж, нимало не медля. Я увижусь с королевой, расскажу ей подробности похищения бедной женщины, о котором, вероятно, она еще ничего не знает; подробности эти наведут ее на след, и, быть может, по возвращении вашем, я в состоянии буду сообщить вам хорошие вести. Положитесь на меня.

Д'Артаньян знал, что де-Тревиль, хотя и гасконец, не любил много обещать, но уж если обещал, то всегда держал слово. Он поклонился ему с чувством благодарности за прошедшее и будущее, а капитан с своей стороны, принимавший живое участие в молодом человеке, столь смелом и решительном, крепко пожал ему руку и пожелал счастливого пути.

Решившись последовать совету де-Тревиля, д'Артаньян тотчас же отправился в улицу Могильщиков, чтобы присмотреть за укладкою вещей в чемодан. Приближаясь к дому, он заметил г. Бонасиё, стоявшего в утреннем платье у дверей своего дома. Все, сказанное ему накануне осторожным Планше о подозрительном характере этого человека, пришло тогда на память д'Артаньяну, и он посмотрел на Бонасиё пристальнее чем когда-либо. В самом деле, не говоря уже о желтом, болезненном цвете лица, доказывающем разлитие желчи, что впрочем могло быть и случайным явлением, в морщинах лица г. Бонасиё виднелось постоянно что-то злое и хитрое. Бездельник смеется не так, как честный человек, и плач лицемера не похож на плач человека добродетельного. Всякая хитрость есть маска, и как бы искусно не была надеты эта маска, при некотором внимании всегда можно отличить ее от лица.

Д'Артаньяну показалось, что Бонасиё носит маску, и маску весьма не привлекательную.

Побуждаемый отвращением к этому человеку, он хотел пройти мимо, не сказав с ним ни слова, но, как и накануне, Бонасиё сам заговорил с ним.

– А, молодой человек, вы хорошо проводите время: черт возьми! уж семь часов утра. Совершенно вопреки принятым обычаям, вы возвращаетесь домой только тогда, когда другие выходят из дому.

– Вам нельзя сделать того же упрека, г. Бонасиё, сказал молодой человек, – вы образец порядочного человека; впрочем, у кого есть хорошенькая молоденькая жена, тому незачем идти искать счастья, оно само его найдет. Не правда ли, г. Бонасиё?

Бонасиё побледнел как смерть, и старался улыбнуться.

– Какой же вы шутник, г. д'Артаньян! Но скажите, пожалуйста, где вы шатались эту ночь? Кажется, что проселочные дороги не совсем удобны для прогулки.

Д'Артаньян посмотрел на свои сапоги, выпачканные грязью, но в тоже время случайно взглянул на башмаки и чулки Бонасиё, и заметил, что они были точно так же испачканы, пятна были совершенно того же свойства.

Внезапная мысль поразила д'Артаньяна; не был ли этот человечек, толстый, небольшого роста, нечто в роде лакея, одетый в платье темного цвета, с которым не уважительно обращались люди, составлявшие конвой, сам Бонасиё? Не присутствовал ли муж при похищении жены своей?

Д'Артаньяну ужасно хотелось схватить лавочника за горло и задушить; но, как мы сказали, он был благоразумен и потому удержался; однако перемена, происшедшая в лице его, была так заметна, что Бонасиё испугался не на шутку и хотел было отступить назад, но как половинка дверей, перед которой он стоял, была заперта, то это неожиданное препятствие заставило его остаться на месте.

– Ага, господин насмешник, сказал д'Артаньян, кажется, что если мои сапоги грязны, то и для ваших башмаков нужна щетка; верно, и вы шлялись где-нибудь по проселочным дорогам? В ваши лета это непростительно, в особенности же имея такую молоденькую и хорошенькую жену как ваша.

– Ах, да! отвечал Бонасиё, я был вчера в Сен-Манде, чтоб узнать о служанке, которая мне нужна; дорога прескверная и я перемарался в грязи, которой не успел еще отчистить.

Место, названное Бонасиё, еще более подкрепило подозрение д'Артаньяна. Он думал, что Бонасиё с намерением назвал Сен-Манде, потому что оно лежит в стороне, совершенно противоположной от Сен-Клу.

Эта мысль несколько его успокоила; если Бонасиё знал, где находится его жена, то всегда можно было найти средство заставить его высказать тайну. Оставалось только убедиться, что предположение его справедливо.

– Извините, любезный Бонасиё, если я буду с вами без церемоний, сказал д'Артаньян. – От вчерашней бессонной ночи меня сильно мучит жажда, позвольте мне выпить у вас стакан воды; в этом, кажется, нельзя отказать соседу.

Не ожидая позволения хозяина, д'Артаньян быстро вошел в комнату и бросил взор на постель. Она не была измята; Бонасиё не ложился спать. Вероятно, что он воротился за час или за два пред тем, и что он проводил свою жену до того места, куда ее увезли, или по крайней мере до первой станции.

– Благодарю вас, сказал д'Артаньян, ставя стакан на стол, – я узнал, что мне было нужно. Теперь я пойду домой, чтобы приказать вычистить свои сапоги, и, если вам угодно, г. Бонасиё, то я пришлю Планше, чтоб он и вам оказал ту же услугу.

С этими словами он оставил Бонасиё, с изумлением спрашивавшего себя, уж не проговорился ли он как-нибудь.

На лестнице встретил он Планше, сильно встревоженного.

– Ах, барин, сказал Планше, лишь только завидел его; – я с нетерпением ожидал вас, чтобы сообщить вам новость.

– Что случилось? спросил д'Артаньян.

– Я держу тысячу против одного, что вы не угадаете, кто был у вас во время вашего отсутствия.

– Когда?

– С полчаса тому назад, в то время как вы были у де-Тревия.

– Кто ж это был? говори.

– Де-Кавоа.

– Де-Кавоа?

– Так точно.

– Капитан гвардии кардинала?

– Он самый.

– Он приходил арестовать меня?

– Я думаю, что так, хотя он и был очень ласков.

– Он был очень ласков, говоришь ты?

– Как нельзя больше.

– В самом деле?

– Он приходил, по его словам, от кардинала, который очень к вам расположен и приглашал вас с собой в Палероаль.

– Что же ты сказал ему?

– Что это невозможно, потому что вас нет дома, в чем он сам мог убедиться.

– А что он на это сказал?

– Чтобы вы непременно зашли к нему сегодня и потом прибавил вполголоса, что кардинал крайне расположен к вам, и что от этого свидания, быть может, зависит ваша будущность.

– Сети неловко расставлены, заметил молодой человек, улыбаясь.

– Я также предвидел это и отвечал ему, что вы будете в отчаянии, он спросил, куда вы отправились? Я отвечал: – В Троя, в Шампаньи.

– А когда он уехал туда? спросил он. Я сказал:

– Вчера вечером.

– Любезный Планше, да ты золотой человек, сказал д'Артаньян.

– Я полагал, сударь, что если вы захотите видеться с де-Кавоа, то всегда можете это сделать, сказав, что вы совсем не думали уезжать; в этом случае солгал бы я; а как я не дворянин, то мне лгать позволено.

– Успокойся, Планше, ты сохранишь свою репутацию правдивого человека; через четверть часа мы едем.

– Я только хотел это вам посоветовать; могу я спросить, куда мы отправляемся?

– Разумеется, в сторону совершенно противоположную тому месту, которое ты назвал. Да сверх того, разве не интересно тебе будет знать, что делают Гримо, Мускетон и Базен, как я желал бы узнать, что случилось с друзьями моими Атосом, Портосом и Арамисом.

– Конечно, я поеду, если вам угодно; воздух провинции теперь для нас, кажется, здоровее Парижского, и так...

– И так укладывайся, Планше, медлить нечего; я поеду вперед, чтобы не подать никакого подозрения; мы сойдемся у гвардейских казарм. Кстати, Планше, ты, кажется, прав относительно нашего хозяина, это порядочная бестия.

– О, да, поверьте мне; я редко ошибаюсь в физиономиях.

Д'Артаньян вышел первый, как они уговорились; потом, для верности, он зашел на квартиры трех друзей своих; но никакого известия об них не было; только в квартире Арамиса он нашел раздушенную записку, написанную прекрасным легким почерком. Д'Артаньян взялся доставить ее. Десять минут спустя к нему присоединился у гвардейских казарм Планше, ведя за повод четырех лошадей. Чтоб не терять времени, д'Артаньян сам оседлал свою лошадь.

– Хорошо, сказал он Планше, когда тот подвязал чемодан: – теперь оседлай остальных трех и поедем.

– Разве мы скоро приедем, каждый на двух лошадях? спросил Планше со своим насмешливым видом.

– Нет, насмешник, отвечал д'Артаньян: – но с помощью четырех лошадей мы скорее в состоянии будем привезти наших трех друзей, если только найдем их в живых.

– Сомнительно, заметил Планше, – впрочем, не должно отчаиваться в милосердии Божиим.

– Аминь, сказал д'Артаньян, пришпоривая лошадь.

И оба, выехав из гвардейских казарм, поворотили в противоположные концы улицы; один должен был выехать и Парижа через Виллетскую заставу, другой через Монмартрскую, чтобы соединиться опять у Сен-Дени. Этот стратегический маневр, будучи исполнен с величайшею точностью, увенчался совершенным успехом. Д'Артаньян и Планше приехали в одно время в Пиеррефит.

Надобно заметить, что Планше днем был храбрее, нежели ночью.

Однако же обычная его осторожность не оставляла его ни на минуту; он не забыл ни малейшего случая из прежней своей поездки и видел в каждом встречавшемся путешественнике врага своего. Во всю дорогу он почти не надел шляпы, раскланиваясь на обе стороны, за что получил строгий выговор от д'Артаньяна, который боялся, что по излишней учтивости Планше, его сочтут за лакея какого-нибудь незначительного лица.

Впрочем, или прохожие действительно были тронуты вежливостью Планше, или на этот раз не было устроено никакой засады по дороге, но путешественники наши прибыли в Шантильи без всякого приключения и остановились у гостиницы Великого Сен-Мартена, – той самой, где они останавливались и в первое свое путешествие.

Хозяин, заметив молодого человека, за которым следовал лакей, ведя двух лошадей на поводьях, почтительно вышел ему на встречу; д'Артаньян, проехав одиннадцать миль, устал и пожелал остановиться, не смотря на то, найдет ли он там Портоса или нет. Да сверх того, может быть, было бы неосторожно прямо спросить, что случилось с мушкетером. На этом основании, не спрашивая ни о ком, д'Артаньян сошел с лошади, поручил ее лакею, вошел в небольшую комнату, где обыкновенно останавливались те, кто желал остаться один, и спросил себе бутылку хорошего вина и какой можно было достать лучший завтрак, что еще более усилило хорошее мнение о нем хозяина, внушенное ему путешественником при первом взгляде.

По этой причине приказание его было исполнено с возможною поспешностью.

В гвардейский полк поступали люди лучших фамилий и д'Артаньян, имевший лакея и четырех отличнейших лошадей, не мог не произвести выгодного для себя впечатления, не смотря на простоту своего костюма. Хозяин сам стал прислуживать ему; заметив это, д'Артаньян приказал подать два стакана и начал следующий разговор:

– Послушайте, любезный хозяин, сказал он наливая вино в стаканы: – я потребовал себе лучшего вина, и если вы меня обманули, то сами будете жалеть об этом, потому что я терпеть не могу пить один, а следовательно, вы должны пить со мною; возьмите стакан и выпьем. За чье же здоровье мы будем пить, чтоб не задеть ничьего самолюбия? Выпьемте за благосостояние вашего заведения.

– Много чести, сказал хозяин, – благодарю вас искренно за такое желание.

– Не ошибитесь, сказал д'Артаньян: – я, может быть, больше забочусь о себе нежели о вас: только в хорошо устроенных заведениях приятно останавливаться; в других, где дела идут худо, путешественник делается жертвою затруднительного положения хозяина заведения, а как мне приходится часто ездить и в особенности по этой дороге, то я желал бы, чтобы все гостиницы были в самом цветущем состоянии.

– Это правда, сказал хозяин: – мне кажется, что я уже не в первый раз имею честь вас видеть.

– Да; я, может быть, десять раз был в Шантильи, и из этих десяти раз три или четыре останавливался у вас. Не далее десяти или двенадцати дней я проезжал здесь с друзьями моими, мушкетерами; еще один из них заспорил с каким-то незнакомым человеком, который очевидно хотел затеять с ним ссору.

– Ах, да! сказал хозяин, теперь я припоминаю. Вы хотите сказать о г. Портосе?

– Именно так зовут моего товарища. Ах, любезный хозяин, скажите пожалуйста, не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья?

– Вы, может быть, припомните, он тогда не в состоянии был продолжать своего путешествия.

– Точно, он хотел догнать нас, но мы после того не видали его.

– Он остался здесь.

– Как! он остался у вас?

– Да, сударь, в этой гостинице; мы уже начинаем сильно беспокоиться.

– О чем же?

- О некоторых издержках.
 - О, на этот счет будьте спокойны, он заплатит.
 - Как же вы меня утешили, сударь! Мы очень на него поиздержались, и нынешним утром еще доктор объявил нам, что если г. Портос не заплатит ему, то я должен заплатить, потому что я за ним посылал.
 - Разве Портос ранен?
 - Я не могу вам сказать.
 - Как вы не можете мне сказать? но вам это должно быть известно больше чем всякому.
 - Это так, но не всегда мы можем говорить то, что знаем, особенно же когда обещают нам за нескромность обрубить уши.
 - А могу я видеть Портоса?
 - Конечно. Войдите по этой лестнице и в первом этаже постучитесь у двери № 1. Только потрудитесь предупредить, что это вы.
 - Зачем же это?
 - Чтобы не случилось какого-нибудь несчастья.
 - Какое же несчастье тут может случиться?
 - Г. Портос может подумать, что стучится кто-нибудь из здешних, и в порыве гнева может заколоть или застрелить вас.
 - Что же вы ему сделали?
 - Мы ему напомнили о деньгах.
 - А, я понимаю, Портос не любит, чтоб ему напоминали об этом, в особенности когда у него нет денег, но я знаю, что теперь они у него должны быть.
 - И мы также думали; а как здесь дела ведутся в порядке, и мы сводим счет каждую неделю, то по прошествии недели мы и представили ему счет, но кажется, попали не в добрую минуту: лишь только успели заикнуться о деньгах, как он вытолкнул нас за двери; правда, что он накануне проигрался.
 - Как, он играл? с кем же?
 - Кто его знает; какой-то проезжий, которому он предложил сыграть партию в ландскнехт.
 - Так, так! и несчастный верно все проиграл.
 - Даже лошадь свою. Когда незнакомец собирался в дорогу, мы видели, что лакей его седлает лошадь г. Портоса. Мы это ему заметили, но он отвечал, чтобы мы не мешались не в свое дело, что лошадь принадлежит ему. Мы тотчас дали знать о том г. Портосу, но он велел нам сказать, что мы мошенники, что если дворянин сказал, что это лошадь его, то мы и должны верить слову дворянина.
 - Я узнаю Портоса, сказал про себя д'Артаньян.
 - Тогда, продолжал хозяин, – я велел ему сказать, что так как мы не можем сойтись насчет платежа, то не удостоит ли он чести соседа моего, содержателя гостиницы Золотого орла; г. Портос отвечал, что моя гостиница ему лучше нравится, и что он тут остается. Этот ответ льстил моему заведению, и потому я не мог более настаивать, чтоб он от меня выехал. Я ограничился тем, что предложил ему уступить занимаемую им комнату и перейти в третий этаж, где был свободен маленький хорошенький кабинет. На это г. Портос ответил мне, что как он ожидает с минуты на минуту свою любовницу, какую-то знатную даму при дворе, то я должен понять, что даже та комната, которую он теперь занимает, слишком недостаточна для такой важной особы.
- При всем том, сознавая истину его слов, я все-таки настаивал на своем; но, не говоря дурного слова, он схватил пистолет, положил его на стол перед собой и объявил нам, что при первом слове о каком бы то ни было перемещении, внутреннем или внешнем, он разmozжит

голову тому, кто станет соваться в дело лично до него касающееся. С тех пор уж никто и не входит в его комнату кроме одного слуги его.

– Так Мускетон также здесь?

– Да, пять дней спустя после отъезда, он воротился сюда в самом дурном расположении духа; должно быть и с ним случилось какое-нибудь несчастье по дороге. К сожалению, он еще нецеремоннее своего барина; он все здесь поставил вверх дном, и опасаясь, что ему иногда могут отказать в том, что ему нужно, он сам берет все без просу.

– В самом деле, отвечал д'Артаньян, – надобно отдать справедливость Мускетону, что он преданный и ловкий слуга.

– Может быть, но представьте себе, что если бы случилось три или четыре раза в году встретить такую преданность и ловкость в людях, останавливающихся здесь, то я разорился бы совершенно.

– Но Портос вам заплатит.

– Гм... сказал хозяин с видом сомнения.

– Он фаворит знатной дамы, которая не оставит его в затруднительном положении из-за такой безделицы, какую он вам должен.

– Осмелюсь я сказать то, что думаю...

– А что вы думаете?

– Или лучше сказать, то что я знаю.

– Что вы знаете?

– И знаю наверное.

– Посмотрим, что вы знаете наверное.

– Я говорю, что я знаю кто эта дама.

– Вы?

– Да, я.

– Как же вы ее знаете?

– О, если б я мог вам довериться...

– Говорите, даю вам слово дворянина, что вы не будете раскаиваться в вашем доверии.

– Согласитесь, что нужда заставляет иногда прибегать к крайним средствам.

– Что же вы сделали?

– Только то, что в праве был сделать кредитор.

– А именно?

– Г. Портос дал нам записку к этой герцогине, чтоб отнести ее на почту, так как человек его еще тогда не возвратился. Сам он не мог выходить из комнаты, а потому и должен был по неволе обратиться к нам.

– Потом?

– Вместо того чтобы послать письмо по почте, что не всегда бывает верно, я воспользовался случаем, что один из моих людей отправлялся в Париж, и приказал ему отдать письмо самой герцогине в руки. Отчасти я исполнил этим желание г. Портоса, который очень беспокоился о письме, не правда ли?

– Почти так.

– Так знаете ли, что это за знатная дама?

– Нет, я только слышал о ней от Портоса.

– Так вы не знаете, кто эта мнимая герцогиня?

– Говорю вам, что нет.

– Старуха-прокурорша, г-жа Кокнар, лет 50, и которая прикидывается еще ревнивою. Мне и то показалось странно, что герцогиня живет в Медвежьей улице.

– А как вы все это узнали?

– Потому что она ужасно рассердилась, прочитав письмо г. Портоса, назвала его ветре-ником и сказала, что он ранен, верно, опять из-за какой-нибудь женщины.

– А разве он ранен?

– Ах, что я сказал!

– Вы сказали, что Портос ранен.

– Да, но он строго запретил говорить об этом.

– Почему?

– Как, почему? он похвастался было заколоть того незнакомца, с которым вы оставили его в споре, а вышло наоборот, – незнакомец ранил его, несмотря на все его чванство. А как г. Портос очень тщеславен со всеми, кроме своей герцогини, которую думал заинтересовать описанием своего приключения, то он и не хочет сознаться в том, что он ранен.

– Однако эта рана заставила его слечь в постель.

– Да еще какая рана, посмотрели бы вы! как еще душа держится в теле!

– Вы были при дуэли?

– Да, любопытство заставило меня подсмотреть, но так, что меня не было видно.

– А как было дело?

– Дело порешилось очень скоро. Они стали в позицию; незнакомец сделал фальшивый маневр, и все это так скоро, что когда г. Портос хотел парировать, у него уже было на три дюйма железа в груди; он упал навзничь. Незнакомец тотчас приставил шпагу к горлу, и г. Портос, видя себя во власти своего противника, сознался побежденным. Тогда незнакомец спросил его имя, и узнавши, что его зовут Портосом, а не д'Артаньяном, подал ему руку, отвел в гостиницу, сел на лошадь и уехал. А, так ему нужно было д'Артаньяна!

– Должно быть.

– Не знаете ли, куда он девался?

– Нет, я даже не знаю его имени, и с тех пор мы его не видали.

– Прекрасно; теперь я узнал, что мне было нужно. Теперь я пойду к Портосу: вы говорите, что он занимает комнату № 1?

– Да, лучшую комнату в гостинице, – комнату, которую я имел случай уже десять раз отдать.

– Ну, успокойтесь, сказал д'Артаньян с усмешкой: – Портос заплатит вам из кошелька герцогини Кокнар.

– О, прокурорша или герцогиня, это все равно, лишь бы заплатили; но она решительно отвечала, что ей уже наскучили мотовство и ветренность г. Портоса, и что он не получит от нее больше ни копейки.

– Передали вы этот ответ Портосу?

– Ну уж нет; он тогда догадался бы, как мы исполнили его поручение.

– Так он все еще ждет своих денег?

– Конечно; вчера еще написал письмо, но на этот раз слуга отнес его на почту.

– Так вы говорите, что прокурорша стара и безобразна?

– Лет пятидесяти, и как говорит Пато, вовсе не красива.

– В таком случае, будьте покойны, она смягчится; да притом же, вероятно, Портос должен вам какую-нибудь безделицу?

– Какое безделицу! До двадцати пистолей, не считая лечения. Он ни в чем себе не отказывает; как видно, он привык хорошо жить.

– Ну, если его оставит любовница, у него найдутся друзья. Итак, любезный хозяин, не беспокойтесь ни о чем и продолжайте ухаживать за ним, как требует его положение.

– Не забудьте, что вы обещали мне ничего не говорить ни о прокурорше, ни о ране.

– Я вам дал в этом слово.

– Он убьет меня, если что-нибудь узнает.

– Не бойтесь, он не так страшен, как кажется.

С этими словами д'Артаньян оставил хозяина, несколько успокоенного относительно двух вещей, которыми он столько дорожил: кошелька и жизни.

Поднявшись на лестницу, д'Артаньян издали заметил на самой видной двери коридора огромную цифру № 1, написанную черною краской; он постучался в дверь и получив позволение, вошел.

Портос лежал в постели и для препровождения времени играл с Мускетоном в ландскнехт, чтобы не разучиться; на вертеле жарились рябчики, а по углам большого камина кипели на двух таганах кастрюли, из которых распространялся по комнате приятный запах фрикасе из цыплят и рыбы. К довершению картины, на конторке и комодке валялись порожние бутылки.

Увидев приятеля своего, Портос вскричал от радости, а Мускетон, почтительно встав, уступил свое место и пошел посмотреть за кастрюлями, над которыми, казалось, он имел особенное наблюдение.

– А, это ты, сказал Портос д'Артаньяну: – очень рад; извини, что не могу тебя встретить. Но, прибавил он с некоторым беспокойством, – знаешь ли ты что со мной случилось?

– Нет.

– Хозяин ничего не говорил тебе?

– Я просил его указать, где твоя комната и прямо вошел сюда.

Портос вздохнул свободнее.

– Что же с тобой случилось, любезный Портос? продолжал д'Артаньян.

– Когда я напал на моего противника, которому уже успел нанести три удара и хотел окончить четвертым, нечаянно нога моя поскользнулась, и я ушибся коленом о камень.

– В самом деле?

– Уверяю честью! Счастье этому мошеннику, А то я убил бы его на месте.

– А куда он девался?

– Право, не знаю; довольно с него и этого, он поспешил убраться. Но что случилось с тобой, любезный друг?

– Так из-за этого ушиба, продолжал д'Артаньян, – ты лежишь в постели, любезный Портос?

– Да, впрочем, чрез несколько дней я надеюсь выйти.

– От чего же ты не велел перевезти себя в Париж? ведь здесь должна быть смертельная скука.

– Я так и думал; но я должен признаться тебе кое в чем.

– В чем же?

– Как мне было очень скучно, а в кармане случились те 75 пистолей, которые ты мне дал, то, чтоб развеять себя сколько-нибудь, я пригласил к себе одного проезжего сыграть партию в кости. Он согласился, и мои 75 пистолей перешли в его карман, да в добавок к тому я еще проиграл ему свою лошадь. А ты что, любезный д'Артаньян?

– Что делать, любезный Портос, нельзя же во всем быть счастливым; ты знаешь поговорку: кто несчастлив в игре, счастлив в любви. А ты в любви так счастлив, что нельзя же, чтобы игра тебе не изменила; впрочем что тебе горевать о несчастьи в игре? разве у тебя нет герцогини, которая не откажет помочь тебе?

– Видишь в чем дело, любезный друг, отвечал Портос, – нимало не смущаясь; я писал было ей, чтобы она прислала мне луидоров 50, в которых я крайне нуждаюсь, находясь в таком положении.

– Ну, и что же?

– Да то, что должно быть она уехала в деревню, потому что я не получил от нее ответа.

– В самом деле?

– Уверяю тебя; а потому я послал ей еще письмо убедительнее первого. Но поговорим о тебе, любезный друг; признаюсь, я начинал было беспокоиться на твой счет.

– Но, кажется, что хозяин твой хорошо о тебе заботится, любезный Портос, сказал д'Артаньян, указывая на кастрюли и порожние бутылки.

– И так, и сяк, отвечал Портос. – Назад тому дня три или четыре, невежа подал было мне счет; но я выгнал его со счетом вон, так что я здесь, как на войне, и ты видишь, что я весь вооружен, опасаясь нападения.

– Однако кажется, что ты по временам делаешь смелые вылазки, сказал д'Артаньян, смеясь и указывая на бутылки и кастрюли.

– К несчастью, не я, отвечал Портос. – Этот проклятый ушиб не позволяет мне встать с постели, но Мускетон ходит у меня на охоту и приносит живность. Мой друг, продолжал Портос, обращаясь к Мускетону, – ты видишь, что гарнизон наш усилился, нужно прибавить и провизии.

– Мускетон, сказал д'Артаньян, – ты должен оказать мне маленькую услугу.

– Какую, сударь?

– Научи моего Планше этому искусству; может быть, когда-нибудь и мне придется быть в осаде, так я желал бы пользоваться такими же удобствами, какими пользуется твой барин.

– Ничего нет легче, скромно отвечал Мускетон. – Нужно только быть ловким. Молодость свою я провел в деревне, где отец мой в свободное время любил охотиться в чужих лесах.

– А остальное время что он делал?

– Он занимался ремеслом, которое я нахожу очень выгодным.

– Какое же это?

– Это было во время войны гугенотов с католиками; видя, что те и другие истребляют друг друга с ожесточением, во имя религии, он выдавал себя то за католика, то за гугенота, и грабил и тех и других. Обыкновенно он прогуливался с карабином на плече за плетнями по сторонам большой дороги и когда, бывало, увидит, что идет католик, он становится протестантом, наводит карабин на путешественника, и когда тот подойдет к нему на расстояние десяти шагов, он заводит с ним разговор, обыкновенно оканчивавшийся тем, что прохожий оставлял кошелек, чтобы спасти жизнь. Само собою разумеется, что при виде гугенота он делался таким ревностным католиком, что сам удивлялся, как он мог четверть часа назад усомниться в превосходстве католицизма. Я католик, хотя отец мой, верный своим правилам, воспитал старшего брата моего в вере протестантской.

– Чем кончил этот достойный человек? спросил д'Артаньян.

– Самым жалким образом. Однажды он встретился в узкой проселочной дороге с гугенотом и католиком, которых когда-то прежде обобрал и которые оба узнали его; общими силами они схватили и повесили его на дереве, потом они пришли похвастаться своим подвигом в соседний кабаk, где мы с братом пили в то время вино.

– И что же вы сделали? сказал д'Артаньян.

– Выждав время, когда они вышли из кабака, мы стали караулить их на дороге, и как они разошлись в разные стороны, то один из нас напал на католика, другой на гугенота. Через два часа все было кончено, благодаря предусмотрительности нашего отца, который воспитал нас в разных верах.

– В самом деле, Мускетон, твой отец был очень хитрый малый. Ты говоришь, что в свободное время он занимался запрещенною охотой?

– Да, и он выучил меня ставить сети и удить рыбу. А как я заметил, что наш скупой хозяин стал нам отпускать худую провизию, годную разве для мужиков, а не для таких слабых желудков как наши, то я и принялся за прежнее свое ремесло. В лесах его светлости принца я ставлю сети и закидываю уды, и с тех пор мы имеем превосходную провизию, как вы изво-

лите видеть, рябчиков и кроликов, карпов и угрей, все пищу здоровую и не обременительную, особенно для больных.

– А кто доставляет вино, спросил д'Артаньян, – сам хозяин?

– Он и не он.

– Как так?

– То есть, доставляет он, но он не знает этого.

– Как же это, объясни, пожалуйста, Мускетон; в твоём разговоре столько поучительного.

– Вот каким образом. Я встретил однажды случайно во время своих путешествий испанца, бывавшего во многих странах и, между прочим, видевшего Новый Свет.

– Но какое отношение между Новым Светом и этими пустыми бутылками, валяющимися на конторке и комодё?

– Имейте терпение, между этим есть связь.

– Твоя правда, Мускетон, я слушаю.

– У этого испанца был слуга, сопровождавший его в путешествии по Мексике. Он был мой земляк, и так как в характерах наших было много сходства, то мы скоро сошлись с ним. Мы оба любили охоту; он мне рассказывал, как в степях, называемых пампами, туземцы охотятся на тигров и буйволов, и ловят их посредством простой петли, которую накидывают на шею этим страшным зверям. Сначала я не хотел верить, чтобы можно было дойти до такой степени ловкости, чтобы бросать за двадцать или тридцать шагов конец веревки именно туда, куда хочешь; но очевидный опыт убедил меня в справедливости рассказов моего земляка. Он ставил в тридцати шагах бутылку и всякий раз накидывал петлю на горлышко. Я стал упражняться в этом, а как я от природы довольно ловок, то и я теперь бросаю лассо не хуже других. У нашего хозяина отличный погреб, но ключ всегда у него; только в этом погребе есть отдушина. В эту отдушину я и бросаю лассо; узнавши, где у него стоят лучшие вина, я туда и закидываю петлю. Итак, вы видите, какое имеет отношение к этим порожним бутылкам, разбросанным по конторке и комоду, Новый Свет. Теперь не угодно ли будет вам попробовать нашего вина и без предубеждения сказать свое мнение.

– Спасибо, дружище, спасибо; к несчастью, я уже позавтракал.

– Ну, так накрой стол, Мускетон, сказал Портос; – а пока мы будем завтракать, д'Артаньян расскажет нам свои похождения в продолжение десятидневной нашей разлуки.

– Охотно, сказал д'Артаньян.

Пока Портос и Мускетон завтракали с аппетитом выздоравливающих и с братским дружеским любием, сближающим людей в несчастьи, д'Артаньян рассказал, как раненый Арамис должен был остановиться в Кревкёре, как Атос остался в Амиене, где на него напали четыре человека, принявшие его за делателя фальшивой монеты, и как он, д'Артаньян, должен был сразиться с графом де-Вардом, чтобы пробраться в Англию. На этом окончился рассказ д'Артаньяна; он сказал только, что по возвращении из Англии он привел четырех превосходных лошадей, одну для себя, а прочих для друзей своих, и объявил Портосу, что назначенная для него лошадь стоит в конюшне.

В это время вошел Планше и сказал своему барину, что лошади уже довольно отдохнули и что до вечера можно будет добраться в Клермон.

Несколько успокоенный относительно Портоса и горя нетерпением узнать о судьбе прочих друзей своих, д'Артаньян протянул руку больному и сказал, что поедет продолжать свои поиски. Впрочем, намереваясь возвратиться по той же дороге через семь или восемь дней, он хотел заехать за Портосом, если найдет его еще в гостинице Великого Сен-Мартена.

Портос отвечал, что, по всей вероятности болезнь не позволит ему выехать раньше этого срока. Притом же он должен остаться в Шантильи еще для того, чтобы дожидаться ответа от своей герцогини.

Д'Артаньян пожелал ему скорого о и приятного ответа, и поручив Мускетону иметь надлежащий присмотр за больным, расплатился с хозяином и отправился в путь с Планше, который оставил там одну из своих лошадей.

Х. Диссертация Арамиса

Д'Артаньян, при всей своей молодости, был очень осторожен; он ни слова не сказал Портосу ни об его ране, ни об отношениях его к прокурорше. Убежденный в том, что никакая дружба не устояла бы против открытой тайны, особенно если притом задето самолюбие, он притворился, что вполне верил всему, что говорил хвастливый мушкетер. Притом знание подобных тайн дает какое-то нравственное превосходство над тем, до кого они касаются, а как д'Артаньян в дальнейших планах своих имел намерение употребить этих трех друзей орудиями для достижения своих целей, то ему было приятно, что он мог заранее иметь в руках своих таинственные нити, посредством которых надеялся действовать на них по своему усмотрению.

Не смотря на то, в продолжение всего пути, он был очень печален: он думал о хорошенькой Бонасиё, от которой надеялся получить вознаграждение за свою преданность. К чести нашего героя надобно сказать, что его огорчало не столько сожаление о потерянном счастье, сколько беспокойство о судьбе бедной женщины, которая, быть может, находилась теперь в бедственном положении. Он был уверен, что она имела несчастье подпасть гневу кардинала, а мщение его, как всем известно, было ужасно. Вместе с тем ему казалось удивительным, чем мог он сам понравиться кардиналу? Без сомнения, он узнал бы об этом, если бы Кавоа застал его дома.

Ничто столько не сокращает пути как мысль, поглощающая собою все внимание человека. Тогда наружное существование кажется каким-то сном, в котором все направлено к одной только этой мысли, под влиянием ее не замечаешь ни времени, ни места, – все сливается в какой-то туман, в котором смутно мелькают неясные образы деревьев, гор и долин. В таком настроении духа д'Артаньян, предоставив лошади идти по ее произволу, проехал шесть или восемь миль, отделяющих Шантильи от Кревкёра; дорога не оставила в нем никакого воспоминания.

При въезде в селение, он как бы пришел в себя, тряхнул головой, и при виде трактира, где он оставил Арамиса, пришпорил лошадь.

В этот раз, при входе, встретил его не хозяин, а хозяйка; окинув взором физиономию этой толстой, веселой женщины, он сразу понял, что бояться ее нечего, и обратился к ней прямо с вопросом:

– Не можете ли вы мне сказать, моя милая, что случилось с одним из друзей моих, которого мы оставили здесь дней 12 тому назад?

– Красивый молодой человек, лет 23 или 24, кроткий, любезный?

– Да, и кроме того раненый в плечо.

– Он еще здесь.

– Ах, любезная хозяйка, сказал д'Артаньян, соскочив с лошади и бросив поводья в руки Планше: – вы возвращаете мне жизнь, так мой друг жив? где же он, я хочу видеть и обнять его.

– Извините, сударь, кажется, что теперь он не может вас принять.

– Отчего это? разве у него какая-нибудь женщина?

– О, что вы это говорите! Нет, у него не женщина.

– А кто же?

– Священник из Мондидье и настоятель амиенских иезуитов.

– Разве ему сделалось хуже? спросил с беспокойством д'Артаньян.

– Напротив того; но в следствие полученной им раны, он обратился к благочестивой жизни и решился постричься в монахи.

– Ах да! сказал д'Артаньян, я и забыл, что он был мушкетером на время.

– Вы все-таки хотите его видеть?

– Непременно.

– Так взойдите по этой лестнице во второй этаж, направо, № 5.

Д'Артаньян пошел по указанному направлению и поднялся по лестнице, пристроенной снаружи дома, что еще нередко можно встретить и теперь в сельских трактирах старинной постройки. Но попасть к будущему аббату было не так легко: вход к Арамису охранялся не хуже Армидиных садов; Базен стоял в коридоре и заслонял дорогу, тем с большею решимостью, что после стольких лет испытания, он был так близок к достижению цели, к которой давно стремился.

В самом деле бедный Базен сильно желал получить место при какой-нибудь духовной особе и он ожидал с нетерпением той минуты, когда Арамис, согласно обещанию своему, сбросит военный мундир и наденет рясу. Это обещание, повторяемое часто его господином, удерживало его на службе мушкетеру, хотя служба эта, по мнению его, была не совместна с спасением души.

Теперь Базен был в восторге, потому что казалось вероятным, что на этот раз его господин сдержит свое обещание. Действительно, Арамис, страдавший наружно и внутренне от раны в плечо и от известия о неожиданной потере своей любовницы, видел в этих постигших его несчастиях как бы указание самого неба и решился, наконец, исполнить свое обещание вступить в духовное звание.

Понятно, как неприятно было Базену неожиданное появление д'Артаньяна, который снова мог увлечь его господина в вихрь светской жизни, так долго его увлекавшей. Он решился твердо защищать дверь; не имея возможности сказать, что Арамиса нет дома, потому что д'Артаньяну это было хорошо известно, он старался убедить его, что было бы очень не прилично помешать благочестивой беседе его господина с почтенными духовными особами, которая, по мнению Базена, не могла кончиться раньше вечера.

Д'Артаньян, не обращая внимания на красноречивые убеждения Базена, оттолкнул его и вошел в комнату Арамиса.

За длинным столом, заваленным бумагами и огромными фолиантами, сидел Арамис в черном сюртуке, с круглою плоскою шапочкой на голове; с правой стороны от него настоятель иезуитов, с левой священник из Мондидье. Занавески были опущены, что придавало комнате какую-то торжественность, располагавшую к благочестивым размышлениям. Все светские предметы, на которых обыкновенно останавливается взор при входе в комнату молодого человека, в особенности же если он еще военный, исчезли как по мановению волшебного жезла; Базен, опасаясь, чтобы вид их не изменил намерения его господина, постарался тщательно припрятать шпагу, пистолеты, шляпу с плюмажем, шитье и кружева всякого рода.

Вместо их д'Артаньян заметил в темном углу комнаты что-то вроде плетки, повешенной на гвозде.

При входе д'Артаньяна, Арамис поднял голову и узнал своего друга. Но к величайшему изумлению молодого человека появление его, казалось, не произвело никакого впечатления на мушкетера; до такой степени дух его был отрешен от всего земного.

– Здравствуйте, любезный д'Артаньян, сказал Арамис, – очень рад вас видеть.

– И я также, сказал д'Артаньян, – хоть я и не вполне уверен, точно ли это я говорю с Арамисом.

– С ним самим, мой друг, с ним самим; что могло заставить вас усомниться?

– Я испугался, не ошибся ли я в номере комнаты и не вошел ли я в комнату, занимаемую кем-нибудь из духовных; потом, увидя вас в обществе этих господ, мне пришла мысль, не сделалось ли вам хуже?

Монахи, поняв намерение д'Артаньяна, бросили на него угрожающий взгляд; но, несколько не обескураженный тем, д'Артаньян, продолжал:

– Не помешал ли я вам, любезный Арамис? кажется, я застал вас за исповедью.

Арамис слегка покраснел.

– Вы помешали? о, напротив, любезный друг, я очень рад вас видеть и мне очень приятно, что вы здоровы и невредимы.

– А, кажется, он опомнился, подумал д'Артаньян, это добрый знак.

– Да; приятель мой избежал недавно большой опасности, продолжал Арамис с благоговейным чувством, указывая духовным на д'Артаньяна.

– Благодарите Бога, отвечали оба духовные, кланяясь.

– Я это и сделал, преподобные отцы, отвечал молодой человек, отдав им поклон.

– Вы пришли очень кстати, любезный д'Артаньян, сказал Арамис; – приняв участие в вашем рассуждении, вы прольете на него новый свет. Господин настоятель, священник и я рассуждаем о некоторых богословских вопросах, давно уже нас занимающих, и мне интересно было бы узнать ваше мнение об них.

– Мнение военного человека ничего не значит в этом случае, отвечал д'Артаньян, испугавшись оборота, какой принимал разговор, – вы можете совершенно положиться на звание этих двух господ.

Монахи поклонились.

– Напротив, возразил Арамис, – мнение ваше для нас будет драгоценно. Вот в чем дело: господин настоятель полагает, что моя диссертация должна быть преимущественно догматическая и поучительная.

– Ваша диссертация? вы пишете диссертацию?

– Без сомнения, отвечал настоятель, – диссертация необходима для экзамена перед пострижением.

– Пострижение! вскричал д'Артаньян, все еще не веривший тому, что ему говорила хозяйка и Базен, – пострижение! повторил он, обводя изумленными взором сидевших перед ним трех особ.

Затем между Арамисом и иезуитом начался продолжительный спор о выборе темы для диссертации. Д'Артаньян, мало понимавший из их разговора, от нетерпения грыз ногти.

Наконец оба монаха встали и, поклонившись Арамису и д'Артаньяну, ушли; Базен, слушавший весь разговор их с благочестивым вниманием, почтительно пошел проводить их до дверей.

Арамис проводил их с лестницы и тотчас воротился к д'Артаньяну. Оставшись одни, два друга сначала затруднялись, как начать разговор; но как наконец надо было прервать молчание и как д'Артаньян, казалось, решился предоставить эту честь своему другу, то Арамис сказал:

– Видите, я возвращаюсь к прежнему намерению.

– Да; красноречие этих господ убедило вас.

– О, я давно предположил удалиться от света и уже говорил вам об этом прежде, – не правда ли?

– Да, но, признаюсь, я думал, что вы шутите.

– Разве этим можно шутить? О, д'Артаньян!

– Шутят, даже говоря о смерти.

– И худо делают, д'Артаньян, потому что смерть – это дверь, ведущая к погибели или к спасению.

– Согласен, но, пожалуйста, не будем говорить о богословии, Арамис, вы уже довольно наговорились на сегодняшний день, а я почти совсем забыл латынь, которой никогда не знал притом, признаюсь, я с 10 часов утра ничего не ел и чертовски голоден.

– Мы сейчас будем обедать, мой друг, только не забудьте, что сегодня пятница, а я в этот день не могу ни видеть, ни есть мяса Обед мой состоит из вареных эстрагонов и плодов, – будете ли вы довольны этим?

– Что это за эстрагоны? спросил с беспокойством д'Артаньян.

– Это шпинат, отвечал Арамис; – но для вас я прибавлю к нему яиц, и это будет важное нарушение правил: яйца – это мясо, потому что из них выходит цыпленок.

– Это обед не очень питательный; но ничего, я буду есть, чтобы побеседовать с вами.

– Благодарю за жертву, сказал Арамис; – но если эта пища не принесет пользы вашему телу, то будьте уверены, что она принесет пользу душе.

– Так вы, Арамис, решительно поступаете в духовное звание? Что скажут наши друзья, что скажет де-Тревилль? Предупреждаю вас, что они сочтут вас дезертиром.

– Я не поступаю, а возвращаюсь в духовное звание. Я оставлял его для света, потому что вам известно, как не охотно я надел мундир мушкетера.

– Я об этом ничего не знаю.

– Разве вы не знаете, как я вышел из семинарии?

– Нет.

– Вот моя история: я был в семинарии с девятилетнего возраста; когда мне минуло 20 лет, меня хотели сделать епископом, и через три дня все должно было решиться. Однажды вечером я, по обыкновению, отправился в один дом, где я часто бывал и приятно проводил время, молодость слаба; один офицер, очень ревниво смотревший всегда, как я читал хозяйке дома жития святых, вдруг вошел, без доклада. В этот вечер я перевел в стихах одно место из истории Юдифи и отдал свои стихи хозяйке, которая очень хвалила их и, опершись на мое плечо, перечитывала их вместе со мной. Такое, признаюсь, довольно свободное положение дамы не понравилось офицеру; он ничего не сказал, но когда я ушел, он вышел за мной и, догнав меня, сказал:

– Г. аббат, вы любите палочные удары?

– Не могу вам сказать, милостивый государь, отвечал я, – потому что никто никогда не осмеливался нанести мне их.

– Ну, так послушайте, г. аббат, я осмелюсь на это, если вы еще раз придете в этот дом, где я вас встретил сегодня вечером.

Кажется, я испугался, потому что я побледнел и чувствовал, что у меня ноги дрожат; я хотел отвечать, но не мог ничего сказать и промолчал.

Офицер ожидал ответа, но как я ничего не сказал, то он засмеялся, обернулся ко мне спиной и ушел опять в тот же дом. Я возвратился в семинарию.

Я дворянин и притом вспыльчив, как вы могли заметить, любезный д'Артаньян; оскорбление было сильное и хотя никто не знал о нем, но я чувствовал, что оно волновало меня до глубины сердца. Я объявил настоятелям, что чувствую себя недостаточно подготовленным к посвящению, и, по моей просьбе, церемония отложена была на год.

Я отыскал самого лучшего учителя фехтования в Париже, условился с ним брать уроки и учился у него каждый день в продолжении года. Потом, ровно через год от того дня, когда мне было нанесено оскорбление, я повесил рясу на гвоздь, надел полный костюм рыцаря и отправился на бал к одной из знакомых дам; я знал, что там будет и мой офицер. Это было в улице Франк-Буржуа.

Действительно, офицер был там; я подошел к нему в то время, как он напевал любовную песню, нежно смотря на одну женщину, и прервал его на втором куплете.

– Милостивый государь, сказал я ему, – будет ли вам и теперь также неприятно, если я приду в известный вам дом в улице Пейен и ударите ли вы меня палкой, если мне придет фантазия послушаться вас?

Офицер посмотрел на меня с удивлением, потом сказал:

– Что вам угодно от меня, я вас не знаю.

– Я аббат, отвечал я, – который читал жития святых и переводил стихами Юдифь.

– А, вспомнил, сказал насмешливо офицер, – что же вам угодно?

– Я желал бы, что вы пошли со мной прогуляться.

– Завтра утром, если вам угодно, с большим удовольствием.

– Нет, не завтра, а не угодно ли вам сейчас же?

– Если вы этого непременно требуете.

– Да, я этого требую.

– В таком случае, пойдём. Не беспокойтесь, сказал он, обращаясь к дамам, – я только убью этого господина, тотчас возвращусь и dokonчу вам последний куплет.

Мы вышли.

Я повел его в улицу Пейен, на то самое место, где год тому назад, в этот самый час, он сказал мне комплимент, о котором я тебе говорил. Луна светила великолепно. Мы обнажили шпаги, и я тотчас положил его на месте.

– Черт возьми! сказал д'Артаньян.

– Но, продолжал Арамис, – так как дамы видели, что певец их не возвращался, и как его нашли в улице Пейен проткнутым шпагой насквозь, то полагали, наверное, что эта неприятность ему сделана была мной, и это наделало шуму. Итак, на время я должен был оставить рясу. Атос, с которым я тогда познакомился, и Портос, научивший меня некоторым смелым ударам фехтовального искусства, уговорили меня проситься в мушкетеры.

Король очень любил отца моего, убитого при осаде Арраса, и мне дали мушкетерский мундир. Теперь вы понимаете, что для меня пришло время возвратиться в лоно церкви.

– Отчего же именно теперь, а не прежде и не после? Что с вами сегодня случилось? что заставляет вас на это решиться?

– Эта рана, любезный д'Артаньян, – это напоминание, посланное небом.

– Эта рана? да она почти зажила, и я уверен, что теперь не эта рана беспокоит вас.

– Какая же? спросил Арамис, краснея.

– У вас есть рана в сердце, Арамис, гораздо глубже и чувствительнее; рана нанесенная женщиной.

Глаза Арамиса заблестали невольно.

– О! отвечал он, скрывая свое волнение; – не говорите об этих вещах: мне ли об этом думать и иметь любовные огорчения! Vanitas vanitatum. Неужели вы думаете, что я сойду с ума и из-за кого? из-за какой-нибудь гризетки, или горничной, которой я строил куры, – фи!

– Извините, любезный Арамис, я думал, что вы метите гораздо выше.

– Выше? кто же я такой, чтоб иметь столько самолюбия? бедный мушкетер, ненавидящий рабство и совсем не рожденный для светской жизни.

– Арамис! Арамис! сказал д'Артаньян, сомнительно смотря на своего друга.

– Я пыль и возвращаюсь в пыль. Жизнь полна унижений и печалей, продолжал он с мрачным видом: – нити, пронизывающие ее, к счастью, рвутся одна за другой в руке человека, особенно золотые нити. О, любезный д'Артаньян, поверьте мне, лучше скрывать раны, если их имеешь. Молчание последнее утешение несчастного; не доверяйте никому своих горестей; любопытные также жадны до наших слез, как мухи до крови раненой лани.

– Увы, любезный Арамис, сказал д'Артаньян, с глубоким вздохом, – вы рассказываете мне мою собственную историю.

– Как так?

– Да, женщину, которую я любил, обожал, у меня отняли силой. Я не знаю, где она, куда ее увели; может быть, она в тюрьме, может быть, она умерла.

– Но вы по крайней мере имеете то утешение, что она не покинула вас добровольно; что если вы не знаете, что с ней случилось, то это потому, что не имеет возможности иметь сношения с ней, между тем как...

– Ничего, прервал Арамис, ничего.

– Итак, вы навсегда отказываетесь от света, это уже решено?

– Навсегда. Сегодня вы мой друг, завтра вы будете для меня только тень, или, лучше сказать, не будете существовать для меня. Что касается до света, то он ничто иное как могила.

– Черт возьми! это очень печально.

– Что делать, призвание мое увлекает меня.

Д'Артаньян улыбнулся и не отвечал. Арамис продолжал:

– Между тем, пока я принадлежу еще свету я хотел бы поговорить о вас и о наших друзьях.

– А я, сказал д'Артаньян, – я желал бы говорить о вас самих, но вы так удалились от всего: о любви вы говорите с пренебрежением; друзья по-вашему – тени, свет – могила.

– К несчастью, вы сами это знаете, сказал Арамис со вздохом.

– Не будем же говорить об этом, отвечал д'Артаньян; – и сожгите вот это письмо, которое, вероятно, открыло бы вам какую-нибудь новую неверность вашей гризетки или горничной.

– Какое письмо? спросил быстро Арамис.

– Письмо, которое принесли без вас и отдали мне для передачи.

– От кого оно?

– Верно от какой-нибудь несчастной горничной, или от какой-нибудь гризетки, которая в отчаянии; может быть от горничной г-жи де-Шеврёз, которая должна была возвратиться с своей госпожой в Тур и для важности взяла раздушенной бумаги и запечатала письмо печатью с герцогской короной.

– Что вы говорите?

– Кажется, я потерял его, сказал молодой человек, притворяясь как будто ищет. – Хорошо, что свет – могила, что люди, а следовательно и женщины, тени, и что любовь такое чувство, о котором не стоит говорить иначе как с пренебрежением.

– Ах, д'Артаньян, д'Артаньян! сказал Арамис, – вы убиваете меня.

– А, вот оно! сказал д'Артаньян и вынул письмо из кармана.

Арамис вскочил, взял письмо и прочел его с жадностью; лицо его сияло радостью.

– Кажется, горничная хорошо пишет, сказал беспечно молодой человек.

– Благодарю, д'Артаньян! вскричал Арамис, почти в бреду. – Она должна возвратиться в Тур; она не изменила мне; она меня любит по-прежнему. Дай мне обнять тебя, друг мой, я задыхаюсь от счастья!

И два друга пустились плясать по паркету, топча ногами рассыпавшиеся листы диссертации.

В это время вошел Базен со шпинатом и яичницей.

– Поди прочь, несчастный! вскричал Арамис, – унеси назад эти проклятые овощи и эту противную яичницу! спроси шпигованного зайца, жареного каплуна, баранины с чесноком и четыре бутылки старого бургонского.

Базен смотрел на своего господина и не понимал, отчего с ним произошла такая перемена; он бессознательно наклонил блюдо с яичницей, так что она стекла в шпинат. и все вылил на пол.

– Вот лучшая минута посвятить себя церкви, сказал д'Артаньян.

– Убирайтесь с своей латынью! Будем пить, любезный д'Артаньян, будем пить и расскажите мне, что делается в свете.

XI. Жена Атоса

Превосходный обед, подкрепивший силы д'Артаньяна и заставивший Арамиса позабыть о своей диссертации, прошел весело среди рассказов д'Артаньяна о происшествиях в столице со времени их выезда из нее.

– Теперь остается только узнать об Атосе, сказал д'Артаньян.

– Разве вы думаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье? спросил Арамис. – Атос хладнокровен, храбр и превосходно владеет шпагой.

– Это правда, я вполне сознаю храбрость и ловкость Атоса, но я всегда предпочел бы иметь дело с людьми, вооруженными благородным оружием, нежели с холопами, осыпаящими тебя палочными ударами и не знающими ни пощады, ни такту; я боюсь, что Атос совершенно изуродован этими мерзавцами, и вот почему мне хотелось бы как можно скорее проведать его.

– Я попытаюсь вам сопутствовать, сказал Арамис, – если я буду в состоянии держаться на лошади. Вчера я подвергал себя бичеванию плеткой, которую вы видите на гвозде; но сильная боль принудила меня оставить это благочестивое упражнение.

– Это очень оригинально, мой друг, лечиться от раны, полученной от огнестрельного оружия, ударами плети; но вы были больны, умственные способности во время болезни иногда повреждаются, а потому я и не удивляюсь вашей выдумке.

– Когда вы думаете ехать?

– Завтра на рассвете; подкрепитесь теперь сном, а завтра, если будете в состоянии, поедем вместе.

– Итак, до завтра, сказал Арамис, – я думаю, что и вашей железной натуре отдых будет не бесполезен.

На другой день, когда д'Артаньян вошел в комнату Арамиса, он застал его у окна.

– Что вы там рассматриваете? спросил д'Артаньян.

– Я люблюсь этими тремя прекрасными лошадьми, которых конюхи держат за уздцы это наслаждение прокатиться на такой лошади.

– Вы будете иметь это наслаждение, любезный Арамис, потому что одна из них ваша.

– Возможно ли? которая же?

– Та, которая вам больше нравится, для меня все равно.

– А богатая попона, которая на ней, также моя?

– Разумеется.

– Вы смеетесь надо мной, д'Артаньян?

– Я перестал смеяться с тех пор, как вы оставили свою латынь.

– Так эти золотые чушки, бархатный чепрак, седло, блестящее серебром, все это мое?

– Все ваше, точно так же, как другая лошадь моя, а третья Атоса.

– Ба, да это превосходный подарок.

– Очень рад, что он вам нравится.

– Без сомнения вы получили его от короля?

– Уж разумеется не от кардинала; но не беспокойтесь об этом, а знайте только, что одна из них ваша.

– Так я возьму ту, которую держит под уздцы рыжий конюх.

– И прекрасно.

– Это заставляет меня совершенно забыть о своей болезни, весело сказал Арамис; я поеду теперь, хоть бы у меня было тридцать пуль в теле. Да, клянусь вам, чудные лошади, Эй, Базен, иди сюда проворнее!

Опечаленный Базен молча вошел в комнату и остановился у порога.

– Наточи мою шпагу, поправь шляпу, вычисти плащ и заряди мне пистолеты! сказал Арамис.

– Последнее не нужно, прервал д'Артаньян, – вы найдете в седле заряженные пистолеты. Базен тяжело вздохнул.

– Успокойтесь, господин Базен, сказал д'Артаньян, – спасти душу можно во всяком состоянии.

– Господин мой был уже таким прекрасным богословом, сказал Базен чуть не со слезами, – он сделался бы со временем епископом, а может быть, и кардиналом.

– Но подумай сам, к чему служит в наше время духовное звание? этим не избежишь войны. Разве ты не видишь, что сам кардинал выступил в поход с шлемом на голове и мечем в руке; а Ногаре де-ла-Валетт? Он тоже кардинал, а спроси-ка у его слуги сколько раз он щипал для него корпию?

– К несчастью, это правда, сказал со вздохом Базен; – все на свете перевернулось вверх ногами.

Между тем молодые люди спустились по лестнице; бедный слуга шел за ними.

– Подержи стремя, Базен, сказал Арамис и с обычной ловкостью и грацией проворно вскочил в седло; но после нескольких скачков благородного животного почувствовал такую невыносимую боль, что побледнел и зашатался. Д'Артаньян, предвидевший этот случай, не терял его из виду, и как только заметил перемену на лице Арамиса, подбежал к нему, снял его с лошади и отвел в комнату.

– Любезный Арамис, сказал он, позаботьтесь о своем лечении, я поеду один проведать Атоса.

– У вас железная натура, д'Артаньян!

– Нет, только счастливая; но что вы будете делать в ожидании меня? перебирать четки, а? Арамис улыбнулся.

– Я буду сочинять стихи, сказал он.

– Да, стихи, раздушенные, вроде записочки горничной госпожи де-Шеврёз. Поучите Базена просодии; это его несколько утешит. А между тем не оставляйте верховой езды, чтобы мало-помалу приучиться к ней, и выздоравливайте.

– Об этом не беспокойтесь, сказал Арамис, – к вашему возвращению я буду здоров.

Они простились и минут через десять д'Артаньян, поручив друга своего попечением Базена и хозяйки, выехал по дороге в Амиен.

В каком положении он найдет Атоса и даже найдет ли уже его?

Он оставил его в критическом положении; очень могло быть, что его и убили. При этой мысли лоб д'Артаньяна нахмурился, он вздохнул несколько раз и дал себе клятву отомстить. Атос был самый старший из друзей его, и по-видимому, вкусы и чувства их были очень не сходны.

Несмотря на то, он оказывал особенное предпочтение этому дворянину. Благородный и важный вид Атоса, умеренное превосходство его, выказывавшееся по временам, несмотря на то, что он постоянно старался держать себя в тени, невозмутимая ровность расположения духа, делавшая его самым приятным товарищем, непринужденная и колкая веселость, храбрость, которую можно было бы назвать слепой, если б она не была следствием редкого хладнокровия, – все эти прекрасные качества не только доставили ему уважение и дружбу д'Артаньяна, но и возбуждали в нем удивление.

Действительно, изящный и благородный Атос в те дни, когда бывал в хорошем расположении духа, мог успешно выдержать сравнение даже с де-Тревилем: он был среднего роста, но так хорошо сложен и так ловок, что не раз в борьбе с Портосом он брал верх над этим гигантом, физическая сила которого вошла в поговорку между мушкетерами; в лице его, с пронизательными глазами, прямым носом и подбородком, обрисованным, как у Брута, выразилось какое-

то величие и приятность; руки его, о которых он нисколько не заботился, приводили в отчаяние Арамиса, употреблявшего миндальное тесто и душистое масло для того, чтобы придать рукам своим нежность; голос его был громок и звучен, и притом Атос, всегда желавший быть незамеченным, в такой степени обладал знанием света и обычаев самого блестящего общества, что привычка к хорошему тону проглядывала бессознательно во всех его поступках.

Когда случалось устроить обед, Атос распоряжался лучше всякого самого светского человека, помещая каждого гостя на то место, которое принадлежало ему по праву, наследованному от предков, или приобретенному им самим. Если речь касалась до геральдики, Атосу были известны все дворянские фамилии королевства, их родословная, их связи, гербы и происхождение гербов их. Ему были известны все малейшие подробности этикета, он знал все права помещиков, изучил основательно звериную и соколиную охоту и однажды, разговаривая об этом искусстве, он удивил короля Людовика XIII, который, как известно, был знаток этого дела.

Он ездил верхом и бился на рапирах в совершенстве, как все вельможи того времени.

Кроме того, в воспитании его ничего не было упущено из виду, даже в отношении схоластических наук, которыми тогда так мало занимались дворяне; он улыбался на латинские изречения Арамиса, непонятные Портосу, хотя он и делал вид, что понимает их; к немалому удивлению друзей его, ему случалось два или три раза поправить время глагола или падеж имени, когда Арамис ошибался против правил языка; честность его была непоколебима, хотя вообще в то время военные также мало подчинялись требованиям совести, как любовники строгой деликатности нашего времени и бедные седьмой заповеди. Следовательно, Атос был человек необыкновенный.

И между тем недостатки материальной жизни также сильно действовали на эту необыкновенную натуру, как старость на физические и моральные способности человека. Атос в минуты лишений, а эти минуты были не редки, терял всякую энергию и блестящие качества его исчезали как в темную ночь.

В подобные минуты Атос до того падал духом, что из полубога обращался в самого обыкновенного человека. Опустя голову, с тусклым взглядом, он с трудом произносил изредка несколько слов и по целым часам смотрел то на бутылку, то на стакан, то на Гримо, который, привыкший повиноваться каждому знаку его, угадывал в бессмысленном взгляде своего господина малейшие желания его и тотчас удовлетворял их. Если в подобную минуту случалось быть всем четверым друзьям вместе, то Атос едва участвовал в разговорах с большим усилием и то разве несколькими словами. За то Атос пил за четверых и тогда брови его хмурились больше обыкновенного, тоска его усиливалась.

Д'Артаньян при всем своем наблюдательном и проницательном уме и несмотря на сильное желание удовлетворить своему любопытству, не мог ни открыть причины такого состояния духа Атоса, ни подметить признаков, по которым мог бы предсказать время наступления такого мрачного расположения духа. Атос никогда не получал писем, никогда не делал шага без ведома друзей своих.

Нельзя было сказать, чтобы вино было причиной его скуки, напротив, он пил только для того, чтобы прогнать её, и это лекарство делало его еще мрачнее.

Нельзя было также приписать ее игре, потому что, в противоположность Портосу, который сопровождал песнями и ругательствами все перемены счастья, Атос при выигрыше оставался таким же бесстрастным, как и при проигрыше.

Случалось, что в обществе мушкетеров он в один вечер выигрывал по тысяче пистолей, потом проигрывал все до праздничного пояса своего, шитого золотом, опять все возвращал, с прибавкою еще ста луидоров, и между тем прекрасные черные брови его во все это время не шевельнулись, цвет лица не изменился и разговор его во весь вечер постоянно был спокоен и приятен.

Эта тоска, омрачавшая лицо его, происходила не от влияния климата, как у соседей наших – Англичан, потому что она становилась сильнее в лучшее время года; июнь и июль были самые ужасные месяцы для Атоса.

В настоящем он не имел никакого огорчения и пожимал плечами, когда ему говорили о будущем; следовательно тайна его была в прошедшем, как и говорили д'Артаньяну, хотя неопределенно.

Эта таинственность делала еще занимательнее человека, который во время самого сильного опьянения никогда не высказал ничего ни взглядом, ни словом, как бы искусно ни были направлены вопросы.

– Итак, думал д'Артаньян, – бедный Атос, может быть, умер уже и умер из-за меня, потому что я вовлек его в это дело, начало которого ему было так же не известно, как останутся неизвестны и последствия, из которого он не мог бы извлечь никакой пользы.

– Кроме того, сказал Планше, – мы ему обязаны жизнью. Помните ли вы как он кричал: спасайся, д'Артаньян, меня схватили. И разрядив оба свои пистолета, как он страшно гремел шпагой! как будто двадцать человек, или лучше сказать двадцать взбешенных чертей!

Эти слова удвоили горячность д'Артаньяна, который понукал свою лошадь и без того скакавшую галопом.

Около одиннадцати часов они увидели Амиен, а в половине двенадцатого были у ворот проклятой гостиницы.

Д'Артаньян часто помышлял о мщении против вероломного хозяина, – мщении, которое утешительно, хотя бы оно было одною мечтой. Он вошел в гостиницу, надвинув шляпу на глаза, положив левую руку на эфес шпаги и хлопая хлыстом.

– Узнаешь ли ты меня? спросил он хозяина, подходившего к нему с поклоном.

– Не имею чести, ваше сиятельство, отвечал хозяин, ослепленный блестящей наружностью д'Артаньяна.

– А, так ты не узнаешь меня?

– Никак нет, ваше сиятельство.

– В двух словах я напому тебе о себе. Где дворянин, которого недели две назад ты осмелился обвинить в делании фальшивой монеты?

Хозяин побледнел, потому что д'Артаньян принял на себя самый грозный вид и Планше подражал своему господину.

– Ах, ваше сиятельство, не говорите об этом! сказал хозяин плаксивым голосом. – Боже мой, как дорого поплатился я за эту ошибку! о, я несчастный!

– Я спрашиваю тебя, где этот дворянин?

– Будьте милостивы, благоволите присесть и выслушайте меня.

Д'Артаньян, онемев от гнева и беспокойства, сел как грозный судья. Планше гордо оперся на его кресло.

– Вот как было дело, ваше сиятельство, начал хозяин, дрожа всем телом: – теперь я узнаю вас; вы изволили уехать, когда началось несчастное дело с этим дворянином.

– Да, это ты видишь, что не можешь ждать помилования, если не скажешь правды.

– Выслушайте меня и вы узнаете всю правду. Начальство уведомило меня, что в моей гостинице остановится известный фальшивомонетчик, с несколькими товарищами, переодетые мушкетерами. Мне описали вашу наружность, ваших лошадей и людей.

– Дальше, дальше! сказал д'Артаньян, догадываясь тотчас, кто сообщил это описание.

– Вследствие этого, по приказанию начальства, приславшего мне шесть человек солдат, принял меры, какие почел нужными, чтобы схватить этих делателей фальшивой монеты.

– Опять! сказал д'Артаньян, которого бесило слово «фальшивый монетчик».

– Простите меня, ваше сиятельство, что я так подробно рассказываю вам; в этих словах мое оправдание. Начальство напугало меня, а вы знаете, что трактирщик должен ему угождать.

– Но еще раз спрашиваю тебя, где этот дворянин? что с ним случилось? жив ли он или мертв?

– Потерпите немного, ваше сиятельство, мы сейчас дойдем до этого. Вам известно, что случилось, а ваш поспешный отъезд, прибавил хозяин, казалось подтверждал наши предположения. Друг ваш защищался отчаянно. Слуга его, затеявший, к несчастью, ссору с присланными ко мне начальством людьми, переодетыми конюхами...

– Ах, негодяи! вскричал д'Артаньян. – вы все были в заговоре; за это следовало бы уничтожить вас всех!

– О, нет, мы не все были в заговоре, вы сейчас увидите. Друг ваш (извините, что не называю его по имени, потому что не знаю его), убив двоих выстрелами из своих пистолетов, начал отступать, защищаясь шпагой, ранил одного из моих людей и оглушил меня, ударив плашмя.

– Но кончишь же ты, палач? сказал д'Артаньян, – что же сделалось с Атосом?

– Отступая, он дошел до двери погреба, и как она не была заперта, то он вошел туда и укрепился там. Так как мы были уверены, что он не уйдет оттуда, то и оставили его там.

– Да, сказал д'Артаньян, – его не хотели убить, а только запереть.

– Боже мой! запереть! клянусь вам, что он сам заперся. Притом он ловко разделался с ними: одного убил и двоих тяжело ранил. Убитый и раненные унесены были их товарищами, и больше ничего не слышали ни о тех, ни о других. Пришедши в себя, я отправился к губернатору, рассказал ему о всеми, что случилось, и спросил, что мне делать с пленным.

Но губернатор выслушал меня с большим удивлением; сказал мне, что он ничего не знает об этом, что приказания получены были мною совсем не от него, и что если я осмелюсь говорить кому-нибудь, что он участвовал хоть сколько-нибудь в этом деле, то он велит меня повесить. Кажется, я ошибся; арестовал не того, кого следовало, а тот, кого нужно было, спасся.

– Но Атос? вскричал д'Артаньян, нетерпение которого увеличилось при мысли о небрежности начальства в этом деле; – что же сделалось с Атосом?

– Так как я спешил поправить свою ошибку в отношении к пленнику, продолжал хозяин гостиницы, – то я поспел к погребу, чтобы выпустить его на свободу. Но это был уже не человек, а сам черт. Когда я предложил ему выйти из погреба, он отвечал, это засада и что прежде чем выйдет оттуда, он предложит некоторые условия. Я понимал неприятное положение, в которое поставил себя, подняв руку на мушкетера его величества, а потому почтительно отвечал ему, что я готов подчиниться его условиям.

– Во-первых, сказал он, – я хочу, чтобы мне возвратили моего слугу в полном вооружении.

Его приказание тотчас было исполнено, потому что мы готовы были сделать все, чего бы ни захотел ваш друг. Гримо (он сказал свое имя, хотя он вообще немного говорит) сошел в погреб, раненый; тогда господин его снова заложил у дверь и приказал нам оставаться в лавке.

– Но наконец, вскричал д'Артаньян, – где же он? где Атос?

– В погребе.

– Как, вы держите его в погребе до сих пор, негодяи?

– О, нет, вы не знаете, что он делает там на погребе. О, если бы вы его вывели оттуда, я во всю жизнь был бы вам за то благодарен; я обожал бы вас как моего покровителя.

– Так он там? я найду его там?

– Без сомнения; он захотел непременно там остаться. Каждый день ему подают туда через отдушину на вилке хлеба и мяса, когда он потребует; но увы! не хлеб и не мясо употребляет он всего больше. Однажды я попробовал войти к нему с двумя из моих людей, но он пришел в страшный гнев. Я услышал, что он заряжает свои пистолеты, а слуга его ружье. Мы спросили их, что они хотят делать; господин отвечал нам, что у них сорок зарядов, и что они будут стрелять до последнего, но не позволят никому из нас войти в погреб. Тогда я жаловался губерна-

тору, который отвечал мне, что я это заслужил, и что это будет мне наукой, как оскорблять честных господ, останавливающих в моей гостинице.

– Так что с тех пор?... спросил д'Артаньян, не могший удержаться от смеха при виде жалкой фигуры хозяина.

– Так что с тех пор мы ведем самую печальную жизнь, какую можно себе представить: потому что, надо вам сказать, что вся провизия наша в погребе: там вино в бутылках, вино в бочках, пиво, масло, коренья, сало и сосиски; а так как нам запрещено туда ходить, то мы должны отказывать своим гостям в пище и вине, и наша гостиница падает со дня на день. Если ваш друг еще неделю останется в погребе, то мы разоримся.

– Это будет справедливо, каналья. Скажи, пожалуйста, разве не видно было по наружности нашей, что мы порядочные люди, а не мошенники.

– Да, да, вы правы, отвечал хозяин. – Но слушайте, слушайте, вот, он опять рассердился.

– Вероятно, его обеспокоили, сказал д'Артаньян.

– Нельзя же не обеспокоить его, сказал хозяин; – к нам приехали два английские дворянина.

– Ну?

– А вам известно, что англичане любят хорошее вино, они спрашивают самого лучшего.

Жена моя просила у г. Атоса позволения войти в погреб, чтоб удовлетворить требование этих господ, и он отказал, как обыкновенно. О, Боже мой! шум усиливается.

В самом деле, д'Артаньян услышал странный шум в стороне погреба; он встал и в сопровождении Планше, с заряженным ружьем, пошел на место сражения за хозяином, ломавшим руки с отчаяния.

Оба дворянина были крайне раздражены; они сделали большой переезд и умирали от голода и жажды.

– Но это варварство, кричали они на чистом французском языке, хотя с иностранным выговором, – что этот сумасшедший господин не позволяет пользоваться собственным вином. Мы выьем дверь, и если он очень бешен, убьем его.

– Подождите, господа! сказал д'Артаньян, вынимая пистолеты из-за пояса; вы никого не убьете.

– Ничего, ничего, спокойно говорил за дверью Атос, – пустите их, этих головорезов, мы увидим.

Оба англичанина, хотя, казалось, и были храбры, но нерешительно взглянули друг на друга, как будто бы в погребе был один из тех голодных людоедов, гигантских героев народных легенд, в пещеры которых никто не входит безнаказанно.

Наступила минута молчания; но англичанам стыдно было отступить, и один из них, посмелее, спустился с лестницы в 5 или 6 ступеней и ударил ногой в дверь так, что затряслись стены.

– Планше, сказал д'Артаньян, заряжая свои пистолеты, – я беру на себя того, который вверху, а ты справляйся с другим. А, господа, вы хотите драться! хорошо, извольте!

– Боже мой! вскричал Атос, – кажется, я слышу голос д'Артаньяна!

– Действительно, мой друг, это я! закричал д'Артаньян.

– Это хорошо, сказал Атос, в таком случае мы обработаем этих господ, которые ломают двери.

Дворяне обнажили шпаги, но они были между двух огней и не решались действовать; однако гордость взяла верх и от второго удара ноги дверь затрещала во всю длину.

– Посторонись, д'Артаньян, кричал Атос, – посторонись, я выстрелю.

– Господа, сказал д'Артаньян, ничего не делавший без рассуждения, – господа, подумайте! Атос, подожди! сражение будет для вас невыгодно, мы вас прострелим как решето. Мы с лакеем сделаем три выстрела, столько же вы получите из погреба, потом мы будем действовать

шпагами, и предупреждаю вас, что я и друг мой владеем ими недурно. Позвольте я обделаю и ваше дело, и свое. Даю вам слово, что вы сейчас получите вина.

– Если осталось еще, сказал насмешливо Атос.

У хозяина гостиницы пробежал мороз по всему телу.

– Как, если осталось! бормотал он.

– Черт возьми! как не остаться, прервал д'Артаньян; – будьте спокойны, неужели они вдвоем выпили весь погреб. Господа, вложите шпаги в ножны.

– Хорошо, а вы положите пистолеты за пояс.

– Охотно.

И д'Артаньян подал пример. Потом, обращаясь к Планше, он велел ему разрядить ружье.

Англичане, успокоившись, вложили шпаги в ножны. Им рассказали историю заключения в погреб Атоса, и так как они были хорошие люди, то они обвинили во всем хозяина гостиницы.

– Ну теперь, господа, сказал д'Артаньян, – ступайте в свою комнату, и я вам ручаюсь, что через десять минут вам принесут все что вам угодно.

Англичане поклонились и ушли.

– Теперь я один, любезный Атос, сказал д'Артаньян, – отворите же, пожалуйста.

– Сейчас, отвечал Атос.

Послышался стук отодвигаемых фашин и бревен; Атос сам уничтожал свои бастионы и конхрескарпы.

Дверь отворилась. и показалось бледное лицо Атоса, осматривавшего быстрым взглядом окрестность.

Д'Артаньян бросился ему на шею и нежно поцеловал его; потом он хотел вывести его из этого сырого жилища, и тут только заметил, что Атос нетвердо стоял на ногах.

– Вы ранены? спросил он его.

– Я? нисколько! я просто мертвецки пьян и больше ничего. Радуйся, хозяин, я на свою долю выпил по крайней мере полтора ста бутылок.

– Помилосердуйте, сказал хозяин, – если ваш слуга выпил хоть половину этого, то я разорен.

– Гримо слуга из хорошего дома, он не позволит себе делать то же самое что я; он пил из бочки; кажется, он забыл заткнуть бочку; слышите! течет!

Д'Артаньян захохотал; хозяина бросило из холода в жар.

В это время вышел Гримо, с ружьем на плече; голова у него тряслась как у пьяных сатиров картин Рубенса. Он был весь испачкан в каком-то масле; хозяин тотчас заметил, что это было его лучшее оливковое масло.

Они все отправились через главную залу в лучшую комнату гостиницы, которую д'Артаньян занял силой.

Между тем хозяин и жена его со свечами бросились в погреб, куда вход был им так долго запрещен и где ожидало их ужасное зрелище.

За устроенными Атосом укреплениями, состоявшими из досок и пустых бочек, наваленных по всем правилам стратегического искусства, видны были в разных местах плавающие в лужах из масла и вина кости съеденных окороков; весь левый угол погреба покрыт был разбитыми бутылками; из одной бочки, с открытым краном, вытекали последние капли вина. Поле сражения представляло вид опустошения и смерти, как сказал один древний поэт.

Из пятидесяти висевших на балках сосисок едва оставался десяток.

Тогда плач и рыдание хозяина и хозяйки слышны были из-под сводов погреба; д'Артаньян был тронут; Атос не обратил ни малейшего внимания.

После минуты огорчения хозяин пришел в бешенство, вооружился вертелом и в отчаянии вбежал в комнату, где сидели два друга.

– Вина! сказал Атос, увидев хозяина.

– Вина! вскричал удивленный хозяин, – вина! но вы выпили у меня его больше чем на сто пистолей; я разорен; я пропал; я нищий.

– Что вы говорите, сказал Атос, – мы постоянно мучились жаждой.

– Если бы по крайней мере вы только пили, а то еще перебили все бутылки.

– Вы толкнули меня в кучу, которая развалилась. Сами виноваты.

– Все мое масло погибло!

– Масло прекрасный бальзам для ран, а бедный Гримо должен же был лечить раны, которые вы ему нанесли.

– Все мои сосиски съедены!

– В этом погребе пропасть крыс.

– Вы мне заплатите за все это, кричал хозяин в отчаянии.

– Забавно, сказал Атос, поднимаясь с места, но тотчас опять опустился, не могши встать.

Д'Артаньян явился к нему на помощь с поднятым хлыстом.

Хозяин отступил и залился слезами.

– Это научит вас, сказал д'Артаньян, – полюбезнее обходиться с гостями, которых Бог посылает вам.

– Бог! скажите лучше черт!

– Любезный друг, сказал д'Артаньян, – если вы будете еще терзать наши уши, мы запремся все четверо в вашем погребе и увидим, действительно ли опустошение там так велико, как вы рассказываете.

– Да, господа, сказал хозяин, признаюсь, я виноват, но на всякий грех есть милость; вы вельможи, а я бедный содержатель гостиницы, вы сжалитесь надо мной.

– А вот если ты так будешь говорить, сказал Атос, – так ты растрогаешь мое сердце и слезы потекут у меня из глаз, как вино текло из твоих бочек. Я не так зол, как кажусь. Подойди сюда, поговорим.

Хозяин подошел со страхом.

– Подойди, говорю я тебе, не бойся, продолжал Атос. – Когда я хотел с тобою расплатиться, я положил на столе свой кошелек.

– Точно так.

– В этом кошельке было 60 пистолей, где он?

– В суде: мне сказали, что в нем фальшивая монета.

– Ну так потребуй назад мой кошелек и возьми себе 60 пистолей.

– Но вашей милости известно, что суд не отдает назад то, что в него попало. Еще можно было бы надеяться, если бы это действительно была фальшивая монета, но к несчастью это были настоящие деньги.

– Это до меня не касается, справляйся с судом как знаешь, молодец, тем больше, что у меня нет ни одного ливра.

– Вот что, сказал д'Артаньян; где лошадь Атоса?

– В конюшне.

– Сколько она стоит?

– Не больше 50 пистолей.

– Она стоит 80, возьми себе и не говори ничего.

– Как, ты продаешь мою лошадь? сказал Атос; – ты продаешь моего Банзета? а на чем же я поеду, на Гримо?

– Я привел тебе другую, сказал д'Артаньян.

– Другую?

– И отличную, вскричал хозяин.

– А, если есть другая лучше и моложе, то возьми старую и давай вина.

– Какого? спросил развеселившийся хозяин.

– Того, которое в глубине погреба у решетки там осталось его 25 бутылок, остальные разбились, когда я упал. Дайте 6 бутылок.

– Да этот человек чистый клад, подумал хозяин; если он останется еще недели на две и будет платить за то, что выпьет, то мои дела поправятся.

– Да, не забудь, сказал д'Артаньян, – подать четыре бутылки Англичанам.

– А между тем, сказал Атос, – пока принесут вина, расскажите мне, д'Артаньян, что сделалось с прочими друзьями нашими.

Д'Артаньян рассказал ему, как он нашел Портоса в постели, с ушибом, а Арамиса за столом между двумя богословами. Когда он оканчивал рассказ, вошел хозяин с бутылками и окороком, который, к счастью его, был спрятан не в погребе.

– Это хорошо, сказал Атос, наливая вина в стаканы себе и д'Артаньяну, – вы рассказали о Портосе и Арамисе, но что случилось с вами самими? вы что-то не в духе.

– Это потому, сказал д'Артаньян, – что я самый несчастный из всех нас.

– Ты несчастлив, д'Артаньян! сказал Атос. Отчего же несчастлив? Расскажи мне.

– После.

– После? отчего же после? ты думаешь, что я пьян? заметь однажды навсегда, что я всего лучше понимаю вещи именно тогда, когда пьян. Говори же.

Д'Артаньян рассказал свои похождения с госпожой Бонасиё.

Атос слушал его внимательно, потом когда он кончил, Атос сказал:

– Все это пустяки!

Это было любимое выражение Атоса.

– Вы всегда говорите, что это пустяки, любезный Атос, сказал д'Артаньян, – это к вам совсем нейдет, потому что вы никогда не любили.

Глаза Атоса внезапно оживились огнем, но только на одно мгновение, потом они стали опять тусклы и безжизненны как прежде.

– Это правда, сказал он спокойно, – я никогда не любил.

– Поэтому вы, имея каменное сердце, напрасно так жестоки к тем, у кого сердце нежно.

– Нежные сердца это несчастные, – сказал Атос.

– Отчего?

– Любовь есть лотерея, в которой выигрыш есть смерть. Поверьте мне, любезный д'Артаньян, вы счастливы, что всегда проигрывали, и я советовал бы вам никогда не выигрывать.

– Она, кажется, так любила меня!

– Это так кажется.

– О, она верно любила меня!

– Дитя! всякий думает, так как вы, что его любовница любит его, и нет никого на свете, кто не обманывался бы в этом.

– Кроме вас, Атос, потому что у вас никогда не было любовницы.

– Это правда, сказал Атос после минутного молчания, – у меня никогда ее не было.

Выпьем.

– В таком случае, сказал д'Артаньян, – вы как философ, научите меня, что мне делать, помогите мне, я нуждаюсь в ваших советах и утешениях.

– В чем же вас утешать?

– В моем несчастье.

– Ваше несчастье смешит меня, сказал Атос, пожимая плечами: – мне хотелось бы знать, что вы скажете, когда я расскажу вам одну любовную историю.

– Свою?

– Все равно, мою или кого-нибудь из моих друзей.

– Расскажите, Атос, расскажите.

– Выпьем, это будет лучше.

– Пейте и рассказывайте.

– Это можно, сказал Атос опоражнивая и опять наливая свой стакан, эти две вещи удивительно как сходятся.

– Я слушаю, сказал д'Артаньян.

Атос собирался с мыслями и д'Артаньян заметил, что он бледнеет; он дошел в это время до той степени опьянения, при которой обыкновенно пьяницы падают и засыпают. А он бредил наяву. В этом сомнамбулизме пьянства было что-то ужасное.

– Вы непременно хотите этого? спросил он.

– Я прошу об этом, сказал д'Артаньян.

– Я исполню ваше желание. Один из моих друзей, помните же, один из друзей моих, а не я, сказал Атос с мрачною улыбкой; – один из графов моей провинции, т. е. Беррийской, знатный, как Дапдоло или Монморанси, 25-ти лет от роду влюбился в 16-ти летнюю девушку, прекрасную как амур. При наивности возраста, она отличалась пылким умом, не женским, а умом поэта; она не только нравилась, но очаровывала; она жила в маленьком городке у брата своего – священника. Оба были приезжие, но откуда они приехали, никто не знал; она была так прекрасна, а брат ее так благочестив, что никто и не думал спрашивать их, откуда они. Впрочем, говорили, что они хорошего происхождения. Друг мой, бывший начальником области, мог бы соблазнить ее и взять силой, если б ему вздумалось; он был там полновластен и никто не решился бы явиться на помощь неизвестным пришельцам. К несчастью, он был честный человек, и женился на ней. Безумец!

– От чего же? ведь он любил ее? спросил д'Артаньян.

– Подождите, сказал Атос, – Он взял ее в свой замок, и она сделалась самою важною дамою провинции, и надо отдать ей справедливость, она превосходно держала себя в этом положении. Однажды будучи с своим мужем на охоте, продолжал Атос тихо и скороговоркой, – она упала с лошади и лишилась чувств; граф поспешил к ней на помощь, и так как платье душило ее, то он разрезал его кинжалом и открыл плечо ее. Угадайте, д'Артаньян, что было на этом плече? сказал Атос хохоча.

– Откуда же мне это знать? сказал д'Артаньян.

– Цветок лилии, сказал Атос; – она была заклеимена.

И Атос разом опорожнил свой стакан.

– Это ужасно! вскричал д'Артаньян, – что вы говорите?

– Истину, мой друг. Ангел этот был демон. Бедная девушка была воровка.

– Что же сделал граф?

– Граф был вельможа, он имел полное право суда в своих поместьях; он разорвал совсем платье графини, связал ей руки назад и повесил на дереве.

– О, небо! Атос! убийца! вскричал д'Артаньян.

– Да, ни больше, ни меньше как убийца, сказал Атос, бледный как смерть. – Но у меня, кажется, нет больше вина.

И Атос взял последнюю оставшуюся бутылку, поднес горлышком ко рту и разом опорожнил ее.

Потом он сел, опустив голову на руки; д'Артаньян стоял перед ним в ужасе.

– Это вылечило меня от страсти к хорошеньким женщинам, поэтическим, и влюбленным, сказал Атос, вставая и не говоря уже о графе. – Да пошлет Бог того же и вам. Выпьем.

– Так она умерла? спросил д'Артаньян.

– Черт возьми! сказал Атос. – Давайте свой стакан. Эй, подай окорок, кричал он, мы не в состоянии больше пить.

– А брат ее? спросил робко д'Артаньян.

– Брат ее? повторил Атос.

– Да, священник?

– Я справлялся о нем, чтоб и его повесили, но он предупредил меня; он оставил свой приход еще накануне.

– Узнали ли, по крайней мере, кто была эта каналья?

– Вероятно, это был первый любовник и сообщник красавицы, который играл роль священника, может быть, для того, чтобы выдать ее замуж и обеспечить судьбу ее. Я уверен, что его где-нибудь колесуют.

– О, Боже мой! сказал д'Артаньян, не могши придти в себя от удивления.

– Кушайте окорок, д'Артаньян; он очень хорош, сказал Атос, отрезывая кусок и кладя его на тарелку. – Как жаль, что не было хотя четырех таких окороков в погребке! я выпил бы 50 бутылками больше.

Д'Артаньян не мог продолжать разговора; он положил голову на руку и притворился спящим.

– Молодые люди не умеют нынче пить, сказал Атос, смотря на него с сожалением. а между тем этот еще из лучших!..

ХII. Возвращение

Д'Артаньян был поражен страшною тайной, доверенной ему Атосом; впрочем много в этом рассказе еще осталось для него непонятным; во-первых это рассказывал человек совершенно пьяный другому полупьяному и, не смотря на то, что голова д'Артаньяна была отуманена двумя или тремя бутылками бургонского, проснувшись на другой день он так живо помнил каждое слово Атоса, как будто сейчас слышал. Эта неуверенность возбудила в нем сильнейшее желание разузнать истину, и он пошел к своему другу с твердым намерением возобновить вчерашний разговор. Но он нашел Атоса совсем другим человеком: осторожным и скрытным.

Впрочем мушкетер, пожав ему руку, предупредил его желание и сказал:

– Вчера я был очень пьян, любезный д'Артаньян, я чувствую это теперь, потому что язык не хорош и пульс не ровен; бьюсь об заклад, что я наговорил кучу нелепостей.

Говоря это, он так пристально смотрел на своего друга, что тот растерялся.

– Нет, отвечал д'Артаньян, – сколько я помню, вы говорили о вещах самых обыкновенных.

– Удивительно! А мне кажется, что я рассказывал вам одну очень плачевную историю.

Он смотрел на своего друга, стараясь проникнуть самые сокровенные его мысли.

– Право, нет! сказал д'Артаньян; – верно я был пьянее вас, потому что ничего не помню.

Атос не удовольствовался этим и продолжал:

– Вы вероятно замечали, мой друг, что опьянение бывает у людей различно: у иных веселое, у других печальное; я бываю в пьяном виде печален и когда очень напьюсь, то ужасно люблю рассказывать самые мрачные истории, какие только слышал от своей глупой няньки. Это мой недостаток, важный недостаток, надо сознаться, но если не считать его, то я хороший товарищ в попойках.

Атос говорил это таким спокойным тоном, что д'Артаньян начинал сомневаться в справедливости его вчерашнего рассказа и надеясь добиться истины, сказал:

– Да, точно, теперь я помню, как во сне, что мы говорили о повешенных.

– Вот видите ли, сказал Атос, побледнев, но стараясь смеяться; – я был в этом уверен: повешенные, это мой конек.

– Да, да, вот теперь я вспомнил; да, речь шла... постойте... речь шла о женщине.

– Видите ли, сказал Атос, побледнев еще больше, – это история одной белокурой женщины и когда я рассказываю ее, значит я страшно пьян.

– Да, так, вы рассказывали историю белокурой женщины, высокой, красивой, с голубыми глазами.

– И повешенной.

– Своим мужем, господином, которого вы знаете, продолжал д'Артаньян, смотря пристально на Атоса.

– Видите ли, как легко компрометировать человека, когда сам не понимаешь, что говоришь, сказал Атос, пожимая плечами, как будто жалея о самом себе. – Я решительно не буду напиваться, д'Артаньян; это скверная привычка.

Д'Артаньян молчал. Атос, переменяя вдруг разговор, сказал:

– Кстати, благодарю за лошадь, которую вы мне доставили.

– А нравится она вам?

– Да, но она не годилась бы для похода.

– Вы ошибаетесь; я проехал на ней не меньше десяти миль в полтора часа, и она нисколько не устала.

– В таком случае вы заставляете меня сожалеть о ней.

– Сожалеть?

– Да, потому что у меня уже нет ее.

– Отчего?

– Вот как было дело: сегодня я проснулся в шесть часов, вы спали как убитый, и я не знал что делать; я был не в духе после вчерашней попойки, сошел в залу и увидел одного англичанина, торговавшего лошадь у барышника, потому что его лошадь пала вчера от удара. Я подошел к нему и, видя, что он предлагает сто пистолей за гнедую лошадь, сказал ему: у меня тоже есть продажная лошадь, не хотите ли посмотреть.

– Отличная лошадь, отвечал он, – я видел ее вчера, когда слуга вашего друга держал ее за повод.

– Стоит ли она, по вашему мнению, ста пистолей?

– Да, а вы отдадите мне ее за эту цену?

– Нет, но я проиграю ее вам.

– Проиграете?

– Да.

– Во что?

– В кости.

– Как сказано, так и сделано; я проиграл ему лошадь; но отыграл чепрак.

– Д'Артаньян сделал кислую гримасу.

– Вам это неприятно? спросил Атос.

– И очень неприятно, – по этой лошади нас должны были узнать во время сражения; это был залог, воспоминания; вы худо сделали, Атос.

– Ах, мой друг, поставьте себя на мое место; я смертельно скучал, да признаться, я и не люблю английских лошадей. А если нужно, чтобы нас кто-нибудь узнал, то для этого достаточно и седла, – оно довольно замечательно. Что же касается до лошади, мы найдем предлог извиниться, почему ее нет. Черт возьми, ведь лошадь могла и умереть от сапа, например, или другой болезни.

Д'Артаньян не был доволен этим утешением.

– Мне приятно, продолжал Атос, – что вы принимаете такое сильное участие в этих лошадях, потому что я еще не все рассказал.

– Что же вы еще сделали?

– Когда я проиграл свою лошадь, у меня явилось желание проиграть и вашу.

– Но вы не исполнили его, надеюсь?

– Как же, я сейчас исполнил его.

– Скажите пожалуйста! с беспокойством вскрикнул д'Артаньян.

– Я стал играть на нее и проиграл.

– Мою лошадь?

– Да.

– Атос, право, вы не в своем уме.

– Любезный! вы могли сказать это вчера, когда я рассказывал свои глупые истории, а не теперь. Я проиграл ее с седлом и со всем прибором.

– Это ужасно!

– Постойте, это еще не все; я был бы отличный игрок, если бы не увлекался; но я увлекаюсь в игре, так же как и в вине; поэтому я увлекся...

– Но на что же вам было играть? У вас ничего не оставалось?

– Так, мой друг, но у нас оставался еще бриллиант, который у вас на руке, я только вчера заметил его.

– Этот бриллиант, закричал д'Артаньян, схватившись быстро рукой за перстень.

– А как я в них знаток, потому что имел их когда-то, то я оценил его в тысячу пистолей.

– Надеюсь, сказал д'Артаньян, полумертвый от страха, – что вы не говорили ни слова о моем бриллианте?

– Напротив, любезный друг, вы понимаете, что этот бриллиант составлял последнюю нашу надежду; с ним я мог отыграть седла и лошадей и выиграть денег на дорогу.

– Атос, вы приводите меня в ужас.

– Так я сказал своему партнёру о вашем бриллианте, который он тоже заметил. Зачем же, любезный друг, вы носите на руке вещь, блестящую как звезда, и хотите, чтобы на нее не обращали внимания? Это невозможно.

– Оканчивайте, оканчивайте, вы убьете меня своим хладнокровием.

– Мы разделили бриллиант на десять частей, в сто пистолей каждая.

– Вы смеетесь надо мной и испытывайте меня, сказал д'Артаньян, начав сердиться.

– Нет, я вовсе не шучу; посмотрел бы я, что бы вы сделали на моем месте: две недели я не видал человеческого лица и беседовал с одними бутылками.

– Это не причина, чтобы проиграть мой бриллиант, сказал д'Артаньян, судорожно сжимая руку.

– Выслушайте до конца; десять кушей по сто пистолей были назначены на десять раз; в тринадцать игор я проиграл все тринадцать ударов, – это число всегда было роковым для меня – тринадцатого июля...

– Черт возьми, сказал д'Артаньян, вставая из-за стола; слушая эту историю, он совсем забыл о вчерашней.

– Имейте терпение, сказал Атос, – у меня был план. Англичанин был оригинал: я видел, что утром он разговаривал с Гримо, и Гримо сообщил мне, что он предлагал ему поступить к нему в услужение. Мы стали играть на бедного Гримо, разделив его на десять кушей.

– Вот так игра! сказал д'Артаньян, невольно захохотав.

– Игра на Гримо, слышите ли? и на десять частей Гримо, который весь не стоит червонца, и отыграл бриллиант. Пусть говорят после этого, что настойчивость не добродетель.

– Право, это смешно, сказал утешенный д'Артаньян, помирая со смеху.

– Разумеется, как я увидел, что мне везет, то принялся опять играть на бриллиант.

– Ах, черт возьми, сказал д'Артаньян, нахмурившись.

– Я отыграл ваше седло, вашу лошадь, потом мое седло, мою лошадь, потом опять все проиграл. Потом я опять отыграл ваше седло и мое и остановился. Вот в каком положении наши дела.

Д'Артаньян вздохнул свободно, как будто у него гора свалилась с плеч.

– Наконец бриллиант мой цел? спросил робко д'Артаньян.

– И неприкосновенен, мой друг, да еще уцелели седла вашей лошади и моей.

– Что же мы будем делать с седлами без лошадей?

– А вот что я придумал.

– Атос, я боюсь ваших затей.

– Послушайте, д'Артаньян, вы давно не играли?

– Да, и не намерен.

– Не зарекайтесь. Я говорю, что если вы давно не играли, то вам повезет.

– Ну, так, что же?

– А вот что! Англичанин и его товарищ еще здесь. Я заметил, что ему очень жаль было отдать седла, а вам хочется иметь свою лошадь. Я на вашем месте поставил бы седло против лошади.

– Да он не станет играть на одно седло против лошади.

– Так поставьте два; я не такой эгоист как вы.

– Вы бы сделали это на моем месте? сказал д'Артаньян в нерешимости. Доверие Атоса невольно располагало его к игре.

– Честное слово, сделал бы.
– Дело в том, что мне очень хотелось бы сохранить по крайней мере седла, когда лошади проиграны.
– Так играйте на свой бриллиант.
– Нет, ни за что в свете.
– Я предложил бы вам сыграть на Планше, но как мы на него уж играли, то англичанин пожалуй не захочет больше.

– А я решительно желал бы, любезный Атос, лучше ничем не рисковать.
– Жаль, сказал хладнокровно Атос; у англичанина пропасть денег. Да поиграйте, бросьте кости хоть один раз, ведь это не долго.

– А если я проиграю?
– Выиграете.
– А если проиграю?
– Так что же? отдадите седла.
– Согласен, на один раз.

Атос пошел искать англичанина и нашел его в конюшне. Он рассматривал седла завистливыми глазами. Случай был удобный; Атос предложил ему условия игры: два седла против одной лошади, или ста пистолей. Англичанин тотчас рассчитал, что два седла стоили трех сот пистолей и принял предложение.

Д'Артаньян дрожащею рукой бросил кости: вышло три очка.

Атос испугался его бледности и сказал англичанину:

– Какое ему несчастье, товарищ! ваши лошади будут с седлами.

Торжествующий англичанин не покатила даже кости, а просто бросил их на стол, не смотря на них; так он был уверен в выигрыше. Д'Артаньян отвернулся, чтобы скрыть свою печаль.

– Смотрите, смотрите, сказал Атос спокойным голосом; – вот редкий случай игры в кости! я видел его только четыре раза в жизни: два очка!

Англичанин взглянул и удивился, д'Артаньян взглянул и обрадовался.

– Да, продолжал Атос, – только четыре раза: раз у Креки, другой у меня в деревне, в моем замке... (когда у меня был замок), третий раз у де-Тревиля. Наконец, четвертый в трактире, где он выпал на мою долю и через него я проиграл сто луидоров и ужин.

– Хорошо, вы возьмете свою лошадь? спросил англичанин.

– Без сомнения, отвечал д'Артаньян.

– И не дадите мне отыграться?

– Вспомните, что у нас не было условия отыгрываться.

– Правда, лошадь будет передана вашему слуге.

– Позвольте, сказал Атос англичанину; – позвольте мне сказать по секрету два слова моему другу.

– Извольте.

Атос отвел в сторону д'Артаньяна.

– Ну, что тебе нужно, искунитель? сказал ему д'Артаньян; – ты верно хочешь, чтобы я играл еще?

– Нет, я хочу, что вы подумали.

– О чем?

– Вы возьмете свою лошадь?

– Да.

– Напрасно, я бы лучше взял сто пистолей; ведь вы ставили два седла против лошади или ста пистолей, по выбору.

– Да.

– Я взял бы сто пистолей.

– А я беру лошадь.

– Повторяю, что вы делаете дурно; что мы будем делать двое с одной лошастью? я не могу сесть за вами, как это сделали сыновья Аймона, потерявшие брата; а вы не захотите унижить меня, поехавши шагом рядом со мной на таком великолепном скакуне. Что касается до меня, я бы взял деньги не задумавшись ни на минуту: они нам нужны для возвращения в Париж.

– А мне все-таки хочется взять лошадь, Атос.

– Напрасно, мой друг; лошадь может споткнуться и испортить себе ногу, может есть из яслей, из которых ела большая лошадь, и заразиться и тогда лошадь или сто пистолей погибли; да кроме того, хозяин должен кормить свою лошадь тогда как сто пистолей кормят своего хозяина.

– А как же мы возвратимся?

– На лошадях наших лакеев; по наружности нашей всякий узнает, что мы порядочные люди.

– Хороши мы будем на этих клячах, тогда как Портос и Арамис будут рисоваться на своих конях!

– Арамис! Портос! сказал Атос и засмеялся.

Д'Артаньян не понимал причины этого смеха и потому спросил:

– Что такое?

– Ничего, ничего, продолжайте, сказал Атос.

– Так по вашему мнению...

– Нужно взять сто пистолей, д'Артаньян, с ними мы отлично проживем до конца месяца; мы перенесли много трудов и потому не худо было бы немножко отдохнуть.

– Отдохнуть, мне? нет, Атос, я сейчас же отправляюсь в Париж отыскивать мою несчастную женщину.

– Хорошо, так неужели вы думаете, что лошадь будет вам при этом полезнее луидоров? возьмите сто пистолей, мой друг, возьмите.

Д'Артаньяну нужно было только представить убедительную причину, чтобы он согласился. А эта причина показалась ему вполне убедительной. Впрочем не соглашаясь так долго с Атосом, он уже боялся показаться ему эгоистом и потому уступил и взял сто пистолей, которые англичанин тотчас же отсчитал ему.

После этого они думали только об отъезде. Они взяли лошадей Планше и Гримо, а слуги их пошли пешком, неся седла на головах.

Как ни плохи были лошади наших друзей, но все-таки скоро опередили пеших слуг и прибыли в Кревкёр. Издали они заметили Арамиса, меланхолически облокотившегося на окно и смотревшего в даль.

– Эй, Арамис, что вы там делаете? закричали друзья.

– А, это вы! отвечал он; – размышлял о том, с какой быстротой исчезают блага этого мира, а моя английская лошадь, удалявшаяся постепенно и исчезающая в облаке пыли, служила живым изображением непрочности всего земного. Вся наша жизнь заключается в трех словах: было, есть, будет.

– Что же значат собственно эти слова? спросил д'Артаньян, опасаясь, что тот сказал правду.

– Это значит, что меня обманули. Мне дали шестьдесят луидоров за лошадь, которая, судя по ее бегу, может делать по пяти миль в час рысью.

Д'Артаньян и Атос захохотали.

– Любезный д'Артаньян, сказал Арамис, – не сердитесь на меня, пожалуйста; нужда не знает законов, впрочем, я довольно наказан, потому что этот проклятый барышник надул меня,

по крайней мере на пятьдесят луидоров. А вы очень бережливы, вы едете на лошадях своих лакеев, а ваших дорогих лошадей ведут за повода шагом и с отдыхами.

В эту минуту фургон, ехавший по Амиенской дороге, остановился и из него вышли Планше и Гримо, с седлами на головах. Пустой фургон возвращался в Париж, и они уговорились с кучером, вместо платы за провоз, поить его всю дорогу.

– Это что значит, сказал Арамис, – одни только седла?

– Теперь понимаете? сказал Атос.

– Друзья мои, и со мной случилось то же самое; по инстинкту, я сохранил седло. Эй Базен, принеси мое седло и положи его вместе с седлами этих господ.

– А куда девались ваши богословы? спросил д'Артаньян.

– Я пригласил их на другой день обедать; мимоходом, сказать, здесь отличное вино; я напоил их как нельзя лучше; тогда священник запретил мне оставлять военную службу, а иезуит сам просился в мушкетеры. С тех пор я живу весело. Я начал поэму в одностопных стихах; это довольно трудно, но заслуга всегда состоит в преодолении трудностей. Предмет поэмы «преlestны»; я прочитаю вам первую песнь: четыреста стихов можно прочитать в минуту.

Д'Артаньян, не любивший стихов, почти так же как и латынь, сказал: любезный Арамис, прошу вас, прибавьте к достоинству трудности и краткость, тогда ваша поэма будет иметь два достоинства.

– Притом чувства в моей поэме самые невинные, вы увидите, сказал Арамис. – Так мы возвращаемся в Париж? Браво, я готов; мы увидимся опять с добрым нашим Портосом. Вы не поверите, как я без него соскучился. Он уже верно не продаст своей лошади, даже за целое королевство. Я воображаю, что он сидит на своей дорогой лошади с седлом как великий могол.

Они пробыли тут около часа, чтобы дать отдохнуть лошадям. Арамис рассчитался с хозяином, велел Базену сесть в фургон с его товарищами и друзья отправились в путь отыскивать Портоса.

Они застали его почти здоровым и не так бледным, каким видел его д'Артаньян в первый раз. Он сидел за столом, на котором был приготовлен обед для четверых, хотя он был один дома. Обед состоял из вкусно приготовленных кушаньев, отборных вин и превосходных плодов.

– А, вы приехали очень кстати, господа, сказал он вставая, – я только что сел за стол и вы отобедаете со мной.

– Ого, сказал д'Артаньян, – где это Мускетон отыскал такие бутылки, телятину и филей?

– Я подкрепляю свои силы, сказал Портос; ничего так не расслабляет как эти ушибы; вы имели их, Атос?

– Никогда; помню только, что во время схватки в улице Феру я получил удар шпагой, который через две или две с половиной недели произвел во мне чувство подобное ушибу.

– Этот обед приготовлен ведь не для одних вас, Портос, сказал Арамис.

– Нет; я ожидал некоторых соседних дворян; но они прислали сказать, что не будут. Я ничего не потеряю, если вы замените их. Эй, Мускетон, поставь стулья и дай еще столько же вина.

Через десять минут Атос спросил, знают ли, какое ото кушанье?

– Еще бы! отвечал д'Артаньян, – это шпиикованная говядина с зеленью и мозгами.

– А мне кажется, это бараний филей, сказал Портос.

– А мне кажется, фрикассе из цыплят, сказал Арамис.

– Вы все ошибаетесь, сказал с важностью Атос, – вы едите конину.

– Полно, пусяки! сказал д'Артаньян.

– Конину? спросил Арамис, с чувством отвращения.

Портос не отвечал.

– Да, конину, не правда ли, Портос, что мы едим конину? Да, может быть, и с чепраком?

– Нет, господа, седло у меня уцелело, отвечал Портос.

– Право, мы стоим друг друга, сказал Арамис, – как будто мы все сговорились.

– Что же делать, сказал Портос, – эта лошадь была так хороша, что все посетители мои стыдились за своих, видя ее, а я не хотел обижать их.

А ваша герцогиня все еще на водах, не правда ли? спросил д'Артаньян.

– Да, отвечал Портос. – Моя лошадь так понравилась одному из гостей, которых я ожидал сегодня, губернатору этой провинции, что я отдал ее ему.

– Подарил? спросил д'Артаньян.

– Да, именно, можно сказать подарил, отвечал Портос, – потому что она верно стоит ста пятидесяти луидоров, а этот скряга не хотел дать больше восьмидесяти.

– Без седла? спросил Арамис.

– Да, без седла.

– Заметьте, господа, сказал Атос, – что Портос сбыл свою лошадь выгоднее всех нас.

При этих словах раздался радостный хохот, поразивший бедного Портоса; но ему объяснили причину этой радости и он принял в ней участие, по обыкновению, громким смехом.

– Так мы все с деньгами, сказал д'Артаньян.

– Кроме меня, сказал Атос; – испанское вино Арамиса так понравилось мне, что я приказал положить шестьдесят бутылок его в фургон наших слуг и оттого очень обезденежел.

– А я, сказал Арамис, – вообразите, я отдал все до последнего су в церковь Мондитис и Амиенским иезуитам; кроме того я должен был заплатить долги за заказанные обедни за мое и ваше спасение, господа, которые принесут нам большую пользу.

– А вы думаете, сказал Портос, – что ушиб мой ничего мне не стоил? не считая раны Мускетона, для лечения которой я должен был приглашать хирурга по два раза в день и он брал с меня за визиты вдвое, под тем предлогом, что этому негодному Мускетону пуля попала в такое место, которое обыкновенно показывается только врагам; поэтому я советовал ему не давать вперед ранить себя в это место.

Атос, обменявшись улыбкой с д'Артаньяном и Арамисом, сказал: я вижу, что вы вели себя в отношении этого бедного малого так великодушно как добрый барин.

– Словом, сказал Портос, – с уплатой издержек у меня останется не больше тридцати эю.

– А у меня десять пистолей, сказал Арамис.

– Слышите, д'Артаньян, мы с вами, кажется, Крезы в этом обществе. Сколько у вас осталось из ваших ста пистолей?

– Из моих ста пистолей? Да ведь я отдал половину вам.

– Вы думаете?

– Наверно.

– Да, точно, теперь я вспомнил.

– Шесть пистолей я заплатил хозяину.

– Какая скотина этот хозяин, за что вы дали ему шесть пистолей?

– Вы мне велели.

– Правда, я очень добр. Так сколько же осталось?

– Двадцать пять.

– А у меня, сказал Атос, вынимая из кармана несколько мелких монет...

– У вас ничего.

– Ничего, или так мало, что не стоит прибавлять к общей сумме.

– Теперь сосчитаем, сколько у нас всего.

– У Портоса?

– Тридцать эю.

– У Арамиса?

– Десять пистолей.

– У вас, Д'Артаньян?

– Двадцать пять пистолей.

– Все это составляет? спросил Атос.

– 475 ливров! сказал д'Артаньян, умевший считать как Архимед.

– По приезде в Париж, у нас останется еще около четырех сот, сказал Портос, – и сверх того седла.

– А эскадронные лошади! сказал Арамис.

– Вот что: четырех лошадей наших слуг мы обратим в двух лошадей для себя и разыграем их в лотереи; четырехсот ливров достанет на пол-лошади; потом мы отдадим свои карманные деньги д'Артаньяну, у которого счастливая рука, и он пойдет с ними в первый попавшийся игорный дом; вот мой проект.

– Будемте же обедать, а то простынет, сказал Портос.

Друзья, успокоившись на счет своей будущности, пообедали и передали остатки своим слугам. Приехав в Париж, д'Артаньян нашел у себя письмо от де-Тревиля, который уведомлял его, что, по его просьбе, король изъявил милостивое согласие свое на поступление д'Артаньяна в роту мушкетеров.

Так как это было единственным предметом всех мечтаний д'Артаньяна, кроме желания найти госпожу Бонасиё, то он с радостью побежал к своим товарищам, с которыми расстался только за полчаса, и нашел их печальными и озабоченными. Они собрали совет у Атоса: это значило, что обстоятельства были очень важные.

Де-Тревиль уведомил их, что его величество твердо решился начать войну 1 мая и чтоб они приготавливались к походу.

Члены совета находились в затруднительном положении; де-Тревиль не шутил, когда дело шло о дисциплине.

– А во сколько вы цените свою экипировку? спросил д'Артаньян.

– Ах, но говори, по самому строгому расчету, каждому нужно по 1500 ливров.

– Четырежды полторы составляет шесть тысяч, сказал Атос.

– Мне кажется, сказал д'Артаньян, – что по тысячи ливров на каждого будет довольно, впрочем.

– Постойте, мне пришла счастливая мысль, сказал Портос.

– Это хорошо; а я не могу ничего придумать, сказал хладнокровно Атос; – но что касается до д'Артаньяна, то он потерял рассудок от радости, что имел счастье поступить в нашу роту; тысячу ливров! да я вам объявляю, что мне одному нужно две тысячи.

– Четырежды две восемь, сказал Арамис; – и так нам нужно восемь тысяч ливров на экипировку, из которой теперь у нас нет ничего кроме седел.

Атос, выждавши, пока д'Артаньян ушел благодарить де-Тревиля, сказал:

– Да, прекрасный бриллиант на руке нашего друга. Д'Артаньян так добр, что не решится оставить своих братьев в затруднении, имея на пальце такую драгоценность.

ХIII. Охота за экипировкой

Самый озабоченный из четырех друзей был д'Артаньян, хотя ему как гвардейцу, легче было экипироваться чем знатным мушкетерам. Но наш гасконский кадет был предусмотрителен, очень расчетлив и притом (какой контраст!) тщеславием почти превосходил Портоса. К заботе об удовлетворении чувства тщеславия присоединилась другая, не столько эгоистическая, забота. Из сведений, собранных им о госпоже Бонасиё, он не узнал ничего. Де-Тревиль говорил о ней королеве; но королева не знала, где эта женщина и обещала велеть отыскать ее. Но обещание это было не надежно и не успокоило д'Артаньяна.

Атос не выходил из комнаты; он решился не заботиться нисколько об экипировке, говоря своим друзьям:

– Нам остается две недели. Если в течение этого времени я ничего не найду, или лучше сказать, если деньги не придут ко мне, то я, как христианин, не решусь всадить себе пулю в лоб, но пойду искать ссоры с четырьмя гвардейцами кардинала, или с восьмью англичанами и буду драться с ними до тех пор, пока меня убьют, а при неровном бое это наверно случится. Тогда скажут, что я умер за короля, так что я исполню долг службы, не имея надобности в экипировке.

Портос ходил по комнате, заложив назад руки, и говорил покачивая головою:

– Я приведу в исполнение свою мысль.

Озабоченный и растрепанный Арамис молчал.

Из этого печального описания видно, что отчаяние овладело товарищами.

Верные слуги сочувствовали заботам своих господ.

Мушкетон запасался хлебными сухарями; Базен, всегда расположенный к набожности, не выходил из церкви; Планше наблюдал за полетом мух; а Гримо, не смотря на общее отчаяние, не решался нарушить молчания, наложенного на него его господином, и вздыхал так тяжело, что мог разжалобить камень.

Трое друзей, кроме Атоса, давшего слово не заботиться об экипировке, выходили из дому рано утром и возвращались поздно вечером. Они блуждали по улицам и смотрели беспрестанно, не потерял ли кто-нибудь кошелек. Они с таким вниманием смотрели на землю, как будто отыскивали чей-нибудь след. Встречаясь, они смотрели друг на друга, будто спрашивая: нашел ли ты чего-нибудь?

Но как Портосу первому пришла мысль, которую он настойчиво преследовал, то он первый начал действовать; он был человек весьма практический. Д'Артаньян заметил однажды, что он шел в церковь Сен-Лё и машинально пошел за ним. Портос вошел в церковь, pokrutil усы и поправил эспаньолку, а это у него значило всегда, что он имел какое-нибудь смелое намерение.

Портос думал, что за ним никто не наблюдает. Но д'Артаньян вошел в церковь вслед за ним. Портос прислонился к колонне, д'Артаньян тоже, но с другой стороны.

В это время говорили проповедь и народу было очень много. Портос, пользуясь этим, стал рассматривать женщин. Наружный вид его не соответствовал печальному расположению его духа. Правда, шляпа его была потерта, перо полиняло, шитье повытерлось и кружева были поношены, но в полусвете все эти недостатки оставались незамеченными и Портос был все-таки красавец.

Д'Артаньян заметил на скамейке, ближайшей к той колонне, у которой они стояли, женщину в черном чепце, зрелых лет, желтую, худощавую, но бодрую и гордую. Взоры Портоса по временам робко на ней останавливались, а потом опять блуждали по церкви.

Дама с своей стороны краснела по временам и бросала быстрые взгляды на ветреного Портоса и тогда глаза его тотчас отворачивались от нее. Ясно было, что даме в черном чепце

казались оскорбительными его взгляды, потому что она кусала себе губы и беспокойно сидела на своем месте.

Заметив это, Портос покрутил снова усы и поправил бородку и начал делать знаки одной прекрасной даме, сидевшей близь клироса; это была не только прекрасная, но, вероятно, и знатная дама, потому что за ней стоял маленький негр, принесший подушку, на которой она стояла на коленях, и служанка, державшая мешок, украшенный гербом, для молитвенника.

Дама в черном чепце следила за каждым взглядом Портоса и заметила, что он посматривал на даму с бархатной подушкой, негром и служанкой.

Портос продолжал свои нападения; он подмигивал, клал палец на губы и делал убийственные улыбки оскорбляемой им красавице.

Она ударила себя в грудь, как во время молитвы, и вздохнула так громко, что все, даже и дама с подушкой, оглянулись в ее сторону. Портос хорошо понял значение этого вздоха, но показал вид, будто не слышал его.

Дама с подушкой, очень красивая, сделала сильное впечатление на даму в черном чепце, видевшую в ней опасную соперницу; она сделала большое впечатление и на Портоса, которой понял, что она гораздо красивее дамы в черном чепце, и на д'Артаньяна, узнавшего в ней даму, которую он видел в Мёнге, Кале и Лувре, и которую преследователь его, с рубцом на виске, называл миледи.

Д'Артаньян, не теряя из виду дамы с подушкой, следил за действиями Портоса, которые очень занимали его, он догадался, что дама в черном чепце была жена прокурора из Медвежьей улицы, тем более, что эта церковь была не очень далеко от той улицы.

Он догадался также, что Портос хотел отомстить ей за свое поражение в Шантильской улице, когда прокурорша так упорно отказала ему в деньгах, Проповедь кончилась; прокурорша подошла к сосуду с святою водою; Портос обогнал ее и, вместо пальца, опустил в сосуд всю руку.

Прокурорша улыбнулась, думая, что он хочет услужить ей; но она жестоко ошиблась, потому что когда она была от него только в трех шагах, он отвернулся и устремил пристальный взор на даму с подушкой, которая подходила в это время с негром и служанкой к сосуду.

Когда она подошла близко к Портосу, он вынул из сосуда мокрую руку; прекрасная молевица прикоснулась своею нежною ручкой к грубой руке Портоса, перекрестилась и улыбаясь вышла из церкви.

Прокурорша не могла перенести этого: она не сомневалась больше, что между этою дамой и Портосом была интрига. Если бы она была знатная дама, с ней бы сделался обморок, но как она была не больше как жена прокурора, то сказала только мушкетеру с гневом:

– А, господин Портос, вы не хотели дать мне святой воды?

Портос растерялся при этих словах, как человек, пробудившийся после долгого сна.

– Это вы, госпожа Кокнар! сказал он. Как поживает любезный муж ваш? Так ли он скуп как был прежде? Как это я не заметил вас во время двухчасовой проповеди?

– Я была в двух шагах от вас, но вы не заметили меня потому, что ни на кого не смотрели, кроме хорошенькой дамы, которой вы подали святой воды.

Портос притворился сконфуженным и сказал:

– Ах, вы заметили...

– Только слепой мог не заметить этого.

– Да, отвечал он небрежно, это герцогиня, моя приятельница, с которой мне очень трудно видиться по причине ревности ее мужа; она предупредила меня, что будет сегодня здесь только для того, чтобы меня видеть.

– Господин Портос, сказала прокурорша, будьте добры, дайте мне вашу руку; я желала бы поговорить с вами несколько минут.

– С удовольствием, сказал Портос, улыбаясь самодовольно как игрок, который смеется над побежденным противником.

В это время мимо его прошел д'Артаньян, преследовавший миледи, и видел его торжествующий взгляд.

– Эге, подумал он, увлекаясь безнравственностью того времени, этот верно будет экипирован к назначенному сроку.

Портос, увлекаемый рукою прокурорши, как судно рулем, дошел до монастыря св. Маглуара, места пустого, где днем бывали только нищие и дети; первые ели, последние играли.

Когда прокурорша убедилась, что кругом не было никого постороннего, кроме обыкновенных посетителей этого места, то сказала:

– А, господин Портос! вас, кажется, можно поздравить с хорошею победой!

– Меня? сказал Портос, охорашиваясь; отчего так?

– А ваши перемигивания, а святая вода! Эта дама с негренок и горничной должна быть по крайней мере княгиня.

– Вы ошибаетесь, сказал Портос, она не больше как герцогиня.

– С скороходом у дверей и кучером в блестящей ливрее?

Портос не заметил ни скорохода, ни кареты, но ревнивый глаз госпожи Кокнар все видел.

Портос жалел, что не назвал с первого разу княгиней даму с подушкой.

– Ах вы, баловень хорошеньких женщин, сказала вздыхая прокурорша.

– Природа одарила меня такую наружностью, отвечал Портос, что я, право, не могу жаловаться на холодность хорошеньких женщин.

– Боже мой! как скоро мужчины все забывают, сказала прокурорша, поднимая глаза к небу.

– Кажется, не так скоро, как женщины, отвечал Портос; потому что могу сказать, что я был вашею жертвой, когда раненый, умирающий, оставался без медицинской помощи; происходя из знатной фамилии и доверившись вашей дружбе, я едва не умер сперва от ран, потом с голоду, в дрянной Шантильской гостинице, а вы ни разу не удостоили меня ответа на страстные письма, которые я вам писал.

Прокурорша чувствовала, что, судя по поведению знатных дам того времени, она сделала дурно.

– Я пожертвовал для вас баронессой...

– Очень знаю.

– Графиней...

– Пожалейте меня, господин Портос.

– Герцогиней.

– Будьте великодушны!

– Извольте, я не буду продолжать.

– Но муж мой не хочет и слышать о том, чтобы давать кому-нибудь взаймы денег.

– Госпожа Кокнар, вспомните первое письмо, которое вы мне писали: я помню его от слова до слова.

– Это потому, что вы просили очень значительную сумму.

– Госпожа Кокнар, я предпочел вас, тогда как мне стоило только написать герцогине... я не назову ее имени, потому что не в моих правилах оскорблять честь женщины; но я знаю, что мне стоило только написать и она прислала бы мне полторы тысячи.

Слезы показались на глазах прокурорши и она сказала:

– Вы меня жестоко наказали, господин Портос, я клянусь вам, что если вы будете когда-нибудь в таких же обстоятельствах, то не получите от меня отказа.

– Полноте говорить о деньгах, отвечал Портос, притворяясь обиженным; это унижительно.

– Как, вы уже не любите меня! сказала прокурорша протяжно и печально.

Портос красноречиво молчал.

– Как-то вы мне отвечаете? А, понимаю!

– Подумайте об оскорблении, которое вы мне нанесли, сударыня; оно осталось здесь, сказал Портос, прижимая крепко руку к сердцу.

– Любезный Портос, позвольте мне поправить это дело.

– Впрочем, чего же я от вас требовал? сказал Портос, с видом добродушия; ничего кроме денег. Но ведь я не дурак. Я знаю, что вы небогаты, что ваш муж должен прижимать бедных просителей, чтобы выжать из них несколько экю; вот если бы вы были графиня, маркиза, или герцогиня, другое дело, тогда я не простил бы вам этого отказа.

Эти слова задели прокуроршу за живое.

– Заметьте, господин Портос, сказала она, – что хотя я и прокурорша, но мой сундук набит, может быть, потуже чем у всех ваших падших красавиц.

– Тем чувствительнее обида, которую вы нанесли мне, сказал Портос, освобождая свою руку от руки прокурорши, потому что если вы богаты, то отказ ваш неизвинителен.

Прокурорша видела, что она зашла слишком далеко, и потому сказала:

– Если я называю себя богатой, то не нужно понимать этого буквально; я не могу назвать себя вполне богатой, но имею средства.

– Не будемте, пожалуйста, говорить об этом; сказал Портос. Вы меня не поняли, – между нами нет никакого сочувствия.

– Неблагодарный!

– Советую вам жаловаться, сказал Портос.

– Ступайте же к своей прекрасной герцогине, – а вас не удерживаю.

– А, вы, кажется, не будете в отчаянии от этого.

– Скажите в последний раз, господин Портос, любите ли вы меня?

– Увы! сказал Портос таким грустным голосом, каким только умел, но скоро будет война, на которой я буду убит, как говорит мне предчувствие...

– Ах, не говорите этого! сказала прокурорша, рыдая.

– Что-то мне говорит, что будет так, сказал Портос, притворяясь еще более грустным.

– Скажите лучше, что у вас есть новый предмет любви.

– Откровенно скажу, что нет. Никакой новый предмет меня не занимает, и я даже чувствую, что в глубине сердца что-то говорит в вашу пользу.

Но знаете ли вы, что через две недели начнется война и я ужасно озабочен своею экипировкой. Поэтому я еду к родным в средину Бретани, чтобы достать сумму, необходимую для приготовления к войне.

Портос заметил, что она колебалась между скупостью и любовью.

– А так как имение герцогини, которую вы видели в церкви, продолжал Портос, смежно с моим, то мы поедем вместе. Вы знаете, что дорога кажется гораздо короче, когда едешь вдвоем.

– Разве у вас нет друзей в Париже, господин Портос? спросила прокурорша.

– Я думал, что есть, отвечал Портос задумчиво, но вижу, что я ошибался.

– У вас есть друзья, господин Портос, есть, сказала прокурорша с каким-то восторгом, которому сама удивлялась; приходите завтра к нам. Вы сын моей тетки и потому мой двоюродный брат; вы приехали из Нойона в Пикардии, у вас много процессов в Париже, но нет стряпчего. Запомните ли вы это?

– Непременно.

– Приходите к обеду.

– Очень хорошо.

– И не уступайте ни в чем моему мужу, потому что он еще молодец, несмотря на то, что ему 76 лет.

– 76 лет! чудесный возраст!

– То есть преклонные лета, вы хотите сказать, господин Портос, так что бедный старикашка каждую минуту может оставить меня вдовой, продолжала прокурорша, бросив значительный взгляд на Портоса. К счастью, по нашему свадебному контракту все имущество укреплено за тем, кто останется в живых.

– Все? спросил Портос.

– Все.

– Вы, я вижу, осторожная женщина, любезная госпожа Кокнар, сказал Портос нежно пожимая ей руку.

– Ну, вот мы и помирились, любезный господин Портос, сказала она с жеманством.

– И навсегда, отвечал Портос таким же тоном.

– Так до свидания, мой изменник.

– До свидания, моя ветреница.

– До завтра; мой ангел!

– До завтра, жизнь моя.

XIV. Миледи

Д'Артаньян следил за миледи так, что она его не заметила; он видел, как она села в карету и слышал, как она приказала кучеру ехать в Сен-Жермен.

Карета, запряженная двумя сильными лошадьми, быстро промчалась. Д'Артаньян видел, что невозможно следовать за ней пешком и поэтому возвратился в Ферускую улицу.

В Сенской улице он встретил Планше, остановившегося перед лавкой пирожника и рассматривавшего с восторгом пирожки самой соблазнительной наружности.

Он приказал ему оседлать двух лошадей из конюшен де-Тревилья и привести их к Атосу.

Де-Тревилья позволил д'Артаньяну однажды навсегда брать лошадей со своей конюшни.

Планше пошел в улицу Голубятни, а д'Артаньян в Ферускую. Атос был дома и печально допивал бутылку того знаменитого испанского вина, которое он привез из поездки своей в Пикардию. Он сделал Гримо знак, чтобы подал стакан для д'Артаньяна, что тот исполнил с свойственным ему послушанием.

Тогда д'Артаньян рассказал Атосу все, что случилось в церкви между Портосом и прокуроршею и каким образом их товарищ в эту минуту, вероятно, уже имел все нужное для экипировки.

– Что касается до меня, отвечал Атос на этот рассказ, я совершенно уверен, что не женщины примут на себя мои расходы по вооружению.

– А между тем ни княгини, ни королевы не устояли бы, любезный Атос, против вашей красоты, ловкости и знатности.

– Как молод этот д'Артаньян! сказал Атос, пожимая плечами, и велел Гримо принести другую бутылку.

В это время Планше скромно просунул голову в полуотворенную дверь и доложил своему господину, что лошади готовы.

– Какие лошади? спросил Атос.

– Две лошади, которые одолжил мне де-Тревилья для прогулки; я поеду на них кататься в Сен-Жермен.

– А что вы будете делать в Сен-Жермене? спросил Атос.

Тогда д'Артаньян рассказал ему, как он встретил в церкви и узнал ту женщину, которая вместе с господином в черном плаще и с рубцом на виске, составляла для него мучительную загадку.

– То есть вы влюбились в нее так же, как прежде в госпожу Бонасиё, сказал Атос, пожимая презрительно плечами, как будто сожалел о слабости человеческой.

– Вовсе нет! Мне любопытно только разгадать таинственность, с которою она всегда является мне. Не знаю, почему мне кажется, что эта женщина имеет влияние на мою судьбу, не смотря на то, что я ее не знаю и она меня тоже.

– Признаюсь вам откровенно, сказал Атос, – что я не знаю женщины, которую стоило бы отыскивать, если она пропала. Госпожа Бонасиё пропала, тем хуже для нее; пусть кто хочет, отыскивает ее.

– Нет, Атос, вы ошибаетесь; я люблю несчастную мою Констанцию больше чем прежде, и если бы я знал, где она, я поехал бы на край света, чтоб исторгнуть ее из рук ее врагов; но что же делать, когда все поиски мои были напрасны и я не знаю, где она; поневоле нужно развлекаться.

– Так займитесь этой миледи, мой любезный д'Артаньян; желаю вам от всей души развлечься ей, если это может доставить вам удовольствие.

– Послушайте, Атос, чем сидеть взаперти, точно под арестом, садитесь-ка лучше на лошадь и поедем со мною кататься в Сен-Жермен.

– Любезный, отвечал Атос, я езжу верхом когда у меня есть свои лошади, а когда нет их, хожу пешком.

– А я не так горд как вы; я езжу на чем попало, отвечал д'Артаньян, который обиделся бы словами Атоса, если б они были сказаны кем-нибудь другим.

– Так до свидания, любезный Атос!

– До свиданья, сказал мушкетер, – делая Гримо знак, чтоб он откупорил вновь принесенную бутылку.

Д'Артаньян и Планше сели на лошадей и поехали в Сен-Жермен.

Во все время, пока они ехали, у д'Артаньяна не выходили из головы слова, сказанные Атосом о госпоже Бонасиё. Хотя он был не очень чувствителен, но хорошенькая лавочница сделала сильное влияние на его сердце; он правду говорил, что готов был идти на край света искать ее. Но как у света много краев, потому что он круглый, то он не знал куда идти.

Между тем ему хотелось узнать, что такое миледи. Она говорила с человеком в черном плаще; стало быть, она знала его. А, по мнению д'Артаньяна, он же похитил госпожу Бонасиё во второй раз, как и в первый. Поэтому д'Артаньян не много ошибался, говоря, что отыскивать миледи значило отыскивать в тоже время и Констанцию.

Рассуждая таким образом и погоняя по временам свою лошадь, д'Артаньян приехал в Сен-Жермен. Он проехал мимо павильона, в котором десять лет спустя родился Людовик XIV, он ехал по одной совершенно глухой улице и оглядывался на обе стороны, надеясь открыть какой-нибудь след прекрасной англичанки и вдруг заметил знакомое лицо в нижнем этаже одного хорошенького домика, не имевшем ни одного окна на улицу, по тогдашнему обыкновению. Эта особа прогуливалась на небольшой террасе, уставленной цветами. Планше сразу узнал ее и сказал:

– Не знакомо ли вам, барин, лице этого человека, зевающего по сторонам?

– Нет, сказал д'Артаньян, – но я вижу его, кажется, не в первый раз.

– Конечно, не в первый; это несчастный Любен, слуга графа Варда, которого вы так хорошо отделали месяц назад в Кале, на дороге к даче губернатора.

– Да, теперь я его узнаю, сказал д'Артаньян. – А как ты думаешь, узнал ли он тебя?

– Он был тогда так расстроен, что едва ли мог сохранить обо мне ясное воспоминание.

– Так поди, поговори с ним, сказал д'Артаньян, – и постарайся узнать из разговора, жив ли его барин.

Планше сошел с лошади и подошел к Любену, который действительно не узнал его. Они начали разговаривать самым дружеским тоном, между тем как д'Артаньян, отведя лошадей в переулочек, объехал кругом дома и стал прислушиваться к их разговору, скрывшись за плетнем из орешника.

Спустя минуту он услышал шум экипажа и перед ним остановилась карета миледи. Он видел ясно, что она сама была в карете. Он прилег на шею лошади, чтобы видеть все и не быть замеченным.

Миледи высунула из дверцы свою очаровательную белокурую головку и отдала приказание своей горничной.

Эта горничная, хорошенькая девушка, двадцати или двадцати двух лет, живая и веселенькая, настоящая субретка знатной дамы, быстро соскочила с подножки, на которой она сидела, по обычаю того времени, и пошла к террасе, на которой д'Артаньян видел Любена.

Д'Артаньян следил за ней глазами и видел, что она пошла к террасе. Но, случайным образом, в эту минуту кто-то из дома позвал Любена и Планше остался один, посматривая во все стороны, нет ли где д'Артаньяна.

Горничная подошла к Планше, приняв его за Любена, и, отдавая ему записочку, сказала:

– Вашему барину.

– Моему барину? спросил удивленный Планше.

– Да, и очень нужное; берите скорее.

С этими словами она побежала к карете, которую между тем поворотили в ту сторону, откуда приехали; она вскочила на подножку и карета покатилась.

Планше повертел записку в руках, но приученный к слепому повиновению, соскочил с терассы, пошел в переулочек и в двадцати шагах встретил д'Артаньяна, ехавшего ему навстречу.

– К вам, барин, сказал Планше, подавая ему записку.

– Ко мне? уверен ли ты в этом?

– Еще бы! субретка сказала: «вашему барину», а у меня нет барина кроме вас, стало быть – а не правда ли, славная девушка эта субретка?

Д'Артаньян вскрыл записку и прочел:

– Особа, интересующаяся вами, как нельзя больше желает знать, когда вы можете приехать кататься в лесу. Завтра в гостинице Шамдю-драдор лакей в ливрее красного цвета с черным будет ждать вашего ответа».

– Ого! подумал д'Артаньян, – как это скоро! Кажется, мы с миледи заботимся о здоровье одной и той же особы. Ну что, Планше, как поживает добрейший господин де-Вард? жив ли он?

– Жив, барин, и здоров на столько, на сколько это возможно после четырех ран; потому что, не в обиду вам будет сказано, вы нанесли ему четыре раны; он еще очень слаб от потери крови. Любен точно не узнал меня и рассказал мне всю нашу историю с начала до конца.

– Славно, Планше, ты лучший из лакеев, теперь садись на лошадь и поедем догонять карету.

Через пять минут они увидели карету, остановившуюся на дороге и подле кареты щегольски одетого мужчину верхом.

Разговор между ним и миледи был так оживлен, что никто, кроме субретки, не заметил как д'Артаньян остановился по другую сторону кареты.

Разговор шел на английском языке, которого д'Артаньян не понимал; но он догадывался, что прекрасная англичанка гневается; он вполне убедился в справедливости своей догадки, когда при конце разговора она ударила своего собеседника веером, который разлетелся вдребезги.

Мужчина при этом захохотал, отчего миледи, казалось, пришла в отчаяние.

Д'Артаньяну казалась эта минута удобною начать разговор; он приблизился к дверцам кареты и сказал, почтительно снимая шляпу.

– Сударыня! позвольте мне предложить вам мои услуги! этот господин, кажется, рассердил вас. Скажите слово и я приму на себя обязанность наказать его за невежливость.

При первых словах миледи обернулась к молодому человеку и смотрела на него с удивлением, а когда он кончил, сказала ему чистым французским языком.

– Я с большим удовольствием отдалась бы под ваше покровительство, если бы тот, с кем я ссорилась, не был брат мой.

– В таком случае извините меня, я этого не знал.

– Зачем эта ворона мешается не в свое дело и почему не едет своею дорогой? сказал, наклонясь к дверцам, мужчина, которого миледи назвала своим родственником.

– Вы сами ворона, сказал д'Артаньян, тоже наклонясь и отвечая ему через дверцу; – я не еду своею дорогой, потому что хочу оставаться здесь.

Мужчина сказал своей сестре несколько слов по-английски.

– Я говорю с вами по-французски, сказал д'Артаньян, – и потому не угодно ли вам отвечать мне тоже по-французски. Положим, что вы брат этой дамы, но, к счастью, мне вы не брат.

Можно было ожидать, что миледи, робкая, как большая часть женщин, вмешается в это начало вызова на дуэль и не позволит ссоре продолжаться, но, напротив, она откинулась в глубину кареты и спокойно закричала кучеру:

– Пошел домой!

Хорошенькая субретка бросила беспокойный взгляд на д'Артаньяна, красота которого сделала, казалось, на нее впечатление.

Карета поехала и между ссорившимися не осталось никакого физического препятствия.

Кавалер хотел ехать за каретой, но д'Артаньян остановил его, схватив лошадь за узду.

Д'Артаньян еще больше рассердился, когда узнал в своем противнике англичанина, который выиграл у Атоса его лошадь и мог выиграть его перстень.

– Милостивый государь, сказал он, – вы больше похожи на ворону чем я, потому что притворяетесь, будто забыли о том, что мы поссорились.

– А, это вы, почтенный! сказал англичанин: – видно, с вами непременно нужно играть в не ту игру, так в другую.

– Да, я помню, что мне нужно еще от вас отыграться. Посмотрим, так ли вы владеете шпагой как костями.

– Вы видите, что при мне нет шпаги, сказал англичанин; – что же вы храбритесь пред безоружным?

– Надеюсь, что у вас дома есть шпага. Во всяком случае, у меня их две и, если хотите, сыграемте на одну из них.

– Не нужно, сказал англичанин, – у меня порядочный запас этого оружия.

– В таком случае выберите из них самую длинную и покажите мне ее сегодня вечером.

– Где вам угодно?

– За Люксембургом; это место самое приятное для прогулок в таком роде.

– Хорошо, я буду.

– В котором часу?

– В шесть.

– Кстати, у вас есть один или два друга?

– Есть три таких, которые за честь почтут играть в ту же игру.

– Три? чудесно; как мы сходимся в этом, сказал д'Артаньян – у меня тоже три.

– Теперь скажите, кто вы? спросил англичанин.

– Я д'Артаньян, гасконский дворянин, служащий в гвардии, в роте Дезессара. А вы?

– Я лорд Винтер, барон Шеффилдский.

– Так я ваш покорнейший слуга, господин барон, хотя мне трудно выговорить ваше имя.

После этого д'Артаньян поскакал галопом в Париж.

Он зашел к Атосу, как обыкновенно делал в подобных случаях.

Он нашел Атоса лежащим на большом диване и ожидавшим, что кто-нибудь принесет ему денег для обмундировки.

Он рассказал Атосу обо всем, что с ним случилось кроме письма.

Атос был в восторге, когда узнал, что будет драться с англичанином; мы уже сказали, что он только об этом и мечтал.

Они послали тотчас же своих слуг за Портосом и Арамисом и рассказали им о случившемся.

Портос обнажил шпагу и начал фехтовать против стены, иногда отступая и делая движения по всем правилам искусства.

Арамис, занятый своею поэмой, заперся в кабинете Атоса и не велел тревожить себя до начала дуэли.

Атос знаком потребовал у Гримо еще бутылку вина.

Д'Артаньян составил себе между тем план, исполнение которого мы увидим впоследствии. План этот обещал ему какое-нибудь приятное приключение, судя по улыбке, которая появлялась по временам на задумчивом лице его.

Часть третья

І. Англичане и французы

В назначенный час четыре мушкетера со своими лакеями отправились за Люксембург на место, загороженное для коз. Атос дал пастуху серебряную монету за то, чтобы он ушел. Лакеи поставлены были на часы.

Вскоре молчаливая группа приблизилась к той же загородке и вошла к мушкетерам; тогда начались, по английскому обычаю, взаимные представления.

Англичане были все знатных фамилий и потому странные имена их противников не только удивили, но и озадачили их.

– После всего этого, – сказал лорд Винтер, – мы все-таки не знаем, кто вы и не будем драться с людьми, носящими такие фамилии: они могут принадлежать только пастухам.

– Ваше предположение совершенно справедливо, милорд; имена эти вымышленные, – сказал Атос.

– Это возбуждает в нас еще больше желания узнать ваши настоящие фамилии, – сказал англичанин.

– Вы играли же с нами, не зная наших фамилий, и выиграли у нас две лошади.

– Это правда, но тогда мы рисковали только пистолями, а теперь рискуем кровью; играть можно со всяким, а драться только с равными.

– Это справедливо, – сказал Атос, отвел в сторону того англичанина, с которым должен был драться и сказал ему очень тихо свое имя.

Портос и Арамис сделали то же самое.

– Довольны ли вы этим, – спросил Атос своего противника, – и находите ли вы меня довольно знатным, чтобы сделать мне милость скреститься со мной шпагами?

– Доволен, – сказал англичанин, кланяясь.

– Теперь дозвоьте мне сообщить вам кое- что, – сказал хладнокровно Атос.

– Что такое? – спросил англичанин.

– Вы лучше бы сделали, если бы не требовали, чтобы я сказал вам свое имя.

– Отчего же?

– От того, что меня считают умершим, и я имею причины желать, чтобы не знали, что я жив; поэтому я принужден убить вас, чтобы тайна моя не сделалась известною.

Англичанин посмотрел на Атоса, не шутит ли он; но Атос и не думал шутить.

– Господа, – сказал Атос, обращаясь к своим товарищам и их противникам, – готовы ли вы?

– Готовы, – ответили в один голос англичане и французы.

– Так начнем, – сказал Атос.

В ту же минуту восемь шпаг заблестели при лучах заходившего солнца, и сражение началось с ожесточением, очень естественным при двойной вражде противников.

Атос фехтовал так спокойно и правильно, как в фехтовальной зале.

Портос, наказанный за свою излишнюю самоуверенность приключением в Шантильи, действовал хитро и благоразумно.

Арамис думал только о том, как бы скорее отделаться, чтобы закончить третью песнь своей поэмы.

Атос первый убил своего противника одним ударом; но, как он предупреждал, удар был смертельный, шпага вонзилась в сердце.

После Портос уложил своего на траву: он проколол ему ляжку. А так как англичанин не сопротивлялся ему больше и отдал свою шпагу, то Портос взял его на руки и отнес в карету.

Арамис так сильно наступал на своего противника, что тот, отступив шагов на пятьдесят, побежал со всех ног и исчез при криках лакеев.

Что касается до д'Артаньяна, то он просто шутил и только оборонялся; но заметив, что противник его утомлен, он сильным ударом вышиб у него шпагу. Барон, видя себя обезоруженным, отступил на два или на три шага, но в эту минуту поскользнулся и упал навзничь.

Д'Артаньян в один прыжок очутился на нем и, приставив шпагу к горлу англичанина, сказал:

– Я мог бы убить вас, потому вы в моих руках; но я дарю вам жизнь из любви к вашей сестре.

Д'Артаньян был вне себя от радости; он приводил в исполнение план, давно задуманный, и во время составления которого, как мы говорили, улыбка пробежала по лицу его.

Англичанин был в восторге, что имел дело с таким благородным дворянином, сжал д'Артаньяна в своих объятиях, наговорил тысячу вежливостей мушкетерам и так как противник Портоса был уже в карете, а противник Арамиса наострил лыжи, то все обратили внимание на одного умершего.

Пока Портос и Арамис раздевали его, чтоб осмотреть рану, в надежде, что она несмертельна, большой кошелек выпал из-за его пояса.

Д'Артаньян поднял его и подал лорду Винтеру.

– Черт возьми, что же я буду делать с ним? – спросил англичанин.

– Вы передадите это его родным, – сказал д'Артаньян.

– Его родные не нуждаются в такой безделице, они получают полтора миллиона луидоров дохода; возьмите это для ваших лакеев.

Д'Артаньян положил кошелек в карман.

– Теперь, молодой друг мой, я надеюсь, что вы позволите мне так называть вас, – сказал лорд Винтер, – сегодня же вечером я представляю вас, если вам угодно, сестре моей, леди Клерик. Я желал бы, чтоб она приняла вас благосклонно и так как она довольно хорошо принята при дворе, то, может быть, когда-нибудь вам не бесполезно будет это знакомство.

Д'Артаньян покраснел от удовольствия и поклонился в знак согласия.

В это время Атос подошел к д'Артаньяну.

– А что вы думаете делать с этим кошельком? – шепнул он ему на ухо.

– Я думаю отдать его вам, любезный Атос.

– Мне? Отчего же?

– Ведь вы его убили, это ваша военная добыча.

– Чтоб я был наследником своего врага? – сказал он. – За кого же вы меня принимаете?

– Это обычай войны, – сказал д'Артаньян. – Почему же не принять этот обычай и на дуэлях?

– Я никогда не делал этого и на поле сражения, – сказал Атос.

Портос пожал плечами, Арамис движением губ одобрил мнение Атоса.

– В таком случае, – сказал д'Артаньян, – отдадим эти деньги нашим слугам, как велел лорд Винтер.

– Да, – сказал Атос, – отдадим этот кошелек слугам, но не нашим, а слугам англичан.

Атос взял кошелек и бросил его кучеру, сказав:

– Это вам и вашим товарищам.

Этот поступок человека, не имевшего ни копейки, поразил даже Портоса и это французское великодушие, о котором рассказывали лорд Винтер и его друг, очень понравилось всем, исключая Гримо, Мускетона, Планше и Базена.

Лорд Винтер, расставаясь с д'Артаньяном, дал ему адрес своей сестры; она жила на Королевской площади, бывшей тогда самым модным кварталом, в доме № 6. Впрочем, лорд обещал заехать за ним, чтобы представить его ей. Д'Артаньян назначил ему свидание у Атоса в восемь часов.

Представление миледи очень занимало нашего гасконца, он припоминал, каким странным образом эта женщина участвовала в событиях его жизни. По его убеждению, это было создание кардинала и, несмотря на то, он чувствовал неодолимое влечение к ней и не мог дать себе отчета в этом чувстве. Он боялся только, чтобы миледи не узнала, что это его она видела в Менге и в Лувре; потому что тогда она узнала бы, что он друг де Тревиля и, следовательно, предан душой и телом королю, что лишало его преимущества быть с ней в равных отношениях, в каких они были бы, если бы она знала его столько же, как он ее. Что касается до начала интриги ее с графом Вардом, то он мало о ней заботился, несмотря на то, что граф был молод, красив, богат и в большой милости у кардинала. Вот что значит иметь 20 лет от роду и особенно родиться в Тарбе.

Д'Артаньян начал с того, что пошел домой, чтобы заняться своим туалетом; потом пошел опять к Атосу, и, по обыкновению, рассказал ему все. Атос выслушал его предположения, покачал головою и с некоторою горечью советовал ему быть благоразумным, говоря:

– Как! Вы только что лишились женщины, которую называли доброю, очаровательною, совершенною, и вот уже хотите ухаживать за другою?

Д'Артаньян почувствовал справедливость упрека.

– Я любил госпожу Бонасьё сердцем, а миледи люблю разумом, – отвечал он. – Я просил, чтобы меня с ней познакомили именно для того, что мне хочется объяснить себе роль, которую она играет при дворе.

– Ее роль! Черт возьми, после того, что вы говорили о ней, это совсем нетрудно понять. Это создание кардинала; женщина, которая завлечет вас в сети, где вы преспокойно погибнете.

– Любезный Атос, вы, кажется, на все смотрите с черной стороны.

– Я не доверяю женщинам, любезный д'Артаньян, что же делать! Я поплатился за доверие к ним, а особенно к блондинкам; а миледи блондинка, как вы говорили?

– Да, и у нее самые красивые волосы, какие я видел.

– Ах, несчастный д'Артаньян, – сказал Атос.

– Послушайте, мне хочется только разузнать о ней; а как только узнаю все, что мне нужно, оставлю ее.

– Разузнавайте, – сказал флегматически Атос.

Лорд Винтер приехал в назначенный час, но Атос, предупрежденный вовремя, ушел во вторую комнату, так что он застал д'Артаньяна одного и так как было уже почти восемь часов, то они вышли.

Щегольская карета ожидала их внизу, и так как она была запряжена отличными лошадьми, то они в минуту были на Королевской площади.

Миледи Клерик приняла д'Артаньяна с важностью. Дом ее был замечательно великолепен; и хотя в то время большая часть англичан по причине войны выехали или намеревались выехать из Франции, миледи делала в своем доме новые расходы, что доказывало, что причина, заставлявшая всех англичан выезжать, не относилась к ней.

– Вы видите, – сказал лорд Винтер, представляя д'Артаньяна своей сестре, – молодого дворянина, который имел в своих руках мою жизнь и не воспользовался этим, хотя мы были враги вдвойне; потому что я его оскорбил и потому что я англичанин. Поблагодарите его, если вы сколько-нибудь дружны со мной.

Миледи нахмурила слегка брови, на ее лице показалось едва заметное облачко и такая странная улыбка, что молодой человек, заметив все это, почувствовал какую-то дрожь.

Брат ее ничего этого не заметил: он играл с обезьяной, которая дернула его за платье.

– Милости просим, – сказала миледи каким-то приятным голосом, несогласным с выражением лица ее. – Вы приобрели сегодня право на вечную мою признательность.

Англичанин рассказал о дуэли со всеми подробностями. Миледи слушала его с большим вниманием; но, как она ни старалась притвориться, заметно было, что этот рассказ был ей неприятен. Кровь прилиwała к голове ее, и ножка нетерпеливо двигалась под ее платьем.

Лорд Винтер не замечал ничего этого. Кончив рассказ, он подошел к столу, на котором стояла на подносе бутылка испанского вина и стаканы. Он налил два стакана и знаком предложил один из них д'Артаньяну.

Д'Артаньян знал, что отказать англичанину пить с ним – значит обидеть его. Он подошел к столу и взял стакан. Между тем он не терял из виду миледи, и в зеркале заметил в ней перемену. Она думала, что никто ее не видит, и потому не скрывала чувства жестокости, обнаружившегося на лице ее; она с усилием грызла платок зубами.

В это время вошла знакомая уже д'Артаньяну субретка; она сказала по-английски несколько слов лорду Винтеру, который попросил у д'Артаньяна позволения оставить его, извиняясь важностью дела, для которого его позвали, и поручил сестре своей заниматься с ним.

Д'Артаньян пожал руку лорду Винтеру и подошел к миледи. Лицо ее очень быстро приняло приятное выражение, и только красные пятнышки на платке показывали, что она искусила себе губы до крови.

Губки ее были великолепны как коралл.

Разговор принял веселый оборот. Миледи казалась совершенно успокоенною. Она рассказала, что лорд Винтер не брат ей, что она была замужем за меньшим братом его, оставившим ее вдовой с ребенком, единственным наследником лорда Винтера, если он не женится. Все это показывало д'Артаньяну, что тут скрывается какая-то тайна, но он еще не понимал, что именно.

Впрочем, через полчаса д'Артаньян убедился, что миледи была его соотечественница: она говорила по-французски так чисто и изящно, что в этом нельзя было сомневаться.

Д'Артаньян рассыпался в вежливостях и уверял ее в своей преданности. На всю эту болтовню нашего гасконца миледи благосклонно улыбалась. Пора было домой. Д'Артаньян откланялся и вышел из ее гостиной счастливейшим человеком на свете.

На лестнице он встретил хорошенькую субретку, которая при встрече слегка толкнула его, и, покраснев до ушей, извинилась таким приятным голоском, что не было возможности сердиться.

На другой день д'Артаньян опять был там и был принят еще лучше, чем накануне; лорда Винтера не было дома, и миледи весь вечер занималась с ним. Казалось, что она принимала в нем большое участие, спрашивала, откуда он родом, кто его друзья и не намерен ли он поступить на службу к кардиналу.

Мы знаем, что д'Артаньян был очень рассудителен для своего возраста; разговор этот напомнил ему о подозрениях его относительно миледи и он расхвалил кардинала, и сказал, что охотно поступил бы в его гвардию, если бы познакомился с господином де Кавуа вместо де Тревиля.

Миледи незаметным образом переменяла разговор и самым небрежным светским тоном спросила д'Артаньяна, бывал ли он в Англии.

Д'Артаньян ответил, что ездил туда по поручению г-на де Тревиля для переговоров о покупке лошадей и даже привез оттуда четырех на образец.

В продолжение разговора миледи два или три раза кусала губы: этот гасконец вел хитрую игру.

В тот же час, что накануне, д'Артаньян удалился. В коридоре ему снова повстречалась хорошенькая Кэтти – так звали субретку. Она посмотрела на него с таким выражением, не

понять которое было невозможно, но д'Артаньян был слишком поглощен ее госпожой и замечал только то, что исходило от нее.

Д'Артаньян приходил к миледи и на другой день и на третий, и каждый вечер миледи принимала его все более приветливо.

Каждый вечер – то в передней, то в коридоре, то на лестнице – ему попадалась навстречу хорошенькая субретка.

Но, как мы уже сказали, д'Артаньян не обращал никакого внимания на эту настойчивость бедняжки Кэтти.

II. Обед у прокурора

Между тем дуэль, в которой Портос сыграл столь блестящую роль, отнюдь не заставила его забыть об обеде у прокурорши. На следующий день, после двенадцати часов, Мушкетон в последний раз коснулся щеткой его платья, и Портос отправился на Медвежью улицу с видом человека, которому везет во всех отношениях.

Сердце его билось, но не так, как билось сердце у д'Артаньяна, волнуемого молодой и нетерпеливой любовью. Нет, его кровь горячила иная, более корыстная забота: сейчас ему предстояло наконец переступить этот таинственный порог, подняться по той незнакомой лестнице, по которой одно за другим поднимались старые эю мэтра Кокнара. Ему предстояло увидеть наяву тот заветный сундук, который он двадцать раз представлял себе в своих грезах, длинный и глубокий сундук, запертый висячим замком, заржавленный, приросший к полу, сундук, о котором он столько слышал и который ручки прокурорши, правда немного высохшие, но еще не лишенные известного изящества, должны были открыть его восхищенному взору.

И кроме того, ему, бесприютному скитальцу, человеку без семьи и без состояния, солдату, привыкшему к постоянным дворам и трактирам, к тавернам и кабачкам, ему, любителю хорошо покушать, вынужденному по большей части довольствоваться случайным куском, – ему предстояло наконец узнать вкус обедов в домашней обстановке, насладиться семейным уютом и предоставить себя тем мелким заботам хозяйки, которые тем приятнее, чем туже приходится, как говорят старые рубаки.

Являться в качестве кузена и садиться каждый день за обильный стол, разглаживать морщины на желтом лбу старого прокурора, немного пощипать перышки у молодых писцов, обучая их тончайшим приемам бассета, гальбика и ландскнехта и выигрывая у них вместо гоночара за часовой урок то, что они сберегли за целый месяц, – все это очень улыбалось Портосу.

Правда, Портос знал предрассудки того времени, представлявшие прокуроров скупыми до мелочности; но как кроме некоторых припадков скупости, которую он всегда находил неуместною, прокурорша казалась ему довольно щедрою по своему званию, то он надеялся найти дом ее в хорошем виде.

При входе в дом он усомнился в этом, потому что вход был непривлекателен: грязный, вонючий коридор, лестница, дурно освещенная, окном на соседний двор; в первый этаж низкая дверь, обитая огромными гвоздями.

Портос постучался. Высокий, бледный и растрепанный конторщик отпер дверь и поклонился ему с видом человека, привыкшего уважать высокий рост, как признак силы, военное платье, означающее звание, и румяное лицо, как признак хорошей жизни.

За ним показался другой конторщик пониже, третий, тоже высокий, и мальчик лет двенадцати.

Всего три с половиной конторщика; это значило в то время, что дела заведения идут хорошо.

Хотя мушкетер должен был прийти в час, но прокурорша с полудня ожидала его, надеясь, что сердце, а может быть, и желудок, заставят ее любовника прийти пораньше.

Госпожа Кокнар вышла из своей комнаты почти в то же время, как ее гость поднялся на лестницу, и появление ее вывело его из большого затруднения.

Конторщики смотрели на него с любопытством, а он не нашелся, что сказать им, и потому все молчали.

– Это мой двоюродный брат, – сказала прокурорша. – Войдите же, войдите, господин Портос.

При слове Портос конторщики засмеялись; но он оглянулся на них, и они снова приняли серьезный вид.

Пройдя переднюю, где были конторщики, и контору, где им бы следовало быть, они вошли в кабинет прокурора. Контора была мрачна и завалена бумагами; направо от нее была кухня, прямо – кабинет.

Вид этих комнат произвел неприятное впечатление на Портоса. Во-первых, что в комнатах все было слышно через отворенные двери; во-вторых, он бросил мимоходом быстрый и испытующий взгляд на кухню, и к великому своему сожалению и к стыду прокурорши не заметил там того огня, жизни и движения, которое обыкновенно бывает во время приготовления хорошего обеда в этом святилище гастрономов.

Прокурор, без сомнения, был предупрежден об этом посещении, потому что он нимало не удивился при виде Портоса, непринужденно подошедшего к нему и вежливо поклонившегося.

– Мы, кажется, двоюродные братья, господин Портос? – сказал прокурор, приподнимаясь с кресел.

Зеленоватый и худой старик был в черном халате, из которого его было чуть видно; серые глаза его блестели как угли, и были, вместе с движением губ, единственным признаком жизни на лице его. К несчастью, ноги отказывались служить этому скелету; он почувствовал эту слабость пять или шесть месяцев тому назад и с тех пор сделался рабом своей жены.

Братец был принят по необходимости. Если бы Кокнар не был без ног, он не признал бы родства с Портосом.

– Да, мы братья, – сказал Портос, не смущаясь. Он вовсе не рассчитывал на радушный прием мужа.

– Кажется, с женой стороны? – лукаво спросил прокурор.

Портос не понял этой шутки, принял ее за наивность и посмеялся над нею внутренне. Госпожа Кокнар знала, что наивный прокурор – большая редкость, улыбнулась и покраснела.

При входе Портоса Кокнар с беспокойством взглянул на большой шкаф, стоявший против его дубовой конторки. Портос думал, что этот шкаф, хотя не такой формы, как виденный им во сне, был тот самый желанный сундук, о котором он мечтал, и радовался, что он был шестью футами выше, чем снился ему.

Кокнар прекратил свои генеалогические наследования и, обратясь к Портосу, сказал:

– Братец доставит нам когда-нибудь удовольствие пообедать с нами до отъезда своего на войну; не правда ли, госпожа Кокнар?

Этот вопрос нанес сильный удар желудку Портоса; да и госпожа Кокнар, кажется, почувствовала его, потому что сказала:

– Мой братец не придет больше к нам, если мы худо примем его; но он так недолго останется в Париже, что мы должны просить его провести с нами все свободное время, сколько у него будет, до отъезда.

– Ах, ноги мои, бедные мои ноги, что с вами? – пробормотал Кокнар и старался улыбнуться.

Слова прокурорши, сказанные очень кстати в ту минуту, когда его гастрономические надежды готовы были лопнуть, внушили мушкетеру глубокую признательность к ней.

Наступило время обеда. Все отправились в столовую, большую мрачную комнату напротив кухни.

Конторщики, познакомившиеся, кажется, в этом доме с непривычным для них комфортом, держали с военной аккуратностью табуреты в руках, готовые тотчас сесть. Казалось даже, что челюсти их заранее уже шевелились, выражая их страшный аппетит.

«Черт возьми, – подумал Портос, смотря на троих голодных, потому что недоросль не был удостоен чести сидеть за хозяйским столом. – Я на месте брата не держал бы таких обжор. Они похожи на людей, потерпевших кораблекрушение и не евших недель шесть».

Кокнар в креслах на колесах был ввезен в столовую женой; Портос помог ей придвинуть его к столу.

Подъехав к столу, он обнаружил такой же страшный аппетит, как его конторщики.

– Ого! – сказал он, – какой превосходный суп.

«Что они находят особенного в этом супе?», – подумал Портос при виде жидкого пустого бульона, в котором плавало несколько гренков, как острова в архипелаге.

Хозяйка улыбнулась, и по ее знаку все сели.

Прежде всех подали хозяину, потом Портосу, потом хозяйке, которая раздала гренки без бульона нетерпеливым писцам.

В это время двери столовой со скрипом отворились, и Портос заметил, что маленький конторщик, не могши принять участия в празднике, ел между столовою и кухней.

После супа служанка принесла вареную курицу; при виде этого роскошного блюда все бывшие за столом так вытаращили глаза, что они чуть не лопнули.

– Видно, что вы любите своих родных, госпожа Кокнар, – сказал прокурор, с улыбкой почти трагически, – вы заказали это блюдо, верно, из угождения вашему братцу.

Курица была худа и покрыта такой толстой кожей, что кости не могли прорвать ее при всем своем усилии, должно быть они долго искали такой курицы и нашли ее на шестке, где она собиралась умирать от дряхлости.

– Черт возьми! – подумал Портос; это очень неприятно; я уважаю старость, только не вареную и не жареную.

Портос посмотрел кругом, чтобы узнать, разделяют ли другие его мнение, но напротив того все жадными глазами пожирала эту превосходную курицу, возбуждавшую в нем презрение.

Госпожа Кокнар придвинула к себе блюдо, ловко отрезала обе большие черные ноги и положила их на тарелку своего мужа, потом отделила голову вместе с шеей и отложила для себя, и, отрезав для Портоса крылышко, передала остальное служанке, которая исчезла так быстро, что Портос не успел рассмотреть, какая перемена произошла в лицах конторщиков от обманутого ожидания.

После курицы явилось огромное блюдо с бобами, между которыми виднелось несколько бараньих костей; поэтому можно было бы подумать, что там есть и мясо; но эта хитрость не обманула конторщиков и печальные лица их вытянулись еще больше.

Госпожа Кокнар наложила молодым людям этого кушанья с умеренностью хорошей хозяйки.

Дошло дело до вина. Кокнар налил из маленькой глиняной бутылки по трети рюмки каждому из молодых людей, почти столько же себе, и затем бутылка перешла к Портосу и госпоже Кокнар.

Молодые люди долили рюмки водой, потом, отпив половину, опять доливали водой, и так делали во все время обеда, так что под конец они вместо красного вина пили белое.

Портос осторожно ел крыло курицы и вздрогнул, почувствовав, что колено прокурорши касается его ноги. Он выпил полрюмки этого береженого вина, и узнал в нем отвратительное монпелье. Кокнар с ужасом увидел, что он пьет неразбавленное вино, и вздохнул.

– Не угодно ли вам бобов, братец Портос? – сказала госпожа Кокнар таким голосом, который давал ему понять, чтоб он отказался.

– Ни за что в свете, – пробормотал Портос, и потом прибавил вслух: – Благодарю вас, сестрица, я уже сыт.

Наступило молчание. Портос не знал, что сказать. Прокурор несколько раз повторил.

– А, госпожа Кокнар! благодарю вас: ваш обед сегодня самый роскошный! Да ел ли я что-нибудь?

Кокнар ел суп, черные ножки курицы и единственную из бараньих костей, на которой было немножко мяса.

Портос думал, что над ним шутят, и начал крутить усы и хмурить брови; но госпожа Кокнар сделала ему знак, чтобы он имел терпение.

Это молчание и остановка в обеде, непонятные для Портоса, имели ужасное значение для конторщиков; повинувшись взгляду прокурора, они медленно встали из-за стола, лениво сложили свои салфетки, поклонились и вышли.

– Пойдите, молодые люди, – сказал с важностью прокурор, – займитесь делом: это полезно для пищеварения.

Как только вышли конторщики, г-жа Кокнар встала и вынула из буфета кусок сыру, пирожное и пирог собственного ее печенья, с миндалем и медом.

Кокнар нахмурил брови, оттого, что увидел много кушаний, а Портос досадовал, что нечего было есть. Он посмотрел, не тут ли еще блюдо с бобами, но его уже не было.

– Решительно, пир, – сказал Кокнар, шевелясь на своем стуле. – Решительно, пир, *epulae epularum*; Лукулл обедает у Лукулла.

Портос взглянул на стоявшую подле его бутылку: он надеялся пообедать хлебом и сыром с вином, но вина в бутылке не было, а хозяин и хозяйка не замечали этого.

Портос съел ложечку пирожного, попробовал пирога госпожи Кокнар и подумал:

«Теперь жертва кончена. О, если б я не надеялся вместе с г-жей Кокнар заглянуть в шкаф ее мужа».

Кокнар, насладившись обедом, который он называл слишком сытным, почувствовал желание отдохнуть. Портос надеялся, что он останется в этой комнате, но прокурор не хотел об этом и слышать: принуждены были отвезти его в его комнату, и он кричал до тех пор, пока не поставили его кресла против шкафа, в который он из предосторожности уперся ногами.

Прокурорша отвела Портоса в соседнюю комнату, и они начали переговоры.

– Вы можете приходить к нам обедать три раза в неделю, – сказала г-жа Кокнар.

– Благодарю вас, – сказал Портос, – я не люблю употреблять во зло гостеприимство; притом же я так занят своею экипировкой.

– Правда, – сказала прокурорша, вздыхая, – эта несчастная экипировка – большая забота.

– Именно большая, – сказал Портос.

– В чем же состоит экипировка в вашей роте, господин Портос?

– О, во многом: вы знаете, что мушкетеры – отборное войско, и им много нужно такого, без чего могут обойтись гвардейцы и швейцарцы.

– А чего она стоит?

– Это может стоить...

Прокурорша с трепетом ожидала конца.

– Сколько? – спросила она. – Надеюсь, что не больше... и она не могла договорить.

– О, нет, – сказал Портос, – оно будет стоить не больше 2,500 ливров; я думаю даже, что при соблюдении экономии можно обойтись двумя тысячами.

– Боже мой, две тысячи ливров! Да это целое состояние.

Портос сделал гримасу, значение которой она поняла.

– Я попрошу вас оценить каждую вещь особо, – сказала она, – потому что, имея много родственников и большую опытность в торговле, я почти уверена, что куплю все вдвое дешевле вашего.

– А, так вот для чего вы меня спрашиваете о подробностях?

– Да, любезный господин Портос! Так вам, прежде всего, нужна лошадь.

– Да, лошадь.

– Хорошо! Я куплю вам лошадь.

– А, – сказал Портос с радостью, – вот дело о лошади и кончено. Потом мне нужен полный прибор, состоящий из таких вещей, которые может купить только мушкетер, и которые, впрочем, стоят не больше трехсот ливров.

– Трехсот ливров; ну положим, триста, триста, – сказала прокурорша, вздыхая.

Портос улыбнулся; известно, что у него было седло от Бокингема, так что он рассчитывал просто положить в карман эти триста ливров.

– Потом, – продолжал он, – мне нужна лошадь для моего слуги и чемодан; что касается до оружия, то вам не нужно о нем беспокоиться, оно у меня есть.

– Лошадь для вашего слуги? – сказала нерешительно прокурорша. – Это делается только у знатных, мой друг.

– А я разве какой-нибудь нищий? – гордо сказал. Портос.

– Нет, я хотела сказать, что иногда хороший мул может заменить лошадь, и мне кажется, что купивши хорошего мула для Мускетона...

– Извольте, я согласен на мула: я видал очень знатных испанцев, у которых вся свита ехала на мулах, но, разумеется, с перьями и погремущками.

– Без сомнения, – сказала прокурорша.

– Еще нужен чемодан, – сказал Портос.

– О, не беспокойтесь об этом: у моего мужа пять или шесть чемоданов; вы можете выбрать себе лучший из них; особенно один он очень любит брать с собой в дорогу: он очень вместителен.

– Разве он пустой? – наивно спросил Портос.

– Без сомнения, пустой, – отвечала прокурорша.

– А мне нужен туго набитый чемодан.

Госпожа Кокнар снова вздохнула. Скупостью она превосходила самого Гарпагона, представленного Мольером в знаменитой пьесе «Скупой».

Таким же образом рассуждали они и о прочих принадлежностях экипировки, и заседание кончилось тем, что прокурорша обещала дать ему восемьсот ливров деньгами и доставить ему лошадь и мула, которые повезут его и Мускетона на поле славы.

Заклучив это условие, Портос откланялся. Прокурорша начала делать глазки, чтоб удержать его, но Портос отговорился делами службы, и она должна была отпустить его.

Мушкетер пришел домой голодный и в худом расположении духа.

III. Субретка и госпожа

Несмотря на упреки совести и мудрые советы Атоса, д'Артаньян с каждым днем больше и больше влюблялся в миледи; всякий день он бывал у нее и ухаживал за нею, убежденный, что рано или поздно она будет отвечать на его любовь.

Придя туда однажды вечером, с блестящими надеждами, он встретил в воротах субретку; но в этот раз хорошенькая Кетти не довольствовалась тем, чтобы задеть его мимоходом, а взяла его нежно за руку.

«Добрый знак! – подумал д'Артаньян. – Она, верно, имеет какое-нибудь поручение от своей госпожи; верно, мне назначается свидание, о котором неловко было бы сказать лично». Он взглянул на девушку с видом победителя.

– Мне хотелось бы сказать вам два слова, господин кадет, – пробормотала субретка.

– Говори, душенька, говори, – сказал д'Артаньян.

– Здесь нельзя; мне нужно сказать вам очень многое, а главное, это большой секрет.

– Хорошо! Так как же нам сделать?

– Если вам угодно пойти за мной, – сказала робко Кетти.

– Куда тебе угодно, милое дитя.

– Так пожалуйста.

Кетти, не выпуская руки д'Артаньяна, повела его по темной круглой лестнице и, поднявшись ступеней на пятнадцать, отворила дверь.

– Войдите сюда, – сказала она. – Здесь мы будем одни и можем поговорить.

– А что это за комната, душенька? – спросил д'Артаньян.

– Это моя комната, а эта дверь в спальню моей госпожи. Но не беспокойтесь, она не услышит нашего разговора, потому что она не ложится раньше 12 часов.

Д'Артаньян посмотрел кругом. Маленькая комнатка, очень чистенькая, убрана была со вкусом, но глаза его невольно обращались к той двери, которая вела в комнату миледи.

Кетти догадалась, что у него на уме и, сказала со вздохом:

– Вы, кажется, очень любите мою госпожу.

– О, больше всего на свете; я обожаю ее.

Кетти опять вздохнула и сказала:

– Ах, как жаль!

– А что ты находишь в этом достойного сожаления? – спросил д'Артаньян.

– То, что моя госпожа вовсе не любит вас.

– Не поручила ли она тебе сказать мне это?

– Нет, я сама, из участия к вам, решила сказать вам это.

– Благодарю, добрая Кетти, но только за участие, потому что, согласишься, что мне неприятно слышать тайну, которую ты мне открыла.

– То есть, вы решительно не верите мне?

– Подобным вещам вообще трудно верить, хотя бы из самолюбия.

– Так вы не верите мне?

– Признаюсь тебе, что пока ты не представишь мне какого-нибудь доказательства того, что ты говоришь...

– А что вы скажете об этом? – сказала Кетти, вынимая из-за пазухи записочку.

– Ко мне? – спросил д'Артаньян, быстро схватив письмо.

– Нет, к другому.

– К другому?

– Да.

– К кому? К кому? – спросил д'Артаньян.

- Посмотрите адрес.
- К графу де Варду.

Гордый гасконец сейчас вспомнил сцену в Сен-Жермене; быстро разорвал он конверт, несмотря на крик Кетти.

- Что вы делаете, Боже мой! – закричала Кетти.
- Я? Ничего! – сказал д'Артаньян и прочел письмо.

«Вы не отвечали на первое мое письмо; верно, вы больны или забыли о том, как вы ухаживали за мной на балу у г-жи де Гиз? Теперь вы имеете случай отвечать мне, граф; не пропустите его».

Д'Артаньян побледнел; самолюбие его было оскорблено.

– Бедный и милый господин д'Артаньян, – сказала Кетти, с искренним участием пожимая ему руку.

- Ты жалеешь обо мне, добрая малютка? – спросил д'Артаньян.
- Да, от всего сердца, потому что я знаю, что такое любовь.
- Ты знаешь любовь? – сказал д'Артаньян, взглянув на нее в первый раз с вниманием.
- К несчастью, знаю.
- Хорошо! В таком случае, вместо того чтобы жалеть обо мне, помоги мне лучше отомстить твоей госпоже.

– А чем вы думаете отомстить ей?

– Я желал бы овладеть ею и убить моего соперника.

– В таком случае я ни за что не буду помогать вам, – быстро сказала Кетти.

– Отчего же так?

– По двум причинам.

– По каким?

– Во-первых, потому, что моя госпожа никогда не будет любить вас.

– Почему ты знаешь?

– Потому что вы глубоко оскорбили ее.

– Я? Чем же я мог оскорбить ее, когда с тех пор, как познакомился с нею, я ползаю у ног ее как раб? Расскажи мне, пожалуйста.

– Я скажу это только тому, перед кем будет открыта вся душа моя.

Д'Артаньян посмотрел на Кетти. В лице этой девушки было столько свежести и красоты, что многие герцогини охотно отдали бы свои короны за такие преимущества.

– Кетти, открой мне свою душу; я буду любить тебя; за этим дело не станет. Он поцеловал ее, от чего она покраснела как вишня.

– Нет, – отвечала Кетти, – вы не любите меня. Вы уже сказали, что любите мою госпожу.

– Неужели это мешает тебе сказать мне другую причину?

Ободренная поцелуем и выражением лица молодого человека, она отвечала:

– А вторая причина та, что в любовных делах всякий хлопочет о себе.

При этих словах д'Артаньян вспомнил томные взгляды, встречи в передней, на лестнице, в коридоре, прикосновение руки при каждой встрече и вздохи; но озабоченный желанием понравиться знатной даме, он пренебрегал субреткой: кто охотится за орлом, тот не смотрит на воробья.

Но теперь наш гасконец понял, какую выгоду он может извлечь из этой любви, которую Кетти так наивно предлагала ему: перехватывать письма к графу де Варду, узнавать свежие новости и иметь во всякое время вход в комнату Кетти, смежную с комнатой ее госпожи. Вероломный, он жертвовал уже мысленно бедною девушкой для того, чтобы волею или силою добиться любви миледи.

– Хорошо! – сказал он. – Хочешь ли, милая Кетти, я представлю тебе доказательство своей любви, в которой ты сомневаешься.

– Какой любви? – спросила она.

– Той, которую я буду иметь к тебе.

– А какое же доказательство?

– Хочешь ли, я сегодня проведу с тобой то время, которое обыкновенно проводил с твоею г-жой?

– Хорошо, хорошо, очень рада, – отвечала Кетти, хлопая руками.

– Ну, милое дитя, – сказал д'Артаньян, усаживаясь в кресло, – позволь сказать тебе, что ты лучшая субретка из всех, каких я видал.

Он так много и так нежно говорил ей в этом роде, что девушка поверила, потому что желала этому верить. Впрочем, к великому удивлению д'Артаньяна, хорошенькая Кетти защищалась довольно решительно.

Время проходит быстро в любовных объяснениях. Пробило двенадцать часов; в то же время раздался колокольчик в соседней комнате.

– Боже мой! – сказала Кетти, – госпожа зовет меня. Уйди скорее, уйди!

Д'Артаньян встал, взял шляпу, как будто хотел уйти; но вместо того чтоб отворить дверь на лестницу, он отворил дверь большого шкафа и спрятался между платьями и пеньюарами миледи.

– Что это вы делаете? – спросила Кетти.

Д'Артаньян, вынудивший прежде ключ, заперся в шкафу, не ответив на вопрос ее.

– Что же, – кричала миледи пронзительным голосом, – спите вы что ли; что не идете на мой звонок?

Д'Артаньян слышал, как отворилась дверь из комнаты миледи.

– Я здесь, миледи, я здесь, – закричала Кетти, побежав навстречу своей госпоже.

Они вошли в спальню, а так как дверь была отворена, то д'Артаньян слышал, что миледи еще несколько времени бранила свою служанку, потом она успокоилась, и разговор зашел о нем, пока Кетти раздевала ее.

– Итак, я не видала сегодня нашего гасконца, – сказала миледи.

– Как, сударыня, неужели он не приходил? Он начал ветриничать, прежде чем достиг счастья.

– О, нет, его, верно, задержал де Тревиль или Дезессар. Я знаю, Кетти, что он у меня в руках, и я его не выпущу.

– Что же вы с ним сделаете?

– Что я сделаю?.. Не беспокойся, Кетти: между этим человеком и мною есть что-то такое, чего он не знает. Через него я едва не лишилась доверия кардинала. Я отомщу ему за это!

– А я думала, что вы его любите.

– Я ненавижу его. Этот негодяй имел в своих руках жизнь лорда Винтера и не убил его, а я через это теряю триста тысяч ливров годового дохода.

– Правда, – сказала Кетти, – ваш сын единственный наследник своего дяди, и до его совершеннолетия вы пользовались бы всем его состоянием.

Д'Артаньян дрожал до костей, когда услышал, что эта женщина резким голосом, который она с трудом изменяла в разговоре, упрекала его за то, что он не убил человека, пользовавшегося ее дружбою.

– И я давно бы ему отомстила, – продолжала миледи, – если бы, не знаю почему, кардинал не велел мне щадить его.

– Без сомнения, зато вы не пощадили женщину, которую он любил.

– Да, лавочницу с улицы Могильщиков... Неужели он еще не забыл о ней? Признаюсь, это было хорошее мщение.

Холодный пот выступил на лбу д'Артаньяна; он понял, что эта женщина – чудовище. Он хотел еще послушать, но, к несчастью, туалет кончился.

– Хорошо, – сказала миледи. – Ступайте, да постарайтесь же, наконец, завтра получить ответ на то письмо, которое я вам дала.

– К графу де Варду?

– Конечно, к де Варду.

– Этот господин, кажется, совсем не то, что бедный д'Артаньян, – сказала Кетти.

– Ступайте, – сказала миледи, – я не люблю рассуждений.

Д'Артаньян слышал, как дверь затворилась и миледи заперлась на задвижку; Кетти со своей стороны тихонько повернула ключ в дверях. Д'Артаньян отворил тогда дверь шкафа.

– Боже мой, что с вами? – сказала шепотом Кетти, – как вы бледны!

– Презренная тварь! – пробормотал д'Артаньян.

– Молчите, молчите и уйдите, – сказала Кетти. – Моя комната отделяется от комнаты миледи только перегородкой, и там слышно все, что здесь говорят.

– Поэтому-то я и не уйду, – сказал д'Артаньян.

– Как! – сказала Кетти, покраснев.

– Или, по крайней мере, уйду попозже.

Он привлек к себе Кетти; она не могла сопротивляться, потому что боялась наделать шуму, и потому уступила.

Этим он думал отомстить миледи. В эту минуту он был согласен, что мщение есть величайшее наслаждение. Чувствительный человек довольствовался бы этою новою победою; но у д'Артаньяна были только два чувства: гордость и самолюбие.

Впрочем, должно сказать к его чести, что пользуясь влиянием на Кетти, он прежде всего хотел употребить его на то, чтоб узнать о госпоже Бонасьё; но бедная девушка клялась, что решительно ничего не знает о ней, кроме того что она не умерла, потому что госпожа не вполне доверяла ей свои тайны.

Она ничего не знала и о причине, по которой миледи едва не потеряла доверие кардинала. Но в этом отношении д'Артаньян знал больше, чем она, потому что он видел миледи на корабле в то время, когда выезжал из Англии, и не сомневался, что дело состояло в наконечниках.

Но всего яснее для него была искренняя и глубокая ненависть к нему миледи за то, что он не убил ее брата.

На другой день д'Артаньян пришел к миледи. Она была в самом дурном расположении духа.

Он приписал это неполучению ответа от графа де Варда. Вошла Кетти; миледи обошлась с нею очень грубо. Кетти бросила на д'Артаньяна взгляд, которым хотела сказать: «Видите ли, я страдаю за вас».

Впрочем, к концу вечера прекрасная львица смягчилась: она с улыбкой слушала приятную болтовню д'Артаньяна и даже дала ему поцеловать руку.

Д'Артаньян вышел от нее, не зная, что и думать; но так как ему нелегко было вскружить голову, то ухаживая за миледи, он в то же время составил себе маленький план.

У дверей он встретил Кетти и зашел к ней. Она рассказала, что ее очень бранили за беспечность.

Миледи не могла понять причины молчания графа де Варда и велела ей прийти к себе в девять часов утра за третьим письмом.

Д'Артаньян вынудил у Кетти обещание принести это письмо к нему на другой день утром; бедная девушка обещала все, чего требовал ее любовник; она была без ума от него.

В этот вечер, также как накануне, д'Артаньян заперся в шкафу; миледи позвала Кетти, разделась, отпустила ее и заперла дверь. Д'Артаньян пришел домой опять около пяти часов утра.

В одиннадцать часов пришла к нему Кетти: она держала в руке новое письмо миледи. В этот раз бедная девушка даже и не пыталась оспаривать его у д'Артаньяна; он делал, что хотел, потому что она всю душой была предана своему прекрасному солдату.

Д'Артаньян вскрыл письмо и прочел:

«Вот уже в третий раз я пишу вам, что люблю вас. Берегитесь, чтобы в четвертый раз вместо этого я не написала вам, что ненавижу вас.

Если вы раскаиваетесь в своем поступке со мной, то девушка, вручающая вам это письмо, скажет вам, чем вы можете заслужить мое прощение».

Д'Артаньян несколько раз краснел и бледнел, читая это письмо.

– Вы еще любите ее, – сказала Кетти, не спуская глаз с лица молодого человека.

– Нет, Кетти, ты ошибаешься, я больше не люблю ее; но я хочу отомстить ей за презрение ко мне.

– Да; я знаю, чем вы хотите отомстить, вы говорили мне.

– Ничего, Кетти, ты ведь знаешь, что я никого не люблю кроме тебя.

– Почему я могу это знать?

– По презрению, которое я буду оказывать ей.

Кетти вздохнула.

Д'Артаньян взял перо и написал:

«Милостивая государыня! До сих пор я сомневался в том, чтобы первые два письма ваши были адресованы ко мне, до того я считал себя недостойным подобной чести; притом я так страдал, что не решался отвечать на них. Но теперь я должен поверить вашему расположению ко мне, потому что не только письмо ваше, но и ваша служанка уверяют меня, что я имею честь быть любимым вами. Нет надобности говорить мне, чем я могу заслужить прощение. Я сам сегодня в одиннадцать часов приду к вам просить об этом. Опоздать хоть одним днем значило бы, по моему мнению, снова оскорбить вас. Тот, кого вы сделали счастливейшим из смертных.

Граф де Вард».

Это письмо было подложное и неделикатное, а по нынешним понятиям даже бесчестное; но в то время люди были не так взыскательны. Впрочем, д'Артаньян, по собственному сознанию миледи, знал, что она изменяла уже не один раз, и не имел к ней большого уважения. Несмотря на это, он чувствовал, что пылал к этой женщине какою-то слепой страстью, усилившейся от ее равнодушия.

План д'Артаньяна был очень прост: он хотел пройти через комнату Кетти к ее госпоже и воспользоваться первой минутой удивления, страха и стыда, чтобы достигнуть своей цели.

Может быть, это и не удалось бы, но нужно было рискнуть. Через неделю открывалась кампания, и он должен был ехать; поэтому ему некогда было вести дело постепенно.

– Возьми, – сказал он Кетти, отдавая ей запечатанное письмо, – и отдай миледи: это ответ графа де Варда.

Бедная Кетти побледнела как смерть; она догадывалась, что заключалось в этом письме.

– Послушай, моя милая, – сказал ей д'Артаньян. – Согласись, что это чем-нибудь должно же кончиться. Миледи может узнать, что ты отдала первое ее письмо моему слуге, вместо того чтобы отдать его слуге графа, что остальные письма ее распечатал я вместо графа де Варда. Тогда она прогонит тебя, а ты знаешь, что это не такая женщина, чтоб ограничить этим свое мщение.

– Для кого же я подвергаюсь такой опасности?

– Знаю, что для меня, моя красавица, и клянусь, что я тебе за это очень благодарен.

– А что вы тут написали?

– Миледи расскажет тебе.

– Нет, вы не любите меня, – сказала Кетти. – О, я очень несчастна!

На этот упрек есть ответ, которым женщины всегда позволяют обмануть себя; д'Артаньян ответил так, что она осталась в совершенном заблуждении.

Впрочем, она долго плакала, прежде чем решилась отдать письмо миледи; но, наконец, решилась, а д'Артаньяну только этого и было нужно. Он, впрочем, обещал ей вечером уйти рано от госпожи ее и оттуда опять зайти к ней.

Это обещание окончательно утешило несчастную Кетти.

IV. Экипировка Арамиса и Портоса

Во все время, пока четыре друга хлопотали о своей экипировке, они не имели постоянных свиданий и обедали порознь, где случалось, или, лучше сказать, где удавалось. Служба отнимала тоже много времени, которое тогда было так дорого. Они только согласились между собой собираться раз в неделю около часа в квартире Атоса, который, вследствие данной им клятвы, не должен был выходить из дому.

Кетти пришла к д'Артаньяну утром в один из таких дней. Только что она ушла, он отправился на улицу Феру.

Он застал Арамиса и Атоса философствующими. Арамис опять бредил о пострижении. Атос, по обыкновению, не уговаривал и не отклонял его, потому что, по его мнению, всякому должно предоставлять свободу действий; он никогда не давал советов, если их не просили настоятельно.

– Вообще, – говаривал он, – советов просят только для того, чтобы не следовать им, или если им следуют, то чтобы было после кого упрекнуть в том, что их дали.

Вскоре после д'Артаньяна пришел и Портос, так что все четыре друга были вместе. На их лицах выражались совершенно различные чувства: у Портоса спокойствие, у д'Артаньяна надежда, у Арамиса беспокойство, у Атоса беспечность.

Только что Портос успел рассказать, что одна знатная особа приняла на себя труд выручить его из затруднительного положения, как вошел Мускетон.

Он просил Портоса отправиться домой, где, сказал он жалобным голосом, присутствие его необходимо.

– Верно, насчет экипировки?

– И да, и нет, – отвечал Мускетон.

– Что же такое, не можешь ли ты сказать мне?

– Пожалуйте домой.

Портос встал, простился с друзьями и пошел с Мускетоном.

Через несколько минут явился на пороге Базен.

– Что вам угодно, мой друг? – сказал Арамис с тою кротостью, которую замечали в нем всегда, когда он думал о церкви.

– Вас ожидает кто-то дома, – сказал Базен.

– Кто-то! Кто же такой?

– Нищий.

– Так подайте ему милостыню, Базен, и скажите, чтобы он молился за бедного грешника.

– Он хочет непременно говорить с вами и уверяет, что вы будете очень рады видеть его.

– Не имеет ли он ко мне чего-нибудь особенного?

– Да, имеет. Он сказал: – если господин Арамис не захочет прийти сюда, скажите ему, что я из Тура.

– Из Тура? – сказал Арамис. – Извините меня, господа, но этот человек, верно, привез мне новости, которых я ожидал.

Он тотчас же вышел.

Атос и д'Артаньян остались вдвоем.

– Кажется, эти молодцы устроили свои дела; как вы думаете, д'Артаньян? – спросил Атос.

– Я знаю, что дела Портоса идут хорошо, а что касается Арамиса, то, признаюсь, я о нем никогда не беспокоился; но вы, любезный Атос, раздав так великодушно пистолы англичанина, которые по справедливости принадлежали вам, что вы будете делать?

– Я очень доволен, что убил этого негодяя, потому что я считаю благочестивым делом убить англичанина; но меня мучило бы раскаяние, если бы я взял себе его пистолы.

– Вы непостижимый человек, любезный Атос.

– Довольно об этом! Что это мне говорил де Тревиль, сделавший мне вчера честь своим посещением, что будто бы вы имеете связи с теми подозрительными англичанами, которым покровительствует кардинал?

– То есть, что я имею связь с англичанкой, о которой я вам говорил.

– Да, та блондинка, по поводу которой я давал вам советы, и вы, верно, им не последовали.

– Я представлял вам причины на это.

– По вашим словам, вы, кажется, надеетесь экипироваться за ее счет.

– Все нет! Но я узнал, что эта женщина участвовала каким-то образом в похищении госпожи Бонасьё.

– А, понимаю, вы ухаживаете за одной женщиной, чтобы найти другую; это путь самый длинный, но самый приятный.

Д'Артаньян готов был все рассказать Атосу, но его удерживало одно обстоятельство: Атос был дворянин, строгий в делах чести, а в плане нашего влюбленного в отношении миледи были вещи, которые не заслужили бы одобрения Атоса, в этом он не сомневался; а потому он предпочел умолчать о нем, а так как Атос был вовсе не любопытен, то тайна д'Артаньяна осталась при нем.

Но оставим двух друзей и последуем за Арамисом. Когда Арамис узнал, что человек, желавший с ним видаться, был из Тура, он бежал домой скорее Базена и в одну минуту с улицы Феру пришел на улицу Вожирар.

Придя домой, он застал там действительно человека небольшого роста, с умными глазами, но покрытого лохмотьями.

– Вы меня спрашивали? – сказал мушкетер.

– Я спрашивал господина Арамиса. Это вы?

– Да. Вы имеете что-нибудь передать мне?

– Да, если вы покажете мне вышитый платок.

– Вот он, – сказал Арамис, вынимая из-за пазухи ключ и отпирая шкатулку черного дерева с перламутром. – Вот он, посмотрите.

– Хорошо, – сказал нищий, – отпустите вашего человека.

Действительно, Базен, подстрекаемый любопытством узнать, что скажет нищий его господину, спешил за ним и пришел домой почти в одно время с ним; но эта поспешность была бесполезна, потому что господин по желанию нищего дал ему знак удалиться, и он должен был выйти.

Когда Базен вышел, незнакомец осмотрелся кругом, чтобы убедиться, что никто не может ни видеть, ни слышать его; отстегнув ремень, он распорол верхнюю часть своего камзола и достал оттуда письмо.

Арамис вскрикнул от радости, увидев печать, поцеловал надпись и с величайшим почтением распечатал письмо, в котором прочел следующее:

«Друг мой, судьба хочет, чтобы мы пробыли еще несколько времени в разлуке; но прекрасные дни молодости еще возвратятся к нам. Исполняйте ваши обязанности на войне, а я буду исполнять свои здесь. Примите от подателя этого письма то, что он вручит вам; ведите себя во время похода, как добрый и прекрасный дворянин, и думайте обо мне. Нежно целую ваши черные глаза. Прощайте, или, лучше сказать, до свидания».

Между тем нищий продолжал распарывать свои лохмотья и, вытащив из грязного платья своего один за другим пятьдесят двойных испанских пистолей, положил их на стол.

Потом он поклонился, отворил дверь и вышел, прежде чем озадаченный Арамис успел сказать ему что-нибудь.

Тогда Арамис прочел еще раз письмо и заметил, что в нем была приписка.

«P. S. Вы можете принять подателя письма: это граф и испанский вельможа».

– Золотые мечты! – вскричал Арамис. – О, счастливая жизнь! Да, мы еще молоды! Мы еще дождемся счастливых дней! Тебе принадлежит моя любовь, моя кровь, моя жизнь, – все твое, неоцененная и прекрасная!

Он страстно целовал письмо, не обращая внимания на золото, лежавшее на столе.

Базен постучался слегка в дверь. Арамис не имел больше причины скрываться от него, и потому позволил войти.

Базен остолбенел при виде золота и забыл, что пришел доложить о приходе д'Артаньяна, которого привлекло к Арамису любопытство узнать, что это за нищий.

Д'Артаньян не очень церемонился с Арамисом и потому, видя, что Базен забыл доложить о нем, сам доложил о себе.

– Ах, черт возьми, – сказал он. – Если это груши, присланные тебе из Тура, любезный Арамис, то поклонись от меня садовнику, который разводит их.

– Ты ошибаешься, любезный, – сказал Арамис недоверчиво. – Это мой книгопродавец прислал мне за поэму в одностопных стихах, которую я начал тогда.

– Ах, да, правда; ну, твой книгопродавец щедр, вот все, что я могу сказать.

– Как, барин, за поэму платят так дорого! Это невероятно! – сказал Базен. – Вы можете сделать все что хотите, вы можете сделаться великим поэтом – мне это нравится: поэт почти то же что аббат. Ах, господин Арамис! сделайте, пожалуйста, поэтом.

– Друг мой, Базен, – сказал Арамис, – вы, кажется, вмешиваетесь в разговор.

Базен понял, что сделал дурно, опустил голову и вышел.

– А, – сказал д'Артаньян с улыбкой, – ты продаешь свои произведения на вес золота: ты очень счастлив, друг мой; но смотри не потеряй письмо, которое выставилось из-под камзола: оно, верно, тоже от книгопродавца.

Арамис покраснел до ушей, спрятал письмо и застегнул камзол.

– Любезный д'Артаньян, – сказал он, – пойдем, если хочешь, к нашим друзьям, и так как я теперь богат, то начнем опять обедать вместе, в ожидании, пока и вы в свою очередь разбогатеете.

– С большим удовольствием, – сказал д'Артаньян. – Мы уже давно не имели приличного обеда, а так как мне предстоит сегодня вечером подвиг немножко опасный, то, признаюсь, я не отказался бы разгорячить голову несколькими бутылками старого бургонского.

– Выпьем старого бургонского, я от него тоже не прочь, – сказал Арамис. Вид золота совершенно рассеял его мысли об отставке.

Взяв три или четыре двойных пистоля на предстоящие расходы, он запер остальные в шкатулку, в которой хранился вышитый платок, служивший ему талисманом.

Они отправились сперва к Атосу, который все еще хранил свою клятву не выходить из дому. Он взялся послать за обедом; так как он отлично понимал все гастрономические тонкости, то они не задумались предоставить ему эту важную заботу.

Они между тем пошли к Портосу и на углу одной улицы встретили Мускетона, который со смиренным видом гнал перед собой мула и лошадь.

Д'Артаньян вскричал от удивления и радости.

– А, моя буланая лошадка, – сказал он. – Арамис, посмотрите на эту лошадь!

– Фи, какая скверная, – сказал Арамис.

– Любезный друг, – сказал д'Артаньян, – это та лошадь, на которой я приехал в Париж.

– Как, вы знаете эту лошадь? – спросил Мускетон.

– Ее масть очень оригинальна; я во всю жизнь свою не видал такой, – сказал Арамис.

– Очень верю, – сказал д'Артаньян; – поэтому-то я и продал ее за три эю, и это верно дали за ее шерсть, потому что все остальное не стоит больше восемнадцати ливров. Но как эта лошадь попала в твои руки, Мускетон?

– Ах, не говорите, барин, – сказал слуга, – это глупая шутка мужа нашей герцогини.

– Как это, Мускетон?

– А вот видите ли, мой барин приглянулся одной знатной даме, герцогине – чуть не проговорился, а барин не велел никому об этом рассказывать... Она заставила нас принять маленький подарочек, великолепную испанскую лошаду и андалузского мула, такого, что просто загляденье; муж узнал об этом, перехватил на дороге прекрасные подарки и заменил их этими гадкими животными.

– Ты ведешь их к нему обратно? – спросил д'Артаньян.

– Без сомнения, – отвечал Мускетон. – Очень ясно, что мы не можем принять этих гадин вместо обещанных нам в подарок.

– Ах, черт возьми, как бы мне хотелось видеть Портоса на моей буланой лошаду: это дало бы мне понятие о том, каков я был, когда приехал в Париж. Но мы не задерживаем тебя, Мускетон; ступай, исполняй поручение своего господина. А он дома?

– Да, но он в скверном расположении духа.

Мускетон продолжал свой путь, а два друга пришли к дому Портоса и позвонили. Он видел, как они шли через двор, и не хотел отпереть, так что они звонили напрасно.

Между тем Мускетон, гоня перед собой двух животных, перешел Новый мост и пришел на Медвежью улицу. Там он привязал, по приказанию своего господина, лошадь и мула к молотку двери прокурора, возвратился домой и сказал Портосу, что поручение его исполнено.

Через несколько времени лошадь и мул, не евшие ничего с утра, подняли такой шум молотком, что прокурор приказал своему мальчику узнать по соседству, чьи эти лошадь и мул.

Мадам Кокнар узнала свой подарок, и не знала, что и думать о его возвращении, но посещение Портоса объяснило все. Гнев, блиставший в глазах мушкетера, несмотря на все старание скрыть его, испугал чувствительную любовницу. Мускетон не скрыл от своего господина, что он встретил д'Артаньяна и Арамиса, и что д'Артаньян узнал в буланой лошади свою беарнскую клячу, на которой приехал в Париж и продал ее за три эю.

Портос назначил прокурорше свидание в монастыре Св. Магнуара и хотел уйти. Видя, что он уходит, прокурор пригласил его обедать, но Портос с важностью отказался от этого приглашения.

Мадам Кокнар с трепетом пошла на место свидания, ожидая себе упреков, но ее обвожили хорошие манеры Портоса.

Все что оскорбленный мужчина может сказать женщине, Портос высказал покорной прокурорше.

– Увы, я не то хотела сделать, – сказала она. – Один из наших клиентов торгует лошадьми; он был должен в контору и не платил. Я взяла этого мула и лошадь в счет долга; но он обещал мне дать самых лучших.

– Если он был должен вам больше пяти эю, – сказал Портос, – то он обманул вас.

– Отчего же? Никому не запрещается искать вещи подешевле, – сказала прокурорша, стараясь извиниться.

– Нет, но те, которые ищут подешевле, должны позволить другим искать себе друзей повеликодушнее.

Портос повернулся и хотел уйти.

– Господин Портос! – вскричала прокурорша. – Я ошиблась, я сознаюсь, я не должна была скупиться, когда дело шло об экипировке такого молодца как вы.

Портос, не отвечая ни слова, сделал другой шаг назад.

Тогда прокурорша вообразила себе его в блестящем свете, окруженного маркизами и герцогинями, бросающими мешки с золотом к его ногам, и закричала вслед ему:

– Остановитесь, господин Портос, ради Бога остановитесь, и поговорим.

– Говорить с вами – это для меня несчастье.

– Скажите, по крайней мере, чего вы хотите?

– Ничего, потому что все равно просить вас о чем-нибудь или не просить, – сказал Портос.

Прокурорша повисла ему на руку и, в порыве печали, сказала:

– Господин Портос! Я не имею понятия об этих вещах; где же мне знать толк в лошадях и седлах.

– Следовало обратиться ко мне, я знаю в них толк; но вы хотели соблюсти экономию.

– Это ошибка, господин Портос, и даю вам честное слово поправить ее.

– Как же? – спросил мушкетер.

– Послушайте; сегодня вечером мой муж пойдет к герцогу де Шонь, который присылал за ним. Там будет совещание, которое продолжится, по крайней мере, часа два; приходите, мы будем одни, и сочтемся.

– Хорошо! Давно бы так!

– Вы прощаете мне?

– Увидим, – сказал величественно Портос. Они расстались, повторяя: «до вечера».

«Черт возьми, – подумал Портос дорогой, – наконец-то я, кажется, доберусь до сундука Кокнара».

У. Ночью все кошки черны

Портос и д'Артаньян с нетерпением ожидали вечера; наконец он наступил.

д'Артаньян пришел, по обыкновению, в девять часов к миледи. Он застал ее в самом приятном расположении духа; никогда она не принимала его так хорошо как в этот вечер. Наш гасконец с первого взгляда заметил, что его письмо получено и произвело свое действие.

Кетти принесла шербет. Миледи ласково взглянула на нее и сделала ей самую приятную улыбку, но присутствие д'Артаньяна у ее госпожи так опечалило бедную девушку, что она даже и не заметила ее благосклонности.

д'Артаньян смотрел то на ту, то на другую, и решил, что природа ошиблась, давши знатной даме продажную и низкую душу, а субретке сердце, достойное герцогини.

В десять часов миледи начала выказывать беспокойство; д'Артаньян понял, что это значит; она смотрела на часы, вставала и опять садилась, улыбаясь д'Артаньяну, как будто желая сказать: вы очень любезны, но будете еще любезнее, если уйдете.

д'Артаньян встал и взял шляпу; миледи дала ему поцеловать руку и при этом пожала его руку; он понимал, что это было не из кокетства, а из благодарности за то, что он уходит.

«Она страстно любит его», – подумал он и ушел.

В этот раз Кетти не ждала его ни в передней, ни в коридоре, ни под воротами, так что он один должен был подняться по лестнице в ее комнату.

Она сидела, закрыв лицо руками, и плакала. Она слышала, как д'Артаньян вошел, но не подняла головы. Он подошел к ней и взял ее за руки; тогда она зарыдала.

Как предсказывал д'Артаньян, миледи, получив письмо, в припадке радости все рассказала своей служанке, и в награду за успешное исполнение поручения, подарила ей кошелек.

Кетти, придя в свою комнату, бросила кошелек в угол, где он раскрылся и на ковер выпали три или четыре золотые монеты.

Услышав ласковые слова д'Артаньяна, она, наконец, подняла голову. Он испугался перемены в ее лице. Она сложила руки с умоляющим видом, но не смела сказать ни слова.

Как ни нечувствителен был д'Артаньян, но он тронулся при виде этой немой печали; однако он твердо держался своего плана и не хотел ничего изменить в нем. Поэтому он не подал Кетти никакой надежды склониться на ее мольбы, а только доказывал ей, что поступок его с миледи был не что иное, как мщение.

Ему тем легче было привести в исполнение задуманный план, что миледи, вероятно, желая скрыть свой стыд от любовника, приказала Кетти потушить все свечи, даже и в своей спальне. Де Вард должен уйти утром, пока еще темно.

Через несколько минут миледи пришла в свою комнату. д'Артаньян спрятался в свой шкаф. Только что он успел влезть туда, как послышался звонок.

Кетти вошла к своей госпоже и затворила дверь, но перегородка была так тонка, что можно было слышать почти весь разговор их.

Миледи казалась без ума от радости; она заставляла Кетти несколько раз повторять все подробности свидания, которое будто бы было между ней и де Вардом; как он принял письмо, что отвечал ей, какое было в его время выражение лица, похож ли он был на влюбленного. Бедная Кетти должна была отвечать на все эти вопросы; она говорила задыхающимся голосом, но ее госпожа даже не заметила печали ее, до такой степени люди в счастье бывают эгоистами.

Наконец пришло время для свидания с графом, и миледи приказала Кетти потушить все свечи в своей комнате, уйти и ввести к ней графа де Варда, как только он приедет.

Ей недолго пришлось ждать. Как только д'Артаньян заметил в замочную скважину шкафа, что в комнате темно, он выскочил из засады в ту самую минуту, как Кетти затворила дверь.

– Что там за шум? – спросила миледи.

– Это я, – сказал вполголоса д'Артаньян, – я, граф де Вард.

– Боже мой! – прошептала Кетти, – он даже не мог дожидаться того времени, которое сам назначил.

– Хорошо, – сказала миледи дрожащим голосом, – что же вы не войдете? Граф, вы ведь знаете, что я вас ожидаю! При этом приглашении д'Артаньян нежно оттолкнул Кетти от дверей и вошел в комнату миледи.

Чувства досады и огорчения ни для кого не бывают так мучительны как для человека, принимающего уверение в любви под чужим именем.

Д'Артаньян находился теперь в этом мучительном состоянии, которого он не предвидел, ревность терзала его сердце; он страдал почти так же как несчастная Кетти, которая в это время плакала в соседней комнате.

– Да, граф, – говорила миледи самым нежным голосом, сжимая его руку в своих. – Да, я очень счастлива любовью, которую ваши слова и взгляды выражали мне при каждой встрече. Я люблю вас, и завтра же хотела бы получить от вас какое-нибудь доказательство того, что вы думаете обо мне, а чтобы вы не забывали меня, возьмите это.

Она сняла с руки перстень и надела на руку д'Артаньяна.

Д'Артаньян вспомнил, что он видел на ее руке этот перстень из великолепного сапфира, усыпанного бриллиантами.

Д'Артаньян хотел было вернуть его ей, но она сказала:

– Нет, нет, оставьте его у себя из любви ко мне. Принимая его, вы оказываете мне услугу гораздо большую, чем вы думаете, – прибавила она с нежностью.

«Сколько наивности в этой женщине!» – подумал д'Артаньян.

В это время он уже совсем было решился открыться ей, сказать, кто он такой и с какой целью пришел к ней, но она вдруг сказала:

– Бедный друг мой! Этот проклятый гасконец чуть было не убил тебя.

А этот гасконец был он сам.

– А что ваши раны? Вы еще страдаете от них?

– Да, очень, – сказал д'Артаньян, не зная, что отвечать.

– Не беспокойтесь, – сказала миледи, – я ему отомщу за вас, жестоко отомщу!

«Черт возьми! – подумал д'Артаньян, – теперь еще нельзя открыться».

Ему нужно было несколько времени, чтоб оправиться от этого разговора, но всякая мысль о мщении совершенно исчезла. Эта женщина имела на него такое непостижимое влияние, что он ненавидел и обожал ее в одно время; он никогда не думал, чтобы такие противоположные чувства могли вместиться в одном сердце, и, соединившись вместе, образовать какую-то странную и какую-то дьявольскую любовь.

Между тем пробило час, и им пора было расстаться. Уходя, д'Артаньян не чувствовал ничего кроме сожаления, и во время страстного с обеих сторон прощанья назначено было новое свидание на будущей неделе.

Бедная Кетти надеялась, что ей удастся сказать несколько слов д'Артаньяну, когда он будет проходить через ее комнату, но миледи сама проводила его впотьмах до самой лестницы.

На другой день утром д'Артаньян побежал к Атосу.

Его похождения были так оригинальны, что он хотел посоветоваться. Он рассказал все; Атос несколько раз хмурил брови.

– Ваша миледи, – сказал он, – кажется, бесстыдная женщина, но все-таки вы худо сделали, что обманули ее; рано или поздно вы наживете в ней страшного врага.

Между тем Атос внимательно посматривал на сапфир, окруженный бриллиантами, заменивший на руке д'Артаньяна перстень королевы, который он спрятал в шкапулку.

– Вы смотрите на этот перстень? – сказал гасконец, гордившийся тем, что может похвастаться перед своим другом таким дорогим подарком.

– Да, – сказал Атос, – он напоминает мне одну фамильную драгоценность.

– А, не правда ли, он очень красив? – спросил д'Артаньян.

– Великолепен, – отвечал Атос. – Я не воображал, чтобы могли существовать два сапфира такой прекрасной воды. Вы выменяли его на свой бриллиант?

– Нет, это подарок моей хорошенькой англичанки, или, лучше сказать, француженки, потому что хотя я и не спрашивал ее, но, уверен, что она родилась во Франции.

– Вы получили этот перстень от миледи? – сказал Атос. Голос обнаруживал сильное волнение.

– Да, она дала мне его сегодня ночью.

– Покажите мне его, – сказал Атос.

– Возьмите, – сказал д'Артаньян, снимая его с пальца.

Атос рассмотрел его со вниманием и побледнел; потом он примерял его на безымянный палец, перстень пришелся так ловко, как будто был заказан для этого пальца.

Облако гнева и мщениия омрачило всегда спокойное лицо Атоса.

– Не может быть, чтобы это была она, – сказал Атос. – Как мог этот перстень попасть в руки миледи Клерик? Впрочем, довольно трудно поверить, чтобы могли существовать два такие сходные драгоценные камня.

– Вам знаком этот перстень? – спросил д'Артаньян.

Мне показалось, что знаком, – отвечал Атос, – но, вероятно, я ошибся.

Он возвратил д'Артаньяну перстень, не переставая смотреть на него.

– Послушайте, д'Артаньян, – сказал он потом, – снимите этот перстень или поверните его камнем внутрь; он напоминает мне такие ужасные вещи, что я не могу ничего говорить. Вы, кажется, хотели просить моего совета; говорили, что затрудняетесь, не зная, что делать в таких обстоятельствах?.. Но погодите, дайте мне опять перстень; тот, о котором я говорил, должен быть исцарапан с одной стороны, вследствие одного случая.

Д'Артаньян снял опять перстень с пальца и подал его Атосу.

Атос задрожал.

– Посмотрите, – сказал он, не странно ли это!

Он показал ту самую царапину, о которой говорил.

– Да от кого же у вас был этот сапфир, Атос?

– От матушки, а она получила его от бабушки.

– Я говорил вам, что это фамильная драгоценность, и она не должна была бы выходить из нашего рода.

– А вы его... продали? – с нерешимостью спросил д'Артаньян.

– Нет, – отвечал Атос с какою-то странною улыбкой. – Я подарил его любовнице ночью, точно так же как вам его подарили сегодня.

Д'Артаньян задумался. Душа миледи показалась ему в это время глубокой и мрачной пропастью.

Взяв перстень, он не надел его на палец, а положил в карман.

– Послушайте, – сказал Атос, взяв его за руку. – Вы знаете, как я люблю вас. Если бы у меня был сын, я не мог бы любить его больше чем вас. Послушайте меня, бросьте эту женщину. Я не знаю ее, но какое-то предчувствие говорит мне, что это погибшее создание и что в ней есть что-то роковое.

– Вы правы, – сказал д'Артаньян, – я брошу ее; признаюсь вам, эта женщина пугает даже меня самого.

– Достанет ли у вас на это решимости?

– Достанет, – отвечал д'Артаньян. – Я готов на это хоть сейчас.

– Да, дитя мое, вы поступите основательно, – сказал Атос, пожимая ему руку с родительскою нежностью. – Дай Бог, чтобы эта женщина, с которой вы только что встретились на пути жизни, не оставила на нем ужасных следов.

Атос поклонился д'Артаньяну, давая знать, что он очень желал бы остаться один и подумать о своих делах.

Д'Артаньян, придя домой, застал там Кетти, ожидавшую его. Если бы она была месяц больна лихорадкой, то едва ли лицо ее больше изменилось бы, чем в эту бессонную и мучительную ночь.

Она была послана к мнимому де Варду. Миледи была без ума от любви и хотела знать, когда любовник ее придет к ней па другую ночь.

Бедная Бетти, бледная и дрожащая, ожидала ответа д'Артаньяна.

Атос имел большое влияние на молодого человека. Совет друга, присоединившись к голосу его сердца, придали ему твердость решиться навсегда отказаться от миледи тем больше, что теперь честь его была спасена и мщение удовлетворено. Поэтому вместо ответа он написал следующее письмо:

«Милостивая государыня! Не рассчитывайте на будущее свидание со мною; со времени выздоровления у меня накопилось столько дел в этом роде, что я должен привести их в порядок. Когда очередь дойдет до вас, я буду иметь честь уведомить вас.

Целую ваши ручки.

Граф де Вард».

О сапфире ни слова: гасконец, верно, хотел сохранить его как оружие против миледи, или, говоря откровенно, оставил его у себя, как последнее средство для экипировки.

Впрочем, несправедливо было бы судить о поступках того времени по понятиям нашего века. То, что нынче порядочный человек считает себе за стыд, в то время казалось делом самым простым и естественным и молодые люди лучших фамилий очень часто были на содержании у своих любовниц.

Д'Артаньян отдал Кетти незапечатанное письмо; прочитав его в первый раз, она ничего не поняла; но прочитав его еще раз, пришла в восторг от радости.

Она не верила своему счастью, д'Артаньян должен был повторить ей на словах содержание письма, и как ни опасно было при бешеном характере миледи вручить ей подобное письмо, обрадованная девушка побежала со всех ног на Королевскую площадь.

Ни одна женщина не может тронуться печалью своей соперницы.

Миледи с таким же нетерпением вскрыла письмо, с каким Кетти принесла его; но при первых словах она побледнела как смерть, смяла письмо и с гневом в глазах обратилась к Кетти.

– Что это за письмо? – спросила она.

– Это ответ на ваше письмо, – отвечала Кетти, дрожа всем телом.

– Не может быть! – вскричала миледи, – не может быть, чтобы дворянин написал женщине такое письмо.

Потом, дрожа всем телом, она прибавила:

– Боже мой! Неужели он узнал...

Она скрежетала зубами и была бледна как смерть. Она хотела подойти к окну освежиться; протянула руки, но ноги изменили ей, и она упала на кресло.

Кетти думала, что ей дурно и подбежала к ней, чтобы расстегнуть ей платье. Но миледи вдруг встала и сказала:

– Что тебе нужно и зачем ты поднимаешь на меня руку?

– Я думала, что вам дурно, сударыня, и хотела помочь вам, – отвечала служанка, испуганная страшным выражением лица своей госпожи.

– Мне дурно? мне? За какую же бабенку ты меня принимаешь? Когда меня оскорбляют, мне не бывает дурно; я тогда мщу, слышишь ли?
Она сделала Кетти знак, чтобы она вышла.

VI. План мщения

Вечером миледи отдала приказание ввести д'Артаньяна тотчас же, как он явится, по обыкновению. Но он не пришел.

На другой день Кетти снова виделась с д'Артаньяном и рассказала ему обо всем, случившемся накануне. Д'Артаньян улыбнулся; этот ревнивый гнев миледи был его мщением.

Вечером миледи была еще нетерпеливее, чем накануне и возобновила приказание относительно гасконца; но она ожидала его напрасно, как и накануне.

На другой день Кетти явилась к д'Артаньяну, но в этот раз она не была так весела и шутивла как в предыдущие дни, а напротив, смертельно скучна.

Д'Артаньян спросил ее, что с нею случилось; вместо ответа она вынула из кармана письмо и подала ему.

Это письмо было написано рукою миледи; но в этот раз оно было адресовано на имя д'Артаньяна, а не де Варда.

Он распечатал его и прочитал следующее:

«Любезный д'Артаньян, нехорошо быть так невнимательным к друзьям своим, особенно в то время, когда предстоит долгая разлука с ними. Зять мой и я ждали вас напрасно вчера и третьего дня. Неужели сегодня вечером будет то же?»

Признательная вам

Леди Клерик».

– Так и есть, я этого ожидал, – сказал д'Артаньян, – мой кредит возрастает настолько же, насколько падает кредит графа де Варда.

– Придете ли вы? – спросила Кетти.

– Послушай, любезное дитя, – сказал гасконец, старавшийся оправдать себя перед самим собой в том, что, что не исполнил обещания, данного Атосу; – ты понимаешь, что было бы невежливо не прийти на такое приглашение. Миледи, не видя меня, не поняла бы причины прекращения моих посещений; она могла бы подозревать что-нибудь дурное, а когда женщина с таким характером как у нее, захочет мстить, то она способна на все.

– О, Боже мой! – сказала Кетти, – вы умеете представить вещи в таком виде, что всегда останетесь правым. Но вы опять будете ухаживать за ней и если вы понравитесь ей под вашим настоящим именем, то это будет еще хуже, чем прежде.

Бедная девушка инстинктивно предугадывала то, что и действительно случилось.

Д'Артаньян разуверял ее, сколько мог и обещал оставаться нечувствительным к оболящениям миледи.

Он велел передать ей, что он благодарен ей как нельзя более, за ее доброту и явится по ее приказанию. Он не осмелился писать ей из опасения, что не сумеет скрыть своего почерка от такого опытного глаза.

Ровно в девять часов д'Артаньян был на Королевской площади. Очевидно было, что слуги, ожидавшие в передней, были предупреждены, потому что как только д'Артаньян явился, прежде чем он успел спросить, можно ли видеть миледи, один из них побежал доложить о нем.

– Просите, – сказала миледи отрывисто, но таким пронзительным голосом, что д'Артаньян услышал его из передней.

Он вошел.

– Меня ни для кого нет дома, – сказала миледи; – слышите ли, ни для кого.

Слуга вышел.

Д'Артаньян с любопытством посмотрел на миледи; она была бледна, глаза были красны от слез или бессонницы. Число свеч было с намерением уменьшено, и все-таки она не могла скрыть следов лихорадки, владевшей ею два дня тому назад.

Д'Артаньян подошел к ней с обыкновенною любезностью. Она сделала над собой чрезвычайное усилие, чтобы принять его, и как она ни была озабочена, но встретила его с самою любезною улыбкой.

На вопрос д'Артаньяна о ее здоровье она отвечала:

– Нехорошо, очень нехорошо.

– Но в таком случае, – сказал д'Артаньян, – я пришел некстати. Вам, конечно, нужно спокойствие, я уйду.

– Нет, – сказала миледи, – напротив, останьтесь, д'Артаньян, ваша приятная беседа развлечет меня.

«Ого! – подумал д'Артаньян; – она никогда не была так любезна, надо быть осторожным».

Миледи приняла самый дружеский тон и старалась придать сколько возможно живости разговору. Но в это время лихорадка, оставившая ее на минуту, возвратила снова блеск глазам ее, румянец щекам и розовый цвет губам. Д'Артаньян увидел опять сирену, очаровавшую его своими прелестями. Ему казалось, что любовь его угасла, но она была только в усыплении и пробудилась в его сердце. Миледи улыбнулась и д'Артаньян чувствовал, что готов был отдать жизнь за эту улыбку.

Была минута, в которую он почувствовал как будто угрызение совести.

Мало-помалу миледи сделалась пообщительнее.

Она спросила д'Артаньяна, есть ли у него любовница.

– Увы! – сказал д'Артаньян самым страстным голосом. – Как вы можете предлагать мне такой жесткий вопрос? С тех пор, как я увидел вас, я дышу только вами и для вас.

Миледи сделала странную улыбку.

– Так вы любите меня? – сказала она.

– Нужно ли говорить об этом, разве вы сами этого не заметили?

– Да, но вы знаете, чем больше в сердце гордости, тем труднее оно сдается.

– О! Трудности не пугают меня, – сказал д'Артаньян. – Я страшусь только невозможного.

– Нет ничего невозможного для истинной любви, – сказала миледи.

– Ничего?

– Ничего, – отвечала миледи.

«Черт возьми, – подумал д'Артаньян, – дело принимает другой оборот. Неужели эта капризная женщина влюбилась в меня и не расположена ли она дать мне сапфир, похожий на тот, который был дан де Варду?»

Д'Артаньян с живостью придвинул свой стул к креслу миледи.

– Посмотрим, – сказала миледи, – что вы сделаете, чтобы доказать вашу любовь?

– Все, чего бы вы от меня ни потребовали. Приказывайте, я готов повиноваться вам.

– Во всем?

– Во всем! – сказал д'Артаньян, знавший вперед, что немногим рискует при этом.

– Если так, поговорим, – сказала миледи, придвигая в свою очередь кресла к стулу д'Артаньяна.

– Я слушаю, – сказал он.

Миледи с минуту как будто оставалась в нерешимости; потом сказала:

– У меня есть враг.

– У вас! – сказал д'Артаньян, притворяясь удивленным. – Возможно ли это, Боже мой?

Вы так прекрасны и добры!

– Смертельный враг.

– В самом деле?

– Враг, оскорбивший меня так жестоко, что между нами война насмерть. Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

Д'Артаньян тотчас понял, чего добивалось это мстительное создание.

– Можете, – сказал он с важностью, – рука моя и жизнь принадлежат вам так же, как и любовь моя.

– Следовательно, – сказала миледи, так как великодушие ваше равняется вашей любви...

Она остановилась.

– Так что же? – спросил д'Артаньян.

– То с сегодняшнего дня не говорите больше о невозможности, – сказала миледи после минуты молчания.

– Такого счастья для меня слишком много, – сказал д'Артаньян, бросаясь на колени и покрывая поцелуями руки, которых она не отнимала.

«Отомсти за меня низкому де Варду, – думала миледи, – и я сумею потом отделаться от тебя, глупец».

«Отдайся добровольно в мои руки, осмеявши меня так нагло, лицемерная и опасная женщина, – думал д'Артаньян, – а впоследствии я посмеюсь над тобой вместе с тем, которого ты хочешь убить моею рукой».

Д'Артаньян поднял голову.

– Я готов, – сказал он.

– Вы поняли меня, любезный д'Артаньян, – сказала миледи.

– Я мог бы понять по одному взгляду вашему.

– Следовательно, вы согласны употребить для моего дела вашу руку, которая уже доставила вам столько славы?

– Тотчас же.

– Но чем же я могу отплатить вам за такую услугу? – сказала миледи. – Я знаю влюбленных, эти люди ничего не делают без вознаграждения.

– Вы знаете, что я желаю только одной награды, достойной вас и меня, – сказал д'Артаньян.

И он нежно привлек ее к себе.

Она едва сопротивлялась.

– Какой же вы интересант! – сказала она с улыбкой.

Д'Артаньян действительно был увлечен страстью, которую эта женщина умела разжигать в его сердце.

– Ах, счастье мое, – сказал он, и опасаясь, чтобы оно не улетело как мечта, – я желал бы скорее осуществить его.

– Так заслужите же это предполагаемое счастье.

– Я к вашим услугам, – сказал д'Артаньян.

– И это верно? – спросила миледи, все еще сомневаясь.

– Назовите мне бессовестного, который мог заставить плакать ваши прекрасные глаза.

– Кто вам сказал, что я плакала? – спросила она.

– Мне так показалось.

– Женщины, подобные мне, не плачут, – сказала миледи.

– Тем лучше! Скажите же, как его зовут.

– Не забудьте, что в имени его заключается моя тайна.

– Но все-таки мне нужно знать его имя.

– Да, нужно; видите, какое я имею к вам доверие!

– Я в восторге. Как его зовут?

– Вы его знаете.

– В самом деле?

– Да.

– Может быть, это один из моих друзей? – сказал д'Артаньян, притворяясь колеблющимся, чтобы заставить поверить его неведению.

– Так, значит, будь это кто-либо из ваших друзей, вы бы поколебались? – вскричала миледи, и угрожающий огонек блеснул в ее глазах.

– Нет, хотя бы это был мой родной брат! – ответил д'Артаньян как бы в порыве восторга. Наш гасконец ничем не рисковал, он действовал наверняка.

– Мне нравится ваша преданность, – сказала миледи.

– Неужели вы ничего больше не любите во мне кроме преданности? – спросил д'Артаньян.

– Я люблю вас самих, – сказала она, взяв его за руку.

И горячее пожатие руки заставило д'Артаньяна вздрогнуть, как будто от прикосновения пришла к нему лихорадка, мучившая миледи.

– Вы меня любите, – сказал он. – О, если бы это была правда, я бы с ума сошел.

И он обнял ее обеими руками; она не старалась уклоняться от поцелуя его, но не отвечала на него.

Губы ее были холодны; д'Артаньяну показалось, что он поцеловал статую.

Тем не менее, наэлектризованный любовью, он был в восторге; он почти верил любви миледи и преступлению де Варда. Если бы де Вард случился в эту минуту подле него, он убил бы его.

Миледи воспользовалась случаем.

– Его зовут... – сказала она.

– Де Вард, я знаю, – сказал д'Артаньян.

– Почему вы это знаете? – спросила миледи, взяв его за обе руки и смотря ему в глаза, надеясь узнать в них все сокровенные мысли его.

Д'Артаньян почувствовал, что увлекся и сделал промах.

– Скажите, скажите же, почему вы это знаете? – повторяла миледи.

– Почему я знаю это? – сказал д'Артаньян.

– Да.

– Я знаю потому, что вчера я был в одной гостиной, где де Вард показывал кольцо и говорил, что получил его от вас.

– Негодяй! – сказала миледи.

Понятно, что это прозвание отозвалось в глубине сердца д'Артаньяна.

– Ну, и что же? – продолжала она.

– Я отомщу за вас этому негодяю, – сказал д'Артаньян, принимая вид дона Иафета из Армении.

– Благодарю, храбрый друг мой! – сказала миледи, – когда же я буду отомщена?

– Завтра, сейчас же; когда вы пожелаете.

Миледи хотела сказать: «сейчас же»; но она подумала, что подобная торопливость была бы неприятна для д'Артаньяна.

К тому же ей нужно было принять предосторожность и дать много советов своему защитнику для того, чтобы он избежал объяснений с графом при свидетелях. Все это было предупреждено одним словом д'Артаньяна.

– Завтра или вы будете отомщены, или я умру, – сказал он.

– Нет, – сказала она, – вы отомстите за меня, но не умрете. Он трус.

– Может быть, с женщинами, но не с мужчинами. Я это знаю.

– Но в борьбе с ним вы, кажется, не могли пожаловаться на счастье.

– Счастье непостоянно: сегодня оно благоприятно, а завтра может повернуться ко мне спиной.

– Это значит, что вы колеблетесь теперь.

– Нет, я не колеблюсь, сохрани меня Бог. Но справедливо ли посылать меня на смерть, не вознаграждая ничем, кроме надежды на будущее?

– Это совершенно справедливо, – сказала она с нежностью.

– О, вы ангел, – сказал он.

– Следовательно, все решено? – сказала она.

– Кроме того, о чем я вас прошу, душа моя.

– Но ведь я вам говорю, что вы можете положиться на мою любовь.

– Я не располагаю завтрашним днем, чтобы дожидаться.

– Молчите, я слышу шаги брата; не нужно, чтоб он видел вас здесь.

Она позвонила; вошла Кетти.

– Уйдите через эту дверь, – сказала она, отворяя маленькую потаенную дверь, – и приходите в 11 часов; мы кончим тогда наш разговор. Кетти введет вас ко мне.

Бедная девушка едва не упала при этих словах.

– Ну, что же вы стоите как статуя? Проводите кавалера, и сегодня вечером в 11 часов... вы слышали?

«Кажется, она имеет обыкновение назначать свидание в 11 часов», – подумал д'Артаньян.

Миледи протянула ему руку, которую он нежно поцеловал.

«Да, – подумал он, уходя и едва отвечая на упреки Кетти, – я не буду дураком; эта женщина очень хитра и преступна; надо быть осторожным».

VII. Тайна миледи

Д'Артаньян, вместо того чтобы зайти сейчас же к Кетти, которая убедительно просила его о том, вышел из дому. Он сделал это по двум причинам: во-первых, он, таким образом, избегал упреков, обвинений и просьб; во-вторых, ему нужно было немного обдумать свое положение и насколько возможно разгадать мысли этой женщины. Яснее всего было то, что д'Артаньян до безумия любил миледи, а она не любила его нисколько.

Сначала д'Артаньян думал, что всего лучше было бы пойти домой и написать миледи длинное письмо, в котором признаться ей, что он и де Вард были до сих пор одно и то же лицо, и что, следовательно, он мог убить де Варда только посредством самоубийства. Но им также овладело дикое желание мести; он хотел овладеть этою женщиной под своим собственным именем, и так как это мщение казалось ему приятным, то он не хотел от него отказаться.

Он обошел пять или шесть раз Королевскую площадь, оборачиваясь после каждых десяти шагов, чтобы взглянуть на свет в комнате миледи, который был виден сквозь шторы; видно было, что теперь миледи не спешила уйти в свою спальню как в первый раз.

Наконец свет исчез.

С этим светом исчезла и последняя нерешимость д'Артаньяна; он припомнил подробности первой ночи, сердце его сильно билось, голова была в огне, он возвратился в дом и вошел в комнату Кетти.

Эта девушка, бледная как смерть, дрожа всеми членами, хотела остановить своего любовника, но миледи, услышав шум при входе д'Артаньяна, отворила дверь.

– Войдите, – сказала она.

Это было сказано с таким невероятным бесстыдством, с такою чудовищною наглостью, что д'Артаньян едва мог верить тому, что видел и слышал.

Он догадывался, что вовлечен в одну из тех фантастических интриг, которые случаются только во сне.

Тем не менее, он пошел к миледи, увлекаемый силою притяжения как железо к магниту.

Дверь за ним затворилась.

Кетти бросилась к двери.

Ревность, злоба, оскорбленное самолюбие – все эти страсти, волнующие сердце влюбленной женщины, – побуждали ее открыть все; но она погибла бы, если бы призналась, что сама помогала в этом деле и кроме того она потеряла бы навсегда д'Артаньяна.

Эта последняя мысль заставила ее принести последнюю жертву.

Д'Артаньян достиг цели всех своих желаний; в нем любили уже не соперника, а его самого. Тайный голос в глубине души говорил ему, что его ласкали только как орудие мести, в ожидании, что он совершит убийство; но его гордость, самолюбие, страсть заглушали этот голос. Притом наш гасконец, со свойственною ему самоуверенностью, сравнивал себя с де Вардом и спрашивал самого себя, почему бы и его не любить.

Итак, он совершенно предался минутному увлечению. Миледи уже не была для него женщиной с гибельными намерениями, страшившими его прежде, она была пылкою и страстною любовницей, преданною вполне любви, которую, казалось, она сама чувствовала. Таким образом, прошло около двух часов.

Между тем восторг любовников охладел; миледи, не разделявшая увлечения д'Артаньяна, первая возвратилась к действительности и спросила его, нашел ли он какой-нибудь предлог вызвать на другой день на дуэль де Варда.

Но мысли д'Артаньяна приняли совсем другое направление; он растерялся как глупец, и отвечал, что возле нее он не в состоянии думать о дуэли.

Эта холодность к предмету, единственно занимавшему ее, испугала миледи, и вопросы ее сделались еще настойчивее.

Тогда д'Артаньян, вовсе не думавший об этой невозможной дуэли, хотел переменить разговор, но не мог.

Миледи увлекающим умом своим и железною волей удерживала его в заранее начертанных ею границах.

Д'Артаньян думал, что поступает очень умно, советуя миледи отказаться от ужасных замыслов и простить де Варда.

Но при первых словах его она вздрогнула и отошла от него.

– Разве вы боитесь, любезный д'Артаньян? – сказала она насмешливым и резким голосом, который странно звучал в темноте.

– Вы, верно, этого не думаете, душа моя, – сказал д'Артаньян; – но может быть, бедный де Вард был не так виноват, как вы полагаете.

– Во всяком случае, – сказала миледи, – он обманул меня, и этим обманом заслужил смерть.

– Ну, так он умрет, если вы приговорили его к смерти! – сказал д'Артаньян твердым голосом, который показался миледи выражением самой непоколебимой преданности.

Она сейчас же опять приблизилась к нему.

Не можем сказать, скоро ли прошла эта ночь для миледи, но д'Артаньян думал, что он находился с нею не больше двух часов, как свет начал уже пробиваться между складками занавесок.

Тогда миледи, видя, что д'Артаньян хочет уйти, напомнила ему об обещании его отомстить за нее де Варду.

– Я готов, – сказал д'Артаньян, – но я желал бы прежде удостовериться в одном.

– В чем? – спросила миледи.

– В том, что вы меня любите.

– Кажется, вы имели доказательство.

– Да, и потому я теперь предан вам телом и душой.

– Благодарю, храбрый мой любовник! Но так как я вам доказала любовь свою, то и вы докажете мне в свою очередь вашу, не правда ли?

– Разумеется. Но если вы меня любите, как вы говорите, – сказал д'Артаньян, – то не боитесь ли вы немножко за меня?

– Чего же мне бояться?

– Что я, может быть, буду опасно ранен, даже убит.

– Не может быть, – сказала миледи, – вы так храбры и так искусно владеете шпагой!

– Так вы не согласны избрать другой род мщения, без пролития крови? – сказал д'Артаньян.

Миледи посмотрела молча на своего любовника; бледный свет первых лучей солнца придавал ее блестящим глазам особенное мрачное выражение.

– Право, – сказала она, – мне кажется, что вам теперь недостает решимости.

– Нет, я решил, но с тех пор как вы перестали любить графа де Варда, мне жаль его, и мне кажется, что потеря вашей любви такое ужасное наказание, что нет надобности прибегать к другому.

– Кто вам сказал, что я его любила? – спросила миледи.

– По крайней мере, я могу думать теперь из хвастовства, что вы любите другого, – сказал д'Артаньян ласково, – и повторяю вам, я принимаю участие в графе.

– Вы? – спросила миледи.

– Да, я.

– Отчего это?

– Потому что я один знаю...

– Что?

– Что он далеко не так виноват пред вами, как вам кажется.

– В самом деле? – сказала миледи с беспокойством. – Объяснитесь, я, право, не понимаю, что вы хотите сказать.

Она смотрела на д'Артаньяна, который обнимал ее, и глаза ее мало-помалу одушевлялись.

– Да, я честный человек, – сказал д'Артаньян, решившись покончить дело, – но с тех пор как я уверен в вашей любви... а я ведь могу быть уверен в ней, не так ли?

– Совершенно так, продолжайте.

– Я чувствую в себе какую-то перемену; мне очень хочется признаться вам кое-в чем.

– В чем признаться?

– Если б я сомневался в вашей любви, то я никогда не сказал бы этого; но вы любите меня, моя красавица? Не правда ли, вы меня любите?

– Без сомнения.

– В таком случае, если бы вследствие чрезмерной любви я был в чем-нибудь виноват перед вами, простили бы вы меня?

– Может быть.

Д'Артаньян хотел с самую приятную улыбку приблизить свои губы к губам миледи, но она отклонила его.

– Говорите же, – сказала она, бледнея, – в чем вы признаетесь?

– Вы назначали свидание де Варду в прошедший четверг в этой самой комнате, не правда ли?

– Я?... Нет, это неправда, – сказала миледи таким твердым голосом и с таким бесстрастным лицом, что если бы д'Артаньян знал это не так верно, то мог бы усомниться.

– Не лгите, прекрасный ангел мой, – сказал д'Артаньян с улыбкой, – это бесполезно.

– Как это? Говорите же, иначе вы меня уморите.

– О, успокойтесь, вы передо мной не виноваты, и я уже простил вас!

– Но что же дальше?

– Де Вард не может ничем похвастаться.

– Отчего? Вы сами говорили, что это кольцо...

– Это кольцо, душа моя, у меня. Граф де Вард, бывший у вас в четверг, и сегодняшний д'Артаньян одно и то же.

По неопытности своей он ожидал удивления, с примесью стыдливости, маленькой бури, которая разразится слезами; но он ошибся, и заблуждение его продолжалось недолго.

Бледная и страшная миледи выпрямилась, и, оттолкнув д'Артаньяна сильным ударом в грудь, бросилась с постели.

Было уже совсем светло.

Д'Артаньян удержал ее за пеньюар тонкого батиста и просил о прощении; но она хотела освободиться сильным и решительным движением.

Батист разорвался, обнажив плечи, и на одном из этих прекрасных круглых плеч д'Артаньян с невыразимым ужасом увидел изображение лилии, эту неизгладимую метку; которую налагает позорная рука палача.

– Великий Боже! – сказал д'Артаньян, опуская пеньюар, и молча, неподвижно, остался на постели как окаменелый.

Но миледи по испугу д'Артаньяна поняла, что она избличена.

Без сомнения, он все видел, он знала, теперь ее тайну, тайну ужасную, неизвестную никому, кроме него.

Она взглянула на него не так как взбешенная женщина, но как раненая пантера.

– А! Презренный, – сказала она, – ты подло изменил мне и узнал мою тайну. Ты умрешь!

Она подбежала к шкапулке, стоявшей на туалете, открыла ее лихорадочно дрожащею рукой, вынула из нее кинжал с золотою рукояткой, с острым и тонким лезвием и бросилась на полунагого д'Артаньяна.

Хотя он был храбр, но испугался ее расстроенного лица, страшно расширившихся зрачков, бледных щек и покрытых пеною губ; он отскочил до прохода за кроватью, как будто от змеи, подползавшей к нему; покрывшаяся холодным потом рука его попала на шпагу, и он вынул ее из ножен.

Но, не обращая внимания на шпагу, миледи старалась влезть на кровать, чтобы поразить его и остановилась только тогда, когда почувствовала острие шпаги на груди.

Она хотела схватить шпагу руками, но д'Артаньян постоянно отклонял эти попытки, и, приставляя шпагу то к глазам, то к груди ее, он слез с кровати и старался ускользнуть в дверь, ведущую в комнату Кетти.

Миледи в это время бросилась на него с ужасною силой и страшными криками.

Это походило уже на дуэль, и д'Артаньян мало-помалу начал приходить в себя.

– Хорошо, моя красавица, хорошо, – говорил он, – успокойтесь же, ради Бога, или я вам нарисую еще лилию на прекрасных щеках ваших.

– Подлый! Низкий! – кричала миледи.

Но д'Артаньян, обороняясь, все направлялся к двери.

Чтобы защититься от миледи, д'Артаньян прятался за мебель, которую она опрокидывала; услышав шум, Кетти отворила дверь. д'Артаньян, постоянно маневрировавший так, чтобы приблизиться к этой двери, был уже в трех шагах от нее. Он бросился вдруг из комнаты миледи в комнату ее служанки и с быстротой молнии затворил за собою дверь, уперся в нее всею своею тяжестью, между тем как Кетти запирала ее на задвижку.

Тогда миледи старалась опрокинуть перегородку своей комнаты с силою, невероятною для женщины; когда же она убедилась, что это невозможно, то начала колоть кинжалом в дверь, и несколько ударов пробили ее насквозь.

Каждый удар сопровождался ужасными проклятиями.

– Скорее, скорее, Кетти, – сказал вполголоса д'Артаньян, когда дверь была заперта, – выведи меня из дому, а то если мы дадим ей время опомниться, она велит лакеям убить меня.

– Но вы не можете выйти в таком виде, – сказала Кетти. – Вы совсем голы.

– Это правда, – сказал д'Артаньян, только теперь заметивший свой костюм, – это правда, одень меня, как можешь, но только поскорее. Ты понимаешь, что дело идет о жизни и смерти.

Кетти очень понимала, в чем дело; она быстро закутала его в цветное платье; надела на него широкий головной убор и мантилью; дала ему туфли, которые он надел на голые ноги и повела его по лестнице. Это было вовремя; миледи позвонила уже и подняла на ноги весь дом.

Привратник отпер дверь на улицу в ту самую минуту, когда полунагая миледи кричала из окна:

– Не отпирайте!

VIII. Как Атос экипировался без всякого труда

Д'Артаньян убежал, между тем как миледи все еще угрожала ему бессильным жестом. Когда она потеряла его из виду, то упала без чувств в своей комнате. Д'Артаньян был так расстроен, что пробежал половину Парижа, не думая о том, что будет с Кетти и остановился только у дверей Атоса.

Крик нескольких патрулей, пустившихся догонять его и восклицания прохожих, которые, несмотря на раннюю пору, шли уже по своим делам, заставляли его еще больше спешить.

Он прошел через двор, поднялся во второй этаж и начал стучать изо всех сил в дверь Атоса.

Гримо с заспанными глазами отпер ему дверь.

Д'Артаньян с такою силой ворвался в комнату, что чуть не сбил его с ног.

Несмотря на свою молчаливость, Гримо на этот раз заговорил.

– Эй! – сказал он, – что вам надо, скверная женщина? Что вам угодно, сударыня?

Д'Артаньян снял головной убор и вынул руки из-под мантильи; при виде усов и обнаженной шпаги, Гримо узнал, что это мужчина и, думая, что он разбойник, закричал:

– Помогите! помогите!

– Молчи, негодяй! – сказал пришедший. – Я д'Артаньян, разве ты не узнал меня? Где твой барин?

– Вы господин д'Артаньян? Не может быть! – сказал Гримо.

– Гримо, – сказал Атос, выходя в халате из своей комнаты, – вы, кажется, позволяете себе говорить.

– Да, сударь, но...

– Молчите!

Гримо замолчал и только указал пальцем на д'Артаньяна.

Атос узнал своего товарища и при всей своей флегме он покатился со смеху при виде этого маскарадного наряда: головной убор на боку, юбки, спускавшиеся на башмаки, засученные рукава и усы, закрученные от волнения.

– Не смейтесь, друг мой, – сказал д'Артаньян, – ради Бога, не смейтесь; уверяю вас, что нечему смеяться.

Он сказал эти слова так торжественно и с таким неподдельным ужасом, что Атос тотчас же взял его за руки и сказал:

– Не ранены ли вы, друг мой? Вы так бледны!

– Нет, но со мной случилось ужасное происшествие. Вы одни, Атос?

– Кто же может быть у меня в это время?

– Хорошо, – сказал д'Артаньян и бросился в комнату Атоса.

– Ну, говорите же, – сказал Атос, запирая дверь на задвижку, чтобы никто не помешал им. – Разве умер король? Или вы убили кардинала? Вы совершенно расстроены: говорите же скорее, я, право, умираю от беспокойства.

– Атос, – сказал д'Артаньян, снимая женское платье и оставаясь в одной рубашке, – приготовьтесь услышать невероятную историю.

– Прежде наденьте этот халат, – сказал мушкетер своему другу.

Д'Артаньян, надевая халат, попал не в тот рукав, до того он был расстроен.

– Ну? – сказал Атос.

– Слушайте! – отвечал д'Артаньян, наклоняясь к уху Атоса и понижая голос, – миледи заклеяла цветком лилии на плече.

– О! – вскричал мушкетер, как будто пораженный пулею в сердце.

– Скажите, – продолжал д'Артаньян, – уверены ли вы, что та умерла?

- Та? – сказал Атос так тихо, что д'Артаньян едва мог слышать.
- Да, та, о которой вы говорили мне однажды в Амьене.
- Атос издал стон и опустил голову на руки.
- Эта, – продолжал д'Артаньян, – женщина 26 или 28 лет.
- Блондинка? – спросил Атос.
- Да.
- Глаза светло-голубые, со странным блеском, ресницы и брови черные.
- Да.
- Высокого роста, хорошо сложена? У нее недостает одного глазного зуба, с левой стороны?
- Да.
- Знак лилии небольшой рыжего цвета и как будто терт слоем отрубей, который к нему прикладывают?
- Да.
- Но вы говорите, что она англичанка?
- Ее называют миледи, но может быть, она и француженка. Лорд Винтер ее зять.
- Я могу видеть ее, д'Артаньян?
- Берегитесь, Атос, берегитесь; вы хотели убить ее. Эта женщина способна отплатить вам тем же и не сделает промаха.
- Она не осмелится сказать ни слова, чтобы не выдать себя.
- Она способна на все! Видели ли вы когда-нибудь ее взбешенною?
- Нет, – сказал Атос.
- Это тигрица, пантера! Ах, любезный Атос, я боюсь, что навлек на нас обоих ужасное мщение!
- Д'Артаньян рассказал о безумном гневе миледи и ее угрозах убить его.
- Вы правы, не стоит рисковать жизнью из-за пустяков, – сказал Атос. – К счастью, мы послезавтра уезжаем из Парижа; по всей вероятности, мы поедем к Ла-Рошели и тогда...
- Она последует за вами на край света, если узнает вас, Атос. Пусть же ненависть ее обратится на одного меня.
- Ах, любезный друг, что за беда, если она и убьет меня, – сказал Атос. – Разве вы думаете, что я дорожу жизнью?
- Во всем этом кроется какая-то ужасная тайна, Атос. Я уверен, что женщина эта шпион кардинала.
- В таком случае будьте осторожны. Если ваша поездка в Лондон не внушала кардиналу глубокого уважения к вам, то он ненавидит вас; но так как, во всяком случае, он не может упрекнуть вас ни в чем открыто, и как, наверное, он будет мстить вам, то остерегайтесь! Не выходите со двора одни; не ешьте ничего, не удостоверившись, что оно не отравлено; не доверяйте никому, даже своей тени.
- К счастью, – сказал д'Артаньян, – нам надо прожить только до послезавтра; а в армии, надеюсь, нам не придется бояться никого кроме неприятеля.
- Между тем, – сказал Атос, – я не буду больше сидеть дома и буду везде с вами. Вам нужно идти на улицу Могильщиков, я пойду с вами.
- Но как это ни близко, я не могу же выйти в таком виде, – сказал д'Артаньян.
- Это справедливо, – сказал Атос и позвонил.
- Гримо явился.
- Атос сделал ему знак сходить к д'Артаньяну и принести ему платье.
- Гримо ответил знаком, что понимает, и отправился.
- Ах, да! Однако это вовсе не подвинуло вперед дела о нашей экипировке, любезный друг, – сказал Атос, – потому что, если я не ошибаюсь, вы оставили все свое платье у миледи,

которая, без сомнения, не будет заботиться о том, чтобы возвратить его вам. Хорошо, что у вас есть сапфир.

– Этот сапфир ваш, любезный Атос! Ведь вы говорили, что этот перстень фамильная драгоценность.

– Да; мой отец купил его за две тысячи экю, как он когда-то говорил мне; он подарил его в числе свадебных подарков моей матери, и это был великолепный подарок. Мать подарила его мне, а я был так глуп, что вместо того, чтоб хранить это кольцо как святыню, отдал этой низкой женщине.

– Так возьмите же этот перстень, любезный друг; я понимаю, что вы дорожите им.

– Нет! Взять его, после того как он был в руках этой женщины! Никогда! Этот перстень осквернен, д'Артаньян.

– Так продайте его.

– Продать драгоценность моей матери! Уверяю вас, что я считал бы это осквернением святыни.

– Ну, так заложите его; вам дадут за него больше тысячи экю. Эта сумма превышает ваши надобности; потом вы его выкупите при первых деньгах и возьмете его уже очищенным от старых пятен, потому что оно пройдет через руки ростовщика.

Атос улыбнулся.

– Вы прекрасный товарищ, любезный д'Артаньян, – сказал он. – Вечная веселость ваша прогонит всякую грусть. Ну, хорошо, так зложим же этот перстень, только с условием.

– С каким?

– Пятьсот экю вам и пятьсот мне.

– В уме ли вы, Атос? Мне не нужно и четвертой доли этой суммы; я служу в гвардии и буду иметь все необходимое, продав седло. Много ли мне нужно? Лошадь для Планше и больше ничего; притом же не забудьте, что у меня тоже есть перстень.

– Которым вы, кажется, дорожите больше, чем я своим; но крайней мере мне так кажется.

– Да, потому что в крайности он может не только вывести нас из затруднительного положения, но выручит из какой бы то ни было беды. Это не только драгоценный бриллиант, но и заколдованный талисман.

– Я вас не понимаю, но верю вам. Поговорим же опять о моем перстне, или лучше сказать о вашем. Вы возьмете половину той суммы, которую нам дадут под залог его, иначе я брошу его в Сену, и едва ли услужливая рыба принесет его нам обратно как Поликрату.

– Ну, так я согласен! – сказал д'Артаньян.

В это время Гримо возвратился вместе с Планше, который, беспокоясь о своем господине и желая узнать, что с ним случилось, воспользовался случаем и принес сам платье.

Когда д'Артаньян и Атос оделись и были готовы идти со двора, Атос сделал Гримо знак, как будто прицеливается; Гримо тотчас же взял ружье и приготовился идти за своим господином.

Они дошли без приключений до улицы Могильщиков. Бонасьё стоял у ворот и насмешливо взглянул на д'Артаньяна.

– А! Любезный постоялец! – сказал он. – Поспешите, вас ожидает хорошенькая девушка, а женщины, как вам известно, не любят, чтобы их заставляли ждать!

– Это Кетти! – сказал д'Артаньян и бросился в коридор. Действительно, она стояла на площадке, ведущей в комнату, прижавшись к двери, и дрожала всем телом. Увидя д'Артаньяна, она сказала:

– Вы обещали мне ваше покровительство; вы обещали спасти меня от ее гнева. Помните, что вы меня погубили!

– О! Не беспокойся, Кетти, – сказал д'Артаньян. – Но скажи, что случилось после моего ухода?

– О, ничего не знаю! – сказала Кетти. – На крик ее сбежались лакеи, она с ума сходила от гнева и призывала на вашу голову все возможные проклятия. Тогда я подумала, что она может вспомнить, что вы прошли к ней через мою комнату и подумать, что я была вашей сообщницей. Я взяла деньги, сколько у меня было, лучшие свои платья и убежала.

– Бедное дитя! Но что же я буду с тобой делать? Я уезжаю послезавтра.

– Все что хотите; увезите меня из Парижа, из Франции.

– Но не могу же я взять тебя с собою на осаду Ла-Рошели, – сказал д'Артаньян.

– Нет, но вы можете поместить меня в провинцию к какой-нибудь знакомой вам даме: например, у вас на родине.

– Ах, милый друг! На моей родине дамы обходятся без горничных. Но подожди, я устрою твое дело. Планше, сходи за Арамисом, пусть он придет сейчас же. Скажи, что нам нужно сообщить ему важное дело.

– Понимаю, – сказал Атос. – Но отчего же не за Портосом? Кажется, что его маркиза...

– Маркиза Портоса одевается с помощью писарей своего мужа, – сказал, смеясь д'Артаньян. – Притом же Кетти не захочет жить на Медвежьей улице, – не правда ли, Кетти?

– Я буду жить, где вам угодно, – сказала Кетти, – лишь бы скрыться, чтобы не знали, где я.

– Теперь, Кетти, так как мы расстаемся, и, стало быть, ты меня больше не ревнуешь...

– Где бы вы ни были, – сказала Кетти, – я всегда буду любить вас.

– Вот где гнездится постоянство, – шептал Атос.

– Будь уверена, – сказал д'Артаньян, – что я тоже всегда буду любить тебя. Но ответь мне на один вопрос. Заметь, что этот вопрос для меня очень важен: не слыхала ли ты чего-нибудь об одной женщине, которую похитили ночью?

– Позвольте... Боже мой, неужели вы любите и эту женщину?

– Нет, один из моих друзей любит ее: вот этот, Атос.

– Я! – сказал Атос таким тоном, как будто наступил на змею.

– Разумеется, ты! – сказал д'Артаньян, сжимая руку Атоса. – Ты знаешь, какое участие мы все принимаем в бедной мадам Бонасьё. Притом же Кетти никому не скажет. Не правда ли, Кетти? – Ты понимаешь, дитя мое, – продолжал д'Артаньян, – она жена этого уродца, которого ты видела у ворот, идя сюда.

– О, Боже мой! – сказала Кетти. – Вы напоминаете мне, как я его испугалась. Хоть бы он не узнал меня!

– Как не узнал? Так ты уже видела этого человека?

– Он приходил два раза к миледи.

– Вот что! Когда?

– Пятнадцать или восемнадцать дней тому назад.

– Именно так.

– И вчера вечером он был опять.

– И вчера вечером?

– Да, немного прежде вашего прихода.

– Любезный Атос, мы окружены шпионами! Ты думаешь, что он узнал тебя, Кетти?

– Я опустила вуаль, когда увидела его, но, может быть, было уже поздно.

– Спуститесь вниз, Атос, он к вам меньше недоверчив, нежели ко мне; посмотрите, стоит ли он еще у дверей.

Атос ушел и тотчас возвратился.

– Он ушел, и дом заперт, – сказал он.

– Он пошел донести, что все голуби теперь в голубятне.

– Так улетим же, – сказал Атос; – оставим здесь только Планше, он после все расскажет нам.

– Подожди одну минуту! Ведь мы послали за Арамисом.

– Правда, – сказал Атос, –ждемся Арамиса.

В это самое время Арамис вошел.

Ему рассказали, в чем было дело и представили, как необходимо было, чтобы он в кругу своих знатных знакомых нашел место для Кетти.

Арамис подумал немного и спросил, краснея:

– Действительно ли это будет одолжением для вас, д'Артаньян?

– Я буду вам за это благодарен во всю жизнь мою.

– Мадам де Боа-Траси просила меня приискать хорошую горничную для одной приятельницы ее в провинции и если вы, любезный д'Артаньян, можете ручаться за эту девушку...

– О! – сказала Кетти, – будьте уверены, что я буду совершенно предана той особе, которая дает мне возможность уехать из Парижа.

– Ну, так и прекрасно, – сказал Арамис.

Он сел к столу, написал записку, запечатал ее перстнем и отдал Кетти.

– Теперь, дитя мое, – сказал д'Артаньян, – ты знаешь, что нам здесь не лучше твоего. Так расстанемся же. Мы увидимся, когда обстоятельства поправятся.

– Когда бы мы ни встретились, и где бы то ни было, – сказала Кетти, – я всегда буду любить вас также как теперь.

– Клятва игрока, – сказал Атос, между тем как д'Артаньян провожал Кетти по лестнице.

Минуту спустя трое молодых людей расстались, назначив свидание в четыре часа у Атоса и оставив Планше охранять квартиру.

Арамис пошел домой, а Атос и д'Артаньян хлопотали о залоге сапфира.

Как предвидел гасконец, они без затруднения получили за перстень триста пистолей.

Притом жид сказал, что если они пожелают продать его, то он даст пятьсот пистолей, потому что из него можно сделать великолепные подвески к серьгам.

Атос и д'Артаньян тотчас отправились покупать мушкетерскую обмундировку, и, как знатоки дела, они употребили на это менее трех часов. Притом же Атос был вельможа в полном смысле слова. Когда вещи ему нравились, он платил требуемую цену, не торгуясь. Д'Артаньян делал ему на это замечание, но Атос, улыбаясь, клал руку ему на плечо, и д'Артаньян понимал, что торговаться прилично было ему – бедному гасконскому дворянину, но не такому человеку, который держал себя как князь.

Мушкетер нашел прекрасную андалузскую лошадь шести лет, черную как агат, горячую как огонь, с тонкими и красивыми ногами.

Он осмотрел ее и не нашел пороков. За нее просили тысячу ливров.

Может быть, ее уступили бы и дешевле, но между тем как д'Артаньян спорил с торговцем о цене, Атос отсчитывал уже сто пистолей.

Для Гримо была куплена пикардийская, коренастая и сильная лошадь за триста ливров.

Но когда купили седло и оружие для Гримо, но из полутора ста пистолей Атоса не осталось ни одного су. Д'Артаньян предложил другу взять несколько из его доли, с тем, чтобы отдать ему этот долг со временем.

Но Атос вместо ответа только пожал плечами.

– Сколько давал жид за сапфир, чтобы купить его совсем? – спросил Атос.

– Пятьсот пистолей.

– То есть двумястами пистолей больше; сто пистолей для вас и сто для меня. Да это ведь клад, друг мой; пойдите к жиду.

– Как? Вы хотите...

– Да, этот перстень напоминал бы мне слишком много печального. Притом же мы никогда не будем в состоянии отдать ему триста пистолей, следовательно, мы напрасно потеряем две тысячи ливров. Ступайте, скажите ему, что перстень его, д'Артаньян, и приходите с двумястами пистолей.

– Подумайте, Атос.

– Наличные деньги дороги в настоящее время и надо принести эту жертву. Идите, д'Артаньян, идите. Гримо пойдет за вами с ружьем.

Через полчаса д'Артаньян без всяких приключений возвратился с двумя тысячами ливров.

Таким образом, Атос нашел у себя дома источники, на которые и не рассчитывал.

IX. Видение

В четыре часа четверо друзей собрались у Атоса. Их заботы об обмундировке кончились и на каждом лице оставались только следы тайных беспокойств, потому что за настоящим счастьем всегда кроется опасение за будущее.

Вдруг вошел Планше с двумя письмами, адресованными на имя д'Артаньяна.

Одно из них было маленькая записочка, очень мило сложенная и запечатанная зеленым сургучом, с изображением голубя, несущего зеленую ветку.

Другое было большая бумага, со страшными гербами кардинала-герцога.

При виде маленького письмеца сердце д'Артаньяна забилося радостно: почерк показался ему знакомым. Хотя он видел этот почерк только один раз, но память о нем сохранилась в глубине души его.

Он взял и быстро распечатал его.

«В будущую среду между шестью и семью часами приходите гулять по дороге в Шальо, – писали ему, – и смотрите внимательно на проезжающие кареты; но если вы дорожите жизнью вашей и тех, которые вас любят, не говорите ни слова и не обнаружьте ни одним движением, что вы узнали особу, которая подвергается опасности, чтобы хоть минуту посмотреть на вас».

Подписи не было.

– Это западня, – сказал Атос, – не ходите, д'Артаньян.

– Но мне кажется, – сказал д'Артаньян, – что почерк мне знаком.

– Может быть, он поддельный, – сказал Атос, – в шесть или семь часов дорога в Шальо теперь совершенно безлюдна. Это все равно, что идти гулять в лес де Бонди.

– Но если мы пойдем все вместе, – сказал д'Артаньян; – не съедят же нас всех четверых с четырьмя слугами, лошадьми и оружием.

– Притом же это был бы приятный случай пощеголять нашими лошадьми, – сказал Портос.

– Но если это пишет женщина, которая не желает, чтобы ее видели, то подумайте, д'Артаньян, что вы можете ее компрометировать, это нейдет дворянину, – сказал Арамис.

– Мы останемся позади, – сказал Портос, – он один поедет вперед.

– Да, немного надобно времени, чтобы выстрелить из пистолета из кареты, едущей в галоп.

– О! В меня не попадут, – сказал д'Артаньян. – Тогда мы догоним карету и уничтожим сидящих в ней. Все-таки будет одним врагом меньше.

– Он прав, – сказал Портос. – Будем сражаться, притом нужно же испытать наше оружие.

– Почему же не позволить себе этого удовольствия, – сказал Арамис своим кротким и беспечным голосом.

– Как хотите, – сказал Атос.

– Господа, – сказал д'Артаньян, – теперь половина пятого и мы едва успеем быть к шести часам на дороге в Шальо.

– Притом, если мы выедем очень поздно, – сказал Портос, – нас не увидят, это было бы очень жаль. Пойдемте же собираться в путь, господа.

– Но вы забыли о втором письме, – сказал Атос; – кажется, печать показывает, что оно стоит внимания. Объявляю вам, любезный д'Артаньян, что оно больше беспокоит меня, нежели маленькая безделушка, которую вы так нежно спрятали около сердца.

Д'Артаньян покраснел.

– Посмотрим же, – сказал он, – чего хочет от меня кардинал.

Д'Артаньян распечатал письмо и прочитал:

«Г-на Д'Артаньяна, королевского гвардейца роты Дезессара просят пожаловать во дворец кардинала сегодня вечером в восемь часов.
Ла Гудиньер, Капитан гвардии».

– Черт возьми! – сказал Атос, – вот это свидание поважнее первого.

– Я пойду на второе после первого, – сказал д'Артаньян: – одно в семь часов, другое в восемь. Времени достанет на все.

– Я бы не пошел, – сказал Арамис. – Светский человек не может пропустить свидания, назначенного женщиной, но благоразумный дворянин может извиниться, что не явился к кардиналу, особенно если имеет причины думать, что его приглашают не для любезностей.

– Я разделяю мнение Арамиса, – сказал Портос.

– Господа, – отвечал д'Артаньян, – я получил уже прежде подобное приглашение от кардинала через господина де Кавуа, но пренебрег им, и на другой день со мной случилось большое несчастье. Констанция исчезла. Что бы ни случилось, я пойду.

– Если вы так решили, идите, – сказал Атос.

– А Бастилия? – сказал Арамис.

– О! вы меня освободите, – сказал д'Артаньян.

– Без сомнения, – сказали Арамис и Портос с удивительною самоуверенностью, как будто это было очень легко. – Разумеется, мы вас освободим, но так как мы должны послезавтра ехать, то лучше бы вы не рисковали попасть в Бастилию.

– Лучше всего, – сказал Атос, – сделаем так: не оставим его за весь вечер, будем ждать его каждый у одних из ворот дворца с тремя мушкетерами; если мы увидим подозрительную карету, с завешенными окнами, нападём на нее; мы давно уже не имели дела с гвардейцами кардинала, и де Тревиль подумает, что мы умерли.

– Вы, Атос, решительно рождены для того, чтобы командовать армией, – сказал Арамис. – Какого вы мнения, господа, об этом плане?

– Чудесно! – повторили хором молодые люди.

– Так я бегу в отель, – сказал Портос, – предупредить товарищей, чтобы они были готовы к восьми часам. Мы сойдемся с ними на площади дворца кардинала, а вы между тем велите слугам оседлать лошадей.

– Но у меня нет лошади, – сказал д'Артаньян; – я возьму у де Тревиля.

– Не нужно, – сказал Арамис, – возьмите одну из моих.

– Сколько же их у вас? – спросил д'Артаньян.

– Три, – отвечал с улыбкой Арамис.

– Любезный друг, – сказал Атос, – вы, наверное, самый богатый поэт Франции и Наварры.

– Послушайте, любезный Арамис; вам, конечно, не нужны три лошади; не так ли? Я не думаю даже, чтобы вы купили всех трех.

– Нет, третью привел мне сегодня какой-то слуга без ливреи; он не хотел сказать от кого он, но говорил, что получил приказание от своего господина.

– Или от госпожи, – перебил д'Артаньян.

– Это все равно, – сказал, краснея, Арамис, – он говорил, что получил приказание поставить лошадь в мою конюшню, не объявляя, от кого она прислана.

– Подобные вещи случаются только с поэтами, – сказал с важностью Атос.

– На которой лошади вы поедете? – спросил д'Артаньян, на той ли, которую вы купили, или на дареной?

– Разумеется, на подаренной; вы понимаете, д'Артаньян, что нельзя же обидеть.

– Неизвестного благодетеля, – сказал д'Артаньян.

– Или таинственную благодетельницу, – сказал Атос.

– Следовательно, купленная вами лошадь вам не нужна?

– Почти.

– Вы сами выбрали ее?

– С большим вниманием; безопасность всадника, как вам известно, почти всегда зависит от его лошади.

– Ну, так уступите мне ее за свою цену.

– Я хотел предложить вам ее, любезный д'Артаньян, с тем, чтобы вы со временем уплатили мне эту безделицу.

– А сколько она вам стоит?

– Восемьсот ливров.

– Вот сорок двойных пистолей, любезный друг, – сказал д'Артаньян, вынимая деньги из кармана. – Я знаю, что этою монетой уплачивают вам за ваши поэмы.

– Так вы богаты деньгами? – сказал Арамис.

– Богат, очень богат, любезный друг.

И д'Артаньян позвенел в кармане остальными пистолями.

– Пошлите ваше седло в отель мушкетеров и вам приведут сюда лошадь вместе с нашими.

– Хорошо, но уже скоро пять часов, поспешим.

Через четверть часа Портос показался на углу улицы Феру на прекрасной лошади. Мушкетон ехал за ним на овернской лошадке, маленькой, но очень красивой. Портос сиял самодовольствием и гордостью.

В то же время появился с другой стороны улицы Арамис на прекрасной лошади английской породы; Базен ехал за ним на руанской лошади и держал за поводья мекленбургскую лошадь, назначенную для д'Артаньяна.

Оба мушкетера встретились у ворот; Атос и д'Артаньян смотрели на них из окна.

– Черт возьми! – сказал Арамис, – у вас славная лошадь, любезный Портос.

– Да, – отвечал Портос; – это именно та, которую хотели прислать мне, но муж для глупой шутки подменил ее другою; муж был за это наказан, а я получил свое.

Планше и Гримо показались, в свою очередь, с лошадьми господ своих; Атос и д'Артаньян вышли, сели на лошадей и все четверо товарищей пустились в путь.

Итак, Атос обязан был лошадью жене своей, Арамис – любовнице, Портос – прокурорше, д'Артаньян – своему счастью, лучшей любовнице в мире.

Слуги следовали за ними.

Как предвидел Портос, кавалькада произвела на зрителей хорошее впечатление, и если бы г-жа Кокнар могла видеть Портоса, рисовавшегося молодцом на своей прекрасной испанской лошади, она не пожалела бы о том, что потревожила сундук своего мужа.

Близ Лувра друзья наши встретили де Тревиля, возвращавшегося из Сен-Жермена; он остановил их и хвалил лошадей их и обмундировку, что в одну минуту собрало около них несколько сот ротозеев.

Д'Артаньян воспользовался случаем сказать де Тревилю о письме с большой красной печатью и гербами кардинала; разумеется, что о другом письме он не сказал ни слова.

Де Тревиль одобрил принятое им намерение и уверял его, что если он не явится на другой день, то он сумеет найти его, где бы он ни был.

В это время на часах Самаритянской церкви пробило шесть часов; четверо друзей извинились, под предлогом назначенного свидания и простились с де Тревилем.

Галопом проскакали они до дороги в Шальо; день уже склонялся к вечеру, кареты ехали одна за другой; д'Артаньян, охраняемый друзьями, ехавшими в нескольких шагах за ним, заглядывал в глубину карет, но не видал ни одного знакомого лица. Наконец, через четверть часа, когда настали уже сумерки, показалась карета, ехавшая в галоп по дороге из Севра; предчувствие сказало д'Артаньяну, что в этой карете была особа, назначившая ему свидание; он

сам удивился, почувствовав заранее сильное биение сердца. Почти в ту же минуту из кареты выглянула женская голова, с двумя пальцами у рта, как будто делая ему этим знак молчания или посылая поцелуй; д'Артаньян вскрикнул от радости, – эта женщина, или лучше сказать, это видение, потому что карета промчалась с быстротой метеора, была г-жа Бонасьё.

Невольным движением д'Артаньян, несмотря на сделанное ему предостережение, пустил лошадь в галоп и догнал карету; но стекло кареты было закрыто, видение исчезло. Д'Артаньян вспомнил тогда предостережение: «Если вы дорожите собственной жизнью и жизнью тех, кто вас любит, то оставайтесь неподвижны, как будто вы ничего не видали».

Он остановился, дрожа не за себя, но за бедную женщину, которая, без сомнения, подвергалась большой опасности, назначив ему это свидание.

Карета продолжала путь с такою же скоростью, въехала в Париж и исчезла из виду.

Д'Артаньян стоял на месте, не зная, что думать. Если это была г-жа Бонасьё и если она возвращалась в Париж, то к чему это мимолетное свидание, этот быстрый обмен взглядов, этот брошенный поцелуй?

Если же это была не она, что было также возможно, потому что в темноте легко было ошибиться, то не было ли это началом нападения на него, не хотели ли заманить его, зная, что он любит эту женщину.

Три товарища подъехали к нему.

Все трое видели, что из кареты показалась женская голова, но никто из них, кроме Атоса, не знал госпожи Бонасьё. По мнению Атоса, это была она; но как он не был так занят рассматриванием этого хорошенького личика, как д'Артаньян, то он заметил в глубине кареты другую голову, мужскую.

– Если это так, – сказал д'Артаньян, – то наверно они перевозят ее из одной тюрьмы в другую. Но что же они хотят сделать с этим бедным созданием и увижу ли я ее когда-нибудь?

– Друг, – сказал с важностью Атос, – вспомни, что только с мертвыми нельзя встретиться на земле. Вы кое-что знаете об этом, также как и я, не правда ли? Следовательно, если ваша любовница не умерла, и если мы видели ее теперь, то рано или поздно вы найдете ее. И, может быть, скорее, чем вы желаете, – прибавил он с тою мизантропией, которая была в его характере.

Пробило половину восьмого; карета опоздала двадцатью минутами на назначенное свидание.

Друзья д'Артаньяна напомнили ему, что он должен был сделать еще визит, заметив ему при этом, что еще можно было от него отказаться.

Но д'Артаньян был упрям и любопытен, он решился непременно пойти во дворец кардинала и узнать, чего ему нужно от него. Ничто не могло заставить его отказаться от принятого намерения.

Они приехали на улицу С. Оноре, и на площади дворца кардинала встретили двенадцать приглашенных Портосом мушкетеров, прогуливавшихся в ожидании товарищей. Тут только объяснили им, в чем было дело.

В полку королевских мушкетеров все знали д'Артаньяна; известно было, что он со временем получит в нем место, и потому на него заранее смотрели как на товарища. Мушкетеры с охотою приняли на себя поручение, для которого были призваны; притом же тут по всей вероятности пришлось бы сделать неприятность кардиналу и его людям, а на подобные похождения эти достойные дворяне всегда были готовы.

Атос разделил их на три группы, принял на себя начальство над одною из них, другую поручил Арамису, третью Портосу, и каждая группа засела в засаду против одного из выходов дворца.

Д'Артаньян храбро въехал в главные ворота. Хотя он знал, что за ним была сильная помощь, но все-таки не без волнения поднимался шаг за шагом по большой лестнице. Поступок его с миледи немного походил на измену, а он подозревал, что между этою женщиной и

кардиналом были какие-то политические отношения. Притом де Вард, с которым он так худо обошелся, был из числа людей, преданных кардиналу, а д'Артаньян знал, что сколько кардинал был страшен для своих врагов, столько же привязан к друзьям своим.

Д'Артаньян рассуждал так:

– Если де Вард рассказал все дело наше кардиналу, в чем нельзя сомневаться, и если он узнал меня, что вероятно, то я должен считать себя приговоренным к смерти. Но чего же он ждал до сих пор? Это очень просто: миледи нажаловалась на меня с лицемерным огорчением, делающим ее весьма интересною, и это последнее преступление не переполнило чашу их. К счастью, мои добрые друзья внизу, и не позволят увезти меня; они меня защитят. Однако рота мушкетеров де Тревиля не может одна воевать против кардинала, который располагает силами целой Франции и перед которым королева бессильна и король не имеет власти. Д'Артаньян, друг мой, ты храбр, ты рассудителен, у тебя прекрасная душа, но женщины погубят тебя!

С этими печальными мыслями он вошел в переднюю, отдал письмо дежурному швейцару, который ввел его в приемную залу и ушел во внутренние комнаты дворца.

В этой зале было пять или шесть гвардейцев кардинала, которые узнали д'Артаньяна, и, вспомнив, что он ранил Жюссака, смотрели на него с какой-то странною улыбкой.

Эта улыбка показалась д'Артаньяну дурным предзнаменованием; но так как нашего гасконца нелегко было напугать, или, лучше сказать, так как он, благодаря гасконской гордости, нелегко обнаруживал свои чувства, особенно если это чувство было страх, то он гордо прошел перед гвардейцами и ждал, подбоченясь, в величественном положении.

Швейцар вернулся и сделал д'Артаньяну знак, чтобы шел за ним. Ему показалось, что когда он уходил, гвардейцы стали перешептываться между собой.

Он прошел по коридору в большую залу и вошел в библиотеку; там кто-то сидел у стола и писал.

Швейцар ввел его и ушел, не говоря ни слова. Д'Артаньян стоя рассматривал сидевшего у стола человека.

Сначала он подумал, что это был какой-нибудь судья, рассматривавший свои деловые бумаги, но скоро заметил, что этот человек писал, или, лучше сказать, исправлял строки неровной длины, рассчитывая стопы по пальцам; из этого д'Артаньян заключил, что перед ним был поэт. Минуту спустя поэт закрыл свою рукопись, на обертке которой было написано: «Мирам, трагедия в пяти действиях», и поднял голову.

Д'Артаньян узнал в нем кардинала.

Х. Ужасное видение

Кардинал оперся локтем на рукопись, подпирая рукою щеку, и взглянул на д'Артаньяна. Никто не обладал в такой степени глубокоиспытующим взглядом как кардинал Ришелье, и д'Артаньян почувствовал, что этот взгляд проник во все жилы его как лихорадка.

Несмотря на то, он держал себя прилично, без излишней гордости, но и без унижения, и ожидал, пока кардиналу угодно будет заговорить.

– Милостивый государь, – сказал кардинал, – вы д'Артаньян из Беарна?

– Да, – отвечал он.

– В Тарбе и его окрестностях есть много отраслей д'Артаньянов, – сказал кардинал. – К которой из них вы принадлежите?

– Я сын того д'Артаньяна, который участвовал в войнах за веру вместе с великим королем Генрихом, отцом его величества.

– Хорошо. Кажется, вы приехали назад тому семь или восемь месяцев с родины искать счастья в столице?

– Да.

– Вы ехали через Менг, где с вами что-то случилось; я не знаю хорошенько, что именно, но это все равно.

– Вот что со мной случилось, – начал д'Артаньян...

– Не нужно, не нужно, – сказал кардинал с улыбкой, доказывавшей, что приключение было ему очень хорошо известно. – Вас отрекомендовали де Тревиллю, не так ли?

– Да, но именно во время этого несчастного происшествия в Менге...

– Рекомендательное письмо затерялось, – сказал кардинал. – Да, я знаю это, но де Тревиль – искусный физиономист и узнает людей с первого взгляда; он поместил вас в роту зятя своего, Дезессара, обнадежив вас, что со временем вы поступите в мушкетеры.

– Вам известны все подробности, – сказал д'Артаньян.

– С тех пор с вами случилось многое: однажды вы прогуливались за Картезианским монастырем, тогда как лучше бы вам не ходить туда; потом вы с друзьями ездили к Форжесским водам; они остались на дороге, а вы поехали дальше. Это очень просто, у вас были дела в Англии.

– Я ехал... – сказал смущенный д'Артаньян.

– На охоту в Виндзор, или в другое место, это все равно. Я это знаю, потому что моя обязанность все знать. По возвращении вашем вы были приняты одною августейшею особой, и я с удовольствием вижу, что вы сохранили вещь, которую она дала вам на память.

Д'Артаньян с живостью повернул перстень бриллиантом вниз, но уже было поздно.

– На другой день после этого у вас был Кавуа, – сказал кардинал. – Он приглашал вас во дворец. Вы не пошли по его приглашению и очень худо сделали.

– Я боялся немилости вашей эминенции.

– За что? За то, что вы исполнили приказание начальства с такою ловкостью и храбростью, с какой не всякий мог бы это сделать? Вы боялись заслужить мою немилость, когда вы заслужили похвалу? Я наказываю тех, которые не повинуются, но не тех, которые так послушны как вы. И в доказательство вспомните тот день, когда я приглашал вас к себе. Не случилось ли чего с вами в тот же самый вечер?

В этот самый вечер случилось похищение госпожи Бонасье. Д'Артаньян содрогнулся; он вспомнил, что за полчаса она проехала мимо него, увлекаемая, без сомнения, тою же силой, которая похитила ее.

– Наконец, продолжал кардинал, – так как с некоторого времени я ничего не слышал о вас, то хотел узнать, чем вы занимаетесь? Притом же вы должны быть мне немного благодарны; вы сами, вероятно заметили, что во всех этих случаях вас очень щадили.

Д'Артаньян поклонился с уважением.

– Это делалось, – сказал кардинал, – не только по чувству естественной справедливости, но и из видов, которые я на вас имею.

Удивление д'Артаньяна возрастало.

– Я хотел изложить вам свои планы тогда, когда вы получили мое первое приглашение, но вы не явились. К счастью, ничто не потеряно от этого замедления, и я сообщу вам свой план сегодня. Садитесь против меня, господин д'Артаньян, вы знатный дворянин и потому можете слушать меня сидя.

И кардинал указал ему стул.

Д'Артаньян был так удивлен всем происходившим, что сел только по второму знаку своего собеседника.

– Вы храбры, господин д'Артаньян, – продолжал кардинал; – вы рассудительны, это еще лучше. Я люблю людей с умом и сердцем. Не бойтесь, – сказал он с улыбкой, – людьми с сердцем я называю храбрых; хотя вы очень молоды, и едва вступаете в свет, но у вас есть уже сильные враги; если вы не остережетесь их, они вас погубят.

– Без сомнения, им легко будет это сделать, – отвечал д'Артаньян, – потому что они сильны и имеют помощников, между тем я совершенно один.

– Да, это правда; но, несмотря на то, что вы одни, вы уже много сделали и, без сомнения, сделаете еще больше. При всем том я полагаю, что вам нужно иметь руководителя на избранной вами дороге; если не ошибаюсь, вы приехали в Париж с надеждой разбогатеть.

– В мои годы люди имеют иногда безумные надежды, – сказал д'Артаньян.

– Безумные надежды бывают только у глупцов, а вы человек умный. Что вы скажете, если я предложу вам место прапорщика в моей гвардии и роту после войны. Не правда ли, вы примете это предложение?

– Но, ... – сказал смущенный д'Артаньян.

– Как? Вы отказываетесь? – сказал кардинал с удивлением.

– Я служу в гвардии его величества и не имею причин быть недовольным.

– Но, мне кажется, – сказал кардинал, – что мои гвардейцы в то же время гвардейцы короля и кто служит в каком бы то ни было французском полку, тот служит королю.

– Вы меня не так поняли, ваша эминенция.

– Вы хотите иметь предлог к переходу? Понимаю. Предлог есть. Производство, открывающаяся кампания – случай, который я вам представляю, вот предлог для света. Для вас – необходимость в надежном покровительстве, потому что вы должны знать, господин д'Артаньян, что я получил большие жалобы на вас; вы не все дни и ночи посвящаете исключительно службе короля.

Д'Артаньян покраснел.

– Впрочем, – продолжал кардинал, положив руку на кипу бумаг, – вот у меня целая связка бумаг, касающихся вас; но прежде прочтения их я хотел поговорить с вами. Я знаю, что вы человек с характером и служба ваша, при хорошем руководстве, вместо того чтобы вести вас к худому, могла бы принести вам много пользы. Ну, подумайте и решайтесь.

– Ваша доброта смущает меня, – отвечал д'Артаньян, – и величие души вашей заставляет меня чувствовать мое ничтожество, но так как вы позволяете мне говорить откровенно...

Д'Артаньян остановился...

– Да, говорите.

– В таком случае я скажу вашей эминенции, что все друзья мои служат в мушкетерах и гвардии короля, а враги мои, по непонятному случаю, служат у вас; и потому если бы я принял

ваше предложение, то между вашими людьми я не нашел бы друзей, а прежние товарищи мои худо смотрели бы на мой поступок.

– Может быть, вы боитесь, что я оскорблю ваше самолюбие, предложив вам худшее место, чем вы заслуживаете, – сказал кардинал с презрительной улыбкой.

– Вы слишком добры ко мне; напротив, я думаю, что сделал слишком мало для того чтобы заслужить милость вашу. Скоро начнется осада Ла-Рошели, я буду служить ввиду вашей эминенции, и если счастье поможет мне заслужить при этой осаде внимание ваше и отличиться каким-нибудь блистательным подвигом, тогда, по крайней мере, подвиг этот может оправдать покровительство, которым вы меня осчастливите. Все хорошо, я буду иметь право сделаться вашим слугой; теперь же могу подумать, что я продал себя.

– То есть, вы отказываетесь служить мне, – сказал кардинал с досадою, – но без неуважения; оставайтесь же свободным при прежних друзьях и врагах ваших. Я не сержусь на вас; но вы понимаете, что можно защищать и награждать своих друзей, а в отношении к врагам мы ничем не обязаны; но, при всем том, я вам дам совет: остерегайтесь, господин д'Артаньян, потому что с той минуты как я перестану охранять вас, я не дам ни одного обота за жизнь вашу.

– Постараюсь, – отвечал гасконец с благородною уверенностью.

– Вспомните впоследствии, и особенно в ту минуту, когда с вами случится какое-нибудь несчастье, – сказал Ришелье, – что я приглашал вас к себе и сделал все что мог, чтобы с вами не случилось этого несчастья.

– Что бы ни случилось, – сказал д'Артаньян, положив руку на грудь и кланяясь, – я буду вечно признателен вам за то, что сделали для меня в эту минуту.

– Так вы говорите, господин д'Артаньян, что мы увидимся после похода. Я буду следить за вами, потому что буду там, – сказал кардинал, – указывая д'Артаньяну на свое великолепное вооружение, и по возвращении мы сочтемся?

– Ах! Не будьте ко мне немилостивы! – вскричал д'Артаньян. – Оставайтесь нейтральным, если вы увидите, что я буду поступать как прилично честному человеку.

– Молодой человек, – сказал Ришелье, – если я найду возможным сказать вам еще когда-нибудь то, что сказал сегодня, то обещаю вам это.

Угрозы не смутили бы д'Артаньяна так, как эти последние слова Ришелье, потому что их следовало принять за предсказание опасности. Кардинал хотел ими предохранить его от какого-нибудь угрожавшего ему несчастья. Он хотел отвечать, но кардинал простился с ним повелительным жестом.

Д'Артаньян вышел; но за дверью он едва не передумал и хотел воротиться.

Но он вообразил себе строгое и важное лицо Атоса; если бы он согласился на предложение кардинала, Атос не подал бы ему руки, Атос отказался бы от него.

Только этот страх и удержал его: до такой степени сильно влияние великого характера на все окружающее его.

Д'Артаньян спустился с лестницы и встретил у ворот Атоса и четырех мушкетеров, ожидавших с беспокойством его возвращения. Д'Артаньян успокоил их одним словом, а Планше побежал предупредить другие посты, что уже не нужно было больше караулить, и что господин его вышел из дворца кардинала цел и невредим.

Придя к Атосу, Арамис и Портос спрашивали о причинах этого странного свидания; но д'Артаньян сказал им только, что Ришелье призывал его за тем, чтобы предложить ему поступить в его гвардию с чином прапорщика, и что он отказался.

– И хорошо сделали, – сказали в один голос Портос и Арамис.

Атос впал в глубокую задумчивость и не сказал ни слова. Но когда они остались вдвоем, он сказал:

– Вы поступили, так как следовало, д'Артаньян, но, может быть, вы и худо сделали.

Д'Артаньян вздохнул, потому что эти слова согласовались с тайным голосом сердца его, предсказывавшим ему, что его ожидают большие несчастья.

Следующий день прошел в приготовлениях к отъезду, д'Артаньян пошел проститься с де Тревилем.

Все думали, что гвардия расстанется с мушкетерами только на короткое время, потому что король в этот самый день присутствовал в парламенте, и предполагал по этому только случаю ехать на другой день, Де Тревиль спросил д'Артаньяна, не нужно ли ему чего, но д'Артаньян отвечал с гордостью, что у него есть все нужное.

Ночью собрались все товарищи из роты гвардейцев Дезессара и мушкетеры де Тревиля, которые были в дружбе. Они расставались в надежде увидеться тогда, когда будет угодно Богу. Ночь была самая шумная, как только можно себе представить, потому что в подобных случаях грустное настроение духа побеждается только крайнею веселостью.

На другой день, при первом звуке труб, друзья расстались; мушкетеры побежали в отель де Тревиля, гвардейцы к Дезессару. Каждый из капитанов повел свою роту в Лувр, где король делал смотр.

Король был печален и как будто болен, что немного смягчало его гордый вид. Действительно, накануне в парламенте сделалась с ним лихорадка. Но он все-таки решился выехать в тот же вечер, и, несмотря на предостережения врачей, хотел сделать осмотр, надеясь этим усилием победить начинавшую развиваться болезнь.

После смотра одни гвардейцы отправились в дорогу, мушкетеры же должны были сопровождать короля, почему Портос в великолепной обмундировке своей мог еще сходить на Медвежью улицу.

Прокурорша видела его в новом мундире, на прекрасной лошади. Она так любила Портоса, что не могла пропустить случая повидаться с ним; она сделала ему знак, чтобы он зашел к ней. Портос был великолепен; шпоры его гремели, латы блестели, шпага ударяла его по ногам. В этот раз писаря не расположены были смеяться: Портос казался им страшным.

Мушкетер зашел к господину Кокнару, которого маленькие серые глаза заблестели от досады при виде двоюродного брата в таком блестящем костюме. Только одно утешало его: все говорили, что поход будет трудный, и он надеялся, что Портос будет убит.

Портос простился с Кокнаром, который пожелал ему всякого благополучия; что же касается до мадам Кокнар, то она не могла удержаться от слез; но горесть ее не подала повода ни к каким дурным толкам, потому что все знали привязанность ее к родственникам, за которых она часто имела горячие споры с мужем.

Но настоящее прощанье происходило в комнате мадам Кокнар: оно было трогательно.

Пока прокурорша могла следить глазами за своим любовником, она махала ему платком, высунувшись из окна, как будто хотела броситься из него. Портос принимал все эти знаки расположения, как человек, привыкший к подобным изъявлениям нежности. Только при повороте на другую улицу он приподнял шляпу и махал ею в знак прощания.

Арамис написал длинное письмо.

К кому? Об этом никто не знал.

В соседней комнате ожидала его Кетти, которая должна была в тот же вечер ехать в Тур. Атос допивал маленькими глотками последнюю бутылку испанского вина.

В это время д'Артаньян проезжал по улице со своею ротой. Подъезжая к предместью Св. Антония, он оглянулся и весело посмотрел на Бастилию; но так как он смотрел только на Бастилию, то не заметил миледи, ехавшую на лошади и указывавшую на него двум людям подозрительной наружности, которые тотчас же подошли к рядам, чтобы рассмотреть его. На вопросительный взгляд их миледи ответила знаком, что это он. Потом, уверенная, что они не могли ошибиться при исполнении ее приказаний, она ударила хлыстом лошадь и исчезла.

Эти два человека пошли за ротой и при выходе из предместья Св. Антония сели на приготовленных для них лошадей, которых в ожидании их держал слуга без ливреи.

XI. Осада Ла-Рошели

Осада Ла-Рошели была одним из важнейших политических событий царствования Людовика XIII и одним из великих военных подвигов кардинала. А потому любопытно и даже необходимо сказать о ней несколько слов; притом многие подробности этой осады находятся в такой тесной связи с повествуемой нами историей, что мы не можем пропустить их.

Политические виды кардинала, когда он предпринял эту осаду, были значительны. Сначала изложим их, а потом перейдем к частным видам, которые, может быть, не менее первых побудили кардинала предпринять ее.

Из числа важных городов, данных Генрихом VI гугенотам, оставался только Ла-Рошель. Следовало разрушить это последнее убежище кальвинистов, это опасное гнездо, в котором беспрерывно зарождались то внутренние возмущения, то внешние войны.

Недовольные испанцы, англичане, итальянцы искали приключений всех наций, люди разных сект сбегались при первом призыве под знамена протестантов и образовали обширное общество, отрасли которого распространялись по всем концам Европы.

Ла-Рошель приобрела еще большее значение, когда пали другие города кальвинистов, и была очагом раздоров и честолюбия. Притом гавань ее оставалась единственным прибрежным местом, через которое англичане имели свободный доступ во Францию и, заперев его для Англии, нашей вечной неприятельницы, кардинал довершил бы дело Иоанны д'Арк и герцога де Гиза.

Бассомпьер был в одно время и протестантом по убеждению, католиком по званию командора Ордена Св. Духа; немец по рождению и француз по сердцу. Он был начальником отдельного отряда при осаде Ла-Рошели, и говорил в присутствии многих других протестантских вельмож:

– Вы увидите, господа, что мы будем так глупы, что возьмем Ла-Рошель.

И Бассомпьер был прав: во время канонады острова Ре предвидел атаку Севенн; взятие Ла-Рошели было предисловием Нантского эдикта.

Но мы сказали, что вместе с обширными видами министра, принадлежащими истории, летописец обязан изложить и мелкие виды влюбленного человека и ревнивого соперника.

Ришелье, как всем известно, был влюблен в королеву; была ли эта любовь просто политическим расчетом или одною из тех глубоких страстей, какие Анна Австрийская внушала всем окружающим ее, положительно неизвестно; но, во всяком случае, из предшедших событий этой истории видно, что Бокингем одержал над ним верх и в двух или трех случаях; особенно в деле о бриллиантовых наконечниках, жестоко одурачил его, благодаря преданности трех мушкетеров и храбрости д'Артаньяна.

Ришелье хотелось не только освободить Францию от неприятеля, но и отомстить сопернику. Он желал отомстить блистательно и вполне достойно человека, державшего в своих руках силы целого королевства.

Ришелье знал, что сражаясь с Англией, он сражался с Бокингемом, что торжествуя над Англией, он торжествовал над Бокингемом, наконец, что унижая Англию в глазах Европы, он унижал Бокингема в глазах королевы.

Бокингем, со своей стороны, ставя выше всего честь Англии, был руководим совершенно одинаковыми с кардиналом интересами; Бокингем также искал частного мщения; он ни под каким предлогом не мог возвратиться во Францию как посланник, и потому хотел войти туда победителем.

Из этого следует, что настоящая ставка партии, которую разыгрывали два могущественных королевства для прихоти двух влюбленных, была благосклонность Анны Австрийской.

Первые успехи были на стороне Бокингема; подошедши неожиданно к острову Ре с 90 кораблями и 20-ю тысячами войска, он напал врасплох на графа де Туорака, начальствовавшего над этим островом и после кровопролитного сражения, сделал высадку.

Скажем мимоходом, что в этом сражении погиб барон де Шанталь; он оставил после себя дочь сироту, полутора года. Эта маленькая девочка была впоследствии г-жа де Севинье.

Граф де Туорак отступил с гарнизоном в крепость Св. Мартина и оставил сотню людей в маленьком форте, называвшемся Ла-Пре.

Это происшествие ускорило решимость кардинала; между тем, как ни король, ни он еще не приняли начальства над осадой Ла-Рошели, которая была уже решена, он послал туда брата короля для предварительных распоряжений и велел стянуть туда все войска, которыми мог располагать. Друг наш д'Артаньян состоял в этом передовом отряде.

Король, как мы уже сказали, предполагал тотчас после заседания в парламенте ехать за войском, но, окончив его 23 июня, он почувствовал лихорадку; несмотря на то, он отправился; дорогой ему сделалось хуже, и он принужден был остановиться в Виллеруа.

Где останавливался король, останавливались и мушкетеры: поэтому д'Артаньян, служивший в гвардии, был на время разлучен с добрыми друзьями своими Атосом, Портосом и Арамисом; разлука эта была ему неприятна, и внушила бы еще больше беспокойства, если бы он знал, какими опасностями был окружен.

Без всяких приключений приехал он в лагерь, расположенный перед Ла-Рошелью, около десятого сентября 1627 года.

Все было в том же положении: герцог Бокингем и англичане, завладев островом, продолжали осаждать крепость Св. Мартина и форт Ла-Пре, но без успеха; враждебные действия против Ла-Рошели начались за два или три дня перед тем по поводу укрепления, построенного герцогом Ангулемским близ самого города.

Гвардейцы под командою Дезессара расположились во Францисканском монастыре.

Д'Артаньян, занятый мыслью поступить в мушкетеры, мало дружил со своими товарищами; он больше оставался один и предавался размышлениям.

Мысли его были не отрадны; с тех пор как он приехал в Париж, в продолжение двух лет он постоянно вмешивался в общественные дела; собственные же его дела не подвигались вперед, ни в отношении любовных интриг, ни в приобретении богатства.

Единственная женщина, которую он любил, была мадам Бонасьё; она исчезла, и он не мог узнать, что с ней сделалось.

Он, бедняк, сделался врагом кардинала, то есть человека, перед которым дрожали самые сильные люди королевства, начиная с короля.

Этот человек мог уничтожить его, но он этого не сделал. Прозорливому уму д'Артаньяна это снисхождение подавало надежду на лучшую будущность.

Притом он приобрел еще врага, хотя не такого опасного, по его мнению, но все-таки он сознавал инстинктивно, что нельзя им пренебрегать: этот враг была миледи.

Взамен всего этого он приобрел покровительство королевы, но покровительство ее в то время навлекало еще больше гонений, а она очень мало могла защитить от них: примером тому служат Шале и мадам Бонасьё.

Самый верный выигрыш его при этом состоял в бриллианте в пять или шесть тысяч ливров, который он носил на руке, хотя д'Артаньян и решился хранить этот бриллиант, чтобы при случае посредством его иметь доступ к королеве; но в настоящее время он имел не больше ценности как булыжники, валявшиеся под ногами его.

Д'Артаньян размышлял об этом, прогуливаясь один по красивой дороге, которая вела из лагеря в деревню Ангутен; в задумчивости он ушел дальше, чем предполагал, а день склонялся уже к вечеру, как вдруг при последних лучах солнца ему показалось, что вблизи за плетнем блеснуло дуло ружья.

Д'Артаньян имел зоркий глаз и быстрое соображение; он понял, что ружье не могло попасть туда само собой, и что человек, державший его, прятался за забором не с добрым намерением. Он решился бежать, но в то же время увидел за камнем по другой стороне дороги дуло другого ружья.

Очевидно, что была засада.

Д'Артаньян взглянул на первое ружье, и с некоторым беспокойством заметил, что оно опускалось по направлению к нему, но лишь только дуло ружья остановилось неподвижно, он бросился на землю. В то же время раздался выстрел, и он слышал, как пуля пролетела со свистом над его головой.

Нельзя было терять времени; д'Артаньян вскочил, и в ту же минуту пуля из другого ружья разбросала булыжник на том самом месте, где он лежал.

Д'Артаньян не любил храбриться без пользы как люди, которые ищут смерти для того чтоб о них сказали, что они не отступили ни на шаг; притом же д'Артаньян попал в западню, и храбрость была бы неуместна.

«Если будет третий выстрел, я погиб!», – думал он, и побежал со всех ног к лагерю. Гасконцы славятся легкостью на бегу; но как ни быстро было его бегство, однако первый выстреливший успел снова зарядить ружье и выстрелил так удачно, что пуля пробила шляпу д'Артаньяна и отбросила ее за десять шагов от него.

Так как у д'Артаньяна не было другой шляпы, то он на бегу поднял прежнюю, прибежал на квартиру, усталый и бледный, молча сел и задумался.

Можно было предполагать три различные причины этого происшествия.

Первая, и самая естественная, – засада со стороны жителей Ла-Рошели, которые не потеряли бы случая убить одного из гвардейцев его величества, потому что все-таки у них было бы одним врагом меньше, и сверх того у этого врага мог бы быть в кармане туго набитый кошелек.

Д'Артаньян взял шляпу, рассмотрел дыру, пробитую пулей, и покачал головой. Пуля была не ружейная, а из пищали; верность выстрела уже прежде навела его на мысль, что выстрел был сделан не из обыкновенного оружия; итак, засада была не военная, потому что пуля не калиберная.

Это могло быть следствием немилости кардинала. Еще в ту самую минуту, когда он заметил дуло ружья, он мысленно удивлялся великодушию кардинала в отношении к нему. Но кардинал редко прибегал к подобным средствам с людьми, которых мог уничтожить одним словом.

Это могло быть мщение миледи.

Это было всего вероятнее.

Он напрасно старался припомнить черты лица, или платье убийц; он убежал от них так быстро, что не успел ничего заметить.

«Ах! Добрые друзья мои, где вы? И как вы мне нужны!» – подумал д'Артаньян.

Д'Артаньян провел ночь очень дурно; три или четыре раза он вдруг просыпался; ему представлялось, что кто-то подходит к его кровати, чтоб убить его. Но ночь прошла без приключений.

Д'Артаньян не сомневался, что если убийцам не удалось достигнуть цели в первый раз, то попытка может повториться.

Он пробыл весь день дома, оправдываясь перед самим собою тем, что погода была ненастная.

На другой день в 9 часов ударили тревогу. Герцог Орлеанский объезжал посты. Гвардейцы выстроились, и д'Артаньян занял свое место между товарищами.

Герцог проехал по рядам; потом все старшие офицеры подошли к нему, между прочими и капитан гвардии Дезессар.

Минуту спустя, Д'Артаньяну показалось, что Дезессар делал ему знак, чтоб он подошел к нему; он ожидал нового знака своего начальника, опасаясь, не ошибся ли он, но знак повторился; он вышел из рядов и подошел выслушать приказание.

– Герцог вызывает желающих принять на себя опасное поручение, которое сделает честь тем, кто его исполнит, и я предупреждаю вас, чтобы вы были готовы.

– Благодарю, капитан! – отвечал д'Артаньян, ничего столько не желавший как отличиться в глазах главнокомандующего.

Действительно, ла-рошельцы сделали ночью вылазку и овладели снова бастионом, взятым два дня тому назад королевской армией; надо было сделать отчаянную рекогносцировку, чтоб узнать, как армия охраняла этот бастион.

Несколько минут спустя герцог сказал:

– Мне нужно три или четыре волонтера под руководством надежного человека для исполнения этого поручения.

– Что касается до надежного человека, ваше высочество, он у меня готов, – сказал Дезессар, указывая на д'Артаньяна; – четыре же или пять волонтеров всегда найдутся.

– Вызываются четверо желающих идти со мною на смерть! – сказал д'Артаньян, поднимая шпагу.

Двое товарищей из гвардейцев тотчас изъявили согласие; к ним присоединились два солдата, и требуемое число людей было готово; д'Артаньян отказал всем остальным, не желая нарушить право тех, кто первые вызвались.

Неизвестно было, вышли ли ла-рошельцы из бастиона после взятия его, или оставили в нем гарнизон; чтоб убедиться в этом, нужно было осмотреть вблизи означенное место.

Д'Артаньян отправился с четверью товарищами, следуя по траншее; гвардейцы шли рядом с ним, а солдаты позади.

Они подошли таким образом на расстояние ста шагов от бастиона, укрываясь за ретраншементами. Тогда д'Артаньян обернулся и заметил, что два солдата исчезли.

Он думал, что они трусили и отстали и продолжал идти вперед.

При повороте контрескарпа они очутились в шестидесяти шагах от бастиона.

Никого не было видно, и бастион казался покинутым.

Эти отчаянные смельчаки рассуждали, идти ли им дальше, как вдруг облако дыма опоясало стену бастиона, и дюжина пуль просвистала около д'Артаньяна и двух его товарищей.

Они узнали то, что им было нужно; бастион был охраняем. Оставаться дольше в этом опасном месте было бы бесполезно и неблагоприятно; д'Артаньян и двое гвардейцев начали отступление, походившее на бегство.

Подходя к углу траншеи, которая могла служить им защитой, один из гвардейцев упал, пораженный пулею в грудь. Другой, оставшийся невредимым, продолжал путь к лагерю.

Д'Артаньян не хотел покинуть своего товарища; он наклонился, чтобы поднять его и помочь ему дойти до лагеря; но в эту минуту раздалось два выстрела; одна пуля пробила голову раненому гвардейцу, а другая ударила в камень, пролетев в двух дюймах от д'Артаньяна.

Он торопливо осмотрелся кругом, потому что эти выстрелы не могли быть из бастиона, который скрывался за углом траншеи, он вспомнил о двух отставших солдатах и тотчас пришли ему на мысль вчерашние убийцы его; решившись на этот раз узнать, в чем дело, он упал на тело товарища, притворившись мертвым.

Он тотчас увидел, что из одного оставленного укрепления, бывшего в тридцати шагах от него, показались две головы; это были те самые два солдата. Д'Артаньян не ошибся – эти два человека вызвались идти с ним только для того, чтоб убить его, надеясь, что смерть его будет приписана неприятелю.

Опасаясь, что, может быть, он только ранен и объявит о преступлении, они подошли, чтобы покончить с ним; к счастью, обманутые хитростью д'Артаньяна, они не позаботились зарядить ружья.

Д'Артаньян, падая, старался не выпустить из руки шпагу; когда солдаты были в десяти шагах от него, он вдруг встал и одним прыжком очутился перед ними.

Убийцы поняли, что если они убегут в лагерь, оставив в живых д'Артаньяна, то он обвинит их: первую их мыслью было перейти к неприятелю. Один из них взял ружье за ствол и вооружился им как дубиной: он хотел нанести ужасный удар д'Артаньяну, который избежал его, отскочив в сторону; но этим движением он открыл дорогу разбойнику, и тот сейчас же пустился бежать к бастиону.

Ла-рошельцы, не зная, с каким намерением он приближался к ним, выстрелили в него, и он упал от пули, раздробившей ему плечо.

В это время д'Артаньян со шпагой в руке бросился на второго солдата; борьба продолжалась недолго; негодный имел для защиты только незаряженное ружье; шпага гвардейца проскользнула по дулу бесполезного оружия и ранила убийцу в ногу; он упал. Д'Артаньян приставил ему острие шпаги к горлу.

– Не убивайте меня! – сказал бандит; – пощадите меня, господин офицер, и я скажу вам все.

– Стоит ли твоя тайна того, чтоб я пощадил жизнь твою? – спросил молодой человек, сдерживая руку.

– Да, если вы сколько-нибудь цените жизнь в двадцать два года, когда такой прекрасный и храбрый молодой человек как вы, может достигнуть всего.

– Негодяй, – сказал д'Артаньян, – говори же скорее, кто поручил тебе убить меня?

– Женщина, которой я не знаю; ее зовут миледи.

– Но если не знаешь этой женщины, почему же ты знаешь имя ее?

– Мой товарищ знал ее и называл ее этим именем; она имела дело не со мной, а с ним; у него в кармане есть даже письмо от этой особы, которое должно быть очень важно для вас, судя потому, что я от него слышал.

– Но как же ты участвуешь в этой засаде?

– Он предложил мне помочь ему убить вас, и я согласился.

– А сколько она дала вам за это доброе дело?

– Сто луидоров.

– А, она ценит меня во что-нибудь, – сказал д'Артаньян шутя, – сто луидоров! Это хорошая сумма для подобных вам негодяев; и потому я понимаю, что ты согласился и прощаю тебя, только с одним условием.

– С каким? – спросил с беспокойством солдат, видя, что не все еще кончено.

– Ты принесешь мне письмо, которое в кармане у твоего товарища.

– Но это значит убить меня, только другим способом, – сказал разбойник; – как же я пойду за письмом под выстрелы из бастиона?

– Но ты должен решиться принести его, или клянусь, я сам убью тебя.

– Пощадите, сжальтесь! Умоляю вас именем той дамы, которую вы любите, и считаете, может быть, умершей; она жива! – сказал разбойник, становясь на колени и опираясь на руку; потому что он начинал слабеть от потери крови.

– А почему ты знаешь, что я люблю женщину и что я считал ее умершей? – спросил д'Артаньян.

– Из письма, которое в кармане у моего товарища.

– В таком случае видишь, что это письмо мне необходимо, – сказал д'Артаньян. – Итак, решайся скорее, иначе, как ни отвратительно для меня обогреть еще раз шпагу кровью такого негодяя, как ты, клянусь тебе честью...

При этих словах д'Артаньян сделал такое движение, что раненый тотчас встал.

– Подождите! – сказал он, собираясь с духом от страха. – Я пойду, я пойду...

Д'Артаньян взял ружье у солдата, пропустил его вперед и заставил идти к товарищу, понуждая его ударами в ноги острием шпаги.

Ужасно было видеть этого несчастного, оставлявшего на дороге кровавый след, бледного как смерть, старавшегося не быть замеченным с бастиона, дотащиться до тела сообщника своего, лежавшего в двадцати шагах от него. Страх так ясно выражался на его лице, покрытом холодным потом, что д'Артаньян сжалился над ним и с презрением сказал:

– Я покажу тебе, какая разница между храбрым и трусом; оставайся, я пойду сам.

И проворно, наблюдая за движениями неприятеля, пользуясь всеми способами к защите, какие представляла местность, д'Артаньян дошел до второго солдата.

Было два средства для достижения цели: или обыскать его на месте, или унести его, прикрываясь его телом и обыскать его в траншее.

Д'Артаньян предпочел второе средство и положил себе на плечи убийцу, в ту самую минуту, когда неприятель начал стрелять.

Легкое сотрясение, глухой звук трех пуль, попавших в тело, последний крик, предсмертная агония доказали д'Артаньяну, что тот, который хотел убить его, спас ему жизнь.

Д'Артаньян возвратился в траншею и бросил труп подле раненого, бледного как смерть солдата.

Он сейчас же начал осмотр: кожаный бумажник, кошелек, в котором, вероятно, была часть суммы, полученной разбойником, свисток и кости составляли наследство после умершего. Он выронил на землю свисток и кости, бросил кошелек раненому и с жадностью открыл бумажник.

Между несколькими незначительными бумагами он нашел следующее письмо: оно было то самое, за которым он ходил, рискуя жизнью:

«Так как вы потеряли след этой женщины, и она находится теперь в безопасности в монастыре, куда вы не должны бы были никак допустить ее, то постарайтесь, по крайней мере, не оставить живым этого человека; в противном случае вы знаете, что я отыщу вас, где бы ни были, и вы дорого заплатите за сто луидоров, полученные от меня».

Подписи не было. Несмотря на то, ясно было, что письмо это от миледи. Он спрятал его и, будучи в безопасности за углом траншеи, начал допрашивать раненого. Убийца признался, что он со своим товарищем взял на себя поручение похитить женщину, которая должна была выехать из Парижа через заставу Ла Вильет, но остановившись выпить вина в кабаке, они опоздали десятью минутами и пропустили карету.

– Но что же вы должны были сделать с этою женщиной? – печально спросил д'Артаньян.

– Мы должны были доставить ее в один дом на Королевской площади, – сказал раненый.

– Да, так, – сказал д'Артаньян, – к самой миледи.

Тогда он с ужасом понял, какая ужасная жажда мщения побуждала эту женщину погубить его и тех, кто его любит, и как хорошо ей были известны все придворные интриги. Без сомнения, она была обязана кардиналу этими сведениями.

Но, между прочим, он с радостью узнал, что королева, наконец, узнала, в какой тюрьме мадам Бонасьё искупала свою преданность к ней и освободила ее из этой тюрьмы.

Тогда он понял, что значило письмо, полученное им от мадам Бонасьё и проезд ее по дороге из Шальо, когда она явилась ему как призрак.

Теперь, как предсказывал Атос, была возможность отыскать ее... Монастырь не был местом неприступным.

Эта мысль расположила его к милосердию.

Он обратился к раненому, следившему с беспокойством за выражением лица его, и, протягивая ему руку, сказал:

– Пойдем: я не хочу покинуть тебя здесь в таком положении. Опирайся на меня, и возвратимся в лагерь.

– Да, – сказал раненый, с трудом веривший такому великодушию, – не для того ли, чтобы велеть повесить меня?

– Я дал тебе слово, – сказал он, – и вторично дарю тебе жизнь.

Раненый встал на колени и целовал ноги своего спасителя; но д'Артаньян, не имевший больше надобности оставаться так близко от неприятеля, прекратил изъявления его благодарности.

Гвардеец, возвратившийся в лагерь после первых выстрелов с бастиона, возвестил о смерти четырех товарищей своих. А потому в полку обрадовались и удивились, увидев д'Артаньяна целым и невредимым.

Д'Артаньян для объяснения раны товарища говорил, что против них сделали вылазку. Он рассказал о смерти другого солдата и об опасностях, которым они подвергались. Этот рассказ был для него настоящим торжеством.

Вся армия говорила об этой экспедиции в течение целого дня, и брат короля прислал к нему поздравление.

Притом как всякое доброе дело вознаграждается, то и прекрасный поступок д'Артаньяна имел последствием то, что к нему возвратилось потерянное спокойствие. Действительно, д'Артаньян думал, что может успокоиться, потому что из двух неприятелей один был убит, а другой сделался преданным ему.

Это спокойствие доказывало только то, что д'Артаньян не знал еще миледи.

ХII. Анжуйское вино

После слухов о безнадежном состоянии здоровья короля в лагере распространился слух о его выздоровлении, и так как ему хотелось поспешить к осаде Ла-Рошели, то говорили, что он отправится в дорогу, как только будет в состоянии сесть на лошадь.

Между тем герцог Орлеанский, ожидая с каждым днем, что начальство над войском вместо него примет герцог Ангулемский, Бассомпьер или Шомберг, оспаривавшие его друг у друга, почти ничего не делал, проводил время в приготовлениях и не смел рискнуть ни на какое решительное дело, чтобы выгнать англичан с острова Ре, где они продолжали осаждать крепость Св. Мартина и форт Ла-Пре, между тем как французы осаждали Ла-Рошель.

Д'Артаньян, как мы сказали, сделался спокойнее, как всегда бывает по миновании опасности; он беспокоился теперь только о том, что не получал известия от своих друзей.

Но однажды утром, в начале ноября, все объяснилось письмом из Виллеруа.

«Господин д'Артаньян!»

Гг. Атос, Портос и Арамис, проведя у меня весело вечер, наделали такого шума, что начальник замка, человек очень строгий, арестовал их на несколько дней.

Исполняя их приказание, посылаю вам дюжину бутылок моего анжуйского вина, которое им очень понравилось; они желают, чтобы вы пили за их здоровье их любимое вино.

Исполнив их желание, остаюсь с глубочайшим уважением.

Ваш покорнейший слуга

Годо, содержатель гостиницы гг. мушкетеров».

– Очень рад! – сказал д'Артаньян, – они думают обо мне во время своих увеселений, также как я думал о них в скуке; разумеется, я с удовольствием выпью за их здоровье, и не один.

И д'Артаньян побежал к двум гвардейцам, с которыми подружился больше чем с другими, и пригласил их выпить отличного анжуйского вина, привезенного из Виллеруа.

Один из гвардейцев был уже приглашен на тот самый вечер, а другой на другой день, и потому назначено было собраться на третий день.

Возвратившись домой, д'Артаньян отправил дюжину бутылок в гвардейский трактир, с приказанием хранить их тщательно; потом в день праздника обед был назначен в 12 часов, и д'Артаньян с девяти часов утра отправил Планше для приготовлений.

Планше, гордясь званием метрдотеля, старался показать себя человеком способным; он пригласил на помощь себе Фурро, слугу одного из гостей своего господина, и того солдата, который хотел убить д'Артаньяна; так как этот солдат не служил ни в каком полку и ложно принял на себя это звание на время, то он поступил в услужение к д'Артаньяну, или, лучше сказать, к Планше, с тех пор как д'Артаньян пощадил ему жизнь.

В назначенный час для обеда гости собрались, сели, и кушанья были поставлены на стол. Планше прислуживал, с салфеткой в руке, Фурро откупоривал бутылки, а Бриземон, так звали выздоравливавшего солдата, переливал в графины вино, которое дало осадок от тряски в дороге.

Первая бутылка вина была немного мутна на дне; Бриземон вылил в стакан гушу, и д'Артаньян позволил ему выпить остатки, потому что несчастный был еще очень слаб.

Окончив суп, гости хотели выпить по первому стакану вина, как вдруг из фортов Людовика и Нового раздались пушечные выстрелы; гвардейцы, думая, что сделано непредвиденное нападение со стороны осажденных или англичан, схватились за шпаги; д'Артаньян последовал их примеру, и все трое побежали на свои места.

Но выйдя из комнаты, они тотчас узнали причину тревоги; крики: «Да здравствует король! Да здравствует кардинал!» – раздавались со всех сторон, и во всем лагере били в барабаны.

Действительно, нетерпеливый король, не останавливаясь нигде, приехал со всем домом и с подкреплением, состоявшим из десяти тысяч войска; часть мушкетеров шла впереди его, другая за ним. Д'Артаньян, стоявший со своею ротой в строю по дороге, жестом приветствовал друзей своих, искавших его глазами, и де Тревиля, который сейчас же заметил его.

По окончании приемной церемонии друзья бросились в объятия друг друга.

– Право, – сказал д'Артаньян, – вы приехали как нельзя больше кстати, и обед не успел еще остыть, не правда ли? – прибавил он, обращаясь к гвардейцам, которых представил друзьям своим.

– А! Вы, кажется, пировали, – сказал Портос.

– Надеюсь, – сказал Арамис, – что за вашим обедом нет женщин.

– Есть ли в вашем местечке вино, которое можно бы было пить? – спросил Атос.

– Черт возьми! Разумеется, есть, ваше вино, любезный друг, – сказал д'Артаньян.

– Наше вино? – спросил удивленный Атос.

– Да, то, которое вы мне прислали.

– Мы прислали вам вино?

– Вы ведь знаете, вино с анжуйских гор.

– Я не понимаю, о каком вине вы говорите.

– О вине, которое вы любите больше всякого другого.

– Разумеется, когда нет ни шампанского, ни шамбертенского.

– Ну так, за неимением шампанского и шамбертенского, вы будете пить это вино.

– Так вы выписали анжуйского вина, какой же вы лакомка! – сказал Портос.

– Нет. Это вино, которое мне прислали от вашего имени.

– От нашего имени? – спросили мушкетеры.

– Это вы прислали вино, Арамис? – сказал Атос.

– Нет.

– Это вы, Портос?

– Нет.

– Это вы, Атос?

– Нет.

– Если не вы, так ваш содержатель гостиницы, – сказал д'Артаньян.

– Наш содержатель гостиницы?

– Ну да; Годо, содержатель гостиницы мушкетеров.

– Нет, не будем пить вина, неизвестно откуда присланного, – сказал Атос.

– Вы правы, Атос. – сказал д'Артаньян. – Никто из вас не приказывал Годо прислать мне вина?

– Нет, а между тем оно прислано вам от нашего имени.

– Вот письмо! – сказал д'Артаньян, подавая письмо товарищам.

– Это не его почерк, – сказал Атос. – Я его знаю; я перед отъездом сводил общий счет.

– Подложное письмо, – сказал Портос; – нас вовсе не арестовали.

– Д'Артаньян, – сказал Арамис с упреком, – как вы поверили, чтобы мы могли наделать шуму?..

Д'Артаньян побледнел, и судорожная дрожь потрясла его члены.

– Ты пугаешь меня, – сказал Атос, употреблявший с ним слово «ты» только в важных случаях. – Что с тобой?

– Поспешим, друзья, – сказал д'Артаньян. – Ужасное подозрение пришло мне на мысль! Неужели это опять мщение той женщины?

Атос тоже побледнел.

Д'Артаньян бросился в комнату; три мушкетера и два гвардейца пошли за ним.

Первый предмет, поразивший д'Артаньяна при входе в столовую, был Бриземон, катавшийся по полу в ужасных конвульсиях.

Планше и Фурро, бледные, как мертвецы, старались подать ему помощь; но видно было, что всякая помощь была бесполезна: все черты лица умирающего исказились в предсмертной агонии.

– Это ужасно, – сказал он, увидя д'Артаньяна. – Вы обещали простить меня, а сами отравили!

– Я? – сказал д'Артаньян, – что ты говоришь, несчастный!

– Я говорю, что вы дали мне вина и велели выпить его; что вы хотели отомстить мне; это ужасно!

– Не думай этого, Бриземон, – сказал д'Артаньян, – не думай этого, клянусь тебе.

– Бог видит все! Он накажет вас когда-нибудь так, как я страдаю!

– Клянусь Евангелием, – сказал д'Артаньян, бросаясь к умирающему, – что я не знал, что вино отравлено, и хотел сам пить его.

– Я вам не верю, – сказал солдат и умер в ужасных мучениях.

– Это ужасно! – говорил Атос, между тем как Портос разбивал бутылки, а Арамис приказывал сходить за священником, но приказание это дано было уже слишком поздно.

– Друзья мои! – сказал д'Артаньян, – вы спасли жизнь не только мне, но и этим господам.

– Господа! – продолжал он, обращаясь к гвардейцам, – я попрошу вас хранить в тайне это происшествие; в нем, может быть, участвовали важные особы, и ответственность за открытие этой тайны пала бы на нас.

– Удивительно, – сказал полуживой Планше, – каким чудом я ускользнул?

– Как, негодяй, – сказал д'Артаньян, – разве ты хотел пить мое вино?

– Да, я хотел выпить стакан за здоровье короля, если бы Фурро не сказал мне, что меня зовут.

– Представьте себе, – сказал Фурро, скрежеща от страха зубами, – хотел выслать его, чтобы выпить одному.

– Господа, – сказал д'Артаньян, обращаясь к гвардейцам, – понятно, что наш пир не может быть веселым после того, что случилось; потому извините меня и позвольте отложить его до другого дня.

Гвардейцы учтиво приняли извинение д'Артаньяна, и, понимая, что друзья хотели остаться одни, ушли.

Когда молодой гвардеец и три мушкетера остались без свидетелей, они посмотрели друг на друга с таким видом, который ясно доказывал, что каждый понимал всю затруднительность своего положения.

– Прежде всего, – сказал Атос, – выйдем из этой комнаты. Неприятно быть в обществе человека, умершего насильственной смертью.

– Планше, – сказал д'Артаньян, – поручаю тебе труп этого несчастного. Пусть похоронят его как следует. Правда, он сделал преступление, но уже раскаялся.

И наши друзья вышли из комнаты, предоставив Планше и Фурро отдать последний долг Бриземону.

Хозяин отвел им другую комнату, подал яиц всмятку и воды, за которой Атос сходил сам к ручью. В нескольких словах объяснили Портосу и Арамису, в чем дело.

– Вы видите, любезный друг, – сказал д'Артаньян Атосу, – что это война на смерть.

– Да, да, – сказал Атос. – Я вижу, вы думаете, что это она?

– Я уверен в этом.

– Признаюсь вам, я немножко сомневаюсь.

- А цветок лилии на плече?
- Это англичанка, сделавшая какое-нибудь преступление во Франции и вследствие этого заклеенная.
- Атос, я вам говорю, что это жена ваша, – сказал д’Артаньян. – Разве вы забыли, как схожи все приметы?
- А я думал, что та умерла; я ее так хорошо повесил.
- Что же нам делать? – спросил д’Артаньян.
- Дело в том, – сказал Атос, – что нужно выйти из этого положения – нельзя же оставаться в ожидании ежеминутной гибели.
- Но как?
- Послушайте! Постарайтесь увидеться с ней и объясниться. Скажите ей: мир или война! Даю честное слово никогда ничего не говорить и не делать против вас; а вы взамен этого дайте клятву оставить меня в покое. В противном случае я пойду к канцлеру и к королю, к палачу, восстановлю против вас двор, объявлю, что вы заклеены, предам вас суду, и если вас оправдают, даю вам слово, что я убью вас из-за угла как бешеную собаку.
- Это средство мне нравится, – сказал д’Артаньян, – но как увидеться с ней?
- Время, любезный друг, доставит случай; чем больше будете ждать, тем больше выиграете.
- Да, но ждать, будучи окруженным убийцами и отравителями...
- Бог хранил нас до сих пор; сохранит и вперед, – сказал Атос.
- Да, мы, мужчины, все можем перенести, притом мы привыкли уже рисковать жизнью, а она... – прибавил он вполголоса.
- Кто она? – спросил Атос.
- Констанция!
- Мадам Бонасьё! Да, это правда, – сказал Атос. – Бедный друг, я забыл, что вы влюблены.
- Но ведь вы знаете по письму, найденному вами в кармане умершего негодяя, что она в монастыре? – сказал Арамис.
- В монастыре живут спокойно, а по окончании осады Ла-Рошели я со своей стороны...
- Да, любезный Арамис, – сказал Атос, – мы знаем, что вы всегда желали поступить в духовное звание.
- Я мушкетер только на время, – сказал Арамис.
- Кажется, он давно не получал известий от своей любовницы, – тихо сказал Атос. – Но не обращайтесь на это внимания, мы это знаем.
- Мне кажется, что есть очень простое средство, – сказал Портос.
- Какое? – спросил д’Артаньян.
- Вы говорите, она в монастыре? – спросил Портос.
- Да.
- Как только осада кончится, мы похитим ее из монастыря.
- Но надо еще знать, в каком монастыре она находится.
- Правда! – сказал Портос.
- Но мне пришла мысль, – сказал д’Артаньян, – королева сама избрала для нее монастырь.
- Да. Я, по крайней мере, так думаю.
- В таком случае Портос поможет нам в этом.
- Каким образом?
- С помощью вашей маркизы, герцогини, княгини: она, вероятно, может все узнать.
- Нет, – сказал Портос, приложив палец к губам. – Она, кажется, из партии кардинала и, вероятно, ничего не знает.
- В таком случае я принимаю на себя труд узнать все, – сказал Арамис.

– Вы, Арамис! – сказали в один голос его друзья. – Вы? Как же это?

– Через духовника королевы, с которым я дружен... – сказал, краснея, Арамис.

Успокоенные этим обещанием, друзья его, окончив скромный обед, разошлись, уговорившись сойтись опять вечером. Д'Артаньян возвратился во францисканский монастырь, а мушкетеры пошли в главную квартиру короля, где назначено было для них помещение.

ХIII. Гостиница «Красная голубятня»

Король, так нетерпеливо желавший встречи с неприятелем и вместе разделявший ненависть кардинала к Бокингему, тотчас по приезде в лагерь хотел сделать распоряжение, чтобы прогнать прежде англичан с острова Ре, и потом ускорить осаду Ла-Рошели, но несогласия, возникшие у Бассомпьера и Шомберга с герцогом Ангулемским, замедлили исполнение его планов.

Бассомпьер и Шомберг были маршалами Франции и требовали принадлежавшего им права командовать армией под начальством короля, но кардинал, опасаясь, что Бассомпьер как гугенот в душе, будет слишком слабо действовать против англичан и ла-рошельцев, своих единоверцев, убедил короля назначить главнокомандующим герцога Ангулемского. Но, не желая, чтобы Бассомпьер и Шомберг уехали из армии, кардинал принужден был дать каждому из них под начальство отдельные отряды: Бассомпьер расположился по северную сторону города от Лале до Домпьера, герцог Ангулемский на востоке, от Домпьера до Периньи, и Шомберг на юге от Периньи до Ангутена.

Брат короля расположился в Домпьере.

Квартира короля была то в Этре, то в ла Жари.

Наконец квартира кардинала была на берегу моря, у моста ла Пьер, в простом доме, без всяких укреплений.

Таким образом, брат короля наблюдал за Бассомпьером, король за герцогом Ангулемским, а кардинал за Шомбергом.

Устроив все таким образом, французы принялись выгонять англичан с острова.

Обстоятельства были благоприятны: для того, чтоб храбро сражаться, прежде всего, необходима хорошая пища, а как у англичан ничего не было, кроме соленого мяса и дурных сухарей, то в их лагере было множество больных; к тому же море, всегда бурное в это время года около западных берегов, каждый день повреждало какой-нибудь корабль; морской берег от Эгильонского мыса до траншей был буквально покрыт обломками парусных кораблей и гребных судов, и потому надо было ожидать, что Бокингом, остававшийся на острове Ре только из упрямства, принужден будет в скором времени снять осаду, если бы даже королевские войска оставались в лагере.

Но когда де Туарак донес, что в неприятельском лагере делались приготовления к новому приступу, то король рассудил, что пора было покончить с этим, и отдал приказания к приступу.

Так как подробное описание осады не относится к нашей истории, то скажем в двух словах, что предприятие удалось к великому удивлению короля и к великой славе кардинала. Англичане, теснимые шаг за шагом, разбитые во всех стычках, принуждены были сесть на суда, оставив на поле сражения две тысячи человек, между которыми было пять полковников, три подполковника, двести пятьдесят капитанов и двадцать знатных дворян, четыре пушки и шестьдесят знамен, которые были перевезены в Париж Клавдием Сен-Симоном и с большим торжеством повешены под сводами Нотр-Дамской церкви.

Молебны служили в лагере, а потом и во всей Франции.

Итак, кардинал мог продолжать осаду, не опасаясь, по крайней мере, на время, англичан.

Но отдых был только временный. Из бумаг попавшегося в плен гонца герцога Бокингема, по имени Монтегю, узнали, что составился союз между империей, Испанией, Англией и Лотарингией.

Этот союз был заключен против Франции.

Притом в квартире Бокингема, которую он принужден был оставить скорее, чем предполагал, нашли бумаги, подтвердившие существование союза; бумаги эти, как уверяет кардинал в своих мемуарах, очень компрометировали г-жу де Шеврез, а следовательно, и королеву.

На кардинале лежала вся ответственность, потому что нельзя быть полновластным министром без ответственности; и потому он постоянно напрягал все способности обширного ума своего, прислушиваясь к малейшему шуму, возникавшему в каком-нибудь из великих королевств Европы.

Кардиналу известна была деятельность, а в особенности ненависть к нему Бокингема. Если бы угрожавший Франции союз восторжествовал, то все его влияние было потеряно; политики испанская и австрийская имели бы своих представителей в Луврском кабинете, где они пока имели только партизанов; тогда пал бы он, Ришелье, министр Франции, министр по преимуществу популярный. Король, слушавшийся его как ребенок, и ненавидевший его, как ребенок ненавидит своего учителя, предоставил бы его личной ненависти брата своего и королевы, и он бы погиб, а вместе с ним, может быть, погибла бы и Франция. Надо было предотвратить все это.

И потому курьеры, число которых увеличивалось непрерывно, толпились днем и ночью в маленьком домике близ моста ла Пьер, где кардинал основал свое местопребывание.

Туда являлись и монахи, так неискусно носившие рясу, что легко было заметить, что они принадлежали по преимуществу к воинствующей церкви, и женщины в костюмах пажей, широкие шаровары которых не могли совершенно скрыть пышных форм их, наконец, крестьяне с грязными руками, но с аристократическими ногами, по которым издали можно было узнать знатных людей.

Бывали и другие посетители, не столь приятные, потому что два или три раза носился слух, что кардинала чуть не убили.

Враги кардинала говорили, что он сам подсылал неловких убийц, чтобы в случае неудачи иметь право требовать удовлетворения, но нельзя верить в этом случае ни министрам, ни врагам их. Это впрочем, не мешало кардиналу, у которого самые злейшие клеветники никогда не оспаривали личной храбрости, выезжать часто ночью, то для передачи важных приказаний герцогу Ангулемскому, то для того, чтобы посоветоваться с королем, то для переговоров с каким-нибудь гонимым, которого он не желал допустить к себе.

Мушкетеры, имевшие немного занятий при осаде, содержались не строго и вели жизнь веселую. Это в особенности удобно было для наших трех товарищей, потому что, будучи в дружеских отношениях с де Тревилем, они без труда получали от него позволение опаздывать или оставаться где-нибудь вне лагеря после назначенного срока.

Однажды вечером, когда д'Артаньян был на часах в траншее и не мог сопровождать друзей своих, Атос, Портос и Арамис на своих боевых лошадях, завернувшись в форменные плащи и держа наготове пистолеты, возвращались в лагерь из трактира «Красная Голубятня», замеченного Атосом два дня тому назад на дороге из ла Жари. Они постоянно были на страже, опасаясь засады; за четверть мили от деревни Боанар они услышали топот копыт приближавшейся к ним кавалькады; тотчас все трое остановились на середине дороги, прижавшись друг к другу, и ждали. Через минуту, при свете луны, показавшейся в это время из-за облака, они увидели на повороте двух всадников, которые, заметя их, тоже остановились, и, казалось, советовались продолжать ли им путь или воротиться. Эта нерешительность показалась друзьям нашим подозрительною, и Атос, сделав несколько шагов вперед, закричал громко:

– Кто идет?

– Кто идет? – отвечал один из всадников.

– Это не ответ, – сказал Атос. – Кто идет? Отвечайте, или мы будем стрелять:

– Берегитесь, господа, – отвечали ему дрожащим голосом, казалось, привыкшим повелевать.

– Это какой-нибудь из старших офицеров объезжает лагерь, – сказал Атос; – что нам делать, господа?

– Кто вы такие? – сказал тот же повелительный голос; – отвечайте, иначе вы будете наказаны за непослушание.

– Королевские мушкетеры, – отвечал Атос, – все больше и больше убеждаясь, что допрашивавший имел на то право.

– Какой роты?

– Роты де Тревиля.

– Подъезжайте сюда и отвечайте, что вы здесь делаете в такое позднее время?

Три товарища подъехали почтительно, потому что все трое были убеждены, что имели дело с начальником, и предоставили Атосу отвечать за всех.

Один из двух всадников, приказавший мушкетерам подъехать ближе, был на десять шагов впереди своего товарища; Атос сделал знак Портосу и Арамису остаться позади и выехал вперед один.

– Извините, господин офицер, – сказал Атос, – мы не знали, с кем имеем дело; вы видите, что мы объезжаем лагерь.

– Как вас зовут? – сказал офицер, закрывая плащом часть лица.

– Прошу вас доказать, что вы имеете право допрашивать меня, – сказал Атос, начинавший возмущаться против таких настойчивых вопросов.

– Как вас зовут? – повторил офицер, опустив плащ и открыв лицо.

– Кардинал! – сказал изумленный мушкетер.

– Как вас зовут? – повторил кардинал в третий раз.

– Атос, – отвечал мушкетер.

Кардинал сделал конюху знак, чтобы подъехал к нему.

– Эти три мушкетера поедут за нами, – сказал он тихо. – Я не хочу, чтобы знали, что я выезжал из лагеря, а если они поедут за нами, то мы будем уверены, что они об этом никому не скажут.

– Мы дворяне, – сказал Атос, – возьмите с нас слово и не беспокойтесь. Слава Богу, мы умеем хранить тайну.

Кардинал устремил свой пронизательный взгляд на смелого мушкетера.

– У вас тонкий слух, господин Атос, – сказал кардинал, – но слушайте; я прошу вас следовать за мной не из недоверчивости к вам, но для моей безопасности. Вероятно, с вами товарищи ваши Портос и Арамис?

– Да, – отвечал Атос, между тем как оставшиеся позади два мушкетера подъезжали со шляпами в руках.

– Я знаю вас, господа, – сказал кардинал, – знаю, что вы не из числа друзей моих и очень жалею об этом; но я знаю, что вы храбрые и честные дворяне и что вам можно довериться. Господин Атос, сделайте же мне честь, поезжайте за мною с обоими друзьями вашими, у меня будет такой конвой, которому позавидует его величество, если мы его встретим.

Мушкетеры поклонились до гривы лошадей своих.

– Клянусь честью, – сказал Атос, – ваша эминенция хорошо делаете, что берете нас с собою; мы встречали по дороге подозрительных людей и даже имели ссору с четверьмя из них в гостинице «Красная Голубятня».

– Ссору? За что, господа? – сказал кардинал. – Вы знаете, я не люблю ссор.

– Именно поэтому-то я и предупреждаю вашу эминенцию о том, что случилось; потому что вы могли бы услышать об этом от других и по ложному донесению могли бы считать нас виновными.

– Какие же были последствия этой ссоры? – спросил кардинал, нахмутив брови.

– Друг мой Арамис ранен шпагой в руку, что, впрочем, не мешает ему быть завтра на штурме, если вам угодно будет приказать.

– Но вы не такие люди, чтобы позволили ранить себя безнаказанно; будьте же откровенны, господа; вероятно, вы отплатили за один удар несколькими. Признавайтесь, вы знаете, что я имею право прощать грехи.

– Я, – сказал Атос, – даже не брался за шпагу; но взял того, с кем имел дело, поперек тела и выбросил за окно. Кажется, при падении он сломал себе ногу, – продолжал нерешительно Атос.

– А вы, господин Портос? – спросил кардинал.

– Зная, что дуэли запрещены, я схватил скамью, ударил ею одного из разбойников и, кажется, сломал ему плечо.

– Хорошо, – сказал кардинал. – А вы, господин Арамис?

– Так как я очень кроткого характера и притом может быть вам это известно, что я готовлюсь поступить в монахи, то я хотел развести ссорившихся товарищей моих; но когда один из негодяев изменнически ранил меня шпагой в левую руку, тогда я вышел из терпения, обнажил шпагу и когда он снова начал наступать на меня, то бросившись на меня он, кажется, проколол себя моею шпагой: я знаю только, что он упал, и что его унесли вместе с двумя товарищами его.

– Однако же, господа, – сказал кардинал, – трое раненых из трактирной ссоры: а из-за чего вышла ссора?

– Эти негодяи были пьяны, – сказал Арамис, – и, зная, что вечером в трактир приехала женщина, они ломились к ней в дверь.

– Ломились в дверь! – сказал кардинал, – зачем?

– Без сомнения, чтобы сделать ей насилие, – сказал Атос. – Я уже имел честь сказать вам, что эти негодяи были пьяны.

– А женщина молода и хороша? – спросил с некоторым беспокойством кардинал.

– Мы не видали ее, – сказал Атос.

– Вы не видали ее. А, хорошо! – сказал с живостью кардинал. – Вы хорошо поступили, защитив честь женщины, которой не видали, и так как я еду теперь в гостиницу «Красная Голубятня», то я узнаю, правду ли вы говорите.

– Мы дворяне, – сказал гордо Атос, – и не солгали бы даже для спасения собственной жизни.

– Я и не сомневаюсь в том, что вы говорите, господин Атос, я несколько в этом не сомневаюсь. Но, – прибавил он, чтобы переменить разговор, – эта женщина была одна?

– Эта дама была с мужчиной, который сидел в комнате, запершись, – сказал Атос; – но должно быть он трус, потому что, несмотря на шум, он не вышел.

– Не осуждайте, говорит Евангелие, – заметил кардинал.

Атос поклонился.

– Хорошо, господа, – продолжал кардинал, – теперь я знаю то, что мне было нужно. Поезжайте за мной.

Мушкетеры поехали за кардиналом, который опять закрыл лицо плащом, и поскакал в восьми или десяти шагах впереди своих спутников.

Скоро они приехали к гостинице, там не было слышно никакого шума; хозяин, вероятно, ожидая знатного гостя, выслал своих буянов.

За десять шагов до ворот кардинал сделал знак конюху и мушкетерам, чтобы они остановились; оседланная лошадь была привязана к ставне окна; кардинал постучался три раза в дверь.

Человек, закутанный в плащ, тотчас вышел и обменялся быстро несколькими словами с кардиналом; после чего сел на лошадь и поехал по дороге к Парижу.

– Подойдите ко мне, господа, – сказал кардинал.

– Вы сказали правду, господа дворяне, – сказал он, обращаясь к мушкетерам: – и не я буду виноват, если сегодняшняя встреча наша не принесет вам пользы. Идите за мной.

Кардинал сошел с лошади, мушкетеры тоже; кардинал бросил поводья конюху, а мушкетеры привязали своих лошадей к ставням.

Хозяин стоял на пороге; для него кардинал был простым офицером, приехавшим навесить даму.

– Есть ли у вас на нижнем этаже комната с хорошим камином, где эти господа могли бы подождать меня? – спросил кардинал.

Хозяин отворил дверь большой залы, в которой недавно худую печь заменили большим и прекрасным камином.

– Есть. Вот эта, – сказал он.

– Хорошо, – сказал кардинал. – Войдите, господа, и дождитесь меня; я приду не больше как через полчаса.

И между тем как три мушкетера вошли в комнату нижнего этажа, кардинал без дальнейших расспросов, как человек, хорошо знавший дорогу, поднялся по лестнице.

XIV. О пользе печных труб

Без сомнения, трое друзей наших, ничего не подозревая, движимые единственно рыцарским характером своим, оказали услугу особе, которую кардинал удостаивал особенного покровительства.

Но кто же это был? Этот вопрос задали себе тотчас же мушкетеры; но видя, что догадки их ничего им не объяснят, Портос позвал хозяина и велел подать кости.

Портос и Арамис сели к столу и начали играть. Атос в задумчивости ходил по комнате.

Прохаживаясь и размышляя, Атос проходил мимо полусломанной печки, труба которой проходила в комнату верхнего этажа; и каждый раз, когда он проходил мимо ее, он слышал отрывистые звуки слов, которые, наконец, привлекли его внимание. Атос подошел ближе и расслышал несколько слов, которые, вероятно, очень заинтересовали его, так что он сделал знак остальным товарищам своим, чтобы они замолчали, и приложил ухо к нижнему отверстию трубы.

– Послушайте, миледи, – говорил кардинал, – это важное дело, сядем и поговорим о нем.

– Миледи! – прошептал Атос.

– Слушаю с величайшим вниманием, – отвечал женский голос, заставивший Атоса вздрогнуть.

– Маленькое английское судно, капитан которого мне предан, ожидает вас при устье Шаранты, у Форта де Ла-Поэнт; оно отправится завтра утром.

– В таком случае мне нужно ехать туда сегодня ночью.

– Сейчас же, т. е. как только вы получите мои приказания.

Двое людей, которых вы найдете у ворот, будут служить вам конвоем. Я выйду первый, а через полчаса выйдете и вы.

– Хорошо. Теперь перейдем к поручению, которое вы намерены возложить на меня; и так как я желаю оправдать вашу доверенность, то потрудитесь изложить мне дело ясно и подробно, чтобы я не могла ошибиться.

После этих слов наступило минутное молчание. Кардинал, вероятно, обдумывал выражения, а миледи напрягала все свои способности, чтобы понять и удержать слова его в памяти.

Атос воспользовался этою минутой, чтобы сделать знак своим товарищам запереть дверь изнутри и подойти слушать вместе с ним.

Мушкетеры, любившие комфорт, принесли стулья для себя и для Атоса. Все трое сели, наклонили головы и начали прислушиваться.

– Вы поедете в Лондон, – продолжал кардинал, – увидите там с Бокингом.

– Позвольте заметить вашей эминенции, – сказала миледи, – что после происшествия с бриллиантовыми наконечниками, в котором герцог подозревает меня, он мне не доверяет.

– Но на этот раз, – сказал кардинал, – вы и не нуждаетесь в его доверии; вы явитесь к нему просто для переговоров.

– Просто, – повторила миледи с выражением лукавства.

– Да, просто, – повторил кардинал тем же голосом. – Эти переговоры должны быть ведены открыто.

– Я буквально последую вашим наставлениям и ожидаю их.

– Вы явитесь к Бокингу от моего имени и скажете ему, что мне известны все его приготовления, но что я о них вовсе не беспокоюсь, потому что при первом его движении я погублю королеву.

– Поверит ли он, что вы в состоянии привести в исполнение эти угрозы?

– Да, у меня есть тому доказательства.

– Могу ли я представить ему эти доказательства?

– Без сомнения. Вы скажете ему, что я опубликую донесение Боа-Робера и маркиза де Ботрю о свидании герцога с королевой у жены коннетабля вечером во время маскарада. Чтобы он в этом не сомневался, вы скажете ему, что он был там в костюме Великого Могола, который хотел надеть де Гиз, но герцог купил у него этот костюм за три тысячи пистолей.

– Хорошо.

– Я знаю все подробности о том, как он был ночью во дворце в костюме итальянского предсказателя. Чтобы он не сомневался в верности моих сведений, вы скажете ему, что у него под плащом было белое платье, усеянное черными блестками, мертвыми головами и костями, потому что в случае, если бы его узнали, он должен был превратиться в белую даму, которая, как всем известно, всегда является привидением в Лувре перед каким-нибудь важным событием.

– Все?

– Скажите ему еще, что мне известны все подробности приключения в Амьене, что я велю составить из него маленький интересный роман, с планом сада и портретами главных действующих лиц этой ночной сцены.

– Я скажу ему это.

– Скажите ему еще, что Монтегю в моей власти, что он в Бастилии, что хотя при нем не нашли никакого письма, но что пытка может заставить его сказать все, что он знает и даже... то, чего он не знает.

– Прекрасно.

– Наконец прибавьте, что при отъезде с острова Ре герцог в поспешности забыл в своей квартире известное ему письмо г-жи де Шеврёз, которое очень компрометирует королеву, доказывая, что она не только может любить врагов короля, но даже находится в заговоре с врагами Франции. Запомните ли вы хорошо все, что я вам сказал?

– Скажите, все ли я помню: бал у жены коннетабля; ночь в Лувре; вечер в Амьене; арест Монтегю; письмо госпожи де-Шеврёз.

– Так, так, – сказал кардинал, – у вас прекрасная память, миледи.

– Но, – отвечала она на этот лестный комплимент, – если, несмотря на все эти доводы, герцог не сдастся, и будет по-прежнему угрожать Франции?

– Герцог влюблен до безумия, – сказал язвительно Ришелье. – Он, как древний паладин, начал эту войну только для того, чтобы заслужить ласковый взгляд своей возлюбленной. Если он узнает, что эта война стоит чести, а может быть, и свободы даме его мыслей, как он выражается, ручаюсь вам, что он не оставит этого без внимания.

– А если он все-таки, – сказала миледи с настойчивостью, – будет упорствовать?

– Если он будет упорствовать, – сказал кардинал. – Это невероятно.

– Это возможно, – сказала миледи.

– Если он будет упорствовать!.. Я буду надеяться на одно из тех событий, которые изменят государственный порядок.

– Если бы вы указали мне в истории на какое-нибудь подобное событие, – сказала миледи, – может быть, я разделяла бы вашу уверенность в будущем.

– Вот вам пример, – сказал Ришелье. – Когда в 1610 году блаженной памяти король Генрих IV, побуждаемый почти такими же причинами, как теперь герцог, напал вдруг на Фландрию и Италию, чтобы поразить Австрию с двух сторон, не случилось ли происшествие, которое спасло Австрию? Отчего бы королю Франции не быть также счастливым как был император?

– Вы говорите об ударе ножа на улице Железного ряда?

– Именно, – сказал кардинал.

– Но вы не бойтесь, что казнь Равальяка напугает тех, кому пришла бы в голову мысль подражать ему?

– Во все времена и во всех странах, и особенно в тех, где есть религиозные раздоры, найдутся фанатики, готовые сделаться мучениками. Именно теперь пуритане озлоблены против герцога Бокингема и проповедники их называют его антихристом.

– Так что же? – спросила миледи.

– То, – отвечал равнодушно кардинал, – что нужно бы только найти, например, женщину красивую, молодую и ловкую, которая искала бы случая отомстить герцогу за себя. Подобную женщину можно найти: герцог человек светский; и хотя он во многих возбуждал любовь клятвами в вечном постоянстве, но он нажил много врагов своими вечными изменами.

– Без сомнения, – сказала хладнокровно миледи, – подобную женщину можно найти.

– Подобная женщина, вложив в руки какого-нибудь фанатика нож Жака Клементы или Равальяка, спасла бы Францию.

– Да, но она была бы сообщницей убийства.

– А разве кто-нибудь знает союзников Равальяка или Жака Клементы?

– Нет; но может быть это потому, что они стали так высоко, что никто не осмелился подозревать их; не для всякого сожгли бы палату юстиции.

– А вы думаете, что пожар в палате юстиции произошел не случайно? – спросил Ришелье равнодушно.

– Я ничего не думаю, отвечала миледи. – Я привожу только факт. Я говорю только, что если б я была г-жа де Монпансье или королева Мария Медичи, то не принимала бы столько предосторожностей, как теперь, называясь просто леди Клерик.

– Это справедливо, – сказал Ришелье. – Чего же вы желали бы?

– Я желала бы, чтобы вы вперед одобрили все, что я сочту полезным для блага Франции.

– Но прежде надо отыскать женщину, которая искала бы отомстить герцогу.

– Она найдется, – сказала миледи.

– Потом нужно найти фанатика, который бы послужил орудием правосудия Божия.

– Он найдется.

– Тогда можно будет получить одобрение, о котором вы сейчас говорили.

– Вы правы, – сказала миледи, – и я была виновата, когда полагала, что поручение, которым вы меня удостаиваете, не ограничивается тем, что вы мне сказали прежде, то есть объявить герцогу от вашего имени, что вам известны разные передевания, посредством которых он достиг сближения с королевой, на балу у жены коннетабля; что вы имеете доказательства свидания в Лувре королевы с итальянским предсказателем, который был не кто иной, как герцог Бокингем; что вы приказали написать маленький интересный роман из приключения в Амьене, с планом сада, где оно происходило и портретами действующих лиц; что Монтегю в Бастилии; что пытка может принудить его сказать все, что он помнит и даже то, что он забыл; наконец, что у вас есть письмо госпожи де Шеврёз, найденное в квартире герцога, очень компрометирующее не только ту, которая писала его, но и ту, от чьего имени оно писано. Потом, если, несмотря на все это, он будет упорствовать, то, как мое поручение этим ограничивается, мне остается только молить Бога сделать какое-нибудь чудо для спасения Франции. Это все так, не правда ли? И тогда мне больше ничего не остается делать?

– Это так, – сухо сказал кардинал.

– Теперь, – сказала миледи, как будто не замечая перемены тона кардинала, – так как я уже получила все сведения, касающиеся до ваших врагов, позвольте мне сказать два слова о моих врагах.

– Разве у вас есть враги? – спросил Ришелье.

– Да, враги, против которых вы должны служить мне защитой, потому что я приобрела их на службе вашей.

– Кто же они? – спросил герцог.

– Во-первых, маленькая интриганка Бонасье.

- Она в Минтской тюрьме.
- То есть, она была там, – сказала миледи, – но королева выпросила у короля приказ, по которому ее перевели в монастырь.
- В монастырь? – спросил герцог.
- Да, в монастырь.
- В какой?
- Я не знаю, это скрывают.
- Я узнаю!
- И вы скажете мне, в каком монастыре эта женщина?
- Почему же не сказать? – отвечал кардинал.
- Хорошо; но у меня есть еще враг, гораздо опаснее маленькой Бонасьё.
- Кто?
- Ее любовник.
- Как его зовут?
- О! Вы его знаете, – сказала миледи с гневом. – Это наш злой дух; это тот, который в схватке с вашими гвардейцами доставил победу королевским мушкетерам; тот, который нанес три удара шпагой де Варду, вашему лазутчику, и который был причиной неудачи дела с наконецниками; наконец, это тот, который, узнав, что я похитила у него госпожу Бонасьё, поклялся убить меня.
- А! – сказал кардинал. – Я знаю, о ком вы говорите.
- Я говорю о ненавистном д'Артаньяне.
- Он храбрый служака, – сказал кардинал.
- Потому-то он и опасен, что храбр.
- Нельзя ли достать, – сказал герцог, – доказательства сношений его с Бокингом?
- Я вам представлю их десять.
- В таком случае это очень просто, представьте мне доказательства, и я посажу его в Бастилию.
- Хорошо, а потом?
- Кто попадет в Бастилию, для того потом не существует, – сказал глухим голосом кардинал. – Ах! – продолжал он, – если бы мне также легко было избавиться от своего врага, как избавить вас от ваших, и если б вы просили меня о милости для подобных людей!..
- Поменяемся, герцог: жизнь за жизнь, человека за человека; отдайте мне этого, я отдам вам другого, – сказала миледи.
- Я не знаю, что вы под этим подразумеваете, – сказал кардинал, – да и не хочу этого знать; но желаю угодить вам и не вижу никакого препятствия исполнить вашу просьбу в отношении этого слабого существа; тем больше, что д'Артаньян, по словам вашим, безбожник, дуэлист, изменник.
- Бесчестный!
- Дайте же мне бумаги, перо и чернил, – сказал кардинал.
- Извольте.
- Наступила минута молчания, доказывавшая, что кардинал обдумывал выражения письма или уже писал его; Атос, не проронивший ни слова из разговора их, взял обоих товарищей за руки и отвел их на другой конец комнаты.
- Что тебе нужно и отчего ты не даешь нам дослушать конца разговора? – спросил Портос.
- Тише, – сказал вполголоса Атос. – Мы слышали все, что нам нужно; впрочем, я не мешаю вам слушать, но я должен уйти.
- Ты уходишь! – сказал Портос, – но если кардинал спросит тебя, что нам отвечать ему?

– Не дожидайтесь, пока он спросит меня; скажите ему сами, что я поехал вперед, потому что некоторые рассказы хозяина заставляют меня подозревать, что дорога небезопасна. Впрочем, я скажу два слова конюху кардинала. Остальное касается только меня, не беспокойся обо мне.

– Будьте осторожны, Атос! – сказал Арамис.

– Не беспокойтесь, – отвечал Атос. – Вы знаете, что я хладнокровен.

Портос и Арамис подошли снова к печной трубе.

Атос вышел, не скрываясь, отвязал свою лошадь, стоявшую у ставней, вместе с лошадьми его товарищей, несколькими словами убедил конюха в необходимости осмотреть дорогу для возвращения, осмотрел кремь пистолета, взял шпагу в руку и поехал по дороге в лагерь.

XV. Супружеская сцена

Как предвидел Атос, кардинал вскоре спустился с лестницы, отворил дверь в комнату, где были мушкетеры, и нашел Портоса и Арамиса за игрою в кости. Быстро осмотрел он все углы комнаты и заметил, что одного не доставало.

– Где же господин Атос? – спросил он.

– Он поехал вперед, – сказал Портос, – из некоторых слов хозяина он заключил, что дорога небезопасна.

– А вы что сделали, г-н Портос?

– Я выиграл у Арамиса пять пистолей.

– Теперь можете ли вы ехать со мной?

– Мы готовы повиноваться вашим приказаниям.

– Поедемте же, господа, уже поздно.

Конюх стоял у ворот и держал за повод лошадь кардинала. Немного дальше в тени видны были два человека и три лошади.

Это были те люди, которые должны были проводить миледи до форта ла Поент и заботиться о ее отплытии.

Конюх подтвердил кардиналу то, что сказали ему мушкетеры об Атосе. Кардинал сделал одобрителный знак и отправился в путь с теми же предосторожностями, как и прежде.

Оставим его на пути к лагерю с конюхом и двумя мушкетерами и возвратимся к Атосу.

Он проехал около ста шагов ровным шагом; но когда уехал из виду, то повернул направо, объехал кругом и спрятался в чаще леса, в двадцати шагах от трактира, выжидая проезда кардинала. Потом, увидев вышитые шляпы своих товарищей и золотую бахрому плаща кардинала, он дождался, пока они повернули за угол, и, потеряв их из виду, возвратился в гостиницу, куда его впустили без затруднения.

Хозяин узнал его.

– Офицер мой забыл передать важное поручение даме, которая на первом этаже, и прислал меня сообщить ей, что нужно, – сказал Атос.

– Войдите, – сказал хозяин, – она еще там, в комнате.

Атос воспользовался позволением, быстро поднялся по лестнице и в полуотворенную дверь увидел миледи, надевавшую шляпку.

Он вошел в комнату и запер за собою дверь.

Услышав скрип двери, миледи обернулась.

Атос стоял у дверей, закутавшись в плащ и надвинув шляпу на глаза.

При виде этой безмолвной и неподвижной, как статуя, фигуры миледи испугалась.

– Кто вы и что вам нужно? – спросила она.

– Да, это она, – прошептал Атос.

Сбросил плащ и, подняв шляпу, он подошел к миледи.

– Узнаете ли вы меня, сударыня? – сказал он.

Миледи сделала шаг вперед, потом отступила назад, как будто увидела змею.

– А! Я вижу, что вы меня узнали.

– Граф де Ла Фер! – сказала миледи, бледнея и отступая вплоть до стены.

– Да, миледи, – отвечал Атос, – граф де Ла Фер, который нарочно пришел с того света, чтоб иметь удовольствие видеть вас. Сядем же и поговорим, как говорит господин кардинал.

Миледи, объятая невыразимым ужасом, села, не говоря ни слова.

– Вы демон, посланный на землю! – сказал Атос. – Я знаю, что власть ваша велика, но вы знаете также, что с помощью Божией люди часто побеждали самых ужасных демонов. Мы

с вами уже встречались прежде. Я думал, что уничтожил вас, сударыня, но или я ошибся, или ад воскресил вас.

При этих словах, пробудивших в миледи самые ужасные воспоминания, она опустила голову с глухим воплем.

– Да, ад воскресил вас, – продолжал Атос, – ад обогатил вас, дал вам другое имя, ад дал вам почти другое лицо; но он не смыл ни грязи с души вашей, ни клейма с тела.

Миледи вскочила со стула; глаза ее сверкали.

Атос сидел спокойно.

– Вы считали меня умершим, не правда ли? Также как и я считал вас мертвой. И имя Атоса скрыло графа де Ла Фера, как имя миледи Клерик скрыло Анну де Брейль. Кажется, так звали вас, когда почтенный братец ваш женил нас? Наше положение действительно странное, – продолжал, смеясь Атос, – мы оба жили до сих пор только потому, что считали друг друга умершими, и что воспоминание не столько тяготит, как живое существо, хотя иногда и воспоминания бывают мучительны.

– Но что же привело вас ко мне и чего вы от меня хотите? – спросила миледи глухим голосом.

– Я хочу сказать вам, что оставаясь невидимым для вас, я не терял вас из виду.

– Вы знаете, что я делала?

– Я могу рассказать вам, что вы делали каждый день, с тех пор, как вы поступили на службу к кардиналу до сегодняшнего вечера.

Улыбка недоверчивости проскользнула по бледным губам миледи.

– Послушайте: это вы отрезали два бриллиантовых наконечника у герцога Бокингема; вы похитили г-жу Бонасьё; вы, будучи влюблены в де Варда и, полагая провести с ним ночь, впустили к себе д'Артаньяна; вы, думая, что де Вард обманул вас, хотели убить его рукой его соперника; когда же этот соперник открыл вашу подлую тайну, вы хотели тогда убить его, и для этого подослали двух убийц; вы, узнав, что выстрелы были неудачны, послали отравленного вина с подложным письмом, чтобы уверить вашу жертву, что вино прислано ему от друзей его; наконец вы, в этой самой комнате, на этом стуле, где я сижу, дали кардиналу Ришелье обязательство убить Бокингема, взяв с него за это обещание позволить убить д'Артаньяна.

Миледи была как смерть.

– Не сатана ли вы? – спросила она.

– Может быть, – сказал Атос, – но, во всяком случае, выслушайте меня: убейте или велите убить герцога Бокингема, это для меня все равно; я его не знаю; притом же он англичанин; но не троньте ни одного волоса на голове д'Артаньяна; он верный друг мой, я люблю его и защищаю, и клянусь вам головой отца моего, что это преступление ваше будет последним.

– Д'Артаньян жестоко оскорбил меня, – сказала глухим голосом миледи. – Д'Артаньян должен умереть!

– В самом деле? Разве можно вас оскорбить? – сказал, смеясь, Атос. – Он оскорбил вас и должен умереть?

– Он умрет, – повторила миледи. – Прежде она, потом он.

Атос был вне себя от негодования. Вид этого существа, вовсе непохожего на женщину, возбудил в нем ужасные воспоминания. Он подумал, как однажды, будучи в менее опасном положении, чем теперь, он хотел пожертвовать ею для сохранения своей чести; жгучее и мучительное желание убить ее снова овладело им; он встал, вынул из-за пояса пистолет и зарядил его.

Миледи, бледная как смерть, хотела кричать, но оледеневший язык ее мог издать только глухой звук, похожий больше на вой зверя, чем на человеческий голос; прижавшись к темным обоям, с распущенными волосами, она казалась страшным изображением ужаса.

Атос медленно поднял пистолет, вытянул руку, так что пистолет почти касался лба миледи, и сказал спокойным голосом, выразившим самую непоколебимую решимость:

– Вы сейчас же отдадите мне бумагу, которую подписал кардинал, иначе, клянусь вам, я убью вас.

Миледи могла бы еще не поверить другому, но она знала Атоса; несмотря на то, она осталась неподвижной.

– Даю вам одну секунду на размышление, – сказал он.

Миледи видела по выражению лица его, что он готов выстрелить; она быстро поднесла руку к груди, достала из-за пазухи бумагу и подала ее Атосу.

– Возьмите и будьте прокляты! – сказала она.

Атос взял бумагу, засунул пистолет за пояс, подошел к лампе, чтоб увериться, что это та самая бумага, которую он требовал, развернул ее и прочел:

«Все, что сделает предьявитель этой бумаги, сделано по моему приказанию и для блага государства.

3 декабря 1627 года

Ришелье».

– Теперь, – сказал Атос, – надевая плащ и шляпу, – когда я вырвал тебе зубы, змея, кусай, если можешь.

И он вышел из комнаты, не оглянувшись.

У ворот он увидел двух людей и лошадь, которую они держали.

– Вы знаете, господа, кардинал приказать отвезти эту женщину, не теряя времени, к порту Ла-Поент и не оставлять ее, пока она ни взойдет на корабль.

Так как эти слова действительно согласны были с полученным ими приказанием, то они почтительно поклонились. Атос вскочил на лошадь и поскакал в галоп, но вместо того чтоб ехать по дороге, он поехал через поле, сильно погоняя лошадь и по временам останавливаясь и прислушиваясь.

Во время одной из этих остановок он услышал на дороге топот нескольких лошадей. Он не сомневался, что это кардинал со своим конвоем и тотчас выехал на дорогу в двухстах шагах от лагеря.

– Кто идет? – закричал он издали, когда увидел всадников.

– Это, кажется, наш храбрый мушкетер, – сказал кардинал.

– Да, это он, – отвечал Портос.

– Господин Атос, – сказал Ришелье; – благодарю вас за ваши услуги. Господа, мы приехали. Поезжайте налево; пароль: «Король и Ре».

Сказав это, кардинал поклонился трем друзьям и поехал с конюхом направо; он провел эту ночь в лагере.

Когда кардинал отъехал, Портос и Арамис сказали:

– А ведь он подписал бумагу, о которой она просила!

– Знаю, потому что она у меня, – сказал Атос.

И трое друзей не сказали больше ни слова до самой квартиры, кроме пароля на оклики часовых.

Мушкетона послали передать Планше, что просят его господина после смены с караула прийти немедленно на квартиру мушкетеров. С другой стороны, как предвидел Атос, миледи, найдя у ворот людей, ожидавших ее, без возражений последовала за ними. Она хотела было сначала возвратиться к кардиналу и все рассказать ему, но Атос, со своей стороны, также мог бы рассказать многое; она сказала бы, что Атос повесил ее; но Атос сказал бы, что она заклеена; и потому она рассудила, что лучше пока умолчать, ехать, куда приказано и со свойствен-

ным ей искусством исполнить возложенное на нее грудное поручение, а потом, исполнив все к удовольствию кардинала, просить его удовлетворить ее мщению.

Пробыв в дороге всю ночь, к семи часам утра она была у форта ла Поент, в восемь часов села на корабль, а в девять часов корабль, о котором было объявлено, что он едет в Байону, снялся с якоря и отправился в Англию.

XVI. Бастион Сен-Жерве

Д'Артаньян, придя к друзьям своим, застал их всех троих вместе. Атос размышлял, Портос закручивал усы, а Арамис читал прекрасный маленький молитвенник в голубом бархатном переплете.

– Я надеюсь, господа, – сказал он, – что вы имеете сообщить что-нибудь очень важное, иначе предупреждаю, что не прощу вас за то, что вы заставили меня прийти, не дав мне отдохнуть после ночи, проведенной за взятием и срытием бастиона. Ах, как жаль, что вас там не было, господа! Дело было жаркое!

– Мы были в другом месте, где также было не холодно! – отвечал Портос, крутя усы.

– Тише, – сказал Атос.

– О! – сказал д'Артаньян, заметив, что Атос слегка нахмурил брови, – да у вас, кажется, есть новости.

– Арамис, – сказал Атос, – вы, кажется, завтракали третьего дня в гостинице «Парпальо».

– Да.

– Каково там?

– Что касается до меня, то я ел очень худо; третьего дня был постный день, и там ничего не было кроме скоромного.

– Как! – сказал Атос, – в приморском городе в гостинице нет рыбы.

– Они говорят, – отвечал Арамис, принимаясь снова за чтение молитв, – что плотина, которую строит кардинал, выгоняет рыбу в море.

– Да я не об этом спрашивал вас, Арамис, – сказал Атос; – я спрашивал вас, свободно ли вам там было, и не беспокоил ли кто вас!

– Кажется, докучливых посетителей не было. Да, действительно, Атос, в этом отношении нам будет недурно в «Парпальо».

– Пойдемте же в «Парпальо», – сказал Атос, – потому что здесь стены тонки как писчая бумага.

Д'Артаньян, привыкший к манерам своего друга и угадывавший тотчас по одному слову, жесту или знаку его, что он хотел сообщить что-нибудь важное, взял Атоса под руку и вышел с ним, не говоря ни слова. Портос следовал за ними, разговаривая с Арамисом.

Дорогой встретили Гримо; Атос сделал ему знак, чтоб он шел за ними; Гримо, по обыкновению, повиновался молча; он, несчастный, наконец, почти разучился говорить.

Пришли в трактир «Парпальо»; было семь часов утра и начинало рассветать. Трое друзей заказали завтрак и вошли в комнату, в которую, по словам хозяина, к ним никто не мог прийти.

К несчастью, время для совещания выбрано было неудачно: пробили зорю, и многие, чтобы прогнать сон и согреться от утренней сырости, заходили в трактир выпить; драгуны, швейцарцы, гвардейцы, мушкетеры, легкая кавалерия быстро сменились одни другими, что доставляло большую выгоду хозяину, но совсем не благоприятствовало намерениям наших друзей; поэтому они с неудовольствием отвечали на поклоны, тосты и остроты своих товарищей.

– Этак недолго с кем-нибудь поссориться, – сказал Атос, – что было бы теперь некстати. Д'Артаньян, расскажите нам, как вы провели ночь, а потом мы расскажем наши похождения.

– В самом деле, – сказал один из кавалеристов, держа в руке стакан водки и медленно попивая, – вы были ночью в траншее, господа гвардейцы, и кажется, имели хорошее дело с ла-рошельцами?

Д'Артаньян взглянул на Атоса, как будто спрашивая, следовало ли ему отвечать этому человеку, вмешавшемуся в их разговор.

– Разве ты не слышишь, – сказал Атос, – что господин Бюзиньи обращается к тебе с вопросом? Расскажи, что было сегодня ночью, если эти господа желают.

– Не взяли ли вы бастиона? – спросил один швейцарец, который пил ром из стакана.

– Да, – отвечал, кланяясь, д'Артаньян, – мы имели эту честь; мы, как вы, может быть, слышали, подложили под один из углов его бочонок с порохом, который взрывом своим сделал славную брешь и притом, так как бастион был уже не новый, то он весь от этого взрыва порядочно пострадал.

– А какой это бастион? – спросил драгун, державший на сабле гуся, которого он принес, чтоб изжарить.

– Бастион Сен-Жерве, – отвечал д'Артаньян, – из которого ла-рошельцы беспокоили наших рабочих.

– И дело было жаркое?

– Да, мы лишились пятерых, а ла-рошельцы восьмерых или десятерых.

– Но вероятно, – сказал кавалерист, – сегодня утром они пошлют пионеров поправить бастион.

– Да, это очень вероятно, – сказал д'Артаньян.

– Господа, не хотите ли держать пари? – сказал Атос.

– Хорошо, пари, – сказал швейцарец.

– О чем? – спросил кавалерист.

– Позвольте, – сказал драгун, положив свою саблю, как вертел, на два больших железных тагана, поддерживавшие огонь в камине. – Дайте мне скорее тонкий ломтик хлеба, чтобы не потерять ни капли жиру этой прекрасной птицы.

– Он прав, – сказал швейцарец, – гусиный жир очень вкусен с вареньем.

– Ну, – сказал драгун, – в чем ваше пари? Мы слушаем, господин Атос!

– Да, пари! – сказал кавалерист.

– Господин де Бюзиньи, я держу с вами пари, – сказал Атос, – что я и трое моих товарищей: господа Портос, Арамис и д'Артаньян, будем завтракать в бастионе Сен-Жерве и пробуем там ровно час, чтобы ни делал неприятель, чтоб прогнать нас.

Портос и Арамис посмотрели друг на друга; они начинали понимать, в чем дело.

– Ты хочешь, чтобы нас непременно убили, – сказал д'Артаньян, наклонясь к уху Атоса.

– Нас скорее убьют, если мы не пойдем туда, – отвечал Атос.

– Право, господа, это прекрасное пари, – сказал Портос, покачиваясь на стуле и крутя усы.

– Я принимаю его, – сказал Бюзиньи; – надо назначить выигрыш.

– Вас четверо, – сказал Атос, – нас тоже четверо. Обед на восьмерых, согласны ли вы?

– Прекрасно, – сказал Бюзиньи.

– Превосходно, – сказал драгун.

– Хорошо, – сказал швейцарец.

Четвертый собеседник, который молчал во все время разговора, кивнул головой в знак согласия.

– Завтрак ваш готов, – сказал трактирщик.

– Пойдемте же сюда, – сказал Атос.

Трактирщик повиновался. Атос позвал Гримо, показал ему на большую корзину, лежавшую в углу, и сделал знак, чтобы он завернул в салфетки принесенную провизию.

Гримо понял, что хотели завтракать в поле, уложил в корзину провизию и бутылки и взял ее под руку.

– Где же вы будете завтракать? – спросил хозяин гостиницы.

– Что вам за дело, лишь бы вам заплатили, – сказал Атос.

И он с важностью бросил на стол два пистоля.

– Прикажете дать сдачи? – спросил хозяин.

– Нет, прибавь только две бутылки шампанского, остальное пойдет за салфетки.

Трактирщик получил не так много барыша, как ему сначала показалось, но он взял свое, положив в корзину две бутылки анжуйского вместо шампанского вина.

– Господин де Бюзины, не угодно ли вам поставить ваши часы по моим, или позвольте мне поставить мои по вашим, – сказал Атос.

– Справедливо, – сказал кавалерист, вынимая из кармана прекрасные часы, усыпанные бриллиантами. – Половина восьмого.

– Тридцать пять минут восьмого, – сказал Атос. – Так заметим, что мои часы на пять минут впереди против ваших.

И поклонившись удивленным зрителям, четверо молодых людей отправились к бастиону Сен-Жерве. Гримо пошел за ними, неся корзину, сам не зная куда; Атос так приучил его к безмолвному повиновению, что он и не думал спросить об этом.

Четверо друзей не говорили ни слова, пока шли через лагерь; притом же за ними следовали любопытные, которые, зная их пари, хотели видеть, чем это кончится. Но когда они перешли за черту укреплений, то д'Артаньян, совершенно не понимавший, в чем было дело, решился, наконец, просить объяснения.

– Теперь, любезный Атос, скажите, пожалуйста, куда мы идем?

– Вы видите, – сказал Атос, – мы идем на бастион.

– Но что же мы будем там делать?

– Вы знаете, что мы будем завтракать.

– Отчего же мы не завтракали в «Парпаль»?

– Потому что нам нужно провести переговоры о весьма важных делах, а в гостинице нельзя и пяти минут поговорить свободно; беспрестанно ходят, кланяются и заговаривают. Здесь, но крайней мере, – сказал Атос, указывая на бастион, – нам никто не помешает.

– Мне кажется, – сказал д'Артаньян, в котором храбрость всегда соединялась с благоразумием, – что мы могли бы найти какое-нибудь уединенное место на берегу моря.

– Где увидели бы нас вчетвером и через четверть часа донесли бы кардиналу, что у нас идет совещание.

– Да, – сказал Арамис, – Атос прав: *advertantur indesertis*.

– Отправиться в пустыню было бы теперь очень кстати, – сказал Портос, – но где ее найти?

– Нет такой пустыни, где бы птица могла пролететь над головой и рыба вынырнуть на поверхность воды, или кролик выбежать из своей норки; а я думаю, что птицы, рыбы и кролики сделались шпионами кардинала. Поэтому лучше сделаем так, как хотели; да и нельзя уже теперь отказаться без стыда. Мы держали пари, которого настоящей причины, я уверен, никто не угадает; чтобы выиграть его, мы пробудем час в бастионе. Может быть, на нас нападут, а может быть, и нет. Если не потревожат нас, то мы поговорим на свободе, и никто нас не услышит, потому что у стен бастиона, наверное, нет ушей. Если же нападут на нас, то мы все-таки поговорим о наших делах и в то же время, обороняясь, покроем себя славой. Вы видите, что, во всяком случае, это выгодно.

– Да, – сказал д'Артаньян, – но мы как раз поймаем пулю.

– О, любезный друг, – сказал Атос, – вам хорошо известно, что самые опасные пули не те, которые посылает неприятель.

– Но кажется, что для подобного предприятия нам следовало бы, по крайней мере, взять ружья.

– Вы глупы, друг мой Портос, зачем обременять себя бесполезной ношей?

– Я не нахожу бесполезным, бывши в виду неприятеля, иметь с собой хорошее ружье, дюжину патронов и пороховницу.

– Разве вы не слышали, что сказал д'Артаньян? – спросил Атос.

– А что сказал д'Артаньян? – спросил Портос.

– Д'Артаньян сказал, что сегодня при ночной атаке было убито восемь или десять французов и столько же ла-рошельцев.

– Так что же?

– Их не успели еще обобрать, потому что были дела поважнее.

– Так что же?

– Мы возьмем их ружья, пороховницы и патроны, и вместо четырех ружей и двенадцати пуль у нас будет пятнадцать ружей и сотня готовых зарядов.

– О, Атос! – сказал Арамис, – ты действительно великий человек.

Портос наклонил голову в знак согласия.

Один д'Артаньян, казалось, не был убежден.

Вероятно, и Гримо разделял его мнение, потому что, видя, что они продолжают идти к бастиону, в чем он до сих пор сомневался, он дернул своего господина за полу платья.

– Куда мы идем? – спросил он знаком.

Атос показал ему на бастион.

– Но, – сказал на том же безгласном диалекте Гримо, – мы ведь оставим там свои кости.

Атос поднял глаза и палец к небу.

Гримо поставил на землю корзину и сел, опустив голову.

Атос вынул из-за пояса пистолет, зарядил его, осмотрел кремень и поднес дуло к уху

Гримо.

Гримо тотчас вскочил на ноги. Тогда Атос сделал ему знак, чтоб он взял корзину и шел вперед.

Гримо повиновался.

Из этой пантомимы Гримо выиграл только то, что из арьергарда перешел в авангард.

Дойдя до бастиона, четыре друга оглянулись.

Более трехсот солдат разных полков собрались у выхода из лагеря, и между ними можно было различить де Бюзиньи, драгуна, швейцарца и четвертого, участвовавшего в пари.

Атос снял шляпу, надел ее на конец шпаги и поднял вверх.

Все зрители отвечали на его приветствие громким «ура», дошедшим до слуха мушкетеров.

После чего все четверо исчезли в бастионе, куда прежде всех вошел Гримо.

XVII. Совет мушкетеров

Как предвидел Атос, на бастионе никого не было, кроме двенадцати мертвых тел французов и ла-рошельцев.

– Господа, – сказал Атос, принявший на себя начальство над экспедицией, – пока Гримо накроет стол, подберем, прежде всего, ружья и патроны; впрочем, за этим делом мы можем и разговаривать. Эти господа не услышат, – прибавил он, указывая на мертвых.

– Но все-таки лучше сбросить их в ров, удостоверившись прежде, что карманы их пусты, – сказал Портос.

– Да, – сказал Атос, – но это дело Гримо.

– Так пусть же Гримо обыщет и перебросит через стену, – сказал д'Артаньян.

– Зачем же, – сказал Атос, – они могут нам пригодиться.

– Мертвые могут нам пригодиться? – сказал Портос. – Ты с ума сошел, любезный друг.

– Не осуждайте, как сказал кардинал, – отвечал Атос. – Сколько здесь ружей, господа?

– Двенадцать, – отвечал Арамис.

– Сколько зарядов?

– Сотня.

– Это именно столько, сколько нам нужно. Зарядим ружья.

Четыре мушкетера принялись за дело. Когда они зарядили последнее ружье, Гримо показал знаком, что завтрак подан.

Атос кивнул головой, указал Гримо на одну нишу, и Гримо понял, что он должен стоять там на страже.

Чтобы вознаградить его за эту скучную обязанность, Атос позволил ему взять с собой хлеба, пару котлет и бутылку вина.

– Теперь будем завтракать, – сказал Атос.

Четыре друга сели на землю, поджав ноги, как турки или как портные.

– Ну, теперь не опасно, чтобы нас подслушали, – сказал д'Артаньян, – надеюсь, что, наконец, ты сообщишь нам свою тайну.

– Я доставляю вам вместе и удовольствие, и славу, – сказал Атос. – Я заставил вас сделать прекрасную прогулку; вот превосходный завтрак, а там через бойницы видно пятьсот человек, которые принимают нас или за сумасшедших, или за героев, что почти одно и то же.

– Но в чем же твоя тайна? – сказал д'Артаньян.

– Тайна моя состоит в том, – сказал Атос, – что вчера вечером я видел миледи.

Д'Артаньян подносил стакан ко рту; но при имени миледи рука его задрожала так сильно, что он поставил его на землю, чтобы не пролить.

– Ты видел свою жену?

– Молчите, – сказал Атос. – Вы забываете, любезный друг, что эти господа не посвящены в мои семейные тайны. Я видел миледи.

– Где? – спросил д'Артаньян.

– В двух лье отсюда, в гостинице «Красная Голубятня».

– В таком случае я погиб, – сказал д'Артаньян.

– Не совсем еще, – отвечал Атос, – потому что теперь она верно уже выехала из Франции.

Д'Артаньян вздохнул свободнее.

– Но что же это за миледи? – спросил Портос.

– Очаровательная женщина, – сказал Атос, прихлебывая вино из стакана. – Каналья трактирщик! – вскричал он. – Он нам дал анжуйского вина вместо шампанского и думает, что мы дадимся ему в обман. Да, – продолжал он, – очаровательная женщина, которая была очень добра в отношении к другу нашему д'Артаньяну; но он чем-то обидел ее, и она хотела ему

отомстить; для этого месяц тому назад она подсылала убийц, чтобы застрелить его из ружья; неделю тому назад пыталась отравить его, а вчера выпросила голову его у кардинала.

– Как! Она выпросила у кардинала мою голову? – сказал д'Артаньян, бледнея от ужаса.

– Да, сказал Портос: – я слышал своими ушами.

– Я тоже, – сказал Арамис.

– В таком случае бесполезно будет бороться далее, – сказал д'Артаньян, опустив руки с унынием. – Лучше я застрелюсь, и все будет кончено.

– Эту глупость надо сделать после всего, – сказал Атос, – потому что это единственная глупость, которой нельзя поправить.

Но я все-таки не избегну ее, имея подобных врагов, – сказал д'Артаньян. – Во-первых, мой незнакомец из Менга; потом де Вард, которому я нанес три раны шпагой; потом миледи, тайну которой я знаю; наконец кардинал, которому я помешал отомстить.

– Что ж! Всего только четверо, – сказал Атос. – Нас также четверо, один на одного. Если верить знакам Гримо, то нам придется иметь дело не с таким числом людей. Что там, Гримо? – сказал Атос. – По причине важности обстоятельств, я позволяю тебе говорить, друг мой; но не распространяйся, пожалуйста. Что ты видишь?

– Войско.

– Сколько человек?

– Двадцать.

– Кто они?

– Шестнадцать пионеров и четыре солдата.

– Во скольких шагах они отсюда?

– В пятистах шагах.

– Хорошо, мы еще успеем окончить эту дичь и выпить стакан вина за твое здоровье, д'Артаньян!

– За твое здоровье! – повторили Портос и Арамис.

– Хорошо, выпьем за мое здоровье, хотя я не думаю, чтобы ваши желания принесли мне много пользы.

– Бог велик, говорят магометане, и будущее в его руках, – сказал Атос.

Потом, опорожнив свой стакан, Атос поставил его подле себя, лениво встал, взял первое попавшееся ружье и подошел к бойнице.

Портос, Арамис д'Артаньян сделали то же. Гримо велели встать сзади, чтоб заряжать ружья.

Минуту спустя пионеры были уже ввиду; они шли по траншее, служившей сообщением бастиона с городом.

– Черт возьми, – сказал Атос. – Стоило нам беспокоиться для двадцати уродов, вооруженных заступами, кирками и лопатами. Стоило только Гримо сделать им знак, чтобы они ушли, и я уверен, что они оставили бы нас в покое.

– Сомневаюсь, сказал д'Артаньян, – потому что они очень смело идут в эту сторону. Притом же с работниками четыре солдата и бригадир, вооруженные ружьями.

– Это потому, что они нас не видали, – сказал Атос.

– Признаюсь, мне противно стрелять в этих несчастных граждан, – сказал Арамис.

– Это правда, – сказал Атос, – я предупрежу их.

– Что вы делаете? – сказал д'Артаньян. – Вас убьют, любезный друг.

Но Атос не обратил никакого внимания на это предостережение; он взошел па брешь, держа в одной руке ружье, в другой шляпу и обращаясь к солдатам и работникам, которые, удивленные этим явлением, остановились в пятидесяти шагах от бастиона, он поклонился им и сказал:

– Господа, я и несколько друзей моих хотим завтракать в этом бастионе. Вы знаете, как бывает неприятно, когда беспокоят во время завтрака, и потому мы просим вас, если вам непременно нужно быть здесь, подождите, пока мы кончим завтрак или придите попозже; разве, если вы имеете доброе желание оставить сторону бунтовщиков, в таком случае прошу пожаловать выпить с нами за здоровье французского короля.

– Берегись, Атос, – вскричал д'Артаньян. – Разве ты не видишь, что они прицеливаются в тебя?

– Вижу, – отвечал Атос, – но это рабочие, они дурно стреляют и верно не попадут в меня.

Действительно, в ту же минуту раздались четыре ружейных выстрела, пули пролетели около Атоса, но ни одна не задела его.

Почти в то же время им ответили другие четыре выстрела; но они были направлены вернее, чем выстрелы осаждающих: три солдата были убиты и один из рабочих ранен.

– Гримо, дай другое ружье, – сказал Атос, стоя на бреши.

Гримо немедленно повиновался. Трое друзей также зарядили снова свои ружья; последовал второй залп: бригадир и два пионера упали мертвыми, остальные бежали.

– Господа, сделаем вылазку, – сказал Атос.

И четыре друга, выбежав из бастиона, дошли до места сражения, подняли четыре солдатских ружья и пику бригадира и, уверенные, что беглецы остановятся не прежде как в городе, возвратились в бастион, унося трофеи своей победы.

– Заряди снова ружья, Гримо, – сказал Атос, – а мы, господа, будем продолжать завтрак и разговор наш. На чем мы остановились?

– Я помню, сказал д'Артаньян, – ты говорил, что, выпросив мою голову у кардинала, миледи уехала из Франции. Куда же она уехала? – прибавил д'Артаньян, очень беспокоившийся о том, где была миледи.

– Она едет в Англию, – сказал Атос.

– С какой целью?

– Чтобы убить или нанять кого-нибудь убить Бокингема.

– Но это низко! – вскричал д'Артаньян.

– О, я об этом нисколько не беспокоюсь. Теперь, Гримо, – сказал Атос, – возьми пику бригадира, привяжи к ней салфетку и поставь ее наверху бастиона, чтоб эти бунтовщики ла-рошельцы видели, что они имеют дело с храбрыми и честными солдатами короля.

Гримо повиновался молча.

Минуту спустя белое знамя развевалось над головами друзей. Гром рукоплесканий приветствовал появление его: половина лагеря вышла смотреть на зрелище.

– Как! – сказал д'Артаньян. – Ты мало беспокоишься о том, что она убьет или велит убить Бокингема. Но герцог друг наш.

– Герцог англичанин, герцог воюет с вами; пусть она делает с ним что хочет; я беспокоюсь о нем так же мало, как о пустой бутылке. И Атос бросил бутылку, из которой вылил все до последней капли в свой стакан.

– Нет, – сказал д'Артаньян, – я не оставлю Бокингема! Он подарил нам прекрасных лошадей.

– И в особенности прекрасные седла, – сказал Портос, у которого галун с седла был нашит на плащ.

– Притом, – сказал Арамис, – Богу приятно раскаяние, а не смерть грешника.

– Аминь, – сказал Атос, – мы об этом поговорим после, если вам будет угодно, а теперь больше всего занимает меня то, что я отнял у этой женщины бланковое предписание, которое она выпросила у кардинала и с помощью которого она могла безнаказанно избавиться от тебя, а может быть, и от всех нас.

– Эта женщина просто демон! – сказал Портос, подавая свою тарелку Арамису, разрезывавшему дичь.

– Это бланковое предписание осталось в ее руках? – спросил д'Артаньян.

– Нет, оно перешло в мои; но, надо сказать правду, оно досталось мне не без труда.

– Любезный Атос, я уже потерял счет, сколько раз обязан вам жизнью, – сказал д'Артаньян.

– Так ты оставил нас для того, чтоб воротиться к ней? – спросил Арамис.

– Именно.

– А письмо кардинала у тебя? – спросил д'Артаньян.

– Вот оно, – сказал Атос.

И он вынул из кармана своего мундира драгоценную бумагу. Д'Артаньян развернул ее дрожащею рукой и прочел:

«Все, что сделает предъявитель этой бумаги, сделано по моему приказанию и для блага государства.

5 декабря 1627 года

Ришелье».

– Действительно, – сказал Арамис, – это разрешение на все.

– Надо разорвать эту бумагу, – сказал д'Артаньян, которому казалось, что он читает свой смертный приговор.

– Напротив, – сказал Атос, – надо сохранять ее как драгоценность, и я не отдам ее ни за какие деньги.

– Что же будет делать теперь миледи? – спросил д'Артаньян.

– Она, вероятно, напишет кардиналу, – сказал хладнокровно Атос, – что какой-то проклятый мушкетер по имени Атос отнял у нее силой ее охранительную грамоту, вместе с тем она посоветует ему избавиться как от него, так и от двух друзей его, Портоса и Арамиса; кардинал вспомнит, что это те самые люди, с которыми ему уже не раз случалось иметь дело; тогда, в одно прекрасное утро он велит арестовать д'Артаньяна, а чтоб ему одному не было скучно в Бастилии, он пошлет и нас туда для компании ему.

– Шутки твои, любезный друг, довольно печальны, – сказал Портос.

– Я не шучу, – сказал Атос.

– Знаешь ли, – сказал Портос, – что свернуть шею этой проклятой миледи было не так грешно, как убивать бедных гугенотов, которые виноваты только в том, что поют на французском языке псалмы, которые мы поем па латинском.

– Что скажет об этом наш аббат? – спросил Портос.

– Я согласен с Портосом, – сказал Арамис.

– И я также, – сказал д'Артаньян.

– Хорошо, что она теперь далеко отсюда, – сказал Портос: – признаюсь, присутствие ее здесь немало беспокоило бы меня.

– Присутствие ее в Англии равно беспокоит меня, как и во Франции, – сказал Атос.

– А я не могу быть спокойным, где бы она ни была, – сказал д'Артаньян.

– Но отчего же ты не утопил, не задушил, не повесил ее, когда она была в твоих руках? – сказал Портос. – Мертвые не возвращаются.

– Вы думаете, Портос? – отвечал мушкетер с мрачною улыбкой, которую понял один д'Артаньян.

– Мне пришла хорошая мысль, – сказал д'Артаньян.

– Какая? – сказали мушкетеры.

– К оружию! – вскричал Гримо.

Молодые люди быстро встали и побежали к ружьям.

Приближалась толпа народу, состоявшая из двадцати или двадцати пяти человек, но это были уже не работники, а гарнизонные солдаты.

– Не возвратиться ли нам в лагерь? – сказал Портос. – Мне кажется, что партия будет неравна.

– Это невозможно по трем причинам, – отвечал Атос. – Во-первых, потому, что мы еще не кончили завтрака; во-вторых, нам надо еще переговорить о важных вещах, и в-третьих потому, что еще десять минут недостает до назначенного часа.

– Нужно же составить план сражения, – сказал Арамис.

– Он очень прост, – сказал Атос. – Как только неприятель подойдет на расстояние ружейного выстрела, мы будем стрелять; если он все-таки пойдет вперед, мы снова выстрелим и будем стрелять до тех пор, пока будет чем заряжать ружья; если остаток отряда вздумает идти в ров, тогда сбросим им на головы часть стены, которая держится на месте только каким-то чудом.

– Bravo! – сказал Портос. – Ты, Атос, решительно рожден быть генералом и кардинал, считающий себя военным гением, ничего не значит в сравнении с гобой!

– Господа, – сказал Атос, – пожалуйста, не беритесь за двоих, прицеливайтесь каждый в одного.

– Я прицелился в одного, – сказал д'Артаньян.

– Я тоже, – сказал Портос.

– И я тоже, – сказал Арамис.

– Стреляйте! – сказал Атос.

Четыре выстрела раздались вдруг и четыре человека упали.

Вслед затем забили в барабан, и маленький отряд пошел скорым шагом.

Тогда выстрелы последовали один за другим, с той же меткостью. Но ла-рошельцы, как будто зная, что число защищавшихся было невелико, пустились вперед беглым шагом.

От трех выстрелов упали еще двое; несмотря на то, оставшиеся в живых не замедлили шагу.

Когда неприятели достигли бастиона, их было двенадцать или пятнадцать человек. Последний залп встретил их, но не остановил; они спрыгнули в ров и хотели идти приступом на брешь.

– Ну, друзья! – сказал Атос, – кончим одним ударом: к стене! к стене!

Четыре друга с помощью Гримо начали толкать дулами своих ружей огромную часть стены, которая, нагнувшись, отделилась от фундамента и с ужасным шумом упала в ров; раздался крик, облако пыли поднялось к небу и все опять утихло.

– Всех ли мы раздавили? – сказал Атос.

– Кажется, что так, – сказал д'Артаньян.

– Нет, – сказал Портос, – вон трое спасаются, едва держась на ногах.

Действительно, трое из числа этих несчастных, покрытые грязью и кровью, бежали по дороге в город. Это было все, что осталось от маленького отряда.

Атос посмотрел на часы.

– Господа, – сказал он, – вот уже час времени, как мы здесь; пари выиграно; но торопиться не следует; притом д'Артаньян не сказал еще нам своей мысли.

И мушкетер, со своим обыкновенным хладнокровием, сел перед остатками завтрака.

– Мою мысль? – сказал д'Артаньян.

– Да, вы говорили, что вам пришла хорошая мысль, – сказал Атос.

– Ах, да, вспомнил, – сказал д'Артаньян. – Я хочу опять ехать в Англию и видиться с Бокингемом.

– Нет, вы этого не сделаете, д'Артаньян, – сказал хладнокровно Атос.

– Отчего же? Ведь я ездил же прежде.

– Да, но тогда мы не были в войне с Англией; тогда Бокингом был союзником нашим, а не неприятелем, а теперь подобную поездку назовут изменой.

Д'Артаньян понял всю справедливость этого рассуждения и замолчал.

– Кажется, мне также пришла хорошая мысль, – сказал Портос.

– Слушайте мысль Портоса, – сказал Арамис.

– Я возьму у де Тревиля отпуск под каким-нибудь предлогом, который вы придумаете; я не мастер их придумывать. Миледи меня не знает; я подойду к ней, не возбудив в ней опасения и удавлю ее.

– Я почти одобряю мысль Портоса, – сказал Атос.

– Фи, как можно убить женщину! – сказал Арамис. – Нет, слушайте, мне пришла прекрасная мысль.

– Скажите вашу мысль, Арамис, – сказал Атос, очень уважавший молодого мушкетера.

– Надо предупредить королеву.

– Да, – сказали вместе Портос и д'Артаньян, – кажется, мы попали на настоящее средство.

– Предупредить королеву! – сказал Атос. – Но как? Разве у нас есть сношения с кем-нибудь при дворе? Разве мы можем послать кого-нибудь в Париж так, чтоб не знали в лагере? Отсюда до Парижа сто сорок льё; прежде чем наше письмо дойдет до Анжера, мы уже будем в тюрьме.

– Что касается до того, чтобы доставить ее величеству письмо, – сказал, краснея, Арамис, – я беру это на себя, я знаю в Туре одну ловкую особу.

Арамис остановился, заметив улыбку на лице Атоса.

– Вы не согласны на это средство, Атос? – спросил д'Артаньян.

– Я не отвергаю его, – сказал Атос, – но хотел только заметить Арамису, что сам он не может отлучиться из лагеря; что ни в ком нельзя быть уверенным, кроме нас самих; что два часа спустя после отъезда посланного, все капуцины, все полицейские служители кардинала будут знать ваше письмо наизусть, и что вас и вашу ловкую особу тотчас арестуют.

– Не говоря уже о том, – сказал Портос, – что королева спасет только Бокингема, но не спасет нас.

– Господа, – сказал д'Артаньян, – замечание Портоса очень благоразумно.

– Ах, что это делается в городе? – сказал Атос. – Бьют тревогу.

Четыре друга начали прислушиваться, и действительно услышали барабанный бой.

– Увидите, что они вышлют против нас целый полк, – сказал Атос.

– Вы, вероятно, не думаете сражаться против целого полка? – спросил Портос.

– Отчего же нет? – сказал мушкетер. – Я держался бы против целой армии, если бы мы взяли с собой дюжиной бутылок больше.

– Барабанный бой приближается, – сказал д'Артаньян.

– Пусть себе приближается, – сказал Атос. – Из города сюда четверть часа ходьбы. Этого времени слишком достаточно, чтобы составить какой-нибудь план; если же мы уйдем отсюда, мы нигде не найдем такого удобного места. А мне пришла славная мысль. Господа, слушайте!

– Говорите.

– Позвольте мне прежде передать Гримо некоторые необходимые приказания.

Атос жестом подозвал к себе слугу.

– Гримо, – сказал Атос, указывая на мертвых, лежавших в бастионе, – возьми этих господ, поставь их у стены, надень им на головы шляпы и вложи им в руки ружья.

– О, великий человек! Я понимаю тебя, – сказал д'Артаньян.

– Вы понимаете? – сказал Портос.

– А ты, Гримо, понимаешь? – сказал Арамис.

Гримо сделал утвердительный знак.

– Вот и все, – сказал Атос. – Возвратимся к моей мысли.

– Но я хотел бы знать, – сказал Портос.

– Это бесполезно.

– Да, да, мысль Атоса! – сказали вместе д'Артаньян и Арамис.

– У этой миледи, этой твари, этого демона, кажется, есть зять, как вы говорили, д'Артаньян?

– Да, я его даже очень хорошо знаю и думаю, что он не имеет большого расположения к своей невестке.

– Это недурно, – сказал Атос. – А если бы он ненавидел ее, то это было бы еще лучше.

– Значит, в этом отношении обстоятельства нам благоприятны.

– Однако, – сказал Портос, – мне все-таки хотелось бы знать, что делает Гримо.

– Молчите, Портос, – сказал Арамис.

– Как зовут этого зятя?

– Лорд Винтер.

– Где он теперь?

– Он возвратился в Лондон при первых слухах о войне.

– Вот именно тот человек, которого нам нужно, – сказал Атос. – Мы известим его, что его невестка хочет убить кого-то, и попросим его не терять ее из виду. В Лондоне, наверное, есть какие-нибудь заведения вроде смиренного дома, он посадит туда свою невестку, и мы будем спокойны.

– Да, – сказал д'Артаньян, – до тех пор, пока она не выйдет оттуда.

– О, д'Артаньян, вы уже слишком много требуете, – сказал Атос. – Я больше ничего не придумаю.

– Я думаю, что так было бы всего лучше, – сказал Арамис. – Мы предупредим в одно время и королеву, и лорда Винтера.

– Да, но с кем мы отправим письма в Тур и в Лондон?

– Я ручаюсь за Базена, – сказал Арамис.

– А я за Планше, – сказал д'Артаньян.

– В самом деле, – сказал Портос, – если мы не можем отлучиться из лагеря, то слуги наши могут.

– Без сомнения, – сказал Арамис, – мы сегодня же напишем письма, дадим слугам денег, и пусть они едут.

– Мы дадим им денег? – сказал Атос; – разве у вас есть деньги?

Четыре друга переглянулись; лица их, прояснившиеся ненадолго, опять омрачились.

– Смотрите! – сказал д'Артаньян, – я вижу там черные и красные движущиеся точки. Вы говорили, Атос, что они вышлют против нас целый полк. Это не полк; а целая армия!

– Да, – сказал Атос, – вон они! Да какие мрачные; не слышно ни барабанов, ни труб. Кончил ли ты, Гримо?

Гримо сделал знак, что кончил, и указал на дюжину мертвецов, которых он поставил в самых живописных позах: одни заряжали ружья, другие прицеливались, а иные держали в руках шпаги.

– Bravo! – сказал Атос, – это делает честь твоему воображению.

– А я все-таки не понимаю этого, – сказал Портос.

– Прежде уйдем отсюда, – сказал д'Артаньян, – ты поймешь после.

– Подождите одну минуту, господа, дадим Гримо время убрать завтрак.

– А! – сказал Арамис, – между тем черные и красные точки растут видимо, и я разделяю мнение д'Артаньяна, что нам пора уходить, не теряя времени.

– Теперь я не вижу причины откладывать отступление; мы держали пари на один час, а пробыли здесь полтора часа. Идем, господа, идем!

Гримо ушел уже вперед с корзиной и остатками завтрака.

Четыре друга вышли за ним и уже сделали шагов десять, как вдруг Атос вскричал: – Что же это мы сделали, господа!

– Разве ты забыл что-нибудь? – спросил Арамис.

– А знамя! Его никогда не следует оставлять неприятелю, хотя бы оно было из салфетки.

И Атос бросился в бастион, вошел на платформу и снял знамя; но так как ла-рошельцы были уже на расстоянии выстрела, то они сделали по нему сильный залп. Атос, казалось, был заколдован: пули пролетели со свистом около него, но ни одна не задела его.

Атос поднял вверх знамя, обратясь спиной к городским войскам и кланяясь смотревшим из лагеря. С обеих сторон раздались крики, с одной крики гнева, с другой восторга.

Второй залп последовал за первым и три пули, пробив салфетку, превратили ее в настоящее знамя. Весь лагерь кричал: «Уходите, уходите!»

Атос сошел; товарищи, нетерпеливо ожидавшие его, встретили его с радостью.

– Пойдем, пойдем, Атос, – говорил д'Артаньян, – прибавим шагу. Теперь, когда мы нашли все кроме денег, глупо было бы дать убить себя.

Но Атос продолжал идти торжественным шагом, несмотря на убеждения своих товарищей, которые, видя, что их замечания бесполезны, последовали его примеру.

Гримо с корзиной ушел вперед и был уже вне выстрелов.

Минуту спустя из бастиона снова раздался залп выстрелов.

– Что это значит? – спросил Портос: – в кого они стреляют? Я не слышу свиста пуль и никого не вижу.

– Они стреляют в наших мертвецов, – отвечал Атос.

– Но мертвецы не будут отвечать им.

– Конечно; тогда они подумают, что это хитрость, будут рассуждать, пошлют парламента, и когда узнают нашу шутку, мы будем уже вне выстрелов их. Поэтому нет никакой надобности торопиться.

– А! Теперь понимаю, – сказал удивленный Портос.

– Наконец! – сказал Атос, пожимая плечами.

Французы, видя, что четверо друзей возвращаются тихим шагом, встретили их криками восторга.

Наконец, снова раздались выстрелы и в этот раз четверо друзей слышали жалобный свист пуль, падавших около них на камни.

Ла-рошельцы овладели, наконец, бастионом.

– Вот неискусные стрелки! – сказал Атос. – Сколько мы их убили? Кажется, двенадцать человек?

– Или пятнадцать.

– Сколько мы раздавили?

– Человек восемь или десять.

– И за все это ни одной царапины! А, нет? Что это у вас на руке, д'Артаньян? Кажется, кровь?

– Это ничего, – сказал д'Артаньян.

– Пулей?

– Нет.

– Что же это такое?

Мы уже говорили, что Атос любил д'Артаньяна как сына, и, будучи обыкновенно мрачным и нечувствительным, он в отношении к этому молодому человеку выказывал иногда отеческую заботливость.

– Царапина, – отвечал д'Артаньян. – Я оцарапал палец перстнем.

– Вот каково носить бриллианты! – сказал с пренебрежением Атос.

– Ах, да у него действительно есть бриллиант, – сказал Портос. – Что же мы жалуемся, что нет денег, когда есть бриллиант?

– В самом деле! – сказал Арамис.

– Прекрасно, Портос! На этот раз ваша мысль хороша.

– Без сомнения, – сказал Портос, гордясь похвалой Атоса, – так как есть бриллиант, то продадим его.

– Но это бриллиант королевы, – сказал д'Артаньян.

– Тем лучше, – сказал Атос. – Королева спасет им своего любезного Бокингема и нас; нет ничего справедливее; продадим бриллиант. Что думает об этом г-н аббат? Я не спрашиваю мнения Портоса; мы его уже слышали.

– Я думаю, – сказал, краснея, Арамис, – что так как перстень получен д'Артаньяном не от любовницы, следовательно, не служит залогом любви, то он может продать его.

– Итак, продадим бриллиант и не будем больше говорить об этом, – весело сказал д'Артаньян.

Выстрелы продолжались, но друзья были уже далеко и ла-рошельцы стреляли только для очищения своей совести.

– Право, эта мысль Портосу пришла очень кстати; вот мы уже и в лагере. Итак, господа, ни слова больше об этом деле; за нами наблюдают. Толпа идет нам навстречу, и верно нас понесут с триумфом.

Действительно, весь лагерь был в движении; больше двух тысяч зрителей смотрели на хвастливую выходку четырех друзей, не подозревая настоящей причины ее. Везде слышны были крики:

«Да здравствуют гвардейцы! Да здравствуют мушкетеры!»

Бюзиньи первый подошел пожать руку Атосу и сознался, что пари им проиграно. Драгун и швейцарец последовали его примеру. Начались бесконечные поздравления, пожатия рук, обнимания и неистощимые насмешки над ла-рошельцами; наконец поднялся такой шум, что кардинал думал, не сделалось ли возмущения, и послал ла Гудиньера, капитана своей гвардии, узнать, что случилось.

Дело было рассказано посланному со всем красноречием восторга.

– Ну, что? – спросил кардинал, увидя ла Гудиньера.

– Три мушкетера и один гвардеец держали пари с Бюзиньи, что позавтракают в бастионе Сен-Жерве и во время этого завтрака держались в бастионе два часа против неприятеля, убив притом несколько ла-рошельцев.

– Узнали вы имена этих трех мушкетеров.

– Да.

– Как их зовут?

– Атос, Портос и Арамис.

– Опять три мои храбреца! – прошептал кардинал.

– А гвардеец?

– Д'Артаньян.

– Эти четыре человека должны быть моими.

В тот же вечер кардинал говорил с де Тревилем об утреннем подвиге, бывшем предметом разговоров всего лагеря.

Де Тревиль, слышавший об этом подвиге молодых людей от них самих, рассказал кардиналу все подробности его, не исключая эпизода с салфеткой.

– Это хорошо, господин де Тревиль, – сказал кардинал. – Пожалуйста, пришлите ко мне эту салфетку. Я велю вышить на ней три золотые лилии и дам се вместо знамени вашей роты.

– Ваша эминенция, это будет несправедливо в отношении к гвардейцам; д'Артаньян не мой – он из роты Дезессара.

– Так возьмите его к себе, – сказал кардинал. – Эти четыре храбрых воина так любят друг друга и между тем служат не в одной роте.

В тот же вечер де Тревиль объявил трем мушкетерам и д'Артаньяну эту приятную новость и пригласил их всех к себе завтракать на другой день.

Д'Артаньян был вне себя от радости. Сделаться мушкетером было мечтой всей его жизни.

Три друга были также очень рады.

– Действительно, – сказал д'Артаньян Атосу, – твоя мысль о завтраке великолепна; мы приобрели посредством ее славу и могли вести беспрепятственно самый важный разговор.

– Который мы можем продолжать теперь, не навлекая ничьего подозрения, потому что с этих пор мы будем слыть за кардиналистов.

В тот же вечер д'Артаньян сообщил Дезессару о своем повышении.

Дезессар, который очень любил д'Артаньяна, предлагал ему свои услуги. Перемена полка требовала издержек на обмундировку.

Д'Артаньян отказался, но, пользуясь случаем, он просил его оценить бриллиант, который и отдал ему, чтобы обратить его в деньги.

На другой день, в восемь часов, утра слуга Дезессара пришел к д'Артаньяну и принес ему мешок с золотом, в котором было семь тысяч ливров.

Это была цена бриллианта королевы.

XVIII. Семейное дело

Для дела Бокингема Атос придумал название: «семейное дело».

Семейные дела не подлежали заведыванию кардинала; семейное дело никого не касалось, и о нем можно было говорить при всех.

Итак, Атос придумал название: «семейное дело».

Арамис подал мысль употребить в дело слуг.

Портос нашел средство добыть денег: бриллиант.

Один д'Артаньян, обыкновенно самый изобретательный из четырех, не придумал ничего; но надобно сказать, что одно имя миледи парализовало все мысли его. Ах, нет! Мы ошибаемся, – он нашел покупателя для бриллианта.

Завтрак у де Тревиля был очень весел; д'Артаньян был уже в новом мундире; так как он был почти одинакового роста с Арамисом, который, получив от книгопродавца щедрую плату, заказал себе всю обмундировку в двух экземплярах, то Арамис уступил один из них своему другу.

Д'Артаньяну ничего больше не оставалось бы желать, если бы воспоминание о миледи не омрачало мыслей его.

После завтрака уговорились собраться вечером в квартире Атоса, чтобы покончить свое дело.

Д'Артаньян провел день, расхаживая по всему лагерю в своем мушкетерском мундире.

Вечером четыре друга собрались в назначенный час; оставалось решить только три вопроса: что написать брату миледи, что написать к ловкой особе в Тур и кому из лакеев поручить отвезти письма.

Каждый предлагал своего: Атос представлял скромность Гримо, говорившего не иначе, как с позволения своего господина. Портос восхвалял силу Мускетона, который при своем высоком росте мог легко один поколотить четверых; Арамис, уверенный в ловкости Базена, сильно стоял за него, наконец, д'Артаньян выставял храбрость Планше, выказанную им в затруднительном деле в Булони.

Долго спорили о преимуществах этих четырех качеств, причем были произнесены великолепные речи, которых мы не передаем из опасения, чтобы они не показались утомительными.

– К несчастью, – сказал Атос, – нужно, чтобы тот, на кого будет возложено это поручение, соединял в себе все эти четыре качества.

– Где же найти подобного слугу?

– Невозможно, – сказал Атос, – я это знаю: так возьмите Гримо.

– Возьмите Мускетона.

– Возьмите Базена.

– Возьмите Планше: Планше и храбр, и ловок; следовательно, в нем соединены уже два из четырех качеств.

– Господа, – сказал Арамис, – главное дело не в том, который из наших слуг скромнее, сильнее, ловчее или храбрее; главное, нужно узнать, который из них больше любит деньги.

– Арамис правду говорит, – сказал Атос. – Надо больше рассчитывать на недостатки людей, а не на добродетели их. Господин аббат, вы великий моралист!

– Без сомнения, – сказал Арамис, – нам непременно нужно, чтобы дело наше удалось, потому что в случае неудачи рискуют головой не слуги.

– Тише, Арамис, – сказал Атос.

– Хорошо, рискует не слуга, – сказал Арамис, – но господин его, и даже все мы. Преданы ли нам слуги наши настолько, чтобы они стали рисковать за нас своею жизнью? Нет.

– Я готов ручаться за Планше, – сказал д'Артаньян.

– Хорошо, любезный друг; но прибавьте к его преданности хорошую сумму, которая могла бы доставить ему некоторое удобство, тогда можете ручаться за него вдвойне.

– О нет! Все-таки обманут, – сказал Атос, который отлично составлял планы, но никому не доверял исполнения их. – Они будут обещать все, чтобы получить деньги, а на дороге страх помешает им действовать. Если они будут схвачены, то их настрашают, и тогда они во всем признаются. Черт возьми, мы не дети! Чтобы попасть в Англию (Атос понизил голос), надо проехать всю Францию, усеянную шпионами кардинала; нужен вид, чтобы сесть на корабль; надо знать по-английски, чтобы найти дорогу в Лондон. Я нахожу, что это дело очень трудное.

– Совсем нет, – сказал д'Артаньян, которому очень хотелось привести план их в исполнение. – Я, напротив, нахожу, что это очень легко. Разумеется, если мы напишем лорду Винтеру обо всех ужасных поступках кардинала....

– Тише, – сказал Атос.

– Об интригах и государственных тайнах, – продолжал д'Артаньян тихо, – разумеется, нас казнят; но не забудьте, как вы сами сказали, Атос, что мы будем писать о семейном деле, с единственной целью, чтобы просить его отнять у миледи возможность вредить нам по приезде ее в Лондон. Я напишу ему так.

– Послушаем, – сказал Арамис, принимая заранее вид критика.

– Милостивый государь и любезный друг...

– О, да, любезный друг – англичанину! – прервал Атос: – хорошо начало! браво, д'Артаньян! За одно это слово четвергуют.

– Ну, хорошо, так я напишу просто: Милостивый государь.

– Вы можете даже написать милорд, – сказал Атос, строго соблюдавший приличия.

– «Милорд, помните ли вы маленькую загородку для коз близ Люксембурга?»

– Вот хорошо! Теперь Люксембург! Подумают, что это намек на королеву-мать. Нечего сказать, остроумно, – сказал Атос.

– Ну, так напишем просто: «Милорд, помните ли вы загородку, у которой вам спасли жизнь?»

– Любезный д'Артаньян, – сказал Атос, – вы никогда не будете хорошим писателем. «Где вам спасли жизнь!» Как в этом мало достоинства! О подобных услугах не напоминают образованному человеку. Напоминание об оказанном благодеянии есть обида.

– Ах, любезный друг, – сказал д'Артаньян, – вы несносны, и я отказываюсь писать под вашей цензурой.

– И хорошо делаете. Действуйте ружьем и шпагой, в этих двух упражнениях вы искусны, но перо передайте господину аббату, это его дело.

– Да, в самом деле, – сказал Портос, – передайте перо Арамису, он пишет латинские диссертации.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян, – составьте нам эту записку, Арамис; но предупреждаю вас – будьте осторожны: я буду критиковать.

– Я готов, – сказал Арамис с наивной уверенностью поэта, – но расскажите мне, в чем дело; я слышал, что эта миледи плутовка и убедился в этом из разговора ее с кардиналом.

– Тише же, черт возьми, – сказал Атос.

– Но я не знаю подробностей, – сказал Арамис.

– И я также, – сказал Портос.

Д'Артаньян и Атос молча взглянули друг на друга. Наконец Атос, немного подумав, побледнел больше обыкновенного и кивнул головой в знак согласия; д'Артаньян понял, что он может говорить.

– Вот что нужно сказать, – продолжал д'Артаньян. – Милорд, ваша сестра злодейка, которая хотела убить вас, чтобы получить после вас наследство. Но она не могла выйти замуж за вашего брата, потому что имела уже мужа во Франции и была...

Д'Артаньян остановился, как будто приискивая выражение, и взглянул на Атоса.

– И была выгнана своим мужем, – сказал Атос.

– Потому что она была заклеямена, – продолжал д'Артаньян.

– Неужели? – сказал Портос. – Она хотела убить брата своего мужа?

– Да.

– Она была замужем? – спросил Арамис.

– Да.

– И муж заметил, что у нее на плече была лилия? – сказал Портос.

– Да.

Эти три «да» были сказаны Атосом, и при каждом из них интонация голоса его становилась мрачнее.

– Но кто же видел эту лилию? – спросил Арамис.

– Д'Артаньян и я, или, чтобы соблюсти хронологический порядок, я и д'Артаньян, – сказал Атос.

А муж этой ужасной твари жив еще? – сказал Арамис.

– Жив.

– Вы в том уверены?

– Да, уверен.

Наступила минута молчания, во время которой каждый из них был волнуем различными чувствами, сообразно своему характеру.

На этот раз Атос первый прервал молчание. Д'Артаньян дал нам прекрасную программу, – сказал он, – с этого и нужно начать письмо.

– Черт возьми! Вы правы, Атос, – сказал Арамис. – Редакция нелегка; сам канцлер затруднился бы при сочинении послания в этом роде, а между тем он славно сочиняет протоколы. Ничего, молчите, пока я пишу.

Арамис взял перо, подумал несколько минут, написал прекрасным, мелким, женским почерком восемь или десять строк; потом медленно, как будто взвешивая каждое слово, прочел следующее:

«Милорд.

«Особа, пишущая вам эти строки, имела честь скрестить с вами шпагу в маленькой загородке Адской улицы. Так как с тех пор вы несколько раз называли себя другом этой особы, то она считает долгом доказать вам свою дружбу полезным советом. Два раза вы едва не сделали жертвой близкой родственницы вашей, потому что вы не знаете, что до вступления в брак в Англии она была уже замужем во Франции. Но в третий раз, т. е. теперь, вы можете погибнуть. Родственница ваша уехала ночью из Ла-Рошели в Англию. Наблюдайте за ней, потому что ее замыслы велики и ужасны. Если вы желаете знать, на что она способна, то прочитайте ее прошедшее на левом плече».

– Вот это прекрасно! – сказал Атос. – Вы пишете, как государственный секретарь, любезный Арамис. Лорд Винтер будет внимательно наблюдать за нею, и если бы даже письмо попало в руки самого кардинала, мы не будем скомпрометированы. Но как слуга, который поедет, может остановиться в Шательро и уверить нас, что был в Лондоне, то дадим ему с письмом только половину суммы и пообещаем другую половину по получении ответа. Бриллиант у вас? – продолжал Атос.

– Еще лучше, у меня есть деньги.

И д'Артаньян бросил мешок на стол; при звуке золота Арамис поднял глаза, Портос вздрогнул, Атос остался неподвижен.

– Сколько денег в этом мешке? – спросил он.

– Семь тысяч ливров, луидорами в двенадцать франков.

– Семь тысяч ливров! – вскричал Портос, – этот дрянной маленький бриллиант стоил семь тысяч ливров?

– Кажется так, – сказал Атос, – потому что вот они; я не думаю, чтобы друг наш д'Артаньян прибавил своих денег.

– Но, господа, мы вовсе не думали о королеве, – сказал д'Артаньян. – Побережем немного здоровье ее любезного Бокингема; мы должны это сделать.

– Правда, – сказал Атос, – но это касается Арамиса.

– Что же я должен сделать? – спросил, краснея, Арамис.

– Очень просто, – сказал Атос, – сочинить еще письмо к ловкой особе, живущей в Туре. Арамис взял снова перо, подумал и написал следующие строки, которые тотчас представил на одобрение друзей своих:

«Любезная кузина».

– А! – сказал Атос, – эта ловкая особа ваша родственница!

– Кузина, – сказал Арамис.

– Пусть будет кузина!

Арамис продолжал.

«Любезная кузина, его эминенция кардинал, которого да сохранит Бог для блага Франции и гибели врагов королевства, почти окончил дело с упрямыми еретиками Ла-Рошели: вероятно, английскому флоту не удастся даже подойти близко к крепости; осмелюсь даже сказать, что я уверен, что какое-нибудь важное событие воспрепятствует отъезду Бокингема. Кардинал самый знаменитый политик времен прошедших, настоящих и, вероятно, будущих. Он потушил бы солнце, если б оно ему мешало. Передайте эти новости сестре вашей, любезная кузина. Я видел во сне, что этот проклятый англичанин умер. Не могу припомнить от кинжала, или от яда, но я уверен только в том, что видел во сне, что он умер, а вы знаете, мои сны никогда не обманывают меня. Будьте спокойны, я скоро возвращусь к вам».

– Прекрасно! – сказал Атос. – Вы первый поэт в свете, любезный Арамис; теперь остается только написать на этом письме адрес.

– Это очень легко, – сказал Арамис.

Он кокетливо сложил письмо и написал:

«Девице Мишон, белошвейке в Туре».

Три друга смеясь, переглянулись между собой; они ничего не узнали.

– Теперь вы понимаете, господа, – сказал Арамис, – что только Базен может отвезти это письмо в Тур; моя кузина знает только Базена и к нему одному имеет доверие; никто другой не исполнит этого удачно. Притом Базен честолюбив и учен, Базен читал историю, господа; он знает, что Сикст Пятый прежде пас свиней, а потом сделался папой; а так как он хочет поступить в духовное звание вместе со мной, то и не теряет надежды сделаться со временем папой, или, по крайней мере, кардиналом; вы понимаете, что человек, имеющий подобные виды на будущее, не попадетсся, или если попадетсся, то выдержит пытку, но ничего не скажет.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян, – я согласен на Базена, но позвольте же мне послать Планше; миледи однажды выгнала его из дому палками, а у Планше хорошая память, и я отвечаю вам, что если он увидит возможность отомстить, то скорее допустит избить себя, чем откажется от этого удовольствия. Дело в Туре ваше, Арамис, а в Лондоне мое. Итак, я прошу назначить Планше, который был уже со мной в Лондоне, знает немного по-английски и без труда найдет дорогу туда и назад.

– В таком случае, – сказал Атос, – надо дать Планше на дорогу семьсот ливров и столько же по возвращении; тогда из 7000 ливров останется у нас пять тысяч; мы возьмем каждый по тысяче ливров, чтоб употребить их, как кому заблагорассудится, и оставим капитал из тысячи ливров, который будет храниться у аббата на какой-нибудь непредвиденный случай или для общих надобностей. Согласны ли вы на это?

– Любезный Атос, – сказал Арамис, – вы говорите как Нестор, который был, как известно, мудрейший из греков.

– Так это решено, – сказал Атос, – Планше и Базен отправятся; признаюсь, я рад, что Гримо останется; он привык к моему обращению, и я дорожу им; вчерашняя прогулка наша, вероятно, не совсем понравилась ему, а это путешествие окончательно погубило бы его.

Позвали Планше и дали ему нужные наставления на дорогу; он был уже предупрежден д'Артаньяном, который, прежде всего, представлял ему о славе, ожидавшей его за исполнение этого поручения, потом о деньгах и, наконец, уже об опасности, которой он при этом подвергался.

– Я зашью письмо за подкладку моего платья и проглочу его, если меня схватят.

– Но тогда ты не будешь в состоянии исполнить поручение, – сказал д'Артаньян.

– Вы дадите мне сегодня вечером копию с него, и завтра я буду знать ее наизусть.

Д'Артаньян посмотрел на друзей, как будто желая этим сказать:

– Видите! Не правду ли я вам говорил?

– Тебе нужно восемь дней, чтобы доехать к лорду Винтеру, – продолжал он, обращаясь к Планше; – восемь дней для обратного пути, всего шестнадцать дней; если в 16-й день после твоего отъезда в восемь часов вечера ты не возвратишься, то не получишь денег, хотя бы опоздал только пятью минутами.

– В таком случае, – сказал Планше, – купите мне часы.

– Возьми вот эти, – сказал Атос, подавая ему небрежно свои часы, – и веди себя как следует. Помни, что если ты будешь болтать и зевать по сторонам, то ты погубишь своего господина, который так уверен в тебе, что поручился нам за тебя. Помни также, что если из-за тебя случится с д'Артаньяном какое-нибудь несчастье, то я найду тебя, где бы ты ни был, и убью.

– Как это можно, сударь! – сказал Планше, обиженный подозрением и испуганный спокойным тоном мушкетера.

– А я, – сказал Арамис своим приятным, мелодическим голосом, – помни, что я сожгу тебя медленным огнем, как язычника.

Планше заплакал; неизвестно, от страха ли, причиненного сделанными ему угрозами, или от умиления при виде такой дружбы четырех мушкетеров.

Д'Артаньян взял его за руку и обнял его.

– Ты понимаешь, Планше, – сказал он, – что это все было сказано из дружбы ко мне, но поверь, что эти господа любят тебя.

– О, сударь, – сказал Планше, – я не исполню вашего поручения разве в таком случае, если меня изрубят в куски, но и тогда будьте уверены, что никто ничего не узнает.

Решили, что Планше отправится на другой день в восемь часов утра, для того чтобы в продолжение ночи он успел, как обещал, выучить письмо наизусть. При этом он выигрывал ровно 12 часов; потому что ему назначено было возвратиться все-таки в шестнадцатый день в восемь часов вечера.

Утром, когда он собирался сесть на лошадь, д'Артаньян, чувствовавший какое-то расположение к герцогу, отвел Планше в сторону.

– Послушай, сказал он, – когда ты отдашь письмо лорду Винтеру, и он прочтает его, ты скажешь ему: «Берегите лорда Бокингема, потому что его хотят убить». Но помни, Планше, что это так важно, что я даже не хотел сказать друзьям моим, что доверю тебе эту тайну и не написал бы этого, если бы даже мне обещали сделать меня за то капитаном.

– Будьте спокойны, – сказал Планше, – вы увидите, можно ли положиться на меня.

И он сел на прекрасную лошадь, которую должен был оставить, проехав двадцать лье, а дальше отправиться на почтовых. Планше поехал в галоп, в самом лучшем расположении духа, хотя сердце его сжималось при воспоминании об обещаниях, данных ему тремя мушкетерами.

На другой день утром Базен уехал в Тур; для исполнения его поручения было назначено восемь дней.

Понятно, что во все время отсутствия Планше и Базена четыре друга были больше чем когда-либо внимательны и осторожны. Они проводили целые дни, подслушивая все, что говорят, подсматривая за кардиналом и расспрашивая приехавших курьеров. Не один раз на них нападал какой-то непреодолимый страх, когда их требовали неожиданно по каким-нибудь служебным делам. Они, впрочем, должны были заботиться и о своей собственной безопасности; миледи, как провидение, явившись кому-нибудь однажды, не давала уже спать спокойно.

На восьмой день утром Базен, бодрый как всегда, и улыбающийся по привычке, вошел в гостиницу «Парпальо» в то время, когда четыре друга собирались завтракать, и сказал, как было условлено:

– Господин Арамис, вот ответ вашей кузины.

Четыре друга весело переглянулись; половина дела была сделана, хотя эта была самая легкая.

Арамис, невольно краснея, взял письмо, написанное некрасивым почерком, с ошибками против правописания.

– Боже мой! – сказал он, смеясь. – Я решительно прихожу в отчаяние; эта бедная Мишон никогда не будет писать как господин де Воатюр.

– Кто это бедная Мишон? – спросил швейцарец, разговаривавший с нашими друзьями, когда подали письмо.

– О! Меньше чем ничто, – сказал Арамис. – Это маленькая, хорошенькая белошвейка, которую я очень любил и просил у нее несколько строк ее руки на память.

– Если она настолько же знатна, насколько крупен ее почерк, то вы очень счастливы, товарищ.

Арамис прочитал письмо и передал его Атосу.

– Посмотрите, Атос, что она пишет, – сказал он.

Атос беглым взглядом прочел письмо, и чтоб уничтожить могущие возникнуть подозрения, прочел вслух:

«Любезный кузен, я и сестра моя умеем разгадывать сны и даже очень боимся их; но о вашем можно сказать, что всякий сон есть обман. Прощайте, будьте здоровы и пишите иногда к нам.

Аглая Мишон».

– А о каком сне она говорит? – спросил драгун, подошедший во время чтения.

– Да, о каком сне? – спросил швейцарец.

– Очень просто, – сказал Арамис, – о том, который мне приснился, и я рассказал ей.

– О, да! Это очень просто, рассказать сон, но я никогда ничего не вижу во сне.

– Вы очень счастливы, – сказал Атос, – и я вам завидую.

– Никогда! – сказал швейцарец, бывший в восторге, что ему в чем-нибудь позавидовал человек, подобный Атосу. – Никогда! Никогда!

Д'Артаньян, видя, что Атос встал, последовал его примеру, взял его под руку и вышел.

Портос и Арамис остались с драгуном и швейцарцем.

Базен пошел спать на кучу соломы, и как воображение его было живее, нежели у швейцарца, то он видел во сне, что Арамис, сделавшись папой, надевал на него кардинальскую шапку.

Но как мы сказали, Базен своим счастливым возвращением уничтожил только воловину беспокойства, тяготившего четырех друзей. Дни ожидания всегда кажутся длинными, и д'Артаньяну казалось тогда, что в каждом из них было по сорока восьми часов. Он забывал о медленности водяного сообщения и преувеличивал могущество миледи. Он представлял себе, что у этой женщины, казавшейся ему демоном, есть такие же адские помощники как она сама; при малейшем шуме ему казалось, что идут арестовать его и ведут Планше, чтобы сделать ему очную ставку с ним и друзьями его. Даже уверенность в достойном пикардийце уменьшалась с каждым днем.

Беспокойство его было так велико, что перешло даже на Портоса и Арамиса. Один Атос оставался хладнокровным, как будто не было никакой опасности и все шло обыкновенным порядком.

Особенно в шестнадцатый день признаки волнения д'Артаньяна и двух друзей его были так заметны, что они блуждали как тени, по дороге, по которой должен был возвратиться Планше.

– Признаться сказать, – говорил Атос, – вы не мужчины, а дети, когда женщина до такой степени вас пугает. И чего же вы боитесь? Что посадят в тюрьму? но нас освободят оттуда; ведь освободили же г-жу Бонасьё. Отрубят голову! Но каждый день на траншее мы подвергаемся гораздо большей опасности, потому что ядро может раздробить ногу, а я уверен, что хирург, который отрезает ногу, заставляет страдать больше, нежели палач, отрубая голову. Ждите же спокойно; через два, четыре, через шесть часов Планше будет здесь; он обещал это, а я твердо верю обещанию Планше: он, кажется, честный малый.

– Но если он не придет? – сказал д'Артаньян.

– Если он не придет, значит, он опоздает; вот и все тут. Может быть, он упал с лошади, провалился под мост или захворал от скорой езды. Жизнь есть ряд маленьких несчастий, которые философ встречает со смехом. Будьте философами как я; садитесь к столу и выпьем; чтобы видеть будущее в розовом свете, лучше всего смотреть на него через стакан шамбертенского вина.

– Хорошо, – отвечал д'Артаньян, – но мне надоело при каждой бутылке вина остерегаться, не прислано ли оно из погреба миледи.

– На вас трудно угодить, – сказал Атос. – Какая прекрасная женщина!

– Заклейменная женщина! – сказал Портос, захохотав.

Атос вздрогнул, отер рукой выступивший на лбу пот и встал с нервическим движением, которого не мог преодолеть.

Между тем день прошел, наступил вечер; трактиры наполнились гостями. Атос, получив свою долю от продажи бриллианта, не выходил из «Парпалью». Он нашел в Бюзиньи, который угостил их великолепным обедом, достойного партнёра.

Они играли, по обыкновению, вдвоем, когда пробило семь часов; слышно было, как прошел патруль, чтоб усилить посты; в половине восьмого пробили зорю.

– Мы погибли! – сказал д'Артаньян на ухо Атосу.

– Вы хотите сказать, что мы проиграли, – сказал спокойно Атос, вынимая из кармана четыре пистоля и бросая их на стол. – Пойдемте, господа, сказал он, – бьют зорю; пора спать. И Атос с д'Артаньяном вышли из «Парпалью»; Арамис шел позади под руку с Портосом. Арамис напевал какие-то стихи, а Портос в отчаянии по временам дергал себя за усы.

Но вдруг в темноте является тень, знакомая д'Артаньяну, и знакомый голос говорит ему:

– Я принес вам плащ, сударь, потому что теперь свежо.

– Планше! – вскричал д'Артаньян вне себя от радости.

– Планше! – повторили Портос и Арамис.

– Ну да, Планше, – сказал Атос. – Что же тут удивительного? Он обещал быть к восьми часам, и вот бьет восемь часов. Право, Планше; ты честный человек, и если ты когда-нибудь оставишь своего господина, я возьму тебя к себе.

– Нет, я никогда не оставлю господина д'Артаньяна, – сказал Планше.

В то же время д'Артаньян почувствовал, что Планше клал ему в руку записку.

Д'Артаньяну очень хотелось обнять Планше по возвращении, как он обнял его перед отъездом; но он боялся, чтобы такой знак расположения к слуге не показался странным кому-нибудь из прохожих и удержался.

– Записка у меня, – сказал он друзьям своим.

– Хорошо, – сказал Атос. – Пойдем домой и прочитаем.

Записка жгла руку д'Артаньяну; ему хотелось прибавить шагу, но Атос взял его под руку и он должен был идти не торопясь.

Наконец вошли в палатку, зажгли лампу и между тем как Планше караулил у двери, чтобы кто-нибудь не помешал им, д'Артаньян дрожащей рукой сломал печать и развернул нетерпеливо ожидаемое письмо.

Оно состояло из подстроки британского почерка и самого лаконического содержания.

«Thank you, be easy».

Что значит:

«Благодарю, будьте спокойны».

Атос взял письмо из рук д'Артаньяна, поднес его к лампе, зажег его и опустил из руки только тогда, когда оно уже превратилось в пепел.

Потом, позвав Планше, он сказал:

– Теперь, любезный, ты можешь требовать обещанные семьсот ливров, но ты немногим рисковал с такой запиской.

– Потому что я хорошо умел спрятать ее, – сказал Планше.

– Расскажи же нам все, – сказал д'Артаньян.

– Но это длинная история, сударь.

– Ты прав, Планше, – сказал Атос; – притом уже били зорю, и если мы будем далее сидеть с огнем, то это могут заметить.

– Пусть будет так, – сказал д'Артаньян, – пойдем спать. Спи спокойно, Планше.

– Да, сударь, я в первый раз в продолжение шестнадцати дней усну спокойно.

– И я также! – сказал д'Артаньян.

– И я также! – сказал Портос.

– И я также! – сказал Арамис.

– Если сказать вам правду, то и я также! – сказал Атос.

Часть четвертая

I. Судьба

Между тем миледи, в сильном гневе, бегала по палубе корабля с ужасным криком и пыталась броситься в море, чтобы воротиться на берег: она не могла успокоиться при мысли, что должна была оставить Францию, не отомстив д'Артаньяну за нанесенное ей оскорбление и Атосу, осмелившемуся угрожать ей. Эта мысль до того мучила ее, что несмотря на все опасности, каким она могла подвергнуться, она просила капитана высадить ее на берег, но капитан, желая скорее выйти из неприятного положения между французскими и английскими крейсерами, как летучая мышь между крысами и птицами, спешил в Англию и наотрез отказал ей в просьбе, принятой им за женский каприз, обещая, впрочем, своей пассажирке, которая была особенно рекомендована ему кардиналом, высадить ее, если не будет затруднений со стороны французов и если это по состоянию моря будет возможно, в одном из портов Бретани, или в Лориане, или в Бресте; но, между тем, ветер все был противный, море бурно, и корабль шел, лавируя. Через 9 дней по выходе из Шаранта миледи, бледная от горя и злости, увидела еще только синеватый берег Финистерре.

Она рассчитала, что надо было по крайней мере три дни, чтобы проехать оттуда до кардинала; кроме того один день нужно было бы употребить для высадки, итого с 9 прошедшими уже днями было бы потеряно 13 дней, а в 13 дней много важных событий могло произойти в Лондоне; она думала, что кардинал, без сомнения, рассердится за ее возвращение и, следовательно, больше будет расположен верить жалобам других на нее, нежели ее обвинениям против них. И потому, когда проезжали мимо Лориана и Бреста, то она не настаивала уже, чтобы ее высадили, а капитан со своей стороны и не думал напоминать ей об этом. Итак, миледи ехала дальше и в тот самый день, когда Планше отправлялся из Портсмута во Францию, посланница кардинала торжественно въехала в порт.

По всему городу было необыкновенное движение; спускали в море четыре большие, недавно отстроенные корабля; Бокингем стоял на плотине, блистая, по обыкновению, золотом, бриллиантами и разными драгоценными камнями, в шляпе, украшенной белым пером, спускавшимся ему на плечо, окруженный штабом, почти столь же блестящим, как и он сам.

Был один из тех прекрасных, редких зимних дней, когда Англия вспоминает, что есть на свете солнце. Бледное светило опускалось за горизонт, обливая пурпуровым светом небо и море и бросая последние золотые лучи свои па башни и старинные дома города, окна которых блестели, как будто отражением пожара. Миледи, вдыхая чистый и бальзамический морской воздух, смотря на грозные приготовления, которые ей поручено было уничтожить, на могущественную армию, которую она одна должна была победить несколькими мешками золота, сравнивала себя мысленно с Юдифью, страшной еврейкой, когда она проникла в лагерь ассириян и увидела огромную массу колесниц, лошадей, людей и оружия, которая должна быть рассеяна как облако, от одного движения руки ее.

Вошли в гавань; но когда приготовлялись бросить якорь, маленький хорошо вооруженный купер подошел к купеческому кораблю, выдавая себя за сторожевой, и спустил на море свою лодку, которая подошла к лестнице. В этой лодке были офицер, подшкипер и восемь гребцов; офицер один вошел на корабль; где был принят со всем уважением, внушаемым мундиром.

Офицер поговорил несколько минут с капитаном корабля, показал ему какие-то бумаги, и, по приказанию капитана, весь экипаж корабля, матросы и пассажиры, приглашены были на палубу.

Когда все явились, офицер спросил вслух, откуда ехал брик, какую дорогой, какие встречал мели, и на все вопросы его капитан отвечал без затруднения. Тогда офицер стал осматривать всех пассажиров и, остановившись перед миледи, смотрел на нее с большим вниманием, не говоря ни слова.

Потом он обратился опять к капитану, сказал ему несколько слов и, как будто корабль должен был ему повиноваться, приказал сделать один маневр, который тотчас был исполнен. Тогда корабль отправился дальше, в сопровождении куттера, который шел рядом с ним, угрожая ему жерлами шести своих пушек, между тем как лодка шла сзади, по следам корабля.

В то время, когда офицер рассматривал миледи, она со своей стороны пожирала его глазами. Но хотя эта женщина проницательным взглядом своим привыкла читать в сердце людей, которых тайны ей нужно было узнать, на этот раз она встретила лицо такое бесстрастное, что ровно ничего не открыла. Офицер этот был 25 или 26-ти лет от роду; его лицо было белое со светло-голубыми немного впалыми глазами, губы тонкие, неподвижно правильные, выдавшийся подбородок его показывал силу воли, которая в простонародном британском типе означает упрямство, лоб высокий, как у поэтов, энтузиастов и солдат, волосы короткие и редкие, прекрасного темно-каштанового цвета, как и борода, покрывавшая нижнюю часть лица его.

Была уже ночь, когда вошли в гавань. Туман увеличивал темноту и образовал около маяков и береговых фонарей круги, похожие на те, какие окружают луну перед наступлением дождливого времени. Воздух был сырой и холодный.

Миледи, как ни была крепка здоровьем, почувствовала дрожь.

Офицер спросил вещи миледи, велел отнести багаж ее в лодку, и когда это было исполнено, он пригласил и ее сойти туда, подав ей руку.

Миледи посмотрела на него и не решалась сойти.

– Кто вы, милостивый государь? – спросила она, – и отчего вы так добры, что принимаете во мне особенное участие?

– Вы видите по моему мундиру, миледи, что я офицер английского флота, – отвечал молодой человек.

– Разве офицеры английского флота имеют обыкновение обслуживать своим соотечественникам, пристающим в каком-нибудь порте Великобритании, и простирают любезность свою даже до того, что провожают их на берег?

– Да, миледи, не из учтивости, а из предосторожности: у нас есть обыкновение во время войны провожать иностранцев в известную гостиницу, где они остаются под надзором правительства до тех пор, пока о них соберут точные сведения.

Эти слова сказаны были с чрезвычайною вежливостью и с совершенным спокойствием, но они не убедили миледи.

– Но я не иностранка, – сказала она самым чистым английским языком, меня зовут леди Клерик и эта мера...

– Эта мера общая для всех, миледи, и вы напрасно будете стараться избавиться от нее.

– В таком случае я пойду с вами.

И приняв руку офицера, она начала спускаться по лестнице, внизу которой ожидала ее лодка.

Большой плащ постлан был в лодке; офицер пригласил ее сесть на плащ и сел возле нее.

– Гребите, – сказал он матросам.

Восемь гребцов опустили весла разом и лодка, казалось, летела по поверхности воды.

Через пять минут пристали к берегу.

Офицер вскочил на берег и предложил руку миледи.

Карета ожидала их.

– Эта карета для нас? – спросила миледи.

– Да, миледи, – отвечал офицер.

- Значит, гостиница неблизко.
- На другом конце города.
- Поедем! – сказала миледи.

Она села в карету. Офицер посмотрел, чтобы чемоданы были крепко привязаны сзади кареты, потом занял место возле миледи и затворил дверцу.

Кучеру не было отдано никакого приказа, куда ехать, но он тотчас пустил лошадей в галоп, и карета покатила по улицам.

Такой странный прием должен был заставить миледи задуматься; видя, что молодой офицер вовсе не расположен был начинать разговора, она легла в угол кареты и перебирала все возможные предположения, какие приходили ей в голову.

Спустя четверть часа, удивляясь, что карета так долго не останавливалась, она наклонилась к дверцам, чтоб посмотреть, куда ее везли.

Домов уже не видно было, в темноте мелькали только деревья, как большие черные привидения.

Миледи вздрогнула.

- Мы уже за городом? – спросила она.

Офицер молчал.

- Предупреждаю вас, что я не поеду дальше, если вы не скажете мне, куда вы меня везете. На эту угрозу не было никакого ответа.

- Это уже слишком! – вскричала миледи: – помогите! помогите!

Никто не отвечал на крик ее; карета продолжала катиться с прежней быстротой: офицер был нем как статуя.

Миледи посмотрела на офицера; лице ее приняло страшное выражение, которое для нее было довольно обыкновенно и редко не производило своего действия; глаза ее сверкали в темноте от гнева.

Офицер оставался неподвижен.

Миледи хотела отворить дверцу и выскочить.

- Берегитесь, миледи, – сказал он хладнокровно: – вы убьетесь.

Миледи опять села, дрожа от гнева; офицер наклонился, взглянул на нее и, казалось, был удивлен при виде этого лица, прежде столь прекрасного, теперь искаженного злобой до того, что оно сделалось почти отвратительным. Лукавая женщина поняла, что она вредила сама себе, выказывая состояние души своей; черты лица ее прояснились, и она сказала жалобным голосом:

- Ради Бога, скажите мне, кому я должна приписать делаемое мне насилие: вам или вашему правительству, или какому-нибудь врагу?

– Вам не делают никакого насилия, миледи; все это есть только мера предосторожности, которую мы обязаны принимать со всеми приезжающими в Англию.

- В таком случае вы меня не знаете?

- Я в первый раз имею честь вас видеть.

- И, скажите по совести, вы не имеете никакой причины ненавидеть меня?

- Клянусь вам, никакой.

В голосе его было столько простоты, хладнокровия, даже нежности, что миледи успокоилась.

Наконец, спустя около часу после отъезда, карета остановилась перед железною решеткой, за которой дорога вела к массивному, старинной формы замку, стоявшему вдали от всякого жилья. Потом колеса покатались по мелкому песку, и миледи услышала шум волн, ударявших в скалистый берег.

Карета проехала под двумя сводами и, наконец, остановилась на темном, квадратном дворе; тотчас дверца кареты отворилась, офицер легко выпрыгнул и предложил руку миледи, которая спокойно вышла.

– Все-таки я пленница, – сказала миледи, осматриваясь кругом и остановив взгляд на молодом офицере с самой любезной улыбкой. – Но я уверена, что это ненадолго, совесть моя и ваша любезность ручаются мне в этом.

Офицер ничего не отвечал на комплимент; он вынул из-за пояса маленький серебряный свисток, вроде тех, какие употребляются подшхиперами на военных кораблях, и свистнул три раза, на три разных тона: появилось несколько человек, которые отпрягли усталых лошадей и отвезли карету в сарай.

Офицер, с тою же спокойною вежливостью, пригласил пленницу войти в дом. Она, с тою же улыбкой, взяла его за руку и вошла с ним в низкую дверь, за которой свод, освещенный только в глубине, вел к каменной лестнице; они остановились перед массивною дверью; офицер отпер ее бывшим у него ключом; дверь тяжело повернулась на петлях и они вошли в комнату, назначенную для миледи.

Пленница одним взглядом осмотрела комнату до малейших подробностей.

По убранству эту комнату можно было принять и за тюрьму, и за жилище свободного человека; но железные решетки в окнах и наружные замки у дверей давали понять, что это скорее была тюрьма.

Миледи, хотя перенесшая много самых жестоких испытаний, совершенно упала духом; она опустилась в кресло, сложила руки, наклонила голову и всякую минуту ожидала, что войдет судья допрашивать ее.

Но никто не входил, кроме двух или трех матросов, которые принесли чемоданы и ящики, положили их в углу комнаты и ушли, не сказав ни слова.

Офицер присутствовал при этом, все с тем же спокойствием, не говоря ни одного слова и распоряжаясь жестами, или звуком свистка.

Можно было подумать, что для этого человека с его подчиненными языка не существовало, или он был им не нужен.

– Ради Бога, – сказала она, – скажите, что все это значит? Разрешите мое недоумение, я буду иметь довольно твердости, чтобы перенести все несчастья и опасности, которые я предчувствую и понимаю. Где же я и зачем я здесь? если я свободна, то к чему эти решетки и двери? если я пленница, то какое преступление я сделала?

– Вы в комнате, которая для вас назначена, миледи. Я получил приказание взять вас с корабля и привезти в этот замок: кажется, я исполнил это приказание со всею точностью солдата, и со всею вежливостью дворянина. Этим оканчивается, по крайней мере, теперь, возложенная на меня обязанность в отношении к вам; остальное зависит от другого лица.

– Кто же этот другой? – спросила миледи, – не можете ли вы сказать мне его имя?

В это время послышался на лестнице звук шпор и голоса нескольких человек, проходивших мимо двери; они удалились, только шум шагов одного из них приближался к дверям.

– Вот кто, – сказал офицер, посторонившись с почтением и покорностью.

В то же время дверь отворилась и неизвестный вошел.

Он был без шляпы, со шпагой на перевязи и держал в руке платок.

Миледи, казалось, узнала его издалека; она оперлась рукой на ручку кресел и вытянула вперед голову, чтоб убедиться в своем предположении.

Незнакомец медленно подошел. По мере того как он приближался к свету, бросаемому лампой, миледи невольно отодвигалась назад.

Потом убедившись, что она ошиблась, она вскричала с удивлением:

– Брат мой! это вы!

- Да, моя красавица! это я! – отвечал лорд Винтер, – делая ей полулюбезный, полунасмешливый поклон.
- Так этот замок?
- Мой.
- Эта комната.
- Ваша.
- Следовательно, я у вас в плену?
- Почти.
- Но это ужасное злоупотребление силы?
- Не говорите громких фраз; сядем и поговорим спокойно, как прилично брату и сестре. Потом обернувшись к двери и видя, что офицер ожидал его приказаний, он ему сказал.
- Хорошо, благодарю вас; теперь, оставьте нас, г. Фельтон.

II. Разговор брата с сестрой

Пока лорд Винтер запирал дверь, закрывал ставни и приставил стул к креслам своей невестки, миледи делала разные предположения и угадала весь план заговора, которого не могла понять, пока не знала, в чьи руки она попала. Она знала своего зятя как хорошего дворянина, ловкого охотника, бойкого игрока, волокиту, но никак не предполагала в нем искусства вести интриги. Как мог он узнать о ее приезде? Как мог он велеть схватить ее? И для чего он держал ее в плену?

Хотя из нескольких слов Атоса она могла заключить, что разговор ее с кардиналом был подслушан, но она никак не думала, чтоб он мог так скоро и смело устроить ей засаду. Она больше боялась, не открыли ли прежние похождения ее в Англии. Может быть, Бокингом догадался, что это она отрезала два наконечника, и мстит за эту измену; но Бокингом неспособен был на насилие против женщины, особенно если он думал, что женщина эта действует против него из ревности.

Это предположение казалось ей самым вероятным; она думала, наверное, что ей хотят отомстить за прошедшее, а не предупредить будущее. Во всяком случае, она радовалась, что попала в руки своего зятя, от которого надеялась легко отделаться, а не в руки открытого и умного врага своего.

– Да, поговорим, братец, – сказала она с веселым видом, решившись, несмотря на скрытность лорда Винтера, вывести из разговора с ним все, что ей было нужно, чтобы сообразно тому действовать впоследствии.

– Итак, вы решились возвратиться в Англию, – сказал лорд Винтер, – несмотря на то, что вы часто говорили мне в Париже, что никогда нога ваша не будет в Великобритании?

Миледи на вопрос его отвечала другим вопросом.

– Прежде всего, – сказала она, – объясните мне, каким образом вы следили за мной так зорко, что знали вперед не только о моем приезде, но даже о дне и часе приезда, и в каком порте я пристану.

Лорд Винтер принял ту же тактику, думая, что это верно самая лучшая, потому что сестра его держалась ее.

– Но скажите мне, любезная сестра, – продолжал он, – зачем вы приехали в Англию?

– Повидаться с вами, – отвечала миледи, не зная, что этим ответом она еще больше увеличивала подозрение, родившееся в уме зятя ее от письма д'Артаньяна, и желая этою ложью приобрести расположение своего собеседника.

– А, вы хотели повидаться со мной! – сказал, нахмурившись, лорд Винтер.

– Разумеется. Что же тут удивительного?

– И приезд ваш в Англию не имеет другой цели кроме этого свидания?

– Нет.

– Значит, только для меня вы беспокоились переезжать через Ла Манш?

– Только для вас.

– Черт возьми, какая нежность, сестрица!

– Но разве я не ближайшая родственница ваша? – спросила миледи с самою трогательною наивностью.

– И даже моя единственная наследница, не правда ли? – спросил лорд Винтер, смотря ей прямо в глаза.

Хотя миледи очень умела владеть собой, но не могла не вздрогнуть при этом вопросе, и лорд Винтер, взяв ее за руку при последних словах, заметил это.

Действительно, удар был нанесен метко и глубоко. Миледи тотчас пришла в голову мысль, что Кетти изменила ей и рассказала барону отвращение к нему, высказанное ею так

неосторожно в присутствии служанки; она вспомнила также неистовые и неблагоприятные выходки свои против д'Артаньяна в то время, когда он спас жизнь ее зятю.

– Я не понимаю, милорд, – сказала она, желая выиграть время и заставить своего противника высказаться яснее, – что вы хотите этим сказать? Нет ли какого скрытого смысла в ваших словах?

– Право, нет, – сказал лорд Винтер с притворным добродушием; – вы желаете меня видеть и приезжаете в Англию. Я узнаю об этом желании, или, лучше сказать, догадываюсь, что вам пришло это желание, и чтоб избавить вас от неприятностей ночного приезда в порт, и от утомительной высадки, я посылаю навстречу вам одного из моих офицеров, отдам в ваше распоряжение карету, и он привозит вас в мой замок, где я бываю каждый день, и где для удовлетворения общего желания нашего видеться друг с другом я велел приготовить для вас комнату. Что же во всем этом вы находите удивительного? Это проще, нежели то, что вы мне сказали.

– Ничего; мне кажется удивительным только то, что вы были предупреждены о моем приезде.

– Между тем это очень просто, любезная сестра; разве вы не заметили, что капитан корабля вашего, приближаясь к гавани, чтобы получить позволение войти в нее, послал вперед маленькую лодку с путевым журналом и с реестром пассажиров? Я командир порта, мне принесли этот реестр, и я увидел в нем ваше имя. Сердце мое сказало мне то, что подтвердили ваши слова, т. е. цель, для которой вы подвергались опасностям, или, по крайней мере, утомительности переезда по такому бурному морю, и я послал навстречу вам мой куттер. Остальное вам известно.

Миледи догадалась, что лорд Винтер лгал, и страх ее увеличился.

– Братец, – продолжала она, – кажется, милорд Бокингем был на плотине вечером, когда я приехала.

– Да, был. А, я понимаю, эта встреча напугала вас, – продолжал лорд Винтер, – потому что вы приехали из такой страны, где вероятно много говорят о нем, и я знаю, что его вооружение против Франции очень беспокоят вашего друга – кардинала.

– Моего друга кардинала! – вскричала миледи, видев, что лорду Винтеру все было известно.

– А разве он не друг ваш? – отвечал небрежно барон; – извините, я так думал, но мы поговорим после о милорде-герцоге, а теперь не будем изменять сентиментального тона нашего разговора; вы сказали, что вы приехали затем, чтобы видеться со мной?

– Да.

– Хорошо! Я отвечал вам, что жилище ваше устроится по вашему желанию, и что мы будем видеться каждый день.

– Разве я навсегда должна буду остаться здесь? – спросила миледи с ужасом.

– А разве вам здесь худо, сестрица? требуйте всего, что вам угодно, и я поспешу исполнить все желания ваши.

– Но у меня нет ни женщин моих, ни слуг...

– Это все будет у вас; расскажите мне, как устроен был дом ваш при первом муже вашем, и я, хотя и не муж, а только зять ваш, устрою вам его точно также.

– При первом муже моем! – вскричала миледи, смотря на лорда Винтера с испуганным видом.

– Да, при муже вашем, французе; я говорю не о брате моем. Впрочем, если вы забыли его, то он жив еще, и я могу написать к нему; он сообщит мне нужные сведения по этому предмету.

Лоб миледи покрылся холодным потом.

– Вы смеетесь надо мной, – сказала она глухим голосом.

– Вам так кажется? – спросил барон, вставая и отступая назад.

– Или лучше сказать, вы оскорбляете меня, – продолжала она, судорожно сжимая ручки кресел и приподнимаясь на руках.

– Я оскорбляю вас! – сказал лорд Винтер с презрением; – неужели вы думаете, что это возможно?

– Вы, милостивый государь, или пьяны, или с ума сошли, – сказала миледи; – ступайте вон и пошлите ко мне женщину.

– Женщины очень нескромны, сестрица; не могу ли я заменить вам служанку? по крайней мере, тогда все наши тайны останутся в семействе.

– Дерзкий! – вскричала миледи, и, вскочив с кресел, она бросилась к барону, ожидавшему ее, сложа руки, но держась впрочем, одною рукой за эфес шпаги.

– Ого? – сказал он, – я знаю, что вы привыкли убивать людей, но предупреждаю вас, что буду защищаться, даже против вас.

– Вы правы, – сказала миледи, – и мне кажется, вы довольно низки для того, чтобы поднять руку на женщину.

– Может быть; впрочем, я буду иметь оправдание в том, что, кажется, моя рука будет не первая рука мужчины, которая поднимется на вас.

И барон медленно показал на левое плечо миледи, почти прикоснувшись к нему пальцем.

Миледи испустила глухой стон и отскочила в угол комнаты, как пантера, приготавливающаяся к новому нападению.

– Ревите, сколько вам угодно, – вскричал лорд Винтер, – но не пробуйте укусить меня, потому что, предупреждаю вас, вы будете в потере: здесь нет прокуроров, вперед распределяющих наследства; нет странствующих рыцарей, которые напали бы на меня для освобождения прекрасной дамы, моей пленницы, но у меня готовы судьи, которые решат участь женщины, до того бесстыдной, что при живом первом муже она сделалась женой лорда Винтера, моего старшего брата, и предупреждаю вас, что эти судьи пошлют вас к палачу, который сделает оба плеча ваши похожими одно на другое.

Глаза миледи сверкали таким огнем, что хотя лорд Винтер был мужчина и стоял вооруженный перед безоружною женщиной, однако он почувствовал невольный страх; несмотря на то, он продолжал с возрастающим гневом:

– Да, я понимаю, что получив наследство после моего брата, вам приятно было бы получить его и после меня; но знайте вперед, что я взял свои предосторожности на случай если бы вам вздумалось убить меня, или поручить это кому-нибудь: вы не получите ни одного пенни из моего имущества. Разве вы еще не довольно богаты, имея около миллиона, и вам пора бы остановиться на роковом пути вашем; если бы вы не делали зло из одного только высокого наслаждения делать его? Будьте уверены, что если бы память брата не была для меня священна, вы сгнили бы в какой-нибудь государственной тюрьме или отправились бы в Тибюрн удовлетворять любопытство матросов; я буду молчать, но вы извольте спокойно переносить ваш плен; через 15 или 20 дней я отправляюсь к ла Рошели, в армию; накануне моего отъезда за вами придет корабль, я буду смотреть за его отправлением, он отвезет вас в наши южные колонии, и будьте уверены, я приставлю к вам товарища, который разможит вам голову при первой попытке вашей возвратиться в Англию или на континент.

Миледи слушала с вниманием; глаза ее блестели, зрачки расширились.

– Да, продолжал лорд Винтер, – теперь вы останетесь пока в этом замке: стены его толсты, двери крепки, железные решетки надежны; впрочем, окно из вашей комнаты прямо выходит над морем: матросы мои, преданные мне на жизнь и смерть, стоят на страже около этой комнаты и наблюдают за всеми проходами, ведущими во двор; и если бы вам удалось добраться до двора, то останется еще пройти через три железные решетки. Приказ отдан очень определенно: при первом шаге вашем, движении или слове к побегу, в вас будут стрелять; если вас убьют, то, я надеюсь, английское правосудие будет мне обязано, что я избавил его от хлопот.

А, ваше лицо принимает спокойное выражение, ваша уверенность возвращается; вы думаете: 15 дней, 20 дней, о, ум мой изобретателен, в это время мне придет какая-нибудь идея; у меня адская хитрость, я найду какую-нибудь жертву. Через 15 дней, думаете вы, меня здесь не будет! Попробуйте!

Миледи, видя, что мысли ее угаданы, изо всех сил старалась, чтобы в лице не выразилось другого какого-нибудь чувства, кроме грусти и отчаяния.

Лорд Винтер продолжал:

– Вы видели уже офицера, который принимает здесь начальство во время моего отсутствия; следовательно, вы его уже знаете; вы видели, что он умеет в точности исполнять приказания, потому что я знаю вас и уверен, что по дороге из Портсмута сюда вы пробовали заставить его сказать что-нибудь. Как вы думаете? бывает ли мраморная статуя бесстрашнее и молчаливее его? Вы испытали уже на многих силу соблазна, и к несчастью, вам всегда это удавалось; но попробуйте на этом! если вам удастся, то я скажу, что вы сам демон.

Он подошел к двери и отворил ее.

– Позовите г. Фельтона, сказал он; – я сейчас отрекомендую вам его.

Последовало странное молчание, во время которого слышно было приближение медленных, ровных шагов; вскоре вошел знакомый уже нам молодой поручик и остановился на пороге, ожидая приказаний барона.

– Войдите, любезный Джон, – сказал лорд Винтер, – войдите и закройте дверь.

Офицер вошел.

– Посмотрите на эту женщину, – сказал барон: – она молода, прекрасна, обладает всею прелестью соблазна, и между тем это чудовище, которое в 25 лет совершило уже столько преступлений, сколько вы не насчитаете в год в архивах наших судов; голос ее располагает в ее пользу, красота ее служит приманкой жертвам, она будет стараться соблазнить вас, может быть, даже убить. Я извлек вас из нищеты, Фельтон; я сделал вас поручиком, я однажды спас вашу жизнь, вы помните в каком случае; я для вас не только покровитель, я ваш друг; не только благодетель, но и отец; женщина эта возвратилась в Англию для того, чтоб убить меня; я держу в руках эту змею; я призываю вас и говорю вам: друг мой Фельтон, Джон, дитя мое, оберегай меня и особенно берегись сам этой женщины, поклянись жизнью сохранить ее для наказания, ею заслуженного. Джон Фельтон, я верю твоему слову; Джон Фельтон, я верю твоей честности.

– Милорд, сказал офицер, придавая ясному взгляду своему как можно больше ненависти; – милорд, клянусь вам, что желание ваше будет исполнено.

Миледи перенесла этот взгляд как беззащитная жертва: невозможно вообразить себе более покорного и нежного выражения, как то, которое отражалось в эту минуту на лице ее. Так что сам лорд Винтер не узнавал в ней тигрицы, с которою за минуту тому назад он готовился вступить в бой.

– Она не должна выходить из этой комнаты; понимаете, Джон, – продолжал барон; – она не должна иметь ни с кем переписки, не должна говорить ни с кем кроме вас, если вам угодно будет сделать ей честь говорить с ней.

– Я поклялся, милорд, этого достаточно.

– Теперь, миледи, постарайтесь примириться с Богом, потому что вы осуждены людьми.

Миледи опустила голову, как будто уничтоженная этим приговором. Лорд Винтер вышел, сделав знак Фельтону, который пошел за ним и запер дверь.

– Минуту спустя раздались в коридоре тяжелые шаги матроса, бывшего на страже, с топором за поясом и ружьем в руке.

Миледи несколько минут оставалась в том же положении, потому что она думала, что за ней наблюдают в замочную скважину; потом медленно подняла голову; лицо ее опять приняло страшное выражение угрозы и неустрашимости, она побежала подслушать у двери, взглянула в окно, наконец, погрузившись опять в широкое кресло, задумалась.

III. Офицер

Между тем кардинал ожидал хороших вестей из Англии, но никаких вестей не было, кроме неприятных и грозных.

Хотя ла Рошель была обложена, и хотя успех казался несомненным благодаря принятым предосторожностям и в особенности плотине, не пропускавшей в осажденный город ни одной лодки; но блокада могла продолжаться еще долгое время к великому стыду для армии короля и к великому затруднению кардинала. Правда, ему уже не нужно было ссорить Людовика с Анною Австрийской, потому что это уже было сделано, но нужно было помирить Бассомгхиера с герцогом Ангулемским.

Что касается до брата короля, то он, начав осаду, предоставил кардиналу заботу окончить ее.

Жители города, несмотря на невероятное упорство мера, хотели сдаться и составили заговор; мер велел повесить заговорщиков. Эта казнь успокоила буйные головы, решившиеся тогда дать уморить себя голодом. Эта смерть казалась им все-таки не такую быструю и верную как смерть на виселице.

Осаждающие по временам перехватывали курьеров, отправляемых рошельцами к Бокингему и шпионов, посылаемых к ним Бокингом. В том и другом случае суд был короток. Кардинал решал его одним словом: повесить! Короля приглашали посмотреть на казнь. Он являлся изнуренный, занимал лучшее место, чтобы видеть операцию во всей подробности: это его немного развлекало и заставляло терпеливо переносить осаду. Но не мешало ему очень скучать и думать беспрестанно о возвращении в Париж, так что если бы не попадались курьеры и шпионы, то кардинал, несмотря на свою изобретательность, был бы в большом затруднении.

Время шло, ла Рошель не сдавалась; последний пойманный шпион был с письмом. Бокингему писали, что город доведен до последней крайности, но вместо того, чтобы прибавить: «Если вы не подадите помощи раньше 15 дней, то мы сдадимся». Письмо оканчивалось так: «если вы подадите нам помощи раньше 15 дней, то мы все умрем с голоду».

Итак, ла Рошель надеялась только на Бокингема. Очевидно было, что если жители города получат верное известие, что им нельзя уже рассчитывать на Бокингема, то храбрость их пропадет вместе с надеждой на него.

Итак, кардинал с великим нетерпением ожидал из Англии уведомления о том, что Бокингом придет на помощь ла Рошели.

В королевском совете часто рассуждали о том, не взять ли город силой, но совет не соглашался на это: во-первых, потому что ла Рошель казалась неприступною: притом кардинал все-таки понимал, что разрешить приступ, в котором французы должны были бы проливать кровь французов, значило бы отстать от века, а кардинал был тогда, что называют в наше время, человек прогресса. В самом деле, разграбление ла Рошели и убийство 4- тысяч гугенотов, которые ни за что бы не сдались, слишком походило бы в 1628 году на Варфоломеевскую ночь 1572 года, и притом такое крайнее средство, которое впрочем, вовсе не противно было королю, как ревностному католику, всегда опровергалось следующим доводом осаждающих генералов: ла Рошель невозможно взять иначе как голодом.

Кардинал не мог не бояться своей страшной посланницы, потому что он очень понимал эту женщину, то извивавшуюся как змей, то опасную как львица, не изменила ли она ему? не умерла ли она? Во всяком случае, он знал очень хорошо, что действовала ли она за него или против него, но что она не останется в бездействии, разве в случае особенно важных препятствий; что же могло помешать ей? Этого он никак не мог понять.

Впрочем, он имел причины рассчитывать на миледи: он знал в прошедшем этой женщины страшные тайны, которые могли быть прикрыты только его красною мантией, и чувство-

вал, что по какой бы то ни было причине эта женщина ему предана, потому что только в нем она могла найти защиту против угрожавших ей опасностей.

Итак, он решил продолжить войну и ожидать посторонней помощи только как счастливого случая. Он велел продолжать постройку знаменитой плотины, долженствовавшей прокормить голод в ла Рошели; а между тем бросив взгляд на несчастный город, заключавший в себе столько величайших бедствий и столько геройских добродетелей, он припомнил правило своего политического предшественника, Людовика XI: «посевай раздоры, чтоб удобнее управлять».

Генрих IV, осаждая Париж, велел бросать через стены хлеба и других съестных припасов, кардинал велел бросать записочки, в которых представлял рошельцам, как несправедливо, эгоистически и варварски поступали их начальники; писал, что у их начальников было много хлеба, но что они не раздавали его; что они приняли за правило, что неважная вещь, если женщины, дети и старики умрут, только бы люди, обязанные защищать стены, были сыты и здоровы. Правило это, хотя не было вообще принято, но действительно применялось по необходимости; записочки кардинала поколебали его. Они напомнили осажденным, что умирающие дети, женщины и старики были их сыновья, жены и отцы; что было бы справедливее терпеть всем одинаково в общем горе, чтобы при одинаковых условиях все мнения могли быть единогласными.

Эти записки произвели именно то действие, какого мог ожидать сочинитель их: они заставили многих жителей войти в отдельные переговоры с королевской армией.

Но в то время, когда кардинал видел уже, что употребленное им средство приносит плоды, и радовался, что употребил его, один житель ла Рошели, приехавший из Портсмута и успевший, несмотря на бдительность Бассомпьера и Томберга и герцога Ангулемского, над которыми наблюдал еще кардинал, пройти сквозь линии королевских войск, вошел в город и рассказал, что он видел великолепный флот, готовый к отплытию не позже как через неделю. Кроме того, Бокингом сообщал меру, что скоро объявлен будет великий союз держав против Франции и в нее вторгнутся в одно время английские, императорские и испанские войска. Это письмо читалось публично на всех площадях; копии с него прибиты были на углах улиц, и даже те, которые вступили уже в переговоры с неприятелем, прервали их, решившись ожидать помощи, так торжественно обещанной.

Это неожиданное обстоятельство встревожило Ришелье и заставило его невольно обратиться снова взоры на другой берег моря.

Между тем королевская армия, не разделяя беспокойства своего единственного и настоящего начальника, проводила время весело; съестные припасы были в лагере в изобилии; деньги также; все корпуса соперничали в смелости и забавах. Ловили шпионов и вешали их; делали отважные экспедиции на плотину и на море, выдумывали самые безрассудные предприятия и хладнокровно приводили их в исполнение. В таких занятиях армия не замечала, как проходило время, между тем как оно бесконечно тянулось не только для рошельцев, мучимых голодом и сомнением, но и для кардинала, теснившего их блокадой.

Иногда кардинал, ездивший всегда верхом как последний из жандармов армии, задумчиво осматривал осадные работы, производившиеся по его приказанию инженерами, собранными им со всех концов Франции, и ему все казалось, что работы шли очень медленно. Если при этих осмотрах случалось ему встретить кого-нибудь из мушкетеров роты де Тревиля, то он подъезжал к нему, смотрел на него с особенным вниманием, и, узнав, что он не был из числа известных нам четырех товарищей, он обращал на другой предмет свой глубокий взгляд и свою обширную мысль.

Однажды, мучимый смертельною скукой, не надеясь уже на переговоры с городом и не получая никаких вестей из Англии, кардинал выехал без всякой цели, в сопровождении только Кагюзака и ла Гудиньера, и погруженный в глубокую задумчивость ехал тихим шагом

по берегу моря. Поднявшись на один холм, он с вершины его заметил за плетнем, лежащих на песке и гревшихся на солнце, как редко показывающемся в это время года, семь человек, окруженных пустыми бутылками. Четверо из них были наши мушкетеры, приготовлявшиеся слушать чтение письма, только что полученного одним из них. Письмо это было так важно, что для него бросили карты и кости, лежавшие на барабане.

Трое остальные заняты были откупоркой огромной сулеи с коллиурским вином; это были слуги тех господ.

Кардинал, как мы сказали, был в мрачном расположении духа, а когда он бывал в таком расположении, то ничто так не усиливало скуки его как веселость других. Притом у него было странное предубеждение: он всегда думал, что других веселило именно то, что было причиной его печали. Сделавши знак Кагюзаку и ла Гудиниеру, чтоб они остановились, он сошел с лошади и подошел к подозрительным весельчакам, надеясь, что скрытый за плетнем и тихо ступая по песку, он мог подойти на такое расстояние, чтобы подслушать что-нибудь из разговора их, казавшегося ему очень интересным: за десять шагов от плетня он расслушал гасконский выговор и не сомневался уже, что остальные трое были так называвшиеся неразлучные, т. е. Атос, Портос и Арамис.

При этом открытии желание его подслушать разговор усилилось; глаза его приняли странное выражение и кошачьим шагом он подкрался к плетню, но до него доходили еще только отрывистые звуки, без всякой связи, как вдруг громкий крик заставил его вздрогнуть и обратил на него внимание мушкетеров.

– Офицер! – закричал Гримо.

– Ты, кажется, что-то сказал, – закричал ему Атос, приподнимаясь на локте и смотря на Гримо своими сверкающими глазами.

Гримо не отвечал ни слова, а протянул только указательный палец по направлению к плетню, показывая на кардинала и его свиту.

Мушкетеры вскочили с мест и поклонились кардиналу с почтением.

Кардинал, казалось, был взбешен.

– Кажется, господа мушкетеры велят караулить себя? – сказал он. – Разве есть опасность, что англичане придут по сухому пути, или мушкетеры считают себя старшими офицерами?

– Ваша эминенция, – отвечал Атос, один среди общего ужаса сохранивший спокойствие и хладнокровие, никогда его не покидавшие, – мушкетеры, когда они не на службе, или когда служба их кончена, пьют и играют в кости, и они офицеры очень важные в отношении к своим лакеям.

– Лакеи! – сказал кардинал; – лакеи, которым приказано предупреждать своих господ, когда кто-нибудь идет, это уже не лакеи, а часовые.

– Вы видите, ваша эминенция, что если бы мы не приняли этой предосторожности, мы могли бы пропустить случай засвидетельствовать вам наше уважение и поблагодарить вас за милость, которую вы нам оказываете, удостоив подойти к нам. Д'Артаньян, – продолжал Атос, – вы сейчас только желали иметь случай выразить вашу признательность г. кардиналу; воспользуйтесь этим теперь.

Слова эти произнесены были с непоколебимым спокойствием, отличавшим Атоса в минуты опасности, и самую изысканною вежливостью, делавшею его величественным в эти минуты.

Д'Артаньян подошел поближе и пробормотал несколько слов благодарности, остановившись на половине фразы при мрачном взгляде на него кардинала.

– Все равно, господа, – продолжал кардинал, не отступая от начатого им разговора: – все равно; я не люблю, чтобы простые солдаты, оттого только, что они имеют честь служить в одном из привилегированных корпусов, разыгрывали роль вельмож, и дисциплина должна быть для всех одинакова.

Атос дал кардиналу окончить фразу и, поклонившись в знак согласия, отвечал:

– Мне кажется, что дисциплина нисколько нами не нарушена. Мы не на службе и полагаем, что можем поэтому располагать своим временем, как нам хочется. Если мы так счастливы, что вашей эминенции угодно дать нам какое-нибудь особое приказание, мы готовы вам повиноваться. Вы изволите видеть, – продолжал Атос, нахмутив брови, потому что этот допрос начинал выводить его из терпения, – что мы готовы на всякий случай; вот наше оружие.

И он указал пальцем на 4 ружья, стоявшие вместе возле барабана, на котором лежали карты и кости.

– Поверьте, ваша эминенция, – прибавил д'Артаньян, – что мы вышли бы вам навстречу, если бы могли предполагать, что это вы подъезжаете к нам с такою малою свитой.

Кардинал кусал усы и губы.

– Знаете, на кого вы похожи, когда вы все вместе, как теперь, вооружены, и когда ваши лакеи у вас на страже? – сказал кардинал. – Вы похожи на заговорщиков.

– О, это совершенно справедливо, – сказал Атос, – и мы действительно составляем заговоры, как вы могли сами видеть однажды утром, но только против рошельцев.

– Э, господа политики! – отвечал кардинал, нахмутив брови, – в ваших головах, может быть, скрывается не одна тайна; жаль, что их не так легко читать, как вы читали это письмо, которое спрятали, когда увидели меня.

Атос покраснел и подошел ближе к кардиналу.

– Можно подумать, что вы, в самом деле, подозреваете нас и допрашиваете; если это правда, то удостоьте объяснить нам, в чем дело, по крайней мере, мы будем знать, в чем нас обвиняют.

– А если б это и в самом деле был допрос, – отвечал кардинал; – другие не ниже вас, г. Атос, подвергались моим допросам и отвечали на них.

– Но я ведь сказал вашей эминенции, что если вам угодно будет нас допрашивать, мы готовы отвечать.

– Что это за письмо, которое вы читали, г. Арамис, и спрятали?

– Это письмо от женщины.

– О, я понимаю, – сказал кардинал: – в отношении к этим письмам надо быть скромным; но все-таки их можно показать духовнику, а вы знаете, что я имею на это право.

– Ваша эминенция, – сказал Атос со спокойствием, тем более ужасным, что он рисковал своею головой, давая подобный ответ: – письмо это от женщины, но оно не от Марион де Лорень и не от г-жи д'Эгильон.

Кардинал побледнел как смерть; глаза его страшно заблестали; он обернулся, как будто желая отдать приказание Кагюзаку и ла Гудиньеру.

Атос заметил это движение; он сделал шаг к ружьям, на которые трое друзей его пристально смотрели, как люди, не расположенные позволять арестовать себя. С кардиналом были только двое; мушкетеры, считая со слугами, были всемером; он рассчитал, что партия будет неравная, тем больше, что Атос и его товарищи действительно составляли заговор, и вдруг, как он часто это делал, весь гнев его перешел в улыбку.

– Хорошо, хорошо! – сказал он, – вы храбрые молодые люди, верные и днем, и ночью; не худо беречь себя тем, кто так хорошо оберегает других; господа, я не забыл той ночи, когда вы провожали меня в гостиницу Красной Голубятни; если бы была какая-нибудь опасность по той дороге, куда я еду, то я попросил бы вас проводить меня; но как ничего опасного нет, то оставайтесь тут, опоражнивайте ваши бутылки, доигрывайте партию и дочитывайте письмо. Прощайте, господа.

И сев на лошадь, подведенную ему Кагюзаком, он сделал им приветствие рукой и уехал.

Молодые люди стояли неподвижно и провожали его глазами, не говоря ни слова, пока он исчез из виду.

Тогда они взглянули друг на друга.

Все были в большом смущении, потому что, несмотря на дружеское прощание кардинала, они понимали, что он уехал взбешенный.

Один только Атос презрительно улыбался.

Когда кардинал исчез из виду, то Портос, которому хотелось излить на кого-нибудь свой гнев, вскричал: – Этот каналья Гримо поздно закричал!

Гримо хотел отвечать, но Атос поднял вверх палец, и Гримо не сказал ни слова.

– Вы отдали бы письмо, Арамис? – сказал д'Артаньян.

– Если бы он этого потребовал, – отвечал Арамис своим нежным голосом; – то я одною рукой подал бы ему письмо, а другою приколол бы его насквозь шпагой.

– Я этого и ожидал, – сказал Атос; – и потому вмешался в ваш разговор. Удивляюсь, как этот человек неблагоприятен до того, что позволяет себе говорить такие вещи; можно подумать, что он всегда имел дело с женщинами и детьми.

– Любезный Атос, – сказал д'Артаньян, – я вам удивляюсь, но все-таки мы были неправы.

– Как неправы! – сказал Атос. – Кому же принадлежит воздух, которым мы дышим? океан, на который мы смотрим? песок, на котором мы лежали? письмо вашей любовницы? разве кардиналу? Этот человек действительно воображает, что весь свет принадлежит ему; вы уже и струсил, отвечали, заикаясь, как одурелый; как будто Бастилия уже стояла перед вами и гигантская Медуза превратила вас в камень: разве влюбиться значит быть заговорщиком? Вы влюбились в женщину, которую кардинал велел заключить в тюрьму; вы хотите отнять ее из рук кардинала; это все равно, что игра, письмо – это ваши карты, зачем же вам показывать свои карты противнику? так не делается. Пусть он угадывает! мы угадали же его карты!

– Это все справедливо, Атос, – сказал д'Артаньян.

– В таком случае нечего больше и говорить об этом; Арамис, продолжайте читать письмо вашей кузины с того места, где помешал кардинал.

Арамис вынул письмо из кармана; три друга подвинулись к нему, а слуги расположились по-прежнему около суши.

– Вы прочитали только одну или две строчки, – сказал д'Артаньян, – начните уже снова.

– Хорошо, – отвечал Арамис.

«Любезный кузен! кажется, я решусь отправиться в Стене, где сестра моя поместила маленькую служанку нашу в монастырь Кармелиток; бедняжка решила поступить туда; она знает, что во всяком другом месте спасение души ее будет ненадежно. Впрочем, если дела нашего семейства устроятся так, как мы желаем, я думаю, что она, рискуя погубить свою душу, возвратится к тем, о ком она сожалеет, тем больше, что она знает, что о ней думают постоянно. Между тем она не совсем несчастна: она желала бы только, чтобы жених написал к ней что-нибудь. Я знаю, что письма нелегко проходят через решетки монастыря, но, как я вам доказала, любезный кузен, я не совсем неловка, и я взяла бы на себя это поручение. Сестра моя благодарит вас за память о ней. Она сначала очень беспокоилась; но теперь спокойнее с тех пор, как послала туда доверенное лицо, чтобы там не случилось чего-нибудь неожиданно.

Прощайте, любезный кузен, пишите к нам как можно чаще, то есть каждый раз, когда будете уверены, что письмо будет верно доставлено. Целую вас.

Мария Минсон».

– О, сколько я вам обязан, Арамис, – вскричал д'Артаньян. – Любезная Констанция! наконец я узнал, где она; она жива; она в безопасности в монастыре; она в Стене! Где это Стене, Атос?

– В Лорени, за несколько миль от границ Альзаса; когда осада кончится, мы можем поехать в ту сторону прогуляться.

– И надо надеяться, что это скоро будет, – сказал Портос, – потому что сегодня утром повесили одного шпиона, который объявил, что рошельцы питаются кожей своих башмаков. Если предположить, что съевши кожу, они примутся за подошвы, то я не знаю, что потом им останется, разве есть друг друга.

– Бедные глупцы! – сказал Атос, опоражнивая стакан превосходного бордосского вина, которое хотя тогда не было в такой славе как в наше время, но было не хуже нынешнего; – бедные глупцы! как будто бы католическая вера не есть самая выгодная и самая приятная из всех. А все-таки, – сказал он, – они молодцы. Что вы делаете, Арамис? – продолжал Атос; – вы прячете письмо в карман?

– Да, – сказал д'Артаньян; – Атос прав: его надо сжечь; да и то опасно; кто знает, может быть, кардинал знает секрет возобновить письмо из пепла.

– Наверное, знает, – сказал Атос.

– Что же вы хотите сделать с этим письмом? – спросил Портос.

– Гримо, поди сюда, – сказал Атос.

Гримо подошел.

– Чтобы наказать тебя за то, что ты говорил без моего позволения, друг мой, ты должен съесть этот кусок бумаги; потом чтобы наградить тебя за услугу, которую ты нам этим окажешь, ты получишь за это стакан вина; вот возьми прежде письмо, жуй его хорошенько.

Гримо улыбнулся, и, смотря на стакан, наполненный Атосом до краев, он разжевал бумагу и проглотил.

– Bravo, Гримо! – сказал Атос, – теперь возьми вот это; да можешь не благодарить.

Гримо молча выпил стакан бордосского вина, но глаза его, поднятые к небу во время этого приятного занятия, говорили за него очень выразительно.

– Теперь, – сказал Атос, – мы почти можем быть спокойны; разве кардиналу придет гениальная мысль разрезать брюхо Гримо.

Между тем кардинал продолжал свою прогулку, ворча про себя:

– Решительно, эти четыре человека должны быть мои!

IV. Первый день плена

Возвратимся к миледи, которую мы на время потеряли из виду, занявшись берегами Франции.

Мы найдем ее в том же отчаянном положении, погруженную в самые мрачные размышления, в том мрачном аду, за дверями которого она почти потеряла всякую надежду; в первый еще раз ею овладели сомнение и страх.

Два раза счастье изменяло ей; два раза она видела, что ее разгадали и изменили ей, и в обоих случаях причиной неудачи ее был роковой гений, посланный самим небом, чтобы побороть ее: д'Артаньян победил ее, эту непобедимую силу зла.

Он употребил во зло любовь ее, унизил ее гордость, помешал ее честолюбивым замыслам, и наконец, лишил свободы и угрожает даже жизни. А главное, он поднял один угол маски ее, – этого щита, которым она закрывалась, и который составлял всю силу ее.

Она ненавидела Бокингема, так как ненавидела всех, кого любила, и д'Артаньян отвратил от Бокингема бурю, которою угрожал ему Ришелье в лице королевы. Д'Артаньян выдал себя за де Варда, к которому она имела страсть тигрицы, неукротимую как вообще страсть женщин подобного характера. Д'Артаньян знал ее страшную тайну, а она поклялась, что никто не узнает ее, не заплатив за это жизнью. Наконец, когда она получила средство, которым могла бы отомстить врагу своему, это средство отнято у нее из рук и теперь д'Артаньян держит ее в плену и пошлет ее в какой-нибудь грязный Ботани-Бей, в какой-нибудь отвратительный Тибюрен Индийского океана.

Она не сомневалась, что причиной всего этого – д'Артаньян; кто другой мог покрыть ее таким стыдом, если не он? Только он мог сообщить лорду Винтеру все эти страшные тайны, открытые им одна за другой роковым случаем. Он знает ее зятя и верно написал к нему.

Сколько ненависти в душе ее! она сидит неподвижно, устремив сверкающие глаза в глубину пустынной комнаты своей и глухие вопли, вырывающиеся по временам с дыханием из глубины груди ее, вторят шуму волн, ударяющих с воем, как вечное я бессильное отчаяние, в скалы, на которых построен этот мрачный и грозный замок! Сколько прекрасных проектов мщения, теряющихся в дали будущего, составляет она в уме своем, озаряемом проблесками бурного гнева ее, против мадам Бонасьё, против Бокингема и в особенности против д'Артаньяна.

Да, но для того, чтобы мстить, необходимо быть на свободе, а чтобы освободиться из тюрьмы, нужно разломать стену, или перепилить решетки, или прорубить пол; подобные вещи возможны для человека терпеливого и сильного, а не для желчной и раздражительной женщины. Притом, для этого нужно время; целые месяцы, годы, а ей оставалось только 10 или 12 дней, как говорил лорд Винтер, брат и тюремщик ее.

Если бы она была мужчиной, она испытала бы эти средства освобождения и может быть, ей удалось бы; но, к несчастью, природа ошиблась, одарив ее такою мужественною душой и дав такое слабое и нежное тело.

Поэтому первые минуты заключения были ужасны: она не могла превозмочь нескольких судорожных движений ярости. Мало-помалу она удержала порывы бессильного гнева своего, нервическая дрожь прекратилась, и она начала собираться с силами как отдыхающий змей.

– Да, глупо выходить из себя, – думала она, устремив огненный взгляд на зеркало. – Гнев есть доказательство слабости. Это средство никогда мне не удавалось, если бы я действовала против женщин, то, может быть, нашла бы, что они слабее меня и могла бы остаться победительницей, но я должна бороться с мужчинами, а перед ними я не больше как слабая женщина. Итак, надо действовать, как следует женщине; сила моя заключается в слабости.

Тогда, как будто желая испытать, какие изменения могла она придавать выразительному и подвижному лицу своему, она заставляла его принимать все выражения от гнева, безобразившего черты лица ее, до самой нежной, кроткой, соблазнительной улыбки. Потом она поправила волосы, сделав прическу, которая всего больше была ей к лицу. Наконец, довольная сама собой, она сказала:

– Ничто еще не потеряно. Я все-таки прекрасна.

Было около 8 часов вечера. Миледи заметила кровать и думала, что отдых освежит не только мысли ее, но и цвет лица. Но она не успела еще лечь, как ей пришла другая лучшая мысль. Она вспомнила, что ей говорили об ужине. Прошло уже около часу с тех пор, как ее привели в эту комнату, надо было ожидать, что ужин скоро принесут. Пленница не хотела терять времени и решила в тот же вечер сделать попытку узнать характер людей, которым поручено было стеречь ее.

За дверью показался свет; этот свет возвещал о приближении ее тюремщиков. Миледи живо бросилась опять в кресло, откинув назад голову, с распущенными волосами, с полуоткрытою грудью, положив одну руку на сердце, другую опустив вниз.

Засовы отодвинулись, дверь со скрипом отворилась, и послышались шаги.

Поставьте там этот стол, – сказал Фельтон, которого пленница узнала по голосу.

Приказание было исполнено.

– Принесите свеч и смените часовых, – продолжал Фельтон. Это приказание, отданное поручиком одним и тем же лицам, доказало миледи, что прислуга ее состояла из тех же людей, которые стерегли ее, т. е. из солдат.

Приказания Фельтона были исполнены со скоростью, доказывавшею хорошее состояние дисциплины его подчиненных.

Наконец Фельтон, не взглянувший еще на миледи, обратился к ней.

– А, она спит, – сказал он, – это ничего; она поужинает, когда проснется.

И он хотел уйти.

– Нет, поручик, – сказал один из солдат, подойдя к миледи, – она не спит.

– Как не спит! – сказал Фельтон, – что же она делает?

– Она в обмороке; лицо ее очень бледно и совсем не слышно дыхания.

– Правда, – сказал Фельтон, посмотрев на миледи, но не приблизившись к ней ни на шаг; – поди, скажи лорду Винтеру, что пленница его в обмороке потому я не знаю, что делать; это непредвиденный случай.

Солдат пошел исполнить приказание своего офицера; Фельтон сел в кресло, стоявшее близ двери, и ждал, не говоря ни слова. Миледи вполне обладала женским искусством видеть сквозь ресницы, не открывая глаз; она заметила, что Фельтон сидит к ней спиной; она смотрела на него в продолжение 10 минут, и во все это время бесстрастный сторож ее не оглянулся ни разу.

Она подумала тогда, что если лорд Винтер придет, то присутствие его придаст новую силу тюремщику ее; итак первая попытка ее была неудачна; она перенесла это, как женщина, у которой есть еще много средств. Она подняла голову, открыла глаза и тихо вздохнула.

При этом вздохе Фельтон, наконец, оглянулся.

– А, вы проснулись, – сказал он, – в таком случае мне больше нечего здесь делать. Если вам что-нибудь нужно будет, вы позвоните.

– О, Боже мой, как я страдаю! – бормотала миледи гармоничным голосом своим, которым, как древняя волшебница, она очаровывала всех, кого хотела погубить.

И выпрямившись на кресле, она приняла положение более грациозное и небрежно, чем прежде.

Фельтон встал.

– Вам будут подавать кушать три раза в день, – сказал он; в 9 часов утра, в час и в 8 часов вечера. Если это вам не нравится, вы можете сами назначить время, и в этом отношении желание ваше будет исполнено.

– Но неужели я всегда буду одна в этой большой и мрачной комнате? – спросила миледи.

– Для вас нанята одна женщина; она завтра придет и будет являться к вам всегда, когда вам угодно.

– Благодарю вас, – отвечала с покорностью пленница.

Фельтон слегка поклонился и хотел выйти.

Когда он был уже в дверях, в коридоре показался лорд Винтер, в сопровождении солдата, известившего его об обмороке миледи. Он нес в руке флакон со спиртом.

– Что такое? что здесь случилось? – сказал он насмешливым тоном, видя, что пленница его уже на ногах и Фельтон уходит. Мертвая уже воскресла! Фельтон, дитя мое, разве ты не понял, что тебя приняли за новичка и разыграли перед тобой первое действие комедии, которую, без сомнения, мы будем иметь удовольствие видеть всю до конца.

– Я так и полагал, милорд, – сказал Фельтон; – но как пленница наша все-таки женщина, то я счел нужным оказать ей внимание, которое всякий благовоспитанный человек должен иметь к женщине, если не для нее, то, по крайней мере, самого себя.

Миледи вздрогнула всем телом. Слова Фельтона прошли холодом по всем жилам ее.

– Так эти прекрасные волосы, так искусно распущенные, – продолжал лорд Винтер смеясь, эта белизна тела и этот темный взгляд не соблазнили еще твое каменное сердце.

– Нет, милорд, – отвечал бесстрастный молодой человек, – и поверьте, что уловки и кокетство женщин никогда не искусят меня.

– В таком случае, храбрый поручик мой, оставим миледи придумывать другие средства и пойдем ужинать: о, у нее изобретательный ум; будь уверен, что второй акт комедии последует скоро за первым.

С этими словами лорд Винтер взял Фельтона под руку и увел его, смеясь.

– О, я найду, что для тебя нужно, – ворчала миледи сквозь зубы; – будь спокоен, несчастный монах в солдатском мундире.

– Кстати, – сказал Винтер, остановясь на пороге; – я надеюсь, миледи, что эта неудача не отнимет у вас аппетита. Попробуйте этого цыпленка и этой рыбы; клянусь вам честью, что они не отравлены. Я очень доволен своим поваром, и так как он не наследник мой, то я имею к нему полную доверенность. Подражайте в этом мне. Прощайте, любезная сестрица! до будущего обморока вашего.

Миледи не могла перенести этого: руки ее судорожно сжались, зубы заскрежетали, она следила глазами за движением двери, затворявшейся за лордом Винтером и Фельтоном, и когда осталась одна, то снова впала в отчаяние; она взглянула на стол, увидела нож, бросилась к нему и схватила его; но она жестоко ошиблась; нож был из гибкого серебра с закругленным концом.

За дверью, неплотно затворенной, раздался хохот, и она опять отворилась.

– Ха, ха, ха, видишь ли, любезный Фельтон, – вскричал лорд Винтер, – что я тебе говорил? Этот нож был для тебя, дитя мое; она убила бы тебя, это одна из странностей ее отделяться так или иначе от людей, которые ей мешают. Если бы я послушался тебя и велел подать ей стальной и острый нож, Фельтон не существовал бы; она бы зарезала тебя и потом всех нас. Видишь, Джон, как хорошо она умеет держать нож.

В самом деле, миледи судорожно сжимала оружие, но при последних словах Винтера рука ее ослабела, силы оставили ее.

Нож упал на пол.

– Вы правы, милорд, – сказал Фельтон, тоном глубокого отвращения, отозвавшимся в сердце миледи, – вы правы, я ошибся.

И оба снова ушли.

Но на этот раз миледи была внимательнее, чем в первый раз; она прислушивалась, как шаги их удалялись и затихли в коридоре.

– Я погибла, – бормотала она, – я нахожусь во власти людей, на которых могу иметь столько же влияния, как на бронзовые или гранитные статуи; они знают меня хорошо и защищены против всякого оружия моего. Но нельзя же, чтобы это кончилось так, как они хотят.

Действительно, как показывало это последнее размышление и инстинктивное возвращение к надежде, страх и слабость ненадолго овладевали этой сильной душой. Миледи села к столу, поела нескольких кушаньев, выпила немного испанского вина и почувствовала, что решимость снова возвратилась к ней.

Ложась спать, она припоминала, анализировала, обдумывала со всех сторон слова, поступки, жесты и даже молчание своих тюремщиков и заключила из этого глубокого исследования, что из двух угнетателей ее на Фельтона все-таки скорее можно было подействовать.

Особенно одно слово припоминала пленница.

– Если бы я тебя послушался, – сказал лорд Винтер Фельтону.

Значит, Фельтон говорил в ее пользу, потому что лорд Винтер не хотел послушаться его.

– Следовательно, у этого человека, – думала миледи, – в душе есть какая-нибудь искра сожаления, я раздую эту искру в пожар, который уничтожит его. Что касается до другого, то он знает меня, он меня боится и знает, чего он может ожидать от меня, если я когда-нибудь ускользну из рук его; значит, бесполезно будет действовать на него. Но Фельтон, – это другое дело; это молодой человек, наивный, честный и, кажется, добродетельный: его можно погубить.

И миледи легла и уснула с улыбкой на губах; если бы кто-нибудь видел ее спящую, всякий сказал бы, что это молодая девушка, мечтающая о венке, который предстояло ей надеть на себя на готовящемся празднике.

V. Второй день плена

Миледи видела во сне, что д'Артаньян был, наконец, в ее руках, что она присутствовала при его казни и вид его ненавистной крови, текущей под топором палача, вызвал очаровательную улыбку на уста ее.

Она спала, как спит пленник, убаюкиваемый первою надеждой.

На другой день, когда вошли в комнату, она была еще в постели. Фельтон стоял в коридоре; он привел женщину, о которой говорил накануне; женщина эта подошла к кровати миледи, предлагая ей свои услуги.

Миледи была бледна, как обыкновенно, и потому цвет лица ее мог обмануть всякого, видевшего ее в первый раз.

– У меня лихорадка, – сказала она, – я всю ночь не спала, я ужасно страдаю; будете ли вы добрее ко мне, чем другие были вчера? Впрочем, я прошу только одного, чтобы мне позволили остаться в постели.

– Не прикажете ли пригласить доктора? – спросила женщина.

Фельтон слушал этот разговор их, не говоря ни слова.

Миледи думала, что чем больше людей будут окружать ее, тем труднее будет для нее всех их разжалобить, и тем больше усилится надзор лорда Винтера; притом же доктор мог бы объявить, что болезнь ее притворная, и миледи, проиграв первую партию, не хотела проиграть второй.

– Пригласить доктора, – сказала она, – к чему? эти господа сказали вчера, что моя болезнь комедия; то же самое было бы без сомнения и сегодня, потому что со вчерашнего вечера можно было успеть предупредить доктора.

– Так скажите сами, – сказал выведенный из терпения Фельтон, – чем вы хотите лечиться?

– Боже мой! разве я знаю, чем? я чувствую только, что страдаю, пусть меня лечат, чем хотят, мне все равно.

– Позовите лорда Винтера, – сказал Фельтон, утомленный этими бесконечными жалобами.

– Нет, нет, – вскричала миледи; – умоляю вас, не зовите его; я здорова, мне ничего не нужно; не зовите его.

Она сказала эти слова с таким отчаянием и так убедительно, что увлеченный Фельтон сделал несколько шагов к ней.

– Он подошел, думала миледи.

– Если вы действительно страдаете, – сказал Фельтон, – мы пошлем за доктором; если же вы нас обманываете, тем хуже для вас; по крайней мере, нам не в чем будет упрекать себя.

Миледи не отвечала; но откинув свою хорошенькую головку на подушку, она залилась слезами и зарыдала.

Фельтон посмотрел на нее с обыкновенным своим бесстрашием; но видя, что кризис мог быть продолжителен; он вышел; женщина вышла вслед за ним, лорд Винтер не являлся.

– Кажется, я начинаю понимать, – прошептала миледи с дикою радостью, завертываясь в одеяло, чтобы скрыть этот порыв внутреннего довольства от тех, которые могли бы подсматривать за нею.

Прошло два часа.

– Теперь пора болезни кончиться, – сказала она, – надобно встать и постараться успеть в чем-нибудь сегодня же; мне остается только десять дней, а сегодня уже второй день.

Утром миледи принесли завтрак; она рассчитывала, что скоро придут убрать его и тогда она снова увидит Фельтона.

Миледи не ошиблась; Фельтон явился снова, и не обращая внимания, завтракала ли миледи или нет, велел вынести из комнаты стол, который приносили обыкновенно со всем накрытым.

Когда все ушли, Фельтон остался; он держал в руке книгу.

Миледи лежала в кресле перед камином прекрасная, бледная и покорная.

Фельтон подошел к ней и сказал:

– Лорд Винтер – католик, так же как и вы, думает, что лишение церковных книг и обрядов вашей религии может быть для вас тягостным, поэтому он согласен, чтобы вы читали каждый день вашу обедню; вот книга, которую он прислал вам для этого.

Заметив, с каким видом Фельтон положил книгу на столик, стоявший возле нее, каким тоном он произнес слово обедню, и какая странная улыбка мелькнула при этом на губах его, миледи подняла голову и внимательно взглянула на офицера.

По скромной прическе, по крайней простоте костюма, по суровому, непроницаемому выражению лица она узнала в нем одного из тех мрачных пуритан, которых так часто встречала при дворах как короля Иакова, так и короля французского; куда они, несмотря на воспоминание о Варфоломеевской ночи иногда приходили искать убежища.

На нее нашло внезапное вдохновение вроде того, которое является только гениальным людям в критические минуты, когда решается судьба всей жизни их.

Эти два слова «ваша обедня» и взгляд, брошенный ею на Фельтона, объяснили ей всю важность ответа, которого от нее ожидали.

Со свойственной ей быстротой соображения она отвечала, не задумавшись.

– Мне! – сказала она с тем же пренебрежением, какое заметила в словах офицера; – мою обедню! лорд Винтер, развращенный католик, очень хорошо знает, что я не принадлежу к его вере; он хочет поймать меня в западню.

– Какой же вы веры? – спросил Фельтон с удивлением, которого не мог скрыть, при всем умении владеть собой.

– Я скажу это только тогда, когда пострадаю за свою веру, – сказала миледи с притворною восторженностью.

Миледи видела по глазам Фельтона, что она много выиграла этим ответом.

Несмотря на то, он не сказал ни слова, только глаза его обнаруживали его мысли.

– Я в руках врагов моих, – продолжала она с восторженностью, подмеченною ею у пуритан. – Господь спасет меня, или я погибну за Господа моего; вот ответ, который прошу вас передать лорду Винтеру. Что же касается до этой книги, – прибавила она, указывая пальцем на молитвенник, но не дотрагиваясь до него, – вы можете взять ее и сами ею пользоваться, потому что вероятно, вы вполне сообщник лорда Винтера, как в угнетении моем, так и в ереси.

Фельтон молча взял книгу и ушел в задумчивости.

Лорд Винтер пришел около пяти часов вечера; миледи успела в продолжение дня составить план своих действий; она приняла его так, как будто она была ни в чем не виновата.

– Кажется, вы отступились от своей веры, – сказал барон, садясь в кресло напротив миледи и небрежно протягивая ноги.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, что со времени последнего свидания нашего вы переменили веру: уж не вышли ли вы за третьего мужа, протестанта?

– Объяснитесь, милорд, – сказала с важностью пленница, – потому что, право, я вас не понимаю.

– Может быть, вы не исповедуете никакой веры, это еще лучше, – сказал насмешливо лорд Винтер.

– Конечно, это больше сообразно с вашими правилами, – сказала хладнокровно миледи.

– Признаюсь вам, что это для меня совершенно все равно.

– Если бы вы и не признавались в своем равнодушии к вере, то ваш разврат и ваши преступления уже достаточно обнаруживают его.

– А, вы говорите о разврате, госпожа Мессалина, Леди Макбет! или я не расслышал, или вы очень бесстыдны.

– Вы говорите такие речи, потому что вы знаете, что наш разговор подслушивают, – сказала хладнокровно миледи, – и хотите вооружить против меня ваших тюремщиков и палачей.

Тюремщиков! палачей! А, вы начинаете говорить как поэт, и вчерашняя комедия переходит сегодня в трагедию. Впрочем, через восемь дней вы будете там, где вам следует быть, а мое дело будет кончено.

– Дело бесчестное! безбожное! – сказала миледи с увлечением жертвы, упрекающей своего судью.

– Право, мне кажется, что она сходит с ума, – сказал Винтер, вставая. – Успокойтесь же, моя пуританка, а то я велю посадить вас в тюрьму. Верно, это мое испанское вино подействовало на вашу голову, не правда ли? Но успокойтесь, это отчаяние не опасно и не будет иметь никаких последствий.

И лорд Винтер ушел.

Фельтон был действительно за дверью и не проронил ни слова из этой сцены.

Миледи угадала.

– Ступай, – сказала она вслед брату: – напротив, последствия скоро будут, но ты, глупец, заметишь их тогда только, когда уже нельзя будет их уничтожить.

Снова наступила тишина; прошло два часа, принесли ужин, миледи в это время громко читала молитвы, которым научилась у старого слуги своего второго мужа своего, самого строгого пуританина. Она казалась восторженной и не обращала никакого внимания на то, что происходило вокруг нее. Фельтон сделал знак, чтобы ей не мешали, и когда все было приготовлено, он тихо вышел с солдатами.

Миледи знала, что за нею наблюдают и прочитала все молитвы до конца; ей казалось, что солдат, бывший на часах у ее двери, не ходил по коридору, а как будто слушал ее.

На этот раз она была довольна; она встала, села за стол, ела мало и пила только воду.

Через час пришли убрать стол, но миледи заметила, что Фельтон в этот раз не пришел с солдатами. Следовательно, он боялся видеть ее слишком часто.

Она обернулась к стене, чтоб улыбнуться, потому что выражение торжества в этой улыбке могло изменить ей.

Прошло еще полчаса, все было тихо в старом замке, слышно было только вечное журчание волн как тяжелое дыхание океана; миледи запела звучным, гармоничным и дрожащим голосом первый куплет псалма, очень любимого в то время пуританами.

Миледи пела и прислушивалась; часовой у двери ее остановился как окаменелый.

Догадавшись, что ее пение произвело впечатление, миледи продолжала петь с усердием и невыразимым чувством; ей казалось, что звуки раздавались далеко под сводами и как волшебное очарование смягчали сердца тюремщиков. Однако часовой, без сомнения, усердный католик, казалось, не подвергся очарованию и сказал через двери:

– Замолчите, сударыня: ваша песня печальна как *De profundis*, и если кроме удовольствия служить в здешнем гарнизоне нужно еще выслушивать здесь подобные вещи, это будет невыносимо.

– Молчать! – сказал строго Фельтон, которого миледи узнала по голосу, – к чему ты мешаешься не в свое дело? Разве тебе приказано мешать петь этой женщине? Нет. Тебе приказано стеречь ее, стрелять в нее, если б она сделала попытку к побегу. Стеречи ее, и если она вздумает бежать, убей ее, но не отступай от приказания.

Выражение неизъяснимой радости озарило лицо миледи; но выражение это было мгновенно, как блеск молнии, и как будто не слыхав разговора, из которого не проронила ни слова,

она опять запела, придавая голосу все очарование, всю силу и обольстительность, вложенную в нее демоном.

Этот голос неслыханной силы, одушевленный возвышенною страстью, придавал словам ее такое выражение, какое самые восторженные пуритане редко находили в пении своих братьев.

Офицер, приведенный в смущение пением ее, вдруг отворил дверь, явился пред миледи бледный как всегда, но с блестящими и блуждающими глазами.

– Зачем вы так поете, – сказал он, – и таким голосом?

– Извините, – сказала миледи, – я забыла, что мое пение некстати в этом доме. Может быть, я оскорбляю вас в вашей вере; но, клянусь вам, это было без намерения; простите же мне ошибку, которая может быть немаловажна, но, наверное, неумышленна.

Миледи была прекрасна в эту минуту; религиозная восторженность, в которой она, казалось, находилась, придавала такое выражение лицу ее, что ослепленный Фельтон думал, что видит ангела, пение которого только что слышал.

– Да, да, – отвечал он, – вы беспокоите, вы приводите в волнение людей, живущих в замке.

И бедный безумец сам не замечал несвязности своей речи, между тем как миледи проницательным взглядом своим старалась проникнуть его тайны.

– Я перестану, – сказала миледи, опуская глаза со всей кротостью, какую могла придать своему голосу, со всею покорностью, какую могла выразить в своем взгляде.

– Нет, нет, – сказал Фельтон, – пойте, только не так громко, особенно ночью.

И с этими словами Фельтон бросился вон из комнаты, чувствуя, что не в силах долее выдержать строгости в отношении к пленнице.

– Вы хорошо сделали, поручик, – сказал солдат: – это пение потрясает душу впрочем, к нему можно привыкнуть, а голос у нее хорош!

VI. Третий день плена

Фельтон приходил к миледи, но нужно было сделать так, чтобы он оставался с нею подольше, или, еще лучше, чтобы он оставался с нею один; средство к достижению этой цели еще только смутно представлялось миледи.

Кроме того, нужно было заставить его разговаривать; миледи знала, что самое сильное обольщение было в ее голосе, так искусно принимавшем все оттенки от самого обыкновенного до восхитительного.

И, несмотря на это обольщение, миледи могла не успеть в своем намерении, потому что Фельтон был предупрежден относительно ее. С тех пор она стала следить за всеми его движениями, словами, даже за самыми незначительными взглядами, жестами и вздохами. Она изучала все как искусный актер, которому дали новую роль; к исполнению которой он не привык.

Не так трудно было миледи определить положение свое в отношении к лорду Винтеру; она еще накануне обдумала, как ей вести себя с ним. Быть молчаливой, сохраняя свое достоинство, в его присутствии; по временам раздражать его притворным отвращением, презрительным словом, вынуждать его к угрозам и жестокостям, которые составляли бы противоположность с ее покорностью, вот в чем состоял ее план. Фельтон заметит это; может быть, он ничего не скажет, но заметит.

Утром Фельтон пришел, по обыкновению, но миледи не сказала ему ни слова во все время, пока накрывали завтрак. В ту минуту, когда он хотел уйти, у нее блеснул луч надежды, не заговорит ли он сам с нею, действительно хотел что-то сказать, но удержался и он вышел.

Около двенадцати часов пришел лорд Винтер.

Был прекрасный зимний день и лучи бледного английского солнца, которое светит, но не греет, проникали сквозь оконные решетки.

Миледи смотрела в окно и притворилась, будто не слыхала, как он отворил дверь.

– А! – сказал лорд Винтер, – после комедии и трагедии мы принялись за меланхолию.

Пленница не отвечала.

– Да, – продолжал лорд Винтер, – я понимаю, вам очень хотелось бы быть на свободе, прогуляться по берегу моря: вам хотелось бы на хорошем корабле рассекать волны этого зеленого как изумруд моря; вам очень хотелось бы на суше или на море устроить мне засаду, которые вы так мастерски устраиваете. Потерпите? Через четыре дня вы будете на берегу моря, море будет для вас открыто даже больше, чем вы желаете, потому что через четыре дня Англия избавится от вас.

Миледи сложила руки и подняла прекрасные глаза свои к небу.

– Боже мой! – сказала она, – прости этому человеку, как я ему прощаю.

– Да, молись, проклятая, – сказал барон, – твоя молитва тем великодушнее, что ты в руках того человека, который никогда не простит тебя, клянись тебе в этом.

И он вышел.

Когда он выходил, миледи быстро взглянула в полуотворенную дверь и заметила Фельтона, поспешно скрывшегося, чтобы она его не видала.

Она бросилась на колени и начала молиться.

– Боже мой, Боже мой! – сказала она, – ты знаешь, за какое святое дело я страдаю; пошли же мне силы страдать.

Дверь тихо отворилась; прекрасная молельщица притворилась, будто не слыхала этого, и продолжала жалобным голосом:

– Боже мститель! Боже милосердый! неужели ты допустишь исполниться замыслам этого человека!

Тогда она сделала вид, будто только что услышала шум шагов Фельтона, вдруг встала и покраснела, как будто ей было стыдно, что ее застали на коленях.

– Я не люблю мешать молящимся, – сказал серьезно Фельтон, – и потому умоляю вас – не беспокойтесь для меня.

– Почему вы знаете, что я молилась, – сказала миледи прерывающимся от рыдания голосом; – вы ошиблись, я не молилась.

– Неужели вы думаете, – отвечал Фельтон, также серьезно, но несколько мягче прежнего, – что я считаю себя вправе мешать кому-нибудь повергаться к стопам Творца? Сохрани Боже! к тому же виновные должны каяться, каково бы было их преступление; я считаю виновного неприкосновенным, когда он перед стопами Господа.

– Разве я виновна? – сказала миледи, с улыбкой, которая пленила бы всякого, – виновна! Боже мой! тебе это известно! Скажите, что я несправедливо обвинена – это так; но вы знаете, что Бог, любящий мучеников, иногда посылает испытания невинным.

– Преступны вы или невинны, – отвечал Фельтон, – во всяком случае, вы должны молиться и я помогу вам своими молитвами.

– Совершенно справедливо, – сказала миледи, бросаясь к ногам его: – я не могу больше скрываться перед вами; я боюсь, что у меня не достанет силы бороться за веру; выслушайте же просьбу женщины, близкой к отчаянию. Вас обманывают, но не об этом я хочу говорить; я прошу вас только об одной милости, и если вы мне окажете ее, я буду благословлять вас до последней минуты своей жизни.

– Поговорите с милордом, – сказал Фельтон: – мне не предоставлено права ни прощать, ни наказывать.

– Напротив, оно не предоставлено никому кроме вас; лучше выслушайте меня, чем содействовать моей гибели и унижению.

– Если вы заслужили этот стыд и унижение, вы должны покориться приговору, чтобы искупить свой грех перед Богом.

– Что вы говорите!.. Вы не понимаете меня. Когда я говорю об унижении, вы думаете, что я разумею какое-нибудь наказание: тюрьму или смерть! Сохрани Боже! Смерть и тюрьма мне не страшны.

– Теперь я вас совсем не понимаю, – сказал Фельтон.

– Или притворяетесь, что не понимаете, – отвечала пленница, с улыбкой сомнения.

– Нет, клянусь вам честью, не понимаю.

– Разве вы не знаете намерений лорда Винтера в отношении ко мне?

– Не знаю.

– Не может быть; вы пользуетесь его доверием!

– Я никогда не лгу.

– Но он вовсе не скрывает своих намерений, поэтому их трудно не знать.

– Я не стараюсь ничего разузнавать: я ожидаю, пока мне сами скажут; но кроме того, что лорд Винтер говорил мне при вас, он ничего особенного не говорил мне.

– Так вы не сообщник его! – сказала миледи с уверенностью; – так вы не знаете, что он готовит мне позор, который ужаснее всех наказаний в мире?

– Вы ошибаетесь, – сказал, краснея, Фельтон... – лорд Винтер не способен на подобное преступление...

– Хорошо, – подумала миледи, – не зная в чем дело, он уже называет его преступлением. Потом сказала:

– Друг низкого человека способен на все.

– Кого вы называете низким? – спросил Фельтон.

– Разве есть в Англии еще кто-нибудь, заслуживающий это название в такой степени как он?

– Вы говорите о Джордже Виллье? – сказал Фельтон и глаза его разгорелись.

– Которого язычники и неверные называют герцогом Бокингом, – сказала миледи: – я не думала, чтобы в Англии был хотя один англичанин, которому нужно было бы так долго объяснять, о ком я говорю.

– Рука Создателя распростерта над ним, сказал Фельтон: – он не избегнет наказания, которого заслуживает.

Фельтон выражал в отношении к герцогу ненависть, которую все англичане чувствовали к нему; сами католики называли его истязателем, притеснителем и развратным человеком, а пуритане просто сатаной.

– О, Боже мой! – сказала миледи: – когда я молю Тебя послать этому человеку заслуженное им наказание, Ты знаешь, что это не из личной мести, но из желания спасения целого народа.

– Разве вы его знаете! – спросил Фельтон.

– Наконец он делает мне вопрос, – подумала миледи, радуясь, что так скоро достигла этой цели: – Как не знать, к несчастью, к величайшему моему несчастью, я знаю его.

Миледи ломала руки, как будто в припадке горести.

Фельтон почувствовал, вероятно, что твердость его оставляла, и отошел к двери; пленница, не спускавшая с него глаз, бросилась вслед за ним и остановила его.

– Будьте добры, будьте великодушны, выслушайте мою просьбу, – сказала она: – дайте мне нож, который барон отнял у меня, потому что знал, какое употребление я хочу из него сделать, о выслушайте меня до конца! Дайте мне! этот нож только на минуту, – из сожаления ко мне! Я обнимаю колени ваши! Будьте уверены, что я ничего вам не сделаю: вы уйдете и заперете дверь. Боже мой! могу ли я посягать на жизнь вашу! Вы здесь единственное существо справедливое, доброе и сострадательное! вы, может быть, избавитель мой! Дайте мне на одну минуту этот нож, только минуту и я передам вам его через дверную форточку; только на одну минуту, г. Фельтон, и вы спасете мне честь!

– Вы хотите зарезаться! – сказал с ужасом Фельтон, не отнимая рук своих из рук пленницы: – вы хотите зарезаться?

– Я сказала, – шептала миледи, понижая голос и опускаясь в изнеможении на пол: – я открыла вам свою тайну! Он знает все, о, Боже мой! я погибла!

Фельтон в нерешимости стоял неподвижно.

– Он еще колеблется, – подумала миледи; – я не совсем искусно разыграла свою роль.

В коридоре слышались шаги; миледи узнала походку лорда Винтера.

Фельтон также узнал ее и пошел к двери.

Миледи бросилась за ним.

– О! не говорите ни слова, – сказала она тихо: – ни слова этому человеку из всего, что я вам говорила, или я погибла, и вы...

Так как шаги приближались, то она замолчала, опасаясь, чтобы не услышали ее голоса, и приложила свою хорошенькую ручку к губам Фельтона с выражением неопищенного ужаса.

Фельтон нежно оттолкнул миледи; она упала в кресло.

Лорд Винтер прошел мимо двери, не останавливаясь; слышно было, как шум шагов его затихал, удаляясь.

Фельтон, бледный как смерть прислушивался несколько минут; но когда шум шагов совершенно затих, он вздохнул, как пробудившийся от сна, и бросился вон из комнаты.

Миледи, прислушиваясь к шуму шагов Фельтона, удалявшегося по коридору в ту сторону, откуда прошел лорд Винтер, подумала; а, наконец-то ты мой!

Но лоб ее снова нахмурился, когда она подумала:

– Если он скажет барону, то я погибла, потому что барон очень знает, что я не зарежусь; он сам даст мне нож в руки и увидит, что все это ужасное отчаяние было не больше как комедия!

Она подошла к зеркалу и посмотрела в него; никогда еще она не была так красива.

– О нет! – сказала она, улыбаясь: – он не скажет!

Вечером лорд Винтер пришел во время ужина.

– Неужели ваше присутствие составляет необходимую принадлежность моего заточения? – сказала ему миледи: – не можете ли вы избавить меня от ваших посещений, увеличивающих мои мучения?

– Как, любезная сестрица, – сказал Винтер: – не сами ли вы сказали мне так сантиментально вашими хорошенькими губками, что вы приехали в Англию единственно для того, чтобы иметь удовольствие меня видеть, и что вы так сильно желали этого удовольствия, что для него рисковали подвергнуться морской болезни, бурям и заточению! Вот я здесь, и вы должны быть довольны; отчего же вы сегодня так жестоки ко мне? Впрочем, мое посещение на этот раз не без цели.

Миледи вздрогнула; она думала, что Фельтон все рассказал; никогда еще эта женщина, испытавшая столько сильных противоположных ощущений, не чувствовала такого сильного биения сердца, как в эту минуту.

Она сидела; лорд Винтер придвинул кресло и сел подле нее, потом вынул из кармана бумагу и медленно развернул ее:

– Я хотел показать вам паспорт, который я сам сочинил для вас; я согласен оставить вам жизнь, и потому паспорт будет вам нужен.

И он прочел.

«Приказ отвезти в»... (для названия города оставлено место), – сказал Винтер, если вы выберете себе какой-нибудь город; – вы мне назовете его; если он не ближе тысячи лье от Лондона, просьба ваша будет исполнена.

Я продолжаю: «Приказ отвезти в... Шарлотту Бексон, приговоренную к смерти судом Французского королевства, но освобожденную после наказания; она будет жить в этом городе, никогда не удаляясь от него больше чем на три лье. В случае попытки к побегу она подвергается смертной казни.

Она будет получать по пяти шиллингов в день на квартиру и содержание.

– Этот приказ до меня не касается, – отвечала хладнокровно миледи, – потому что в нем выставлено не мое имя.

– Имя? Разве у вас есть имя?

– Я ношу имя вашего брата.

– Вы ошибаетесь, брат мой был вторым мужем вашим, а первый еще жив. Скажите мне его имя, и я напишу его вместо имени Шарлотты Бексон. Нет? вы не хотите?.. Что же вы молчите? Ну, так вы будете записаны под именем Шарлотты Бексон.

Миледи молчала, но на этот раз не из притворства, а от страха; она думала, что этот приказ будет сейчас же приведен в исполнение; что лорд Винтер решился ускорить отъезд ее; она думала, что осуждена выехать в тот же вечер. Ей казалось, что уже все было потеряно, как вдруг она заметила, что приказ был без подписи.

Радость, которую она почувствовала при этом открытии, была так велика, что она не могла скрыть ее.

– Да, – сказал лорд Винтер, догадавшись, что она думала: – да, вы ищите подписи и думаете, – не все еще потеряно, потому что документ этот не подписан; его показывают только для того, чтобы напугать. Вы ошибаетесь: завтра этот приказ будет послан к лорду Бокингеми; послезавтра он будет возвращен с его подписью и печатью, а через двадцать четыре часа после того, ручаюсь вам, он будет приведен в исполнение. Прощайте, вот все, что я хотел сказать вам.

– А я отвечу вам, милостивый государь, что это злоупотребление власти и это изгнание под вымышленным именем – подлость!

– Разве вам приятнее быть повешенной под вашим настоящим именем, миледи? Вы знаете, что английские законы неумолимы в отношении к преступлениям против брака; объяснитесь откровенно: хотя мое имя, или лучше сказать, имя моего брата замешано в этом деле, но я готов перенести скандал публичного процесса; если бы мог быть уверенным, что избавлюсь от вас – навсегда.

Миледи не отвечала, но побледнела как мертвец.

– О! я вижу, что вы предпочитаете изгнание. Прекрасно; есть старинная поговорка, что путешествия образуют юношество. И точно, жизнь вещь хорошая. Оттого-то я забочусь, чтобы вы у меня ее не отняли. Остается устроить дело о пяти шиллингах: вы скажете, что я немножко скуп, не правда ли? это от того, что я не хочу, чтобы вы могли подкупить своих стражей. Впрочем, чтобы обольстить их, у вас останутся ваши прелести. Воспользуйтесь ими, если ваша неудача с Фельтоном не отняла у вас охоты к покушениям в этом роде.

– Фельтон ничего не рассказал, – подумала миледи: – значит, еще ни что не потеряно.

– Теперь до свидания. Завтра я приду уведомить вас об отъезде моего посланного.

Лорд Винтер встал, насмешливо поклонился миледи и вышел.

Миледи вздохнула свободнее; ей оставалось еще четыре дня; а этого ей было довольно, чтобы обольстить Фельтона.

Между тем ей пришла ужасная мысль; она думала, что лорд Винтер пошлет самого Фельтона к Бокингеми для подписи приказа; таким образом, Фельтон ускользнул бы от нее, а для полного успеха ей нужно было постоянно поддерживать очарование обольщения.

Одно успокаивало ее: Фельтон ничего не сказал Винтеру.

Ей не хотелось обнаружить волнения, произведенного в ней угрозами лорда Винтера, она села за стол и принялась за ужин.

Потом, так же как накануне, она встала на колени и начала молиться вслух. Солдат остановился и слушал.

Вскоре она услышала в коридоре приближавшиеся шаги; они затихли у двери.

– Это он, – подумала она, и начала петь ту же священную песнь, которая накануне так сильно взволновала Фельтона.

Хотя ее приятный, полный и звучный голос раздавался еще мелодичнее и трогательнее, чем накануне, дверь не отворилась. Миледи украдкой посмотрела в маленькую дверную форточку, и ей показалось, что за решеткой сверкали глаза Фельтона, но на этот раз он имел столько власти над самим собою, что не вошел.

Через несколько минут по окончании пения, миледи показалось, что она слышала глубокий вздох; потом те же самые шаги, которые приблизились к дверям, удалились медленно как будто с сожалением.

VII. Четвертый день плена

На другой день, когда Фельтон вошел к миледи, она стояла на креслах, держа в руках веревку, сплетенную из нескольких батистов, разорванных на длинные полосы, связанные между собой концами; при скрипе двери, отворенной Фельтоном, миледи ловко спрыгнула с кресел и старалась спрятать за собой эту импровизированную веревку.

Фельтон был бледнее обыкновенного и по глазам его, покрасневшим от бессонницы, видно было, что он провел ночь в лихорадке. Несмотря на то, лицо его выражало самую суровую строгость.

Миледи села; он медленно подошел к ней, взял конец веревки, который будто по неосторожности или с намерением она выставила на вид, и хладнокровно спросил:

– Что это такое, миледи?

– Это? Ничего, – сказала миледи, улыбаясь с тем печальным выражением, которое она так искусно умела придавать своей улыбке. – Скука – смертельный враг заключенных, мне было скучно, и для развлечения я занялась плетением этой веревки.

Фельтон взглянул на стену, у которой застал миледи на кресле, на котором она теперь сидела, и заметил над головой ее вбитый в стену позолоченный крюк, служивший для вешания платьев или оружия.

Он вздрогнул; пленница заметила это, потому что она наблюдала за каждым его движением, хотя глаза ее были опущены в землю.

– Что вы делали, стоя на этом кресле? – спросил он.

– Что вам за дело? – отвечала миледи.

– Мне нужно знать это, – сказал Фельтон.

– Не спрашивайте меня, – сказала пленница: – вы знаете, что нам, истинным христианам, запрещено лгать.

– Так я вам скажу, что вы делали, или лучше сказать, что вы хотели сделать, – сказал Фельтон: – вы хотели привести в исполнение ужасное намерение; подумайте, миледи, если Бог запрещает ложь. Он еще строже запрещает самоубийство. Вы или преувеличиваете жестокость своего положения, или не вполне высказываетесь; ради Бога, объяснитесь.

– Рассказать вам мои несчастья для того, чтобы вы приняли их за басню; сообщить вам о моих намерениях, чтобы вы донесли о них моему гонителю: нет, к тому же какое вам дело до жизни или смерти несчастной осужденной? Ведь вы отвечаете только за тело мое, не правда ли? и если вы представите труп мой, с вас ничего больше не спросят и, может быть, еще наградят вас вдвойне.

– Меня, – вскричал Фельтон: – вы можете предполагать; что я возьму награду за жизнь вашу! Вы не думаете о том, что говорите!

– Оставьте меня, Фельтон; дайте мне исполнить мое намерение, – сказала, воспламеняясь, миледи: – каждый солдат должен быть честолюбив, не правда ли? Вы теперь поручик; на выносе моем вы будете в чине капитана.

– Но что же я вам сделал? за что вы возлагаете на меня подобную ответственность перед людьми и перед Богом? – сказал тронутый Фельтон: через несколько дней вас здесь не будет; я уже не буду охранять жизнь вашу и тогда, – прибавил он со вздохом, делайте что хотите.

– Следовательно, – сказала миледи, как будто с негодованием, – вы человек благочестивый, вас называют справедливым, вы просите только о том, чтобы не быть обвиненным в моей смерти.

– Я должен беречь вашу жизнь и буду беречь ее.

– Но понимаете ли вы, какую обязанность вы исполняете? она была бы жестока даже и тогда, если бы я была виновна; как же назовете вы ее, если я невиновна?

Я солдат и исполняю полученные мною приказания.

– Разве вы думаете, что в день страшного суда Бог отделит слепых палачей от неправедных судей? вы не хотите, чтобы я убила свое тело, а между тем сделались сообщником того, который хочет погубить мою другую душу!

– Но я вам повторяю, – сказал тронутый Фельтон, – что никакая опасность не угрожает вам; и я ручаюсь за лорда Винтера как за самого себя.

– Безумец, – сказала миледи, – несчастный безумец тот, кто осмеливается отвечать за другого, когда самые мудрые, самые благочестивые люди не могут отвечать за самих себя; безумец тот, кто принимает сторону сильного и счастливого, чтобы притеснить слабую и несчастную!

– Невозможно, – сказал Фельтон, сознававший в душе верность этого довода; – пока вы пленница, вы не получите свободы с моей помощью; пока вы живы, вы не лишитесь жизни через меня.

– Да, – сказала миледи, – но я лишусь того, что для меня гораздо дороже жизни, я лишусь чести, Фельтон, и вы будете отвечать перед Богом и перед людьми в стыде моем и бесчестии.

Как ни был, или как ни казался бесстрастным Фельтон, но в этот раз он не мог устоять против тайного обольщения, овладевшего уже им; видеть эту женщину, такую прекрасную, чистую, как самое непорочное видение, – видеть ее то плачущую, то грозную, испытывать в одно время влияние отчаяния и красоты; трудно было перенести все это для мечтателя, для человека, согретого верой, для сердца, исполненного пламенной любовью к небу и жестокою ненавистью к людям.

Миледи заметила смущение его; она понимала, что кровь его кипит, волнуемая противоположными страстями, и подобно искусному генералу, который, видя, что приятель готов отступить, нападает на него с победными криками, она встала, прекрасная как древняя жрица, с поднятой рукой, с открытой шеей, с распущенными волосами, стыдливо придерживая платье на груди, с огнем во взгляде, помутившим уже разум молодого пуританина, подошла к нему и громко запела своим приятным голосом, которому умела при случае придавать особенное выражение.

Фельтон стоял под влиянием этой песни будто окаменелый.

– Кто вы, кто вы? – вскричал он, сложа руки; – посланница ли Божия, или слугитель ада, ангел или демон, Елоя или Астарте?

– Разве ты не узнал меня, Фельтон? Я не ангел и не демон; я дочь земли, сестра твоя по вере.

– Да, да, – сказал Фельтон, – я все еще сомневался, но теперь верю.

– Ты веришь, а несмотря на то, ты сообщник того сына Белиала, которого зовут лордом Винтером. Ты веришь, а несмотря на то, оставляешь меня в руках врагов моих, в руках врага Англии и веры? Ты веришь и между тем предаешь меня тому, который наполняет и оскверняет свет своею ересью и развратом; этому наглому Сарданапалу, которого ослепленные называют герцогом Бокингемом, а верующие антихристом.

– Я вас предаю Бокингему! я! что вы говорите?

– У них есть глаза, – сказала миледи, – они не увидят; у них есть уши, и они – не услышат.

– Да, да, – сказал Фельтон, проводя рукой по лбу, как будто для того, чтоб уничтожить последнее сомнение, – да, я узнаю голос, говоривший мне во сне; да, я узнаю черты ангела, который является мне каждую ночь и говорит: Спаси Англию, спаси самого себя. Говорите, говорите! – вскричал Фельтон. – теперь я могу понимать вас.

Ужасная радость быстро, как молния, сверкнула в глазах миледи.

Как ни мимолетна была эта искра зверской радости, Фельтон заметил ее и вздрогнул, как будто при этом свет заглянул в бездну сердца этой женщины.

Фельтон вдруг припомнил предупреждения лорда Винтера, обольщения миледи, первые попытки ее по приезде; он отступил назад и опустил голову, не переставая смотреть на нее; как будто обвороченный этим странным созданием, он не мог отвести от нее глаз.

Миледи тотчас поняла причину этой нерешимости. Несмотря на видимое волнение, ледяное хладнокровие ее не покидало ее.

Прежде чем Фельтон успел ответить и тем заставить ее продолжать этот разговор, который трудно было уже поддерживать в том же восторженном тоне, она опустила руки, как будто женская слабость взяла верх над энтузиазмом вдохновения.

Нет, – сказала она, – не мне быть Юдифью, которая освободит Бетулию от этого Олоферна. Меч судьбы слишком тяжел для руки моей. Дайте же мне избежать бесчестия смертью, позвольте мне искать спасения в мученичестве. Я не прошу у вас ни свободы, как бы сделала виновная, ни мщения, как язычница. Дайте мне только умереть – я прошу вас, умоляю вас на коленях; дайте мне умереть, и мой последний вздох будет благословлять моего избавителя.

При звуках этого нежного, умоляющего голоса, при виде этого робкого и печального взгляда Фельтон снова подошел. Мало-помалу обольстительница снова окружила себя очарованием, действие которого она могла усиливать и уменьшать по произволу; эта волшебная сила ее заключалась в красоте, смирении, слезах и в особенности в неотразимой прелести таинственного сладострастия, увлекательного самую таинственностью.

– К несчастью, – сказал Фельтон, – я могу только сожалеть о вас, если вы докажете мне, что вы жертва! Но лорд Винтер взводит на вас ужасные обвинения. Вы христианка, вы сестра моя по вере; я чувствую влечение к вам; я никогда не любил никого, кроме моего благодетеля и встречал в жизни только изменников и нечестивых. Но вы, несмотря на то, что так прекрасны и, по-видимому, так беспорочны, вы верно совершили преступление, что лорд Винтер так преследует вас.

– У них есть глаза, – повторила миледи с невыразимую печалью, – и они не увидят; у них есть уши, и они не услышат.

– В таком случае говорите же! сказал офицер.

– Доверить вам позор? – сказала миледи с румянцем стыдливости; – часто бывает, что преступление одного покрывает стыдом другого; мне, женщине, доверить мой позор вам, мужчине! – Продолжала она, стыдливо закрывая рукой свои прекрасные глаза; – о, никогда! никогда! я не могу.

– Мне, брату! – сказал Фельтон.

Миледи долго смотрела на него с выражением, которое он принял за колебание, но которое, в самом деле, было только наблюдение и желание очаровать.

Фельтон сложил руки с умоляющим видом.

– Хорошо, – сказала миледи, – я решусь ввериться брату.

В эту минуту послышались шаги лорда Винтера; но на этот раз страшный зять миледи не прошел мимо двери; он остановился, сказал несколько слов часовому, потом отворил дверь и вошел.

Во время краткого разговора его с часовым, Фельтон быстро отошел от миледи и когда вошел лорд Винтер, он был уже в нескольких шагах от нее.

Барон вошел медленно и окинул испытующим взором пленницу и офицера.

– Вы давно уже здесь, Джон, – сказал он! – Не рассказывала ли вам эта женщина о своих преступлениях? в таком случае очень понятно, что разговор ваш был продолжителен.

Фельтон вздрогнул; миледи поняла, что она погибла, если не подоспеет на помощь смущенному пуританину.

– А! вы боитесь, чтоб от вас не ускользнула ваша пленница, – сказала она: – спросите же вашего достойного тюремщика, о какой милости я просила сейчас его.

– Вы просили о милости? – сказал подозрительный барон.

– Да, милорд, – отвечал сконфуженный Фельтон.

– О какой же это милости? – спросил лорд Винтер.

– Она просила у меня нож, который обещала через минуту возвратить мне через дверную форточку, – отвечал Фельтон.

– Разве здесь спрятан кто-нибудь, кого эта милая особа хочет зарезать? – спросил лорд Винтер насмешливо и презрительно.

– Здесь я, – отвечала миледи.

– Я предоставил вам на выбор Америку и Тибюрн, сказал лорд Винтер, – выберите Тибюрн, миледи; поверьте мне, что веревка еще вернее ножа.

Фельтон побледнел и сделал шаг вперед, вспомнив, что когда он входил, миледи держала в руках веревку.

– Это правда, – сказала она, – я уже об этом думала; потом прибавила глухим голосом: – и еще подумаю.

Фельтон почувствовал дрожь во всем теле; вероятно, лорд Винтер заметил это.

– Не верь, друг мой, Джон, я положился на тебя, будь же осторожен, – я предупреждал тебя. Впрочем, будь спокоен, дитя мое, через три дня мы избавимся от этой твари, и там, куда я пошлю ее, она никому больше не будет вредить.

– Ты слышишь, – сказала миледи громко, так что барон думал, что она обращалась к небу, а Фельтон понял, что к нему.

Фельтон опустил голову и задумался.

Барон взял его под руку, и, поворотив назад голову, чтобы не потерять из виду миледи, вышел вместе с Фельтоном.

– О, я сделала еще не такой большой успех, как полагала, – подумала миледи, когда дверь затворилась. – Глупый Винтер сделался как будто умнее; вот что значит желание мщенья, как оно изменяет человека! Что же касается до Фельтона, то он еще колеблется. О, это не такой человек, как проклятый д'Артаньян. Пуританин обожает только целомудренных дев, и любовь его робка и покорна. Мушкетер любит женщин, и любит их не очень церемонно.

Миледи ожидала с нетерпением возвращения Фельтона; она была уверена, что увидится с ним в продолжение дня. Наконец, через час после описанной нами сцены, она услышала, что кто-то тихо разговаривал у дверей, потом дверь отворилась, и вошел Фельтон. Он быстро вошел в комнату, оставив за собою дверь отворенною и делая знаки миледи, чтоб она молчала; по лицу его видно было, что он очень встревожен.

Чего вы хотите? – спросила она.

– Послушайте, – тихо отвечал Фельтон, – я отослал часового, чтобы никто не знал, что я здесь, и чтобы не слышали нашего разговора: барон сейчас рассказал мне ужасную историю.

Миледи улыбнулась как покорная жертва, и покачала головой.

– Или вы демон, – сказал Фельтон, – или барон, мой благодетель, мой отец, – чудовище. Я знаю вас только четыре дня, а его люблю уже два года, поэтому мне простительно колебаться между вами и им; не пугайтесь слов моих, я должен, наконец, узнать истину. Сегодня после полуночи я приду к вам, и вы расскажете мне все.

– Нет, Фельтон, нет, брат мой, – сказала она, – ваша жертва слишком велика; я понимаю, чего она вам стоит. Нет, я погибла, не губите же себя вместе со мной; смерть моя будет гораздо красноречивее моей жизни, и безмолвие трупа убедит вас лучше слов моих.

– Молчите, – сказал Фельтон, – и не говорите мне таких вещей; я пришел за тем, чтобы вы дали мне честное слово, чтобы вы поклялись мне всем, что для вас священо, что не будете посягать на свою жизнь.

– Я не хочу обещать, – сказала миледи, – потому что никто так не уважает клятвы, как я, а дав клятву, я должна исполнить ее.

– Обещайте мне, по крайней мере, подождать до тех пор, пока еще раз увидите со мной, – сказал Фельтон. – Если вы и после того не измените своего намерения, тогда вы свободны, и я сам дам вам оружие, которого вы просили.

– Хорошо; для вас я подожду, – сказала миледи.

– Поклянитесь.

– Клянусь. Довольны ли вы?

– Хорошо, – сказал Фельтон; – до свидания!

Он вышел из комнаты, запер дверь и ждал солдата, стоя с пикой в руке, как будто был за него на часах.

Когда солдат возвратился, Фельтон отдал ему пикю.

Тогда через дверную форточку миледи увидела, как набожно Фельтон перекрестился и пошел по коридору с радостью на лице.

Миледи возвратилась на свое место с улыбкой дикого презрения.

– Боже мой! – подумала она, – какой же он безумный фанатик! он поможет мне отомстить за себя.

VIII. Пятый день плена

Таким образом, миледи уже почти торжествовала, и успех удвоил ее силы. До сих пор она без труда одерживала победы над людьми изящного придворного воспитания, легко подававшимися соблазну; миледи была довольно красива, чтоб очаровывать, и довольно хитра, чтобы преодолевать препятствия со стороны рассудка.

Но на этот раз пришлось вступить в борьбу с натурою дикой, сосредоточенною, суровою до нечувствительности; вера и покаяние сделали Фельтона недоступным для обыкновенных обольщений. В этой восторженной голове бродили такие обширные планы, такие великие предположения, что в ней не оставалось места для любви, которая зарождается от праздности и усиливается от развращения. Миледи притворною добродетелью своей расположила в свою пользу этого человека, сильно предубежденного против нее, а красотою своей покорила сердце и чувства целомудренного и чистого пуританина.

Она узнала силу своих средств, до сих пор ей самой неизвестных, из опыта, сделанного над человеком самым упорным по своему характеру и религиозным по убеждениям.

Однако она в продолжение вечера неоднократно отчаивалась в судьбе своей; она не призывала Бога, но верила в гения зла, эту страшную силу, участвующую во всех случаях человеческой жизни.

Миледи, приготовляясь принять Фельтона, обдумала вперед план атаки. Она знала, что ей оставалось только два дня, и что как только приказ будет подписан Бокингом (а Бокингом не затруднился бы подписать его, потому что в приказе имя было вымышленное, и он не мог узнать, что дело идет о ней), барон отправит ее немедленно; притом она знала, что женщины, осужденные в ссылку, не имеют столько средств к обольщению, как женщины, кажущиеся добродетельными, которых красота возвышается блестящими манерами большого света и знатностью происхождения.

Приговор к постыдному наказанию не лишает женщину красоты, но тогда красота ее уже не может иметь никакой силы обольщения. Миледи, как умная женщина, очень хорошо понимала, в какой среде она по своему характеру и своим средствам может действовать с большим успехом.

Бедность была для нее отвратительна; презрение отнимало у нее большую часть ее могущества. Миледи была королевой только между королевами; для ее владычества нужна была удовлетворенная гордость. Повелевать низшими существами было для нее скорее унижением, нежели удовольствием. Разумеется, она возвратилась бы из ссылки; в этом она не сомневалась; но сколько времени продолжится эта ссылка? Для деятельного и честолюбивого характера миледи дни, проведенные без успеха в достижении цели, казались потерянными; как тяжелы поэтому были для нее дни бездействия и унижения! Потерять год, два, три года, это казалось ей вечностью; возвратиться, когда счастливый и торжествующий д'Артаньян и друзья его получают от королевы награду за услуги ей оказанные; этих мыслей не могла перенести женщина, подобная миледи. Впрочем, буря, которая волновала ее, удваивала ее силы, и она проломилась бы стены своей тюрьмы, если бы хотя на минуту физические силы ее могли равняться с умственными.

Воспоминание о кардинале еще больше мучили ее: что должен был думать о ее молчании неверчивый, беспокойный и подозрительный кардинал, который был для нее не только единственною опорой и покровителем в настоящем, но и главным орудием ее счастья и мщения? Она знала его; она знала, что по возвращении из бесполезного путешествия она напрасно стала бы оправдываться заключением в тюрьму и говорить о перенесенных ею страданиях; кардинал отвечал бы с насмешливым спокойствием скептика, могущественного как вещественною силой, так и гением: «не надо было попадаться».

Миледи вооружилась всею своею энергией, повторяя в глубине души имя Фельтона, этого единственного луча света, проникнувшего в ад, в который она попала; и как змей, который свивает и развивает свои кольца, чтоб испытать свою силу, она заранее окружала Фельтона тысячами изгибов своего изобретательного воображения.

Между тем время проходило, и каждый удар часов отзывался в сердце пленницы.

В девять часов лорд Винтер, по обыкновению, пришел, осмотрел окно и решетки, пол, камин и двери, и во время этого продолжительного и подробного осмотра, ни он, ни миледи не сказали ни слова.

Без сомнения, оба они понимали, что обстоятельства были очень важны, чтобы терять время в бесполезных словах и бессильном гневе.

– Да, вы не убежите еще сегодня ночью! – сказал барон, уходя.

В десять часов Фельтон пришел поставить часового; миледи узнала его походку. Она угадывала уже его присутствие, как любовница угадывает приближение своего возлюбленного и между тем миледи ненавидела и презирала этого слабого фанатика.

Условленный час еще не наступил; Фельтон не приходил.

Два часа спустя, когда пробило двенадцать, часовой был сменен.

Это был назначенный час, и с этой минуты миледи ожидала Фельтона с нетерпением.

Новый часовой начал ходить по коридору.

Через десять минут пришел Фельтон.

Миледи стала прислушиваться.

– Послушай, – сказал он часовому, – не отходи от этой двери ни под каким предлогом; ты знаешь, что в прошлую ночь милорд наказал солдата за то, что он на минуту отлучился от своего поста, несмотря на то, что во время его отсутствия я караулил за него.

– Да, я знаю, – сказал солдат.

– Наблюдай же, как можно строже. Я пойду осмотреть еще раз комнату этой женщины, – прибавил он; – она, кажется, хочет посягнуть на свою жизнь, и я получил приказание наблюдать за нею.

– Хорошо, – подумала миледи, – вот строгий пуританин уже и лжет.

Солдат улыбнулся.

– Черт возьми, на вас возложено не совсем неприятное поручение, – сказал он, – особенно если милорд позволит вам осматривать и постель ее.

Фельтон покраснел; во всяком другом случае он сделал бы выговор солдату, позволившему себе подобную шутку; но совесть не позволила ему теперь ничего сказать.

– Если я позову, то войди, и если кто придет, то позови меня.

– Слушаю, поручик, – сказал солдат.

Фельтон вошел к миледи. Она встала.

– Это вы? – сказала она.

– Я обещал вам прийти, и пришел, – отвечал Фельтон.

– Вы мне обещали еще что-то.

– Что же такое, – сказал он, и, несмотря на все уменье владеть собой, чувствовал, что колени его дрожали и пот выступил на лбу.

– Вы обещали принести нож и оставить его здесь, уходя от меня.

– Не говорите об этом, – сказал Фельтон; – никакое положение, как бы оно ни было ужасно, не дает права творению Божию лишать себя жизни. Я обдумал и решил, что никогда не должен принимать на себя подобного греха.

– А, вы обдумались, – сказала пленница, садясь на кресло, с улыбкой презрения; – я тоже думала.

– О чем?

– Что не стоит говорить с человеком, который не держит своего слова.

– О, Боже мой! – шептал Фельтон.

– Вы можете уйти, – сказала миледи, – я не буду говорить с вами.

– Вот нож! – сказал Фельтон, вынимая его из кармана, откуда не решался прежде вынуть его и отдать пленнице.

– Покажите мне его, – сказала миледи.

– Зачем?

– Даю вам слово, что возвращу вам его сейчас же; вы положите его на стол и встанете между ним и мной.

Фельтон подал нож миледи, которая внимательно осмотрела его и попробовала острие его на конце пальца.

– Хорошо, – сказала миледи, отдавая ему нож; он из хорошей и крепкой стали, вы верный друг, Фельтон.

Фельтон взял нож и положил его на столе, как было условлено.

Миледи следила за ним глазами и, казалось, осталась довольною.

– Теперь, – сказала она, – выслушайте меня.

Эта просьба была лишняя, он стоял перед ней, с нетерпением ожидая, что она скажет.

– Фельтон, – сказала миледи, – если бы ваша родная сестра сказала вам: Когда я была еще молода и, к несчастью, прекрасна, меня подвергли искушению; я выдержала его: против меня удвоили козни и насилие; оскорбляли веру, которую я исповедую, я все выдерживала; тогда начали оскорблять меня и так как не могли погубить мою душу, то хотели осквернить навсегда мое тело, наконец...

Миледи остановилась, и горькая улыбка мелькнула на губах ее.

– Наконец, что же они сделали! – спросил Фельтон.

– Наконец, видя, что трудно поколебать мою твердость, придумали средство уничтожить ее иначе: однажды вечером мне в воду подмешали сильного наркотического вещества; только что я окончила ужин, как почувствовала какое-то оцепенение. Хотя я ничего не подозревала, но невольный страх овладел мной, и я старалась преодолеть сон: я встала, хотела подойти к окну и кричать о помощи; но ноги отказались служить мне; мне казалось, что потолок опустился мне на голову и давил меня своею тяжестью; я протянула руки, хотела говорить, но могла издавать только несвязные звуки; непреодолимое онемение овладело мною; я ухватилась за кресло, чувствуя, что готова упасть; но вскоре эта опора сделалась недостаточною для моих слабых рук; я упала сперва на одно колено; потом на оба, хотела молиться, но язык мой как будто окован; Бог не услышал меня, и я упала на пол, под влиянием сна, походившего на смерть.

Ничего не помню, что случилось со мной во время этого сна, и долго ли он продолжался; я помню только то, что проснулась в круглой комнате, великолепно меблированной, в которую свет проникал только через отверстие в потолке. Казалось, в ней не было ни одной двери, это была, можно сказать, великолепная тюрьма. Я долго не могла понять, где я была: ум мой напрасно усиливался прогнать тяжелое впечатление этого сна; я смутно припоминала какую-то поездку в карете, но все это как во сне; во время этого сна силы совершенно истощились; и все это представлялось мне так неясно, как будто оно случилось не со мной, но имело ко мне какое-то отношение.

Несколько времени состояние, в котором я находилась, казалось мне до такой степени странным, что я думала, что вижу все это во сне. Я встала, шатаясь, платье мое лежало на стуле подле меня; но я не помнила, как раздевалась и легла. Тогда мало-помалу действительность начала представляться мне в ужасном виде; я была не в том доме, где жила; судя по высоте солнца, день уже склонялся к вечеру; я уснула накануне вечером, значит, сон мой продолжался почти целые сутки. Что происходило со мною во время этого продолжительного сна? Я оделась как можно скорее.

Вялость и слабость моих членов доказывали мне, что влияние усыпительного напитка еще продолжалось. Эта комната была меблирована для женщины, так что самая прихотливая кокетка не могла бы пожелать лучшей.

Без сомнения, я была не первая в этой великолепной тюрьме, но понятно, Фельтон, что великолепие тюрьмы еще более увеличивало страх мой.

Да, это была тюрьма; мои старания уйти были напрасны. Я осмотрела все стены, в надежде найти дверь; но все стены издавали глухой звук.

Я двадцать раз обошла комнату и искала выхода; но его не было; я упала в кресло от усталости и ужаса.

Между тем наступила ночь, и вместе с тем страх мой увеличился; я не знала, оставаться ли мне на том месте, где я сидела; мне казалось, что я со всех сторон окружена опасностями. Ужас заглушал во мне чувство голода, хотя я ничего не ела со вчерашнего дня.

Никакой звук, но которому я могла бы определить время, не достигал до меня; я полагала, что должно быть семь или восемь часов вечера, потому что это было в октябре, уже становилось совершенно темно.

Вдруг скрип двери заставил меня вздрогнуть, в отверстии потолка показался огонь, бросая свет в мою комнату, и я с ужасом увидела, что в нескольких шагах от меня стоял человек.

Стол с двумя приборами и готовым ужином явился как будто волшебством на середине комнаты.

Этот человек был тот самый, который преследовал меня в продолжение целого года и поклялся обесчестить меня; по первым словам его я догадалась, что он исполнил свое намерение в прошедшую ночь.

– Низкий, – сказал Фельтон.

– Да, низкий, – сказала миледи, – видя, какое участие принимал он в ее странном рассказе; низкий, потому что считая достаточным победу, одержанную надо мной во время сна, чтобы достигнуть своей цели, он пришел в надежде, что я соглашусь переносить свой стыд (потому что я была обесчещена) и предложил мне свое состояние за любовь мою.

– Я высказала этому человеку все презрение, на какое только способно сердце женщины; без сомнения, он привык к подобным упрекам, потому что выслушал меня со спокойною улыбкой, сложив руки на груди; но когда он думал, что я уже все сказала, он подошел ко мне; я бросилась к столу, схватила нож и приставила его к груди своей.

Если вы сделаете еще один шаг, то будете виновны не только в бесчестии моем, но и в моей смерти, – сказала я.

Вероятно, во взгляде моем, в голосе и в жестах было столько красноречивой истины, что они могли убедить самого развращенного человека, потому что он остановился.

– В вашей смерти! сказал он, – нет; вы так прекрасны, что я не могу согласиться потерять вас, испытав хоть раз счастье обладать вами. Прощайте, моя красавица! я приду к вам тогда, когда вы будете в лучшем расположении духа. При этих словах он свистнул; огонь, освещавший мою комнату, исчез, и я опять осталась в темноте. Минуту спустя опять послышался скрип отворявшейся и затворявшейся двери, комнату снова осветили, и я осталась одна.

Эта минута была ужасна. Если я могла прежде сомневаться в своем несчастье, то теперь это сомнение превратилось в ужасную действительность: я была во власти человека, которого не только ненавидела, но и презирала; человека, способного на все и доказавшего уже мне это так жестоко.

– Кто же этот человек? – спросил Фельтон.

Я провела ночь на стуле, содрогаясь при малейшем шуме, потому что около полуночи лампа погасла, и я осталась впотьмах.

Ночь прошла без новых покушений со стороны моего преследователя; настал день; стол исчез, только нож остался у меня в руках.

Этот нож составлял всю мою надежду.

Я была очень утомлена: глаза мои горели от бессонницы; я не решилась уснуть ни на минуту; днем я успокоилась; я бросилась на постель, не выпуская из рук спасительного ножа, который спрятала под подушку.

Когда я проснулась, стол был снова накрыт.

В этот раз, несмотря на страх и мучения, я почувствовала сильный голод: уже двое суток я не принимала никакой пищи; я начала есть хлеб и плоды; но вспомнив, что усыпительный порошок был дан в воде, я не дотрагивалась до воды, стоявшей на столе, а налила себе стакан воды из мраморного фонтана, устроенного в стене над туалетом. Однако, несмотря на эту предосторожность, я все-таки была несколько времени в ужасном беспокойстве, хотя опасения мои на этот раз были неосновательны; день прошел и я не чувствовала никаких признаков наркотического вещества, которого опасалась.

Я из предосторожности, вылила из графина половину воды, чтобы не заметили моей недоверчивости.

Настал вечер, а с ним и совершенная темнота; но глаза мои уже начали привыкать к ней; я видела, как стол опустился под пол и через четверть часа явился снова с ужином; минуту спустя комната моя опять осветилась лампой. Я решилась есть только то, к чему нельзя было подмешать усыпительного порошка; ужин мой состоял из пары яиц и нескольких плодов; потом я наполнила стакан водой из спасительного фонтана и начала пить.

При первых глотках мне показалось, что вкус воды был не такой, как утром; мною сейчас же овладело подозрение, и я перестала пить, но полстакана было уже выпито.

Я с ужасом бросила стакан и ожидала мучительных припадков: холодный пот выступил у меня на лбу.

Вероятно, кто-нибудь видел, когда в первый раз брала я воду из фонтана, и воспользовался этим случаем, чтобы вернее достигнуть моей гибели, рассчитанной и приводимой в исполнение с таким жестоким хладнокровием.

Не прошло получаса, как со мной начались прежние припадки; так как я выпила только полстакана, то в этот раз дольше могла преодолеть действие напитка, и вместо того чтоб уснуть совершенно, я впала в какое-то полуусыпление, которое не лишило меня сознания того, что делалось вокруг меня, хотя и отняло силу защищаться или бежать.

Я хотела подойти к постели, чтобы взять единственное оставшееся у меня средство для защиты, мой спасительный нож; но не могла дойти до изголовья и упала на колени, ухватившись руками за ножку кровати; тогда я поняла, что я погибла.

Фельтон страшно побледнел, и судорожная дрожь пробежала по всему телу его.

Всего ужаснее было то, – продолжала миледи взволнованным голосом, как будто чувствуя еще мучения, испытанные ею в ту страшную минуту, – всего ужаснее то, что в этот раз я знала, что предстояло мне; что душа моя бодрствовала в уснувшем теле; что я все видела и слышала; правда, что все это было как будто во сне, но это было тем ужаснее. Я видела, как лампа поднялась и оставила меня в темноте, потом я услышала знакомый уже мне скрип. Я почувствовала инстинктивно, что кто-то приближается ко мне; говорят, что заблудившиеся в степях Америки также чувствуют приближение змеи.

Я хотела кричать, и, сделав чрезвычайное напряжение воли, я даже привстала; но тотчас же снова упала... и упала в объятия моего преследователя.

– Скажите мне, кто был этот человек? – спросил офицер.

Миледи заметила, сколько страдания причиняла она Фельтону, останавливаясь на малейших подробностях своего рассказа; но она не хотела избавить его от этой пытки.

Чем глубже она затронет его сердце, тем вернее он будет мстить за нее. Она продолжала, как будто не слыхала вопроса, или она думала, что не пришло еще время отвечать на него.

Только на этот раз низкий преследователь мой имел дело не с бесчувственным трупом; я уже сказала вам, что хотя все чувства мои были в помрачении, но все-таки я понимала угрожавшую мне опасность, и потому я боролась, сколько могла, и как я ни была слаба, но сопротивление мое, верно, было продолжительно, потому что я слышала, как он сказал:

– Негодные пуританки! я знал, что палачам трудно справляться с ними, но не предполагал, что они так сильны против любовников.

Увы! это отчаянное сопротивление не могло быть продолжительным; я чувствовала, что силы мои истощились, и в этот раз негодяй воспользовался не усыплением моим, а тем, что я упала в обморок.

Фельтон слушал с глухим стоном, пот струился по гладкому лбу его, и скрытая под одеждою рука его терзала грудь.

Когда я очнулась, первым делом моим было достать из-под подушки нож, которого я не могла достать прежде; если он не послужил мне защитой, то мог послужить искуплением.

Но когда я взяла нож, Фельтон, мне пришла ужасная мысль. Я поклялась рассказать вам все и сдержу клятву; я обещала открыть вам всю истину и ничего не скрою от вас, если бы даже могла пострадать через это.

– Вам пришла мысль отомстить за себя этому человеку, не так ли? – спросил Фельтон.

– Да, – сказала миледи; – я знаю, что эта мысль была не христианская, ее внушил мне вечный враг души нашей, этот рыкающий лев, беспрестанно преследующий нас, и признаться ль вам, Фельтон, – продолжала миледи, как женщина, обвиняющая себя в преступлении, – эта мысль не покидала меня больше. За нее-то я теперь и наказана.

– Продолжайте, – сказал Фельтон; – я нетерпеливо хочу знать, как вы за себя отомстили.

– О! я решилась отомстить как можно скорее; не сомневаясь, что он придет в следующую ночь. Днем мне нечего было бояться.

Поэтому я за завтраком ела и пила, ничего не опасаясь; я решилась за ужином притвориться, что ем; но ничего не есть, и потому должна была подкрепить себя утром, чтобы не чувствовать вечером голода.

Я спрятала от завтрака только стакан воды, потому что жажда всего больше мучила меня, когда я оставалась в продолжение двух суток без пищи.

День прошел; намерение мое сделалось еще тверже; я старалась только, чтобы выражение лица не обнаружило затаенной мысли моей, потому что не сомневалась, что за мной наблюдают; я так хорошо владела собой, что несколько раз даже улыбка показывалась на губах моих. Боюсь сказать вам, Фельтон, какой мысли я улыбалась, вы ужаснетесь...

– Продолжайте, продолжайте, – сказал Фельтон; – вы видите, я слушаю и желал бы скорее узнать все.

Настал вечер, все шло обыкновенным порядком; в темноте, как обыкновенно, подали ужин, потом зажгли лампу, и я села за стол.

Я съела только несколько плодов: сделала вид, что наливаю воды из графина, но выпила ту, которую оставила от завтрака; подмен был сделан так искусно, что мои шпионы, если они были, не могли этого заметить.

После ужина я притворилась, что на меня напало опять такое же усыпление, как накануне; но в этот раз, как будто я изнемогла от усталости, или освоилась с опасностью; я дошла до кровати, сняла платье и легла.

Я взяла нож, и, притворившись спящею, судорожно сжимала его рукоятку.

Два часа прошло спокойно, и я начинала уже опасаться, что он не придет.

Наконец лампа тихо поднялась и исчезла в потолке; в комнате моей стало темно; и напрягала зрение, чтобы, несмотря на темноту, видеть, что делается.

Прошло около десяти минут, я не слышала никакого звука, кроме биения собственного сердца.

Я сильно желала, чтоб он пришел.

Наконец я услышала, как отворилась и затворилась дверь, услышала шум шагов по мягкому ковру и, несмотря на темноту, увидела тень, приблизившуюся к моей кровати.

– Скорее, скорее! – сказал Фельтон, – разве вы не видите, что каждое слово ваше жжет меня как расплавленный свинец.

Тогда, – продолжала миледи, – я собрала все свои силы, я вспомнила, что настал час мщения, или, лучше сказать, правосудия; я смотрела на себя как на новую Юдифь; я приготовилась поразить его ножом, и когда он подошел ко мне и протянул руку, отыскивая свою жертву, тогда я с криком горести и отчаяния поразила его в грудь.

Но этот негодяй все предвидел; грудь его была покрыта кольчугой, и нож скользнул по ней.

– А! сказал он, схватив меня за руку и вырвав нож, так неудачно употребленный мною в дело; – вы посягаете на жизнь мою, прекрасная пуританка! Это доказывает не только вашу ненависть ко мне, но и неблагодарность! Успокойтесь же, прекрасное дитя! я думал, что вы уже смягчились. Я не такой тиран, чтобы стал удерживать женщину силой; вы не любите меня; я, по своей самонадеянности, до сих пор не терял надежды, но теперь я убедился, что нечего больше ждать. Завтра вы будете свободны.

Я желала только того, чтоб он убил меня.

– Берегитесь, – сказала я, – мое освобождение будет вашим бесчестьем.

– Объясните мне это, прекрасная сивилла.

– Как только выйду отсюда, я расскажу все; расскажу, что вы употребили против меня насилие и держали меня взаперти. Я укажу всем на этот дворец низости; хотя общественное положение ваше высоко, милорд, но трепещите! Над вами есть король, а выше короля есть Бог.

Хотя преследователь мой, казалось, умел владеть собой, но он не мог скрыть своего гнева. Я не могла видеть выражения лица его, но чувствовала, как задрожала его рука, на которую я опиралась своею рукой.

– В таком случае вы не выйдете отсюда, – сказал он.

– Хорошо, – вскричала я, – в таком случае место пытки будет служить мне могилой. Хорошо! я умру здесь, и вы увидите, что привидение, которое будет являться вам и упрекать вас, страшнее живого человека.

– У вас не будет никакого оружия.

– Есть одно оружие, которое доступно каждому, у кого достанет мужества, чтобы воспользоваться им. Я уморю себя голодом.

– Не лучше ли мир, чем подобная война? – сказал негодяй. – Я немедленно возвращу вам свободу, провозглашу вас добродетельнейшею из женщин и назову Лукрецией Англии.

– А я назову вас Секстом, я обвиню вас перед людьми, как обвинила перед Богом, и если нужно будет подтвердить мое обвинение кровью, я сделаю это как Лукреция.

– А, это другое дело, – сказал враг мой насмешливо. – Впрочем, вам здесь хорошо; вы ни в чем не будете иметь недостатка, и если уморите себя голодом, то сами будете виноваты.

Сказав это, он ушел; я слышала, как затворилась дверь, и осталась одна; признаюсь, что я страдала не столько от огорчения, как от стыда, что не могла отомстить за себя.

Он сдержал слово. Прошел следующий день, и ночь, и я его не видала. Но я также сдержала слово; я не ела и не пила; я решила умереть с голоду, как сказала ему.

Я провела день и ночь в молитве, надеясь, что Бог простит мне самоубийство.

На вторую ночь дверь отворилась; я лежала на полу, силы мои начинали ослабевать.

Услышав шум, я приподнялась и оперлась на локоть.

– Ну, что? – сказал мне ужасный голос, которого я не могла не узнать; – успокоились ли вы? согласны ли заплатить за свободу обещанием сохранить нашу тайну. Послушайте, я доб-

рый человек и хотя не люблю пуритан, но отдаю им справедливость, так же как и пуританкам, когда они хорошенькие. Поклянись же мне в молчании, больше я от вас ничего не потребую.

– Поклясться! – вскричала я, вставая. При этом отвратительном голосе силы мои возвратились. – Поклясться! Клянусь, что никакое обещание, никакая угроза, никакая пытка не зажмет мне рта; клянусь, что везде обвиню вас как убийцу, как похитителя чести, как низкого человека; клянусь, что если я когда-нибудь выйду отсюда, то буду просить мщения против вас у всего человечества.

– Берегитесь! – сказал он таким грозным голосом, какого я еще не слыхала; – у меня есть средство, которое я употреблю только в случае крайности, чтобы зажать вам рот или, по крайней мере, не допустить, чтобы вам поверили.

Собрав последние силы, я в ответ ему захохотала.

Он понял, что с этих пор между нами началась вечная, смертельная вражда.

– Послушайте, – сказал он, – я даю вам еще остаток этой ночи и завтрашний день для размышления; обещайте мне сохранить нашу тайну; тогда богатство, уважение, даже почести будут окружать вас; если же вы будете угрожать мне доносом, то я предам вас позору.

– Вы? – сказала я, – вы!

– Вечному, неизгладимому позору!

– Вы! – повторила я. – О, Фельтон, я думала, что он с ума сошел.

– Да, я! – сказал он.

– Ах, оставьте меня, уйдите, – сказала я, – если не хотите, чтобы я при вас разбила себе голову об стену.

– Хорошо, – сказал он, – до завтрашнего вечера!

– До завтрашнего вечера! – отвечала я, падая и кусая ковер в бешенстве.

Фельтон оперся на стул, и миледи с адскою радостью видела, что он, может быть, лишится сил прежде окончания рассказа.

IX. Сцена из классической трагедии

После минутного молчания, в продолжение которого миледи внимательно наблюдала за Фельтоном, она продолжала свой рассказ.

Почти три дня я ничего не пила и не ела; я переносила ужасные мучения; иногда у меня темнело в глазах; это был бред.

Наступил вечер; я была так слаба, что беспрестанно падала в обморок, и каждый раз благодарил Бога, думая, что, наконец, я умру.

Раз во время обморока я услышала, что отворялась дверь, от страха я пришла в себя.

Он вошел в сопровождении человека в маске; он и сам был замаскирован: но я узнала его по походке, по голосу, по гордому виду, данному ему адом к несчастью человечества.

– Ну, – сказал он мне, – решились ли вы дать клятву, которой я от вас требовал?

Вы сами сказали, что пуритане не изменяют своему слову, а я уже сказала вам, что я буду преследовать вас на земле перед судом человеческим и на небе перед судом Божиим.

– Следовательно, вы упорствуете?

– Клянусь вам, я приведу весь свет в свидетели вашего преступления, пока найду мстителя.

– Вы погибшая женщина, – сказал он громовым голосом, – и будете наказаны как того заслуживают подобные женщины! Обесчещенная в глазах света, который вы призываете в свидетели, постарайтесь доказать ему, что вы не преступница, ни сумасшедшая.

Потом, обращаясь к человеку, который пришел вместе с ним, он сказал.

– Палач, исполний свою обязанность.

– Скажите мне его имя, – вскричал Фельтон.

Не обращая внимания на мой крик, несмотря на мое сопротивление, внушенное страхом, что мне угрожало что-то худшее, нежели смерть, палач схватил меня, повалил на пол, сжал своими руками, и я, задыхаясь от рыданий, почти без чувств, испустила вдруг страшный крик от боли и стыда: горячее, как огонь, раскаленное железо палача положило клеймо на плече моем.

Фельтон вскрикнул.

– Видите, – сказала миледи, вставая с величием королевы, видите, Фельтон, какую придумали новую муку для невинной молодой девушки, сделавшейся жертвою грубости злодея. Научитесь познавать сердце человеческое и вперед не будьте орудием их несправедливого мщения.

Миледи вдруг расстегнула платье, разорвала батист, покрывавший грудь ее, и, краснея от притворного гнева и стыда, показала Фельтону неизгладимое клеймо, обесчестившее прекрасное плечо ее.

– Это лилия! – вскричал Фельтон.

– В этом-то и состоит его низость, – отвечала миледи. – Если бы клеймо было английское, то нужно было бы доказать, какой суд приговорил меня к этому наказанию, и я могла бы подать жалобы во все суды королевства, но французское клеймо... им я была совершенно обесчещена.

Этого было слишком много для Фельтона.

Бледный, неподвижный, пораженный этим страшным признанием, ослепленный сверхъестественною красотой этой женщины, открывшеюся ему с бесстыдством, которое казалось ему благородным, он упал перед нею на колени. Он забыл уже о клейме и видел только красоту ее.

Простите! вскричал Фельтон, – простите!

– Миледи прочла в глазах его: люблю! люблю!

– В чем простить вас? – спросила она.

– Простите, что я принял сторону ваших преследователей.

Миледи протянула ему руку.

– Вы так прекрасны! так молоды! – вскричал Фельтон, покрывая руку ее поцелуями.

Миледи бросила на него один из тех взглядов, которые превращают раба в повелителя.

Фельтон был пуританин: оставил руку миледи и начал целовать ноги.

Он уже не любил ее, а обожал.

Когда первый восторг прошел, когда миледи, казалось, пришла в себя, хотя не теряла ни на минуту своего хладнокровия, когда Фельтон увидел, что завеса невинности покрывала опять прелести, которые скрывали от него только для того, чтобы заинтересовать его, он сказал:

– Теперь мне остается спросить вас еще об одном: скажите мне имя настоящего палача вашего, потому что во всем этом, виноват, по-моему, он один; другой был только орудием его.

– Брат мой! – вскричала миледи, – неужели я должна назвать его тебе, неужели ты не угадал?

– Как, это он! – сказал Фельтон... – опять он... везде он. Неужели настоящий виновник этого...

– Настоящий виновник этого, сказала миледи, есть опустошитель Англии, гонитель истинно верующих, низкий похититель чести стольких женщин, тот, кто для одной прихоти своего развращенного сердца готовится пролить столько крови англичан, кто сегодня покровительствует протестантам, а завтра изменяет им.

– Бокингом! это Бокингом, – вскричал вне себя Фельтон.

Миледи закрыла лицо руками, как будто не могла переносить стыда, который напоминало ей это имя.

– Бокингом, палач этого ангела! – вскричал Фельтон. – И гром не поразил его, он остался в почестях и могуществе для общей гибели нашей! Он хочет привлечь на свою голову наказание, постигающее проклятых! – продолжал Фельтон с возрастающим жаром. – Он хочет, чтобы человеческое мщение предупредило небесное правосудие!

Люди боятся и щадят его.

– А я, – сказал Фельтон, – я его не боюсь и не пощажу.

Миледи почувствовала адскую радость.

– Но каким образом замешан в этом лорд Винтер, мой покровитель и мой отец? спросил Фельтон.

– Послушайте, Фельтон, – отвечала миледи, – есть люди низкие и презренные, но иногда встречаются также великие и благородные характеры. У меня был жених, которого я любила, и который любил меня; он был с таким же сердцем как ваше, Фельтон, Я рассказала ему все, он знал меня и нисколько не сомневался во мне. Он был вельможа, во всем равный Бокинге. Он, не говоря мне ни слова, надел шпагу, плащ и отправился во дворец Бокингема.

– Да, да, – сказал Фельтон, – я понимаю; хотя для подобных людей нужна не шпага, а кинжал.

Бокингом накануне уехал в Испанию, куда он послан был просить руки инфанты для короля Карла I, бывшего тогда еще принцем Галльским. Жених мой возвратился.

– Послушайте, – сказал он мне, – этот человек уехал и, следовательно, на время он спасся от моего мщения; но в ожидании его возвращения мы обвенчаемся, как было предназначено, и будьте уверены, что лорд Винтер поддержит честь свою и жены своей.

– Лорд Винтер! – вскричал Фельтон.

– Да, – сказала миледи, – лорд Винтер, теперь вы все понимаете, не правда ли? Бокингом не возвращался около года. За неделю до приезда его лорд Винтер скоропостижно умер, оставив меня своею единственною наследницей. Отчего он умер, Бог знает; по крайней мере, я никого не обвиняю в этом.

– Лорд Винтер умер, ничего не рассказав своему брату. Страшная тайна осталась скрытою от всех до тех пор, пока она поразит виновного как громом. Покровитель ваш с неудовольствием смотрел на брак старшего брата своего с девушкой без состояния. Я чувствовала, что не могла ожидать поддержки от человека, обманутого в своих надеждах на наследство. Я уехала во Францию, решившись остаться там навсегда. Но все мое состояние в Англии; война прекратила сообщение, я стала во всем нуждаться: тогда я принуждена была возвратиться сюда; б дней тому назад я приехала в Портсмут.

– Дальше, – сказал Фельтон.

– Бокингем, вероятно, узнал о моем возвращении; он говорил обо мне с лордом Винтером, уже предубежденным против меня, и сказал ему, что я погибшая, обесчещенная женщина. Благородный голос мужа моего не мог уже защитить меня. Лорд Винтер поверил всему, что ему сказали, тем охотнее, что ему выгодно было поверить этому. Он велел схватить меня, привезти сюда и поручил меня вашему надзору. Остальное вам известно: послезавтра он отправляет меня в ссылку, я должна буду жить между преступниками. Заговор, как видите, составлен был искусно, и честь моя должна погибнуть. Теперь вы понимаете, что я должна умереть, Фельтон; Фельтон, дайте мне нож.

И с этими словами, как будто силы ее совсем истощились, миледи, в расслаблении, упала на руки офицера, увлеченного любовью, гневом и неопределенным чувством удовольствия; он обнял ее с восторгом и прижал к своему сердцу, с наслаждением впивая дыхание ее и дрожа от прикосновения волнующейся груди ее.

– Нет, – сказал он, – нет, ты будешь жить, чистою и уважаемою; ты будешь жить для того, чтобы восторжествовать над своими врагами.

Миледи медленно оттолкнула его рукой, привлекая взглядом; но Фельтон обнял ее с умоляющим видом.

– О, смерть, смерть! – сказала она тихо, закрыв глаза; – лучше смерть, чем позор; Фельтон, брат мой, друг мой, умоляю тебя!

– Нет, – вскричал Фельтон, – нет, ты будешь жить и будешь отомщена.

– Фельтон, я приношу несчастье всем, окружающим меня. Фельтон, оставь меня! Фельтон, дай мне умереть.

– В таком случае умрем вместе! – вскричал он, страстно целуя ее.

Раздалось несколько ударов в дверь; миледи оттолкнула его.

– Слышишь, – сказала она, – нас подслушали; идут! кончено; мы погибли!

– Нет, – сказал Фельтон, – это часовой предупреждает меня, что идет обход.

– Бегите же к двери и отойдите сами.

Фельтон повиновался; эта женщина овладела уже всею душой его.

В коридоре он встретил сержанта, командовавшего патрулем.

– Что случилось? – спросил поручик.

– Вы приказали мне войти, если будете кричать о помощи, – сказал солдат; – но вы забыли оставить мне ключ; я слышал, что вы кричали, но не мог понять ваших слов, хотел отворить дверь, но она была заперта изнутри; поэтому я позвал сержанта.

– И я явился, – сказал сержант.

Фельтон, растерявшись, как полуумный, стоял, не говоря ни слова.

Миледи поняла, что ей надо было вывести его из затруднительного положения; она подбежала к столу; схватила нож, оставленный Фельтоном, и сказала:

– А по какому праву вы хотите помешать мне умереть?

– Боже мой! – вскричал Фельтон, увидя, что нож блестит в руке ее.

В это время иронический смех раздался в коридоре.

Услышав шум, барон, в халате, со шпагой под рукой, явился в дверях.

– А, вот и последний акт трагедии, – сказал он; – видите, Фельтон, что драма шла, как я вам предсказывал; но будьте спокойны, кровь не будет пролита.

Миледи поняла, что она погибла, если не представить Фельтону тотчас же сильного доказательства своей храбрости.

– Вы ошибаетесь, милорд, кровь прольется и да падет она на тех, кто заставил пролить ее. Фельтон вскрикнул и бросился к ней; но было уже поздно; миледи ранила себя ножом.

К счастью, или лучше сказать благодаря ловкости миледи, нож попал на китовый ус корсета, скользнул и вошел в тело между ребрами.

Кровь тотчас брызнула на платье.

Пленница упала навзничь, и, казалось, была без чувств.

Фельтон вырвал из руки ее нож.

– Видите, милорд, – сказал он с мрачным видом: – вот женщина, которую мне поручено было охранять, и которая убила себя!

– Успокойтесь, Фельтон, – сказал лорд Винтер: – она не умерла, демоны так легко не умирают; будьте спокойны, ступайте ко мне и подождите меня.

– Но, милорд...

– Идите, я вам приказываю.

Фельтон повиновался приказанию начальника; но уходя, он спрятал нож за пазуху.

Лорд Винтер позвал женщину, служившую миледи, и, поручив ей пленницу, лежавшую еще без чувств, ушел, оставив их вдвоем.

Между тем как, несмотря на подозрения его, рана могла быть опасною, он тотчас послал верхового за врачом.

Х. Побег

Лорд Винтер не ошибся; рана миледи была неопасна: и потому, как только она осталась вдвоем с женщиной, которую призвал барон, и которая спешила раздеть ее, она открыла глаза.

Но надо было притвориться слабою и больною; это нетрудно было для такой искусной актрисы как миледи; служанка вполне поддалась обману и, несмотря на просьбы миледи, решилась остаться при ней на всю ночь.

Присутствие этой женщины не мешало миледи думать.

Не было больше сомнения, что Фельтон был предан ей, если бы ему явился во сне ангел и стал обвинять миледи, он не поверил бы ему.

Миледи улыбалась при этой мысли, потому что Фельтон был единственною надеждою ее, единственным средством спасения.

Но лорд Винтер мог подозревать его; за самим Фельтоном может быть наблюдали.

Около четырех часов утра приехал доктор; но рана уже закрылась, доктор не мог видеть ни направления, ни глубины ее, только по пульсу больной он узнал, что никакой опасности не было.

Утром миледи под тем предлогом, что не спала всю ночь и что ей нужно было спокойствие, отослала бывшую при ней женщину.

Она надеялась, что Фельтон придет к завтраку; но он не пришел.

Неужели опасения ее осуществились? неужели Фельтон, подозреваемый бароном, не придет в самую решительную минуту? Ей оставался только один день; было уже 22-е число, а лорд Винтер объявил, что 23-го она отправится. Несмотря на то, она ждала терпеливо до обеда.

Хотя она ничего не ела утром, обед принесен был в обыкновенное время; тогда миледи с ужасом заметила, что караулившие ее солдаты были уже не в таких мундирах как прежде.

Она решилась спросить, где Фельтон.

Ей отвечали, что Фельтон за час до обеда сел на лошадь и уехал.

Она спросила, дома ли барон; солдат отвечал, что барон дома и что он приказал доложить ему, если пленница пожелает видеть его.

Миледи сказала на это, что она была еще очень слаба и что она желает остаться одна.

Солдат, поставив обед, вышел. Фельтона отослали, матросы были сменены: значит, Фельтону не доверяли.

Эго был последний удар для пленницы.

Оставшись одна, она встала; постель, на которой она лежала для того, чтобы подумали, что она тяжело ранена, жгла ее как раскаленная печь. Она взглянула на дверь; барон велел заколотить форточку доской; без сомнения, боялся, чтобы ей не удалось через это отверстие каким-нибудь демонским способом соблазнить стражей.

Миледи улыбнулась от радости; она могла теперь свободно предаваться своим чувствам; за ней уже не наблюдали; она начала скоро ходить по комнате в сильном раздражении, как сумасшедшая или как тигрица, запертая в клетке. Если бы был у нее теперь нож, то, вероятно, она думала бы о том, чтобы убить не себя, а барона.

В шесть часов лорд Винтер вошел; он был вооружен с ног до головы. Этот человек, которого миледи до сих пор знала как простенького дворянина, сделался превосходным тюремщиком; казалось, он все предвидел, угадывал, предупреждал.

Ему довольно было одного взгляда на миледи, чтобы узнать все, что происходило в душе ее.

– Сегодня вы не убьете меня; – сказал он; – у вас нет уже оружия, и притом я принял все предосторожности. Вы начинали уже развращать моего бедного Фельтона; он подчинился уже вашему адскому влиянию; но я хочу спасти его; он больше не увидит вас. Соберите ваши

вещи, завтра вы отправитесь. Я прежде назначил ваш отъезд 24-го, но потом я решил, что чем раньше, тем вернее. Завтра в полдень я получу приказ о вашей ссылке, подписанный Бокингом. Если вы скажете хотя слово кому бы то ни было, прежде чем войдете на корабль, сержант мой убьет вас; ему так приказано. Если на корабле вы скажете хотя слово кому бы то ни было без позволения капитана, то капитан велит бросить вас в море. До свидания, вот все что я хотел сказать вам сегодня. Завтра я приду к вам проститься.

Сказав эти слова, барон вышел. Миледи выслушала все эти угрозы с улыбкой презрения и с бешенством.

Подали ужин: миледи чувствовала, что ей нужно было подкрепить силы; неизвестно, что могло случиться ночью, которая, казалось, будет страшною, потому что густые тучи покрывали небо, и сверкавшая вдали молния предвещала грозу.

Гроза разразилась около 11 часов вечера; миледи чувствовала, какое-то утешение в том, что природа разделяла мрачное состояние души ее; гром гремел в воздухе как гнев в сердце ее; казалось, что порывы ветра касались лица ее; она стонала как ураган, и голос ее терялся в страшном голосе природы, которая, казалось ей, издавала тоже стоны отчаяния.

Вдруг она услышала стук в окно и при блеске молнии увидела за решеткой человеческое лицо.

Она подбежала к окну и открыла его.

– Фельтон! – вскричала она, – я спасена.

– Да, – сказал Фельтон; – но, тише, тише! надо еще перепилить решетки. Берегитесь только, чтобы вас не увидели через форточку.

– Это хорошо, – сказал Фельтон.

– Что же мне делать? – спросила миледи.

– Ничего, ничего; только закройте окно. Лягте в постель, хоть не раздеваясь; когда я кончу, я постучу в окно. Но в состоянии ли вы будете следовать за мной?

– О, без сомнения!

– А рана?

– Я страдаю от нее, но это не мешает мне идти.

– Будьте же готовы по первому знаку моему.

Миледи закрыла окно, потушила лампу и легла в постель, как советовал Фельтон. Среди рева бури она слышала звуки пилы и при каждом блеске молнии видела лицо Фельтона за окном.

Она пролежала целый час, едва дыша; лоб ее покрылся холодным потом, и сердце сжималось со страшною мукой каждый раз, когда, она слышала какое-нибудь движение в коридоре.

Этот час показался ей годом.

Через час Фельтон снова постучал.

Миледи вскочила с кровати и открыла окно.

Две перепиленные жерди решетки образовали отверстие, через которое мог свободно пролезть человек.

– Готовы ли вы? – спросил Фельтон.

– Да. Надо взять что-нибудь?

– Денег, если у вас есть.

– Да, к счастью, у меня остались деньги, которые я привезла с собой.

– Тем лучше, потому что я истратил все свои деньги на наем лодки.

– Возьмите, – сказала миледи, передавая Фельтону мешок, наполненный луидорами.

Фельтон взял мешок и бросил его вниз.

– Ну, идите, – сказал он.

– Я здесь.

Миледи встала на кресло и влезла на окно: она увидела, что Фельтон висел над бездной на веревочной лестнице.

В первый раз чувство страха напомнило ей, что она женщина.

– Этого-то я и боялся, – сказал Фельтон.

– Это ничего, ничего, – сказала миледи, – я спущусь, закрыв глаза.

– Имеете ли вы доверие ко мне? – спросил Фельтон.

– И вы об этом спрашиваете!

– Протяните обе руки и сложите их вместе; вот так.

Фельтон связал ей обе руки платком сверх платки веревкой.

– Что вы делаете? – спросила миледи с удивлением.

– Положите руки мне на шею и не бойтесь ничего.

– Но вы потеряете равновесие, и мы упадем оба.

– Не бойтесь, я моряк.

Нельзя было терять ни минуты; миледи обвила шею Фельтона и спустилась за окно.

Фельтон начал медленно спускаться по лестнице. Несмотря на тяжесть двух тел, лестница качалась в воздухе от сильного ветра.

Вдруг Фельтон остановился.

– Что такое? – спросила миледи.

– Тише, – сказал Фельтон, – я слышу шаги.

– Нас заметили!

Несколько минут продолжалось молчание.

– Нет, – сказал Фельтон, – это ничего.

– Но что же это за шум?

– Вот идет патруль.

– Где же он должен пройти?

– Прямо под нами.

– Они нас увидят.

– Нет, не увидят, если не блеснет молния.

– Они наткнутся на нижнюю часть лестницы.

– К счастью, она недостает до земли на 6 футов.

– Вот они, Боже мой!

– Молчите!

Они висели на 20 футов над землей, неподвижно и едва дыша, между тем, как солдаты проходили под ними, смеясь и разговаривая.

Это была ужасная минута для беглецов.

Патруль прошел; слышно было, как шаги их удалялись, и шум голосов утихал.

– Теперь, – сказал Фельтон, – мы спасены.

Миледи вздохнула и лишилась чувств.

Фельтон продолжал спускаться. Дойдя до конца лестницы и не чувствуя дальше опоры для ног, он начал спускаться, крепко ухватясь за веревку руками и повиснув на конце веревки, встал на землю.

Тогда он наклонился, поднял мешок с золотом и взял его в зубы.

Потом взял миледи на руки и быстро пошел в сторону, противоположную той, куда пошел патруль. Скоро он свернул с дороги, и, дойдя по скалам до морского берега, свистнул.

Такой же свисток отвечал ему, и через пять минут подъехала лодка, в которой сидели четыре человека.

Лодка подошла к берегу на сколько было возможно; она не могла подойти очень близко, потому что у берега было мелко. Фельтон сошел до пояса в воду, не желая никому доверить драгоценной ноши своей.

К счастью, ветер начал утихать; но море еще сильно волновалось, и волны бросали маленькую лодку как орешную скорлупу.

– К шлюпке! гребите сильнее! – сказал Фельтон.

Гребцы работали усердно, но волны были так велики, что весла не могли хорошо действовать.

Хотя тихо удалялись они от замка, но все-таки удалялись, а это было всего важнее. Ночь была темная, и с лодки почти нельзя уже было видеть берега, тем больше с берега не видно уже было лодки.

Черная точка качалась на волнах. Это была шлюпка.

Между тем как лодка удалялась, Фельтон развязал веревку, потом платок и освободил руки миледи.

Потом зачерпнул морской воды и sprыснул ей лицо.

Миледи вздохнула и открыла глаза.

– Где я? – спросила она.

– Вы спасены, – отвечал офицер.

– Я спасена! – вскричала она. – Да, вот небо, вот море! Воздух, которым я дышу, пахнет свободой. О... благодарю, Фельтон, благодарю!

Он прижал ее к своему сердцу.

– Но что это у меня на руках? спросила миледи: – кажется, мне сдавили все кости в тисках.

Миледи подняла руки; кисти рук ее онемели.

– Что делать! – сказал Фельтон, смотря на эти прекрасные руки и печально качая головой.

– Это ничего, это ничего, – сказала миледи; – теперь и вспомнила.

Миледи чего-то искала около себя.

– Он там, – сказал Фельтон, толкая ногою мешок с золотом.

Приближались к шлюпке. Моряки с шлюпки окликнули лодку; им отвечали.

– Что это за шлюпка? – спросила миледи.

– Это та, которую я для вас нанял.

– Куда же она отвезет меня?

– Куда вам угодно, только высадите меня в Портсмуте.

– Что вам нужно в Портсмуте? – спросила миледи.

– Исполнить приказания лорда Винтера, – сказал Фельтон с мрачной улыбкой.

– Какие приказания? – спросила миледи.

– Разве вы не понимаете? – отвечал Фельтон.

– Нет; объяснитесь, пожалуйста.

– Так как он не доверял мне, то он хотел стеречь вас сам, а меня послал к Бокингеу для подписи приказа о вашей ссылке.

– Если он не доверил вам, как же он доверил вам этот приказ?

– Он думал, что я не знаю, что тут написано.

Так вы едете в Портсмут?

Мне нельзя терять времени; завтра 23 и Бокингом завтра же уезжает с флотом.

– Он уезжает завтра; куда же он едет?

– К ла Рошели.

– Он не должен ехать туда! – вскричала миледи; изменяя своей обыкновенной осторожности.

– Будьте спокойны, – отвечал Фельтон, – он не поедет.

Миледи вздрогнула от радости; она догадалась, что в этих словах заключалась смерть Бокингема.

– Фельтон... – сказала она, – вы великий человек: если вы умрете, я умру вместе с вами: вот все, что я могу вам сказать.

– Молчите! – сказал Фельтон, – мы приехали.

В это время лодка пристала к шлюпке.

Фельтон первый вошел по лестнице и подал руку миледи, между тем как матросы подерживали ее, потому что море еще сильно волновалось.

Через минуту они были на палубе.

– Капитан, – сказал Фельтон, – вот особа, о которой я вам говорил; ее надо доставить во Францию.

За тысячу пистолей, сказал капитан.

– Я вам дал уже 500.

– Правда, – отвечал капитан.

– А вот остальные пятьсот, – сказала миледи, показывая на мешок с золотом.

– Нет, – сказал капитан, – мы уговорились так, что остальные 500 пистолей я получу по приезду в Булонь.

– А мы доедем туда?

– Это также верно, – сказал капитан, – как то, что меня зовут Джек Бугтлер.

– Хорошо! – сказала миледи; – если вы исполните условие, то я вам дам не 500, а 1,000 пистолей.

– Ура! – вскричал капитан, – дай Бог почаще иметь таких пассажиров.

– Теперь, – сказал Фельтон, – отвезите нас в маленькую бухту, знаете, в которую мы условились.

Капитан тотчас сделал нужные распоряжения к отъезду; шлюпка отправилась и около 7 часов утра бросила якорь в той бухте, где Фельтону нужно было высадиться.

Дорогой Фельтон рассказал миледи, что вместо того чтоб ехать в Лондон, он нанял шлюпку и возвратился к замку, влез на стену, цепляясь за камни и наконец добравшись до оконной решетки, привязал лестницу; остальное миледи знала.

Миледи, со своей стороны, старалась ободрить Фельтона в исполнении его плана; но из нескольких слов его она заметила, что этого молодого фанатика скорее надо было удерживать, чем поощрять.

Уговорились, что миледи будет ждать Фельтона до 10 часов; если он к 10 часам не возвратится, то она уедет.

Во всяком случае, если только он будет свободен, то увидится с ней во Франции, в монастыре Бетюнских кармелиток.

XI. Что происходило в Портсмуте 23 августа 1628 года

Фельтон простился с миледи, как брат прощается с сестрой, отправляясь на обыкновенную прогулку, и поцеловал ей руку.

Он казался спокойным как обыкновенно: только глаза его блестели каким-то особенным огнем как в лихорадке; он был очень бледен, губы были сжаты и он говорил коротко и отрывисто, из чего видно было, что его беспокоили какие-то мрачные мысли.

Переезжая в лодке на берег, он все время смотрел на миледи, которая, стоя на палубе, провожала его глазами. Оба они не боялись уже преследования; в комнату миледи никогда не входили раньше 9 часов утра, а чтобы доехать от замка до Лондона, нужно было три часа.

Фельтон вышел на берег, поднялся на небольшой холм, в последний раз поклонился миледи и отправился в город.

Как дорога гада понижаясь от высокого берега, то пройдя сто шагов, он мог видеть уже только мачту шлюпки.

Он тотчас побежал к Портсмуту, которого дома и башни виднелись сквозь туман за полмили впереди.

За Портсмутом море покрыто было кораблями, мачты которых как лес тополей зимою, качались от ветра.

Дорогою Фельтон припоминал все обвинения, истинные или ложные, против любимца Якова VI и Карла I, слышанные им во время продолжительного пребывания его между пуританами.

Когда он сравнивал открытые преступления этого министра, гласные, известные всей Европе, с частными и неизвестными преступлениями, в которых обвиняла его миледи, он находил, что Бокингом гораздо был виновнее в тех проступках, которые были неизвестны народу. Любовь его к миледи, такая странная и пламенная, заставила его видеть низкие и вымышленные обвинения леди Винтер в огромных размерах: точно так едва заметные атомы через увеличительное стекло кажутся ужасными чудовищами.

Быстрота бега еще больше разогрела кровь его; мысль о том, что он расстался с женщиной, подвергавшейся опасности страшного мщения, с женщиной, которую он любил, или, лучше сказать, обожал; недавнее волнение чувств, усталость, все это воспламеняло душу его.

Он пришел в Портсмут около восьми часов утра; улицы наполнены были народом; барабаны били в городе и на пристани; десантные войска шли к морю.

Фельтон пришел к адмиралтейству, весь покрытый пылью и потом; лицо его, обыкновенно бледное, покраснело от жару и гнева. Часовой не хотел пропустить его; но Фельтон позвал начальника поста, и, вынув из кармана письмо, сказал:

– Важные бумаги от лорда Винтера.

При имени лорда Винтера, которого знали как одного из искренних друзей герцога, начальник поста велел пропустить Фельтона, бывшего притом в мундире морского офицера.

Фельтон вошел во дворец.

Когда он вошел в переднюю, вместе с ним вошел туда какой-то человек, усталый, весь в пыли, только что приехавший верхом на лошади, которая тотчас же пала от изнеможения.

Фельтон и неизвестный обратились в одно время к Патрику, доверенному камердинеру герцога; Фельтон сказал, что он от лорда Винтера; незнакомец не хотел сказать своего имени, говоря, что он только самому герцогу наедине мог сказать кто он. Оба настаивали, чтобы пройти прежде.

Патрик, знавший, что лорд Винтер был в деловых и дружеских сношениях с герцогом, отдал предпочтение тому, кто приехал от его имени. Другой должен был подождать, и заметно было, как он проклинал это замедление.

Камердинер провел Фельтона через большую залу, в которой дожидались депутаты из ла Рошели, под начальством князя де Субиз, и ввел его в кабинет, где Бокингем, выйдя из ванны, оканчивал свой туалет, которым он, как и всегда, занимался с особенным вниманием.

– Поручик Фельтон, – сказал Патрик, – от лорда Винтера.

– От лорда Винтера – повторял Бокингем, – проси.

Фельтон вошел. В это время Бокингем бросил на диван богатый халат, шитый золотом, и надевал камзол из голубого бархата, осыпанный жемчугом.

– Отчего барон сам не приехал? – спросил Бокингем; – я ожидал его сегодня утром.

– Он поручил мне сказать вашей светлости, – отвечал Фельтон, – что он, к сожалению, не мог иметь этой чести, потому что должен был караулить замок.

– Да, да, – сказал Бокингем, – я знаю, у него есть пленница.

– О ней-то я и хотел поговорить с вашей светлостью, – сказал Фельтон.

– Ну, говорите.

– То, что я хочу вам сказать, милорд, никто не должен слышать, кроме вас.

– Оставь нас, Патрик, – сказал Бокингем; – но не уходи далеко, я сейчас позову тебя.

Патрик вышел.

– Мы одни, – сказал Бокингем, – говорите.

– Милорд, – сказал Фельтон, – барон Винтер просил вас письмом подписать приказ об отправлении в ссылку одной женщины, по имени Шарлотты Бексон.

– Да, и я отвечал ему, чтобы он привез или прислал мне этот приказ, я его подпишу.

– Вот он, милорд.

– Давайте, – сказал герцог.

И взяв приказ из рук Фельтона, он быстро прочел его. Потом, удостоверившись, что это тот самый, о котором ему писал Винтер, он положил его на стол, взял перо и хотел подписать его.

– Извините, милорд, – сказал Фельтон, останавливая его; – известно ли вашей светлости, что Шарлотта Бексон не есть настоящее имя этой женщины.

– Да, я это знаю, – отвечал герцог, обмакивая перо в чернильницу.

– В таком случае вашей светлости известно настоящее имя ее? – спросил Фельтон.

– Да, известно.

Герцог положил руку на бумагу. Фельтон побледнел.

– И зная настоящее имя ее, – продолжал Фельтон, – ваша светлость, все-таки подпишете?

– Без сомнения, – сказал Бокингем, – и еще охотнее.

– Я не могу поверить, – продолжал Фельтон отрывистым голосом, что вашей светлости известно, что дело идет о леди Винтер...

– Я знаю это очень хорошо, хотя очень удивляюсь, откуда вы это знаете.

– И ваша светлость подпишете этот приказ без угрызения совести.

Бокингем гордо взглянул на молодого человека.

– Милостивый государь, – сказал он, – вы предлагаете мне очень странные вопросы, и я глупо делаю, что отвечаю на них.

– Отвечайте, милорд, – сказал Фельтон, – дело может быть гораздо важнее, нежели вы думаете.

Бокингем подумал, что молодой человек, присланный от лорда Винтера, говорил от его имени и смягчился.

– Без малейшего угрызения совести, – сказал он; – барону известно, так же как и мне, что миледи Винтер большая преступница, и что ограничить наказание ее ссылкой значит почти оказать ей милость.

Герцог хотел подписать бумагу.

– Вы не подпишете этого приказа, милорд! – сказал Фельтон, подходя к герцогу.

– Я не подпишу этого приказа? – спросил Бокингем; – почему же это?
– Потому, что если вы подумаете, то отдадите справедливость миледи.
– Ссылка в Тибурн будет справедливостью в отношении к ней; миледи низкая женщина.
– Миледи ангел, вам это хорошо известно, милорд, и я прошу вас оставить ее на свободе.
– Верно, вы с ума сошли, что так говорите со мной, – сказал Бокингем.
– Извините, милорд; я говорю, как могу; я удерживаюсь. Но подумайте, милорд, о том, что вы хотите сделать и страшитесь переполнить меру ваших преступлений.

– Что? – вскричал Бокингем; – он, кажется, угрожает мне?

– Нет, милорд, пока я еще прошу; я вам говорю, что одной капли воды достаточно, чтобы переполнить сосуд, налитый до краев; одна легкая ошибка может привлечь наказание на голову человека, которого долго щадили, несмотря на все преступления его.

– Господин Фельтон, – сказал Бокингем, – ступайте вон и идите тотчас под арест.

– Вы выслушаете меня до конца, милорд. Вы соблазнили эту девушку, вы оскорбили ее, унизили; заглядьте ваши преступления в отношении к ней, отпустите ее, и я больше ничего от вас не потребую.

– Вы не потребуете! – сказал Бокингем, смотря на Фельтона с удивлением и делая ударение на каждом слове.

Милорд, – продолжал Фельтон, постепенно разгораясь, – милорд, берегитесь; Англия утомлена вашими преступлениями, милорд, вы употребили во зло королевскую власть, которую почти присвоили себе; милорд, вы наводите ужас на всех; Бог накажет вас после, а я накажу вас теперь.

– О, это уже слишком! – кричал Бокингем, идя к двери.

Фельтон преградил ему дорогу.

– Я прошу вас покорнейше, – сказал он, – подпишите приказ об освобождении леди Винтер; подумайте, что это женщина, которую вы обесчестили.

– Ступайте вон, милостивый государь, – сказал Бокингем, – или я позову людей и велю посадить вас в кандалы.

– Вы никого не позовете, – сказал Фельтон, – став между герцогом и колокольчиком, стоявшим на столике, отделанном серебром; берегитесь, милорд, вы теперь в руках Божиих.

– Вы хотите сказать, в руках черта, – вскричал Бокингем, возвышая голос, чтобы его слышали из другой комнаты.

– Подпишите, милорд, подпишите освобождение леди Винтер, – сказал Фельтон, подавая герцогу бумагу.

– Это насилие вы смеетесь надо мной! Эй, Патрик!

– Подпишите, милорд!

– Никогда!

– Никогда?

– Эй, люди! – закричал герцог и в то же время схватил свою шпагу.

Но Фельтон не дал ему вынуть ее из ножен; он держал на груди нож, которым ранила себя миледи, и подскочил с ним к герцогу.

В это время Патрик вошел в залу, крича:

– Милорд, письмо из Франции.

– Из Франции! – вскричал Бокингем, забывая все при мысли об этом письме.

Фельтон воспользовался этою минутой и вонзил ему в бок нож до самой рукоятки.

– Изменник! – кричал Бокингем, – ты убил меня!..

– Убийство! – закричал Патрик.

Фельтон осмотрелся кругом и видя, что дверь была отворена, бросился в соседнюю комнату, где, как нам известно уже, ждали депутаты из ла Рошели, и пробежал через нее на лест-

ницу; но на первой ступеньке встретил лорда Винтера, который, увидя его бледного, с испуганным видом, с кровью на руках и на лице, схватил его, крича:

– Я это знал; я догадался, но слишком поздно! о, я несчастный!

Фельтон не сопротивлялся. Лорд Винтер передал его стражам, которые, в ожидании дальнейших приказаний, отвели его на маленькую террасу над морем, Винтер бросился в кабинет Бокингема.

На крики герцога и Патрика человек, которого Фельтон встретил в передней, вбежал в кабинет.

Герцог лежал на софе, судорожно прижимая рукой рану.

– Лапорт, – сказал он слабым голосом, – Лапорт, ты от нее!

– Да, милорд, – отвечал верный слуга Анны Австрийской; – но, может быть, слишком поздно.

– Тише, Лапорт, вас могут услышать; Патрик, не впускай сюда никого, я не узнаю, что она велела мне сказать! Боже мой, я умираю!

И герцог лишился чувств.

Между тем лорд Винтер, депутаты, начальники экспедиции и приближенные офицеры Бокингема вошли в его кабинет; везде раздавались крики отчаяния. Новость, наполнявшая дворец стонами и плачем, быстро разнеслась по городу.

Пушечный выстрел возвестил, что произошло что-то новое и неожиданное.

Лорд Винтер рвал на себе волосы.

– Опоздал одною минутой! – кричал он; – о, Боже мой, какое несчастье!

Действительно, в семь часов утра ему сказали, что у одного из окон замка висела веревочная лестница; он тотчас побежал в комнату миледи и нашел, что комната была пуста, окно открыто и решетка перепилена; он вспомнил предостережение д'Артаньяна, переданное ему на словах слугою его, испугался за жизнь герцога, побежал в конюшню, вскочил на первую, попавшуюся ему лошадь, не оседлав ее, приехал во дворец герцога, побежал на лестницу и на первой ступени встретил Фельтона.

Однако герцог еще не умер; он пришел в чувство, открыл глаза, и надежда оживила сердца всех.

– Господа, – сказал он, – оставьте меня с Патриком и Лапортом. А, это Винтер! вы прислали ко мне сегодня утром сумасшедшего; посмотрите, что он со мною сделал!

– Милорд! – вскричал барон, – я никогда не прошу себе этого!

– И худо сделаешь, любезный Винтер, – сказал Бокингом, протягивая ему руку; – нет такого человека, который стоил бы, чтобы сожалеть о нем весь век; но прошу тебя, оставь нас.

Барон вышел, рыдая.

В кабинете остались только раненый герцог, Лапорт и Патрик.

Искали доктора, но не могли найти.

– Вы останетесь живы, милорд, вы не умрете, – повторял, стоя на коленях перед софою герцога, верный слуга Анны Австрийской.

– Что она пишет мне? – сказал Бокингом слабым голосом, истекая кровью и превозмогая страшную боль, чтобы поговорить о той, которую он любил; – что она пишет мне? Прочтите мне ее письмо.

– О, милорд, – сказал Лапорт.

– Прочти, Лапорт; разве ты не видишь, что мне нельзя терять времени.

Лапорт сломал печать, развернул письмо и держал его перед глазами герцога, но Бокингом не мог разобрать его.

– Читай, – сказал он; – читай, я ничего не вижу; читай! потому что скоро, может быть, я не буду и слышать, и умру, не узнав, что она мне писала.

Лапорт больше не возражал и прочел.

«Милорд!

Умоляю вас все, что я перенесла через вас и для вас с тех пор как знаю вас, если вам дорого мое спокойствие, прекратите вооружения ваши против Франции и войну, о которой открыто говорят, что вера есть только предлог к ней, а потихоньку прибавляют, что настоящая причина ее есть любовь ваша ко мне. Эта война не только может произвести великие перевороты во Франции и в Англии, но может и вам, милорд, принести несчастье, в котором я никогда не утешусь.

Берегите свою жизнь, которой угрожает опасность и которая будет для меня драгоценна с той минуты, как я перестану видеть в вас неприятеля.

Преданная вам Анна».

Бокингем собрал остаток сил своих; чтобы выслушать чтение этого письма, потом, как будто найдя в нем горькое разочарование, он спросил:

– Неужели вам не поручено ничего больше передать на словах мне, Лапорт.

– Да, милорд; королева поручила мне сказать вам, чтобы вы были осторожны, потому что до нее дошли слухи, что вас хотят убить.

– И больше ничего? спросил с нетерпением Бокингем.

– Она поручила мне еще сказать вам, что она любит вас по-прежнему.

– А, слава Богу! – сказал Бокингем: – она примет известие о моей смерти как смерти человека не совсем чужого ей.

Лапорт залился слезами.

– Патрик, – сказал герцог, – принеси мне ящик, в котором были бриллиантовые наколенники.

Патрик принес ящик и Лапорт узнал, что это тот самый, который прежде принадлежал королеве.

– Теперь принеси белый атласный мешочек, на котором вышит жемчугом вензель ее.

Патрик исполнил приказание.

– Возьмите, Лапорт, – сказал Бокингем, – вот все что я имел от нее: этот серебряный ящик и эти два письма. Отдайте их ее величеству и на память обо мне (он искал глазами какой-нибудь драгоценности)... отдайте еще....

Он посмотрел кругом, но отуманенные смертью глаза его встретили нож, выпавший из рук Фельтона и дымившийся еще кровью.

– Отдайте еще этот нож, сказал герцог, сжимая руку Лапорта.

Он мог положить мешочек в серебряный ящик, положил гуда же нож, показал Лапорту знаком, что не мог уже говорить; потом, не в состоянии, будучи превозмочь предсмертных конвульсий, упал с софы на пол.

Патрик громко вскрикнул.

Бокингем хотел улыбнуться в последний раз; но смерть остановила мысль его, следы которой остались на лице его как последний поцелуй любви.

В эту минуту вбежал запыхавшись доктор герцога; он был уже на адмиральском корабле, когда начали искать его.

Он подошел к герцогу, взял руку его, подержал в своих руках и опять опустил ее.

– Все бесполезно, – сказал он: – он уже умер.

– Умер, умер! – вскричал Патрик.

При этом восклицании толпа вошла в кабинет; все были в ужасном смущении.

Лорд Винтер, видя, что Бокингем умер, побежал к Фельтону, которого солдаты стерегли на террасе замка.

– Злодей! – сказал он Фельтону, – злодей, что ты сделал?

– Я отомстил за себя, – сказал он, со свойственным ему спокойствием и хладнокровием, которые возвратились ему по смерти Бокингема.

– Ты, – сказал барон, – скажи лучше, что ты служил орудием этой проклятой женщины; но, клянусь тебе, что это преступление ее будет последним.

– Я не знаю, что вы хотите этим сказать, – спокойно отвечал Фельтон: – и не понимаю, о ком вы говорите, милорд; я убил Бокингема за то, что он два раза отказал мне через вас в капитанском чине; я только наказал его за несправедливость.

Изумленный Винтер смотрел на людей, которые связывали Фельтона, и не знал, что думать о такой нечувствительности.

Одна только мысль беспокоила Фельтона. При каждом шуме наивному пуританину казалось, что он слышит шаги и голос миледи, готовой броситься в объятия его, обвинить себя и погибнуть вместе с ним.

Вдруг он вздрогнул, устремив глаза на море, которое с террасы далеко было видно, орлиным взором моряка он различил вдали парус шлюпки, направлявшейся к берегам Франции.

Он побледнел и приложил руку к сердцу, которое сильно билось; он понял измену миледи.

– Прошу у вас последней милости, милорд, – сказал он барону.

– Какой? – спросил Винтер.

– Скажите, который час?

Барон вынул свои часы.

– Без десяти минут девять, – сказал он.

Миледи уехала за полтора часа ранее назначенного срока; как только она услышала пушечный выстрел, возвестивший о роковом событии, тотчас приказала сняться с якоря.

Шлюпка ушла уже далеко от берега.

– Так Богу было угодно, – сказал он с покорностью фанатика, не сводя глаз с челнока, где, казалось ему, виден был еще белый признак той, за которую он пожертвовал жизнью.

Винтер следил за выражением его лица, заметил страдания его и все понял.

– Ты будешь сначала наказан один, несчастный, – сказал лорд Винтер Фельтону, не сводившему глаз с моря; но клянусь тебе; памятью брата моего, которого я так любил, что твоя сообщница не спасется.

Фельтон опустил голову, не сказав ни слова.

Винтер быстро спустился с лестницы и отправился к пристани.

ХII. Во Франции

Получив известие о смерти Бокингема, Карл I, король английский, больше всего боялся, чтобы ла-рошельцы не упали духом при этой ужасной новости; поэтому он старался, как говорит Ришелье в своих записках, скрывать ее от них как можно дальше, приказав запереть все гавани королевства и тщательно наблюдая, чтобы ни один корабль не отплыл до тех пор, пока не отправится армия, которую снаряжал Бокингем. Заботу об ее отправлении он принял теперь на себя.

Строгость его в этом отношении простиралась до того, что в Англии были задержаны даже датский посланник, который уже готов был к отъезду, и голландский посланник, который должен был сопровождать в Флассинген индийские корабли, возвращенные Карлом I Голландии.

Но так как он отдал это приказание спустя пять часов после того как случилось это несчастье, то есть в два часа пополудни, то два корабля успели выйти из гаваней: один увез, как мы знаем, миледи, которая предвидела это событие и еще больше убедилась в своей догадке, увидев черный флаг на мачте адмиральского корабля. Что касается до другого, мы после скажем, кого он увез и как уехал.

В это время, впрочем, не случилось ничего нового в ла-рошельском лагере; только, король, скучая, как обыкновенно, и может быть еще больше в лагере, чем где-нибудь, решил ехать инкогнито на праздник Св. Людовика в Сен-Жермен и просил кардинала приготовить ему конвой только из двадцати мушкетеров. Кардинал, сочувствовавший иногда скуке короля, с большим удовольствием разрешил этот отпуск своему царственному помощнику; король обещал возвратиться к 15-му сентября.

Де Тревиль, предупрежденный кардиналом, собрался в путь, и хотя он не знал о причине, но знал о сильном желании и даже о настоятельной надобности своих друзей побывать в Париже, а потому, нечего и говорить, что он назначил их участвовать в конвое.

Наши молодые люди узнали об этой новости через четверть часа после де Тревиля, потому что он им первым сообщил ее. Тогда д'Артаньян оценил благосклонность кардинала, позволившего ему, наконец, поступить в мушкетеры: иначе он должен бы был остаться в лагере, тогда как товарищи его уехали бы.

Очевидно, что причиною нетерпения их возвратиться в Париж была опасность, которой подвергалась госпожа Бонасье при встрече в Бетюнском монастыре с миледи, смертельным врагом своим. Поэтому Арамис, как мы сказали, тотчас же написал Марии Мишон, этой турецкой швейке, у которой были такие прекрасные знакомства, чтобы она упростила королеву позволить Бонасье оставить монастырь и удалиться в Лорень или Бельгию. Ответ не заставил себя долго ждать; через восемь или девять дней Арамис получил следующее письмо:

«Любезный кузен.

Посылаю тебе позволение моей сестры нашей бедной служанке оставить Бетюнский монастырь, которого воздух вы находите для нее вредным.

«Сестра моя посылает вам это позволение с большим удовольствием, потому что она очень любит эту женщину и постарается со временем быть ей полезною.

Целую вас

Мария Мишон».

К письму было приложено и позволение, заключавшееся в следующем:

«Настоятельница Бетюнского монастыря передаст на попечение подателя этой записки послушницу, недавно поступившую по моей рекомендации и под моим покровительством.

В Лувре 10 августа 1623

Анна».

Очень понятно, что это родство Арамиса с белошвейкой, называвшей королеву сестрой, рассмешило до слез молодых людей; но Арамис, покрасневший несколько раз до ушей при грубых шутках Портоса, просил друзей своих не говорить больше об этом, прибавив, что если кто-нибудь скажет еще хоть слово, то он не будет больше употреблять свою кузину посредницей в делах такого рода.

Итак, больше не говорили о Марии Мишон, от которой, впрочем, они получили желаемое приказание освободить госпожу Бонасьё из Бегюнского монастыря кармелиток, Правда, что это приказание не могло принести им большой пользы, пока они были в лагере под ла Рошелю, то есть на другом конце Франции. Поэтому д'Артаньян хотел идти к де Тревилю просить отпуска и объяснить ему прямо свою цель, когда узнал, вместе с товарищами, что король едет в Париж с конвоем из 20 мушкетеров, и что они назначены в этот конвой.

Мушкетеры были очень рады; они послали слуг своих вперед с багажом и выехали сами утром 16 сентября.

Кардинал сопровождал его величество от Сюржен до Мозе, а там король простился со своим министром с выражением искренней дружбы.

Король, искавший развлечений, ехал в Париж как можно скорее, потому что ему хотелось поспеть в Париж к 23 числу, но, несмотря на то по временам останавливался, чтобы взглянуть на полёт сороки. Этому удовольствию научил его когда-то де Люинь, и он навсегда сохранил к нему расположение. Из двадцати мушкетеров шестнадцать очень радовались, когда это случилось, но остальные четыре крайне досадовали, особенно д'Артаньян, которому постоянно казалось, что у него звон в ушах.

Портос сказал на это: одна знатная дама говорила мне, что это значит, что про вас где-нибудь говорят.

Наконец конвой въехал в Париж 22 числа ночью. Король поблагодарил де Тревиля и позволил ему отпустить мушкетеров на четыре дня, с условием, чтобы ни один из его любимцев не показывался в публичных местах, под опасением попасть в Бастилию.

Первые четыре отпуска были даны, как легко догадаться, четверем нашим друзьям. Атос выпросил у де Тревиля отпуск на шесть дней, вместо четырех, и кроме того прибавил еще две ночи, потому что они выехали 24 числа в 5 часов вечера, а де Тревиль, по благосклонности к нему, написал отпуск 25 числом.

– Боже мой! – сказал д'Артаньян, не задумывавшийся ни над чем, как нам известно, мы затрудняемся в пустяках: в два дни, загнав две или три лошади (а это ничего не значит, потому что у меня деньги есть) я буду в Бетюне, отдам настоятельнице письмо королевы и увезу сокровище, которое я ищу, не в Лорень и не в Бельгию, а в Париж, где она будет лучше скрыта, особенно пока кардинал при ла Рошели. Потом, возвратившись из похода, отчасти по протекции ее кузины, отчасти за услуги, лично нами оказанные, мы получим от королевы все, чего пожелаем. Итак, оставайтесь здесь, не истощайте себя усталостью; довольно меня и Планше для такого легкого предприятия.

Атос отвечал на это спокойно:

– У меня также есть деньги, потому что я еще не пропил остатков от бриллиантового перстня, а Портос и Арамис еще не проели своей части. Следовательно, для нас все равно, загнать ли четыре лошади, или одну. Но подумайте, д'Артаньян, – прибавил он таким мрачным голосом, что он вздрогнул; – подумайте, что Бетюн тот самый город, в котором кардинал

назначил свидание женщине, которая всюду приносит с собой несчастье. Если бы вы имели дело с четырьмя мужчинами, д'Артаиьян, я отпустил бы вас одного; но как вы будете иметь дело с этою женщиной, то поедem вчетвером и дай Бог, чтобы нас было достаточно и с четверыми слугами нашими.

– Вы пугаете меня, Атос, – сказал д'Артаньян; – но чего же вы боитесь?

– Всего! – отвечал Атос.

д'Артаньян взглянул на лица своих товарищей, которые, как и лицо Атоса, выражали сильное беспокойство, и они продолжали путь, не говоря больше ни слова.

Вечером 25 числа, когда они въезжали в Аррас и д'Артаньян остановился выпить стакан вина в гостинице, какой-то всадник выехал с почтового двора, где он переменил лошадь, и поскакал в галоп по дороге в Париж. В ту минуту, когда он выезжал из ворот на улицу, ветер распахнул плащ, в который он закутался, несмотря на то, что это было в августе, и приподнял шляпу, которую путешественник удержал рукой и надвинул опять на глаза.

д'Артаньян, пристально смотревший на этого человека, побледнел и уронил стакан.

– Что с вами? – спросил Планше. – Господа, помогите, моему барину дурно!

Трое друзей прибежали, д'Артаньян бежал уже за своею лошадью, и они остановили его на пороге.

– Куда ты так бежишь? – кричал ему Атос.

– Это он! – отвечал д'Артаньян, побледневший от гнева: – это он! пустите меня, я догоню его!

– Кого? – спросил Атос.

– Его, этого человека?

– Какого человека?

– Этого проклятого, моего злого гения, которого я встречал всегда, когда мне предстояло какое-нибудь несчастье; того, который сопровождал ужасную женщину, когда я встретил ее в первый раз; того, кого я искал, когда он вызвал на дуэль друга нашего Атоса; того, которого я видел в то самое утро, когда похитили госпожу Бонасье! Я видел его, это он? я узнал его, когда ветром распахнуло его плащ.

– Черт возьми! – сказал задумчиво Атос.

– На коней! господа, на коней! поедem за ним и догоним его.

– Подумайте, любезный друг, – сказал Арамис; – что он едет в противоположную сторону; что у него свежая лошадь, а наши устали, и что поэтому мы загоним своих лошадей и не догоним его. Оставим мужчину, д'Артаньян, спасем лучше женщину.

– Эй, господин! – кричал мальчик из конюхов, догоняя незнакомца; – вот бумага, которая выпала из вашей шляпы! Эй, господин!

– Друг мой, – сказал д'Артаньян, – хочешь пол пистоля за эту бумажку?

– С большим удовольствием, извольте. Мальчик в восхищении от такой выгодной сделки пошел на двор гостиницы; д'Артаньян развернул бумажку.

– Что там! – спросили друзья его, подойдя к нему.

– Только одно слово! – сказал д'Артаньян.

– Да, – сказал Арамис; – но это может быть название города или деревни.

– Армантьер, – прочитал Портос.

Армантьер, это название мне незнакомо.

– Это название написано ее рукой! – сказал Атос.

– Спрячем эту бумажку, – сказал д'Артаньян; – может быть, я недаром отдал за нее свою последнюю монету. На коней, друзья, на коней!

И четыре товарища пустились в галоп по дороге в Бетюн.

ХIII. Монастырь Бетюнских Кармелиток

В жизни великих преступников есть какое-то предопределение; они преодолевают все препятствия, избегают всех опасностей до той минуты, которую провидение назначило пределом незаконного счастья их.

Так было с миледи: она прошла между крейсерами обеих наций и прибыла в Булонь без всяких приключений.

Когда она приехала в Портсмут, то выдавала себя за англичанку, изгнанную из ла Рошели преследованиями французов, а приехав в Булонь после двухдневного пути, она объявила, что она Французенка, и что англичане, по ненависти к Франции, не давали ей покоя в Портсмуте.

Впрочем, у нее был самый надежный паспорт: это красота ее, важный вид и пистолы, которые она раздавала очень щедро. Избавившись от соблюдения принятых формальностей, благодаря любезной улыбке и светскому обращению старого губернатора порта, который поцеловал ее руку, она остановилась в Булони только для того, чтобы отдать на почту письмо следующего содержания:

«Его эминенции кардиналу Ришелье, в лагерь перед ла Рошелью.
Ваша эминенция можете быть спокойны; герцог Бокингем не поедет во Францию.
Булонь, 25 вечером.
Миледи де***»
P.S. По желанию вашей эминенции, я отправляюсь в монастырь Бетюнских Кармелиток, где буду ожидать ваших приказаний».

В тот же вечер миледи отправилась в путь: когда стемнело, она остановилась переночевать в гостинице, на другой день выехала в 5 часов утра и через 3 часа прибыла в Бетюн.

Она спросила, где монастырь Кармелиток и отправилась прямо туда.

Настоятельница вышла к ней навстречу; миледи показала ей приказ кардинала и она велела отвести ей комнату и подать завтрак.

Миледи забыла уже все прошедшее и думала только о счастливой будущности, которую готовил ей кардинал за услугу ее, хотя имя ее вовсе не участвовало в этом кровавом деле. Различные страсти, беспрестанно волновавшие ее, давали жизни ее столько различных оттенков, что ее можно было сравнить с облаком, отражающим то лазуревый цвет, то огненно-красный, то черный мрак бури, и оставляющим на земле только следы опустошения и смерти.

После завтрака настоятельница пришла к ней; в монастыре мало развлечений и добрая старушка спешила познакомиться с новою гостьей своей.

Миледи хотела понравиться настоятельнице; это было для нее нетрудно при редких качествах ее; она старалась быть любезной и очаровала добрую настоятельницу разнообразностью разговора и прелестью своего обхождения.

Настоятельница, принадлежавшая к дворянской фамилии, особенно любила придворные истории, которые так редко доходят до отдаленных частей королевства и еще реже проникают за стены монастыря, преграждающие вход всем мирским слухам.

Миледи хорошо известны были все интриги аристократического круга, в котором она жила постоянно в продолжение пяти или шести лет; она начала рассказывать доброй настоятельнице про сплетни Французского двора и про ханжество короля; рассказывала соблазнительные истории придворных вельмож и дам, которых настоятельница знала всех по именам, слегка коснулась любви королевы и Бокингема, и говорила много, стараясь заставить и ее сказать что-нибудь.

Настоятельница только слушала и улыбалась, не говоря ни слова. Но так как миледи заметила, что эти рассказы занимали ее, то она продолжала их и начала говорить о кардинале.

Но она была в большом затруднении, не зная, была ли настоятельница роялистка или кардиналистка, и потому она держалась середины. Настоятельница, со своей стороны, была еще осторожнее; она почтительно склоняла голову каждый раз, когда гостя ее произносила имя кардинала.

Миледи думая, что ей будет очень скучно в монастыре, решила сказать что-нибудь посмелее, чтобы узнать, как ей держать себя. Желая победить скромность доброй настоятельницы, она начала говорить об успехах кардинала сначала очень осторожно, потом подробно рассказала любовные связи его с г-жею д'Егильон, с Марион де-Лорм и с другими светскими женщинами.

Настоятельница слушала уже внимательнее, мало-помалу одушевлялась и наконец, улыбнулась.

– Хорошо, – подумала миледи, – ей нравится мой разговор; если она и кардиналистка, то, по крайней мере, без фанатизма.

Потом она начала говорить о гонениях, которыми кардинал преследовал врагов своих. Настоятельница перекрестилась, не одобряя и не оуждая кардинала.

Это утвердило миледи в том мнении, что монахиня была скорее роялистка, нежели кардиналистка. Она делалась все смелее в своих рассказах.

– Я ничего не понимаю в этих вещах, – сказала, наконец, настоятельница; – но хотя мы очень отдалены от двора и от всех светских происшествий, у нас есть очень печальные доказательства того, что вы рассказываете; одна из наших пенсионерок очень много пострадала от мщения и гонений г. кардинала.

– Одна из ваших пенсионерок, – сказала миледи; – ах, Боже мой! бедная женщина! как мне жаль ее!

– Да, нельзя не пожалеть о ней; она все перенесла: тюрьму, угрозы и дурное обхождение. Впрочем, – прибавила настоятельница, – г. кардинал, может быть, имел причины действовать таким образом и, хотя она кажется совершенным ангелом, но не всегда можно судить о людях по наружности.

– Хорошо! – подумала миледи; – кто знает! Может быть, я здесь узнаю что-нибудь; кажется, я попала на дорогу.

И она старалась придать своему лицу самое невинное выражение.

– К несчастью, – сказала миледи, – действительно говорят, что не надо верить наружности; но чему же верить, если не лучшему созданию Творца? Что касается до меня, то я, может быть, буду ошибаться во всю жизнь мою, но всегда доверюсь тому, чья наружность внушает мне симпатию.

– Так вы поверили бы, – сказала настоятельница, – что эта женщина невинна?

– Г. кардинал преследует не всегда за преступления, – сказала она; – есть некоторые добродетели, за которые он преследует строже, чем за другие пороки.

– Позвольте заметить, что мне кажется это очень странным, – сказала настоятельница.

– Что? – наивно спросила миледи.

– Что вы так говорите.

– Что же вы находите удивительного в моих словах? – спросила, улыбаясь, миледи.

– Вы дружны с кардиналом, потому что он прислал вас сюда, и между тем...

– И между тем я худо говорю о нем, – докончила миледи.

– По крайней мере, вы не сказали о нем ничего хорошего.

– Это потому, – сказала она, вздыхая, – что я не друг его, а жертва.

– Но это письмо, которым он рекомендует вас мне?..

– Это приказ оставаться здесь, как в заключении, пока он прикажет освободить меня.

– Отчего же вы не бежали?

– Куда мне идти? Разве вы думаете, что есть на свете уголок, где бы кардинал не мог найти, если бы только захотел? Если бы я была мужчиной, то это было бы еще возможно, но что может сделать женщина? Скажите, пыталась ли бежать эта молодая пенсионерка, которая живет у вас здесь?

– Нет; но это – другое дело; ее, кажется, удерживает во Франции какая-то любовь.

– Если она любит, – сказала миледи, вздыхая, – то она еще не совсем несчастлива.

– Итак, – сказала настоятельница, смотря с участием на миледи; – вы тоже из числа гонимых жертв?

– К несчастью, да, – отвечала миледи.

Настоятельница взглянула на миледи с беспокойством, как будто ей вдруг пришла какая-то новая мысль.

– Вы не враг нашей святой веры? – спросила она нерешительно.

– Вы думаете, что я протестантка! – вскричала миледи: – О, нет, клянусь, что я самая ревностная католичка!

– В таком случае, – сказала настоятельница, улыбаясь, успокойтесь; дом этот не будет для вас слишком суровой тюрьмой; мы сделаем все что можно, чтобы вы полюбили свое заточение. Притом вы увидите эту женщину, преследуемую, вероятно, из-за какой-нибудь придворной интриги, Она очень мила и любезна.

– Как ее зовут?

– Одна знатная особа рекомендовала мне ее под именем Кетти. Я не старалась узнать, настоящее ли это имя ее.

– Кетти! – вскричала миледи, – как, вы уверены?

– Что ее так зовут? Да, а разве вы знаете ее?

Миледи обрадовалась при мысли, что, может быть, это была ее прежняя горничная. При воспоминании об этой девушке она вспомнила о своем бешенстве, и желание мщения исказило черты ее; но она тотчас придала опять изменчивому лицу своему спокойное и кроткое выражение.

– А когда мне можно видеть эту молодую даму, к которой я чувствую уже большую симпатию? – спросила миледи.

– Сегодня вечером, – отвечала настоятельница, – или даже днем. Но вы говорили, что пробыли четыре дня в дороге, сегодня вы встали в пять часов и верно хотите отдохнуть. Ложитесь и усните; к обеду мы вас разбудим.

Хотя миледи, поддерживаемая сердечным волнением при мысли о сделанном ею открытии, могла бы обойтись без сна, но она приняла предложение настоятельница; в продолжение 12 или 15 дней она испытала столько различных ощущений, что если железное тело ее и могло еще выдерживать утомление, то душа нуждалась в отдыхе.

– Итак, она простилась с настоятельницей и легла, убаюкиваемая приятными мечтами о мщении, которые возвратились к ней при имени Кетти. Она вспомнила, что ей обещано было кардиналом разрешение действовать почти неограниченно, в случае, если она успеет в исполнении своего предприятия. Она исполнила все, следовательно, д'Артаньян был теперь у нее в руках.

Ее пугало только воспоминание о муже, графе де ла-Фар; она считала его уже умершим, или, по крайней мере, думала, что он где-нибудь вне Франции, и вдруг встретила его в лице Атоса, лучшего друга д'Артаньяна.

Но если он был другом д'Артаньяна, то верно помогал ему во всех происках, посредством которых королева расстроила предположения кардинала; если он был другом д'Артаньяна, то значит, он был врагом кардинала; и потому она надеялась опутать его в тех же сетях, в которых предполагала погубить д'Артаньяна.

Убаюкиваемая этими приятными мыслями миледи скоро заснула.

Ее разбудил чей-то приятный голос. Она открыла глаза и увидела настоятельницу, вместе с молодой женщиной, белокурой, с нежным цветом лица, смотревшей на нее с выражением участия и любопытства.

Лицо этой молодой женщины было ей совершенно незнакомо; обменявшись обыкновенными приветствиями, они рассматривали друг друга с величайшим вниманием; обе они были прекрасны, но красота их была совершенно различная. Миледи улыбнулась, заметив, что далеко превосходила эту женщину важным видом и аристократическими манерами. Впрочем, платье послушницы, в котором была эта женщина, так много скрывало ее красоту, что она не могла выдержать сравнения с миледи.

Настоятельница представила их друг другу и как она, по обязанности своей, должна была идти в церковь, то оставила их вдвоем.

Послушница, видя, что миледи не вставала с постели, хотела уйти вместе с настоятельницей, но миледи удержала ее, говоря:

– Как, вы только что пришли и хотите уже лишиться удовольствия видеть вас; признаюсь, я надеялась, что мы часто будем вместе в продолжение короткого времени, которое я должна провести здесь.

– Очень рада, – отвечала послушница; – но я думала, что не вовремя пришла: вы спали после утомительной дороги.

– Чего могут желать спящие? – сказала миледи. – Приятного пробуждения. Вы доставили мне это удовольствие; позвольте же насладиться им вполне.

И взяв ее за руку, она посадила ее на кресло, стоявшее возле постели ее.

– Боже мой! – сказала послушница: – как я несчастлива! вот уже шесть месяцев, как я живу здесь без всякого развлечения, а теперь, только что вы приехали сюда, и я могла бы приятно провести время в вашем обществе, я должна буду, по всей вероятности, скоро оставить монастырь.

– Как! – сказала миледи: – так вы скоро уедете!

– По крайней мере, я надеюсь, – отвечала послушница с радостью, которой несколько не старалась скрывать.

– Я слышала, что вы много страдали от гонений кардинала, – сказала миледи; – это еще больше должно сблизить нас.

– Так наша добрая настоятельница правду сказала, что вы также жертва этого злого монаха?

– Тише! – сказала миледи, – даже здесь нельзя так говорить о нем; все мои несчастья произошли от того, что я сказала почти то же, что вы сейчас сказали, одной женщине, которую я считала своим другом и которая изменила мне. Вы также жертва измены?

– Нет, – отвечала послушница; – я жертва преданности женщине, которую я любила, за которую я готова пожертвовать жизнью даже и теперь.

– И она оставила вас, не правда ли?

– Я была так несправедлива, что верила этому; но два или три дня тому назад я убедилась в противном, и благодарю Бога, мне тяжело было думать, что она забыла меня. Но вы, кажется, свободны и если вы хотите бежать, то это зависит от вас.

– Куда мне бежать, без друзей, без денег, в провинции, которой я совершенно не знаю, и в которой я никогда не бывала.

– О, что касается до друзей, сказала послушница, – они будут у вас везде, где бы вы ни были: вы очень красивы и, кажется, очень добры!

– И, несмотря на то, я одна и меня преследуют, – отвечала миледи, с самою кроткою улыбкой.

– Надо надеяться на Бога, – сказала послушница; – доброе дело всегда приносит хорошие плоды; может быть, встреча со мной послужит вашему счастью, как я ни ничтожна, потому что если я выйду отсюда, то я найду нескольких сильных друзей, которые освободив меня, могут освободить и вас.

– О, хоть я и сказала, что я одна, – продолжала миледи, – надеюсь разузнать что-нибудь от послушницы, но у меня также сколько знакомых между знатными лицами; но эти лица сами дрожат перед кардиналом, сама королева не осмеливается поддержать кого-нибудь против страшного министра, я знаю, наверное, что ее величество, не смотря на свое доброе сердце, не один раз принуждена была отдавать в жертву гнева кардинала людей, преданных ей.

– Королева может и притворяться, что оставляет их, – не надо верить этому, чем больше их преследуют, тем больше она думает о них, и часто в ту минуту, когда они меньше всего ожидают этого, она доказывает им, что помнит о них.

– Да, сказала миледи, – я верю вам: королева очень добра.

– Вы знаете нашу прекрасную и благородную королеву, если говорите о ней, – вскричала с восторгом послушница.

– То есть, – прервала миледи, – я не имею чести знать ее лично, но я знаю многих из самых преданных друзей ее, я знаю де Пютанжа; в Англии я познакомилась с Дюссаром; знаю де Тревиля.

– Де Тревиля! – вскричала послушница; – вы знаете де Тревиля?

– О, очень коротко.

– Капитана королевских мушкетеров?

– Да.

– О, в таком случае, – сказала послушница, – вы увидите, что мы скоро познакомимся коротко, даже подружимся; если вы знакомы с де Тревилем, то вы верно бываете у него?

– Часто, – сказала миледи, – видя, что ложь помогает ей.

– У него вы, вероятно, встречали кого-нибудь из его мушкетеров.

– Всех, которые обыкновенно у него бывают, – отвечала миледи, для которой разговор этот становился очень занимательным.

– Скажите, кого из них вы знаете; они почти все мои друзья.

– Я знаю Сувињи, де Куртиврона, де Ферюсака, – сказала с замешательством миледи.

– Не знаете ли вы Атоса? – спросила послушница.

Миледи побледнела как полотно, и, как она ни умела владеть собой, но не могла не вскрикнуть, схватив послушницу за руку и пристально смотря на нее.

– Что с вами? О, Боже мой! – спросила послушница: – разве я сказала вам что-нибудь неприятное?

– Нет; но это имя поразило меня, потому что я знала прежде этого дворянина, и мне показалось странным, что вы его знаете.

– О, да, очень хорошо знаю и не только его, но и друзей его Портоса и Арамиса.

– В самом деле! я также знаю их, – сказала миледи, у которой мороз прошел по всему телу.

– Если вы знаете их, то вам должно быть известно, что они добрые и храбрые товарищи; отчего же вы не обратитесь к ним, если вам нужна защита?

– То есть, – сказала с замешательством миледи, я ни с одним из них коротко не знакома, но знаю их потому, что мне часто говорил о них друг их, д'Артаньян.

– Вы знаете д'Артаньяна! – вскричала послушница, схватив миледи за руку и смотря пристально ей в глаза.

Но заметив странное выражение лица миледи, она спросила:

– Извините, если я спрошу вас, каким образом вы его знаете?

– Я знаю его как друга, – отвечала миледи.

– Вы обманываете меня, – сказала послушница; – вы были его любовницей?

– Вы сами были его любовницей, – вскричала миледи.

– Я!

– Да, вы; теперь я знаю, кто вы: вы г-жа Бонасьё.

– Послушница отступила назад с удивлением и ужасом.

– Отвечайте мне, не скрывайтесь, – сказала миледи.

– Да, – сказала послушница; – мы, кажется, соперницы?

Лицо миледи приняло такое дикое выражение, что во всяком другом случае г-жа Бонасьё убежала бы с ужасом, но теперь ревность придала ей силу.

– Скажите же, – продолжала она с энергией, которой, казалось, нельзя было ожидать от нее, – были ли вы его любовницей?

– Нет! – отвечала миледи таким голосом, что нельзя было сомневаться в искренности ее: – никогда! никогда!

– Я верю вам, – сказала г-жа Бонасьё; – но отчего же вы так вскрикнули?

– Как! вы не понимаете? – отвечала миледи, оправившаяся уже от своего смущения.

– Как же мне понять? я ничего не знаю.

– Вы не понимаете, что так как д'Артаньян мой друг, то он поверял мне все свои тайны.

– В самом деле?

– Вы не понимаете, что мне все известно: похищение ваше из маленького домика в Сен-Жермене, отчаяние его и друзей его и бесполезные поиски их. И как же мне не удивиться, когда, совсем неожиданно, я вдруг встречаю вас, мы так часто говорили с ним о вас; он любит вас всею душой и заставил меня тоже полюбить вас, хотя я вас никогда не видала. Ах, любезная Констанция, наконец, я нашла вас, наконец, я вас вижу!

И миледи протянула руку к г-же Бонасьё. Эта несчастная, успокоенная словами ее, видела теперь в ней уже не соперницу, а искреннюю и преданную подругу.

– О, простите меня, простите! – вскричала она, наклонившись к ней на плечо: – я так люблю его!

Они обнялись. Без сомнения, если бы физические силы миледи равнялись ненависти ее, то г-жа Бонасьё не вышла бы живою из этих объятий.

Но, не будучи в состоянии задушить ее, миледи улыбнулась ей.

– О, моя прекрасная! добрая малютка моя! – сказала миледи: – как я счастлива, что вижу вас! Дайте мне насмотреться на вас. И, говоря эти слова, она действительно пожирала ее глазами. – Да, это точно вы. Я узнаю вас.

Несчастливая женщина никак не могла подозревать жестокой ненависти, скрывавшейся под личиной этого доброго выражения лица, под блеском этих глаз, в которых она видела только участие.

– Вы знаете, сколько я страдала, – сказала Бонасьё, – потому что он говорил вам, сколько он страдал; но страдать за него – это блаженство!

Миледи отвечала машинально:

– Да, это блаженство.

Она думала совсем о другом.

– Но наконец, – продолжала г-жа Бонасьё, – мои мучения скоро кончатся завтра, может быть, даже сегодня вечером, я увижу его, и тогда все прошедшее будет забыто.

– Сегодня вечером? завтра? – сказала миледи, выведенная из задумчивости этими словами: – что вы хотите этим сказать? вы ожидаете каких-нибудь известий от него?

– Я ожидаю его самого.

– Его самого? д'Артаньян будет здесь?

– Да, он сам.

– Но это невозможно! он при осаде ла-Рошели с кардиналом; он может приехать не раньше, как после взятия города.

– Вы так думаете; но разве есть что-нибудь невозможное для моего д'Артаньяна, такого благородного и честного дворянина!

– О, я не могу поверить этому!

– Читайте же, – сказала Бонасьё, увлеченная гордостью и радостью своей, подавая миледи письмо.

– Почерк г-жи де Шеврез! – подумала миледи. – Я была уверена, что между ними есть отношения.

И она с жадностью прочла следующее:

«Любезное дитя мое, будьте готовы; друг наш скоро будет у вас; он придет затем, чтобы освободить вас из тюрьмы, в которой вы должны были скрываться для безопасности; приготовьтесь же к отъезду и никогда не отчаивайтесь в нашей помощи.

Милый гасконец наш показал себя храбрым и верным, как обыкновенно; скажите ему, что одна особа очень благодарна ему за сообщенные известия».

Да, да, сказала миледи: – это очень ясно; не знаете ли вы, какая это известия?

– Кажется, он предупредил королеву о каких-то новых замыслах кардинала.

– Да; вероятно, это так, – сказала миледи, возвращая г-же Бонасьё письмо и задумчиво опустив голову.

В это время послышался топот лошади, скакавшей в галоп.

– Ах, – вскричала г-жа Бонасьё, бросившись к окну; – неужели это уже он?

Удивленная миледи осталась в постели; столько неожиданного случилось с ней в короткое время, что в первый раз еще она растерялась.

– Он! он! – бормотала она, – неужели это он? и она лежала, смотря бессмысленно.

– К несчастью, нет! – сказала г-жа Бонасьё, – это кто-то незнакомый; но он, кажется, едет сюда; да, вот он едет тише, остановился у дверей, звонит.

Миледи вскочила с постели.

– Вы уверены, что это не он? – спросила она.

– Да, совершенно уверена.

– Может быть, вы не рассмотрели.

– Я узнала бы его по одному перу его шляпы, по одному концу плаща его.

Миледи продолжала одеваться.

– Все равно: вы говорите, что этот человек идет сюда?

– Да, он вошел.

– Это или к вам, или ко мне.

– Ах, Боже мой. как вы взволнованы!

– Да, признаюсь, я не так доверчива, как вы, и очень боюсь кардинала.

– Тише? – сказала Бонасьё: – идут!

В самом деле, дверь отворилась и вошла настоятельница.

– Вы приехали из Булони? – спросила она миледи.

– Да, – отвечала она, стараясь сохранить свое хладнокровие: – кто меня спрашивает?

– Какой-то господин, который не хочет сказать своего имени и говорит, что прислан от кардинала.

– Он хочет меня видеть? – спросила миледи.

– Он хочет видеть даму, приехавшую из Булони.

– В таком случае просите его, пожалуйста.

Настоятельница и Бонасьё вышли.

Миледи осталась одна, устремив взгляд на дверь: минуту спустя на лестнице послышался звук шпор, потом дверь открылась и посланный вошел.

– Миледи вскрикнула от радости: это был граф Рошфор, низкое создание кардинала.

XIV. Два демона

- Это вы! – сказали в один голос Рошфор и миледи.
- Да, это я.
- Откуда вы? – спросила миледи.
- Из Ла-Рошели; а вы?
- Из Англии.
- Что Бокингем?
- Или умер, или опасно ранен; так как я сама ничего не могла сделать, то один фанатик убил его.
- А, вот счастливый случай! – сказал, улыбаясь Рошфор: – кардинал будет очень доволен!
- Уведомили вы его об этом?
- Я писала ему из Булони. Но зачем вы здесь?
- Кардинал беспокоился и послал меня отыскать вас.
- Я только вчера приехала.
- Что же вы делали со вчерашнего дня?
- Я не теряла даром времени.
- О! я в этом не сомневаюсь.
- Знаете ли, кого я нашла здесь?
- Нет.
- Угадайте.
- Как же я могу угадать?
- Ту женщину, которую королева освободила из тюрьмы.
- Любовницу маленького д'Артаньяна?
- Да, госпожу Бонасьё, местопребывание которой неизвестно было кардиналу.
- Это хорошо! – сказал Рошфор, – вот и другой прекрасный случай; право, кардинал счастливый человек!
- Вообразите, как я удивилась, – сказала миледи, – когда очутилась вдруг лицом к лицу с этою женщиной.
- Она знает вас?
- Нет.
- В таком случае, вероятно, она приняла вас за иностранку?
- Миледи улыбнулась.
- Мы с ней большие друзья.
- Только вы, любезная графиня, и можете делать подобные чудеса.
- И это очень кстати, – сказала миледи, – потому что знаете ли, что здесь делается?
- Нет.
- Завтра или послезавтра придут за ней с приказом королевы.
- В самом деле? Кто же это?
- Д'Артаньян со своими друзьями.
- Право, они доведут себя до того, что мы принуждены будем посадить их в Бастилию.
- Отчего до сих пор этого не сделали!
- Что же делать! у кардинала какая-то непонятная слабость к этим людям.
- В самом деле?
- Да.
- Скажите ему вот что, Рошфор: скажите, что эти четыре человека подслушали разговор наш в гостинице Красной Голубятни; что после отъезда его один из них пришел ко мне и силой отнял у меня охранительную грамоту, которую он дал мне; что они предупредили лорда Вин-

тера о моем приезде в Англию; что они едва не помешали мне в исполнении этого поручения точно так же, как испортили дело о наконечниках; скажите ему, что из этих четырех людей опасны только два: д'Артаньян и Атос; что третий Арамис, любовник г-жи де Шеврез: его надо оставить в живых; тайна его нам известна, и может быть полезна для нас; что касается четвертого, Портоса, то это глупец, который не стоит того, чтобы обращать на него внимание.

– Но эти четыре человека должны быть теперь при осаде Ла-Рошели.

– Я тоже так думала; но из письма, которое г-жа Бонасьё получила от жены коннстабля и имела глупость показать мне, я узнала, что, напротив, эти четыре человека едут сюда, чтобы увезти ее из монастыря.

– Черт возьми! что же нам делать?

– Что кардинал говорил вам обо мне?

– Он велел мне, получив от вас донесение, письменное или изустное, возвратиться к нему немедленно и сказал, – что когда он узнает все что, вы сделали, то уведомит, что вам делать.

– Следовательно, я должна остаться здесь?

– Здесь, или в окрестностях.

– Вы не можете взять меня с собой?

– Нет; на этот счет я получил приказание очень определенное: вблизи лагеря вас могут узнать, а вы понимаете, что ваше присутствие могло бы компрометировать кардинала:

– Так я должна остаться здесь, или в окрестностях.

– Только скажите мне, где вы будете ожидать приказаний кардинала, чтобы я знал, где вас найти.

– Вероятно, здесь мне нельзя будет оставаться.

– Отчего?

– Вы забываете, что каждую минуту можно ожидать приезда моих врагов.

– Правда; но в таком случае эта женщина уйдет из рук кардинала.

– Вы забыли, – сказала миледи, улыбаясь, – что я лучший друг ее.

– Итак, я могу сказать кардиналу об этой женщине...

– Что он может быть спокоен.

– И только?

– Он поймет, что это значит?

– Что же мне теперь делать?

– Отправляйтесь сейчас же; кажется, известия, которые вы ему сообщите, стоят того, чтобы поспешить.

– Но моя коляска сломалась при въезде в Лильер.

– Это прекрасно!

– Как прекрасно?

– Так, мне нужна ваша коляска.

– А как же я поеду?

– Верхом.

– Легко сказать, сто восемьдесят лье.

– Что же такое?

– Ну, положим, это можно. Еще что?

– Проезжая через Лильер, вы отошлете ко мне вашу коляску и прикажете вашему слуге остаться в моем распоряжении.

– Хорошо.

– У вас, вероятно, есть какой-нибудь приказ кардинала?

– Мне предоставлена полная власть.

– Вы покажете этот приказ настоятельнице и скажете ей, что за мной пришлют сегодня или завтра, и что я должна буду отправиться с тем, кто явится от вашего имени.

- Хорошо.
- Не забудьте строго отдать приказания обо мне, когда будете говорить с настоятельницей.
- К чему это?
- Я жертва кардинала. Надо внушить доверенность несчастной г-же Бонасьё.
- Это правда. Теперь не угодно ли вам написать мне все, что случилось.
- Но я уже все рассказала вам; у вас хорошая память; передайте все, как я вам сказала; бумага может затеряться.
- Хорошо; теперь мне нужно только знать, где я найду вас, чтобы не бегать напрасно по окрестностям.
- Да, подождите.
- Угодно вам карту.
- Нет, я превосходно знаю эту местность.
- Когда же вы были здесь?
- Я здесь воспитывалась.
- В самом деле?
- Видите, что иногда воспитание годится к чему-нибудь. Так где же вы будете меня ожидать?
- Дайте мне подумать; в Армантьере.
- Что это такое Армантьер?
- Маленький городок на реке Ли; мне стоит только переехать через реку, чтобы быть за границей.
- Превосходно! но, вероятно, вы переедете через реку только в случае опасности.
- Разумеется.
- А в этом случае, как же я узнаю, где вы будете?
- Ваш слуга не нужен вам?
- Нет.
- Он верный человек?
- Испытанный.
- Оставьте мне его; здесь его никто не знает, я оставлю его в Армантьере и он проводит вас туда, где я буду.
- Так вы будете ждать меня в Армантьере?
- Да.
- Напишите мне это имя на куске бумаги, чтобы мне не забыть; имя города написать ведь не опасно, не правда ли?
- Кто знает? впрочем ничего, я рискну, – сказала миледи, – написав требуемое им имя города на полулисте бумаги.
- Хорошо? – сказал Рошфор, взяв бумагу из рук миледи и положив ее за подкладку своей шляпы; – впрочем, будьте спокойны, если я и потеряю эту бумагу, то не забуду названия города, потому что буду как школьник, твердить его всю дорогу. Теперь, кажется, все.
- Да.
- Посмотрим, помню ли я: Бокингем умер или тяжело ранен; ваш разговор с кардиналом подслушан четырьмя мушкетерами; лорд Винтер предупрежден ими о приезде вашем в Портсмут; д'Арганьяна и Атоса в Бастилию; Арамис любовник г-жи де Шеврез; Портос глуп; г-жа Бонасьё найдена; прислать вам мою коляску как можно скорее; отдать моего слугу в ваше распоряжение; представить вас жертвой кардинала, чтобы настоятельница не могла ничего подозревать; Армантьер на берегу Ли. Так ли это?
- Право, у вас чудная память. Кстати, прибавьте еще одно.
- Что?

– Я видела прекрасный лес, который, кажется, примыкает к монастырскому саду; скажите, чтобы мне позволяли прогуливаться в этом лесу; кто знает? может быть, мне понадобится уйти через заднюю дверь.

– Как вы предусмотрительны!

– А вы забыли еще одно.

– Что?

– Спросить меня, не нужно ли мне денег.

– Виноват, сколько вам угодно?

– Все, что у вас есть с собой.

– У меня около 500 пистолей.

– У меня столько же: с тысячью пистолей в кармане можно на все решиться; опустошайте ваши карманы.

– Извольте.

– Хорошо; когда же вы отправитесь?

– Через час; мне нужно только закусить что-нибудь, пока приведут мне почтовую лошадь.

– Прекрасно! прощайте.

– Прощайте, графиня!

– Поклонитесь от меня кардиналу.

Миледи и Рошфор обменялись улыбками и расстались.

Через час Рошфор отправился в галоп; через пять часов он приехал в Аррас.

Читателям уже известно, что д'Артаньян узнал его, и что открытие этого обстоятельства заставило мушкетеров ускорить свое путешествие.

XV. Капля воды

Как только вышел Рошфор, вошла госпожа Бонасьё: она застала миледи веселою.

– Чего вы боялись, то и случилось, – сказала Бонасьё; – сегодня вечером или завтра кардинал пришлет за вами?

– Кто вам сказал это, дитя мое? – спросила миледи.

– Я слышала от самого посланного.

– Сядьте со мной, – сказала миледи.

– С удовольствием.

– Погодите, я посмотрю, не подслушивают ли нас.

– К чему все эти предосторожности?

– Вы сейчас это узнаете.

Миледи встала, подошла к двери, отворила ее, посмотрела в коридор и села подле Бонасьё.

– Так он хорошо сыграл свою роль, – сказала она.

– Кто?

– Тот, который представлялся настоятельнице, как посланный от кардинала.

– Разве он не от кардинала?

– Нет, дитя мое.

– Значит, этот человек не...

– Этот человек, – сказала миледи, понижая голос, – брат мой.

– Ваш брат! – сказала Бонасьё.

– Вы одни знаете эту тайну, дитя мое; если вы откроете ее кому-нибудь, я погибла, а может быть, и вы.

– О, Боже мой!

– Послушайте; вот что случилось: брат мой ехал сюда с тем, чтоб освободить меня отсюда силой, если нужно, и догнал человека, посланного за мною от кардинала; брат мой поехал за ним. Дорогой, в глуши, брат, обнажив шпагу, требовал от посланного, чтоб он отдал ему бумаги, которые с ним были; посланный не хотел отдать их и брат мой убил его.

Бонасьё ужаснулась.

– Согласитесь, что это было единственное средство. После этого брат мой решился действовать не силой, а хитростью: он взял бумаги, явился сюда как посланный от кардинала и через час или два за мной приедет карета от имени кардинала.

– Понимаю; эту карету пришлет за вами брат ваш.

– Да; но это еще не все; вы думаете, что вы получили письмо от госпожи де Шеврезь...

– А как же?

– Оно подложное.

– Как это?

– Да, подложное; это западня, устроенная для того, чтобы вы не сопротивлялись, когда за вами приедут.

– За мной приедет д'Артаньян.

– Разуверьтесь; д'Артаньян и друзья его заняты при осаде ла-Рошели.

– Как вы об этом узнали?

– Брат мой встретил посланных кардиналом людей в мушкетерских мундирах. Им поручено явиться сюда под видом друзей ваших, вызвать вас к воротам, похитить вас и отвезти в Париж.

– О, Боже мой! я теряюсь в этом хаосе несправедливостей. Я чувствую, что если это продолжится, – сказала Бонасьё, схватившись за голову, – я с ума сойду.

– Подождите.

– Чего?

– Я слышу топот лошади, это мой брат уезжает; я хочу проститься с ним; пойдёмте.

Миледи отворила окно и подозвала к себе Бонасьё.

Рошфор ехал в галоп.

– Прощай, брат, – вскричала миледи.

Всадник поднял голову, увидел двух женщин и не останавливаясь сделал миледи дружеский знак рукою.

– Добрый Жорж! – сказала она, затворяя окно, и на лице ее выразились участие и грусть.

Она села на прежнее место, как будто погруженная в задумчивость.

– Извините, что я прерываю мысли ваши, – сказала Бонасьё; – что вы посоветуете мне делать? Вы опытнее меня; скажите, и я послушаюсь вас.

– Я, может быть, ошибаюсь, – сказала миледи, – и д'Артаньян со своими друзьями, может быть, действительно приедет к вам на помощь.

– О! это было бы прекрасно! – сказала Бонасьё; – но мне не суждено такое счастье.

– В таком случае все дело в том, кто прежде приедет. Если ваши друзья, то вы спасены, если же посланные кардинала, вы погибли.

– Да! погибла, без пощады! что же мне делать?

– Есть средство очень простое и естественное.

– Скажите какое?

– Ждать, скрываясь где-нибудь в окрестностях, и когда за вами приедут, то узнав прежде, что это за люди.

– Где же ждать?

– О, в этом нечего затрудняться; я сама скроюсь за несколько льё отсюда, пока приедет за мной брат; я возьму вас с собой, мы скроемся и будем ждать вместе.

– Меня не отпустят, я живу здесь как в тюрьме.

– Они будут думать, что я еду по приказанию кардинала, поэтому им и в голову не придет, чтобы вы желали ехать со мной. Карета будет у ворот, вы проститесь со мной, встанете на подножку, чтоб обнять меня в последний раз; слуга брата, который за мной приедет, будет предупрежден, он сделает знак кучеру, и мы укачем в галоп.

– А если приедет д'Артаньян?

– Разве мы этого не узнаем?

– Как?

– Нет ничего легче. Мы пошлем в Бетюн слугу моего брата, к которому можно иметь доверие; он переоденется и наймет квартиру против монастыря; если приедут посланные от кардинала, он не тронется с места; если приедет д'Артаньян со своими друзьями, он проводит их к нам.

– Разве он знает их?

– Разумеется, он видал д'Артаньяна у меня.

– Да, так будет прекрасно; только скроемся где-нибудь недалеко отсюда.

– За семь или восемь льё, не дальше; мы будем на границе и при первой тревоге уедем из Франции.

– А до тех пор, что же делать?

– Ждать.

– А если они приедут?

– Карета моего брата приедет раньше.

– А если я буду не с вами, когда за вами приедут; например, за обедом или за ужином?

– Это можно предупредить.

– Как?

– Попросите вашу добрую настоятельную позволить вам обедать вместе со мною для того, чтобы нам разлучаться как можно реже.

– Позволит ли она?

– Что же в этом непозволительного?

– Очень хорошо; таким образом, мы не расстанемся ни на минуту.

– Так пойдите же к ней и попросите ее об этом; а я пойду прогуляться по саду, у меня голова болит.

– Идите, где же я вас найду?

– Здесь, через час.

– Здесь, через час, о, как вы добры! благодарю вас.

– Как же мне не принять участия в вас? Если бы вы и не были так прекрасны и любезны, то довольно уже и того, что вы друг одного из лучших друзей моих.

– Милый д'Артаньян! о, как он будет благодарить вас!

– Надеюсь; итак, теперь все условлено; пойдете же вниз.

– Вы идете в сад?

– Да.

– Ступайте по этому коридору; по маленькой лестнице вы выйдете в сад.

– Прекрасно; благодарю.

Они расстались, обменявшись самыми любезными улыбками.

Миледи сказала правду, у нее действительно болела голова; в ней бродило столько разных предположений, что они составляли настоящий хаос. Ей нужно было остаться одной, чтобы привести свои мысли в порядок. Будущее представлялось ей еще не ясно: она чувствовала необходимость подумать на свободе и в уединении, чтобы придать смутным мыслям своим определенную форму и составить какой-нибудь план.

Прежде всего, нужно было как можно скорее похитить госпожу Бонасьё, скрыть ее в надежном месте и в случае неудачи держать ее заложницей. Миледи начинала опасаться исхода этой ужасной борьбы, в которой противники ее выказали столько упорства, а она столько ожесточения.

При том же она чувствовала, как чувствуют приближение грозы, что этот исход был близок и должен быть ужасен.

Итак, мы сказали, что главное состояло для нее в том, чтобы иметь в руках госпожу Бонасьё. Бонасьё для д'Артаньяна была дороже жизни. В случае неудачи она могла послужить средством вступить в переговоры и заключить мир на выгодных условиях.

Это было уже устроено. Бонасьё доверчиво следовала за ней; скрывшись с ней в Армантьер, ее легко было уверить, что д'Артаньян не приезжал в Бетюнь. Рошфор возвратится непременно через две недели; в продолжение этого времени она успеет придумать, как отомстить четырем друзьям. Благодаря Богу она не соскучится, потому что ей предстояло самое приятное препровождение времени, какое только могли доставить обстоятельства женщине с ее характером: составление плана мщения.

Среди размышлений она осматривала местоположение сада. Миледи, как опытный полководец, подготавливая победу, в то же время принимала меры на случай поражения, чтобы смотря по ходу битвы, быть готовой идти вперед или отступать.

Через час она услышала, что ее звал чей-то приятный голос; это была Бонасьё.

Добрая настоятельница согласилась на все и они пошли ужинать вместе.

Когда они вышли на двор, то услышали, что у ворот остановилась карета.

Миледи начала прислушиваться.

– Слышите? – сказала она.

– Да, карета едет.

– Эта та самая, которую прислал за нами брат.

– О, Боже мой!

– Будьте решительны и не бойтесь.

У ворот монастыря позвонили, миледи не ошиблась.

– Пойдите в вашу комнату, – сказала она госпоже Бонасьё, – у вас, верно, есть какие-нибудь драгоценности, которые вы желаете взять с собою.

– У меня его письма, – сказала она.

– Так возьмите их и приходите ко мне; мы поужинаем поскорее; может быть, мы пробудем часть ночи в дороге, надо подкрепить силы.

– Боже мой! – сказала Бонасьё, положив руку на сердце, я задыхаюсь, не могу идти.

– Ободритесь, подумайте, что через четверть часа вы будете спасены и что все это вы делаете для него.

– Да, все для него. Одним этим словом вы возвратили мне бодрость: идите; я приду к вам.

Миледи пошла в свою комнату; там уже ожидал ее слуга Рошфора, которому она отдала нужные приказания.

Он должен был ждать у ворот; в случае, если бы он увидел на дороге мушкетеров, карета должна была тотчас отъехать за монастырь и ждать миледи у деревеньки, находившейся по другую сторону леса. Тогда миледи прошла бы через сад пешком, до деревни (мы уже сказали, что она отлично знала местоположение этой части Франции). Если же мушкетеры не приедут, то все будет сделано так, как было условлено: Бонасьё войдет в карету под тем предлогом, чтобы проститься с миледи, которая и похитит ее.

Бонасьё пришла. Чтобы уничтожить в ней всякое подозрение, миледи повторила при ней последние свои приказания.

Миледи сделала слуге несколько вопросов о карете, которая была запряжена тройкой лошадей; ими правил почтальон, а слуга Рошфора должен был ехать впереди.

Миледи напрасно опасалась недоверия со стороны Бонасьё: эта несчастная женщина была слишком чистосердечна для того, чтобы подозревать так много коварства в ком-нибудь; притом же имя графини Винтер, которое она слышала от настоятельницы, было ей совершенно неизвестно: она даже не подозревала, чтобы какая-нибудь женщина имела желание причинить ей столько несчастий в жизни.

– Видите, сказала миледи, когда слуга вышел; – все готово, Настоятельница ничего не подозревает и думает, то за мной приехали от кардинала. Этому человеку я приказала сделать последние распоряжения; скушайте что-нибудь, выпейте немного вина и поедемте.

– Да, сказала машинально Бонасьё, – поедем.

Миледи пригласила ее знаком сесть против нее, налила ей рюмку испанского вина и подала кусок цыпленка.

– Видите, как все нам благоприятствует, – сказала она; – вот уже наступает ночь; на рассвете мы приедем в наше убежище, и никто не будет знать, где мы. Ободритесь же; скушайте что-нибудь.

Бонасьё машинально села кусок цыпленка и поднесла рюмку ко рту.

– Выпьемте вместе, – сказала миледи, взяв свою рюмку.

Но только что хотела поднести ее ко рту, как вдруг остановилась; она услышала на дороге отдаленный топот приближавшейся кавалькады; почти в то же время ей послышалось ржание лошадей.

Этот шум лишил ее веселости, как буря лишает приятного сна; она побледнела и подбежала к окну, между тем как Бонасьё, дрожа всем телом, встала и оперлась на стул, чтобы не упасть.

Еще ничего не было видно, только топот слышен был все яснее и яснее.

Боже мой, – сказала Бонасьё, – что это за шум?

– Друзья наши едут, или враги, – сказала миледи с ужасным хладнокровием; оставайтесь там; я вам скажу кто.

Бонасьё стояла молча, неподвижно, бледная как статуя.

Шум становился слышнее; лошади были уже не дальше как за полтора шагов: их не видно было только потому, что дорога шла изгибом. Но шум было уже слышно так явственно, что можно было сосчитать число лошадей по отрывистому стуку подков.

Миледи смотрела с величайшим вниманием; было еще довольно светло, так что она могла узнать всадников.

Вдруг на повороте дороги она увидела шляпы, обшитые галуном и с перьями; появились восемь всадников; один из них ехал несколько впереди прочих.

Миледи испустила глухой стон.

Передовой был д'Артаньян.

– Боже мой! – вскричала Бонасьё, – что там такое?

– Это мундиры гвардейцев кардинала; нельзя терять ни минуты, – сказала миледи. Убежим!

– Да, убежим, – повторила Бонасьё; – но она от страха не в силах была сделать ни шагу.

Слышно было, как всадники ехали мимо окна.

– Идите же, идите, – говорила миледи, таща ее за руку. – Мы можем еще убежать через сад; у меня ключ, поспешим же, через пять минут будет уже поздно.

Бонасьё хотела идти, сделала два шага и упала на колени.

Миледи хотела поднять ее и унести; но не могла.

В это время послышался стук кареты, уезжавшей тотчас при появлении мушкетеров. Потом раздались три или четыре выстрела.

– В последний раз, хотите ли вы идти? – сказала миледи.

– О! Боже мой! вы видите, что у меня нет сил; что я не могу идти, бегите одни.

– Бежать одной! оставьте вас здесь! нет, никогда! – сказала миледи.

Вдруг страшная молния сверкнула в глазах ее; она подбежала к столу; схватила рюмку Бонасьё и опустила в нее что-то из внутренности своего перстня, который открыла с непонятною быстротой.

Это было красноватое зерно, которое тотчас распустилось в вине.

Потом, взяв твердою рукой рюмку, она сказала:

– Выпейте; вино подкрепит ваши силы, выпейте.

С этими словами она поднесла рюмку к губам Бонасьё, которая выпила машинально.

– О, я не так хотела отомстить, – подумала миледи, ставя рюмку на стол с адскою улыбкой, – но что делать, если иначе нельзя. И она бросилась вон из комнаты.

Бонасьё видела, как она убежала; но не могла следовать за ней; она была в положении человека, который видит во сне, что его преследуют, и не может бежать.

Спустя несколько минут у ворот раздался ужасный шум. Бонасьё каждую минуту ожидала возвращения миледи; но она не являлась.

Несколько раз, вероятно, от страха, холодный пот выступал на пылающем лбу ее.

Наконец она услышала скрип отворявшихся решеток, стук сапогов и шпор раздался на лестнице, шум шагов делался яснее, и ей показалось, что произносили ее имя.

Вдруг она радостно вскрикнула и бросалась к двери; она узнала голос д'Артаньяна.

– Д'Артаньян, д'Артаньян, вы ли это? – вскричала она. – Сюда, сюда!

– Констанция! – отвечал он, – где вы?

В то же время дверь кельи с шумом отворилась, несколько человек бросились в комнату; Бонасьё упала в кресло, не в состоянии будучи сделать никакого движения.

Д'Артаньян бросил из рук еще дымившийся пистолет и упал перед ней на колени; Атос заткнул за пояс свой пистолет; Портос и Арамис, державшие обнаженные шпаги, вложили их в ножны.

– Д'Артаньян! любезный мой д'Артаньян! наконец ты пришел, ты не обманул меня; это действительно ты!

– Да, да, Кон станция, наконец, мы вместе!

– Напрасно она уверяла, что ты не приедешь, я все-таки надеялась; я не хотела бежать; как я хорошо сделала! как я счастлива!

При слове «она», Атос, сидевший спокойно, вдруг встал.

– Она! кто она! спросил д'Артаньян.

– Моя подруга, которая по дружбе ко мне хотела избавить меня от моих преследователей; но приняв вас за гвардейцев кардинала, она убежала.

– Ваша подруга! – сказал д'Артаньян, побледнев как белый вуаль его любовницы; – о какой подруге вы говорите.

– О той, чья карета была у ворот; о женщине, которая называет себя вашим другом, д'Артаньян; о женщине, которой вы поверяли все свои тайны.

– Как ее зовут? – вскричал д'Артаньян; – говорите, неужели вы не знаете, как ее зовут?

– Знаю; я слышала; ее называли при мне; подождите: но странно: о, Боже мой! У меня кружится голова; я ничего не вижу.

– Помогите, друзья мои, ее руки холодны как лед, – сказал д'Артаньян; – ей дурно; Боже мой! она без чувств!

Между тем как Портос кричал изо всех сил, призывая на помощь, Арамис подбежал к столу, чтобы взять стакан воды; но он остановился, увидя страшное изменение в лице Атоса, который, стоя перед столом, с ужасом смотрел на один из стаканов; казалось, ему пришло какое-то ужасное подозрение.

– Нет, не может быть, – говорил про себя Атос. – Бог не допустит подобного преступления.

– Воды, воды! – кричал д'Артаньян.

– О, бедная, бедная женщина! – шептал Атос дрожащим голосом.

Бонасьё, оживленная поцелуями д'Артаньяна, открыла глаза.

– Она приходит в себя! – вскричал д'Артаньян. – О, Боже мой, благодарю тебя!

– Скажите, ради Бога, мадам, чей этот стакан! – спросил Атос.

– Мой, – отвечала Бонасьё слабым голосом.

– А кто налил вам вина, которое было в этом стакане?

– Она.

– Кто она?

– Ах, я вспомнила; – сказала Бонасьё, – графиня Винтер...

Все четверо вскричали в один голос от удивления и ужаса; но крик Атоса был громче других.

В это время лицо Бонасьё посинело; непонятная тоска овладела ею, и она упала, задыхаясь, на руки Портоса и Арамиса.

– Д'Артаньян пожал руку Атоса с невыразимой печалью.

– А что? как ты думаешь? – сказал он; голос его прервался рыданием.

– Думаю, что от нее всего можно ожидать, – сказал Атос, кусая губы до крови, чтобы скрыть свое волнение.

– Д'Артаньян! – вскричала Бонасьё, – где ты? не оставляй меня, разве ты не видишь, что я умираю!

Д'Артаньян выпустил руку Атоса и подбежал к ней.

Ее прекрасное лицо страшно изменилось; помутившиеся глаза ее ничего не выражали; судорожная дрожь пробежала по телу, и холодный пот покрывал лоб.

– Ради Бога, бегите, зовите, Портос, Арамис, просите помощи!

– Бесполезно, – сказал Атос, – нет противоядия против того яда, который дает она.

– Помогите, помогите? – шептала Бонасьё.

Потом, собрав последние силы, она обвилась руками около шеи д'Артаньяна, смотрела на него так, как будто вся душа ее сосредоточилась в этом взгляде, я с рыданием прижала свои губы к его губам.

– Констанция! Констанция? – говорил д'Артаньян.

Последний вздох вылетел из уст Бонасьё, коснувшись уст д'Артаньяна и с этим вздохом улетела на небо ее чистая, любящая душа.

Д'Артаньян сжимал в своих объятиях уже только труп ее.

Потом он вскрикнул и упал подле своей любовницы, такой же бледный и холодный как она.

Портос плакал, Арамис взглянул на небо с укором, Атос перекрестился. В это время в дверях показался человек, такой же бледный, как и все бывшие в комнате; осмотревшись, он увидел умершую Бонасьё и д'Артаньяна в обмороке. Он явился в минуту оцепенения, которая всегда следует за великими катастрофами.

– Я не ошибся, – сказал он; – вот г. д'Артаньян и три друга его Атос, Портос и Арамис.

Названные по именам мушкетеры смотрели на незнакомца с удивлением, всем троим казалось, что они знали его.

– Господа, – сказал вновь пришедший, – вы, так же как и я, ищите женщину, которая, – прибавил он с ужасною улыбкой, – верно, была здесь, потому что я вижу труп.

Три друга молчали; и голос и лицо этого господина были им знакомы; но они не могли припомнить, где и когда они видали его.

– Господа, – продолжал незнакомец, – если вы не узнаете человека, который два раза обязан вам жизнью, я должен сказать вам свое имя: я лорд Винтер, брат мужа этой женщины.

Три друга вскрикнули от удивления.

Атос встал и протянул ему руку.

– Милости просим, милорд, – сказал он, – вы из наших.

– Я выехал из Портсмута пятью часами позже ее, – сказал лорд Винтер, – тремя часами позже ее приехал в Булонь, только двадцатью минутами не догнал ее в Сент-Омере и наконец, потерял ее след в Лилие. Я ехал на удачу, расспрашивал всех по дороге, наконец, увидел вас ехавших в галоп; я узнал г. д'Артаньяна. Я звал вас, но вы не отвечали; хотел догнать вас, но лошадь моя была слишком изнурена. Но, несмотря на всю поспешность вашу, кажется, вы опоздали.

– Вы видите, – сказал Атос, показывая лорду Винтеру на труп госпожи Бонасьё и на д'Артаньяна, которого Портос и Арамис старались привести в чувство:

– Они оба умерли? спросил хладнокровно лорд Винтер.

– К счастью, нет, – отвечал Атос; – д'Артаньян только в обмороке.

– Тем лучше! – сказал лорд Винтер.

Действительно в эту минуту д'Артаньян открыл глаза.

Он вырвался из рук Портоса и Арамиса и бросился как безумный на труп своей любовницы.

Атос встал, медленно и торжественно подошел к своему рыдающему другу, нежно обнял его и сказал ему благородным и убедительным голосом:

– Друг, будь мужчиной; женщины оплакивают мертвых, а мужчины мстят за них.

– О, да, – сказал д'Артаньян, – чтобы отомстить за нее, я готов идти всюду за тобой!

Атос воспользовался минутой энергии, которую надежда мщения придавала несчастному другу его, и сделал знак Портосу и Арамису, чтобы позвали настоятельницу.

Друзья встретили ее в коридоре; смущенную и встревоженную этим происшествием; она позвала нескольких монахинь, которые, вопреки монастырским обычаям, вошли в комнату, где было пятеро мужчин.

– Мы оставляем на ваше попечение тело этой несчастной женщины, – сказал Атос, взяв под руку д'Артаньяна. – Похороните ее, как одну из сестер ваших; мы приедем когда-нибудь помолиться на ее могиле.

Д'Артаньян припал к груди Атоса и зарыдал.

– Плачь, – сказал Атос, – твое сердце полно любви, молодости и жизни. Я желал бы плакать как ты; но уже не могу.

Он увлек своего друга с отеческою заботливостью и утешал его как человек, который сам много страдал.

Все пятеро, со слугами, державшими за поводья лошадей, пошли в город Бетюн и остановились у первой гостиницы.

– Разве мы не будем преследовать эту женщину! – спросил д'Артаньян.

– После, – сказал Атос; – мне нужно принять для этого некоторые меры.

– Она уйдет от нас, – сказал д'Артаньян, – и ты будешь в этом виноват, Атос.

– Я отвечаю за нее, – сказал Атос.

Д'Артаньян как верил слову своего друга, что опустил голову и вошел в гостиницу, не говоря ни слова.

Портос и Арамис взглянули друг на друга, не понимая уверенности Атоса.

Лорд Винтер думал, что он сказал это для успокоения д'Артаньяна.

Узнав, что в гостинице было пять свободных комнат, Атос сказал: теперь пойдите, господа, каждый в свою комнату; д'Артаньяну нужно быть одному, чтобы поплакать и уснуть. Я все принимаю на себя, будьте спокойны.

– Но мне кажется, – сказал лорд Винтер, – что если нужно принять какие-нибудь меры против графини, то это касается до меня; она моя невестка.

– Она моя жена; – сказал Атос.

Д'Артаньян улыбнулся; он понял, что Атос был уверен, что отомстит за себя, если открыл такую тайну; Портос и Арамис взглянули друг на друга, бледнея. Лорд Винтер думал, что Атос сошел с ума.

– Пойдите же каждый в свою комнату, – сказал Атос, – и предоставьте все мне. Вы видите, что так как я муж ее, то это дело касается до меня. Только дайте мне, д'Артаньян, если вы не потеряли, ту бумажку, которая выпала из шляпы незнакомца и на которой написано название деревни.

– А! – сказал д'Артаньян, – я понимаю; это название написано ее рукой...

XVI. Человек в красном плаще

Отчаяние Атоса уступило место глубокой печали, которая еще более выказала блестящие способности этого человека. Предавшись вполне одной мысли о данном им обещании и принятой на себя ответственности, он после всех ушел в свою комнату, попросил хозяина гостиницы дать ему карту провинции, внимательно рассмотрев ее, узнал, что четыре разные дороги вели из Бетюна в Армантьер, и велел позвать слуг.

Планше, Гримо, Мускетон и Базен явились и получили от Атоса ясные, точные и важные приказания.

Они должны были на другой день с рассветом ехать в Армантьер по разным дорогам.

Планше, как самый сметливый из них, должен был отправиться по той дороге, куда поехала карета, в которую стреляли четыре друга, и которую сопровождал слуга Рошфора.

Атос назначил для этого дела слуг, потому что с тех пор как они были на службе у него и друзей его, он узнал способности каждого из них. Притом же слуги, обращаясь к прохожим с расспросами, меньше возбуждают недоверчивости, чем господа, и внушают больше участия.

Наконец, миледи знала господ, но не знала слуг их; между тем как слуги очень хорошо знали ее.

Все четверо должны были сойтись на другой день в одиннадцать часов; если они откроют убежище миледи, трое останутся стеречь ее, четвертый возвратится в Бетюн, чтобы уведомить Атоса и служить проводником.

Выслушав эти распоряжения, слуги вышли.

Тогда Атос встал со стула, надел шпагу, завернулся в плащ и вышел из гостиницы; было около десяти часов. Известно, что в десять часов вечера в провинции улицы почти пусты. Однако Атос искал кого-нибудь, чтобы обратиться с вопросом. Наконец он встретил запоздалого прохожего, подошел к нему и сказал несколько слов; человек, к которому он обратился, отступил с ужасом; но ответил на слова мушкетера знаком.

Атос предложил ему полпистоли, чтобы он проводил его, но прохожий отказался.

Атос пошел на ту улицу, которую указал ему прохожий; но дойдя до угла, он опять остановился в недоумении. На перекрестке он скорее мог надеяться встретить кого-нибудь, чем в другом месте, и потому он стал ждать. Действительно, вскоре он увидел ночного сторожа.

Атос повторил ему тот же вопрос, который был сделан первому встретившемуся; сторож выразил такой же ужас и отказался провожать Атоса, показав рукой, по какой дороге ему следовало идти.

Атос пошел по указанному направлению и дошел до предместья, расположенного на конце города, противоположного тому, через который он въехал с товарищами. Там он, казалось, снова был в затруднении и остановился в третий раз.

К счастью, нищий подошел к Атосу просить милостыни. Атос предложил ему эку, чтобы он довел его до того места, куда ему было нужно.

Нищий с минуту был в нерешимости; но при виде серебряной монеты, блестящей впотьмах, он решился и пошел перед Атосом.

Дойдя до угла улицы, он указал ему вдали маленький одинокий и печальный домик. Атос пошел туда, между тем как нищий, получив деньги, убежал.

Атос обошел кругом дома и долго не мог найти двери, которая была выкрашена такою же красною краской, как и стены; сквозь ставни не видно было огня внутри, неслышно было ни малейшего шума, дом был мрачен и безмолвен как могила.

Атос стучался три раза, ответа не было, впрочем, после третьего удара внутри послышались шаги; наконец дверь отворилась, и явился человек высокого роста, бледный, с черными волосами и бородой.

Атос тихо сказал ему несколько слов, после чего незнакомец сделал знак мушкетеру, что он может войти. Атос немедленно воспользовался этим позволением, и дверь за ним затворилась.

Человек, которого Атос отыскал с таким трудом, ввел его в свою лабораторию, где он посредством железной проволоки скреплял кости скелета. Остов был уже собран, только череп лежал на столе.

Все убранство комнаты доказывало, что хозяин ее занимался естественными науками; тут были банки со змеями разных пород, высушенные ящерицы блестели как изумруды, вставленные в большие рамки черного дерева; наконец, связки диких душистых трав, одаренных, вероятно, свойствами, неизвестными людям, не посвященным в эти тайны, были привязаны к потолку и в углах комнаты.

У незнакомца не было ни семейства, ни прислуги: он один жил в этом доме.

Атос бросил спокойный взгляд на все описанные нами предметы и по приглашению хозяйина сел.

Тогда он объяснил ему причину своего посещения и услугу, которой от него требовал; но едва он объяснил свою просьбу, как незнакомец, стоявший перед мушкетером, отступил в ужасе и отказался. Тогда, Атос вынул из кармана бумажку, на которой были написаны две строки с подписью, и приложена была печать, и подал незнакомцу.

Прочитав эти две строки, незнакомец осмотрел подпись и печать и наклонил голову в знак повиновения.

Атосу только этого и нужно было; он встал, поклонился, вышел и, возвратившись в гостиницу, заперся в своей комнате.

На рассвете д'Артаньян вошел в его комнату и спросил, что делать?

– Ждать, – отвечал Атос.

Через несколько минут настоятельница монастыря уведомила мушкетеров, что похороны будут в двенадцать часов. Об отравительнице ничего не узнали; известно было только, что она убежала через сад, потому что на песке видны были следы ног ее, и дверь сада была заперта, но ключ пропал.

В назначенный час лорд Винтер и четыре друга пришли в монастырь, колокола звонили, часовня была отперта, но решетки клироса не отворялись. Посреди клироса стояло тело жертвы в одежде послушницы. Кармелитки стояли по обеим сторонам клироса, так что они не были видны прихожанам, которые могли только слышать пение их.

У дверей часовни д'Артаньян снова почувствовал, что у него не доставало твердости; он обернулся и искал Атоса; но Атоса не было.

Верный своему обету мщения, Атос велел проводить себя в сад и там, идя по следам, оставленным на песке ногами миледи, он дошел до калитки, ведущей в лес, велел отворить ее и вошел в лес.

Тогда подтвердились все его догадки: дорога, по которой уехала карета, огибала лес. Атос несколько времени шел по дороге, устремив глаза в землю; местами были видны небольшие кровавые пятна, оставленные раненым человеком, сопровождавшим карету, или лошадь. Пройдя три четверти льё, в пятидесяти шагах от Фестюбера Атос заметил большое кровавое пятно; земля в этом месте была взрыта лошадьми. Между лесом и этим местом были видны те же маленькие следы, как и в саду; значит, карета здесь остановилась.

В этом месте миледи вышла из лесу и села в карету.

Довольный этим открытием, которое подтверждало его догадки, Атос возвратился в гостиницу и нашел там Планше, ожидавшего его с нетерпением.

Как предвидел Атос, так все и случилось.

Планше шел по большой дороге, заметил так же, как и Атос, следы крови и место, где остановились лошади; но он прошел дальше Атоса и в деревне Фестюбер, где он зашел в гости-

ницу выпить стакан вина, он без труда узнал, что накануне, в половине девятого вечером один раненый человек, сопровождавший даму, которая ехала в почтовой карете, принужден был остановиться, не будучи в состоянии ехать дальше. Рану его приписывали разбойникам, остановившим карету в лесу. Человек этот остался в деревне, а дама переменила лошадей и поехала дальше.

Планше отыскал почтальона, который ехал с каретой. Он довез даму до Фромеля, а из Фромеля она поехала в Армантьер.

Планше отправился туда проселочною дорогой и утром в семь часов был в Армантьере. Там была только одна гостиница на почтовой станции. Планше явился под видом слуги, который ищет места. Поговорив десять минут с трактирною прислугой, он узнал, что какая-то женщина приехала одна в одиннадцать часов вечера, наняла комнату, позвала хозяина и сказала ему, что желала бы прожить несколько времени в окрестностях.

Довольный этими сведениями, Планше побежал к назначенному месту, нашел там трех лакеев, оставил их стеречь выходы из гостиницы и возвратился к Атосу. Только что Планше кончил рассказ свой, как друзья Атоса пришли к нему. Лица их были мрачны, не исключая и кроткого лица Арамиса.

– Что делать? – спросил д'Артаньян.

– Ждать, – отвечал Атос.

Все разошлись по своим комнатам.

В семь часов вечера Атос приказал оседлать лошадей и предупредить лорда Винтера и друзей своих, чтобы они приготовились к отъезду.

Немедленно все пятеро были готовы. Они осмотрели свои пистолеты и зарядили их. Атос вышел последним; д'Артаньян был уже на лошади и начинал терять терпение.

– Подождите, – сказал Атос, – не достаёт ещё одного.

Все четверо посмотрели вокруг с удивлением, они напрасно старались угадать, кого не доставало.

В эту минуту Планше подвел лошадь Атосу; он легко вскочил в седло.

– Подождите меня, – сказал он; – я сейчас возвращусь.

И он поскакал в галоп.

Через четверть часа он действительно возвратился, в сопровождении человека в маске и большом красном плаще.

Лорд Винтер и три мушкетера взглянули друг на друга вопросительно. Ни один из них не знал, кто был этот человек. Но они думали, что так должно быть, потому что это было сделано по приказанию Атоса.

В девять часов, взяв в проводники Планше, маленькая кавалькада пустилась в путь по той дороге, где ехала карета.

Печальное зрелище представляли эти шесть человек, ехавших молча, погруженных в задумчивость, мрачных как отчаяние, грозных, как кара небесная.

XVII. Суд

Ночь была бурная и мрачная; черные тучи покрывали небо, заслоняя звезды; луна должна была взойти не раньше полуночи.

По временам молния, сверкавшая на горизонте, освещала пустынную дорогу; потом опять все погружалось в мрак.

Атос беспрестанно подзывал д'Артаньяна, постоянно опережавшего всех и заставлял его ехать рядом с другими; но через несколько минут он снова опережал их; у него была одна мысль, – ехать дальше и как можно скорее.

Молча проехали они через деревню Фестюбер, в которой остался раненый слуга, и Ришебургский лес; в Эрлие Планше, служивший проводником, повернул налево.

Несколько раз то лорд Винтер, то Портос, то Арамис заговаривали с человеком в красном плаще; но на вопросы их он только кивал головой, не говоря ни слова. Поэтому путешественники догадались, что незнакомец молчал не без причины и перестали заговаривать с ним.

Между тем гроза усиливалась; молния беспрестанно сверкала, гремел гром и поднимался ветер – предвестник урагана.

Кавалькада ускорила шаг.

За Фромелем буря разразилась; всадники завернулись в плащи; оставалось еще три льё, которые они проехали под проливным дождем.

Д'Артаньян снял шляпу и не надел плаща; он находил удовольствие в том, что вода струилась по его горячему лбу и по телу его, находившемуся в лихорадочном состоянии.

Когда они проехали через Госкаль и приближались к почтовой станции, какой-то человек, стоявший так близко к дереву, что в темноте его нельзя было заметить, вышел на середину дороги, приложив палец к губам.

Атос узнал Гримо.

– Что случилось? – спросил д'Артаньян, – не уехала ли она из Армантьера?

Гримо сделал утвердительный знак головой. Д'Артаньян заскрежетал зубами.

– Молчи, д'Артаньян! – сказал Атос; – я принял все на себя, предоставь же мне расспросить Гримо.

– Где она? – спросил Атос.

Гримо протянул руку по направлению к реке Ли.

– Далеко отсюда? – спросил Атос.

Гримо показал ему полпальца.

– Одна? – спросил Атос.

Гримо сделал утвердительный знак.

– Господа, – сказал Атос, – она одна за пол-улья отсюда, по направлению к реке.

– Хорошо, – сказал д'Артаньян; – веди нас, Гримо.

Гримо повел их по полям.

Проехав около пятисот шагов, они увидели при блеске молнии деревню д'Енгенгем.

– Здесь; Гримо? – спросил Атос.

Гримо сделал отрицательный знак.

– Молчите же! – сказал Атос.

Они поехали дальше.

Молния сверкнула еще раз; Гримо протянул руку и при голубоватом свете молнии они заметили маленький уединенный домик на берегу реки, в ста шагах от парома.

В одном окне виден был свет.

– Вот мы и приехали, – сказал Атос.

Когда они остановились, человек, лежавший во рву, встал; это был Мускетон; он указал пальцем на освещенное окно.

– Она там, – сказал он.

– А Базен? – спросил Атос.

– Я стерегу окно, а он дверь.

– Хорошо, – сказал Атос, – вы все верные слуги.

Атос спрыгнул с лошади, передал поводья Гримо и подошел к окну, сделав прочим знак, чтоб они подъехали к двери.

Домик был обнесен плетнем в два или три фута вышиной; Атос перелез через него и подошел к окну, у которого не было ставень, но занавески были спущены. Он встал на камень, чтобы посмотреть в окно выше занавесок, не доходящих доверху. При свете лампы он увидел женщину, которая завернувшись в черную мантилью, сидела на скамье перед потухавшим камином: она опиралась локтями на простой стол, положив голову на руки, белые, как слоно-вая кость.

Нельзя было рассмотреть лица ее; но мрачная улыбка показалась на лице Атоса: он не ошибся: это была та самая женщина, которую он искал.

В эту минуту заржала лошадь; миледи подняла голову, увидела у окна бледное лицо Атоса и вскрикнула от ужаса.

Атос догадался, что она узнала его, толкнул раму коленом и рукой, рама подалась и стекла зазвенели.

Атос вскочил в комнату и явился перед миледи как гений мщения.

Миледи побежала к двери и отворила ее, д'Артаньян стоял на пороге.

Миледи с криком испуга отступила назад.

Д'Артаньян, думая, что она может еще убежать, и, опасаясь, чтоб она не ускользнула, вынул из-за пояса пистолет; но Атос поднял руку и сказал:

– Д'Артаньян, вложите пистолет за пояс; эту женщину надо судить, а не убивать. Подожди одну минуту, д'Артаньян, и ты будешь удовлетворен. Войдите, господа.

Д'Артаньян повиновался, потому что голос и жест Атоса были повелительные. Вслед за д'Артаньяном вошли Портос, Арамис, лорд Винтер и человек в красном плаще.

Слуги стерегли дверь и окно.

Миледи упала в кресло, протянув вперед руки, будто для того, чтоб умоливать это ужасное явление.

Увидев лорда Винтера, она с ужасом вскрикнула:

– Что вам надо?

– Нам нужно Шарлотту Бексон, – сказал Атос; – ее звали графиней де-ла-Фер, потом леди де Винтер, баронессою Шиффильд.

– Это я! – проговорила она с ужасом; – чего вы от меня хотите?

– Мы хотим судить вас за ваши преступления, – сказал Атос; – вы можете защищаться; оправдывайтесь, если это возможно; д'Артаньян, вы первый обвинитель.

Д'Артаньян вышел вперед.

– Перед Богом и людьми, – сказал он, – я обвиняю эту женщину в том, что она вчера вечером отравила Констанцию Бонасьё.

Он обратился к Портосу и Арамису.

– Мы подтверждаем, – сказали оба мушкетера вместе.

Д'Артаньян продолжал:

– Перед Богом и людьми обвиняю эту женщину в том, что она хотела отравить меня самого вином, которое прислала из Вильроа с подложным письмом от имени моих друзей; Бог спас меня; но вместо меня умер другой, его звали Бриземон.

– Мы подтверждаем, – сказали в один голос Портос и Арамис.

– Перед Богом и людьми обвиняю эту женщину в том, что она убеждала меня убить графа де Варда и как никто из присутствующих не может подтвердить этого обвинения, то я свидетельствую о нем сам. Я все сказал.

Д'Артаньян отошел на другой конец комнаты с Портосом и Арамисом.

– Теперь ваша очередь, милорд, – сказал Атос.

Барон подошел.

– Перед Богом и людьми, – сказал он, – я обвиняю эту женщину в том, что она участвовала в убийстве герцога Бокингема.

– Разве герцог Бокингом убит? – вскричали все присутствовавшие.

– Да, сказал барон, – убит! Получив ваше письмо, я велел схватить эту женщину и поручил стеречь ее преданному мне человеку; она оболестила его, дала ему кинжал в руки; заставила его убить герцога и, может быть, в эту минуту Фельтон ценою головы своей выкупает преступление этой фурии.

При открытии этих, еще им неизвестных, преступлений, судьи затрепетали.

– Это еще не все, – сказал лорд Винтер, – брат мой, сделавший вас своею наследницей, умер от странной болезни, продолжавшейся только три часа и оставившей на всем теле синеватые пятна. Сестра, от чего умер муж ваш?

– О, ужас! – вскричали Портос и Арамис.

– Убийца Бокингема, убийца Фельтона, убийца брата моего! я требую правосудия и объявляю, что если не буду удовлетворен, то удовлетворю себя собственноручно.

Лорд Винтер отошел к д'Артаньяну, предоставляя место другому обвинителю.

Миледи опустила голову на руки и старалась собраться с мыслями, взволнованными смертельным беспокойством.

– Теперь моя очередь, – сказал Атос, дрожа всем телом. – Я женился на этой женщине, когда она была молодой девушкой; я женился на ней против воли моих родных; я дал ей богатство, дал свое имя; и однажды заметил, что эта женщина была заклеяна: на левом плече у нее клеймо, изображающее лилию.

– Я не признаю суда, который произнес надо мной этот бесчестный приговор; вы не найдете человека, который согласился бы исполнить его, – сказала миледи.

– Молчите, на это буду отвечать я. И человек в красном плаще подошел к миледи.

– Кто этот человек? – спросила миледи вне себя от ужаса.

Глаза всех обратились на этого человека, потому что никто из них, кроме Атоса, не знал, кто он.

Даже Атос смотрел на него с тем же недоумением, как и прочие, потому что не знал, как он мог быть замешан в страшной драме, разыгравшейся в эту минуту.

Подойдя к миледи медленными и величественными шагами на такое расстояние, что только один стол разделял их, неизвестный снял маску.

Миледи смотрела несколько времени с ужасом на бледное лицо его, обрамленное черными волосами и бакенбардами и выражавшее ледяное бесстрашие, потом вдруг встала и, отступая до самой стены, закричала:

– Нет, нет! это адское видение! это не он! Спасите! спасите! – кричала она диким голосом, оборотившись к стене, как будто ища руками выхода.

– Кто же вы? – спросили все свидетели этой сцены.

– Спросите у этой женщины, – сказал человек в красном плаще: – вы видите, что она меня узнала.

– Лилльский палач! лилльский палач! – кричала миледи в безумном страхе, цепляясь за стену, чтобы не упасть.

Все отступили, и человек в красном плаще остался один на середине комнаты.

– Пощадите! простите! – кричала несчастная, падая на колени.

Когда водворилось молчание, незнакомец сказал:

– Я вам говорил, что она меня узнала! Да, я палач города Лилля и вот моя история.

Все пристально смотрели на этого человека и ждали с жадным любопытством, что он скажет.

– Эта женщина была когда-то молодой девушкой, такую же прекрасной как теперь. Она была монахиней в монастыре тамплемарских бенедиктинок. Молодой священник, с простою и доверчивою душою, служил при церкви этого монастыря; она задумала соблазнить его и успела в этом. Оба они были связаны святою, ненарушимою клятвой: любовь их не могла долго продолжаться, не подвергая их опасности. Она уговорила его бежать куда-нибудь в другую часть Франции, где бы они могли жить спокойно, потому что никто не знал бы их, но чтобы бежать, нужны были деньги, а их не было ни у кого из них. Священник похитил чужие вещи и продал их; но когда они уже готовы были уехать, их задержали.

Неделю спустя она соблазнила сына тюремщика и убежала. Молодой священник был приговорен к десятилетнему заключению и к клейму. Я был палачом города Лилля, как сказала эта женщина. Я должен был клеймить виновного, а виновный был мой брат. Тогда я поклялся, что эта женщина, которая погубила больше, нежели участницей в его преступлении, потому что она обольстила его; я поклялся, что она будет наказана так же как он. Я знал, где она скрывалась, отыскал ее, связал ей руки и наложил на нее такое же клеймо, какое было у брата.

На другой день по возвращении моем в Лилль брат мой также убежал из тюрьмы; меня обвинили в участии в побеге его и присудили оставаться вместо его в тюрьме до тех пор, пока он не возвратится. Брат мой не знал об этом; он убежал вместе с этою женщиной в Берри, там ему удалось получить небольшой приход. Она выдавала себя за его сестру.

Владелец поместья, в котором брат служил священником, увидел мнимую сестру его и влюбился в нее до такой степени, что предложил ей выйти за него замуж. Тогда она оставила того, кого погубила, для того, кого должна была погубить и сделалась графиней де ла-Фер.

Все взглянули при этом на Атоса, зная, что это было настоящее имя его, он сделал утвердительный знак головой.

– Тогда, – продолжал палач, – бедный брат мой в отчаянии решился избавиться от жизни, которая сделалась ему в тягость, после того как эта женщина отняла у него и честь и счастье, и возвратился в Лилль; узнав о приговоре, осудившем меня на заключение, он возвратился в тюрьму и в тот же вечер повесился.

Впрочем, надо отдать справедливость осудившим меня; они сдержали слово; как только уверились, что мертвый был действительно мой брат, мне возвратили свободу.

Вот преступление, в котором я обвиняю ее; вот причина, почему она заклеямена.

– Г. д'Артаньян, – сказал Атос, – какого наказания требуете вы для этой женщины?

– Смертной казни, – отвечал д'Артаньян.

– Господа Портос и Арамис, – продолжал Атос; – вы ее судьи, к какому наказанию приговариваете вы ее?

– К смертной казни, – отвечали оба мушкетера мрачным голосом.

Миледи страшно вскрикнула и пала на колени перед своими судьями.

Атос протянул к ней руку.

– Шарлотта Бексон, графиня де ла-Фер, миледи де Винтер, – сказал он, – довольно уже вам злодействовать; молитесь, если вы знаете какую-нибудь молитву, потому что вы осуждены и должны умереть.

При этих словах, лишивших ее всякой надежды, миледи встала и хотела что-то сказать, но силы изменили ей, она почувствовала, что сильная и неумолимая рука схватила ее за волосы и тащила к дверям, она не сопротивлялась более и вышла из домика.

Лорд Винтер, д'Артаньян, Атос, Портос и Арамис вышли вслед за ней. Слуги пошли за господами, и комната опустела; дверь осталась открытою и закоптевшая лампа печально догорала на столе.

XVIII. Казнь

Было около полуночи; луна, бывшая в ущербе и будто окровавленная последними следами бури, поднималась над городком д'Армантьер, обрисовывая бледным светом своим его мрачные домики и колокольню, возвышавшуюся над ними. Против него Ли катила свои воды, походившие цветом на расплавленный свинец; а на другом берегу ее виднелась черная масса деревьев, рисовавшая на бурном небе, покрытом облаками медного цвета, составлявшими род сумерек посреди ночи. Налево возвышалась старая покинутая мельница с неподвижными крыльями, в развалинах которой периодически и монотонно раздавались пронзительные крики совы. Кое-где направо и налево от дороги, по которой тянулся печальный кортеж, виднелись низкие приземистые деревья, казавшиеся безобразными великанами, присевшими на корточки, чтобы пугать людей в этот зловеющий час.

По временам широкая молния освещала горизонт, извиваясь змейкой над черною массой деревьев и рассекая пополам небо и виду как страшный палаш. Не было ни малейшего ветерка в удушливой атмосфере. Мертвое молчание тяготело над природою. Земля была мокрая и скользкая от дождя, который только что перестал, и освеженная зелень издавала сильный и приятный запах.

Двое слуг вели миледи, держа ее за руки; за ними шел палач, а лорд Винтер, Атос, Портос и Арамис шли за палачом.

Планше и Базен заключали шествие.

Слуги вели миледи к реке. Она молчала, но глаза ее говорили невыразимо красноречиво, умоляя поочередно всех, на кого она обращала их.

Так как она была на несколько шагов впереди, то сказала слугам:

– Я дам по тысяче пистолей каждому из вас, если вы поможете мне убежать; но если отдадите меня в руки своих господ, то у меня есть поблизости мстители, которые заставят вас дорого заплатить за мою смерть.

Гримо колебался. Мускетон дрожал всем телом.

Атос, услышав голос миледи, тотчас подошел к ней; лорд Винтер также.

– Смените этих слуг, – сказал он; – она говорила с ними и потому они уже ненадежны.

Позвали Планше и Базена, которые и заняли место Гримо и Мускетона.

Дойдя до берега реки, палач подошел к миледи и связал ей руки и ноги.

Тогда она закричала:

– Вы низкие, презренные убийцы; вас собралось десятеро, чтобы убить одну женщину, берегитесь. Если не придут мне на помощь, то отомстят за меня...

– Вы не женщина, – сказал хладнокровно Атос, – вы не принадлежите к человеческому роду; вы демон, убежавший из ада, и мы заставим вас возвратиться туда.

– Вы представляетесь добродетельными, – сказала миледи; – но не забудьте, кто тронет хоть один волос с моей головы, будет также убийца.

– Палач может убивать и не быть убийцей, сударыня, – сказал человек в красном плаще, ударяя по широкой шпаге своей; – это последний судья: *Nachrichter*, как говорят наши соседи немцы.

А так как он связывал ее, говоря эти слова, то она два или три раза закричала диким голосом, который произвел мрачное и странное впечатление, нарушив тишину ночи и теряясь в глубине леса.

– Если я виновата, если я совершила преступления, в которых вы меня обвиняете, – сказала с воем миледи, – то отведите меня в суд; вы не судьи, чтобы обвинять меня.

– Я предлагал вам Тибуρν, сказал лорд Винтер, – отчего же вы не хотели?

– Потому что я не хочу умирать! – вскричала миледи, стараясь вырваться, – я слишком молода для того, чтобы умереть!

– Женщина, которую вы отравили в Бетюне, была еще моложе вас, сударыня, а между тем она умерла, – сказал д'Артаньян.

– Я пойду в монастырь, постригусь в монахини, – сказала миледи.

– Вы были в монастыре, – сказал палач; – но оставили его, чтобы погубить моего брата.

Миледи с ужасом закричала и упала на колени.

Палач поднял ее за руки и хотел отнести к лодке.

– О, Боже мой! – вскричала она, – неужели вы хотите утопить меня?

В этих словах было так много раздирающего душу, что д'Артаньян, бывший до сих пор самым ожесточенным преследователем миледи, сел на пень, опустил голову и заткнул уши обеими руками, но, несмотря на то, он слышал, как она грозила им и кричала.

Д'Артаньян был всех моложе, и потому у него не достало твердости.

– О, я не могу видеть этого ужасного зрелища! – сказал он; – я не могу согласиться, чтобы эта женщина умерла такою ужасною смертью!

Миледи слышала эти слова, и для нее блекнул луч надежды.

– Д'Артаньян, д'Артаньян! – кричала она, – вспомни, что я любила тебя!

– Д'Артаньян встал и хотел подойти к ней. Атос обнажил шпагу и загородил ему дорогу.

– Если вы сделаете еще шаг, д'Артаньян, – сказал он, – то мы будем драться.

Д'Артаньян упал на колени и молился.

– Ну, палач, – сказал Атос, – делай свое дело.

– Очень охотно, милостивый государь, потому что исполняя мою обязанность над этой женщиной, я также твердо убежден, что поступаю справедливо, как в том, что я верный католик.

– Хорошо.

Атос подошел к миледи.

– Я прощаю вам все зло, которое вы мне сделали.

– Вас обвиняют в том, что вы имели переписку с врагами государства; что вы подслушали государственные тайны и старались расстроить планы вашего генерала.

– А кто обвиняет меня в этом? – сказал д'Артаньян, – не сомневавшийся, что это была миледи; – женщина, заклеянная правосудием; женщина, вышедшая замуж во Франции и потом – за другого в Англии; женщина, отравившая своего второго мужа и хотевшая отравить меня самого?

– Что вы говорите? – вскричал удивленный кардинал, – о какой женщине вы говорите?

– О миледи Винтер, – отвечал д'Артаньян; – да, о миледи Винтер, которой преступления, без сомнения, неизвестны были вашей эминенции, потому что вы удостоивали ее своею доверенностью.

– Если миледи Винтер виновата в тех преступлениях, о которых вы говорите, она будет наказана.

– Она уже наказана, ваша эминенция.

– Кто же наказал ее?

– Мы.

– Она в тюрьме.

– Она умерла.

– Умерла? – повторил кардинал, не веря ушам своим; – вы сказали, что она умерла?

– Три раза она пыталась убить меня, и я прощал ей; но она убила женщину, которую я любил. После этого мы с друзьями схватили ее, судили и приговорили к смерти.

Д'Артаньян рассказал об отравлении г-жи Бонасье в монастыре Кармелиток, о суде в уединенном домике и о казни на берегу Ли.

Кардинал задрожал всем телом, несмотря на то, что он нелегко поддавался впечатлениям. Но вдруг, как будто под влиянием внезапной мысли, лицо его прояснилось.

– Следовательно, – сказал он голосом, кротость которого противоречила суровости слов его, – вы сделались судьями, не подумав, что те, которые наказывают, не имея права наказывать, суть убийцы.

– Клянусь вам, что я вовсе защищать своей головы. Я готов перенести наказание, какое вашей эминенции угодно будет назначить. Я вовсе не так дорожу жизнью, чтобы бояться смерти.

– Да, я знаю, вы человек с душой, – сказал кардинал, почти ласково; – и потому могу сказать вам заранее, что вас будут судить и приговорят к смерти.

– Другой на моем месте сказал бы вашей эминенции, что мое прощение у меня в кармане; но я скажу только: приказывайте! Я готов.

– Ваше прощение? – спросил с удивлением Ришелье.

– Да, – отвечал д'Артаньян.

– А кем оно подписано? Королем?

– Нет, вами.

– Мной? вы с ума сошли.

– Вероятно, вы узнаете свою подпись. Д'Артаньян подал кардиналу драгоценную бумагу, отнятую Атосом у миледи и данную ему для его безопасности.

Кардинал взял бумагу и прочел медленно, делая ударение на каждом слове:

«Все, что сделает предъявитель этой бумаги, сделано по моему приказанию.

В лагере пред ла-Рошелью, 5 августа 1628

Ришелье».

Прочтя эти слова, кардинал впал в глубокую задумчивость; но он не возвратил бумаги д'Артаньяну.

– Он изобретает для меня казнь, – подумал д'Артаньян; – что же, он увидит, как умирает дворянин.

Молодой мушкетер готов был в эту минуту умереть геройски.

Ришелье продолжал думать, и сжал в руках бумагу. Наконец он поднял голову и устремил орлиный взгляд свой на умное, открытое лицо гасконца; он прочел на этом, изнуренном от слез лице все страдания, перенесенные им в продолжение последнего месяца, и подумал уже в третий или в четвертый раз, какая будущность предстояла этому молодому человеку двадцати одного года, при его деятельности, храбрости и уме.

С другой стороны преступления, влияние, адский гений миледи не раз уже пугали его.

Он чувствовал какую-то тайную радость, что избавился навсегда от этой опасной сообщницы.

Он медленно разорвал бумагу, поданную ему д'Артаньяном.

– Я погиб, – подумал д'Артаньян.

Кардинал подошел к столу, не садясь, написал несколько строк на пергаменте, которого две трети были уже исписаны и приложил свою печать.

– Это мой приговор, – подумал д'Артаньян; – он хочет избавить меня от скуки заключения в Бастилии и от медленного суда. Это очень любезно с его стороны.

– Возьмите, – сказал кардинал: – я взял у вас открытый лист и за то даю вам другой. На этом патенте не написано имя, вы сами его напишете.

Д'Артаньян нерешительно взял бумагу взглянул на нее.

Это был патент на чин поручика в мушкетерском полку.

Д'Артаньян упал к ногам кардинала.

– Ваша эминенция, – сказал он, – жизнь моя принадлежит вам; располагайте мной с этих пор; но я не заслуживаю милости, которую вы мне оказываете; у меня есть три друга достойнее меня.

– Вы славный малый, д'Артаньян, – прервал кардинал, дружески ударив его по плечу, радуясь, что победил этот упорный характер. – Делайте с этим патентом, что хотите. Но хотя в нем имени не вписано, помните, что я даю его вам.

– Я никогда не забуду этого, – отвечал д'Артаньян.

Кардинал обернулся и закричал:

– Рошфор!

Граф, стоявший за дверьми, тотчас вошел.

– Рошфор, – сказал кардинал, – это г. д'Артаньян: я принимаю его в число друзей моих, обнимитесь же и не дурачьтесь, если хотите сберечь свои головы.

Рошфор и д'Артаньян, хотя очень неохотно, но обнялись, потому что кардинал наблюдал за ними.

Они вместе вышли из комнаты.

– Мы еще увидимся; не правда ли?

– Когда вам угодно будет, – отвечал д'Артаньян.

– Случай скоро будет, – отвечал Рошфор.

– Что? – сказал Ришелье, отворяя дверь.

Два врага улыбнулись, пожали друг другу руки и поклонились кардиналу.

– Мы начинали уже терять терпение, – сказал Атос.

– Вот и я, друзья мои! – отвечал д'Артаньян; – я не только свободен, но еще и в милости.

– Вы расскажете нам все?

– Сегодня вечером.

Действительно, вечером д'Артаньян пришел к Атосу и застал его за бутылкой испанского вина, осушаемую им каждый вечер.

Он рассказал ему весь разговор свой с кардиналом и, вынимая из кармана патент, прибавил:

– Возьмите, любезный Атос, это следует вам.

Атос улыбнулся.

– Друг мой, – сказал он, – для Атоса это слишком много, а для графа де-ла-Фер слишком мало. Оставьте патент у себя; это для вас, он вам недешево достался.

От Атоса д'Артаньян пошел к Портосу.

Он застал его великолепно одетым, в блестящем камзоле, перед зеркалом.

– А, это вы, любезный друг! – сказал Портос; – как вы находите? идет ли ко мне это платье?

– Как нельзя лучше, – отвечал д'Артаньян; – но я хочу предложить вам другое, которое еще будет вам к лицу.

– Какое?

– Мундир поручика мушкетеров.

Д'Артаньян рассказал Портосу о свидании своем с кардиналом и, подавая ему патент, прибавил:

– Друг мой, напишите на этом патенте свое имя и будьте для меня добрым начальником.

Портос посмотрел на патент и к великому удивлению д'Артаньяна, возразил ему.

– Да, сказал он; – это было бы очень лестно для меня, но я недолго пользовался бы этою милостью. Во время нашей поездки в Бетюн муж моей герцогини умер: так что, друг мой, сундук покойного простирает теперь ко мне свои объятия, и я женюсь на вдове. Я только что примерял свадебный костюм; оставь же для себя чин поручика, любезный друг.

Д'Артаньян отправился к Арамису. При входе его Арамис стоял на коленях и молился Богу, преклонив голову на молитвенник.

Он рассказал ему о своем свидании с кардиналом и подал ему патент, говоря:

– Друг мой; – ты наш невидимый покровитель, возьмите этот патент; вы служили его больше всех своею мудростью и советами, которые всегда приводили нас к таким счастливым результатам.

– Увы, любезный друг! – сказал Арамис, – последние похождения наши поселили во мне отвращение к жизни и к военному званию. Теперь я окончательно решился; по окончании осады я поступаю в монахи. Оставьте у себя патент, д'Артаньян; военная служба вам прилична, вы будете храбрым и предприимчивым капитаном.

Д'Артаньян, с радостью в сердце и со слезами признательности на глазах, возвратился к Атосу, которого опять застал у стола с последним стаканом малаги в руке.

– Они также отказались, – сказал он.

– Потому что никто столько не заслуживает этого, как вы, любезный друг.

Он взял перо, написал на патенте имя д'Артаньяна и возвратил ему.

– Итак, у меня не будет больше друзей, – сказал д'Артаньян, – и мне не останется ничего, кроме грустных воспоминаний о них.

Он опустил голову на руки и слезы текли по щекам его.

– Вы молоды, – отвечал Атос, – и новые удовольствия заставят вас забыть старую грусть.

Эпилог

Ла Рошель, лишенная надежды на помощь английского флота и на поддержку, обещанную Бокингемом, после годовой осады сдалась на капитуляцию, 28-го октября, 1628 года, 23-го декабря того же года был въезд короля в Париж. Его приняли с триумфом, как будто он возвращался после победы над неприятелем, а не над французами. Он въезжал под арками, украшенными цветами и украшенными в Сен-Жакском предместье.

Д'Артаньян был в новом чине. Портос оставил службу и в следующем году женился на г-же Кокнар; в давно желанном им сундуке оказалось 800,000 ливров.

Мускетону сделали великолепную ливрею, и он достиг, наконец, удовольствия, которого добивался во всю жизнь, ездить на запятках богатой кареты.

Арамис, после путешествия в Лоррен, вдруг исчез и перестал писать к своим друзьям. После узнали от г-жи де-Шеврез, которая говорила об этом двум или трем из своих любовников, что он поступил в монастырь в Нанси.

Базен также пошел в монастырь.

Атос служил мушкетером, под начальством д'Артаньяна; в 1631 году, после одной поездки в Турень, он оставил службу под тем предлогом, что получит небольшое наследство в Руссильоне.

Гримо последовал за Атосом.

Д'Артаньян три раза дрался с Рошфором и три раза ранил его.

– Вероятно, в четвертый раз я вас убью! – сказал он, подавая руку, чтобы помочь ему встать.

– И потому лучше будет и для вас и для меня, если мы на этом покончим, – сказал раненый: – я больше расположен к вам, чем вы думаете, потому что после первой встречи нашей я мог бы погубить вас; мне стоило только сказать слово кардиналу.

Они обнялись, но теперь уже от души и без всякой тайной мысли.

Планше получил через Рошфора чин сержанта гвардии.

Бонасьё жил спокойно, совершенно не зная, куда девалась его жена, и вовсе не беспокоясь об этом. Однажды он имел глупость напомнить о себе кардиналу. Кардинал велел отвечать ему, что он позаботится, чтобы он ни в чем не имел нужды.

Действительно, на другой день Бонасьё, выйдя из дому в 7 часов вечера и отправившись в Лувр, не появлялся больше на улице Могильщиков, – люди, хорошо знавшие это дело, говорили, что он получил стол и квартиру в одном из королевских замков на счет великодушного кардинала.